

- [Теккерей Уильям Мейкпис](#)

- [Глава XLIX](#)
 - [Глава LI](#)
 - [Глава LV](#)
 - [Глава LVI](#)
 - [Глава LXII](#)
 - [Глава LXIII](#)
 - [Глава LXV](#)
 - [Глава LXIX](#)
 - [Глава LXXI](#)
 - [Глава LXXIII](#)
 - [Глава LXXIV](#)
 - [Глава LXXV](#)
 - [Глава LXXVIII](#)
 - [Глава LXXX](#)
 - [Глава LXXXI](#)
 - [Глава LXXXII](#)
 - [Глава LXXXIII](#)
 - [Глава LXXXV](#)
 - [Глава LXXXVI](#)
 - [Глава LXXXVIII](#)
 - [Глава LXXXIX](#)
 - [Глава XCI](#)
 - [Комментарии](#)
-

Теккерей Уильям Мейкпис
Виргинцы (книга 2)

Глава XLIX

Друзья приходят на помощь в беде

Вперед, наемные рысаки, стремите свой бег по Стрэнду и Флит-стрит Джордж Уорингтон спешит на помощь томящемуся в заключении брату! Всякий, кто помнит лондонскую улицу и лондонского извозчика тех времен, увековеченного Хогартом, легко может представить себе, сколь томительно тянулось время и сколь долгим казался путь. Вокруг ни огонька, разве что пробежит мальчишка-проводной с фонариком, и в этой тьме — извозничьи кебы с провисшими рессорами, разбитые тротуары, огромные выбоины на мостовой и топкая, вязкая зимняя грязь в неизмеримом количестве! Продвижение от Пикадилли до Флит-стрит показалось нашему молодому герою почти столь же долгим, как путешествие из Мальборо в Лондон, совершенное утром.

Джордж отправил письмо Гарри, оповещая о своем прибытии в Бристоль. Он писал ему и раньше, и великая весть о том, что брат жив и возвращается из плена, уже должна была бы долететь до Гарри, но Англия вела войну с Францией, французские каперы охотились за английскими торговыми судами и нередко задерживали их чуть ли не у входа в порт. Письмо, оповещавшее о возвращении Джорджа, легко могло оказаться на борту одного из американских кораблей, захваченных французами. Письмо же, в котором Джордж давал знать о своем прибытии в Англию, не было вскрыто беднягой Гарри. Оно осталось лежать нераспечатанным в его квартире, куда было доставлено на третьи сутки после того, как Гарри взяли под стражу, и разгневанный мистер Рафф положил не выдавать никому ни единой вещицы, принадлежавшей его постояльцу.

Прибыв в Лондон, Джордж отправился прямо к брату на квартиру и осведомился о нем. Служанка, отворившая ему дверь, испуганно взвизгнула, пораженная его сходством с Гарри, и опрометью бросилась к хозяйке. Хозяйка, не желая открывать истины, а быть может, и признаваться в том, что бедняга Гарри попал в заключение по жалобе ее мужа, заявила: мистер Уорингтон съехал с квартиры, а где он теперь обретается, ей неизвестно. Джордж знал, что Кларджес-стрит расположена неподалеку от Бонд-стрит. Ведь не раз и не два разглядывал он карту Лондона. Тетушка Бернштейн, наверное, сможет сообщить ему о местопребывании Гарри. Вполне возможно, что в эту самую минуту он даже находится у нее. Гарри писал домой о том, как была добра к нему госпожа Бернштейн. Даже

госпожа Эсмонд смягчилась, услышав об этом. (Особенно же растрогана была она письмом баронессы — тем самым письмом, которое, в сущности, и вызвало столь поспешный отъезд Джорджа в Европу.) Она от всей души надеялась и верила, что Беатриса имела возможность раскаяться в прежнем своем грешном поведении. В ее возрасте это было бы самое время. Видит бог, ей-то нужно замолить немало грехов! Мне не раз приходилось наблюдать, как безупречно нравственные дамы из секты фарисеев, суровойшей из всех сект, и по сей день продолжают бичевать и забрасывать камнями одну безобидную старушку восьмидесяти лет за маленькую оплошность, совершенную еще в прошлом веке, когда ей не сравнялось и двадцати. Рэйчел Эсмонд никогда не упоминала имени своей старшей дочери. Госпожа Эсмонд-Уорингтон никогда не упоминала имени своей сестры. Никогда. Невзирая на завет отпущения грехов, невзирая на слова, начертанные на полу Иерусалимского храма, существует одно преступление, которому нет и не будет прощения в глазах некоторых из нас, и особую непреклонность при этом проявляют женщины, славящиеся своей добродетелью.

Надо полагать, что поверенный наших виргинцев в Бристоле преподнес Джорджу страшную историю различных приключений и злоключений его брата, а в прихожей своей тетушки Джордж сразу же столкнулся с Гамбо, и тот, как только ему удалось оправиться от потрясения при столь неожиданном появлении хозяина, которого он считал мертвым, успел шепнуть два-три словечка о местонахождении младшего хозяина и о тяжком его положении, чем и объяснялось несколько натянутое поведение мистера Джорджа, когда он предстал перед старой дамой. Ему казалось естественным и не подлежащим сомнению, что родственники должны были немедленно вызволить его брата из беды. О Джордж, сколь же плохо знаешь ты Лондон и лондонские обычаи! Разве мало встречалось тебе в твоих скитаниях по белу свету бедных и обездоленных: да ведь если какой-нибудь благодетель вздумал бы их спасти, ему бы не хватило природных богатств всех английских колоний в Америке.

Однако старая дама проявила такое волнение и сочувствие, что сердце племянника было тронут, и, пробираясь по темным улицам к месту заключения брата, Джордж размышлял над поведением тетушки. "Все же она явно соболезнует моему бедному Гарри в его беде, — думал он. — Я слишком поспешно осудил ее". Снова и снова мистеру Джорджу, как всегда, приходилось упрекать себя в постоянном своем грехе — излишней поспешности. Да и кто из нас не повинен в нем. Однако, увы, когда зло сотворено, никаким раскаянием его не исправишь. Поспешай же, извозчик!

Мы снова плетемся почти столь же медленно, как плелись от Кларджестрит до Темпла. Бедняге Гамбо слишком хорошо известен путь к дому бейлифа. Снова звенит дверной колокольчик. Наружная дверь распаивается перед Джорджем и его слугой, затем она предусмотрительно запирается за ними, и они остаются в узком коридоре в обществе мальчишки-привратника. Но вот отворяется вторая дверь, и они входят в дом. Мальчишка-привратник замирает на месте, разинув рот, когда при свете мерцающего светильника видит перед собой второго мистера Уорингтона. Вы пришли повидаться с этим джентльменом? Да. Однако обождите секунду. Это брат мистера Уорингтона, прибывший из Америки. Гамбо должен сначала подготовить своего хозяина к такой неожиданности. В таком случае пройдите сюда. Тут уже есть один господин, прибывший по делу мистера Уорингтона, сообщает привратник, а еще один находится там, у него наверху. Этим посетителям нет конца.

Небольшое помещение, в которое был проведен Джордж, именовалось конторой мистера Амоса; там какой-то солидный господин в плаще и шляпе с позументом разговаривал с бейлифом при свете оплывающей свечи. Мистер Джордж вошел, предшествуемый молодым привратником, несшим светильник, и теперь в комнате стало довольно светло.

— Мы больше не сердимся на тебя, Гарри! — добродушно произнес солидный джентльмен и, встав со стула, шагнул навстречу вошедшему, протягивая ему руку. — Возблагодарим небо, мой мальчик! Вот мистер Амос говорит, что мы с Джеймсом без всяких затруднений можем взять тебя на поруки, и, значит, утром, еще до завтрака, оборудуем это дельце... Что это? Да кто вы такой? С этим восклицанием он неожиданно попятился назад, когда вошедший схватил протянутую ему руку.

Но незнакомец только сжал ее еще крепче.

— Бог да благословит вас, сэр, — сказал он. — Я-то знаю, кто вы. Думается мне, что вы полковник Ламберт, о сердечной доброте которого писал мне мой бедный Гарри. А я — его брат, и вы тоже слышали обо мне, сэр. Меня сочли убитым, когда войска мистера Брэдока покидали поле брани, а я возвратился к жизни, проведя восемнадцать месяцев в плену у французов. И вот, как видите, я жив и могу возблагодарить за это бога, а вас, сэр, — за ваше доброе попечение о моем Гарри. — И при этих словах голос юноши дрогнул.

— Джеймс! Джеймс! Слышите? Вот это новость! — вскричал мистер Ламберт, адресуясь к джентльмену в красном мундире, который в эту минуту вошел в комнату. — Здесь воскресший из мертвых! Это брат нашего повесы Гарри, он жив и здоров, и с него даже не сняли скальпа! —

(Джордж, заметим, стоял на самой свету без шляпы). — А это мой сопоручитель за вашего брата, мистер Уорингтон! Полковник Джеймс Вулф, к вашим услугам. Должен вам заметить, мистер Джордж, что у нас с Гарри произошла небольшая размолвка. Ну, он теперь утихомирился, Джеймс?

— Он преисполнен благодарности, — сказал мистер Вулф, отвесив поклон мистеру Уорингтону.

— Гарри писал и о мистере Вулфе тоже. — сказал молодой человек. — И я надеюсь, что друзья моего брата окажут мне честь быть и моими друзьями,

— Я бы хотел, чтобы у него не было других друзей, кроме нас, мистер Уорингтон. Высокопоставленные родственники бедного Гарри так о нем пеклись, что в конце концов упекли его сюда.

— Я, ваши благородия, делал все, что мог, чтобы молодой человек чувствовал себя здесь, как дома. И поскольку я имею честь быть знакомым с вашим благородием еще с тех пор, когда вы приходили брать на поруки капитана Уоткинса, и знаю, что ваше поручительство вполне, так сказать, надежно, я, если ваше благородие пожелает, могу освободить молодого человека сегодня же, а поутру уладить все это со стряпчим, — сказал хозяин долгового дома, хорошо осведомленный о том, какое положение занимают два почтенных джентльмена, пришедших взять его молодого узника на поруки.

— Он задолжал пятьсот с чем-то фунтов, как я понимаю? — сказал мистер Уорингтон. — Я горячо признателен этим джентльменам, но могу уплатить указанную сумму кому следует с получением надлежащей расписки. Тем не менее я никогда не забуду, господа, то, как вы пришли на помощь моему брату в нужде, и да благословит вас за это бог! Позвольте поблагодарить вас от лица моей матери и от своего.

Гамбо тем временем поднялся наверх к своему хозяину, который при других обстоятельствах, вероятно, отругал бы его за это, но сейчас был слишком растроган беседой с покинувшим его минуту назад другом. Он сидел, меланхолично потягивая свою трубку, ибо даже нежная привязанность и доброта, только что проявленные по отношению к нему Марией, не могли вполне утешить его, и он не без тревоги раздумывал о возможных последствиях этой преданности и доброты и налагаемых на него тем самым обязательствах, когда увидел перед собой добродушную физиономию и сердечно протянутую ему руку мистера Вулфа, явившегося подбодрить узника и сообщить ему, по какому делу прибыл он сюда вместе с мистером Ламбертом, находящимся сейчас внизу. Как ни крепился мистер

Ламберт, как ни гневался, он не мог оставить Гарри в беде. Невзирая на вспыльчивость Гарри и его излишнюю подозрительность, этот добрый человек решил помочь ему, если удастся, — помочь вопреки резонам, приводимым против этого мистером Вулфом, о чем последний, не таясь, сам сообщил Гарри.

— Ибо вы были неправы, мистер Уорингтон, — сказал полковник, — но никак не хотели этого признать. Вы, молодой еще человек, позволили себе резкие слова и грубое поведение по отношению к человеку, который не только старше вас годами, но к тому же еще — один из благороднейших людей на земле. А знаете ли вы, сэр, каков был его ответ на ваше вызывающее поведение? В состоянии ли вы выслушать откровенное дружеское слово? Мартин Ламберт поступил в этом случае так, как он поступает всегда, то есть как истый христианин, как подлинный друг и как самый добрый и великодушный из людей. И если вам потребно еще одно доказательство его доброты, вот оно: хотя я был и не намерен этого скрывать — очень зол на вас за то, что вы с ним так обошлись, он убедил меня и буквально приволок сюда, чтобы взять вас на поруки. Ну а теперь, Гарри, давайте крикнем в один голос: "Рессавimus!" {Грешны! (лат.).} — и пожмем руку нашему другу! Он сидит внизу и не поднимется наверх до тех пор, пока не будет оповещен, что вы хотите его принять.

— Я вижу, что он очень добрый человек! — с раскаянием воскликнул Гарри. — Я был страшно зол, я был просто вне себя, когда мы с ним встретились в последний раз, полковник Вулф. Да, вероятно, он был прав, прислав обратно эти безделушки, хотя меня это крепко обидело. Будьте так добры, спуститесь к нему, сэр, и скажите, что я очень обо всем сожалею и прошу у него прощения и... и да вознаградит его господь за его великодушные. — При этих словах молодой человек отвернулся и утер набежавшую слезу.

— Скажите это ему сами, Гарри! — воскликнул полковник, схватив юношу за руку. — Из чужих уст это никогда не прозвучит столь же хорошо. Пойдемте со мной.

— Вы пройдите вперед, а я... я сейчас последую за вами... Даю вам слово. Вы видите, я еще в халате! Я приведу себя в порядок и спущусь к нему. А вы передайте ему, что я сейчас буду. Вы просто... просто предупредите его, — сказал бедняга Гарри, понимая, что ему не отвертеться, хотя предстоящее самоуничижение было ему не слишком по душе.

Вулф вышел, улыбаясь, — вероятно, нерешительность молодого человека была ему понятна. Когда он отворил дверь, навстречу ему шагнул

мистер Гамбо. Неизменно учтивый в обычных обстоятельствах, на этот раз он едва не забыл поклониться полковнику; он выпучил глаза, он ухмылялся во весь свой огромный рот и пребывал в таком возбуждении и восторге, что это, конечно, не укрылось от его хозяина.

— Что случилось, Гамбо? Что с тобой такое? Ты завел себе новую подружку?

— Нет, хозяин, у Гамбо нет новой подружки.

— Поддай мне мой кафтан. Почему ты вернулся?

Гамбо продолжал ухмыляться.

— Я видел привидение, хозяин! — сказал он.

— Привидение? Что же это было за привидение и где ты его видел?

— Где? Я видел его в доме госпожи Бернштейн и приехал вместе с ним сюда на извозчике! А сейчас оно внизу разговаривает с полковником Ламбертом! Произнося эти слова и подавая хозяину кафтан, Гамбо при этом дико вращал глазами, вертел во все стороны головой и продолжал ухмыляться, а руки у него тряслись от волнения.

— Привидение? Ты говоришь, привидение? — повторил Гарри, которому передалось странное волнение Гамбо. — Может, кто-нибудь... Может быть, приехала моя матушка?

— Нет, сэр! Нет, хозяин! — Казалось, голова Гамбо вот-вот отлетит прочь, столь бешено затряс он ею из стороны в сторону. Гарри бросил на него недоуменный взгляд, распахнул дверь и начал быстро спускаться по лестнице.

Он уже стал на последнюю ступеньку, когда из полуотворенной двери маленькой конторы до него донесся чей-то голос: *"И да благословит вас за это бог. Позвольте поблагодарить вас от лица моей матери и от своего"*.

— Кто это там? — воскликнул Гарри и сам не узнал своего голоса.

— Это оно — это привидение, хозяин! — произнес Гамбо у него за спиной, и Гарри бросился в контору, на пороге которой, с вашего позволения, мы задержимся на секунду, прежде чем туда войти. Двое находившихся там джентльменов почли своим долгом отвернуться. Потерянный был снова обретен. Мертвый воскрес. Блудный сын упал на грудь своего брата, сердце его разрывалось от любви, благодарности, раскаяния.

— Пойдемте, Джеймс! Думается мне, мы здесь сейчас лишние, — сказал полковник. — Доброй ночи, мальчики. Кое-какие особы женского пола, проживающие на Хилл-стрит, могут сегодня лишиться сна при столь поразительном известии. А может, вы отужинаете с ними и изложите им вашу историю?

Нет, премного благодарны! Сегодня мальчики не пойдут никуда ужинать. У них есть что порассказать друг другу.

— Живее, Гамбо, бери чемоданы! Прощайте, мистер Амос! — Покидая этот приют, Гарри едва не взгрустнул.

Глава L,

в которой преподается немало уроков высокой морали

Когда мы впервые имели честь быть представленными сэру Майлзу Уорингтону в королевских покоях в Сент-Джеймском дворце, я, признаться, глядя на его приятное, округлое лицо, на его просторный жилет над округлым брюшком, на его простецкие, добросердечные манеры сельского аристократа, решил: вот наконец и мне удалось завязать знакомство с весьма достойным господином, и уже готов был сойтись поближе с этим благородным представителем рода человеческого, воспетым в стихах и в песнях, — с добрым старым английским помещиком. И в самом деле, являть собою доброго старого английского помещика — не значит ли это быть почти равным богам и достичь вершины земного блаженства: иметь хороший доход с имения, не обремененного закладными, и арендную плату, аккуратно вносимую фермерами, обожающими своего помещика и неустанно благословляющими свой счастливый жребий, даровавший им такого хозяина, как его милость; не иметь арендаторов, которые запаздывали бы с выплатой денег, за исключением разве что какого-нибудь одного, который поступает так с единственной целью — дать Доброму Старому Английскому Помещику возможность проявить высокое благородство и безграничную широту своей натуры; трижды в неделю ездить с собаками на травлю; превыше всего на свете любить охоту; обладать превосходным здоровьем; а следовательно, и прекрасным аппетитом, однако, помимо отменного аппетита, иметь еще и отличный обед; сидеть в церкви в окружении поселян, хором благословляющих хозяина, быть первым лицом в приходе и благодетелем оного прихода и с сознанием своих бесспорных заслуг произносить: "Господи, помилуй нас, жалких грешников", — произносить, само собой разумеется, лишь потому, что так оно положено и так написано в молитвеннике, а также для примера другим, ибо, судите сами: Д.С.А.П. и вдруг жалкий грешник! Такой цветущий, такой богатый, такой веселый! Столь уважаемый священником, столь почитаемый арендаторами, столь любимый и даже обожаемый своим семейством, у всех членов которого его рассказ о куропатке, залетевшей в комнаты, где хранятся охотничьи ружья, всякий раз неизменно вызывает неистовый хохот)- да разве может подобное совершенство быть жалким грешником!

Allons donc! {Полноте! (франц!.)} Наградите любого человека хорошим характером и отменным здоровьем, пятью тысячами годового дохода, восторженным отношением прихожан, любовью и обожанием его семейства и попробуйте-ка пробудить в нем такое внутреннее недовольство самим собой, чтобы он почел себя чем-то жалким. Если вас именуют Ваше Королевское Высочество и вы, в превосходном самочувствии, всячески убоготоренный, отправляетесь в церковь, где священник ждет появления Вашего Королевского Высочества, дабы начать службу, можете ли вы помыслить о себе как о чем-то жалком? Вот если вы в одиночестве изнываете от приступа подагры, и страх смерти туманит вам взор, и доктор уже отлучил вас от вашей бутылки кларета и прописал кашку и немного хереса, — вот тогда еще вы, может быть, почувствуете себя чем-то презренным и осознаете свои недостатки, а также брэнность и тщету всего земного. Но при отменном здоровье, бодром духе и ярком солнышке слово "жалкий" прозвучит в ваших устах как пустая формальность. В глубине души вы никак не считаете, что вас действительно следует жалеть. Если уж вы — жалкий, так что же тогда сказать о каком-нибудь пахаре, с его малярией, семью ребятишками, восемью шиллингами заработка в неделю и двумя фунтами стерлингов арендной платы, которую он должен ежегодно отдавать за свой домишко? Нет, здоровый, богатый, веселый сельский джентльмен если и жалок, то отнюдь этого не ощущает, а если он грешник, то мало кто решится ему об этом сказать.

Может статься, что он с годами становится несколько себялюбив, но, по крайней мере, он вполне доволен собой. За исключением милорда, хозяина замка, на много, много миль в округе не найдется никого, кто был бы столь же добр или столь же уважаем.

Высокопочтимая супруга печется о нем, как и обо всем приходе; его дети покорны ему; приходский священник перед ним благоговеет; на судебных сессиях все считаются с его мнением; его имя приводит в трепет браконьеров; на рынке все шапки поспешно слетают с голов при его появлении, и перед его вместительным экипажем, где восседают его непорочные дочери и величественная супруга, раболепно склоняются, обнажив голову, все лоточники, а жены фермеров приседают в бесчисленных реверансах. Благородные дамы благосклонно взирают на простой народ с высоты своих подушек и улыбаются. Покупая ярд ленты, они приветливы; они снисходительно приобретают унцию нюхательной соли или пакетик цветочных семян; они могут даже соизволить поторговаться, покупая гуся; их процессия похожа на королевский кортеж; предполагается, что осчастливленный ими народ должен тесниться вокруг

их экипажа, вознося их хвалы. Торговцы кланяются, фермерши неуклюже приседают, уличные мальчишки размахивают драными шляпами, приветствуя краснорожего кучера, погоняющего откормленных гнедых, и вопят:

— Да здравствует сэр Майлз! Пожалуйте мне полпенни, миледи!

Однако предположим, что торговка на базарной площади, завидев экипаж сэра Майлза, спрячет своего жирного гуся, боясь, как бы миледи, заметив птицу, не забрала ее за полцены. Предположим, что ни единый медяк ни разу не был брошен из окна королевской кареты. Предположим, что сэр Майлз потчует своих арендаторов заведомо разбавленным пивом, а своих бедняков на редкость жидкой похлебкой. Может ведь стать, что таков нрав нашего благородного старого английского джентльмена. В Англии наберется немало благородных господ и дам такого сорта; они благодетельствуют беднякам, не оказывая им, по сути дела, никакой помощи; в церкви они возглашают "аминь" громче, нежели псаломщик; они так набожны и благочестивы, что исполняют все обряды и неуклонно следуют всем предписаниям этикета старого английского дворянства; короче, они приобретают добродетель по дешевке, да еще ставят себе это в заслугу. Бедняга Гарри в своей беде обратился за помощью к родственникам. Ее тетка послала ему благочестивый трактат и свое благословение. Его дядюшка отлучился из города по делам и потому, само собой разумеется, должен был оставить его просьбу без внимания. Вы думаете, что такие вещи не случаются на каждом шагу в повседневной жизни нашего уважаемого общества? Допустим, что лорд и леди Макбет, задумав убийство и совершив его, а затем сойдясь вместе, ощущают некоторую неловкость. Но когда лорд и леди Скупе держат совет в своей спальне — протянуть ли им руку помощи незадачливому племяннику, и решают этого не делать, а затем сходят вниз на семейное молебствие, смотрят в глаза своим детям и домочадцам, толкуют перед ними о добродетели и, наконец, остаются наедине, — что, как вы полагаете, должны они думать друг о друге и о своем бедном родственнике, попавшем в компанию воров и напрасно зывающем о помощи? Как удастся им хранить этот вид незапятнанной добродетели? Как решаются они смотреть друг другу в глаза?

Как решаются? Вы думаете, они понимают, что поступили дурно? Вы думаете, господина Скупса мучит мысль о тех, кто напрасно зывал к нему о помощи, или о голодных, которые ни с чем ушли от его порога? Как бы не так. Он горит негодованием оттого, что этот повеса оказался таким дураком, а то, что сам он оказался скрягой, ни в коей мере его не смущает.

Ну посудите сами! Молодой человек, обладая такими возможностями, бросает их на ветер! Целое состояние проматывается с шулерами и всяким сбродом! Чудовищно, чудовищно! Пусть недостойное поведение этого несчастного и тяжкие последствия его безумного расточительства послужат тебе предостережением, дитя мое! По законам великой и незыблемой религии фарисеев нам открывается превосходная возможность для высоконравственной проповеди и возвеличения добродетели.

— И подумать только, как мы обманулись в нем! — восклицает леди Уорингтон.

— Печально, очень печально, моя дорогая! — подтверждает сэр Майлз, покачивая головой.

— Трудно вообразить себе, чтобы в одном молодом существе могло вмещаться столько пороков! — продолжает восклицать леди Уорингтон. — Карты, пари, пирушки в кабаках, непомерные траты, верховые лошади и выезды, и все это в компании богатых повес одного с ним пола и, страшно сказать, — самых безнравственных особ нашего пола.

— Ш-ш-ш, леди Уорингтон! — останавливает ее супруг, искоса поглядывая на безупречно добродетельных Дору и Флору, залившихся румянцем и опустивших глазки при упоминании об этих гадких особах.

— Я несколько не удивляюсь тому, что мои бедные девочки не знают, куда глаза девать, — продолжает маменька. — Ах, мои дорогие, как бы я хотела, чтобы вы даже не подозревали о том, что на свете существуют такие твари!

— Однако же достаточно им побывать в опере или в парке, чтобы эти твари попались им на глаза, — говорит сэр Майлз.

— И подумать только, что мы приняли этого змееныша в лоно нашей семьи! И даже оставляли его в обществе нашего драгоценного невинного агнца! продолжает маменька, указуя на Майлза-младшего.

— О каком это змееныше вы говорите? — вопрошает сей юнец. — То вы говорили, что кузен Гарри дурной человек: потом он стал хороший. А теперь он опять дурной. Так какой же он, сэр Майлз?

— У него есть недостатки, как у всех нас, Майли, мой мальчик. Твой кузен вел себя беспутно, и это должно послужить тебе уроком.

— А разве мой старший брат, тот, что умер... мой гадкий брат, — разве он не вел себя беспутно? Он не был добр ко мне, когда я был маленьким. Ни разу не дал мне ни единой монетки, ни единой игрушки и не ездил со мной верхом и не... Почему вы плачете, маменька? Я ведь очень хорошо помню, как вы вечно бранились с Хью...

— Замолчите, сэр! — в один голос восклицают папа и дочери. — Разве

вы не знаете, что не должны никогда упоминать это имя!

— Я знаю только, что люблю Гарри и никогда не любил Хью, — заявляет упрямый маленький бунтовщик. — И если кузен Гарри в тюрьме, я отдам ему свою монетку в полгинеи, которую подарил мне мой крестный, да я отдам ему все, что у меня есть... да, все, ну разве что... разве что оставлю себе мою маленькую лошадку... и мою шитую серебром жилетку... и моих Снежка и Сластену... и... Ну да, и еще заварной крем, когда он будет на сладкое. Последнее было добавлено после небольшой подсказки со стороны сестрицы Доры. — Немножко я с ним поделюсь, — помолчав, решает Майлз.

— Перестань болтать, малыш, и займись своим делом, — говорит папа, которого все это забавляет. Сэр Майлза Уоррингтона нельзя упрекнуть в недостатке юмора.

— Кто бы мог подумать, что он станет так повесничать? — продолжает маменька.

— Как сказать. Молодость — это пора увлечений, моя дорогая.

— А мы-то как обманулись в нем! — вздыхают дочери.

— И даже позволяли целовать себя! — подшучивает папенька.

— Сэр Майлз Уорингтон! Я не терплю таких вульгарных шуток! — заявляет величественная матрона.

— За которой из вас он вчера больше волочился, девочки? — не понимает папаша.

— Еще чего выдумаете! Я все время твердила ему, что обручена с моим дорогим Томом... Да, твердила... Дора, будь добра, объясни, почему ты фыркаешь? — вопрошает красивая дочка.

— Ну, Дора, надо отдать ей справедливость, делала то же самое, говорит папенька.

— Только потому, что Флора временами была рада забыть, что она обручена с ее дорогим Томом, — замечает сестрица.

— Никогда, никогда! И в мыслях у меня не было порывать с Томом! Это гадко так говорить, Дора! Это ты всегда насмеялась над ним и завидовала мне, потому что я... потому что джентльменам кажется, что я недурна собой, и они отдают мне предпочтение перед некоторыми другими особами, невзирая на их ученость и остроумие! — воскликнула Флора, поглядывая через плечо в зеркало.

— Почему ты вечно смотришься в зеркало, сестрица? — вопрошает бесхитростный сэр Майлз-младший. — Что, ты своего лица не знаешь, что ли?

— Некоторые особы смотрятся в зеркало ничуть не реже, дитя мое,

хотя и не имеют столь же веских к тому оснований, — галантно замечает папенька.

— Благодарю вас, сэра Майлз, вы, должно быть, намекаете на меня, восклицает Дора. — Небу было угодно наградить меня таким лицом, какое у меня есть, и получила я его от моих маменьки и папеньки. Не моя вина, если я больше пошла в папенькину родню. Если у меня скромная внешность, то, по крайней мере, в голове есть кое-какие мозги. Подумать только, чтобы я стала завидовать Флоре оттого, что этот бедняга Том Клейпул обратил на нее внимание! Эдак, пожалуй, можно гордиться, поймав в свои сети какого-нибудь деревенского парня!

— Может, ты скажешь, что твой мистер Гарри из Виргинии много умнее Тома Клейпула? А ты бы бросилась ему на шею, помани он тебя пальцем! — восклицает Флора.

— А вы бы не бросились, мисс? И живо выставили бы своего Тома Клейпула за дверь! — восклицает Дора. — Вот уж нет!

— Вот уж да!

— Вот уж нет! — И опять все сначала. Сестры фехтуют, ловко нанося и отбивая яростные удары.

— О дети, как можно! Вы должны жить в мире и согласии! — восклицает добродетельная маменька, откладывая в сторону вышивание. — Какой пример подаете вы этому невинному агнцу.

— А мне нравится, как они сцепились, миледи! — ликует невинный агнец, потирая руки.

— Так ее, Флора! Не давай ей спуска, Дора! А ну, еще, еще, ах вы, плутовки! — подстрекает их шутник-папенька. — Недурная забава, а? Что ты скажешь, Майли?

— О сэра Майлз, о дети! Подобные ссоры вам вовсе не к лицу. Они разрывают мое материнское сердце, — заявляет маменька, величественно указывая на свою истерзанную грудь, однако сохраняя при этом завидное самообладание. — Возблагодарите лучше небо за то, что ваши бдительные родители своевременно воспрепятствовали возникновению каких-либо неуместных уз между вами и вашим беспутным кузенком. Если мы заблуждались в нем, то по милости божьей обнаружили свою ошибку вовремя. Если кто-нибудь из вас испытывал к нему некоторую симпатию, то ваш превосходный здравый смысл, мои дорогие, поможет вам преодолеть и вырвать с корнем это суетное чувство. А то, что мы были добры и заботливы к нему, — это никогда не станет для нас источником сожаления. Это служит лишь доказательством нашей доброты. Вот о чем нам действительно приходится, к несчастью, сожалеть, — так это о том,

что ваш кузен оказался недостойным нашей доброты и, вращаясь в обществе игроков, актеров и тому подобных субъектов, посмел внести заразу в нашу чистую семью и, боюсь сказать, чуть не осквернил ее!

— Ну, пошли маменькины проповеди! — заявляет Флора, в то время как миледи продолжает свою речь, вступительную часть которой мы привели здесь. Папенька тем временем, тихонько насвистывая, на цыпочках удаляется из комнаты, а бесхитростный Майлз-младший запускает волчок прямо под юбки своих сестриц. Волчок жужжит, затем начинает пошатываться и, повалившись, точно пьяный, на бок, замирает задолго до того, как проповедь леди Уорингтон приходит к концу.

— Ты внимательно слушал меня, дитя мое? — спрашивает миледи, кладя руку на голову своего драгоценного сыночка.

— Да, маменька, — отвечает тот, держа во рту веревку и снова приводя в действие свою игрушку. — Вы сказали, что Гарри очень беден теперь и мы не должны помогать ему. Так ведь вы сказали, верно, маменька?

— Ты научишься лучше понимать меня, когда подрастешь, сыночек, говорит маменька, возводя глаза к потолку, где она постоянно черпает опору.

— Убирайся отсюда, паршивец! — восклицает сестрица Дора, ибо простодушный ребенок норовит запустить теперь волчок у нее на ступне и радостно хохочет, видя, как он ей досадил.

Но что случилось? Кто идет сюда? Почему сэр Майлз возвращается в гостиную и почему у Тома Клейпула, который шагает следом за баронетом, такое растерянное выражение лица?

— Ну и дела творятся на свете, миледи, — говорит сэр Майлз. — Вот уж, девочки, поистине чудо из чудес.

— Благоволите сообщить, что произошло, господа? — вопрошает добродетельная матрона.

— Весь город только об этом и говорит, миледи! — заявляет Том Клейпул, с трудом переводя дыхание.

— Том видел его сам, — продолжает сэр Майлз.

— Обоих их видел, миледи. Вчера вечером они были в саду Раниле, и за ними увязалась целая толпа. А уж до чего ж похожи — если бы ленты у них не были разных цветов, нипочем бы не отличить одного от другого. Один был в синем, другой в коричневом. Только сдается мне, что он уже надевал оба кафтана, когда появлялся здесь.

— Какие оба кафтана?

— Кто этот один и кто этот другой? — спрашивают в один голос сестрицы.

— Да этот ваш юный счастливек, кто же больше.

— Наш драгоценный виргинец и наследник всех поместий! — восклицает сэр Майлз.

— Значит, мой племянник уже освобожден из заключения? — спрашивает миледи. — И он уже снова погрузился в водоворот развле...

— А, чтоб ему пусто было! — рычит баронет. Впрочем, боюсь, что он выразился даже крепче. — Что вы скажете, миледи, если этот наш драгоценный племянничек окажется самозванцем, да, черт возьми, самым настоящим авантюристом?

— Внутренний голос все время говорил мне что-то в этом духе! восклицает миледи. — Но я гнала от себя недостойные подозрения. Говорите же, сэр Майлз, сообщите нам свои новости, мы сгораем от нетерпения.

— Я заговорю, любовь моя, когда замолчите вы, — произносит сэр Майлз. Так что вы скажете об этом господине, который приходит ко мне в дом, обедает за моим столом, считается как бы членом моей семьи, целует моих... — Что такое? — спрашивает Том Клейпул, мгновенно воспламеняясь, и щеки его пылают ярче его красного жилета.

— ...Хм! Целует ручку моей жене и встречает самый ласковый прием, черт побери! Что вы скажете о таком малом, который толкует о своих владениях и наследстве, будь он проклят, а на поверку оказывается жалким нищим, просто Младшим Сыном. Да, нищим, миледи, чтоб ему...

— Сэр Майлз Уорингтон, воздержитесь от сквернословия в присутствии этих драгоценных созданий! Я совершенно сражена столь непостижимым лицемерием. Подумать только, что я доверяла тебя, мой мальчик, мое сокровище, обманцику, что я разрешала тебе, мое невинное дитя, находиться в обществе этого шарлатана! — выкрикивает матрона, прижимая к себе сыночка.

— Кто же этот шарлатан, миледи? — спрашивает невинный ребенок.

— Да этот распроклятый молодой проходимец Гарри Уорингтон, — рычит папенька, в ответ на что малыш Майлз сначала в недоумении таращит на него глаза, а затем под воздействием каких-то неведомых нам чувств раздражается слезами.

Любящая маменька хочет прижать его к сердцу, но он отвергает ее чистую ласку, ревет еще пуще и, отчаянно брыкаясь, старается высвободиться из материнских объятий. И в эту минуту в дверях появляется дворецкий и докладывает:

— Мистер Джордж Уорингтон и мистер Генри Уорингтон!

Майлз выпущен на свободу и валится на пол с материнских колен.

Лицо сэра Майлза тоже начинает бросать вызов жилету мистера Клейпула. Молодые люди входят в гостиную, и все три дамы поднимаются и делают три ледяных реверанса.

Мальш Майлз бросается навстречу гостям. Протягивает ручонку.

— О Гарри! Нет! Кто же из вас Гарри? Вы мой Гарри! — И на этот раз он не ошибается. — Мой дорогой Гарри! Я так рад, что ты пришел, а они тебя тут так ругали!

— Я явился сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение дядюшке, говорит темноволосый мистер Уорингтон, — и поблагодарить за радушный прием, оказанный им моему брату Генри.

— Так это мой племянник Джордж? Да это ж вылитый мой покойный брат, это его глаза! Мальчишки, я в восторге, что вижу вас обоих! — восклицает дядюшка, с чувством пожимая руку обоим братьям, и его честное лицо сияет от радости.

— Вот воистину самое таинственное и самое счастливое воскрешение из мертвых! — произносит леди Уорингтон. — Меня удивляет только, почему мой племянник Генри до сих пор скрывал это событие от нас, — добавляет она, бросая искоса взгляд на молодых людей.

— Он знал об этом столько же, сколько вы, ваша милость, — говорит мистер Уорингтон.

Барышни, опустив глаза долу, украдкой косятся друг на друга.

— В самом деле, сэр? Крайне удивительно, — говорит маменька и снова делает реверанс. — Мы уже были оповещены об этом событии, сэр. Мистер Клейпул, наш сосед по имению, только что принес нам эту весть, и она послужила темой моей беседы с дочерьми.

— Да, — прозвучал детский голосок, — и ты знаешь, Гарри, папенька и маменька сказали, что ты обма...

— Замолчи, дитя мое! Скруби, отведите мистера Майлза в его комнату! Мистер Уорингтон... Нет, мне кажется, будет более уместно сказать племянник Джордж, позвольте представить вам ваших кузин.

Две барышни приседают, две юбки становятся колоколом, две ручки протягиваются вновь прибывшим. Мистер Эсмонд-Уорингтон отвешивает низкий поклон, которым он как бы объемлет (о нет, он не раскрывает им объятий!) всех трех дам. Он прижимает шляпу к груди. И говорит:

— Я почитаю своим долгом засвидетельствовать мое почтение дяде и кузинам и поблагодарить вас, сударыня, за то гостеприимство, которое вы соизволили оказать моему брату.

— Мы сделали не так уж много, племянник, однако все, что было в наших силах, разрази меня гром! — восклицает добросердечный сэр

Майлз. — Все, что в наших силах.

— Я должным образом оцениваю это, сэр, — говорит мистер Уорингтон без улыбки, обводя серьезным взглядом все семейство.

— Так дай же мне твою руку. Ни слова больше, — говорит сэр Майлз. — За кого ты нас принимаешь, разве я каннибал какой-нибудь, чтобы не оказать гостеприимства сыну моего дорогого брата? Вот что, друзья, милости прошу отведать у нас молодого барашка сегодня в три часа. Это мой сосед, Том Клейпул, сын сэра Томаса Клейпула, баронета, моего дорогого друга. Что скажешь, Том, — составишь нам компанию? Ты ведь не раз пробовал наше пиво, мой мальчик.

— Да, пробовал, сэр Майлз, — отвечает Том без особого восторга.

— Так ты отведаешь его снова, мой мальчик, отведаешь снова! Что у нас сегодня на обед, леди Уорингтон? Пицца у нас простая, но сытная, друзья... простая, но сытная!

— Мы, к сожалению, не можем сегодня воспользоваться вашим приглашением, сэр, мы обедаем с одним другом, который проживает в доме лорда Ротема, вашего соседа. С полковником Ламбертом, вернее — с генерал-майором Ламбертом, ибо он только что был произведен в этот чин.

— И с его дочками, надо полагать, — такие простенькие, сельские барышни, — говорит Флора.

— Да, я как будто видела двух каких-то безвкусных простушек, — говорит Дора.

— Лучше их не сыщется девушек во всей Англии! — неожиданно выпаливает Гарри, хотя никто из присутствующих не удостоил его пока ни единым словом. Он уже, как вы понимаете, низвержен с престола, его уже вроде как бы и нет, он стал невидим для окружающих.

— О, в самом деле, кузен? — говорит Дора, бросая взгляд на молодого человека, который сидит с пылающими щеками, сгорая от столь унижительного обращения и не зная, как на него отвечать и отвечать ли вообще. — О, в самом деле, кузен? Вы чрезвычайно милосердны... Да нет, вы просто счастливец, право! Вы видите ангелов там, где мы видим лишь самых заурядных, самых незначительных особ. Я, конечно, представления не имела о том, кто были эти нелепые создания, восседавшие в карете лорда Ротема, — я узнала только роскошные ливреи его слуг. Но если это были три ангела, я умолкаю.

— Мой брат очень доверчив, — вступает в разговор Джордж. — И часто ошибается в своих суждениях о дамах.

— Ах, вот как, — в некотором замешательстве говорит Дора.

— Боюсь, что моему племяннику Генри приходилось встречаться с

некоторыми недостойными представительницами нашего пола, — замечает маменька со скорбным вздохом.

— Нас нетрудно обмануть, сударыня... мы оба еще очень молоды... С годами мы научимся лучше распознавать людей.

— От всей души надеюсь, мой дорогой племянник, от всей души. Я горячо желаю всяческого благополучия вам и вашему брату и возношу о вас молитвы господу. Мы-то, со своей стороны, прилагали к тому все усилия. В тяжкую минуту, о которой я больше не буду упоминать...

— В ту самую, когда моему дядюшке сэру Майлзу как раз случилось отбыть из города, — подхватывает Джордж, поглядывая на баронета, в ответ на что тот улыбается ему приветливо и одобряюще.

— ...я отправила вашему брату трактат, который, как я полагала, должен был утешить его и, я в этом уверена, — послужит к его исправлению. Нет, не благодарите меня, я не жду похвал, я лишь исполнила свой долг — свой скромный женский долг, ибо что стоят все блага мира, племянник, по сравнению со спасением души? Если я принесла добро, я чувствую себя вознагражденной, если я оказала пользу, сердце мое ликует. Если мои скромные усилия помогли вам, Гарри, осознать...

— О, вы имеете в виду эту вашу проповедь? — перебивает ее простодушный Гарри. — Очень вам признателен, тетушка, но я не имел времени прочесть ни единого слова. Я, понимаете ли, не слишком разбираюсь в таких вещах... Но тем не менее благодарю вас.

— Доброе намерение — вот что главное, — говорит Джордж Уорингтон. — И мы с братом оба приносим свою благодарность. Наш дорогой друг генерал Ламберт намерен был внести выкуп за Гарри, но, по счастью, у меня имелись деньги брата, и я смог расплатиться по его обязательствам. Но это не умаляет доброты друга, и я благодарен ему, ибо он поспешил на выручку Гарри в ту минуту, когда тот особенно нуждался в помощи и когда ближайшим родственникам его... по несчастному стечению обстоятельств... случилось отбыть из города.

— Я бы, конечно, все... все, что в моих силах... Мой дорогой мальчик, разумеется, я бы сделал все... Это же... мой родной племянник... сын моего брата!.. Я... Я бы все, разрази меня гром, все, решительно все... восклицает сэр Майлз, хватая руку Джорджа и тиская ее от избытка чувств. Неужто вы так-таки не можете остаться и отобедать с нами? Отложите-ка свой обед с полковником... то есть с генералом... Ну-те, прошу! А нет, так назначьте другой день. Миледи Уорингтон, попросите своего племянника назначить день, когда он будет сидеть под портретом деда и пить его вино!

— Умственными способностями он, как видно, значительно

превосходит своего незадачливого младшего брата, — заметила миледи, когда молодые люди покинули гостиную. — Младший — беспечный кутила и мот — и в самом деле, должно быть, не особенно печется о деньгах, ибо вы заметили, сэр Майлз, что переход к брату его виргинского наследства, — величина его, без сомнения, сильно преувеличена, но тем не менее, оно, вероятно, все же значительно, заметили ли вы, повторяю я, что это крушение всех надежд весьма мало огорчило Гарри?

— Ничуть не удивлюсь, если старший брат окажется таким же нищим, как младший, — заметила Дора, надменно вскинув головку.

— Забавно! Обратили вы внимание, что на кузене Джордже был один из кафтанов кузена Гарри — коричневый с золотом, тот самый, который он надевал, когда водил тебя на концерт, Флора?

— Вот как, он водил Флору на концерт? — Мистер Клейпул разъярен.

— Да, я не могла пойти, мне нездоровилось, и наш кузен сопровождал ее, — сообщила Дора.

— Я бы никак не стала возражать против того или иного невинного развлечения, мой дорогой мистер Клейпул, а уж тем паче против музыки мистера Генделя, — заявила маменька. — Музыка очищает душу, возвышает мысли, мы слышим ее в храме божьем, и, как всем известно, ею занимался царь Давид. От ваших опер я бегу, как от заразы, я запрещаю моим детям распевать ваши романсы, потому что они крайне безнравственны, но музыка, музыка, друзья мои! Будем наслаждаться ею, как всем прочим, в разумных размерах. Будем...

— Я слышу музыку обеденного гонга, — вмешался папенька, потирая руки. Пошли, дочки. Скруби, ступайте, приведите мистера Майли. Том, предложите руку миледи.

— Нет, дорогой Томас, я пойду одна, не спеша. Ведите к столу нашу дорогую Флору, — сказала великодушная добродетель.

Дора же, самоотверженно решив сделать обед как можно приятнее для всех, без умолку говорила о Генделе и его музыке.

Глава LI

Conticuere omnes {При всеобщем молчании (лат.).}

Если любезный читатель соблаговолит перейти вместе с нами через улицу и заглянет в дом лорда Ротема, предоставленный им в пользование его другу-генералу, то он найдет обоих молодых людей в тесном семейном кругу, уже знакомом нам по Окхерсту и Танбридж-Уэлзу. Джеймс Вулф тоже обещал прибыть к обеду, однако в настоящую минуту он ухаживает за мисс Лоутер, и за один ее единственный взгляд готов отдать самые изысканные яства, приготовленные поваром лорда Ротема, и даже еще одно угощение, обещанное на десерт. А посему, читатель, можете занять место мистера Вулфа и быть за столом шестым. Не сомневайтесь — Вулф не придет. Что до меня, то я буду стоять возле буфета и записывать застольную беседу.

Но сначала обратите внимание, какие счастливые лица у дам! Я еще намерен все собирать рассказывать вам о том, как добрая миссис Ламберт, услышав о том, что бейлиф взял Гарри Уорингтона под стражу, бросилась к своему супругу и стала просить, молить и требовать, чтобы ее Мартин вызволил мальчика из беды.

— Он надерзил тогда? Пустое! Он был очень взбешен, когда ему возвратили его подарки? Пустое! Конечно, всякий бы на его месте разгневался, а уж тем более такой вспыльчивый юноша, как Гарри! Мы небогаты и должны быть бережливы, чтобы держать мальчиков в колледже? Пустое! Необходимо найти какой-то способ помочь этому юноше. Разве ты не помог Чарльзу Уоткинсу два года назад? И разве он не выплатил тебе весь долг до последнего пенни? Да, выплатил, а ты, милостью божьей, осчастливил всю семью! И миссис Уоткинс молится за тебя и благословляет тебя по сей день, и мне кажется, поэтому у нас с тех пор так хорошо все спорится. И я нисколечко, ну нисколечко, не сомневаюсь, что поэтому тебя и сделали генерал-майором, — говорила любящая супруга.

Ну, а так как убедить Мартина Ламберта сделать доброе дело было не слишком трудно, то он и в этом случае довольно быстро дал себя уговорить и, порешив, что ему надо обратиться к своему другу Джеймсу Вулфу и вместе с ним взять Гарри на поруки, тут же надел шляпу, пожал руку Тео, которая, кажется, уже разгадала его намерения (а быть может, эта дуреха-маменька успела проболтаться), поцеловал румяную щечку малютки Этти и

вышел из комнаты, покинув дочек и супругу, которая, впрочем, тут же поспешила за ним следом.

Оставшись с ним наедине, восхищенная матрона не смогла сдержать наплыва чувств. Обвив руками шею муженька, она в одно мгновение запечатлела на его лице более сотни поцелуев, призвала на его голову благословение божье, обильно оросила слезами его плечо и за этим сентиментальным занятием была застигнута врасплох старой миссис Куиггет, экономкой лорда, которая, спеша куда-то по хозяйству, была, думается мне, немало удивлена, наткнувшись на эту супружескую идиллию.

— Мы немножко повздорили, а теперь вот решили помириться! Пожалуй, не стоит трубить об этом на всех перекрестках, миссис Куиггет, — сказал генерал, направляясь к выходу.

— Кто бы мог подумать! — проговорила похожая на старого какаду миссис Куиггет и издала хрипловатый резкий смешок, что еще больше увеличило ее сходство с этой белой, горбоносой, крайне долгоживущей птицей. — Кто бы мог подумать! — повторила она, продолжая смеяться, и так хлопнула себя по худым бокам, что зазвенели все привязанные к поясу ключи и, как могло показаться, даже ее старые кости.

— О, Куиггет! — всхлипнула миссис Ламберт. — - Какой это человек!

— Вы поссорились, а потом помирились, сударыня? Значит, все в порядке.

— Поссорилась — с ним? Никогда не слыхала, чтобы он так безбожно врал. Мой генерал настоящий ангел, Куиггет. Я готова упасть перед ним на колени и целовать его сапоги. Да, да! Никогда еще на всем белом свете не было такого доброго человека, как мой генерал. И за какие только заслуги достался мне такой хороший муж! И как это судьба послала мне такого прекрасного человека!

— Сдается мне, сударыня, что вы ему под пару, — проскрипел старый какаду. — А что прикажете подать вам сегодня на ужин?

Когда генерал Ламберт с большим опозданием вернулся в этот вечер к ужину и поведал обо всем, что произошло, — и как был освобожден Гарри, и как его воскресший из мертвых брат явился, чтобы прийти к нему на помощь, весть эта, как вы легко можете себе представить, привела в великое волнение все семейство. Если супруг миссис Ламберт и прежде был суций ангел, то что же сказать про него теперь? Если утром супруга готова была облобызать его сапоги, то до какого самозабвенного восторга могла она дойти к вечеру?

Малютка Этти подходит, молча прижимается к отцу и отпивает

глоточек из его рюмки. Лица супруги и Тео сияют от счастья, как две луны в полнолуние... А по окончании ужина все четверо, как по сигналу, опускаются на колени и возносят благодарственные хвалы, исполнившись той чистой радости, какую, как нам известно из Писания, испытывают ангелы при виде раскаявшихся грешников. И в этот миг раздается громкий стук в дверь. Кто бы это мог быть? Милорд в деревне, за много миль от города. Уже перевалило за полночь, так запоздали они сегодня с ужином, так заболтались, сидя за столом! Но мне кажется, миссис Ламберт уже догадалась, кто там, за дверью.

— Это Джордж, — говорит некий молодой человек, представляя другого, вошедшего с ним. — Мы были у тетушки Бернштейн, а потом решили, что не можем лечь спать, пока не выразим своей благодарности и вам тоже, тетушка Ламберт. Дорогая, дорогая, хорошая... — Дальнейшая речь становится нечленораздельной. Тетушка Ламберт целует Гарри. Тео поддерживает побледневшую как смерть Этти и трясет ее, чтобы привести в чувство. Джордж Уорингтон стоит, сняв шляпу, а затем (после того как Гарри представил его) подходит к миссис Ламберт и целует ей руку. Генерал смахивает слезу. Все счастливы и растроганы, в чем я вас торжественно заверяю. Таков счастливый удел великодушных сердец, когда обида забыта, мир восстановлен и любовь, казалось утраченная навек, торжествует вновь.

— Мы прямо от тетушки Бернштейн, — увидели свет у вас в окнах и были просто не в силах отправиться на покой, не пожелав вам всем доброй ночи, говорит Гарри. — Верно, Джордж?

— Вот уж поистине замечательный сюрприз преподнесли вы нам перед отходом ко сну, мальчики, — говорит генерал. — А когда вы придете к нам пообедать? Завтра?

Нет, завтра они обедают у госпожи Бернштейн. В таком случае послезавтра? Да, они дают обещание прийти послезавтра, и это и есть тот самый день, с которого мы начнем нашу главу, и тот самый обед, на который мы уже имели честь пригласить нашего читателя вместо полковника Джеймса Вулфа, отлучившегося по делам сугубо личного свойства.

С какой целью? — спросите вы. О вет, не для того, чтобы просто отобедать, нет, но еще и прослушать Сообщение мистера Джорджа Эсмонда-Уорингтона, которое он, несомненно, собирается сделать. Ну вот все и расселись и, как видите, — не в роскошной столовой милорда, но в маленьком уютном кабинете (а быть может, это гостиная?) окнами на улицу. Уже убрали со стола, генерал уже провозгласил здоровье короля,

слуги покинули комнату, гости полны внимания, и мистер Джордж, откашлявшись и зардевшись легким румянцем, приступает к рассказу:

— Мне вспоминается сейчас, как на совете у нашего генерала некий маленький филадельфиец, чей ум и проницательность мы не раз имели возможность отмечать, возражал против проведения той самой военной операции, плачевный исход которой полностью доказал его правоту.

"Разумеется, — говорил он, — когда войска вашего превосходительства достигнут форта Дюкен, эта небольшая слабая крепость никак не сможет оказать сопротивление такому генералу, такой армии и такой артиллерии. Но берете ли вы в расчет, сэр, все трудности похода? Вашему превосходительству придется пробираться через девственные леса, где не ступала нога человека, вам придется самим прокладывать себе дорогу, и ваше войско растянется не меньше чем на четыре мили. Во время продвижения через лес ваши ослабленные этим обстоятельством солдаты будут подвергаться бесчисленным нападениям с тыла, с фронта и с флангов — нападениям неприятеля, который будет для вас невидим и неуловим и чей опыт в ведении такого рода войн сделал его чрезвычайно искусным в устройстве засад".

"Вздор! — сказал генерал. — Эти дикари могут навести страх на вашу необученную милицию ("Чрезвычайно вам признателен, ваше превосходительство, за столь лестный отзыв", — подумал, вероятно, сидевший за столом мистер Вашингтон), но регулярная армия его величества никогда не дрогнет перед индейцами".

"От всего сердца надеюсь, что вы правы, сэр", — отвечал мистер Франклин со вздохом, чем вызвал, конечно, кривые усмешки на лицах всех приближенных генерала, ибо как мог этот почтмейстер, этот нахальный штатский позволить себе высказать суждение о вещах, в которых он ровным счетом ничего не смыслит.

Мы все презирали примкнувших к нам индейцев, и наш командир невысоко ставил их службу. Своим возмутительным обращением с индианками наши офицеры восстановили против себя дружественных нам вождей, и в конце концов их осталось на нашей стороне не больше семи-восьми человек. Имей мы в тот роковой день, девятого июля, впереди сотни две индейцев, исход боя мог бы быть иным. Они отбили бы атаку индейцев, сражавшихся на стороне французов, и не дали бы возникнуть тому паническому бегству, которое вслед за этим нападением последовало. Теперь уже известно, что французы готовились сдать форт, никак не рассчитывая его удержать, и даже сами индейцы, сражавшиеся на их стороне, возражали против столь отчаянного шага, как нападение на такого

превосходящего по своим силам противника, как мы.

Я находился там же, где наш генерал, — с главными силами, — когда впереди началась пальба, и адъютанты один за другим поскакали туда. Первая атака неприятеля была успешно отбита нашими передовыми частями, и наши солдаты ликовали и кричали "ура". Но вскоре наш огонь ослабел, а на нас со всех сторон, из-за каждого дерева, из-за каждого куста стали лететь пули, поражая одного за другим. Мы шли правильным строем — застрельщики впереди, знамена и две небольшие пушки в центре, обоз с крепким охранением замыкал тыл; сначала, две-три мили, нам приходилось продвигаться по открытой местности шириной в полмили, по обе стороны которой тянулись густые заросли. Некоторое время нам палили прямо в лоб, но затем, довольно скоро, противник открыл стрельбу и с флангов — из леса. Наши ряды стали быстро редеть, причем офицеров было уложено больше, чем солдат. На первых порах, как я уже сказал, солдаты кричали "ура" и отстреливались, и наши пушки даже открыли огонь по лесу и, казалось, заставили замолчать засевших в засаде французов. Но потом ружейная стрельба из-за укрытия началась снова. Наши ряды дрогнули, солдаты, невзирая на приказы и крики генерала и офицеров, посылавших их вперед, сбились в кучу и принялись беспорядочно палить в чащу, что, конечно, не достигало цели. Авангард повернул и побежал назад, к главным силам. Многие солдаты были ранены, другие просто испуганы; они кричали, что там, впереди, пять тысяч французов и без числа этих дьяволов-индейцев, которые дико вопят, бросаются на наших поверженных на землю солдат и снимают с них скальпы. Из леса к нам доносились крики индейцев, а наши люди продолжали падать, сраженные летящими оттуда пулями. Теперь уже никакая сила не могла заставить их идти вперед. Из всех адъютантов, посланных командиром, ни один не вернулся обратно. Наконец пришел и мой черед: я был послан к капитану Фрезеру, находившемуся в авангарде, с депешей, которую ему не суждено было получить, а мне — доставить.

Я не прошел и тридцати ярдов, как был ранен пулей в ногу и упал на землю. Помню, как навстречу нам хлынула лавина индейцев, а за ними французы; индейцы издавали свой дьявольский военный клич, а французы казались не менее разъяренными, чем их союзники-дикари. С изумлением и горечью отметил я, как мало белых мундиров было на поле битвы. От силы десятка два французов пробежало мимо меня, да и всего в этом проклятом сражении, где два храбрейших полка англичан были разбиты наголову, французов участвовало не больше пятидесяти человек.

Один из их солдат, не то индеец, не то француз, ибо на нем были

мокасины, белый французский мундир и кокарда, увидав меня, простертого на земле, остановился и, подняв ружье над головой, бросился ко мне с явным намерением раздробить мне череп прикладом, а потом очистить мои карманы. При мне был пистолет, которым снабдил меня Гарри, когда я отправлялся в поход. По счастью, он лежал неподалеку, и я смог до него дотянуться. Я успел схватить его, и француз упал, сраженный пулей, ярдах в шести от меня. На этот раз я был спасен, но из раны лилась кровь, и силы мои иссякли. Когда я попытался снова зарядить пистолет, рука моя повисла, как плеть, я выпустил оружие и едва не лишился чувств.

Все мутилось у меня в голове, в ушах глухо отдавались выстрелы и крики индейцев; я лежал, истекая кровью, и вдруг увидел перед собой индейца: он обшаривал тело убитого мною француза и все посматривал на меня. Для начала он занялся мародерством: вывернул у француза карманы, разорвав на нем мундир, а затем снял с него скальп и, держа в зубах окровавленный нож, двинулся ко мне. Словно во сне или как сквозь туман, я увидел, что он приближается, и был не в силах оказать ему сопротивление, не мог даже пошевелиться.

Он уже придавил коленом мне грудь, окровавленной рукой схватил меня за волосы, оторвав мою голову от земли, и в это мгновение я увидел за его спиной пробежавшего мимо французского офицера.

Милосердный боже, это был молодой Флорак — один из моих секундантов на дуэли в Квебеке!

"A moi {Ко мне! (франц.)}, Флорак! — крикнул я. — C'est Georges! Aide-moi! {Это Джордж! Помоги мне! (франц.)}

Он остановился, услышав мой крик, и бросился ко мне. Схватив за плечо индейца, он приказал ему отпустить меня. Но индеец не понимал по-французски или делал вид, что не понимает. Он еще крепче ухватил меня за волосы и, размахивая окровавленным ножом, показывал французу, чтобы тот не мешал ему расправляться с его добычей. Я же мог только жалобно воскликнуть снова:

"A moi!"

"Ah, canaille, tu veux du sang? Prends!" {А, каналья, ты хочешь крови? Получай! (франц.)} — с проклятием крикнул Флорак, и индеец, испустив стон, повалился мне на грудь, пронзенный насмерть шпагой Флорака.

Мой друг поглядел по сторонам.

"Eh, la belle affaire {Ого, хорошенькое дельце! (франц.)}, — сказал он. — Куда ты ранен, в ногу?" Он тут же крепко перетянул мне ногу своим шарфом. "Они убьют тебя, если ты попадешься им на глаза. Ah, tiens! {Вот что! (франц.)} Надевай этот мундир и шляпу с белой кокардой. Позови на

помощь по-французски, когда будут проходить наши. Они примут тебя за француза. Назовись Брюнэ из Квебекского добровольческого полка. Да хранит тебя бог, Брюнэ. А я должен тебя оставить. Это генеральный *debaclé* {Разгром (франц.)}, и ваши красные мундиры удирают от нас, мой мальчик".

Ах, какое поражение это было! Какой позорный день для Англии!

Грубая повязка, наложенная Флоракон, приостановила кровотечение; этот добрый малый помог мне сесть, прислонив меня к дереву, зарядил мой пистолет и положил его рядом со мной, чтобы я мог постоять за себя, если еще какому-нибудь мародеру вздумается на меня напасть. Потом он дал мне напиток из тыквенной фляги, взяв ее у незадачливого французского солдата, вознамерившегося убить меня и поплатившегося за это жизнью, и первый же глоток сразу освежил меня и поднял мой дух. Флорак сделал пометку на дереве, к которому меня прислонил, огляделся по сторонам, стараясь удержать в памяти кое-какие приметы местности, чтобы потом по ним разыскать меня, и бросился догонять свою часть.

"Ты видишь, как я люблю тебя, Джордж, — сказал он мне на прощанье, — в такую минуту я все же задержался здесь ради тебя". Не припомню, говорил ли я тебе, Гарри, что Флорак был мне в какой-то мере обязан. В Квебеке я выиграл у него некоторую сумму в карты (согласившись играть после долгих упрасиваний с его стороны), и он оказался в трудном положении, так как расплатиться ему было нечем; тогда я взял его расписку, раскурил его трубку и простил ему долг. Как видите, сэр, вы не единственный азартный игрок в нашей семье.

Вечером этого трагического дня, когда преследование нашего отступающего войска закончилось, этот-верный своему слову малый вернулся за мной вместе с двумя индейцами, на поясе у которых болтались еще дымящиеся от крови скальпы, и сказал им, что я — француз, его брат, был ранен днем в сражении, и теперь меня надо отнести в форт. Они уложили меня на одно из своих одеял и потащили куда-то; я стонал, а верный Флорак шел рядом. Оставь он меня с ними одного, они, разумеется, тотчас опустили бы меня на землю, обшарили бы мои карманы и прибавили бы мой скальп к окровавленным трофеям, снятым с каких-то злополучных бедняг. Флорак пообещал индейцам напоить их в форте коньяком, если они благополучно доставят меня туда. Об этом путешествии у меня сохранилось лишь самое смутное воспоминание, — боль от раны в ноге была непереносима, и я несколько раз терял сознание. Наконец наш путь был окончен. Меня доставили в форт, в бревенчатую хижину коменданта, и уложили на койку Флорака.

Мое полубесчувственное состояние было для меня спасением. Меня принесли в форт под видом раненого французского солдата из гарнизона. Впоследствии я узнал, что в то время, когда я лежал в горячке, несколько пленных, захваченных во время ужасного нашего поражения, были доставлены под стены Дюкена, где индейцы подвергли их пыткам, безжалостно убили и сожгли на глазах у гарнизона.

Легко себе представить, в какой страх и трепет повергал рассказ Джорджа внимавших ему с глубоким сочувствием слушателей. Тео, схватив руку Этти, глядела на Джорджа совершенно потрясенная. А Гарри, ударив кулаком по столу, воскликнул:

— Проклятые краснокожие! Негодяи, убийцы! Нам не будет покоя, покуда их всех не переловят!

— В Пенсильвании, когда я оттуда уезжал, была предложена награда в сто тридцать долларов за каждый индейский скаल्प, — задумчиво проговорил Джордж. — И пятьдесят — за женский.

— Пятьдесят за женский, душа моя? Вы слышите, миссис Ламберт? — сказал полковник, приподнимая пальцами локоны жены.

— Негодяи, убийцы! — повторил Гарри. — Надо с ними покончить, сэр! Раз и навсегда!

— Не знаю, как долго провалялся я в лихорадке, — продолжал Джордж. Когда сознание возвратилось ко мне, моего дорогого Флорака уже не было со мной. Его рота была направлена против одного английского форта на территории Пенсильвании, который французы хотели захватить. К тому времени, когда я настолько оправился, что уже мог задавать вопросы и понимать, что мне отвечают, в Дюкене оставалось не больше тридцати европейцев. Этот форт легко можно было бы отбить обратно, если бы у нас хватило духу возвратиться туда после такого поражения.

Там, на берегу реки, мой старинный враг — малярия — снова ополчился на меня. Я выжил просто чудом. Если бы не доброта одной метиски, которая, сжалившись надо мной, принялась меня выхаживать, мне бы никогда не встать с одра болезни и бедняга Гарри в самом деле стал бы тем, кем он себя считал еще вчера — единственным оставшимся в живых сыном нашей матушки и единственным наследником деда.

Я помнил, что Флорак, укладывая меня на свою постель, сунул мне под подушку мои часы, деньги и кой-какие бывшие при мне безделицы. Когда сознание возвратилось ко мне, я обнаружил, что все это исчезло. Угрюмый старик-сержант — единственный остававшийся в хижине французский офицер — с проклятием заявил мне, что я должен еще благодарить бога, раз мне удалось уцелеть. Если бы не мой белый мундир и

кокарда, сказал он, я бы разделил судьбу других каналов из страны ростбифов, вполне ими заслуженную.

Когда я начал выздоравливать, в форте уже почти не оставалось гарнизона. Индейцы, обогатившись взятой у англичан добычей, покинули форт, а большая часть французских солдат была направлена на север. Мой добрый Флорак вынужден был по долгу службы покинуть меня, препоручив заботам сержанта-инвалида. Мосье де Контркер тоже ушел на север с одной из экспедиций, сдав командование фортом Дюкен старому поручику по имени Мюзю.

Этот Мюзю очень давно покинул Францию и служил в колониях. Он, по-видимому, пользовался не слишком хорошей репутацией у себя на родине и знал, что при существующей там системе во всем отдавать предпочтение людям благородного происхождения ему не приходится рассчитывать на продвижение по службе и повышение в чине. Думаю, что это он распорядился моими гинеями, точно так же, как и моими часами, которые я увидел однажды у него на комодке, зайдя к нему в комнату.

Мы с мосье Мюзю в общем неплохо поладили. Я сказал ему, что моя мать даст за меня щедрый выкуп, если он сумеет отправить меня домой или обменять, и эта мысль, как видно, разожгла его алчность, ибо, когда я еще лежал в лихорадке, он, зная, что зимой сюда приедет охотник за мехами, согласился, чтобы я отправил матери письмо и сообщил, что нахожусь в плену у индейцев и меня можно выкупить, но никак не меньше, чем за десять тысяч ливров, при этом он потребовал, чтобы письмо было написано по-французски, дабы он мог его прочесть.

Тщетно твердил я ему, что являюсь пленным Его Величества, христианнейшего короля Франции и со мной должны обращаться как с джентльменом и офицером. Мюзю бранился и клялся, что письмо должно быть написано именно так и никак иначе, или он его не отправит, а меня, если я буду раздумывать, выкинет из форта или поручит нежным заботам своих жестоких союзников — индейцев. И разговаривать с охотником он разрешил мне не иначе, как в его присутствии. Жизнь манит, и свобода сладостна. Некоторое время я пытался противиться ему, но меня все еще трепала лихорадка, я был ослаблен болезнью и в конце концов согласился написать такое письмо, какого этот негодяй от меня требовал, и охотник отбыл с моим посланием, пообещав за три недели доставить его моей матери в Виргинию.

Прошло три, шесть, двенадцать недель. Посланец не возвращался. Зима пришла и ушла, и все наши маленькие садики вокруг форта, где французские солдаты, перекопав маисовые поля, посадили яблони,

персиковые и другие фруктовые деревья, стояли в полном цвету. Одному небу известно, как тягостно влачили мои дни!

Когда здоровье мое пошло на поправку, я принялся рисовать портреты: наших гарнизонных солдат, метиски и ее ребенка (прижитого с Мюзом) и самого Мюзом, которому — со стыдом должен вам признаться — я польстил самым непозволительным образом. В форте нашлась старая гитара; подыгрывая себе на ней, я пел кое-какие запомнившиеся мне французские песенки и всеми способами старался снискать расположение моих тюремщиков. В этих занятиях месяц проходил за месяцем, а охотник все не возвращался.

Наконец до нас долетела весть, что он был застрелен в Мэриленде какими-то индейцами, союзниками англичан. Все мои надежды на выкуп приходилось отложить еще на много месяцев. Мюзом помрачнел и стал обращаться со мной очень грубо, особенно после того, как сержант подлил масла в огонь, сказав ему, что его метиска слишком ко мне расположена... Боюсь, что эта бедняжка и в самом деле была ко мне равнодушна. Испытывая к ней признательность, я неизменно обращался с ней очень ласково, и мои скромные достоинства казались чем-то необычайным в ее глазах; к тому же я был болен и несчастен, а это всегда пробуждает в сердцах женщин сочувствие.

Пленник, прикованный к постели болезнью, его свирепый тюремщик и молодая женщина, тронутая несчастной участью пленника, — не правда ли, при наличии трех таких персонажей вы вправе ждать развития душераздирающей трагедии. Вы, мисс Этти, по-моему, уже готовы высказать догадку, что эта женщина спасла мне жизнь.

— Ну, разумеется, это она вас спасла! — восклицает мать семейства.

— А какой иначе мог быть от нее толк! — говорит Этти.

— А вы, мисс Тео, уже, конечно, нарисовали себе мысленно портрет этой темноволосой красавицы, не так ли? Этим быстроногим охотницей...

— Дианы с младенцем, — замечает полковник.

— ...которая рыщет по лесам и лугам с целой свитой своих нимф, — этой королевы лесов, чья меткая стрела без промаха разит свою жертву! И вы, конечно, уже решили, — вижу по вашим глазам, — что я без памяти влюблен в нее.

— Что ж, вероятно, это была очень интересная особа, мистер Джордж, отвечает Тео, заливаясь краской.

— Ну, а что вы скажете о темноволосой красавице с кожей цвета красного дерева, с длинными прямыми волосами, чаще всего

напомаженными каким-то пахучим жиром, чрезвычайно неприятным на близком расстоянии, с маленькими глазками, широкими скулами, плоским носом, нередко украшенным продетым в него кольцом, с многочисленными нитками стеклянных бус вокруг коричневой шеи, с изящной татуировкой на щеках и на лбу, с великой любовью к нарядам и неумеренным пристрастием к... уж не знаю, признаваться ли вам в этом?

— К кокетству? Я так и знала, что вы это скажете! — заявила мисс Этти.

— К виски, моя дорогая мисс Эстер! И это ее пристрастие разделял и мой тюремщик. Когда я был в фаворе у мосье Мюзо, не одну ночь довелось мне провести с этой парой, и частенько видел я, как они напивались вместе — да так, что роняли кружки, из которых пили. Во время этих ночных развлечений они принимались то петь, то танцевать, то миловаться, то ссориться и тогда все переворачивали вверх дном, и снова кружки летели на пол. Когда Мюзо ко мне благоволил, он приглашал меня разделить с ним компанию, потому что, радея о своем достоинстве и не желая, чтобы кто-нибудь из солдат явился свидетелем этих сцен, он всех их держал от себя на расстоянии.

До тех пор, пока еще ничего не было известно о судьбе охотника и моего послания на родину и мы с Мюзо оба ждали выкупа, он обращался со мной довольно сносно, — позволял мне разгуливать по форту и даже выходить за его стены в поле или в садик, впрочем, всякий раз беря с меня слово возвратиться до отбоя. А я позволил себе прибегнуть к маленькой хитрости, за которую, надеюсь, вы не будете судить меня слишком строго: зимой после болезненного воспаления пуля у меня вышла и рана тут же затянулась, однако я продолжал ходить, прихрамывая, как калека. Я ковылял, опираясь на две палки, и беспрестанно ахал и охал, в ожидании того дня, когда смогу порадовать свои ноги хорошей пробежкой.

Но Мюзо, мало-помалу теряя надежду, что наш гонец возвратится, стал обращаться со мной крайне свирепо. Он воображал, что охотник сам получил выкуп и сбежал с ним. Разумеется, он приготовился решительно отрицать свою причастность к этой сделке, в случае если мое послание будет перехвачено. Его обращение со мной менялось в зависимости от того, что брало в нем верх надежда или страх, а иной раз просто от дурного или хорошего настроения. Временами он держал меня взаперти по несколько дней кряду, затем приглашал выпить с ним за ужином, а там начинал поносить мою нацию и вызывать меня на ссору или же впадал в плаксивую сентиментальность и принимался вспоминать свою родную Нормандию, где мечтал приобрести клочок земли и провести остаток дней в счастье и

благоденствию.

"Эх, мосье Мюзо! — сказал я ему. — За десять тысяч ливров вы, верно, могли бы купить себе недурной участок у себя на родине? И вы их получите в виде выкупа, если дадите мне уйти. А ведь через месяц-другой вас могут перевести отсюда, и тогда прости-прощай денежки и ваш клочок земли в Нормандии! Вам бы следовало положиться на честное слово джентльмена и порядочного человека. Дайте мне возможность вернуться на родину, и я обещаю вам, что десять тысяч ливров будут вручены любому указанному вами доверенному лицу в Квебеке или во Франции".

"Ах ты, мошенник! — зарычал он. — Ты хочешь испытать мою честность? Ты думаешь, что французский офицер позволит подкупить себя? Вот запру тебя в каземат, а утром велю расстрелять!"

"Но за мой бедный труп вам никак не выручить десяти тысяч ливров и доброго клочка земли с маленьким домиком в Нормандии..."

"И с вишневым садиком, — *sacrebleu!* {Приблизительно: "Будь я проклят!" (франц.).} — и даже хорошей порции рубцов *a la mode du pays!* {Здесь: по-нормандски (франц.).} — воскликнул Мюзо и всхлипнул.

Такие диалоги повторялись у нас снова и снова, и Мюзо то сажал меня под домашний арест, то приглашал на следующую ночь к себе ужинать и возвращался к разговору о Нормандии, сидру и рубцам *a la mode de Caen* {Как их готовят в Кане (франц.).}. Теперь, когда мой друг уже мертв...

— Его повесили, я надеюсь? — не выдержал полковник Ламберт.

— У меня нет надобности держать это дело в секрете. Я был бы счастлив предложить дамам трагическую повесть об исполненном опасностей побеге, о том, как я перерезал всех часовых в форте, перепилил тюремную решетку в окне, уничтожил десятка полтора бдительных стражей, избежал тысячи опасных ловушек и наконец обрел свободу. Но на этот раз за мной не числится никаких подвигов, и должен признаться, что только благодаря подкупу, и ничему другому, я нахожусь сейчас здесь, с вами.

— Но ведь ты же стал бы сражаться, Джорджи, если бы привелось! воскликнул Гарри. — И в конце-то концов, не мог же ты одолеть целый гарнизон! — Но, говоря так, мистер Гарри залился жарким румянцем.

— Нет, вы только поглядите на дам, как они разочарованы! — сказал полковник Ламберт. — Миссис Ламберт, кровожадная вы женщина, признайтесь, что вы разочарованы, — вам не преподнесли рассказа о хорошей схватке, А посмотрите на Этти — она, по-моему, крайне рассержена тем, что мистер Джордж не пристрелил коменданта.

— Но вы же сами хотели, чтобы его повесили, папенька! — вскричала

мисс Этти. — А я, разумеется, всегда хочу того же, чего и вы.

— Позвольте, милостивые государыни! — сказал Джордж, тоже слегка покраснев. — Посмотреть сквозь пальцы на побег пленного — это не такое уж страшное преступление. Ну, а деньги... не одни только французы, но и представители других наций позволяли себя подкупать. Что касается меня, то я склонен простить мосье Мюзю за то, что он дал мне свободу. Угодно ли вам узнать, как все это произошло? Вы видите, мисс Этти, не останься я тогда в живых, как бы я мог поведать теперь обо всем этом вам?

— О, Джордж!.. Прошу прощения, я хотела сказать, мистер Уорингтон! Право же... я совсем не то имела в виду! — воскликнула Эстер.

— Не надо просить у меня прощения, дорогая мисс Этти. Меня никогда не удивляло и не огорчало, если кому-нибудь Гарри был больше по сердцу, нежели я. Он заслуживает самой нежной привязанности со стороны любого мужчины и любой женщины. Смотрите, теперь пришла его очередь покраснеть, — сказал Джордж.

— Продолжай, Джорджи, расскажи им о том, как ты спасся из Дюкена! воскликнул Гарри.

Позже, оставшись с миссис Ламберт наедине, он признался ей по секрету:

— Вы понимаете, он теперь все время твердит, что ему не следовало воскресать из мертвых, и утверждает, что я лучше его. Подумать только, миссис Ламберт, я — пустой, жалкий повеса — лучше его! Какой вздор!

Глава II,

intentique ora tenebant {В которой внимают, затаив дыхание (лат.).}

— Месяц за месяцем тянулась наша тоскливая жизнь в форте; у меня с комендантом по-прежнему происходили стычки и примирения, по-прежнему мы коротали вечера с помощью засаленной колоды карт и разыгрывали унылые дуэты — он на своей астматической лютне, я на своей надтреснутой гитаре. Бедняжка краснокожая по прозвищу Лань получала свои колотушки и свои порции спиртного, в зависимости от того, чем благоволил наградить ее господин и повелитель, нянчила своего младенца, пестовала супруга с его подагрой и пленника с его малярией, и так оно шло день за днем до начала прошлой осени, когда к нам наведалься еще один охотник и сообщил коменданту столь важную новость, что она привела в волнение весь наш небольшой гарнизон: маркиз де Монкальм выслал довольно крупный отряд для несения гарнизонной службы в фортах, уже находящихся в руках французов, и для захвата тех, коими еще владел неприятель — то бишь англичане. Войска покинули Квебек и Монреаль и с артиллерией и большими запасами провианта и амуниции

двигались на судах по реке Святого Лаврентия и по озерам.

Мюзю предстояло передать комендантский пост офицеру более высокого ранга, и я мог ожидать, что тот либо обменяет меня на какого-нибудь пленного француза, либо выдаст индейцам в отместку за многочисленные примеры жестокого обращения наших войск с офицерами и солдатами неприятеля. В гарнизоне с нетерпением ждали прибытия этого подкрепления: вот когда они двинутся на Пенсильванию и на Нью-Йорк, захватят Олбани и Филадельфию и загонят английских ублюдков в море, после чего вся Америка, от Миссисипи до Ньюфаундленда, будет принадлежать им!

Все это звучало крайне победоносно, однако грядущие триумфы французского оружия почему-то мало вдохновляли мосье Мюзю.

"Эх, комендант, — сказал я, — все это fort bien {Прекрасно (франц.)}, что же в таком случае случится с вашей фермой в Нормандии, вашей кружкой доброго сидра и рубцами a mode de Caen?"

"Да, так-то оно так, мой garçon {Мальчик (франц.)}, — отвечал он. — Ну что случится с тобой, когда на смену бедному старому Мюзю придет другой? Не все офицеры такие добрые товарищи, как я. Таких добросердечных людей, как Мюзю, не так-то много на свете. Когда здесь разместят большой гарнизон, ты думаешь, тебе будут давать такие же поблажки, какие ты получал от честного Мюзю? Да тебя запрут в хлеву, как свинью, оставленную на убой. Ручаюсь, что ты заплатишься своей шкурой за то, что ваши разбойники-колонисты сделают с каким-нибудь из наших офицеров, когда он попадет к ним в руки. Тебя выдадут нашим краснокожим союзникам — братьям вот этой краснокожей Лани. Разве ты не видел, что сделали с твоими соотечественниками, которых взяли в плен в битве с Брэдкоком? Из всех кар, какие выпали им на долю, костер был самой легкой, та foi {Честное слово (франц.)}, верно я говорю, Лань?"

И он, посмеиваясь, принялся расписывать всевозможные пытки, которым подвергали пленных: им выжигали глаза, вырывали ногти и зубы, отрубали ноги и руки, рассекали туловище... Вы как будто побледнели, мисс Тео? Что ж, я готов пощадить вас и воздержаться от подробного описания уготованных мне пыток, которые столь любезно живописал честный Мюзю.

Однако описание всех этих ужасов волновало Лань далеко не так сильно, как вас, сударыни. Лань уже насмотрелась на все это в свое время. Она была из племени сенеквов, чьи селенья расположены вблизи большого водопада, между Онтарио и Эри; это племя сражалось и на стороне англичан, и против них, и одновременно воевало и с другими племенами, и

едва ли можно было установить, кто проявлял большую кровожадность — белые или краснокожие.

"Вы правы, комендант, они, бесспорно, могут сварить меня живьем или нарубить из меня котлет, — холодно отвечал я. — Но, повторяю, вы при этом уже никогда не получите своей фермы в Нормандии".

"Ступай принеси бутылку виски, Лань!" — приказал Мюзо.

"Однако сейчас ведь еще не поздно. Я щедро вознагражу того, кто возьмется сопровождать меня до дома. И повторяю: честью своей ручаюсь вам, что вручу десять тысяч ливров¹ тому... ну, кому бы? Да любому, кто предъявит мне какой-нибудь опознавательный знак... Хотя бы, скажем, мои часы и печатку с гербом моего деда... которые я видел где-то здесь в форте у кого-то в сундучке".

"Ah scelerat! {Ах ты, злодей! (франц.)} — зарычал комендант и хрипло расхохотался. — А ты глазаст! Только на войне всякая добыча законна!"

"Подумайте о доме у себя на родине в деревне и о хорошем выпасе с полудюжиной коров неподалеку от дома... О хорошем фруктовом садике, полном спелых плодов".

"Жавот сидит на крылечке со своею прялкой, и тут же двое-трое пострелят с щечками, красными, как яблоки! О, моя родная деревня! О, моя матушка! захныкал комендант. — Лань, живей, давай сюда виски!"

Весь вечер комендант пребывал в глубоком раздумье, и Лань тоже была грустна и молчалива. Она сидела в стороне с младенцем на руках, и, поглядывая на нее, я всякий раз замечал, что ее взгляд прикован ко мне. Потом несчастный малыш расплакался, и Мюзо, как всегда, бранясь и сквернословя, прогнал Лань в ее каморку, где она ютилась вместе со своим дитятей. Когда Лань ушла, мы с ним поговорили откровенно, и я представил этому господину такие доводы, против которых его алчность никак не могла устоять.

"А почему ты знаешь, что охотник станет тебе помогать?" — спросил Мюзо.

"Это уж моя тайна", — сказал я. Но теперь-то я больше не связан словом и могу, если пожелаете, открыть эту тайну вам. Когда охотники приходят в поселение для заключения торговых сделок, они частенько остаются тут на два-три дня, чтобы отдохнуть, выпить и повеселиться, и нашему новому знакомцу этот обычай тоже пришелся по нраву. Он играл в карты с солдатами, обменивал у них свои меха на спиртное, пел, плясал, — словом, развлекался в форте как мог. Я как будто уже говорил вам, что солдатам нравилось слушать мои песни, а так как делать мне все равно

было нечего, то я часто пел им и брэнчал на гитаре; иной раз мы задавали целые концерты: солдаты принимались петь хором или танцевать под мою немудреную музыку, пока дробь барабана, возвещавшая отбой, не клала конец нашему веселью.

Наш гость-охотник присутствовал как-то на одном из таких концертов, и я решил прощупать его — не понимает ли он, случаем, по-английски. Когда мы истожили наш небольшой запас французских песен, я сказал:

"А теперь, ребята, я спою вам английскую песню". И на мотив старинной песенки "Там вдали за холмом", популярной в войсках Мальборо, которую так любил напевать мой добрый дед, я спел сочиненные мною скверные вирши: "Давно, давно я томлюсь в плену, и мне опостылел плен. Сто гиней я отдам, сто гиней, тому, кто даст мне свободу взамен".

"Что это ты поешь? — спросил охотник. — Я что-то не понял".

"Это любовная песенка — девушка обращается в ней к своему возлюбленному", — отвечал я. Но по озорному огоньку в его глазах я догадался, что он отлично все понял.

На следующий день, когда вокруг никого не было, охотник подтвердил мне, что я не ошибся в своей догадке: проходя мимо меня, он начал напевать — чуть слышно, но на вполне сносном английском языке: "Сто гиней тому, кто даст мне свободу взамен", — припев сочиненной мной накануне песенки.

"Если ты решился, — сказал он, — то и я готов. Я знаю, из каких ты мест и как туда добраться. Потолкуй с Ланью, она скажет тебе, что нужно сделать. Как? Ты не хочешь сыграть со мной? — И, вытащив колоду карт, он перешел на французский язык, — к нам приближались двое солдат. — Милорд est trop grand seigneur? Bonjour {Слишком важная птица? До свиданья (франц.)}.

И, отвесив мне насмешливый поклон, он пожал плечами и пошел дальше подыскивать себе партнеров и собутыльников.

Теперь я понял, что и Лань должна была служить посредником в предприятии, которое я затеял, и что Мюзоз принял мое предложение. Бедняжка выполнила свою роль искусно и точно. С Мюзоз мне даже не пришлось больше об этом говорить, — мы поняли друг друга. Индианка же давно получила возможность свободно сноситься со мной. Она выходила меня, когда я лежал раненый, ухаживала за мной во время моей болезни, убирала мою каморку и стряпала для меня. Ей разрешалось выходить за пределы форта — и к реке, и в поле, и на огороды, откуда она приносила овощи и зелень для нашего маленького гарнизона.

Проиграв в карты больше половины всех денег, вырученных за меха, охотник забрал свои запасы кремней, пороха и одеял и ушел. А через три дня после его ухода Лань дала мне понять, что для меня настало время сделать попытку вырваться на свободу.

Когда мой добрый Флорак доставил меня, раненого, в форт, он поместил меня в своей офицерской комнате и уступил мне свою постель. Когда все офицеры, за исключением старого поручика, покинули форт, мне было разрешено остаться в том же помещении, и временами я пользовался довольно большой свободой и даже получал приглашение разделить трапезу с своим захмелевшим тюремщиком, а иной раз меня держали под замком и на голодном пайке пленного. Жил я в маленьком бревенчатом домишке, совершенно таком же, как полдюжины других домишек форта. В форте имелось всего четыре легких пушки, и одна из них стояла на бастионе, как раз позади моего домишка. С этого бастиона к западу открывался вид на маленький островок у слияния двух рек — Огайо и Мононгахилы. На берегу, где был расположен форт Дюкен, как раз напротив острова росло несколько деревьев.

"Тебе видеть там деревья? — спросила меня Лань на своем ломаном французском языке накануне дня, назначенного для побега. — Он ждет тебя там, за деревья".

Днем двери моего домика не запирались, и Лань свободно могла приходить и уходить. Накануне побега она пришла с поля с мотыгой в руке и целой корзиной зелени и овощей для супа. Присев на скамейку возле моего крыльца, она поставила сбоку свою корзину и прислонила мотыгу к двери. Я стоял и разговаривал с ней, но был настолько несообразителен, что мне и в голову не пришло воспользоваться этой мотыгой, пока Лань попросту не зашвырнула ее через открытую дверь ко мне в комнату.

"Спрячь! — сказала она. — Скоро тебе нужна будет". И в этот же день к вечеру она указала мне на деревья. А на другой день она пришла ко мне и с чрезвычайно рассерженным видом принялась громко кричать:

"Милорд, милорд, почему не идешь комендант обедать? Он плохой, сердитый, Entendez-vous?" {Понимаете? — (франц.).} И, выкрикивая это, она просунула голову ко мне в комнату и бросила мне толстую веревку.

"Иду, Лань", — сказал я и заковылял следом за ней на своем костыле. Возле двери коменданта она шепнула мне: "Pour ce soir {Сегодня вечером (франц.).}", — и я понял, что час пробил. А Мюзо вроде как ничего и знать не знал. Откуда ему знать! Он хмуро взглянул на меня и сказал, что суп совсем простыл. Пристально на меня поглядывая, он болтал о разных пустяках, — и не только в присутствии слуги, но и потом, когда мы,

оставшись одни, закурили трубки и принялись играть в пикет. А Лань, по своему обыкновению, забилась в угол.

Опорожнив бутылку виски, он сказал, — как мне показалось, довольно многозначительно, — что должен выпить еще стаканчик: оба мы, сказал он, должны выпить сегодня еще по стаканчику. И, встав из-за стола, он направился в соседнюю комнату, где держал свою огненную воду под замком — подальше от бедной Лани, ибо она никогда не могла устоять против искушения.

Как только он отвернулся, Лань приподнялась, а едва он скрылся за дверью, кинулась к моим ногам, покрывала поцелуями мою руку, прижала ее к своему сердцу и, обняв мои колени, оросила их слезами. Признаться, я был так потрясен этим неммым проявлением нежной привязанности ко мне несчастного, одинокого создания, привязанности, о глубине и силе которой я даже не подозревал, что, когда возвратился Мюзоз, я еще не сразу пришел в себя, хотя бедняжка Лань снова сидела в своем углу, завернувшись в одеяло.

Мюзоз же, по-видимому, не заметил ничего странного ни в моем, ни в ее поведении. Мы снова сели за карты, но мысли мои были так далеко, что я едва отличал одну масть от другой.

"Я сегодня обыгрываю вас в пух и прах, милорд, — угрюмо сказал Мюзоз. Мы играем на честное слово".

"И на мое слово вы можете положиться", — отвечал я.

"Еще бы! Это единственное, что у вас есть!" — отвечал он.

"Мосье, — сказал я, — мое слово стоит десять тысяч ливров". И мы продолжали играть.

Наконец он заявил, что у него разболелась голова и он намерен лечь спать, и я понял это как приказ отправляться восвояси.

"Желаю вам хорошенько выспаться, *mon petit milor* {Мой маленький милорд (франц.)}, — сказал он... — Пойдите, вы же упадете без костыля!" Он язвительно улыбнулся, и во взгляде его, устремленном на меня, блеснула насмешка. От волнения я совсем позабыл про свою хромоту и направился к двери таким упругим шагом, что ему мог бы позавидовать любой гренадер.

"Какая мерзкая ночь! — сказал он, выглянув наружу. И верно, собиралась гроза: выл ветер и гремел гром. — Принести фонарь, Лань, проводи милорда и запри его покрепче на замок!" Он постоял еще немного на пороге двери, глядя на меня, а из-за его плеча выглядывала бедняжка Лань.

В эту ночь лил такой дождь, что часовые попрятались по будкам, и

никто не мешал мне заниматься своим делом. Моя хижина была сложена из глубоко врытых в землю столбов, соединенных между собой горизонтально положенными бревнами. Я должен был вырыть под бревнами подкоп, достаточно широкий, чтобы протиснуться в него. Я начал рыть, как только стемнело, и пробили вечернюю зорю, и было уже за полночь, когда моя работа стала подходить к концу: я просунул руку под бревно и почувствовал на ней капли дождя. После этого я работал еще часа два с особой осторожностью и наконец выбрался наружу, подполз к парапету и бесшумно накинул веревку на пушку. Сердце у меня, признаться, замирало, каждую секунду я ждал, что часовой приметит меня и всадит добрую порцию свинца мне в спину.

Стена была всего двенадцати футов в высоту, и спуститься в ров не представляло особого труда. Некоторое время я еще выжидал, лежа во рву и вглядываясь во мрак: я старался различить реку и остров. Я слышал, как наверху прошел часовой, что-то мурлыча себе под нос. Скоро глаза мои привыкли к темноте, а затем взошла луна, передо мной засверкала река, и я увидел темные скалы и деревья возвышающегося над водой острова.

Со всей быстротой, на какую я только был способен, устремился я к указанной мне цели, стараясь поскорей достичь купы деревьев. О, какое облегчение испытал я, когда донесся до меня тихий голос, напевавший: "Кто даст мне свободу взамен".

В этом месте повествование мистера Джорджа было прервано. Мисс Тео, сидевшая за клавесином, повернулась к инструменту, и звуки старинной песенки огласили комнату, а все собравшиеся в этом тесном кругу весело подхватили припев.

— Наш путь, — продолжал рассказчик, — пролегал по ровной лесистой местности на правом берегу Мононгахилы и был хорошо знаком моему проводнику. Когда рассвело, мы выбрались из леса, и охотник, — он был известен под прозвищем "Серебряные Каблуки", — спросил меня, узнаю ли я это место. Перед нами расстилалось поле роковой битвы, где пал Брэддок и где летом прошлого года я чудом спасся от смерти. Теперь листва деревьев уже начинала окрашиваться роскошным багрянцем нашей прекрасной осени.

— Ах, братец! — вскричал Гарри, сжимая руку Джорджа. — Я играл в карты и глупо прожигал жизнь на Танбриджских водах и в Лондоне, в то время как мой Джордж пробирался сквозь нехоженые леса, спасая свою жизнь! Ну, какое же я ничтожество!

— Тем не менее я вовсе не считаю вас недостойным сыном вашей матушки, мягко произнесла миссис Ламберт, и глаза ее увлажнились

слезой.

Да и в самом деле, ведь если Гарри заблуждался, то его раскаяние, его любовь к брату, его бескорыстная радость и великодушные заставляли думать, что для бесхитростного и добросердечного молодого грешника еще не утрачена надежда на спасение.

— Здесь мы переправились на другой берег, — возвратился к своему повествованию Джордж, — и продолжали продвигаться дальше, вдоль западного склона Аллеганских гор. Это край величественных лесов, где растут дубы, и клены, и высокие тополя с кронами, начинающимися в сотне футов от земли. Нам приходилось прятаться не только от французских дозоров, но и от индейцев. Их преданность нам и прежде была сомнительной, а теперь они и вовсе были восстановлены против нас — отчасти из-за нашего с ними жестокого обращения, отчасти же потому, что французы разбили нас здесь наголову два года назад.

Я все еще был очень слаб, и мы пробирались сквозь эти девственные леса свыше двух недель, и день ото дня листва пламенела все больше. По ночам остро пощипывал мороз. Мы разводили костер, ложились к нему ногами и спали, закутавшись покрепче в одеяла. В это время года охотники, живущие в горах, начинают добывать сахар из кленов. Мы наблюдали не одну такую семью охотников, расположившуюся в кленовом лесу возле какого-нибудь горного потока. Они гостеприимно подзывали нас к своему костру и потчевали олениной. Так мы перевалили через два хребта — через Лорел-Хиллс и через Аллеганские горы. Последний день нашего путешествия привел меня и моего верного проводника в величественное и дикое ущелье Уиллс-Крик, зажатое между высоких, совершенно лишенных растительности отвесных скал, зубчатых, словно крепостные стены, с острыми, как шпиль, вершинами, вокруг которых кружили орлы, охраняя свои гнезда в расщелинах.

И наконец мы спустились к Камберленду, откуда больше года назад начался наш поход и где теперь мы держали довольно большой гарнизон. О, поверьте, это был радостный день, когда я снова увидел английские знамена на берегах нашего родного Потомака!

Глава LIII,

в которой мы продолжаем пребывать в придворных кварталах города

Накануне вечером Джордж Уорингтон поведал госпоже де Бернштейн только что услышанную нами историю своих злоключений, вернее — некоторую ее часть, ибо старая дама на протяжении всего повествования не раз начинала клевать носом; но стоило только Джорджу умолкнуть, как она тотчас пробуждалась, заявляла, что все это необычайно интересно, и

требовала, чтобы он продолжал. Молодой человек покашливал и запинаясь, что-то невнятно бормотал, краснел и без всякой охоты принимался рассказывать дальше, и, конечно, рассказ его и наполовину не был так хорош, как тот, что он преподнес в тесном дружеском кругу на Хилл-стрит, где изумленный взгляд Этти, исполненный сочувствия взгляд Тео, излучающее доброту лицо маменьки и растроганное выражение лица папеньки могли послужить достаточным признанием для любого скромного юноши, чье красноречие нуждается в некотором поощрении. При этом, по словам генерала, маменька вела себя совершенно как пресловутый сапожник мистера Аддисона, и любая трагедия могла бы сделать на театре полный сбор, если бы маменьке предоставили место в передней ложе, где бы она просто сидела и плакала. Вот почему мы избрали дом лорда Ротема в качестве тех подмостков, где читателю предстояло впервые ознакомиться с историей Джорджа, — нам казалось, что Джордж должен поведать ее в благоприятной обстановке, а не перед сонной, циничной старой дамой.

— Право же, мой дорогой, все это прекрасно и крайне интересно, молвила госпожа де Бернштейн, поднося к лицу три очаровательных пальчика в кружевной митенке, дабы прикрыть конвульсивные движения рта. — Ваша матушка была, должно быть, в восторге, когда вы перед ней предстали.

Джордж едва заметно пожал плечами и отвесил низкий поклон; острый взгляд тетушки несколько секунд оставался прикованным к его лицу.

— Разумеется, она была вне себя от восторга, — сухо продолжала старая дама, — и небось приказала зарезать откормленного тельца и... Ну и все прочее, что полагается. Впрочем, почему я сказала "тельца". Сама не знаю, ведь вы, племянник Джордж, никогда не были блудным сыном. Скорее это могло бы относиться к тебе, мой бедный Гарри. Тебе так часто приходилось бывать в обществе свиней. Бессовестные твои приятели попросту очистили твои карманы.

— Он прибыл в Англию к своим родственникам, сударыня, — с горячностью произнес Джордж, — и его приятели были друзьями и вашей милости.

— Он не мог бы найти себе худших советчиков, племянник, и я бы давно сообщила об этом сестре, если бы она соблаговолила прислать мне с ним письмо, как прислала с вами, — заявила старая дама, надменно вздернув голову.

— Ну и ну! — сказала она в тот же вечер своей камеристке, одеваясь,

чтобы отправиться на раут. — По лицу этого молодого человека я поняла, что маменька была скорее огорчена, нежели обрадована его воскресением из мертвых. Подумать только — огорчена! Меня это просто взбесило! Ему бы, видно, лежать себе и лежать тихонько, где свалился, возле дерева, и надо же было этому Флораку потащить его в форт! Я знавала этих Флораков, когда бывала в Париже во времена Регентства. Они из иврийских Флораков. До Генриха Четвертого это был совсем незнатный дом. Один из предков был фаворитом короля. Фавориткой, хотела я сказать, ха, ха! Брет, *entendez-vous?* {Вы понимаете? (франц.).} Подайте мне мою сумочку с картами. Мне не нравится надутый вид этого мосье Джорджа, однако он похож, очень похож на своего деда: тот же взгляд, а порой и в голосе что-то... Вы, верно, слышали о полковнике Эсмонде в те годы, когда я еще была молода? У этого мальчика его глаза. Вероятно, мне так нравились глаза полковника, потому что он любил меня.

Собираясь на карточный вечер, — излюбленное развлечение, которое она никогда не пропускала, будь то в будни, будь то в праздники, и предавалась ему до тех пор, пока у нее хватало сил сидеть на стуле и держать карты в руках, — баронесса тут же, как только Джордж закончил свой рассказ, отпустила обоих племянников: старшему — подала два пальца и наградила его величественным реверансом, Гарри же протянула обе руки и ласково потрепала его по щеке.

— Бедное мое дитя! Теперь, лишившись наследства, ты сразу почувствуешь, как общество изменит свое отношение к тебе! — сказала она. — Во всем Лондоне только одна злая, бессердечная старая женщина будет любить тебя по-прежнему. Возьми этот кошелек, дитя мое! И постарайся не спустить всего сегодня же за один вечер в Раниле. Твой костюм совсем не так ловко сидит на твоём брате, как он сидел на тебе! Тебе придется представлять всем твоего брата, дитя мое, и часа два, никак не меньше, прогуливаться с ним по зале. После чего я бы на твоём месте отправилась в шоколадную и, как ни в чем не бывало, села бы за карты. А пока ты будешь там, Джордж может вернуться сюда и съесть вместе со мной цыпленка. Ужины у леди Скунс из рук вон плохи, и мне хотелось бы поговорить с твоим братом о письме вашей матушки. *Au revoir* {До свидания (франц.)}, господа! — И баронесса удалилась совершать свой туалет. Ее портшез и лакеи с горящими факелами уже ждали у подъезда.

Молодые люди поехали в Раниле, но встретили там мало кого из знакомых Гарри. Они немножко прошлись по залам, увидели мистера Тома Клейпула с его друзьями; потом послушали музыку и выпили чаю в ложе. Для Гарри все это было уже не в диковинку, и он с удовольствием знакомил

брата со всеми особенностями этого дворца развлечений, и на Джорджа он произвел даже более сильное впечатление, чем когда-то на самого Гарри. Джордж куда больше любил музыку, чем Гарри, и ему впервые привелось слушать такой большой оркестр и пьесы мистера Генделя в довольно хорошем исполнении, а Гарри дал приятный пример скромности и почитания старшего брата, проявив уважительное отношение к увлечению Джорджа музыкой, невзирая на то, что в те дни "пиликанье смычком" было объявлено в Англии низменным занятием, недостойным мужчины, и патриотическая печать ежедневно призывала сынов Альбиона презреть фривольные утехы разных там Скваллини, мосье и им подобных. Теперь уже ни один британец не станет похваляться своим невежеством. Теперь мы больше не страдаем глупым самомнением. Мы излечились от тупости. Высокомерие нам совершенно чуждо... Ну, словом, так или иначе, искусство получило у нас наконец права гражданства и стало почти полноправным членом общества. Если нынче миссис Трейл задумает выйти замуж за учителя музыки, я не думаю, что ее друзья будут падать в обморок при одном упоминании ее имени. А если к тому же у нее имеется недурное состояние и недурной повар, к ней даже будут приезжать пообедать, невзирая на совершенный ею мезальянс, и почтят господина Пиоцци своим любезным вниманием.

Следуя совету госпожи Бернштейн, Джордж возвратился из Раниле в дом ее милости, а Гарри отправился в клуб, куда обычно съезжались, чтобы поужинать, а затем засесть за карты. Никто, разумеется, и словом не обмолвился по поводу кратковременного исчезновения мистера Уорингтона, и мистер Рафф, его бывший домохозяин, прислуживал ему столь почтительно и любезно, словно между ними никогда не происходило никаких недоразумений. Мистер Уорингтон еще утром приказал перевезти свои сундуки и все свое имущество с Бонд-стрит на другую квартиру, куда он и водворился вместе с братом.

Однако после того как с ужином было покончено и господа, как обычно, собрались подняться наверх и сесть за макао, Гарри заявил, что он больше не намерен играть. Он уже крепко обжегся и не может позволить себе новых безрассудств.

— Почему же, — сказал мистер Моррис довольно дерзким тоном, — ведь в конечном счете, вы, должно быть, выиграли больше, чем проиграли, мистер Уорингтон.

— А вы, должно быть, лучше разбираетесь в моих делах, чем я сам, мистер Моррис, — резко сказал Гарри, ибо он не забыл, как вел себя мистер Моррис, узнав об его аресте. — Но я руководствуюсь другими

соображениями. Несколько месяцев и даже несколько дней назад я был наследником большого поместья и мог позволить себе проиграть немного денег. Но теперь, благодарение небу, я больше не наследник. — И, сильно покраснев, он обвел глазами кучку господ, его партнеров по картам, — кое-кто из них уже успел усесться за стол, кое-кто расположился у камина.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Уорингтон? — воскликнул милорд Марч. — Вы просадили и свое виргинское поместье тоже? Кто же его выиграл? А я сам мечтал сразиться с вами, если вы поставите его на карту.

— И вывести там улучшенное племя колониальных рабов, — заметил кто-то.

— Поместье выиграл его настоящий владелец. Вы слышали от меня о моем старшем брате-близнеце?

— О том, который участвовал в походе Брэдока и был убит в сражении два года назад? Как же. С нами крестная сила, надеюсь, дорогой мой, он не воскрес из мертвых?

— Он прибыл в Лондон два дня назад. Полтора года он находился в плену у французов, но ему удалось бежать, и вскоре после своего освобождения он покинул наш родной дом в Виргинии, чтобы отправиться сюда.

— Вы, вероятно, даже не успели заказать себе траур, мистер Уорингтон? с добродушной улыбкой спросил мистер Селвин, и простосердечный Гарри даже не понял его шутки, пока брат не растолковал ему скрытый в ней смысл.

— Пусть меня повесят, но этот малый прямо-таки в восторге от того, что его чертов братец воскрес из мертвых! — воскликнул лорд Марч, когда молодой виргинец покинул общество, продолжавшее обсуждать новость.

— У этих дикарей все еще в ходу примитивные добродетели, вроде нежной привязанности друг к другу, они там, в Америке, почти не тронуты цивилизацией, — промолвил Селвин, зевая.

— Они любят свою родню и снимают скальпы со своих врагов, — жеманно улыбнулся мистер Уолпол. — Это не по-христиански, но это естественно. А ты не хотел бы побывать на состязании по снятию скальпа, Джордж, и поглядеть, как с человека заживо сдирают кожу?

— Старший брат человека — его исконный враг, — невозмутимо проговорил мистер Селвин, раскладывая перед собой на столе монеты и фишки.

— Пытки — это как крепкий бульон с перцем. После этого обыкновенное повешение покажется тебе недостаточно лакомым, Джордж,

— продолжает Уолпол.

— Пусть меня повесят, если есть в Англии хоть один человек, который желает долгой жизни своему старшему брату, — сказал милорд.

— Или отцу, не так ли, милорд? — воскликнул Джек Моррис.

— Впервые слышу, что у вас тоже был отец, Джек. Дайте мне фишек на пять сотен.

— Внезапное воскресение из мертвых убитого брата — это, конечно, прекрасно, — продолжал Джек, — но только я вот что скажу: кто мне поручится, что все это не было уговорено между ними наперед? Сначала появляется один молодчик и объявляет себя Юным Счастливым, виргинским принцем и дьявол его знает еще чем, втирается в наше общество...

Слова "наше общество" вызывают дружный хохот.

— Да откуда мы можем знать, что все это не подстроено? — продолжает Джек. — Младший должен явиться первым. Жениться на богатой наследнице, а после того как он ее заполучит — бац, хлоп, появляется старший братец! А когда этот старший братец появился? Да вот как раз, когда планы младшего сорвались и у него все полетело вверх тормашками! Кто мне поручится, что этот второй не жил все время у Севн Дайелс или в каком-нибудь погребе, питаясь рубцами и студнем из копыт, покуда у младшего все не сорвалось? Черт побери, мы, джентльмены, должны, я считаю, намотать себе это на ус, а также не забывать и о том, что этот мистер Уорингтон слишком много позволял себе здесь, в нашем клубе.

— А кто ввел его сюда? По-моему, это Марч рекомендовал мистера Гарри в члены клуба, — сказал кто-то.

— Правильно. Но милорд считал, что он представляет нам совершенно другую особу, не правда ли, Марч?

— Придержи свой грязный язык, не лезь не в свое дело, — произнес сей аристократ. Однако предположение, высказанное Джеком Моррисом, нашло немало сторонников в свете. Многие почли крайне неприличным то, что мистер Гарри Уорингтон мог хоть на миг поверить в смерть своего брата. И вообще, в появлении этого молодого человека и в его последующем поведении было, по их мнению, много подозрительного, а посему следовало проявить особенную осторожность по отношению ко всем этим иностранцам, авантюристам и тому подобным личностям.

Гарри же, невзирая на то, что он был теперь на свободе и его денежные затруднения кончились; невзирая на щедрое даяние тетушки; невзирая на воскрешение из мертвых любимого брата, сожалеть о чем у него и в мыслях не было, хотя все его приятели из кофейни Уайта были уверены в

обратном; невзирая на то, что Мария проявила большое благородство, когда с ним приключилось несчастье, — невзирая на все это, он, оставаясь один, был далеко не весел и покуривал свою виргинскую трубку в довольно смятенном состоянии духа. И не потому, что он лишился родового имени, — эта потеря нимало его не тревожила, он знал, что его брат выделит ему его долю, как выделил бы он сам брату, — но после всех сомнений и споров с самим собой оказаться бедняком и в то же время быть связанным неразрывными узами с немолодой кузиной! Да, она была немолода, это он знал твердо. Да что там, когда она пришла к нему в эту отвратительную каморку на Кэрситор-стрит и обильно лившиеся из глаз слезы смыли румяна с ее щек, она показалась ему не моложе его матери! Кожа на лице у нее была желтая, сморщенная, и при воспоминании об этом он и сейчас чувствовал такую же растерянность, как в тот день, когда ей стало дурно в карете по дороге в Танбридж. Что скажет его мать, когда он приведет такую супругу в дом? И, боже милостивый, какие баталии начнутся между ними! Ему придется уехать, поселиться на одной из плантаций — чем дальше от дома, тем лучше — и взять с собой нескольких негров; он постарается стать хорошим хозяином и будет много времени проводить на охоте; но будь то в Каслвуде или в собственном доме, — что за жизнь готовит он для бедной Марии, которая привыкла бывать при дворе и на раутах, танцевать на балах и все ночи напролет играть в карты! Если бы он мог хотя бы заняться управлением имения... О, он бы честно вел дело и постарался бы восполнить все, что потерял за свою бесполезно прожитую жизнь и сумасбродства последних месяцев! В полгода промотать пять тысяч фунтов все наследство и все сбережения, сделанные за долгий период его несовершеннолетия! Он нищий, — если бы не доброта его дорогого Джорджа, у него не было бы никаких средств к существованию, ничего, кроме старой жены. Да, он нищий, нарядный нищий, разодетый в бархат с серебряными галунами (бедняга, как на грех, был в самом лучшем своем костюме)! Каким фертом явился он в Европу и вот к какому концу пришел! И среди всех этих сумасбродств в компании своих светских друзей — на скачках в Ньюмаркете или в кофейне Уайта — был ли он счастлив хоть единый миг здесь, в Европе? Да, было три-четыре счастливых дня, да еще вчерашний вечер в доме дорогой, дорогой миссис Ламберт, и доброго бравого полковника, и этих славных приветливых девушек. И прав был полковник, укоряя его за безрассудство и мотовство. А он показал себя грубой скотиной, когда сердился на него, и да благословит их всех бог за то, что они так великодушно старались ему помочь! Такие мысли поведал Гарри своей трубке, утопая в клубах дыма и поджидая возвращения брата

от тетушки Бернштейн,

Глава LIV,

на протяжении которой Гарри сидит дома, покуривая трубку

Дед наших виргинцев с материнской стороны, полковник Эсмонд, о котором упоминалось уже не раз, покинул Англию, чтобы обосноваться в Новом Свете, и некоторую часть долгого американского досуга посвятил писанию мемуаров о днях своей юности. В этих записках немалая роль была отведена госпоже Бернштейн (в девичестве Беатрисе Эсмонд), и так как Джордж не раз читал и перечитывал писания своего деда, он познакомился с этой своей родственницей — молодой, красивой, своевольной девицей, какой была баронесса полстолетия тому назд, задолго до того, как он ее увидел; а теперь ему довелось снова свести с ней знакомство, уже на склоне ее дней. Когда поблекли щеки и потускнел взгляд, радостно или печально женщине, утратившей свою красоту, вспоминать о тех днях, когда эта красота была в расцвете? Когда сердце одряхлело, приятно ли вспоминать о том, как горячо оно билось, согретое чувством? Когда наш дух стал томен и вял, хотим ли мы помнить, как свеж и бодр он был когда-то, как радужны были надежды, как живо участие, как пылко и жадно радовались мы жизни? Увы, они увяли теперь: и первые весенние бутоны, и пышные розы — зрелая красота лета — и сочные плоды осени... увяли, осыпались, и голые ветви дрожат от зимней стужи.

"А ведь она когда-то была красавицей!" — проносится в голове у Джорджа Уорингтона, когда его тетушка — нарумяненная, вся в бриллиантах, входит в комнату, возвратившись с раута. И эти руины были блистательным дворцом! Толпы поклонников вздыхали у этих дряхлых ног, и блеск этих глаз смущал их покой. Джорджу припомнилось, как у них дома в Уильямсберге жгли фейерверк в честь дня рождения короля и он смотрел потом на обгорелый скелет огненного колеса и пустые патрончики от римских свечей. Когда он раздумывал над мемуарами своего деда, ослепительно яркая жизнь его тетки Беатрисы прошла перед его глазами. Наш простодушный Гарри тоже видел эти мемуары, но он не был книгочиём и перелистал их с пятого на десятое; да если бы даже он их и прочел от корки до корки, они бы, вероятно, не заставили его погрузиться в такие глубокие размышления, как его старшего брата, ибо Гарри никогда не был в такой мере, как Джордж, склонен к философствованию.

Мистер Уорингтон полагал, что у него нет оснований сообщать тетушке о том, сколь основательно знаком он с ее прошлым, и потому хранил на сей предмет молчание. Когда они поужинали, тетушка, указав тростью на секретер, попросила служанку подать ей лежавшее там под

чернильницей письмо, и Джордж, узнав надпись на конверте, понял, что это то самое послание, которое он привез из дома.

— Судя по этому письму, — сказала старая дама, пристально глядя на племянника, — после вашего возвращения домой у вас с моей сестрой далеко не все шло гладко?

— Вот как? Не думал я, что госпожа Эсмонд станет писать вам об этом, сказал Джордж.

Баронесса достала огромные очки, и глаза, метавшие когда-то огненные взгляды и воспламенившие немало сердец, на минуту приковались к письму; затем она протянула его Джорджу, и он прочел следующее:

"Ричмонд, Виргиния,
26 декабря 1766 года

Милостивая государыня и сестра! Спешу с благодарностью уведомить Вас, что письмо Вашей милости от 23 октября сего года доставлено мне нынче с пакетботом "Роза", и я незамедлительно отвечаю Вам в эти праздничные дни, кои должны были быть исполнены мира и благоволения для всех, однако мы, по воле неба, и в эти дни несем наше бремя земных печалей и тревог. Мое ответное послание доставит Вам мой старший сын — мистер Джордж Эсмонд-Уорингтон, самым чудесным образом возвратившийся к нам из Долины Теней (о чем уже был уведомлен в предыдущих письмах мой бедный Генри) и пожелавший, не без моего на то согласия, посетить Европу, хотя он и пробыл с нами весьма недолго. Я очень опечалена тем, что судьбе было угодно, чтобы мой дражайший Гарри появился на родине, — я имею в виду в Англии, — так сказать, под чужой личиной и был представлен его величеству, всей моей родне и родне его отца в качестве наследника отцовского состояния, в то время как мой дорогой сын Джордж был жив, хотя мы и считали его умершим. Ах, сударыня! Какие муки разрывали сердце матери и брата в течение этих полутора лет его плена! Мой Гарри — нежнейшее существо из всех живущих на земле. Радость при виде мистера Эсмонда-Уорингтона, возвращенного к жизни, заставит его забыть о суетной мирской утрате постигшей его самого. Он не будет слишком страдать, оказавшись, — весьма относительно, конечно, — в положении бедняка. Самый великодушный из людей и самый покорный из сыновей, он охотно отдаст своему старшему брату наследство, которое досталось бы ему, если бы не случайность рождения и не чудесное спасение моего сына Джорджа, возвратившегося к нам по воле провидения.

Ваше благорасположение к моему дражайшему Гарри особенно дорого

нам сейчас, когда его доля наследства, как младшего сына, становится ничтожной! Много лет назад нам представлялась весьма заманчивая возможность прочно укрепить его положение в наших краях; сейчас он был бы уже хозяином крупного поместья со значительным количеством негров-рабов и влиятельной фигурой в наших кругах, если бы в свое время посчитались с желанием матери и небольшое состояние, оставленное ему отцом и помещенное под скромные проценты в английские бумаги, было бы использовано для этого необычайно выгодного приобретения. Но юридические формальности и, как ни грустно мне в этом признаваться, сомнения, выраженные моим старшим сыном, одержали верх, и великолепный случай был упущен! Гарри убедится в том, что его личный доход тщательно сберегался и накапливался, — да будет его жизнь долгой, долгой и да принесут эти сбережения ему радость! И да благословит небо Вас, дорогая сестрица, за все то, что Ваша милость соблаговолит добавить к его небольшому капиталу! Как я заключила из Вашего письма, назначенное Гарри содержание не могло покрыть его расходов в том избранном обществе, в котором он вращался (а внук маркиза Эсмонда, уже почти ставший его наследником, само собой разумеется, имеет право быть принят как равный в любом кругу английской знати), и посему, располагая некоторой суммой, давно предназначенной мной для моего дорогого дитяти, я доверила часть ее моему старшему сыну, искренне, надо отдать ему справедливость, привязанному к своему брату, и поручила ему распорядиться этими деньгами с наибольшей выгодой для Гарри".

— Эту сумму я употребил вчера на то, чтобы вызволить его из-под ареста, сударыня. Полагаю, что лучшее применение этим деньгам трудно было бы найти, — сказал Джордж, прервав чтение письма,

— Нет, сударь, я никак с этим не согласна! Почему было не купить ему офицерский чин или какое-нибудь поместье с неграми, если ему хочется пожить своим домом! — воскликнула старая дама. — Тем паче, что я имела намерение сама покрыть его долг.

— Вы позволите, надеюсь, сделать это за вас его брату. Я хочу, чтобы мне предоставлена была возможность быть в этом случае его банкиром и, рассматривая эту сумму как взятую в долг у матушки, выплатить ее моему дорогому Гарри.

— Вот как, сударь? Налейте-ка мне вина! Вы сумасбродный юноша! Читайте дальше и увидите, что именно так думает ваша маменька. Пью за ваше здоровье, племянник Джордж. Это неплохое бургундское. Ваш дед не любил бургундского. Он признавал только кларет, да и вообще пил мало.

Джордж снова взялся за письмо.

"Посланная мною сумма должна, мне кажется, с лихвой покрыть все расходы, которые мой бесценный Гарри мог себе позволить, находясь в заблуждении относительно своего истинного положения. Я была бы счастлива, если бы могла с такой же уверенностью положиться на благоразумие его старшего брата, как на моего Гарри! Но боюсь, что, даже побывав в плену, мистер Эсмонд-У. не научился истинно христианскому смирению, кое я всегда пыталась воспитать в своих детях. Если вам угодно будет дать ему прочесть эти строки, когда величественный океан разделит нас, — да хранит господь тех, кто пускается в открытое море на корабле! — он увидит, что благословение и молитвы любящей матери всегда и везде пребудут с обоими ее детьми и что любой мой поступок, любое мое желание, сколько бы мало ни был он склонен ему последовать, всегда продиктованы только одним — горячей заботой о благополучии моих дражайших сыновей".

Здесь большая клякса, словно на бумагу упала капля влаги, и какое-то слово как будто соскребли перочинным ножом.

— Ваша маменька хорошо умеет писать, Джордж. Должно быть, у вас с ней были кое-какие размолвки? — вкрадчиво спросила тетушка.

— Да, сударыня, и немало, — с грустью отвечал молодой человек. Последняя размолвка произошла у нас из-за денег — из-за выкупа, который я обещал старому поручику, помогавшему мне бежать. Я уже говорил вам, что он имел сожительницу — индианку, и она тоже помогла мне и была очень ко мне добра. Месяца через полтора после моего возвращения домой эта бедняжка появилась в Ричмонде; она проделала такой же путь через леса, как и я, и принесла мне один предмет, который Мюзоз должен был мне прислать, ибо таков был наш с ним уговор, когда он согласился на мой побег. В Дюкен, как я узнал, назначили нового коменданта, вместе со значительным подкреплением для гарнизона, а против Мюзоз было, по видимому, выдвинуто обвинение в казнокрадстве, но его посланница не могла ничего объяснить толком. Так или иначе, его арестовали, он пытался бежать, но оказался не столь удачливым, как я, был ранен при попытке перебраться через крепостную стену и уже в тюрьме, лежа на смертном одре, нацарапал мне записку, в коей просил меня переслать *ce que je savais* {Здесь: то, о чем уговорились (франц.)} некоему нотариусу в Гавре для передачи родственникам в Нормандии; эту записку вместе с часами моего деда и доставила мне его индианка. Бедняжку наверняка скальпировали бы где-нибудь по дороге, если бы мой приятель охотник по прозвищу Серебряные Каблуки не помог ей добраться до меня. Но в нашем доме бедную женщину приняли крайне сурово. Ее еле пустили на порог. Я не

стану распространяться о том, какие подозрения зародились на наш с ней счет. Несчастливая стала напиваться, как только ей удавалось раздобыть хоть грош. Я распорядился, чтобы ей были предоставлены кров и пища, и она сделалась мишенью насмешек всех наших негров и предметом скандальных сплетен всех выживших из ума болтунов нашего городка. По счастью, губернатор оказался человеком здравомыслящим; я сумел с ним договориться и раздобыл для нее пропуск, дабы она могла вернуться к своим. Она очень горевала, расставаясь со мной, и это, разумеется, только укрепило злопыхателей в их подозрениях. Какой-то проповедник, говорят, обличал меня с кафедры. Еще одного молодчика мне пришлось отделать тростью. Кроме того, я выдержал жестокую ссору с госпожой Эсмонд из-за того, что настаивал на выплате наследникам Мюзю денег, которые обещал ему за мое освобождение из плена, и эта ссора не забылась и по сей день. Как видите, сплетни цветут пышным цветом и в самых отдаленных уголках земли, и в Новом Свете так же, как и в Старом.

— Я сама немало пострадала от них, мой милый, — скромно потупившись, произнесла госпожа де Бернштейн. — Наполни твою рюмку, дитя мое! Глоточек вишневой наливки никак тебе не повредит,

"Что же касается женитьбы моего дорогого Гарри, — писала дальше госпожа Эсмонд, — то хотя мне, по собственному печальному опыту, слишком хорошо известно, какие опасности подстерегают нас в юности, и хотя я готова любой ценой оградить от них моего мальчика и, разумеется, не могу не желать, чтобы он нашел себе супругу не менее знатного рода, чем наш, однако о браке с леди Марией Эсмонд не может быть и речи. Она почти одного возраста со мной, и, кроме того, мне известно, что мой брат Каслвуд очень мало оставил после себя своим дочерям. Мой Гарри — самый послушный сын, и я не сомневаюсь, что моего слова будет вполне достаточно, чтобы отклонить его от такого опрометчивого союза. Какие-то глупцы утверждали некогда, что я сама подумываю о втором браке и к тому же с человеком более низкого, нежели я, происхождения. О нет! Я знаю свой долг перед детьми. Судьба мистера Эсмонда-Уорингтона, наследующего после меня это поместье, полностью обеспечена. Теперь мой долг позаботиться о его менее удачливом младшем брате, и так как я плохо переношу одиночество, пусть он не слишком медлит и поскорее возвращается к нежно любящей его матери.

Мое сердце преисполнено самой горячей признательности за те слова, которые Вы, Ваша милость, почли возможным сказать о моем Гарри. И в самом деле, он такой сын, какого только может пожелать себе любая мать, А год, проведенный в Европе, придал ему ту утонченность и лоск, которых

он не мог бы приобрести в нашей скромной Виргинии. Мистер Стэк — один из наших бесценных духовных пастырей в Ричмонде — получил письмо от мистера Уорда, который был воспитателем моего дорогого мальчика в детстве. Мистер Уорд знаком с леди Уорингтон и ее превосходным семейством, и он сообщает, что мой Гарри в последнее время часто бывал в доме у этих своих родственников. Мне очень отрадno знать, что мой мальчик имеет счастье находиться в обществе своей доброй тетушки. Пусть же он следует ее советам и прислушивается к голосу тех, кто истинно желает ему добра! Прощайте, высокочтимая сударыня и сестра! От всей глубины материнского сердца приношу Вам благодарность за Вашу доброту к моему мальчику. Мы долгое время были отторгнуты друг от друга, так пусть эти узы добра сближают нас все больше и больше. Благодарю Вас также и за Ваши слова о моем дорогом отце. Да, без сомнения, он был один из лучших людей на свете! Я знаю, что и он тоже благодарен Вам за любовь к одному из его внуков, а дочь его остается всегда покорной слугой Вашей милости и исполненной признательности сестрой,

Рэйчел Эсмонд-Уорингтон,
P. S.

Я посылаю письмо также и леди Марии, но не вижу необходимости ставить в известность ее или моего дорогого Гарри о том, что его мать, а быть может, и Ваша милость рассчитывают несколько увеличить его небольшое состояние. Этот брак невозможен со всех точек зрения".

— Письмо моей матери не содержит ничего для меня нового, сударыня, сказал Джордж, откладывая письмо в сторону. — Я всегда знал, что Гарри любимый сын госпожи Эсмонд, как он того и заслуживает. У него множество достоинств, которыми я, к несчастью, не обладаю. У него более красивая внешность...

— Ну, нет, в этом вы ему не уступите, — сказала старая дама, бросив на него лукавый взгляд. — И если б не ваши каштановые, а его белокурые волосы, вас бы и не отличить друг от друга.

Мистер Джордж поклонился, и легкий румянец окрасил его бледные щеки.

— У него нрав легкий, а у меня угрюмый, — продолжал он. — Гарри всегда весел, а я скорей наоборот. Он знает секрет привлекать к себе все сердца, а мой удел иметь очень немногих друзей.

— У вас с моей сестрицей было несколько маленьких стычек, — сказала баронесса. — Такие стычки, помнится, постоянно происходили прежде и в нашей семье, и если моя сестрица пошла в нашу матушку...

— Моя мать никогда не называла ее иначе, как сущим ангелом, — поспешно возразил Джордж.

— Ах, так всегда говорят о тех, кого уже нет в живых! — воскликнула баронесса. — Да, Рэйчел Каслвуд, если хотите, была ангелом... во всяком случае, так считал ваш дед. Но позвольте мне сказать вам, сударь, что ангелы порой не слишком *commodes a vivre* {Удобны для совместной жизни (франц.)}. Возможно, им трудно жить среди нас, грешных, и дышать одним с нами воздухом. Моя дорогая маменька была столь совершенна, что никак не могла простить мне моих несовершенств. О, боже, как она угнетала меня этим своим ангельским видом!

Джордж опустил глаза и невольно вспомнил свою невеселую юность. Ему совсем не хотелось открывать семейные тайны этой любопытной и циничной светской старухе, которая, однако, невзирая на его молчаливую сдержанность, словно бы читала его мысли.

— Я вполне понимаю вас, сударь, хотя вы и держите язык за зубами, сказала баронесса. — Проповедь с утра, проповедь на сон грядущий и две-три проповеди в воскресный день — вот и все, что требуется, чтобы прослыть высоконравственным человеком в глазах людей; всякое развлечение греховно; все мы, светские люди, подлежим отлучению от церкви; танцы — мерзкая разнузданность; посещать театры — как можно! Игра в карты — прямой путь к гибели. Да разве это жизнь? Бог мой, разве это жизнь?

— Мы могли играть в карты в любой вечер, стоило нам только захотеть, улыбаясь, сказал Джордж. — А мой дед так любил Шекспира, что и матушка ни слова не смела сказать в его осуждение.

— Да, помню. Он знал целые страницы наизусть, хотя, на мой взгляд, мистер Конгрив писал куда лучше. И потом, еще этот ужасный скучнейший Мильтон, — ваш дед и мистер Аддисон всегда зачем-то делали вид, будто они его обожают! — вскричала старая дама, постукивая веером.

— Если ваша милость не жалуется Шекспира, то вы сойдетесь с моей матушкой, ибо она тоже совершенно к нему равнодушна, — сказал Джордж. — И, право, мне кажется, что вы не совсем к ней справедливы. Любому бедняку она готова помочь; любому больному она...

— Ну еще бы! Она, конечно, тут как тут со своими ужасными слабительными и пилюлями! — прервала его баронесса. — В точности как моя маменька!

— Но она по мере сил старается вылечить их! Она исполняет свой долг так, как понимает его, и хочет только добра.

— Я не порицаю вас, сударь, за то, что вы исполняете ваш долг и

остаются при своем мнении относительно госпожи Эсмонд, — сказала старая дама. — Но, во всяком случае, в одном вопросе мы все трое, безусловно, сходимся: этому нелепому браку необходимо помешать. Вам известен возраст Марии? Я могу сообщить вам это, хотя она и вырвала титульный лист из нашей фамильной библии в Каслвуде.

— Моя матушка хорошо помнит возраст своей кузины, и разница в годах между нею и моим бедным братом приводит ее в отчаяние. И в самом деле, женщине ее возраста, выросшей в городе, привыкшей к лондонским развлечениям, к роскоши, жизнь в нашем виргинском поместье покажется крайне унылой. К тому же и дом там, в сущности, Гарри не принадлежит. Видит бог, он там всегда желанный гость, более желанный, быть может, чем я, законный наследник поместья, однако, как я уже ему говорил, весьма сомнительно, чтобы его жене... чтобы ей понравилось у нас в колонии, — слегка покраснев, с запинкой произнес Джордж.

Старая дама резко рассмеялась.

— Ах, племянник Уорингтон, — сказала она, — вы можете говорить со мной без стеснения. Я не стану передавать наш разговор вашей маменьке. Будто я не знаю, что у нее нрав крутой и она любит поставить на своем. Гарри тоже держал язык за зубами, однако, даже не будучи особым прозорливцем, можно догадаться, кто у вас там верховодит в доме и какую жизнь устроила вам моя сестрица. Я так люблю мою племянницу, нашу дорогую леди Молли, что была бы очень рада, если бы она годика два-три пожила в Виргинии под властью вашей маменьки. Вы, кажется, смущены, сударь? Да, Гарри сказал мне все же вполне достаточно, чтобы я поняла, кто заправляет всем в вашей семье.

— Сударыня, — улыбаясь, сказал Джордж, — я могу добавить только одно: не позавидуешь той женщине, которая войдет в наш дом против воли моей матушки, и моему бедному брату это слишком хорошо известно.

— Как? Вы уже обсуждали это с ним? Вижу, что обсуждали! И это глупое дитя считает, что долг чести обязывает его... Ну, разумеется, он так считает, бедный ребенок!

— Он говорит, что леди Мария вела себя необычайно благородно по отношению к нему. Когда он был в заключении, она отнесла ему все свои драгоценности и безделушки и все деньги, до последней гинеи. Этот поступок так его растрогал, что теперь он считает себя связанным с ней еще более крепкими узами. Но должен признаться, что брат, по-видимому, сильнее ощущает узы долга, чем узы любви... Сейчас, по крайней мере, его чувства таковы.

— Мой дорогой, — вскричала госпожа Бернштейн, — разве вы не

понимаете, что Мария принесла грошовые безделушки и полдюжины гиней мистеру Эсмонду, наследнику обширного поместья в Виргинии, а не младшему сыну, который, в сущности, нищ и только что промотал все свое состояние до последнего шиллинга? Клянусь честью дворянки, что я, зная упрямство Гарри и понимая размеры несчастья, которое он готов на себя навлечь, пыталась путем подкупа заставить Марию порвать с ним и потерпела фиаско только потому, что не могла предложить достаточно крупную сумму! Когда он находился в заключении, я послала к нему моего стряпчего с приказом немедленно покрыть его долги, если он согласится расстаться с Марией, но Мария опередила меня, и после этого Гарри решил, что он не может отступить от своего нелепого обещания. А теперь позвольте мне рассказать вам, что тут произошло за этот месяц!

И старая дама со всеми подробностями изложила уже известную нам историю, не скупясь на циничные выражения, что было довольно обычно в те времена, когда в высшем свете даже самые утонченные дамы позволяли себе называть вещи теми именами, которые никто из нас не рискнет ныне произнести в обществе. И должен сказать, что это к лучшему. Возможно, что мы не более добродетельны, но как-то больше уважаем приличия; быть может, мы не стали чище, но, несомненно, стали плотнее.

Госпожа Бернштейн говорила так долго, так много и так умно, что осталась очень довольна собой и своим слушателем, и, отдавая себя в руки камеристки, перед тем как отойти ко сну, сообщила ей, что изменила свое мнение о старшем племяннике: мистер Джордж весьма недурен собой, явно умнее бедняжки Гарри (которого, что греха таить, господь не наделил большим разумом) и у него чрезвычайно *bel air* {Здесь: интересная внешность (франц.)}, этакая меланхоличность... и какое-то особенное благородство и достоинство, *je ne sais quoi* {Не знаю, как это выразить (франц.)}, и все это так живо напомнило ей полковника... Бретт слышала от нее когда-нибудь о полковнике? Десятки раз, конечно. И баронесса тут же рассказала Бретт о полковнике еще раз.

Тем временем ее новый фаворит был, по-видимому, далеко не в таком восторге от своей тетушки, как она от него. Какую странную картину жизни и нравов нарисовала старая дама своему изумленному племяннику! Как высмеивала она все и вся! В каком беспощадном свете показала свое семейство и заодно, невольно, самое себя! Какими себялюбцами, погрязшими — от колыбели до заката дней — в унылом беспутстве и приевшихся удовольствиях, изобразила всех до единого! Какие низменные открылись цели! Какая бешеная алчность в борьбе за самую ничтожную добычу! Какое убогое честолюбие!

"И это наследники благородного рода? — думал Джордж, за полночь возвращаясь от тетушки и проходя мимо домов, где у подъездов при свете догорающих факелов зевали носильщики портшезов, поджидая светских гуляк своих хозяев-полуночников. — И это носители доблестных имен, гордые хранители чести своих предков? Или те при жизни были не лучше этих? Все ветви нашего родословного древа украшены благородными гербами, и титулы наши мы получили задолго до Вильгельма Завоевателя и крестовых походов. Как же поступал рыцарь в старину, узрев друга в беде? Разве он поворачивался к нему спиной? Бросал ли он на произвол судьбы соблазненную им беззащитную девушку? Принимая у себя в доме юного родственника, старался ли вельможа в те давно прошедшие времена обыграть его в кости и сбывали ли в старину рыцари негодных лошадей обманом? Возможно ли, что эта коварная светская женщина, какой описывает ее моя тетушка, заманила бедного Гарри в ловушку, что слезы ее притворны и она откажется от него, лишь только обнаружит, что он беден? Не лучше ли нам поскорее упаковать наши сундуки и занять каюту на первом же корабле, отплывающем в Америку?" Вот какие мысли бродили в голове у Джорджа, когда Гамбо, зевая, со свечой в руке отворил ему дверь и он увидел Гарри, дремлющего у угасающего камина, а на столе возле него — кучку пепла, выбитого из трубки.

Гарри приподнялся, открыл затуманенные дремотой глаза, и они сразу засветились радостью при виде его дорогого Джорджа. Рассмеявшись весело, как мальчишка, он обнял брата.

— Ну, вот, слава тебе господи, ты здесь, цел и невредим! — сказал он. А я сейчас видел тебя во сне, Джордж, — мне снилось, будто мы отвечаем урок Уорду! Ты еще не забыл линейку, Джордж? Ого, да, никак, уже три часа, будь я проклят! Где это вы изволили шататься, мистер Джордж? Ты ужинал? Я ужинал в кофейне Уайта, но теперь уже проголодался снова. Я не играл в карты, сударь, — нет, нет; это развлечение не для младших братьев! И милорд Марч уплатил мне свой долг — пятьдесят фунтов. Я ставил на лошадь герцога Гамильтона против его лошади! Сегодня утром они оба участвовали в скачках в Ньюмаркете, и милорд проиграл, потому что ему не хватило веса, и уплатил мне проигрыш, хотя и рычал при этом, как медведь. Давай выкурим трубочку, Джордж! Ну хоть одну!

И, покурив, молодые люди отправились на покой, а я, со своей стороны, желаю им приятного сна, ибо, право же, это очень приятно и радостно — видеть братьев, которые любят друг друга.

Глава LV

Братья беседуют

Само собой разумеется, что наши молодые люди потолковали между собой о доме, и обо всех домочадцах, и о том, как там идут дела, и каждый поведал другому во всех подробностях, что с ним произошло за время их разлуки. А как собаки, а как поживает мистер Демпстер, и старый Натан, и все прочие? В добром ли здравии Маунтин? А Фанни уже, верно, совсем взрослая девушка, и притом хорошенькая? Так, значит, дочка пастора Бродбента обручилась с Томом Бейкером из Саванны и они собираются поселиться в Джорджии! Гарри признался, что было время, когда он сам вздыхал по дочке пастора Бродбента, и посему распил немало крепких напитков с ее отцом и проиграл ему довольно много денег в карты, дабы иметь предлог находиться в обществе этой девушки. Однако госпожа Эсмонд никогда бы не потерпела, чтобы, упаси господи, он снизошел до Полли Бродбент. Итак, значит, жена полковника Джорджа Вашингтона оказалась очень приятной, добродушной и привлекательной женщиной, да к тому же состоятельной? Полковник привез ее в Ричмонд и нанес официальный визит госпоже Эсмонд? Джордж с большим юмором описал необычайно церемонную встречу этих двух дам и убийственную вежливость, с которой его мать принимала жену мистера Вашингтона. "Пустое, мой дорогой Джордж, — сказала миссис Маунтин. Хотя полковник и женился на другой, а все-таки я помню, как двум хорошо мне знакомым молодым людям грозила участь приобрести отчима ростом в шесть футов два дюйма".

Но ведь это Маунтин, — у нее всегда на уме свадьба! Стоит только молодому человеку и девушке сесть вдвоем за карты или за чайный столик, как ей уже мнится, что они связаны нерасторжимыми узами. И, конечно, это она глупая болтушка — распустила слухи насчет несчастной индианки. Однако госпожа Эсмонд беспощадно высмеяла его преподобие Стэка, когда он заявился к ней с этими сплетнями, и сказала: "С таким же успехом я могу поверить, что мистер Эсмонд украл серебряные ложечки или надумал жениться на негрityнке-судомойке". Но хотя госпожа Эсмонд с презрением отвергла выдвинутое против бедняжки Лани обвинение, и даже благодарила ее за проявленную ею заботу о Джордже во время его болезни, тем не менее она столь высокомерно держала себя с этой несчастной, что та затаилась в людской и пыталась утопить свою тоску в вине. Словом, два

месяца, проведенных Джорджем дома, выглядели в его описании довольно безрадостно.

— Право первородства принадлежит мне, Гарри, — сказал он, — но любимчиком остаешься ты, и да поможет мне бог! И наша матушка, сдается мне, даже имеет на меня зуб за это. Как посмел я совершить этот pas {Шаг (франц.).} — опередить вашу милость при появлении на свет! Будь ты старшим сыном, к твоим услугам был бы лучший винный погреб и лучшая кобыла и ты, несомненно, сделался бы самым популярным человеком во всей округе, в то время как я совершенно не умею располагать к себе людей и даже отпугиваю их своим угрюмым видом; я должен был бы родиться вторым и стать стряпчим или отправиться в Англию, завершить там свое образование, возвратиться на родину пастором и читать благодарственные молитвы за столом вашей милости. Распалась связь времен. Почто же я скрепить ее рожден!

— Да ты, никак, говоришь стихами, Джордж! Ей-же-ей, ты говоришь стихами! — воскликнул Гарри.

— Боюсь, мой милый, что эти стихи уже произнес до меня кто-то другой, с улыбкой отвечал Джордж.

— Ну да, это из какой-нибудь твоей книжки. Честное слово, мне кажется, ты прочел все книги на свете до единой! — заявил Гарри и тут же рассказал брату, как ему довелось увидеть двух писателей в Танбридже и как он снял перед ними шляпу. — Не потому, что я так уж люблю их книги, — для этого я, пожалуй, недостаточно умен. Но я вдруг вспомнил, как мой дорогой старина Джордж не раз говорил мне про них, — сказал Гарри дрогнувшим голосом, — вот почему мне было так приятно увидеть этих господ. Ах, братец, это прямо как в сказке — вот гляжу на тебя, и не верится, что это ты. Как подумаю, что нож кровожадного индейца был занесен над головой моего Джорджа! Хотелось бы мне отблагодарить чем-нибудь мосье де Флорака, который спас тебе жизнь... да только нет у меня ничего, кроме моих золотых пряжек для панталон, а они стоят не больше двух гиней.

— Ты имеешь ровно половину того, что имею я, друг мой, и мы разделим все поровну, как только я расплачусь с французом, — сказал Джордж.

Тут Гарри, не зная, как выразить свою пылкую радость и любовь к брату, разразился не только словами благодарности, но начал клясться, что нет и не было на земле второго такого брата, как его Джордж. Все эти дни после возвращения брата он не сводил со своего Джорджа глаз; когда они сидели вместе за столом, он вдруг откладывал в сторону нож, или вилку,

или газету и заливался беспричинным смехом от переполнявшей его радости. Прогуливаясь с Джорджем в Хайд-парке или по Пэл-Мэл, он поглядывал вокруг, как бы говоря: "Взгляните, господа! Это он. Это мой брат, который был мертв, а теперь воскрес! Может ли хоть один человек во всем христианском мире похвалиться таким братом, как мой?"

И, конечно, Гарри тоже считал, что Джордж должен выплатить наследникам Мюзю обещанный выкуп. Это обещание было причиной многих неприятностей, которые Джорджу пришлось претерпеть в отчем доме. Мюзю умер, — с большой горячностью и немалым раздражением твердила госпожа Эсмонд, — и, следовательно, сделка сама собой распалась, и сын ее свободен от данного им слова. К тому же человек этот, если на то пошло, был мошенник. Она не желает вознаграждать беззаконие. Мистер Эсмонд получил небольшое независимое состояние после смерти своего отца и может промотать его, если ему угодно. Он уже совершеннолетний, и деньги находятся в его распоряжении, но она не желает потакать подобной расточительности. Подумать только: подарить двенадцать тысяч ливров кучке каких-то крестьян в Нормандии (которые, кстати сказать, находятся с нами в состоянии войны), чтобы все эти деньги перешли, в чем можно не сомневаться, в карманы католических попов и папы Римского. Нет, она не может поощрять столь богопротивных поступков, и если Джордж хочет бросить на ветер отцовские деньги (кстати, надо заметить, что прежде он никогда не проявлял такого безрассудства и решительно отказывался истратить хоть пенни, когда этого требовали интересы Гарри!), повторяю, если он хочет бросить их на ветер, почему бы не отдать их тому, кто одной с ним плоти и крови, почему бы не отдать их бедному Гарри, столь внезапно лишившемуся наследства, вместо того чтобы оделять ими кучку французских крестьян, околпаченных попами-католиками?

Этот спор между матерью и сыном бушевал в течение всех последних дней, проведенных Джорджем дома. Он так и остался неразрешенным. В день отъезда Джорджа госпожа Эсмонд после бессонной ночи подошла утром к постели сына и спросила, по-прежнему ли упорствует он в своем намерении пустить по ветру доставшиеся ему от отца деньги. Растерянный, огорченный до глубины души, Джордж отвечал, что он дал слово и должен поступить так, как повелевает ему честь. Мать сказала, что будет молить господа, дабы он смягчил его черствое сердце, а ей дал силы нести свой тяжкий крест. Она так и осталась в памяти Джорджа: бледное лицо, сухие воспаленные глаза. Помедлив еще секунду у его постели, она повернулась и вышла из комнаты.

— Где обучился ты искусству привлекать к себе все сердца, Гарри? продолжал Джордж. — И как это у тебя получается, что все сразу становятся твоими друзьями? Преподай мне хотя бы несколько уроков, как завоевывать популярность. Впрочем, нет, едва ли я ими воспользуюсь. Когда мне становится известно, что я кое-кому не по душе, меня это не гневит, а скорее доставляет удовольствие. Поначалу мистер Эсмонд-Уорингтон — единственный спасшийся из плена после разгрома армии Брэдока, тяжело раненный, претерпевший уйму злоключений и невзгод, стал на какой-то срок всеобщим любимцем в своем родном городке Ричмонде и был обласкан и на официальных приемах, и в частных домах. Священник посвятил моему чудесному избавлению проповедь, соседи приезжали засвидетельствовать свое почтение спасенному из плена; закладывался семейный экипаж, и мы с госпожой Эсмонд отправлялись отдавать визиты. Мне кажется, какие-то славные малютки были даже не прочь поймать меня в сети. Однако матушка сразу это пресекла, отпугнув всех своим необычайным высокомерием, и моя популярность уже начала идти не убыль еще до того, как произошло некое событие, нанесшее ей роковой удар. Для общества наших офицеров мне не хватало веселости и легкомыслия, к тому же я не испытывал пристрастия к их пирушкам, игре в кости и сквернословию. Саркастический склад моего ума не нравился дамам. На меня же их чаепития со злословием действовали не менее отупляюще, чем похвальба мужчин и вечные их разговоры о лошадях. Не могу тебе передать, Гарри, как одиноко было мне там среди всех этих сплетен и вздорных перебранок, и я не раз с сожалением вспоминал свой плен, где так свободно текли мои думы в одиночестве и тишине. Должно быть, я слишком замкнут. Я могу делиться своими мыслями лишь с очень немногими людьми. С другими же я молчу. Когда мы с тобой оба жили дома, ты один болтал за столом и время от времени вызывал улыбку на устах матушки. Когда же мы с ней оставались наедине, нам не о чем было говорить, разве что между нами возникал спор по правовым или богословским вопросам.

Словом, мужчины решили, что я чересчур чванлив и собеседник скучный (и были, мне кажется, правы), а дамы нашли, что я слишком холоден и насмешлив; они никак не могли решить, когда я шучу, а когда говорю всерьез, и, по-видимому, единодушно пришли к заключению, что я малопривлекательный господин; с появлением же бедняжки Лани моя репутация погибла окончательно. Ну и аттестовали же они меня тут, друг мой! — разгорячась, воскликнул Джордж. — И хорошенькую устроили мне жизнь, после того как злополучная посланница Мюзоз появилась в нашем городе!

Мальчишки принимались улюлюкать, стоило этой бедняжке показаться на улице; дамы при встрече со мной, небрежно присев, спешили перейти на другую сторону улицы. Наш дражайший духовный пастырь путешествовал от одного чайного стола к другому и громил соблазн и чудовищную распущенность, в которую впадают молодые люди в католических странах, откуда они потом привозят эту заразу на родину. Появление бедной индианки в нашем доме через несколько недель после моего возвращения объясняли тем, что между нами существовал сговор, а наиболее осведомленные утверждали даже, что она ждала на другом берегу реки, пока я не подам ей сигнала присоединиться ко мне в Ричмонде. В кофейнях офицеры поддразнивали меня и отпускали неуклюжие шутки по адресу моей избранницы. О да, наше общество отличается высоким христианским милосердием! Я был взбешен и уже подумывал отправиться в Каслвуд и поселиться там в полном одиночестве — ибо наша матушка находит пребывание там крайне скучным и черпает отраду только в проповедях милейшего мистера Слэка, — но тут до нас долетела весть о том, что и тебе не повезло с одной дамой, и, к обоюдному, как мне кажется, удовольствию, возник предлог для моей поездки в Европу.

— Попадись мне только кто-нибудь из этих мерзавцев, которые осмелились сказать о тебе дурное слово, я им все их поганые кости переломаю! — загремел Гарри, стремительно расхаживая из угла в угол.

— Мне пришлось примерно таким же способом вправить мозги Бобу Клабберу.

— Как? Этому подлому, трусливому, угодливому сплетнику, который вечно обивает пороги милорда в Гринуэй-Корт и живет за счет всех джентльменов в округе? Если ты задал ему жару, Джордж, то, надеюсь, сделал это по всем правилам?

— Нас заставили дать обещание не нарушать спокойствия и порядка, и тогда я предложил ему отправиться в Мэриленд и там решить наш спор, после чего добрые соотечественники немедленно заявили, что, поскольку я проявил неуважение к седьмой заповеди, мне ничего не стоит нарушить и шестую. В общем, мой милый Гарри, я' будучи не более повинен во всех этих грехах, чем, скажем, ты, оставил после себя такую худую славу, что хуже некуда.

Ах, какой великолепный случай извлечь мораль! О, если бы только уважаемый читатель и его покорный слуга могли знать всю ту ложь и клевету, которая была сказана о каждом из нас с той минуты, как мы достигли совершеннолетия, изложить это все на бумаге и составить книгу и опубликовать ее, снабдив иллюстрациями, какое страшное и увлекательное

чтение явил бы собой такой роман! Ведь миру известно о нас не только решительно все, но и куда, куда больше. Еще не так давно добрый почтальон доставил мне газету, содержащую ценнейший критический материал, где говорилось: "Автор утверждает, что он родился в таком-то году. Это ложь. Год его рождения такой-то". Критику это известно лучше. Ну, само собой разумеется, как же ему не знать лучше! Другой критик (оба они происходят из страны, давшей жизнь Маллигану) следующим образом предостерегает одного из своих друзей: "Только не говори с ним о Новом Южном Уэльсе. У него там брат, чье имя никогда не упоминается в его семье". Впрочем, тема эта слишком высока и обширна, чтобы обсудить ее в одном абзаце. Я напишу статью, или давайте привлечем к этому une société de gens de lettres {Общество литераторов (франц.)} и создадим серию биографий: "История жизни различных джентльменов, рассказанная их ближайшими друзьями, с которыми они не имели чести быть знакомыми".

После того как Джордж поведал о своих подвигах и испытаниях, Гарри, естественно, не мог не открыть душу старшему брату и дал ему полный отчет о состоянии своих личных дел. Он вывел на чистую воду всех членов семейства Каслвуд, начав с милорда, — и не за то, что тот обыграл его в карты, ибо Гарри, сам игрок, готов был платить, проиграв, и брать деньги, выиграв, — а за то, что он бессердечно отказался помочь капеллану в тяжелую минуту и под лживым предлогом отослал его пи с чем; мнение о мистере Уилле сложилось у Гарри в результате известной истории с лошадью, после чего он без стеснения оставил наглядную оценку поведения этого джентльмена на его носу и под глазами; о графине и леди Фанни Гарри отозвался в более сдержанных, по также не слишком хвалебных выражениях. Об этих дамах ходят самые различные слухи. Графиня — старая кошка — не выпускает из рук карт. Леди Фанни — отчаянная кокетка.

Откуда это ему известно? О, он слышал много кое-чего от одной особы, чрезвычайно близко с ними знакомой. Короче говоря, в дни, когда он пользовался доверием леди Марии, она, не чинясь, сообщала кузену немало забавных историй о своей мачехе и о своей сводной сестре — историй, далеко не лестных для этих дам.

Что же касается самой леди Марии, тут наш герой проявил самую горячую и стойкую преданность.

— Возможно, что я поступаю неблагоприятно. Я не стану этого отрицать, Джордж. Возможно, что я дурак. Я сам так думаю. Я знаю, что матушка и Мария никогда не сойдутся характерами, и дома начнется что-то ужасное. Ну что ж! Мы можем жить отдельно. Наше поместье достаточно

обширно, чтобы мы могли избежать ссор, и я логу поселиться где угодно — не обязательно в Ричмонде или Каслвуде. А ты, вступив во владение, уделишь мне какую-нибудь малость... И, во всяком случае, матушка сдаст мне в аренду кусок земли и не потребует высокой платы... А может быть, из меня получится образцовый фермер или управляющий? Я не могу, да и не желаю разлучаться с Марией. Она проявила столько благородства по отношению ко мне, что я буду последним негодяем, если откажусь от нее. Подумать только — принесла мне все, до самой последней безделушки, — милое, великодушное создание! Все, все, до последней монетки высыпала мне на колени и... и... Да хранит ее бог! — Тут Гарри смахнул рукавом слезу, топнул ногой и добавил: — Нет, братец, я не расстанусь с ней, даже если бы меня за это сделали завтра губернатором Виргинии, и мой дорогой Джордж никогда, я уверен, не посоветует мне поступить так.

— Меня прислали сюда, чтобы дать тебе именно такой совет, — отвечал Джордж. — Меня прислали сюда, чтобы я разрушил этот союз, если только смогу, и, признаться, более неудачного брака я себе даже вообразить не могу. И все же я не стану советовать тебе нарушить данное тобою слово, мой мальчик.

— Я знал, что ты так скажешь! Что сделано, то сделано, Джордж. Что посеешь, то и пожнешь, — уныло сказал мистер Гарри.

К такому решению пришли эти двое достойных молодых людей, обсудив любовные дела мистера Гарри. Однако, потолковав с тетушкой и получив более полное представление о своих родственниках из сообщений, сделанных ему этой пронизательной старой светской дамой, Джордж, отличавшийся скептическим складом ума, проникся недоверием не только к братьям и сестре леди Марии, но и к ней самой, и теперь помолвка Гарри внушала ему все больше сомнений и тревог. Что привлекло Марию к Гарри — его богатство или его молодость и красота? Насколько близки к истине истории, которые рассказывала про нее тетушка Бернштейн? Конечно, он не может посоветовать Гарри нарушить слово, однако надо постараться и придумать какой-то способ подвергнуть испытанию привязанность Марии к брату. Этим решением Джорджа и следует объяснить его не слишком благожелательное на первый взгляд поведение в последующие дни.

Глава LVI

Ариадна

Милорду Каслвуду принадлежал дом на Кенсингтон-сквер, достаточно вместительный, чтобы в нем могли расположиться все члены его благородного семейства, и находящийся притом в удобной близости от дворца, где они несли службу во время пребывания там его величества. Миледи устраивала приемы и карточные вечера для тех, кто готов был на них прибыть, однако сто лет тому назад путь от Лондона до Кенсингтона был совсем не близким, и Джордж Селвин, например, заявил, что он боится подвергнуться ночному ограблению; имел ли он в виду разбойников в масках или нарумяненных дам за карточным столом — сие нам неведомо.

На другой день после того, как Гарри снова появился в кофейне Уайта, все его почтенные родственники собрались в полдень за завтраком в столовой, и даже мистер Уилл восседал на своем месте, ибо ему предстояло нести дежурство во дворце лишь после обеда.

Первыми к своим чашкам шоколада явились дамы; к ним присоединился мистер Уилл в придворном мундире; последним неспешно спустился к столу сам милорд в шлафроке и ночном колпаке, еще без парика. И тут за столом мистер Уилл преподнес им новость: накануне вечером он ужинал в "Звезде и Подвязке" в компании молодых людей, которые слышали все это собственными ушами в кофейне Уайта и видели все это собственными глазами в Раниле.

— Все это видели и все это слышали? А что же именно? — спросил глава семейства, берясь за "Дейли адвертайзер".

— Спросите Марию! — промолвила леди Фанни.

Милорд повернулся к своей сестре, которая сидела за столом бледная как мел, с торжественным и скорбным выражением лица.

— Очередная милая и любезная выдумка нашего Уилла, — отвечала Мария.

— Нет! — вскричал Уилл, подкрепив это градом своих излюбленных крепких словечек. — Никакая не выдумка! Том Клейпул из Норфолка видел их обоих в Раниле, а Джек Моррис пришел от Уайта, где он слышал всю эту историю от самого Гарри Уорингтона. И, черт побери, я очень рад! — загремел Уилл, хлопнув ладонью по столу. — Вот вам ваш Юный Счастливец, вот вам ваш Виргинский Принц, с которым вы, ваше сиятельство, столько носились! А он-то, оказывается, всего-навсего

младший сын! Ну, что вы на это скажете?

— Старший брат, следовательно, не умер? — спросил милорд.

— Не больше умер, чем вы сами. Никогда и не умирал. Ручаюсь, что у них был просто стовор.

— Мистер Уорингтон не способен на такое двуличие! — воскликнула Мария.

— Надеюсь, вы согласитесь с тем, что я никогда не поощряла этого молодого человека, — заявила миледи. — Да и Фанни тоже. Нет, только не мы!

— Этот малый — просто нищий, — продолжал Уилл. — Он, верно, не в состоянии даже уплатить за кафтан, который у него на плечах. И я очень этому рад, потому что терпеть его не могу, будь он проклят!

— Ну, ты смотришь на него слишком косо, особенно после того, как он слегка подпортил тебе глаз, Уилл, — усмехнулся милорд. — Так, значит, бедный малый обрел брата и потерял имение! — Тут милорд обернулся к своей сестрице Марии, чей трагический вид, по-видимому, породил какие-то веселые воспоминания в юмористически настроенном братце, ибо, пристально поглядев на нее с минуту, он пронзительно расхохотался, отчего щеки бедняжки запылали, а из глаз брызнули слезы.

— Это бессовестно! Бессовестно! — всхлипнула она и уткнула лицо в носовой платок. Ее сводные брат и сестра переглянулись.

— Мы совершенно не в состоянии уяснить себе, что вы находите смешного в некоторых вещах, — с укором заметила графиня.

— А этого от вас и не требуется, — холодно ответил милорд. Мария, дорогая, приношу свои извинения, если я позволил себе сказать... если я позволил себе чем-то оскорбить твои чувства.

— Чем-то оскорбить! Вы ограбили этого бедного юношу, когда он был богат, и потешаетесь над ним теперь, когда он разорен! — сказала Мария, поднимаясь из-за стола и горящим взором окидывая своих родственников.

— Извини меня, дорогая сестрица, я потешался вовсе не над ним, — кротко возразил милорд.

— О, это не имеет ни малейшего значения, над кем или над чем вы потешаетесь, милорд! Вы отобрали у него все, что он мог отдать. Весь свет говорит, что вы обираете своих родственников. А после того как вы все у него отняли, вы еще смеетесь над его несчастьем! — И Мария прошелестела вон из комнаты, с вызовом поглядев на всех оставшихся.

— Теперь, когда горе моей сестры не будет служить нам помехой, расскажи-ка, Уилл, что же все-таки произошло или что тебе довелось слышать?

И Уилл с нескрываемым ликованием, с бесчисленными подробностями поведал о постигшей Гарри беде, изложив облетевшую весь Лондон историю о внезапном воскресении из мертвых Джорджа Уорингтона. Сообщение это огорчило лорда Каслвуда: Гарри — славный малый и пришелся ему по душе, разумеется, в той мере, в какой светские люди такого сорта способны испытывать симпатию друг к другу. Да, конечно, он играл с Гарри в карты и воспользовался своим преимуществом перед ним, а почему бы и нет? Почему бы ему не полакомиться этим сочным плодом, который, несомненно, сорвал бы кто-нибудь другой. "Если бы это было единственным пятном на моей совести, я мог бы чувствовать себя вполне спокойно!" — подумал милорд.

— Где же проживает этот мистер Джордж Уорингтон?

Уилл изъявил готовность провалиться в преисподнюю, если местопребывание этого господина ему известно или хоть в малейшей мере его интересует.

— Его следует пригласить к нам и принять с самым большим почетом, заявил милорд.

— Включая партию в пикет, надо полагать! — проворчал Уилл.

— А может, ты пригласишь его в свои конюшни и уговоришь купить одну из твоих чистокровных кляч, Уилл? — осведомился лорд Каслвуд. — Ты бы крепко обработал Гарри Уорингтона, но жульничал столь неуклюже, что он расквитался с тобой кулаками. А я настаиваю на том, чтобы моему кузену Уорингтону было оказано самое большое внимание.

— И чтобы вас, конечно, никто не беспокоил, когда вы с ним засядете за карты, милорд! — воскликнула леди Каслвуд.

— Я, сударыня, желаю только одного: чтобы с мистером Уорингтоном, так же как и со мной или любым членом нашего дражайшего семейства, соблюдались правила приличия, — в крайнем раздражения возразил лорд Каслвуд,

— Да поможет небо бедному юноше, если ваше сиятельство намерены оказать ему покровительство, — промолвила графиня, делая реверанс, и одному богу известно, как долго мог бы еще продлиться этот семейный диспут, если бы в эту минуту к дому не подкатил фаэтон, в котором восседали оба молодых виргинца.

Это был тот самый экипаж, который наш блудный сын приобрел в дни своего благоденствия. Он правил сам, рядом с ним сидел Джордж, а слуги-негры помещались сзади. Впрочем, Гарри готов был безропотно уступить брату вожжи и кнут, а заодно и весь экипаж.

— На что такому бедняге, как я, собственный выезд, Джордж? —

смирненно сказал Гарри. — Кроме этого кафтана и кошелька, подаренного тетушкой, у меня ровным счетом ничего нет. Садясь и правь лошаадьми, братец; мне тогда как-то легче будет на душе.

Джордж отвечал со смехом, что он не знает дороги, а Гарри она известна; что же касается экипажа, то он может принять только половину его, как уже принял половину братнина гардероба.

— Но уж если пополам, так все пополам; если ты делишься со мной своими кафтанами, так я должен разделить с тобой содержимое моих карманов, Гарри, иначе это будет нечестно!

И Гарри снова и снова клялся, что нет и не будет на всей земле второго такого брата, как его Джордж. И с каким же грохотом летел он по дороге, погоняя лошадей! И как он был доволен и горд, что везет такого брата! Они прибыли в Кенсингтон в отличнейшем расположении духа, и Гамбо обрушил такой град ударов на парадную дверь лорда Каслвуда, что самый дюжий ливрейный лакей Сент-Джеймского дворца был бы им посрамлен.

В комнате, куда были проведены молодые люди, находилась только леди Каслвуд и ее дочь леди Фанни. Уилл не выказал особого желания повстречаться с Гарри лицом к лицу, милорд был еще введен, и у Марии тоже имелись свои причины отсутствовать — до тех пор, по крайней мере, пока не высохнут слезы на глазах. Когда мы теперь, в наши дни, подкатываем в карете шестеркой к дому кого-либо из друзей, когда Джон докладывает о нас хозяевам, когда наконец мы вступаем в гостиную, с нашими лучшими шляпами в руках и с нашими лучшими воскресными улыбками на устах, приходит ли нам в голову, что наше вторжение прерывает семейную ссору? Что мы с притворными и жеманными улыбками ступаем по не остывшему еще пеплу семейного пожара? Что в то время, пока мы шествовали от парадной двери до гостиной, мистер Джонс, миссис Джонс и барышни Джонс успели перегруппироваться в небольшую семейную живую картину: одна из девиц с невинным видом переставляет цветы в вазе; другая склонилась над молитвенником; маменька с модной вышивкой в руках возлежит на софе, успев спрятать счета мясника и бакалейщика под подушку и высунуть из-под края платья кончик маленькой ножки, а честный Джонс, вместо того чтобы произнести: "Черт бы побрал этого Брауна, опять его принесла нелегкая", — дружелюбно простирает вам руку и, изобразив на лице радость, восклицает: "Браун, друг мой, рад вас видеть! Надеюсь, вы останетесь позавтракать с нами?" Итак, повторяю: разве не случилось нам становиться жертвами маленьких домашних хитростей и зрителями семейных комедий, разыгрываемых специально для нас? Так будем же благодарны не только лицам, но и

маскам! Не только искреннему радушию, но и лицемерию, которое скрывает от нас неприятные нам истины! И пока я, к примеру сказать, эдак непринужденно болтаю с вами, какое, собственно, имеете вы, сударь мой, право знать, что на самом-то деле творится у меня в душе? Быть может, меня терзает подагра, или мой старший сын только что прислал мне из колледжа на тысячу фунтов неоплаченных счетов, или я еще не оправился от нападков "Неподкупного стража", доставленного мне по почте, или я из рук вон плохо пообедал остатками вчерашнего ужина, на который вас не пригласил, и тем не менее скрываю свои муки, натягиваю на лицо веселую улыбку и говорю: "Пришли пообедать с нами, чем бог послал, Браун, друг мой? Бетси! Прибор для мистера Брауна! Кушайте! Будьте как дома! Не обессудьте, чем богаты..." Я утверждаю, что этот обман — не что иное, как прекрасное самопожертвование, и что лицемерие — это истинная добродетель. Поверьте, если бы каждый из нас напрямик высказывал то, что у него на душе, жизнь в нашем обществе стала бы невыносима!

Как только слуга доложил о молодых виргинцах, леди Каслвуд поднялась им навстречу с самым непринужденным и приветливым видом.

— До нас уже дошли слухи, Гарри, об этих совершенно поразительных событиях, — сказала она, с подчеркнутым дружелюбием глядя на младшего брата. — Милорд Каслвуд только что во время завтрака сказал нам, что намерен сегодня же побывать у вас, мистер Уорингтон, а вы, кузен Гарри, поверьте, что наша любовь к вам никак не уменьшится оттого, что вы обеднели.

— Теперь мы получили возможность доказать вам, что любим вас не за ваши земли, Гарри, — подхватила вслед за маменькой леди Фанни.

— А будете ли вы любить меня, которому теперь достались эти земли? — с улыбкой спросил мистер Джордж, отвешивая поклон.

— О, кузен, мы будем любить вас за то, что вы так похожи на Гарри! отвечала находчивая леди Фанни.

Ах, кого, знающего свет, не приводила в восхищение та изумительная легкость, с какой знатные дамы то дают вам отставку, то дарят вас своим расположением? Обе дамы адресовались теперь почти исключительно к младшему брату. О, они были вполне учтивы и с мистером Джорджем, но уж к мистеру Гарри исполнены самой горячей любви; они были с ним непринужденно дружелюбны, ласковы и добры и нежно его журили: как мог он столько, столько, столько дней не посещать их!

— Лучше бы Гарри удовольствовался чашкой чая и партией в пикет с нами, чем проводить время кое с кем другим, — заметила леди Каслвуд. — Мы получаем удовольствие, выигрывая у вас на пакетик булавок, и

большого нам не надобно. Но, к сожалению, молодые люди не понимают собственного блага.

— Теперь, когда у вас нет больше денег на настоящую игру, вы можете приходиться и играть с нами, кузен! — воскликнула добросердечная леди Фанни, подняв кверху пальчик, — и ваше несчастье обернется счастьем для нас.

Джордж был озадачен. Прием, оказанный его брату, был совсем непохож на то, чего он ожидал. Каким вниманием окружили они младшего брата, какие комплименты ему расточают, невзирая на то, что у него нет ни гроша за душой! Быть может, люди все же не столь плохи, как их изображают? Говорят же, что даже самый черный из Сонма Черных Сил не столь страшен, как рисуют его иные.

Эта задушевная беседа велась минут двадцать, а затем появился милорд Каслвуд — уже в парике и при шпаге. Он очень любезно приветствовал обоих молодых людей, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому.

— Раз судьбе было угодно, чтобы вы появились в нашем доме, — а я от всего сердца этому рад, — то можно только сожалеть, что это не произошло несколькими месяцами раньше! Тогда некая партия в пикет вероятнее всего не состоялась бы. Младший брат проявил бы тогда, вероятно, большее благоразумие.

— О да, разумеется, — сказал Гарри.

— Или некий его родственник — большую участливость. Однако боюсь, что страсть к игре у каждого из нас в крови. Я унаследовал ее от отца, и она сделала меня самым нищим из всех пэров Англии. Эти прелестные дамы, которых вы видите перед собой, тоже не являются исключением. Мой бедный брат Уилл несчастная жертва этой страсти, а я... что ж, то, что я выигрываю сегодня, то проигрываю завтра. Это просто ужасно, как свирепствует страсть к карточной игре у нас в Англии. Все банкноты, выигранные мною у нашего бедного кузена, тут же за одни сутки улетучились из моего кармана.

— Мне тоже, как и прочим людям нашего сословия, приходилось играть в карты, но чересчур много я еще никогда не проигрывал, да и, по правде говоря, так никогда к этому виду развлечений и не пристрастился, — промолвил мистер Уорингтон.

— Когда мы слышали, что милорд играл с Гарри, мы ужасно его бранили, воскликнули дамы.

— Но не будь меня, так кто-нибудь другой заполучил бы твои денежки, и ты сам это отлично понимаешь, кузен Гарри. Конечно, это утешение

слабое, но все же ты должен им воспользоваться и быть рад, что эти деньги достались твоим друзьям, которые желают тебе добра, а не чужим людям, которым на все наплевать, лишь бы обобрать тебя как липку.

— Ну, если вам вырвали зуб, милорд, так его уже нет на месте, даже если вырвал ваш родной брат! — со смехом заметил Джордж. — А Гарри должен нести наказание за грехи и расплачиваться, как положено.

— А у меня и в мыслях ничего другого не было. Настоящий англичанин, проиграв, никогда не выдаст свою досаду, — сказал Гарри.

— Твою руку, кузен! Вот речь, достойная мужчины! — восхищенно вскричал милорд, а дамы обменялись улыбками.

— Я вижу, что моя сестра в Виргинии сумела воспитать своих сыновей истинными джентльменами! — восторженно подхватила леди Каслвуд.

— Право же, теперь, когда вы обеднели, вам не требуется быть еще любезнее, кузен Гарри, — сказала кузина Фанни. — Ах, маменька, когда он был Юным Счастливецом и Виргинским Принцем, мы не знали и половины его истинных достоинств. Вы как две капли воды похожи на него, кузен Джордж, но все же, право, не можете быть столь же милы, как ваш брат!

— Если я и Виргинский Принц, то, боюсь, Юным Счастливецом меня никак не назовешь, — без улыбки отвечал Джордж.

Тут Гарри начал было:

— Клянусь богом, он же самый лучший... — Но в эту минуту из верхних комнат долетели звуки клавикордов. Юноша смешался и покраснел, дамы улыбнулись.

— Это Мария играет, — сказала леди Каслвуд. — Давайте, кто пожелает, поднимемся к ней.

Дамы встали и направились к двери; Гарри, еще гуще покраснев, последовал за ними. Джордж хотел было тоже присоединиться к ним, но его остановил лорд Каслвуд.

— Нет, нет, если уж все дамы окружают вашего брата, — сказал милорд, то позвольте хотя бы мне воспользоваться приятной возможностью насладиться вашим обществом и побеседовать с вами. Я жажду услышать от вас рассказ о вашем пленении и избавлении из плена, кузен Джордж.

— О, нам бы тоже хотелось послушать! — вскричала одна из дам, приостановившись в нерешительности на пороге.

— Я человек жадный и не хочу делить это удовольствие ни с кем, — сказал лорд Каслвуд, бросив на нее суровый взгляд. И, проводив дам, он с учтивым поклоном затворил за ними дверь.

— Ваш брат, надо полагать, ознакомил вас с теми событиями, которые произошли с ним в этом доме, кузен Джордж? — спросил он.

— Да, включая и его ссору с мистером Уиллом и помолвку с леди Марией, с легким поклоном отвечал Джордж. — Не прогневайтесь на меня, милорд, если я скажу, что пребывание в вашем доме не принесло ему счастья.

— И никто не сожалеет об этом более горячо, чем я. Мой брат водит компанию с жокеями, конюхами и с самыми бесшабашными кутилами в городе, и мы с ним не слишком симпатизируем друг другу. Не будь мы так бедны, нам не следовало бы жить совместно. Этот дом принадлежал нашей бабке, которая затем уехала в Америку и вышла замуж за полковника Эсмонда. Многие из этой старинной мебели досталось нам от нее. — Джордж не без любопытства окинул взглядом гостиную с обшитыми панелью стенами. — Дом пришел в некоторый упадок за последние двадцать лет, хотя мы и были приближены ко двору и пожалованы титулом. Но несчастная страсть к игре всех нас доводит до разорения. В моем лице вы тоже видите злополучную жертву этого порока, и только гордость мешает мне продать себя и свой титул какой-нибудь *roturiere* {Мещаночке (франц.)}, как делают многие, менее щепетильные, представители нашей знати. Гордость — вот мой грех, дорогой кузен. Я всегда помню о своей родословной! — И милорд прижал руку к жабо, закинул ногу за ногу и устремил на своего кузена открытый, исполненный благородства взгляд.

Джордж Уорингтон по натуре своей был склонен верить всему, что ему говорят. Но, будучи хоть раз обманут или же обманувшись сам в своей оценке человека, он уже становился крайне недоверчив, и потому благородная речь милорда породила в его душе язвительную улыбку, хотя наружно он оставался вполне серьезен и не позволил ни единой иронической лотке прозвучать в его словах.

— У каждого из нас свои недостатки, милорд, а страсть к игре во все времена считалась прощительной в нашем кругу. От всего сердца простив ее моему брату, я, разумеется, никак не могу взять на себя право стать судьей вашему сиятельству и могу только искренне пожелать, чтобы оба вы, играя, не проигрывали, а выигрывали!

— И я тоже желаю этого от всей души! — со вздохом сказал милорд. — Я заключаю из ваших слов, как велика ваша доброта, так же как и вага житейский опыт и знание света, которые, на мой взгляд, далеко не обычны в человеке вашего возраста. У вашего славного брата Гарри золотое сердце, но я не уверен, что у него такая уж светлая голова.

— Да, не слишком, вы правы. Но он обладает даром легко заводить друзей, и, невзирая на его безрассудства, почти все любят его.

— Так же, как и я... так же, как и все мы, разумеется. Мы любим его,

как родного брата! — воскликнул лорд Каслвуд.

— В своих письмах он не раз описывал нам, какой радушный прием был оказан ему в вашем доме, милорд. Наша матушка свято хранит все его письма, вы можете в этом не сомневаться. Стилль их, быть может, не слишком учен, но сердце у Гарри такое доброе, что читать эти письма приятнее, чем самые остроумные послания.

— Я могу, конечно, заблуждаться, но мне кажется, что его брат наряду с добрым сердцем обладает также и острым умом! — упрямо оставаясь изысканно-любезным, заметил милорд.

— Я таков, каким меня создал бог, кузен; быть может только, на мою долю выпало несколько больше огорчений и испытаний, чем обычно бывает в моем возрасте.

— А в результате этого несчастья, постигшего вашего брата... я хотел сказать, в результате вашего столь неожиданного и счастливого возвращения к жизни... Гарри, вероятно, не остался совсем без всяких средств к существованию? — весьма деликатно осведомился лорд Каслвуд.

— Без единого гроша, если не считать того, что может достаться ему после смерти матушки, или того, что смогу уделить ему я. А у вас какова обычно доля наследства младшего брата, милорд?

— Хм! Младший брат у нас... ну, вы сами знаете... Словом, что такое младший брат, это каждому известно, сударь, — сказал милорд, пожав плечами, и пристально поглядел на своего собеседника.

Джордж продолжал:

— Мы с братом, конечно, большие друзья, но ведь каждый из нас человек из плоти и крови, и я не намерен делать вид, что моя помощь ему будет превышать ту, что обычно оказывают младшим братьям. К чему давать ему деньги? Чтобы он промотал их на скачках или за карточным столом? Карты и скачки есть и у нас в Виргинии, милорд, и мой бедный Гарри уже отличался на этом поприще у себя на родине, до того как прибыть сюда. Он унаследовал нашу семейную слабость к разгульной жизни.

— Ах, бедняга, бедняга; как мне его жаль!

— Наше поместье обширно, но доходы у нас, как изволите видеть, невелики. То, что мы получаем от продажи табака в Англии, — вот, в сущности, почти и все наши доходы, да и от этого остается немного, так как наш табак возвращается к нам в виде одежды, кожи, бакалейных товаров, скобяных изделий и даже в виде вина и пива для нас и для нашей челяди. Гарри может вернуться домой и пользоваться вместе с нами тем, что мы имеем! В конюшне для него найдется лошадь, на столе — кусок

дичины, в кармане у него будут позвякивать монеты на мелкие расходы, и каждый год он получит один-два новых кафтана. Все это он будет иметь, пока моя мать жива, если, конечно, он не поссорится с госпожой Эсмонд, что весьма вероятно. И, разумеется, пока я жив, он может находиться под моим кровом и пользоваться всем, что есть у меня. Однако, если я умру не бездетным, его присутствие в доме будет становиться все менее желанным. Его будущее, милорд, представляется мне весьма печальным, если, разумеется, не произойдет какого-либо неожиданного поворота в его судьбе, рассчитывать на который было бы просто глупо. Пока что он обречен на зависимое положение, а я не знаю участи плачевней, чем находиться в зависимости от женщины столь своенравной, как наша матушка. Он пустил здесь на ветер деньги, которые должны были обеспечить ему положение на родине. Он растранижил свое родовое наследство, и теперь его удел — бедность и зависимость.

Мистер Уорингтон произнес эту речь очень гладко и с большим жаром, и кузен выслушал его с уважением.

— Вы хороший оратор, мистер Уорингтон, — сказал он. — У вас не появлялось намерения испробовать свои силы на общественном поприще?

— Разумеется, я подумывал об общественной деятельности, как и всякий человек моего ранга, — я хочу сказать, всякий, чьи интересы не ограничены конюшней и игрой в кости, — отвечал Джордж. — Я рассчитываю, милорд, занять подобающее мне положение, а моему незадачливому братцу придется удовольствоваться тем, какое ему досталось. Я не случайно упомянул об этом, ибо он поставил меня в известность о некоторых взятых им на себя обязательствах, кои, вздумай он их сейчас выполнить, могут принести лишь несчастье обеим заинтересованным сторонам.

— Логика ваших рассуждений очень сильна, — заметил милорд. — А не подняться ли нам наверх, к дамам? На площадке лестницы у нас висит картина, которая, как говорят, написана вашим дедом. Но прежде, чем вы нас покинете, дорогой кузен, я просил бы вас назначить день, когда мое семейство будет иметь честь принять вас у себя. Наш Каслвуд должен стать для вас родным домом, кузен. Судя по вашему описанию, он похож на ваш виргинский Каслвуд. Вы найдете у нас в изобилии и говядину, и баранину, и пиво, и дрова, а вот денег у нас прискорбно мало.

Они поднялись в гостиную, где, однако, обнаружили лишь одну из дам. Это была леди Мария, которая выступила им навстречу из оконной ниши, где она вела беседу с Гарри Уорингтоном.

Джордж приветствовал ее самым изысканным поклоном, она его

самым глубоким реверансом.

— Вы и в самом деле поразительно похожи на своего брата, кузен Джордж, — сказала Мария, протягивая ему руку. — И, судя по его словам, такой же хороший человек, как и он.

При виде ее заплаканного лица и покрасневших глаз Джордж почувствовал легкий укол совести. "Бедняжка, — подумал он. — Гарри тут распинался, превознося мое благородство и великодушие, а я тем временем разыгрывал из себя своекорыстного старшего брата! Но она же очень немолода! И как только он мог влюбиться в эту женщину?"

Как? Да потому что он смотрел на нее не вашими глазами, мистер Джордж. Возможно, что теперь и он уже прозрел. Однако я не знаю, следует ли поздравлять человека или сочувствовать ему, когда он начинает рассуждать здраво.

Некоторое время леди Марии удавалось поддерживать непринужденную беседу, однако несмотря на то, что женщины, по моему наблюдению, более искушены по части светского притворства, нежели мужчины, бедняжка после двух-трех фраз потеряла самообладание, разрыдалась и выбежала из гостиной, жестом остановив Гарри, который хотел за ней последовать.

Гарри, бросившийся было за ней, остановился. Милорд заметил, что его бедная сестрица вообще подвержена этим нервным припадкам, а сегодня к тому же чувствовала себя плохо с самого утра. После этого молодые люди почли неуместным продолжать свой визит. Лорд Каслвуд проводил их вниз по лестнице до парадной двери, похвалил их лошадок и фаэтон и дружелюбно помахал им на прощанье рукой.

— Итак, мы любезничали и нежничали у окошка и расстались добрыми друзьями, верно, Гарри? Так или не так? — спросил Джордж брата.

— О, право же, она превосходная женщина! — воскликнул Гарри, нахлестывая лошадей. — Я уверен, что, узнав ее поближе, ты сам в этом убедишься.

— Когда? После того как ты привезешь ее домой, в Виргинию? Хороший прием окажет ей там наша матушка! Она никогда не простит мне, если я не помешаю этому браку, и никогда не простит тебе, если ты его заключишь.

— Я не могу иначе, Джордж!.. Что ты все бубнишь мне в ухо, уברי свою безобразную башку, Гамбо!.. После того, что между нами было, я честью обязан сдержать данное ей слово. Если она не видит препятствий для нашего союза, я не должен их искать. Я сказал ей все. Я предупредил

ее, что госпожа Эсмонд будет на первых порах ворчать и брюзжать, но так как она очень меня любит, то в конце концов смягчится. А когда мой дорогой Джордж вступит в права наследства, он, конечно, поделится со мной. В этом я уверен, ибо слишком хорошо его знаю, сказал я.

— Ах, ты уверен, черт побери? Так позволь сказать тебе, мой дорогой, что я сообщил нечто совсем противоположное милорду Каслвуду. Я, видишь ли, сказал, что как старший брат намерен сохранить за собой все свои права... Эй, да не стегай ты так эту кобылу... И что тебя в будущем не ждет ничего, кроме стесненного и зависимого положения.

— Как? Ты не собираешься мне помочь? — вскричал Гарри, побелев как полотно. — Я не могу этому поверить, Джордж, хотя и слышу это из твоих уст!

Вслед за этим исполненным отчаяния возгласом наступило минутное молчание. Гарри сидел в позе угрюмой скорби, уставив взор прямо перед собой и не решаясь взглянуть на брата. Он направил экипаж так близко к тумбе, что коляска неминуемо опрокинулась бы, не схвати Джордж вовремя вожжи.

— Лучше бы уж вы сами правили лошадьми, — сказал Гарри. — Я же говорил, что лучше править вам.

— Я когда-нибудь покидал тебя в беде, Гарри? — спросил Джордж.

— Нет, прежде этого не бывало никогда, — отвечал Гарри, и по щекам его покатались слезы.

— Друг мой, придет время, и ты, думается мне, сам скажешь, что я только исполнил свой долг.

— Как же ты это сделал? — спросил бедняга Гарри.

— А вот как: я сказал, что ты, будучи младшим братом, пустил на ветер свою долю отцовского наследства, а твоя доля в родовом имении совершенно ничтожна. Разве это не так?

— Это так, но я бы никогда не поверил, что ты можешь такое сказать, даже если бы тысяча людей присягнула в том. Я был твердо уверен в одном: что бы со мной ни случилось, на тебя-то я всегда могу рассчитывать, Джордж Уорингтон. — Гарри умолк и до конца поездки пребывал в крайне угнетенном состоянии духа.

Вскоре после их возвращения домой им был подан обед, но Гарри почти не притронулся к еде, зато отдал щедрую дань возлияниям.

— Вино — плохой утешитель в беде, Гарри, — заметил старший брат.

— Другого у меня нет, сэр, — угрюмо отвечал Гарри и, в полном молчании осушив один за другим еще несколько бокалов, схватил шляпу и покинул столовую.

Возвратился он только через три часа. Джордж, снедаемый тревогой, не выходил из дома и, запасшись терпением, коротал время за чтением и трубкой.

"Низко я поступил, сказав, что он не может рассчитывать на мою помощь, и, видит бог, это неправда. Я же не оставлю его без поддержки, даже если он возьмет в жены арапку, — размышлял Джордж. — Я и так уж нанес ему немалый ущерб своим возвращением к жизни. И куда он теперь отправился? Может, засел за карты?"

— Боже милостивый, что еще с тобой стряслось? — воскликнул Джордж Уорингтон, когда его брат, бледный как мертвец, возник на пороге.

Гарри подошел к брату и взял его за руку.

— Теперь я могу пожать твою руку, Джордж, — сказал он. — Быть может, ты поступил правильно, хотя я все равно никогда не поверю, что ты способен покинуть брата в беде. Слушай, что я тебе скажу: я сидел, обедал и вдруг подумал: "Пойду-ка я снова к Марии и поговорю с ней. Я скажу ей: "Мария, пусть я беден, но вы вели себя по отношению ко мне столь благородно, что, бог свидетель, я — ваш и в вашей власти принять меня или отвергнуть. Если вы принимаете меня — вот я перед вами. Я завербуюсь в армию, буду трудиться, постараюсь так ли, сяк "и заработать на пропитание, и мой брат... и мои родственники, верно, смягчатся тогда и дадут нам средства к существованию". Вот что я решил сказать ей, и я это выполнил, Джордж. Я бежал всю дорогу до Кенсингтона под дождем, — видишь, я промок до нитки, — и застал их всех за обедом, всех, впрочем, кроме Уилла. Они сидели за столом, попивая вино, и я тут же выложил им все. "Мария, — сказал я, — один бедняк хочет сдержать свое слово, данное им, когда он воображал себя богачом. Согласны ли вы принять его теперь?" Тут я почувствовал, что мне не нужно лезть за словом в карман, я совсем не запинаясь, как сейчас, и говорил довольно долго, а кончил тем, что пообещал всеми силами постараться выполнить свой долг по отношению к ней.

Когда я умолк, она, вся исполненная доброты, подошла ко мне, взяла мою руку и при всех поцеловала ее. "Мой бесценный Гарри, вы лучший из людей, сказала она (это были ее подлинные слова, иначе я бы нипочем не стал так расхваливать себя). — У вас благородное сердце, и я от всей души вас благодарю. Но я уже давно поняла, дорогой мой, что вами руководит чувство долга и только оно заставляет вас выполнить необдуманное обещание, данное молодым человеком пожилой женщине. Позволить вам сдержать его — значило бы сделать вас несчастным. Я до глубины души благодарна вам за вашу верность и преданность, мой дорогой кузен, но

освобождаю вас от вашего слова и даю вам свое благословение, а моя любовь пребудет с вами вечно". И, приблизившись ко мне, она поцеловала меня у всех на глазах и горделиво, не проронив ни единой слезы, покинула комнату. Все плакали, особенно обливался слезами милорд — он прямо рыдал навзрыд. Никогда бы не подумал, что он такой чувствительный. А она-то, Джордж? Ну скажи, не благородное ли это создание?

— Так выпьем же за ее здоровье! — воскликнул Джордж, наполняя бокал.

— Гип, гип, ура! — подхватил Гарри. Он был вне себя от радости, что обрел свободу.

Глава LVII,

в которой положение мистера Гарри по-прежнему остается плачевным. Госпоже де Бернштейн результат последнего свидания Гарри с леди Марией доставил не меньше удовольствия, чей ее виргинским племянникам. Джордж в тот же вечер известил ее о случившемся запиской, а вскоре и ее племянник Каслвуд, не слишком часто обременявший тетю своими визитами, пожаловал к ней, дабы засвидетельствовать свое почтение, и без обиняков доложил о том, что произошло, ибо милорд Каслвуд умел, как никто, быть, когда нужно, откровенным, а после того как помолвка Гарри и леди Марии была расторгнута, скрытничать и лицемерить не имело уже никакого смысла. Ставка была сделана, карта бита, и теперь милорд мог без стеснения говорить о своих стратагемах, маневрах, уловках.

— Она как-никак мне сестра, — с чувством произнес милорд, — а много ли еще будет у нее возможностей, — во всяком случае, таких возможностей, выйти замуж и устроить свою судьбу? По многим причинам я не мог, конечно, полностью одобрить этот брак и даже испытывал известное сочувствие к этому виргинскому юнцу — любимчику вашей милости, но тем не менее упустить такой случай было бы неразумно, и я должен был соблюдать интересы родной сестры.

— Ваша откровенность делает вам честь, ваше сиятельство, — сказала госпожа де Бернштейн, — а ваша любовь к сестре поистине должна служить примером!

— Куда там, мы же проиграли, — и я говорю это *sans rancune* {Без всякой злобы (франц.)}. А вам, сударыня, поскольку вы оказались в выигрыше, злопамятность не к лицу, — с поклоном произнес милорд.

Госпожа де Бернштейн заверила его, что он ошибается, — она никогда еще не была в столь превосходном расположении духа.

— Признайся же теперь, Юджин: это ведь все ты придумал — по

твоему наущению Мария отправилась к Гарри, когда он сидел под арестом, и разыграла эту трогательную сцену с возвращением подарков?

— Разве сострадание к молодому человеку и сознание своего долга по отношению к жениху, попавшему в беду, не могли побудить Марию поступить так? — скромно потупившись, произнес лорд Каслвуд.

— И все же она действовала по твоей указке, мой дорогой племянничек?

Пожав плечами, лорд Каслвуд признался, что он действительно посоветовал своей сестрице повидаться с мистером Гарри Уорингтоном.

— Но мы бы все равно выиграли, невзирая на все старания вашей милости, — добавил он, — не появись тут на сцене его старший брат. Тогда я постарался, по мере сил, утешить мою бедную Марию, доказав ей, как нам в конечном счете крупно повезло, что мы не сорвали этот банк.

— А что, если бы она вышла замуж за Гарри, а после этого объявился бы кузен Джордж?

— Effectivement! {Вот именно! (франц.)} — воскликнул Юджин и сунул в нос понюшку табака. — Раз уж могиле угодно было вернуть мертвеца на землю, возблагодарим могилу за то, что она сделала это вовремя! Должен признаться, что мистер Джордж Уорингтон показался мне человеком вполне здравомыслящим и не более эгоистичным, чем другие старшие братья и светские люди. Моя бедная Молли вообразила было, что он окажется таким же... ну, как бы это сказать... желторотым, что ли, как его братец. Она трогательно надеялась, что он возымеет желание поделить все поровну со своим младшим братом-близнецом, и в этом случае она готова была взять этого юнца себе в мужья, до такой степени он пленил ее сердце. "Гарри Уорингтон и половина каравая — это еще куда ни шло, — сказал я ей, — но Гарри Уорингтон и никакого каравая... опомнитесь, моя милая!"

— Как так — почему же без каравая? — спросила баронесса.

— А так. Если, конечно, не считать тех крох, что могут перепасть ему со стола его старшего брата. Тот сам это сказал.

— Вот жестокосердый негодяй! — вскричала госпожа де Бернштейн.

— А, полноте! Я с вами в открытую играю, тетушка — cartes sur table! {Карты на стол! (франц.)} Мистер Джордж поступил так, как на его месте поступил бы каждый, и мы не вправе возмущаться. Молли сама согласилась с этим, когда первый взрыв горя миновал, и я заставил ее внять голосу рассудка. Вот старая дуреха! В ее-то возрасте и так потерять голову из-за мальчишки!

— Я почти готова поверить, что это была подлинная страсть, —

сказала госпожа де Бернштейн.

— А вы бы послушали, как она с ним просталась! *C'etait touchant, nia parole d'honneur!* {Это было трогательно, честное слово! (франц.)} Я плакал. Как перед богом, я не мог удержаться от слез. Мы сидим себе, обедаем, и вдруг этот малый, взъерошенный, в заляпанных грязью чулках, вламывается к нам и клянется Марии в верности, и, надо сказать, довольно хорошим слогом, а наша Молли ему отвечает. Клянусь честью, мне даже вспомнилась миссис Уоффингтон в новой шотландской пьесе, той, что написал мистер Дуглас, один из фаворитов лорда Бьюта... как бишь она называется-то? Так вот, Молли повисает на шее у этого малого и прямо-таки душераздирающим голосом произносит слова прощания. А затем в горделивом отчаянии покидает столовую!.. Нет, благодарю вас, я не хочу больше шоколада. Если она совершила *mauvais pas* {Ложный шаг (франц.)}, то никто не сумел бы с большим достоинством выйти из положения. Это было великолепное, по всем правилам отступление после поражения на поле боя. Нас взяли измором и заставили сдать позиции, но свою честь мы не уронили.

— Ну, Молли от этого разочарования не умрет! — заметила баронесса, поднося чашку к губам.

Милорд ухмыльнулся, обнажив желтые зубы.

— Хе, хе, — произнес он. — Ей уже случалось переболеть этой болезнью, и в весьма тяжелой форме, однако всякий раз она отлично восстанавливала силы. В возрасте Молли эта болезнь не смертельна, как, без сомнения, известно и вашей милости.

Каким образом это может быть известно ее милости? Она была уже не девочкой, когда вышла замуж за доктора Тэшера. А баронессой де Бернштейн сделалась еще много позже. Однако, как говорит поэт, старую Дидону горе не миновало, и поэтому она умела проявлять сочувствие к страдальцам.

В низших слоях общества люди, как я слышал, побранившись, подравшись, облив друг друга грязью, пребывают затем долго в непримиримой вражде. Но в высшем свете в наш век ведут себя куда мудрее. Когда между людьми возникают размолвки, они перестают встречаться друг с Другом. Потом наступает примирение, встречи возобновляются и о прошлом никто не поминает. Сбившемуся с пути сыну, как заблудшей овце, милостиво даруется отпущение грехов, хотя всем известно, что он проводил свои дни в дурной компании. На протяжении полугода две ветви эсмондовского рода — Каслвуды и госпожа де Бернштейн были отчуждены друг от друга, находясь в состоянии войны за

обладание бедным Гарри Уорингтоном. После того как вопрос этот решился сам собою, ничто не препятствовало больше их встречам, и они могли делать вид, будто никаких размолвок никогда и не возникало, и госпожа де Бернштейн отправилась в парадной карете на званый вечер к леди Каслвуд, а дамы Эсмонд прибыли, сияя улыбками, на призывный звук барабана под знамена госпожи де Бернштейн, и все, как прежде, были исполнены взаимной любви друг к другу.

— Слышала я, сударь, что вы проявили себя жестокосердным чудовищем по отношению к вашему бедному брату Гарри! — с удовлетворением произносит баронесса и шутливо грозит Джорджу тростью.

— Я действовал в согласии с полученным от вашей милости намеком и стремился установить, сам ли по себе Гарри или только его предполагаемое богатство расположило к нему его родственников, — густо покраснев, отвечает Джордж.

— Ну, разумеется, Мария не может выйти замуж за этого бедняка, раз у него самого нет ничего за душой, а старший брат заявил, что не даст ему ни полпенни!

— Я сделал это из самых лучших побуждений, сударыня, — возражает Джордж и краснеет еще пуще.

— Ну, а то как же! Ах ты, лицемер! — восклицает старая дама.

— Лицемер! Почему же, сударыня? — вопрошает мистер Джордж Уорингтон и с достоинством распрямляет плечи.

— Мне все известно, дитя мое! — говорит баронесса по-французски. — Ах, ты вылитый дед! Подойди, я хочу тебя обнять! Гарри все мне рассказал, и я знаю, что ты поделил с ним поровну свое маленькое наследство!

— Иначе и быть не могло, сударыня. Кошельки наши, как и наши сердца, принадлежат друг другу с колыбели. Я нарочно притворялся бездушным, чтобы испытать этих людей, — говорит Джордж, и слезы увлажняют его взор.

— И виргинское поместье ты поделишь с ним тоже? — спрашивает баронесса.

— Этого я не сказал. Это было бы несправедливо, — отвечает мистер Уорингтон. — Землю должен наследовать

старший в роде, и только таким путем она могла бы отойти к Гарри: может ведь статься, что я умру или матушка переживет нас обоих, Но половина того, чем я владею, принадлежит Гарри. Нельзя забывать, что он был расточителен только потому, что заблуждался относительно своего

истинного положения.

— Да это же рыцарь добрых старых времен, это Баярд, это дед Джорджа, вставший из могилы! — воскликнула баронесса, укладываясь с помощью камеристки в постель. Вечером, когда братья подошли к ней, чтобы попрощаться, бедному Гарри были протянуты два пальца, а Джорджу подставлена для поцелуя ярко нарумяненная щека, что заставило его, принимая от своей почтенной родственницы этот знак расположения, залиться ответным румянцем.

И хотя зависть была Гарри Уорингтону чужда и он отдавал должное брату как своему руководителю и наставнику, во всех отношениях его превосходящему, все же не приходится удивляться, если он испытал некоторое разочарование и почувствовал себя слегка уязвленным, когда развеялся окружавший его ореол Юного Счастливецца и наследника необъятных виргинских поместий. Его кенсингтонские друзья могли сколько угодно клясться, что любят его ничуть не меньше, а даже больше после его свержения с престола, в ответ на что Гарри отвечивал поклоны и благодарил, однако не мог же он при этом не приметить, что на пышном приеме, которым милорд Каслвуд почтил своего новообретенного родственника, все внимание сиятельного кузена было сосредоточено на одном только Джордже, что только о нем и было разговору, что все *petits soins* {Знаки внимания (франц.).} и комплименты расточались только ему, в то время как на него, на Гарри, никто уже не обращал внимания, кроме бедняжки Марии, не сводившей с него задумчивого взора, в котором читался скорбный укор и, как и следовало ожидать, осуждение за то, что она его покинула. "Ах, Гарри! — казалось, говорил ему этот взор. — Вы приняли из моих рук свободу, которую я вам даровала, но могла ли я ожидать, что вы будете так счастливы ее обрести". Она отвергла его, но никак не могла ему простить, что он поймал ее на слове. Она не хотела принадлежать ему, но она хотела им обладать.

О, мои юные друзья! Как восхитительна бывает весна любви и сколь недостойный ждет ее порой конец! Нет сомнения, что именно так чувствовал себя Гарри Уорингтон, когда, прибыв в Кенсингтон, он встретил печальный, полный укора взгляд кузины. Что говорить, положение его довольно глупо, но вместе с тем разве не пробуждается в вашем сердце грусть, когда, заглянув в дом, служивший вам прежде кровом, вы видите лишь темные проемы окон и запустение и вспоминаете, как приветно мерцал здесь когда-то огонь очага? Грусть? О да! Но, увы, еще горше, еще печальнее и еще смешнее будет ваше положение, если в плену сентиментальных воспоминаний вы вздумаете пройти мимо дома номер

тринадцать и увидите в окне ухмыляющуюся физиономию того, кто, по видимому, неплохо поладил с хозяйкой! Я, по крайней мере, всегда испытываю обиду при виде чужих пожитков и сапог перед знакомой мне дверью, даже если это всего лишь дверь гостиничного номера, в котором мне не раз доводилось останавливаться. Неужели эти сапоги возлежали на кушетке, на которой когда-то покоился я сам? И я отшвыриваю ногой эти грязные вульгарные предметы.

И потому Гарри, понимая, что для него срок аренды истек, и если Мария еще не впустила в свое сердце нового постояльца, то готова это сделать, чувствовал себя с ней не в своей тарелке, так же, как, вероятно, и она в его обществе. Он обнаружил при этом, что ему нечего ей сказать, а то, что она сообщает ему, и скучно и банально, и красный мундштук его белой виргинской трубки сейчас влечет его к себе куда сильнее, чем самые нежные модуляции голоса и меланхоличные *moues* {Гримасы (франц.)} Марии. Вот почему, когда Джордж снова собрался в Кенсингтон, Гарри не проявил особого желания сопровождать его и сослался на дела.

Однако и в доме дядюшки на Хилл-стрит бедного Гарри не ожидало ничего приятного — его почтенные родственники попросту не пожелали его видеть. Когда он прибыл туда, дамы без стеснения приказали слугам объявить ему, что их нет дома. Гарри не верил своим ушам: и это после такого радушного приема, какой ему здесь оказывали, после того как он был так обласкан, после всех заверений в любви! Однако, когда он вслед за своим неудачным визитом к тетке заглянул к Ламбертам, ему примерно через час пришлось быть свидетелем того, как перед домом ее милости появился пустой портшез и эта дама собственной персоной вышла из подъезда, села в портшез и даже не покраснела, когда ее племянник, стоя у окна в доме напротив, отвесил ей поклон. Вот как! Значит, родственники не хотят его принимать! Эта дверь, которая так гостеприимно распахивалась перед ним, теперь захлопывается перед его носом! "Просто никогда бы этому не поверил", — твердил себе бедный простодушный Гарри. Право, кажется, дверной молоток, хотя он и отлит из меди, и тот был бы мягкосердечней, чем леди Уорингтон, — ведь лицо этой добродетельной дамы, когда она проплыла мимо стоявшего у окна племянника, оставалось столь же каменно-неподвижным, как сей неодушевленный предмет!

— И это жена родного брата моего отца! Чем мог я ее обидеть? О, тетушка Ламберт, тетушка Ламберт, видели вы когда-нибудь подобное жестокосердие? — с обычной для него горячностью вскричал Гарри.

— Но разве наше отношение к вам хоть сколько-нибудь изменилось? спросила тетушка Ламберт, украдкой бросив взгляд на младшую из своих

дочерей. — Светское общество, может быть, и охладело к вам, но мы не причисляем себя к нему, и вы можете без опаски наведываться в наш дом.

— Да, здесь, у вас, все совсем по-другому, — ответил Гарри. — Не знаю уж почему, но я чувствую себя как-то на редкость спокойно и приятно в вашем доме.

Quis me uno vivit felicior? aut magis haec est

Optandum vita dicere quis potuit?

{* Кто жил счастливее меня? И кто может сказать,

Что есть что-то желаннее этой жизни? (лат.).}

продекламировал генерал Ламберт и, обратись к своему сыну, приехавшему из колледжа домой на пасхальные каникулы, спросил:

— А вам, господин студент, известно, чьи это стихи?

— Вы читали стихи Катулла, сэр, — отвечал этот грамотей.

— Ничего похожего, сэр. Это стихи моего любимого Демокрита Младшего старика Бэртона, у которого многие нерадивые студенты набирались учености.

Произведения этого автора, наряду с книгами Монтеня, были любимым чтением доброго генерала.

Глава LVIII,

в которой мы действуем по пословице: "Даже кошке не возбраняется взглянуть на короля"

Как мы уже сообщали, наши виргинцы, проявив здравый смысл, не столь уж редкий в юном возрасте, заявили себя решительными сторонниками якобитов и открыто исповедовали несокрушимую преданность пребывавшей в изгнании королевской семье. Поскольку принц-изгнанник закрепил за отцом госпожи Эсмонд титул маркиза, она не видела причин особенно сильно гневаться на сей незадачливый королевский род, который как-никак с готовностью признал заслуги ее семьи. Что же касается небольшого скандальчика, связанного с ее сестрой госпожой де Бернштейн и Старым Шевалье, то она считала ниже своего достоинства даже вспоминать об этом нелепом эпизоде, утверждая, и притом с полным основанием, что в вопросах семейной морали оба первых монарха Ганноверской династии были ничуть не добродетельнее Стюартов.

Но король *de facto* {Фактически (лат.).} был такой же король, как его величество *de jure* {Юридически (лат.).}. Де-факто был торжественно коронован, получил церковное помазание на трон и, мало того, — полностью посрамил Де-Юре, когда они сошлись в битве за корону. Все это привело госпожу Эсмонд к твердому убеждению; что долг перед монархом, так же как и личные интересы, требует, чтобы ее сыновья представились ко

двору.

При этом она нисколько бы не удивилась, если бы Его Величество почел нужным пожаловать кого-либо из них голубой или красной лентой или доходным местечком. Она ни секунды не сомневалась, что король помнил виргинских Эсмондов ничуть не хуже, чем любого из своих вельмож. А посему молодым людям было строго-настроено наказано явиться ко двору, и я думаю, что их матушка была бы весьма разгневана, узнай она, что Джордж, отправляясь в Кенсингтон представляться королю, надел шитый галуном кафтан Гарри.

Сто лет назад приемные покои короля были почти каждодневно открыты как для родовитой знати, так и для мелкопоместного дворянства, и верноподданные — особенно после того как началась война — по многу раз в месяц могли наслаждаться лицезрением своего монарха. Благоразумно избегая встреч с боевыми кораблями противника и милостиво согласившись с тем, что Британские острова понесут невозвратимую утрату, ежели августейшая особа Его Величества окажется плененной противником во время морского переезда, король был вынужден отказаться от посещений родного и столь близкого его сердцу Ганновера, и — против своей воли, конечно, — оставался среди преданных ему британцев. Впрочем, эту вынужденную разлуку с отечеством ему, по мере сил, старалась скрасить некая ганноверская дама, чьи добродетели расположили к ней принца. И уста графини де Вальмоден (той, что удостоилась монаршей милости получить еще более высокий титул) улаждали слух достославного Защитника Веры звуками родной речи.

И вот мистер Уорингтон, пожелав быть представленным возлюбленному монарху, обратился к посредничеству своего дядюшки, неутомимого царедворца, а поскольку мистер Ламберт тоже должен был явиться ко двору, дабы выразить свою благодарность за повышение в чине, то оба джентльмена отправились в Кенсингтон вместе, наняв для этой цели карету, ибо экипаж милорда Ротема находился в это время в распоряжении его законного владельца, возвратившегося в свой городской дом. Друзья вышли из наемного экипажа у ворот Кенсингтонского дворца, где часовой, узнав генерала, отдал ему честь, и скромно проследовали пешком в летнюю резиденцию своего монарха. Пройдя дворцовый портик, они вступили в галерею, ведущую к широкой лестнице из черного мрамора (где стены богато разукрашены и расписаны мистером Кентом), и, миновав анфиладу покоев, убранных гобеленами, бюстами и картинами, вступили, наконец, в большую приемную короля, где среди прочих сокровищ находилась знаменитая "Венера" Тициана и полотно сэра Петера Пауля Рубенса

"Святой Франциск поклоняется младенцу Иисусу". Здесь вместе с другими джентльменами они стали ожидать, когда Его Величество появится из своих личных покоев, где он в эту минуту совещался с теми из своих приближенных, кои в газетах того времени именовались: "м-стры Его В-ства".

Джордж Уорингтон, никогда еще не бывавший во дворце, имел достаточно времени, чтобы отдать дань восхищения королевским покоем и присмотреться к окружавшим его господам. Прекрасные творения живописцев он также видел впервые и, несомненно, был восхищен прелестным групповым портретом королевской семьи — Карла I, королевы и детей — работы сэра Антони Ван-Дейка, а также исполненной благородства картиной Тинторетто "Есфирь перед Артаксерксом", на которой все изображенные художником персонажи облачены в пышные венецианские одежды. Он был так поглощен созерцанием этих полотен, что едва внимал своему доброму другу-генералу, сообщавшему ему на ухо имена некоторых из присутствующих.

— Вон те двое, — шептал мистер Ламберт, — это из Адмиралтейства мистер Гилберт Эллиот и адмирал Боскоэн — тот самый ваш Боскоэн, чья эскадра два года назад первой открыла огонь в ваших водах. Вот этот корпулентный, с головы до пят расшитый золотом господин — это мистер Фокс — бывший министр; теперь он всего лишь главный казначей с высоким окладом жалованья.

— Весь его вид прямо-таки кричит об *auri fames* {Жажде золота (лат.)}, а камзол у него от самого дорогого портного! — воскликнул Джордж.

— *Alieni appetens...* {Жадный до чужого (лат.)} Как там дальше? Он любит получать деньги и быстро их спускать, — продолжал генерал Ламберт. — А вон милорд Уиллес — главный судья, он беседует с доктором Ходли, епископом Солсберийским (если этот последний так же верно служит богу, как королю, ему уготован самый высокий пост на небесах). Он одного поколения с вашим дедом, и его очень любил Дик Стиль и ненавидел Свифт. Рядом с ними я вижу ученого мужа — доктора Шерлока, епископа Лондонского. Их преосвященства лишились теперь половины своих привилегий. Помнится, когда я был еще мальчишкой и матушка водила меня за ручку, она заставила меня преклонить колена перед епископом Рочестерским — перед тем самым, что отправился за море и стал министром при некоей особе, имени которой упоминать не следует. А вон тот красивый белокурый господин — это адмирал Смит. Он был председателем военного трибунала, судившего несчастного Бинга, и

приложил немало безуспешных усилий к его спасению. Во флоте за ним утвердилось прозвище "Том Десять Тысяч". Еще в бытность его лейтенантом французский посол потребовал его разжалованья за то, что он заставил французское военное судно спустить в знак приветствия марсель. На следующий же день король пожаловал ему чин капитана. Этот высокий надменный мужчина — лорд Джордж Сэквилл. Теперь, когда мне присвоен чин генерал-майора, я еще, пожалуй, могу рассчитывать, что он будет обходиться со мной немного уважительней, чем с лакеем. Жаль, что нет здесь моего старого доброго Блэки, отрады моего солдатского сердца; он так же храбр и добр, как вон тот долговязый вельможа Хратри... Ваш покорный слуга, милорд, позвольте представить вам этого молодого человека, который только что прибыл из Америки и два года назад был участником злополучного похода Брэдока.

— О, вот как! — восклицает долговязый вельможа. — Я имею честь разговаривать с мистером...

— С генерал-майором Ламбертом, вашим покорным слугой, состоявшим на службе Его Величества задолго до вашего на нее поступления. Мистер Уорингтон, позвольте представить вам председателя палаты общин, мистера Онслоу. Но где же ваш дядюшка? Если сэр Майлз еще долго будет где-то прохладяться, я вынужден буду сам представить вас Его Величеству. — Говоря так, достопочтенный генерал адресовался исключительно к своему молодому другу, словно бы не замечая присутствия собрата, и тот с испуганным видом отошел от него, пораженный, как видно, этой неслыханной дерзостью. Сто лет тому назад вельможа еще был вельможей и мог ждать, что ему будут воздавать должное.

Но вот мелькнул красный камзол сэра Майлза, и произошел сердечный обмен приветствиями между ним, его племянником и генералом Ламбертом, ибо мы уже докладывали вам, что сэр Майлз был человеком на редкость добросердечным. Как? Генерал покинул дом лорда Ротема? Подошло время, ибо его светлость пожелал водвориться в него сам? Превосходно, однако подумайте, какая потеря для соседей!

— Нам будет не хватать, решительно не хватать вас, мой дорогой генерал, — восклицает сэр Майлз. — Мои дочери были положительно влюблены в своих очаровательных молодых соседок! Клянусь честью, и у моих девочек, и у леди Уорингтон только и разговору было, как им, дескать, хочется иметь случай познакомиться с вашим прелестным семейством. Я беру на себя смелость заверить вас, дорогой генерал, что мы чувствуем себя так, словно уже давно стали добрыми друзьями, и если мне позволено

быть откровенным, то я должен сказать, что мы особенно любим вас за душевное, дружеское участие к нашим дорогим племянникам, хотя мы, признаться, и ревновали немножко. Да, должен признаться, мы немножко ревновали их к вам из-за того, что они так часто вас посещали. Не раз, — да, не раз — говорил я леди Уорингтон: "Моя дорогая, почему бы нам не познакомиться с генералом? Почему бы нам не пригласить его и дам пообедать с нами по-семейному вместе с другими простыми сельскими дворянами?" Прошу вас, сэр, засвидетельствовать мое глубочайшее почтение миссис Ламберт и поблагодарить ее за доброе отношение к этим молодым людям. Это же плоть от плоти и кровь от крови моей, сэр! Сыновья моего дорогого, дорогого брата! — И баронет прикрыл глаза своей мужественной дланью, казалось, еще немного, и он задохнется от наплыва возвышенных чувств, переполнивших его любвеобильную душу.

Пока велась эта беседа, во время которой Джордж Уорингтон с похвально серьезным видом старался сдержать душивший его смех, двери, ведущие в личные покои Его Величества, запахнулись, и появился предшествуемый пажами король. За королем следовал его дородный сын, его королевское высочество герцог, весьма внушительных размеров принц в ослепительно-алом мундире и с таким же цветом лица; за ними шли различные государственные мужи, среди которых Джордж тотчас распознал суровую, осанистую фигуру, орлиный нос и орлиный взгляд знаменитого премьер-министра мистера Питта. Даже теперь, столетие спустя, когда перед моим мысленным взором проходит эта величественная фигура, клянусь, я ощущаю благоговейный трепет и готов снять шляпу. Я не испытываю страха перед Георгом II, и пышное появление Его Королевского Высочества герцога, победителя при Фонтенуа и Куллодене, меня не ослепляет. Совсем другое дело "Великий коммонер", знаменитый, грозный сэр Уильям Питт Старший! Он, подобно колоссу, воздвигся на нашем острове сто лет назад, и я благоговейно умолкаю, когда он проходит перед моим взором в своих бесформенных по причине подагры башмаках, с разящей десницей, обернутой во фланель. Вот он с хмурым видом появляется из личных покоев короля, где, быть может, всего минуту назад бурная сцена разыгралась между ним и его монархом. Ведь он часами докучал старому королю .нескончаемыми пламенными речами, в самых высокопарных выражениях трактуя самые обыденные предметы, вызывая тем — будем откровенны до конца — живейшее отвращение в этом хитром маленьком пожилом господине, "у ног которого он", по тогдашнему выражению, "был распростерт" и которому в равной мере была ненавистна и изящная "проса", и возвышенная "поэзия". Величественный

министр торжественно прошествовал сквозь толпу; все почтительно отступили к стенам, и Его Величество начал обходить собравшихся, а за ним в некотором отдалении шел его августейший сын, время от времени по собственному выбору достаивая беседой то или иное лицо.

Монарх — пожилой, невысокого роста господин с довольно свежим цветом лица, глазами навывкате и пронзительным взглядом; на нем простой старомодный кафтан табачного цвета, без всяких украшений, если не считать голубой ленты ордена Подвязки, и коричневые чулки. В его речи слышен немецкий акцент, но она льется непринужденно, исполненная проникательности и простоты; некоторых из присутствующих он достаивает беседой, других — только кивком головы. Генерал Ламберт, служивший под знаменами его величества при Деттингене и под началом его августейшего сына — в Шотландии, королем не забыт, и памятный монарх благосклонно поздравляет верного слугу с продвижением по службе.

— Не всегда, — соблаговолил заметить его величество, — мы вольны поступать по своему желанию, но в этом случае я был рад доставить себе удовольствие, ибо в моей армии нет лучшего офицера, чем вы, генерал.

Старый ветеран покраснел и отвесил поклон, глубоко растроганный этими словами. Лучший из Монархов перевел затем взгляд на сэра Майлза Уорингтона (который, как его величеству хорошо было известно, охотно принимал любые милости от любого министра) и на молодого джентльмена, стоявшего рядом с ним.

— Кто это? — спросил Защитник Веры, указывая на Джорджа Уорингтона, облаченного в лучший, расшитый галуном кафтан брата Гарри и стоявшего в почтительной позе перед своим монархом.

Сэр Майлз почтительнейше уведомил короля, что сей молодой джентльмен мистер Джордж Уорингтон, его племянник. Он прибыл из Виргинии и смиренно испрашивает дозволения засвидетельствовать свою преданность его величеству.

— Так, значит, это и есть второй брат? — соизволил отозваться обожаемый монарх. — Он прибыл в самое время, не то его братец успел бы спустить все деньги. Милорд епископ Солсберийский, как вы отважились выйти за порог в такую скверную погоду? Вам бы следовало оставаться дома. — И с этими словами венценосный правитель Британии направился к другим придворным. Сэр Майлз Уорингтон был глубоко тронут монаршей милостью. Он похлопал племянника по плечу.

— Да благословит тебя бог, мой мальчик! — вскричал он. — Я говорил тебе, что ты увидишь самого великого монарха и самого учтивого

джентльмена в мире. Не так ли, ваше преосвященство?

— Так, истинно так! — восклицает его преосвященство, воздевая вверх руки в кружевных манжетах и устремляя взор своих прекрасных очей к небесам. — Лучший из всех монархов и из всех людей, живущих на земле.

— А это мистер Луис, любимый племянник леди Ярмут, — говорит генерал Ламберт, указывая на молодого джентльмена, окруженного толпой придворных, и в эту минуту видит, что грузный герцог Камберлендский направляется в его сторону. Его высочество протягивает руку старому товарищу по оружию.

— Поздравляю тебя с повышением, Ламберт, — добродушно говорит он, и глаза сэра Майлза, который слышит это, готовы вылезти из орбит от восторга.

— Я обязан этим лишь милостивому соизволению вашего высочества, говорит исполненный благодарности генерал.

— Ни в коей мере, ни в коей мере; ты заслужил это уже давно. Ты всегда был хорошим офицером. Посмотрим, быть может, нам скоро понадобятся твои услуги. А это тот самый джентльмен, которого Джеймс Вулф представлял мне как-то?

— Это его брат, сэр.

— А, так это тот, что оказался подлинно счастливецом! Вы были в Америке вместе с бедным Недом Брэддоком, попали в плен и вам удалось бежать? Приходите проведать меня, сэр, на Пэл-Мэл. Приведи его ко мне на утренний прием, Ламберт. — И его высочество поворачивается к нашим друзьям своей широкой спиной.

— Дождь льет как из ведра! Вы пришли пешком, генерал Ламберт? Значит, вы и Джордж поедете ко мне в моей карете. Нет, нет, вы должны поехать со мной! Клянусь честью, должны! И вы поедете, не принимаю никаких отказов! восклицает пылкий баронет и не унимается до тех пор, пока генерал и Джордж не садятся в карету, после чего он везет их на Хилл-стрит, где представляет генерала Ламберта леди Уорингтон и ее драгоценным дочкам флоре и Доре и уговаривает закусить чем бог послал, — ведь нельзя не проголодаться после такого путешествия.

— Как, у нас на ужин только холодная баранина? Ну что ж, старый солдат может откусать и холодной баранины. А к ней добрый стакан наливки, собственноручно изготовленной леди Уорингтон, будет лучшим средством от простуды. Восхитительная наливка! Отменная баранина! — восклицает радушный хозяин. — Это наш собственный барашек, дорогой генерал, из нашего поместья, и никак не больше шести лет от роду. Мы

любим самый простой стол, все Уорингтоны еще со времен Вильгельма Завоевателя были известны своей неизменной любовью к баранине, и наша трапеза может показаться несколько скудной, да, в сущности, такова она и есть, потому что мы народ простой, и мне приходится прибавлять моим мерзавцам-слугам на харчи. Не могу же я потчевать их семилетними барашками, сами понимаете.

Сэр Майлз, тут же в присутствии племянника, принимается рассказывать жене и дочкам, как Джордж представлялся ко двору, и делает это в столь лестных для Джорджа выражениях, что тот просто ушам своим не верит, — неужто это он был участником описываемой сцены? От смущения он не решается взглянуть дядюшке в лицо, но и возражать ему в присутствии его семьи или прервать поразительное повествование, льющееся из его уст, он тоже, конечно, не может. Ламберт сидит, вытаращив глаза. Он ведь как-никак сам был в Кенсингтонском дворце, однако не заметил ни одного из тех чудес, которые расписывает сэр Майлз.

— Мы все гордимся вами, дорогой Джордж. Мы любим вас, наш дорогой племянничек... Мы все любим вас, мы все гордимся вами...

— А я больше люблю Гарри, — раздается писклявый голосок.

— ...но вовсе не из-за вашего богатства!.. Скруби, отведите мистера Майлза к его гувернеру. Ступай, дитя мое... Во все не потому, что судьба наградила вас большим поместьем и принадлежностью к древнему роду, а потому, Джордж, что вы сумели использовать на благо данные вам богом таланты, потому что вы сражались и проливали кровь за отечество и за короля и воистину достойны милости этого лучшего из всех монархов. Генерал Ламберт, вы были столь добры, что не погнушались навестить нас, сельских жителей, и разделить с нами нашу скромную трапезу, и я надеюсь, что вы еще посетите нас снова, и мы постараемся, чтобы в следующий раз наше гостеприимство было не столь скромным. Да, клянусь небом, генерал, вы должны назначить день, когда вы, и миссис Ламберт, и ваши милые дочки сможете у нас отобедать. И никаких отговорок, нет! Клянусь небом, я их не приму! — надрывается хлебосольный баронет.

— Надеюсь, вы подниметесь с нами в гостиную? — говорит хозяйка, вставая из-за стола.

Мистер Ламберт просит его извинить — он должен откланяться. Но о том, чтобы отпустить дорогого Джорджа, дамы и слушать не желают. О нет, он не должен их покидать. Они хотят поближе познакомиться со своим кузеном. Он непременно должен рассказать им об этом ужасном сражении и о том, как он спасся от индейцев.

Появляется Том Клейпул и слушает часть повествования. Флора

прижимает платок к глазам, и мистер Майлз-младший спрашивает:

— Зачем ты утираешься платком, Флора? Ты же не плачешь.

Возвратясь домой, Мартин Ламберт, обладающий большим чувством юмора, не может удержаться, чтобы не рассказать жене о своем новом знакомстве. В те годы вошло в обиход некое словечко — пустозвонство. Можно ли поверить, что генерал позволил себе употребить его, рассказывая о своем посещении семейства почтенного сельского джентльмена? Он описал назойливое гостеприимство папаши, велеречивую льстивость мамыши, восторженные взгляды дочек, скудные порции жилистой баранины и тошнотворный запах и вкус наливки, а миссис Ламберт, вероятно, не могла при этом не сравнить прием, оказанный хозяйкой дома Джорджу, с тем, как плохо стали привечать в этом доме Гарри.

— А эта мисс Уорингтон — она и в самом деле так красива? — спросила миссис Ламберт.

— О да, она очень хороша собой и самая беспардонная кокетка, второй такой поискать! — отвечал генерал.

— Лицемерка! Не выношу таких людей! — воскликнула его жена. На что генерал, как это ни странно, отвечал кратким междометием:

— Кыш!

— Почему ты сказал "кыш", Мартин? — спросила миссис Ламберт.

— Я сказал "кыш" одной гусыне, моя дорогая, — отвечал генерал.

Тут его жена, призывая в свидетели небо, заявила, что она решительно не понимает, что он хотел этим сказать и что было у него на уме, — а генерал ответил:

— Ну, понятное дело, нет.

Глава LIX,

в которой нас угощают пьесой

Дела обыденные, житейские дают, как мне кажется, не слишком много пищи романисту. Правда, когда писатель обращается к военному сословию, представители которого могут выказать себя храбрецами или совсем наоборот, он волей-неволей принимается описывать интересные события, необычные характеры и обстоятельства, смертельные опасности, беззаветную храбрость, героические подвиги и тому подобное, и тут уж ему позволительно рискнуть и взяться за изображение подлинных фактов жизни, которым при других условиях едва ли может найтись место в повествовании. Ведь в чем протекает большая часть жизни Торгулиса, например? В торговле сахаром, сыром и пряностями; Стряпчиса — в размышлениях над старинными юридическими трудами; Кроилиса — в

сидении, скрестив ноги по-турецки, на столе, после того как он снял с джентльменов мерку для раскроя сюртуков и панталон. Что может сообщить нам рассказчик о профессиональной жизни этих людей? Кому придется по вкусу описание дратвы, гвоздей и восемнадцати пенсов в день за работу? Поэты того времени, о коем мы повествуем, любили живописать пастушков в розовых штанах и ситцевых жилетках, танцующих перед своими овечками, подыгрывая себе на флажолете, обвитом голубой шелковой лентой. И в ответ на замечания влиятельных и снисходительных критиков я утверждаю, что невозможно ждать от романиста, чтобы он занимался подлинными фактами жизни, — единственное, пожалуй, исключение составляют уже упоминавшиеся выше военные действия. Что же касается юриспруденции, биржевых сделок, богословских споров, портняжного искусства, фармацевтики и тому подобных вещей, то можно ли требовать от писателя, чтобы он подробно останавливался на них в своих произведениях? И автору не остается ничего другого, как в меру своих сил и возможностей описывать людей вне их профессиональных занятий — описывать обуревающие их страсти, их любовь, их ненависть, их развлечения и забавы и тому подобное, а деловую сторону их жизни считать как бы чем-то само собой разумеющимся.

И посему, принимаясь рассуждать о жизни нынешней и жизни минувшей, я, признаться, только и делаю, что шатаюсь по театральным фойе, кофейням, танцевальным вечерам, ипподромам, ярмарочным балаганам, увеселительным заведениям и прочим веселым, развлекательным местам, и в то время, как все серьезное человечество теперь, как и встарь, корпит в своих конторах, трудится за своими унылыми станками и гнет спину на каждодневной работе, мы видим наших героев только в те минуты, когда они не заняты делом. А ведь Коридон не только миловался с Филлидой он должен был еще и вывозить навоз, и молотить ячмень. Ансиллула должна была убирать и мыть в детской, подавать завтрак, прислуживать хозяйке, водить детей на прогулку и прочее и прочее, прежде чем ей удавалось урвать минутку, чтобы перемолвиться через ограду ласковым словечком с полицейским Буписом, а этот бедняга должен был целый божий день оттаптывать пятки о каменную мостовую, прежде чем ему посчастливится урвать торопливый поцелуй или съесть сунутый украдкой кусок пирога. Нам же приходится встречаться с нашими героями лишь время от времени и при совсем иных обстоятельствах, хотя у большинства из них имеются свои основные занятия и профессии; и только в те минуты, когда они свободны от дел, можем мы свести их с читателем, если он тоже не занят.

Все светские щеголи и прочие благородные господа, завсегда и кофеен Уайта и Артура, продолжали держаться очень холодно с бедным Гарри Уорингтоном, и он все реже и реже искал их общества, а на Променаде, на ипподроме или за игорным столом его и подавно не было видно. Тетушка Бернштейн требовала, чтобы племянник презрел охлаждение к нему света, и клялась, что он победит, если встретит свою беду мужественно, с открытым забралом; но наш герой был слишком честен и прям, чтобы улыбаться, когда на душе у него кошки скребли, чтобы не подавать виду, когда был разгневан или унижен, чтобы ловкой лестью или замаскированной наглостью отвечать на оскорбления, как должны проделывать это, и с успехом проделывают, многие дамы и господа, желающие преуспеть в светском обществе.

— Ты принимаешь обиженный вид, Гарри, и жалуешься, что свет к тебе несправедлив, — говорила старая дама. — Вздор, сэр! Всем приходится мириться с наглостью. И если сейчас, когда ты беден и дух твой угнетен, тебе дают оплеуху, — смолчи, улыбнись и сторицей отомсти за это впоследствии, если сможешь. Ты думаешь, мне, *moi que vous parlez* {Той, что говорит тебе это (франц.)}, сэр, не приходилось испытывать унижений? Для каждого из нас наступает свой час, когда нужно проглотить обиду, и если теперь ты больше не Юный Счастливец, будь Юным Умником и отвоюй себе обратно то место, которое потерял из-за неблагосклонности судьбы. Появляйся в обществе еще чаще, чем прежде. Посещай все вечера и рауты, на которые ты зван, и даже те, на которые не зван. Будь любезен со всеми — особенно с дамами. Но, разумеется, держи в узде свой пылкий нрав, ибо он у тебя слишком пылок. Благодаря поразительной, я бы сказала, щедрости твоего брата ты, соблюдая экономию, еще можешь занять вполне пристойное место в обществе. С такой внешностью, как у вас, сэр, ничего не стоит подцепить богатую наследницу. *Tenez!* {Послушай! (франц.)} Тебе надо потолкаться среди наших коммерсантов в Сити и поглядеть там. Они не могут знать, что ты вышел из моды в придворном кругу. Нет никаких причин, чтобы вы, сэр, при некотором старании не обеспечили себе достаточно прочного положения. А ну-ка, скажи, когда ты в последний раз нанес визит леди Ярмут? Почему ты не поддерживаешь с ней добрых отношений? Ты пришелся ей очень по сердцу. Я хочу, чтобы ты стал постоянным гостем на ее вечерах и не упускал случая поухаживать за ней.

Так эта старая дама, столь горячо полюбившая Гарри, едва он приехал в Англию, всегда находившая удовольствие в его обществе и восхищавшаяся его безыскусной речью, приняла теперь сторону света и

отвернулась от своего племянника. Вместо улыбок и поцелуев, которые эта ветреная старуха дарила ему когда-то, он встречал холодность; теперь она держалась с ним покровительственно и порой проявляла сварливость; она поддразнивала его и подсмеивалась над ним в присутствии своих гостей, и его честное лицо пылало от унижения, а мужественное и нежное сердце преисполнялось обидой и жгучей болью. Слуги госпожи де Бернштейн, столь почтительные прежде, почти не замечали его теперь. Миледи часто то была слишком занята, то просто не расположена его принять, а слуги не находили нужным осведомиться, не останется ли он отобедать, и не предлагали ему обождать, как это бывало, когда он именовался Юным Счастливецом и водил компанию с богачами и знатью. Гарри поведал о своих огорчениях миссис Ламберт. Жестоко уязвленный, он рассказал ей о бессердечном отношении к нему тетки. Он был растерян и подавлен коварством и бездушием света. Пока добрая хозяйка дома и ее дочери расхаживали по комнате, занимаясь домашними делами, бедный мальчик, в унынии присев на подоконник, предавался печали.

— Вы самые лучшие люди на свете, самые добрые, — снова и снова повторял он, — а уж скучнее меня, верно, нет никого на всей земле... Ну да, конечно, вам со мною скучно, я понимаю.

— Вы и вправду не очень-то веселый собеседник, Гарри, — говорила мисс Этти, которая уже понемногу начинала им командовать и, возможно, задавала себе вопрос: "Как же это так? Неужто это тот самый молодой человек, который казался мне таким героем?"

— Почему он должен быть весел, если ему грустно? — с мягкой укоризной говорила Тео. — У него доброе сердце, и оно ранено непостоянством его друзей. Что ты видишь в этом дурного?

— Все равно, у меня хватило бы духу и виду не подать, что я задета, восклицала Этти, и ее маленькие ручки сжимались в кулачки. — И я бы продолжала улыбаться, даже если бы эта чудовищная раскрашенная старуха залепила мне пощечину. Она ужасна, мама. Да ты и сама так думаешь, Тео! Ну, признайся, что ты так думаешь! Еще вчера вечером ты сама это говорила и изображала, как она входит, опираясь на свою клюку, и лицемерно улыбается всем.

— Я могу не любить ее, — говорит Тео, густо покраснев, — но это еще не причина, чтобы я позволила себе непочтительно отзываться о тетушке нашего милого Гарри в его присутствии.

— Ах ты, предательница, ты всегда оказываешься права! — восклицает Этти. — Вот это-то меня и злит. Ну конечно, Гарри, это было очень дурно с моей стороны, что я позволила себе непочтительно

отзываться об одной из ваших родственниц.

— Признаться вам, Этти, отношение ко мне остальных родственников меня мало трогает, но то, что тетушка Бернштейн отвернулась от меня, — это мне тяжело. Я успел привязаться к ней, а когда люди, которых я полюбил, охлаждаются ко мне и показывают свое нерасположение, это меня почему-то просто сводит с ума.

— А если так поступит Джордж? — спрашивает Этти. Заметим кстати, что теперь они уже были друг для друга Джордж, Этти, Тео и Гарри.

— С вашим живым и веселым умом, Этти, вы можете выдумывать что угодно, только уж, пожалуйста, не это! — восклицает Гарри, вскакивая со стула с очень решительным и даже сердитым видом. — Вы не знаете моего брата так, как знаю его я, а то вы никогда бы, никогда не позволили себе предположить такое... предположить, что мой брат Джордж может поступить как-то недостойно или бессердечно! — Мистер Гарри очень разгорячился, произнося эту тираду.

Этти страшно побледнела. Она поглядела на Гарри и не произнесла ни слова.

А Гарри, прощаясь, сказал, как всегда просто:

— Простите меня, Этти, я очень огорчен, если выразился как-то резко или грубо. Но меня всегда задевает за живое, если про Джорджа нехорошо говорят.

Бледные губы Этти были плотно сжаты. Не проронив ни звука, она протянула Гарри руку и чопорно присела.

Когда же они с Тео остались вдвоем у себя в спальне и, как всегда, начался душевный разговор, пока закружились на ночь папильотки, Этти сказала:

— Ах, я думала, что мне будет так приятно видеть его каждый день, и я была так рада, когда папа сказал, что мы останемся в Лондоне! А теперь, ты видишь, я начинаю обижать его всякий раз, как он к нам приходит. Я просто не могу не обижать его. Я ведь знаю, Тео, что он не слишком умен. Но... о, господи, он же такой хороший, и добрый, и храбрый, не правда ли? И как он был красив, когда рассердился на меня, верно?

— А ты, глупышка, всеми силами добиваешься, чтобы он выглядел как можно красивее, — отвечала Тео.

Ну, словом, так у них и повелось теперь: они стали друг для друга Тео, и Этти, и Гарри, и Джордж, и я позволю себе предположить, что междометие "кыш", адресованное генералом Ламбертом его достойной супруге и матери его дочерей, содержало в себе некий упрек в чрезмерной сентиментальности и неискоренимой склонности к сватовству, присущей,

впрочем, решительно каждой женщине, чье сердце хоть чего-нибудь да стоит. Ну, а помимо упрека, в нем заключался еще и намек, что мадам Ламберт — просто гусыня, если она воображает, что эти два виргинца готовы немедленно влюбиться в молодых представительниц женской половины дома Ламбертов. У малютки Этти еще могут быть какие-то фантазии — с девчонками это бывает, но они быстро излечиваются. "Ты помнишь, Молли, что до встречи со мной ты ведь тоже была влюблена в кого-то другого", — сказал генерал, и добрая, простодушная миссис Ламберт не стала этого отрицать. Однако Гарри совершенно очевидно не собирался влюбляться в Этти, а теперь, когда старший брат совсем оттеснил его на задний план, когда даже надетый на нем кафтан едва ли мог считаться его личной собственностью, мистер Гарри стал и вовсе незавидной партией.

— Ну, понятно, теперь, когда он беден, нам, по-видимому, надо указать ему на дверь, как сделали это все прочие, — сказала миссис Ламберт.

— Вот, вот, ведь именно так я всегда и поступаю, не правда ли, Молли? сказал генерал. — Всегда поворачиваюсь спиной к друзьям, когда они попадают в беду?

— Нет, конечно, мой дорогой! Признаюсь, Мартин, я в самом деле просто глупая гусыня! — воскликнула миссис Ламберт и прибегла, как обычно, к спасительному носовому платку.

— Так пусть же бедный мальчик запросто приходит к нам и встречает радушный прием. Наш дом — почти единственный в этом городе себялюбцев, где он — желанный гость. Он несчастлив, а когда он с нами, у него легче становится на душе. Так пусть, черт побери, он почаще будет с нами! воскликнул добросердечный генерал. И в соответствии с этим, когда бы бедный, упавший духом Гарри ни пожелал пообедать или как-то провести вечерок, за столом мистера Ламберта всегда находилось для него место. Не менее радушно принимали здесь и Джорджа. Но, бывая у Ламбертов, Джордж на первых порах еще не испытывал к ним такого сердечного расположения, как Гарри, и не возбуждал к себе таких чувств, как его брат, ибо манеры Джорджа были холоднее и сдержаннее, он был менее простодушен и не столь легко доверял людям и своему суждению о них. Однако такая атмосфера доброты и дружелюбия царила в этой семье, что постоянное общение с ней могло растопить любое сердце, и Джордж вскоре научился любить и ценить Ламбертов не только за их неизменную доброту и заботу о его брате. Он не мог не замечать, как печален Гарри, и очень его жалел. Не раз с присущей ему склонностью к иронии принимался он упрекать себя за то, что был возвращен к жизни.

— Дорогой Гарри, — говорил он, — хоть ты и перестал быть Счастливецем Гарри, я так и остался Джорджем Неудачником, и Флорак поступил бы куда разумнее, если бы не протыкал шпагой этого индейца и не мешал ему украсить моим скальпом свой пояс. Я не шучу, сэр! И тебе был бы тогда почет и уважение в кофейне Уайта. Матушка оплакала бы меня как безвременно усопшего ангела, вместо того чтобы гневаться на меня за то, что я опять оттеснил ее любимчика на задний план, — ты же ее любимчик, сам знаешь, и заслуживаешь быть любимчиком, и не только ее, но и всеобщим. Однако имей в виду: если бы я не воскрес, твоя возлюбленная Мария непременно женила бы тебя на себе, и это была бы тебе кара богов за твою удачливость.

— Я никогда не могу разобраться, смеешься ты надо мной или над самим собой, Джордж, — сказал брат. — Не понимаю я, когда ты говоришь в шутку, когда всерьез.

— А я и сам этого не понимаю, Гарри, друг мой! — сказал Джордж.

— Я только одно знаю твердо: нет и не было на свете лучшего брата, чем ты, и лучших людей, чем Ламберты.

— Вот это истинная правда! — восклицает Джордж и пожимает брату руку.

— И если я несчастлив, ты в этом неповинен... и они неповинны. Да я и сам неповинен, Джордж, — сказал младший брат. — Таков уж мой удел, и я, понимаешь, не знаю, что мне с собой делать. Я должен работать, Джордж, а как? Вот вопрос.

— Надо послушать, что скажет матушка. Подождем, пока не придет от нее письмо, — говорит Джордж.

— Знаешь, Джордж, мне как-то не очень хочется возвращаться в Виргинию, — взволнованно говорит Гарри, понизив голос.

— Вот как? Уже влюбился в одну из сестричек?

— Я люблю их обеих, как сестер, — всем сердцем люблю, это самые прекрасные девушки на свете! Но я уже пробовал это однажды и спасся только благодаря тебе, так что теперь вовсе не хочу начинать все сначала. Нет! Нет! Совсем не по этой причине хочется мне остаться в Европе и не возвращаться домой. Но ты понимаешь, Джордж, я не хочу только и делать, что охотиться, стрелять уток, сажать табак, играть в вист, ходить в церковь, слушать проповедников, и все это снова, снова и снова, и так всю жизнь. А чем еще можно там у нас заниматься? Чем вообще, черт побери, могу я там заниматься, спрашивается? Вот почему я чувствую себя несчастным. Если бы ты был младшим сыном, это бы тебе ничуть не помешало: ты так умен, ты при всех обстоятельствах нашел бы свою дорогу в жизни. А что ждет

такого бедного малого, как я? Пока я не начну что-то делать, Джордж, я все время буду несчастен, это уж как пить дать!

— А разве я не говорил того же самого? Вот и ты теперь пришел к тому же выводу.

— К какому выводу, Джордж? Ты же знаешь, я очень часто думаю совершенно так же, как ты, — говорит почтительный младший брат.

— К такому выводу, друг мой, что для всех было бы лучше, если бы Флорак не помешал этому индейцу снять с меня скальп!

В ответ на это Гарри разразился сердитыми восклицаниями, после чего братья в дружеском согласии продолжали попыхивать трубками.

Жили они вместе, но образ жизни у каждого был свой, и, не считая взаимной привязанности, почвы для общения между ними было мало. Гарри не решался даже притрагиваться к книгам Джорджа, и когда старший брат был погружен в занятия, младший вел себя тихо, как мышь. Они перебрались на другую квартиру, покинув аристократический квартал и заставив госпожу де Бернштейн чрезвычайно по этому поводу негодовать и фыркать. Но Джордж очень пристрастился к посещению новой читальни и музея сэра Ганса Слоуна, недавно открытых в Монтегью-Хаус, и поэтому снял веселую и уютную квартирку на Саутгемптон-роу, в Блумсбери, выходящую окнами на чудесные луга, простирившиеся до Хемстеда, и расположенную позади парка герцога Бедфордского. Семейство лорда Ротема возвратилось в Мэйфэр, и мистер Ламберт, которого дела призывали в Лондон, также вынужден был переменить местожительство и снял меблированную квартиру в Сохо, неподалеку от дома, в котором поселились братья. Именно там, в семействе Ламберт, Гарри, как мы уже сообщали, и пропадал теперь все вечера.

Джордж тоже частенько бывал в этом доме, и чем ближе знакомился он с этим семейством, тем усерднее начинал его посещать, ибо общество это пришлось ему более по душе, нежели общество светских щеголей, собиравшихся за карточным столом тетушки Бернштейн, или баранина и портвейн сэра Майлза Уорингтона, или шум и болтовня кофеен. А поскольку для него, так же как и для дам семейства Ламберт, Лондон был в новинку, они знакомились с развлечениями этого города совместно и, без сомнения, побывали и в Воксхолле, и в Раниле, и в Мэрибон-Гарденс, и в театре, и в Тауэре, словом, всюду, где в ту пору можно было пристойно развлечься. Мистер Ламберт был от души рад, что может доставить своим дочкам эти невинные удовольствия, а мистер Джордж, щедрый и великодушный по натуре, также был счастлив порадовать чем-то своих друзей — особенно тех, кто был так добр к его брату.

Особенно сильно полюбился мистеру Уорингтону театр. В Виргинии он был совершенно лишен этого удовольствия и только однажды побывал в театре в Квебеке, когда ездил по делам в Канаду, а здесь, в Лондоне, к его услугам были два театра, находившиеся в то время в зените своей славы, и ему казалось, что он никогда не насытится столь упоительным развлечением. А свой восторг ему, естественно, хотелось разделить с друзьями. Не мудрено поэтому, что он горел желанием водить своих друзей в театр, и можно не сомневаться, что юные провинциалки всегда готовы были ему сопутствовать. Куда же мы отправимся, сударыни, — в "Друри-Лейн" или в "Ковент-Гарден"? В "Друри-Лейн" ставят Шекспира с участием Гаррика. Однако, поверите ли, дамы пожелали посмотреть пьесу прославленного нового драматурга, которую показывали в "Ковент-Гарден".

В те годы на театральном небосклоне зажглась новая звезда, ослепляя всех своим нестерпимым блеском. Великий драматург мистер Джон Хоум из Шотландии произвел на свет трагедию, изящней и классичней которой не появлялось на подмостках ничего со времен древних. Какими соображениями руководствовался мистер Гаррик, отказавшись поставить этот шедевр в своем театре? Превозносите как хотите своего Шекспира, но в творениях этого, спору нет, великого поэта (популярность которого в Англии необычайно возросла, после того как мосье Вольтер позволил себе над ним поиздеваться) недопустимо много варваризмов, что не может не шокировать благовоспитанную публику, в то время как мистер Хоум, будучи нашим современником, умеет не терять изящества, даже предаваясь скорби или безумству страсти, умеет изображать смерть не просто отталкивающей, но трогательной и грациозной, и никогда не позволяет себе унижить величие Трагической Музы нелепым соседством с буффонадой и грубыми каламбурами, к которым склонен прибегать его старший брат-драматург. И к тому же пьеса мистера Хоума получила одобрение в самых высоких кругах, у самых высокопоставленных лиц, чей возвышенный вкус под стать их высокому положению, и, следовательно, всем британцам остается только присоединиться к аплодисментам, после того как августейшие руки первыми подали для них сигнал. Именно такого мнения, как нам известно, придерживались и наиболее видные умы города, и представители изысканного общества в кофейнях. Как же, ведь знаменитый мистер Грей из Кембриджа заявил, что за последние сто лет ни с одних подмостков еще не звучало драматического диалога, написанного в столь безукоризненном стиле; а на родине драматурга, в городе Эдинбурге, где эта пьеса впервые увидела свет, торжествующие шотландцы орали из

партера на своем диалекте: "Ну, где теперь ваш Вулли Шакспир, а?"

— Хотел бы я поглядеть на человека, который сумеет перещеголять Вилли Шекспира, — сказал, посмеиваясь, генерал.

— Просто национальный предрассудок, — заметил мистер Уорингтон.

— Перещеголять Шекспира, скажут тоже! — воскликнула миссис Ламберт.

— Полно, полно, уж ты-то, Молли, куда больше слез пролила над мистером Ричардсоном, чем над мистером Шекспиром! — сказал генерал.

— По-моему, мало кто из женщин любит читать Шекспира — они только говорят, что любят, но это притворство.

— Ну, папа! — воскликнули все три дамы, всплеснув тремя парами рук.

— Хорошо, почему же в таком случае вы все трое предпочитаете "Дугласа"? А вы, мальчики, вы же такие отъявленные тори, — разве вы пойдете смотреть пьесу, написанную шотландцем-вигом, к тому же еще взятым в плен при Фалкирке?

— *Relicta non bene parmula* {Позорно бросив щит (лат.)}, — изрекает ученый мистер Джек.

— Нет. Здесь уж надо бы сказать: *relicta ben parmula* {Должным образом оставив щит (лат.)}, — говорит генерал. — Это же шотландцы побросали свои круглые щиты и задали жару нашим красным мундирам. Если б они всегда сражались так на поле боя, и если бы молодой Перкин не повернул вспять от Дерби...

— Я знаю, на чьей стороне были бы восставшие и кого назвали бы Юным Претендентом, — сказал Джордж.

— Тише! Я вынужден просить вас не забывать про мой мундир, мистер Уорингтон, — с достоинством произнес генерал. — И помнить также, что я ношу черную, а не белую кокарду! А если вам не по душе политические взгляды мистера Хоума, то у вас есть, мне кажется, другие основания хорошо к нему отнестись.

— Я могу быть сторонником тори, мистер Ламберт, и при этом любить и чтить достойного человека в лице вига, — сказал Джордж, отвечивая генералу поклон. — А почему все-таки должен мне полюбиться этот мистер Хоум?

— Потому что, будучи пресвитерианским Священником, он совершил великий грех — написал пьесу, и братья-священники взъелись на него и отлучили его от церкви. За этот его проступок они лишили беднягу средств к существованию, и он умер бы с голоду, если бы Юный Претендент по эту сторону Ла-Манша не назначил ему пенсии.

— Ну, если его громили священники, значит, он не бесталанен, — с улыбкой заметил Джордж. — И теперь я торжественно заявляю, что готов слушать его проповеди.

— Миссис Уоффингтон просто божественна в его пьесе, хотя и не пользуется успехом в трагедиях, а Барри решительно всех заставляет плакать, и теперь Гаррик бесится от того, что не поставил его пьесы. Барышни, каждой из вас придется захватить с собой с полдюжины носовых платков! А что до маменьки, то я просто за нее боюсь; на мой взгляд, ей лучше остаться дома.

Но миссис Ламберт не пожелала остаться дома. Если ей уж очень захочется поплакать, сказала она, можно будет забиться в какой-нибудь угол. Итак, они все отправились в "Ковент-Гарден", приготовившись — почти все — увидеть драматический шедевр века. Разве они не знали наизусть целых страниц из творений Конгрива? Разве не проливали слез над пьесами Отвея и Роу? О вы, прославленные при жизни, вы, кому предрекали бессмертие, — что знают о вас сегодня? Хорошо еще, если помнят, где покоится ваш прах. Бедная, всеми забытая Муза театра минувших лет! Она наигрывает для нас на свирели, а мы не хотим танцевать; она рвет на себе волосы, а мы не желаем плакать. А наши Бессмертные Современники, кто скажет мне, как скоро станут они мертвецами и будут преданы забвению? Многие ли из них переживут себя? Как скоро поглотит их Лета?

Итак, наши друзья отправились в "Ковент-Гарден" поглядеть трагедию бессмертного Джона Хоума. Дамы и генерал были доставлены туда в карете, а молодые люди встретили их у театрального подъезда. Не без труда пробились они сквозь толпу мальчишек-факельщиков и целый полк лакеев. Во время этого путешествия малютка Этти опиралась на руку Гарри, а зарумянившаяся мисс Тео была препровождена в ложу мистером Джорджем. Гамбо сторожил их места, пока не прибыли хозяева, после чего, отвесив положенное количество поклонов, отправился на галерею для лакеев. В ложе возле сцены, где расположилась наша компания, по счастью, оказалась колонна, укрывшись за которой маменька могла спокойно поплакать. А в доже напротив они имели честь лицезреть надежду империи, его королевское высочество Георга, принца Уэльского, с вдовствующей принцессой, его матерью, которых публика приветствовала верноподданническими, но не слишком горячими рукоплесканиями. Позади его высочества стоял Красивый мужчина — милорд Бьют, королевский конюший и покровитель поэта, чье творение они собрались посмотреть, успев уже не раз пролить над ним слезы.

Наша ли в том вина, если во время представления мистер Ламберт позволял себе отпускать шутки и тем нарушать торжественность минуты? Как хорошо известно каждому, кто читал трагедию, вначале герои ее занимаются тем, что дают всевозможные объяснения. Леди Рандолф объясняет, почему она так грустна. Она вышла замуж за лорда Рандолфа несколько поздно, признается леди, и от его светлости не укрылось, что покойный любовник все еще владеет ее сердцем, а супруг вынужден довольствоваться теми унылыми второстепенными знаками расположения, которыми она еще способна его удостоить. Вследствие этого вторжение в Шотландию датчан не столько возмущает, сколько взбадривает милорда, который бросается навстречу врагу и забывает о семейных неурядицах. Добро пожаловать, викинги и скандинавы! Дуй, Борей, надувай паруса, гони корабли завоевателей к берегам Шотландии! Рандолф вместе с другими героями будет на берегу, чтобы оказать врагу достойный прием! Не успевает его милость скрыться за роццей, как леди Рандолф начинает излагать наперснице кое-какие события своей молодости. Суть в том, что она уже была однажды тайно обвенчана, и — странно подумать — на заре юности потеряла мужа! В холодной утробе земли покоится супруг ее юных лет, а где-то в пучине океана — их ребенок!

До этого момента мистер Ламберт внимал всему с величайшей серьезностью, так же как и его юные спутники, но когда леди Рандолф принялась восклицать: "Увы мне! Наследственный порок — причина всех моих несчастий!" — генерал толкнул Джорджа Уорингтона в бок и скорчил такую забавную рожу, что молодой человек не выдержал и расхохотался.

С этой минуты чары развеялись. Оба джентльмена продолжали теперь отпускать шутки до конца представления и очень веселились, вызывая возмущение своих спутников, а возможно, и зрителей в соседних ложах. Молодой Дуглас по моде того времени был облачен в белый шелк с прорезями на рукавах и на бедрах, и когда мистер Барри появился на сцене в этом потешном костюме, генерал поклялся, что в точности такое одеяние носили шотландские стрелки во время последней войны. Гвардия Претендента, заявил он, вся носила белые атласные штаны с прорезями и красные сапоги... "Только этот свой наряд они оставили дома, моя дорогая", — добавил наш шутник. После чего он при содействии Джорджа уже не оставил камня на камне от возвышенного творения мистера Хоума. Что касается Гарри, тот сидел в глубочайшем раздумье, глядя на сцену, а когда миссис Ламберт спросила его, о чем он задумался, ответил:

— Этому молодому Норвалу, или Дугласу, или как там его, ну, этому малому в белом атласе, который кажется старше своей маменьки, — ему

здорово повезло, раз он смог так быстро отличиться на войне. Как бы я хотел, тетушка Ламберт, чтобы и мне представился такой случай, — признался Гарри, постукивая пальцами по тулье своей шляпы. Тут миссис Ламберт вздохнула, а Тео сказала с улыбкой:

— Подождем, может быть, датчане высадутся и у нас.

— Как вас понять? — спросил простодушный Гарри.

— Ну... датчане ведь всегда тут как тут, pour qui sait attendre! {Для тех, кто умеет ждать (франц.).} — сказала добросердечная Тео, завладев ручкой своей сестрицы и, как я догадываюсь, чувствуя ее пожатие.

Она держалась с мистером Джорджем не то чтобы сурово, — это было не в натуре мисс Тео, — но все же несколько холодновато, сидела, повернувшись к нему спиной и обращаясь время от времени только к Гарри. Несмотря на насмешки мужчин, женщины были растроганы пьесой. Когда любящие мать и сын находят друг друга, а затем расстаются в слезах, это не может не тронуть женских сердец.

— Поглядите-ка, папенька! Вот вам ответ на все ваши насмешки! — сказала Тео, указывая на сцену.

Во время диалога между леди Рандолф и ее сыном один из двух гренадеров, стоявших, по обычаю того времени, на карауле по обе стороны подмостков, не смог удержаться от слез и расплакался на глазах у всех, сидевших в боковой ложе.

— Да, ты права, моя дорогая, — сказал папенька.

— Ну, что я говорила, она всегда права, — сказала Этти.

— Этот солдат лучше разбирается в драматургии, чем мы, а искреннее чувство всех берет в полон.

— *Tamen usque recurrit!* {Она все равно возвратится! (лат.).} восклицает молодой школяр.

Джордж несколько смущен, по и заинтригован. Он насмехался, а Тео сочувствовала. Вероятно, ее доброта благородней... а быть может, и мудрее его скептицизма. Так или иначе, когда в начале пятого акта молодой Дуглас, выхватив меч из ножен и устремив взор на галерею, прорычал:

О воинство небесное, о звезды,

Кому я жаловался на судьбу!

Внемлите мне, исполните желанье

Души моей — даруйте славу мне!

Пускай датчанин — дикий великан

Придет и бросит нам отважный вызов,

Я, прежде чем он отзвучит, — приму

Его, дабы, как Дуглас, победить

Иль пасть, как Дуглас!

боги, к которым взывал мистер Барри, приветствовали его героический порыв оглушительными рукоплесканиями, и генерал тоже начал изо всей мочи хлопать в ладоши. Его дочка была несколько сбита с толку.

— Этот Дуглас не только храбр, но и скромн! — заметил генерал.

— Да, он мог бы и не настаивать, чтобы датчанин был непременно великаном, — улыбаясь, заметила Тео, когда под гром рукоплесканий, несущихся с галереи, на сцене появилась леди Рандолф.

Подождав, пока рукоплескания стихнут, леди Рандолф произнесла:

Сын мой, я услышала голос!..

— Еще б ей не услышать! — воскликнул генерал. — Этот малый ревел, как Васанский телец. — И после этого до самого конца представления генерал уже никак не мог утихомириться. Нам просто повезло, заявил он, что этого молодца умертвили за сценой. А когда наперсница леди Рандолф сообщила публике, как ее госпожа "молнией взлетела на вершину и ринулась оттуда в пустоту", генерал тотчас заявил, что счастлив от нее избавиться.

— А вот насчет того, что она будто бы уже была когда-то замужем, меня, признаться, берут сомнения, — заметил он.

— Полно, Мартин! Дети, смотрите! Их высочества поднимаются!

Трагедия закончилась, и вдовствующая принцесса уже покидала ложу вместе с принцем Уэльским, хотя последний, будучи горячим поклонником фарса, с большим удовольствием посмотрел бы, вероятно, водевиль, нежели унылый шедевр трагической музыки мистера Хоума.

Глава LX,

в которой описывается ужин, появляемся Макбет и заваривается каша

По окончании представления наши друзья отправились в карете на квартиру к мистеру Уорингтону, где их ждал заказанный виргинцами изысканный ужин. Мистеру Уорингтону очень хотелось угостить их на славу, и генерал с супругой охотно приняли приглашение двух молодых холостяков, радуясь, что смогут доставить им удовольствие. Собравшиеся за столом — генерал Ламберт и его супруга, их приехавший из колледжа сын, две их цветущие дочери и новый приятель Джорджа мистер Спенсер — адвокат из Темпла, с которым он свел знакомство в кофейне, — весело отдали должное угощению. Установить с полной достоверностью, как расположились они за столом, я не смог, однако известно, что мисс Тео каким-то образом оказалась рядом с блюдом цыплят и мистером Джорджем Уорингтоном, в то время как мистер Гарри делил свое внимание между мисс Этти и свиным окороком. А так как миссис Ламберт должна была

помещаться по правую руку от Джорджа, нам остается рассадить только троих: генерала, его сына и молодого юриста из Темпла.

Мистер Спенсер был на представлении в другом театре — в том самом, где он в свое время ввел Джорджа в мир театральных кулис. Разговор снова вернулся к только что увиденной пьесе, и часть присутствующих выразила свое восхищение.

— И прошу вас, мистер Спенсер, не слушайте, что говорят наши мужчины, не верьте ни одному их слову, — воскликнула миссис Ламберт. — Это восхитительная пьеса, а мой муж и мистер Джордж вели себя несносно.

— Мы и вправду смеялись невпопад — больше там, где положено было плакать, — признался генерал.

— Вы вели себя так, что в соседних ложах все оборачивались на нас и шипели: "Тише!" А из задних рядов партера кричали: "Эй, вы там, в ложе, уймись!" Даже не упомяну, чтобы вы когда-нибудь еще вели себя так дурно, мистер Ламберт, я просто со стыда стореда!

— Маменька думала, что мы смотрим трагедию, а мы думали, что нас хотят позабавить, — сказал генерал. — По-моему, мы с Джорджем вели себя превосходно, — что ты скажешь, Тео?

— Может быть, в тех случаях, когда я на вас не глядела, папенька! отвечала Тео.

На что генерал сказал:

— Видали вы такую дерзкую плутовку?

— Я же ни слова не говорила, пока вы сами не спросили, сэр, — скромно опустив глаза, возразила Тео. — Правду сказать, пьеса очень меня растрогала, особенно игра миссис Уоффингтон в сочетании с ее красотой. Как не пожалеть бедную мать, которая обрела свое дитя и тут же снова его потеряла? Но если мне не следовало ее жалеть, я прошу прощенья, папенька, — с улыбкой прибавила девушка.

— Видишь, Тео, дело просто в том, что женщины не так умны, как мужчины! — воскликнула Этти, лукаво покосившись на Гарри. — В следующий раз, когда мы пойдем в театр, пожалуйста, братец Джек, ущипни нас, когда нам положено будет плакать, или толкни локтем, когда положено будет смеяться.

— А мне так очень хотелось поглядеть на поединок, — сказал генерал. Хотелось, чтобы они подрались — этот малый Норвал и великан-норвежец, — вот была бы потеха! И ты, Джек, должен подать эту мысль мистеру Ричу, антрепренеру, — напиши-ка ему в театр!

— Этой пары я не видел, а вот бой Слэка и Броутона в "Мэрибон-

Гарденс" видел, — с полной серьезностью проговорил Гарри и был очень удивлен, когда все рассмеялись. "Должно быть, я сказал что-то остроумное", — подумал он и добавил: — Совсем не нужно быть великаном, чтобы уложить на месте этого малыша в красных сапогах. Я, во всяком случае, мог бы в два счета перебросить его через плечо.

— Мистер Гаррик ростом невелик, но порой кажется великаном, — сказал мистер Спенсер. — Как величествен он был в Макбете, мистер Уорингтон! Как ужасна была эта сцена с кинжалом! А вы посмотрели бы на нашего хозяина, на мистера Уорингтона, когда я представлял его за кулисами мистеру Гаррику и миссис Причард, и наша леди Макбет оказала ему честь, взяв понюшку табака из его табакерки.

— И что же, супруга тана Кавдорского изволила чихнуть? — почтительно осведомился генерал.

— Она поблагодарила мистера Уорингтона таким глухим, загробным голосом, что он попятился и, должно быть, рассыпал табак из табакерки, потому что тут уж сам Макбет чихнул три раза подряд.

— Макбет, Макбет, Макбет! — восклицает генерал.

— А наш великий философ мистер Джонсон, стоявший рядом, сказал: "Осторожнее, Дэви, смотри, как бы тебе своим чиханьем не разбудить Дункана!" А Дункан, кстати сказать, разговаривал в это время с тремя ведьмами, сидевшими у стены.

— Как я вам завидую! Я бы отдала все на свете за то, чтобы побывать за кулисами! — вскричала Тео.

— Чтобы вдыхать копоть оплывающих сальных свечей и видеть все эти болтающиеся канаты, сусальное золото, мишуру и раскрашенных старух, так, Тео? Нет, вблизи на это лучше не смотреть, — сказал скептически настроенный хозяин дома, меланхолично опрокидывая стакан рейнвейна. — Вы рассердились на вашего папеньку и на меня?

— Нет, Джордж, — отвечала девушка.

— Нет? А я вижу, что да! Вы рассердились на нас за то, что мы смеялись, когда вам хотелось плакать. Если мне позволено говорить не только за себя, но и за вас, сэр, — сказал Джордж, отвечивая легкий поклон в сторону генерала Ламберта, — то мы с вами, мне кажется, не были склонны проливать слезы, как это делали дамы, потому что смотрели эту пьесу как бы из-за кулис и, получше приглядевшись к юному герою, увидели, сколько в нем пустословия и мишуры, и не могли не заметить, сколько белил пошло на трагически бледное лицо его маменьки и как ее горе было бы неубедительно без носового платка. Ну, признайтесь, Тео, что вы сочли меня в эти минуты очень бесчувственным?

— Если вы без моей помощи сделали это открытие, сэр, какой смысл мне признаваться? — говорит Тео.

— Предположим, я бы умер, — продолжает Джордж, — и вы бы увидели, как скорбит Гарри! Вы бы стали свидетелями настоящего, подлинного горя, порожденного истинной любовью, и были бы опечалены тоже. Но разве просто вид гробовщика в черном сюртуке и с траурным крепом на рукаве заставил бы вас разрыдаться?

— Ну, конечно же, я бы очень опечалилась, сэр! — восклицает миссис Ламберт. — И мои дочери, ручаюсь, опечалились бы тоже.

— Может быть, мы бы даже надели траур, мистер Уорингтон, — говорит Тео.

— Вот как! — восклицает Джордж, и оба они, и он и Тео, одновременно краснеют — потому, думается мне, что видят устремленный на них ясный взгляд юной Этти.

— Старые писатели плохо разбирались в том, что трогает чувствительное сердце, — замечает мистер Спенсер, один из первейших умников Темпла.

— А что вы скажете о Софокле и Антигоне? — задает вопрос мистер Джон Ламберт.

— Поверьте, у нас и не вспоминают о нем, пока какой-нибудь джентльмен из Оксфорда не напомнит! Я не намерен был забираться в такую даль, достаточно взять хотя бы Шекспира, которому, как вы все согласитесь, по части изящного и чувствительного далеко до современных авторов. Да разве его героини могут потягаться с Белвидерой, или Монимией, или с Джейн Шор? А в каком из женских характеров его комедий можете вы обнаружить изящество Конгрива? — И он широким жестом протянул свою табакерку сначала вправо, а потом влево.

— Сдается мне, что мистер Спенсер сам пробовал свои силы на литературном поприще, — заметил кто-то.

— Многие джентльмены занимаются этим от нечего делать. Признаюсь, моя пьеса была даже у мистера Гаррика, но он возвратил мне ее.

— Не скрою, что и у меня в одном из ящиков стола лежат четыре акта незаконченной пьесы, — сказал Джордж.

— И могу поручиться, что они ничем не хуже сочинений других авторов, шепнул Гарри на ухо своему соседу.

— И что же это у вас, трагедия или комедия? — спросила миссис Ламберт.

— Разумеется, трагедия, притом с несколькими ужасными

убийствами! отвечал Джордж.

— Давайте разыграем ее, а зрители пусть приготовят носовые платки! Я, впрочем, больше всего люблю, когда на сцене показывают тиранов, — сказал генерал.

— Трагедия, подумать только! Ступай и сейчас же принеси ее сюда, Гамбо! — приказала миссис Ламберт негру.

Гамбо отвесил низкий поклон и сказал:

— Трагедию? Слушаюсь, сударыня.

— Она в большом бауле из свиной кожи, Гамбо, — без тени улыбки пояснил Джордж.

Гамбо снова отвесил поклон и отвечал столь же серьезно:

— Слушаюсь, хозяин.

— Впрочем, знаете, Этти, моя трагедия погребена под целым ворохом белья, книг, сапог и всевозможных свертков.

— Какие пустяки! Вы давайте нам трагедию, а белье можно выбросить в окошко! — воскликнула мисс Этти.

— Между прочим, большой баул из свиной кожи остался у наших агентов в Бристоле, так что Гамбо придется нанять почтовых лошадей, а нам подождать с нашей постановкой до его возвращения, то есть до послезавтра.

Дамы заахали в комическом отчаянии, а генерал, напустив на себя серьезный вид, заметил:

— Скажите спасибо, что так легко отделались. И не думаете ли вы, что нам пора по домам? Наши молодые хозяева оказали нам прекрасный прием, и теперь на прощанье мы поднимем бокалы за здоровье госпожи Эсмонд-Уорингтон из Каслвуда в Виргинии. А что как, возвратясь домой, вы, мальчики, найдете там красивого, рослого мужчину, который окажется вашим отчимом? Мы знаем немало примеров, когда дамы такого возраста выходили замуж.

— За здоровье госпожи Эсмонд-Уорингтон, моей школьной подруги! воскликнула миссис Ламберт. — Я напишу ей письмо и расскажу, каким чудесным ужином угостили нас ее сыновья. Но о том, как плохо вели вы себя во время представления, мистер Джордж, я умолчу! — И после этого заключительного тоста гости распрощались с хозяевами. Карета генерала и слуга с факелом уже давно ждали у подъезда.

*

Что может быть натуральнее, если после этого приема, устроенного мистером Уорингтоном, он на другой день отправился проведать своих гостей и осведомился, благополучно ли они прибыли домой и хорошо ли

изволили почивать? Ведь что ни говори, а когда их карета проезжала пустырями за усадьбой Монтегью, направляясь в сторону Оксфорд-роуд, на нее могли напасть разбойники. Или же дамы могли простудиться или же лишиться сна под впечатлением спектакля. Словом, Джорджу не было никакой нужды искать оправданий ни перед самим собой, ни перед своими добрыми друзьями за такой визит, и в тот день он пораньше, захлопнул свою книгу в читальне Слоуна и, вполне возможно, обнаружил, что не помнит почти ничего из только что прочитанного.

Так в чем же, скажите мне, причина этого волнения, этой нерешительности, этих колебаний и сомнений, этого трепета, которые он испытывает, стоя перед дверью дома мистера Ламберта на Дин-стрит и оторопело глядя на лакея, явившегося на его стук? Прочтут ли эти строки чьи-то молодые глаза? Или старики, читая их, вспомнят свое прошлое? И чье-то усталое, разуверившееся сердце воскресит в памяти те дни, когда оно билось сильно и сладко замирало? Нам кажется, что с той поры, когда мы были молоды, прошли столетия, и мы уже забыли нашу юность. Но не все забыли, не все. Нет, сударыня, мы помним, и эти воспоминания приносят нам ту отраду, которую король Генрих у Шекспира обещал своим солдатам, если они останутся живы после Азенкура в день святого Криспина. Старые боевые кони, мы теперь пасемся на воле, но если за изгородью заиграет военный рожок, разве не можем мы размять немного наши старые кости и проскакать по лужку, пока нас не загонят в стойло? Клоуны в разноцветных панталонах уже не волнуют моего воображения, фея кажется мне безобразной, а ее стихи — невыносимой чепухой, но мне нравится наблюдать за детьми, когда они смотрят пантомиму. Я больше не танцую и не ужинаю, но с удовольствием гляжу на Эугенио и Флиртиллу, когда они мило кружатся в вальсе или на Люсинду и Арденио, когда они рвут пополам хлопущку. Обжигайте свои пальчики, дети! Высекайте веселые, нежные искорки в глазах друг у друга! А потом, теснее сдвинув головки, прочтите завет — древний, как мир, сентиментальный завет, такой банальный и такой вечно живой! И пусть ее губы произнесут этот завет, а его губы дадут ему истолкование, и вы, юные, поделите между собою пряник и сообща вкусите его сладость. А я уже потерял зубы. Сахар и горький миндаль, увы, не для моего желудка... Но пососать леденец я все же и теперь не прочь.

Поднимемся же по лестнице в квартиру генерала и вступим в нее следом за Джорджем Уорингтоном, который отвешивает самый изысканный поклон. В комнате нет никого, кроме одной дамы; она сидит у окна, — ведь солнце не слишком часто заглядывает на Дин-стрит.

Сидящую у окна юную особу мы бы не назвали безупречной красавицей, но сейчас весна, и она по-весеннему свежа и прелестна. Розы алеют на ее невинных щечках. Глаза ее, вероятно, правильнее всего сравнить с фиалками. Живи я сто лет назад и сотрудничай в "Лондон мэгэзин" или в "Джентльмене", тогда, описывая ее мистеру Сильванусу Урбану, я бы сказал, что у нее милейшая шейка и сложение нимфы; я написал бы в ее честь акростих и восславил бы нашу Ламбертеллу в изящном мадригале, который и сейчас можно было бы почитать, когда надоест рассматривать новый план города Праги, или изображение лагеря короля Прусского, или карты графств Мэриленд и Делавер.

Итак мы видим мисс Тео, раздумывающуюся как роза. Как могла маменька еще час назад уверять, что мисс Тео ужас как бледна и утомлена и ей сегодня лучше не выезжать вместе со всей семьей, а остаться дома? Все поехали поблагодарить семейство лорда Ротема за предоставленное им на время жилье, а папенька направился к себе в штаб конногвардейского полка. Он в отличнейшем расположении духа. Мне кажется, он ждет какого-то назначения, но маменька страшно волнуется, боится, что его снова пошлют в чужие края.

— Ваш брат отправился вместе с моим в школу Чартер-Хаус, навестить нашего младшего братишку. Похоже, оба мои братца станут священниками, продолжает мисс Тео. Не прерывая беседы, она усердно работает иглой, подрывая край какой-то мужской одежды. В прошлом столетии молодые дамы не стыдились ни шить мужские рубашки, ни публично о них упоминать. Прошу понять меня правильно, я не хочу сказать, что от этого простого занятия и простого разговора они становились лучше или хуже, и вовсе не стремлюсь к тому, чтобы вы, моя дорогая, стряпали пудинги, а я чистил сапоги.

— Так, значит, Гарри уже был здесь?

— Он часто бывает у нас, почти каждый день, — с улыбкой говорит Тео, глядя Джорджу в глаза. — Бедняжка! Ему с нами приятнее, чем в светских салонах, где его теперь, когда он сам перестал быть светским львом, больше знать не хотят. А вы почему не жалуете великосветское общество и не бываете на скачках и в кофейнях, мистер Уорингтон?

— Разве мой брат извлек такую пользу от посещения всех этих увеселительных мест и от дружбы с разными важными лицами, чтобы мне ему подражать?

— Посетили бы хоть сэра Майлза Уорингтона. Я знаю, он примет вас с распростертыми объятиями. Миледи наведалась сегодня утром к нам в своем портшезе, и послушали бы вы, какие она вам расточала похвалы: она

заявила, что вы так или иначе должны занять высокое положение. Его высочество герцог очень хорошо отзывался о вас, говорила она. Вы не забудете нас, мистер Уорингтон, после того, как станете высоким лицом?

— Если я стану "высоким лицом", то, разумеется, забуду, мисс Ламберт.

— Вот как! Ну, мистер Джордж, в таком случае...

— Мистер Джордж?

— - В присутствии папеньки и маменьки мы, конечно, можем отбросить "мистера", — в некоторой растерянности говорит Тео, отворачиваясь к окну. И чем же вы занимались, сэр? Читали книги или работали над вашей трагедией? А какая это будет трагедия? Такая, какие любим мы, которая заставит нас плакать, или такая, какие любите вы и которая будет нагонять на нас страх?

— В ней много убивают, но, боюсь, не очень много плачут. Мне мало приходилось иметь дело с женщинами, и я их плохо знаю. Признаться, все, что я описываю, взято из книг, а иной раз я, как все молодые люди, подражаю стихам других авторов, которые когда-то читал. Женщины обычно не склонны вести со мной беседу. Говорят, что у меня саркастический склад ума, а им это не по вкусу.

— Может быть, вы просто не слишком старались им понравиться? — краснея, спросила мисс Тео.

— Я прогневил вас вчера вечером, — конечно, прогневил, я знаю.

— Да, я рассердилась, но не очень, а потом я поняла, что была неправа.

— Вы хоть немножко думали обо мне, после того как мы расстались, Тео?

— Да, Джордж... я хотела сказать, мистер... Ну, впрочем, хорошо, Джордж!.. Я подумала, что вы и папенька правильно судите об этой пьесе, и, как вы сказали, то, что нас растрогало — это не настоящие чувства, а какое-то притворство. Но я, право, не знаю, хорошо это или плохо — так ясно и отчетливо все понимать? Мы с Этти решили, что впредь будем гораздо осторожнее восхищаться трагедиями. Так что, когда настанет ваш черед, берегитесь! А как, кстати, она называется, ваша трагедия?

— Она еще не получила крещения. Не согласитесь ли вы быть ее крестной матерью? Героиню пьесы зовут...

Но в эту минуту появляются миссис Ламберт и мисс Этти, возвратившиеся с прогулки, и маменька с порога начинает восклицать: какая неожиданность, она никак не предполагала, что мистер Уорингтон посетит их сегодня!.. То есть она думала, как было бы хорошо, если бы он

пришел... Словом, это очень мило с его стороны — навеститься к ним, и вчерашнее представление и ужин — все было восхитительно, только у Тео немножко разболелась сегодня утром голова.

— Теперь ей, наверно, уже лучше, маменька, — говорит мисс Этти.

— Право, моя дорогая, это вообще были совершеннейшие пустяки, как я и объяснила маменьке, — восклицает мисс Тео, потрянув волосами.

После этого разговор перекинулся на Гарри. Он очень мрачен. Ему необходимо чем-то заняться. Он все время ходит в Военную кофейню и без конца изучает войны короля Прусского. Ему не следовало оставаться в Лондоне после того, что случилось. Он ничего не говорит, но по всему видно, как сокрушается он по поводу своей попусту растроченной жизни и как болезненно ощущает свою теперешнюю зависимость. Это видно хотя бы из того, что он стал избегать прежних знакомых и перестал бывать в тех местах, которые так часто посещал. А проходя с Джоном Ламбертом мимо гвардейцев у Сент-Джеймского дворца, он сказал Джеку: "Почему бы мне тоже не стать солдатом? Я не ниже ростом, чем этот малый, и не хуже всякого другого могу палить из ружья. Однако я не в состоянии заработать и шести пенсов в день. Пустил по ветру свое состояние, а теперь объедаю брата. Он лучший из всех братьев на земле, но тем постыдней жить на его счет. Только ты не говори этого моему брату, Джек Ламберт!"

— И мой мальчик пообещал молчать, — заявила миссис Ламберт.

Само собой разумеется, дочек не было в комнате, когда их маменька держала эту речь перед Джорджем Уорингтоном. Он же, со своей стороны, сказал, что послал матушке письмо и сообщил следующее: половина его наследства, — а если потребуется, то и другая половина, — к услугам Гарри, и он может купить себе на эти деньги офицерский чин или использовать их на какое-либо полезное дело, которое даст ему в руки занятие или позволит добиться более высокого положения в обществе.

— Да, у Гарри добрый брат, ничего не скажешь. Так будем надеяться, что и ему улыбнется счастье, — со вздохом произнесла миссис Ламберт.

— Датчане всегда тут как тут, pour qui sait attendre, — сказал Джордж, понизив голос.

— Как! Вы слышали? Ах, Джордж! Наша Тео... просто... Впрочем, бог с ней, оставим это, Джордж Уорингтон, — воскликнула чувствительная маменька, смахнув слезу. — Фу! Сейчас вы опять поднимете меня на смех, как тогда, во время представления.

А мистер Джордж тем временем обдумывал про себя маленький план, который, по его мнению, должен был помочь Гарри. После того как Джордж представлялся его королевскому высочеству в Кенсингтонском

дворце, многие лица, в том числе и его друг генерал Ламберт, не раз говорили ему, что герцог осведомлялся о нем и спрашивал, почему этот молодой человек не присутствовал при его утреннем выходе. Возможно ли не откликнуться на подобное приглашение, когда оно исходит от августейшего лица! И мистер Ламберт, сговорившись со своим юным другом, назначил день, когда они должны были отправиться на Пэл-Мэл во дворец его королевского высочества.

Когда наступил черед Джорджа склониться в поклоне, принц проявил особую благосклонности: он поговорил с мистером Уорингтоном о войне и о походе Брэддока и, по-видимому, остался очень доволен умом и скромностью, проявленными молодым человеком в этой беседе. Неудачу похода Джордж приписал отчасти внезапности нападения и растерянности, но более всего — различным помехам, чинимым алчным, своекорыстным и неблагодарным населением колоний по отношению к королевским войскам, прибывшим, чтобы встать на его защиту.

— Если бы мы могли быть там на месяц раньше, сэр, наша маленькая армия не потерпела бы поражения, и форт, без сомнения, был бы наш, — сказал мистер Уорингтон, и его королевское высочество полностью с этим согласился.

— Мне говорили, сэр, что вам удалось спастись главным образом благодаря знанию французского языка, — благосклонно заметил герцог.

Мистер Уорингтон со свойственной ему скромностью пояснил, что в юности он бывал во французских колониях и имел возможность изучить язык.

Его высочество, умевший быть чрезвычайно любезным, когда бывал в духе, и обладавший большим чувством юмора, соблаговолил даже спросить, у кого изволил мистер Уорингтон обучаться языку, и заметил, что по части произношения самыми лучшими педагогами, несомненно, являются француженки.

Молодой виргинец с поклоном отвечал на это, что ему не подобает перечить его высочеству, после чего герцог соизволил в шутку назвать его продувным малым.

Мистер Уорингтон почтительнейше промолчал, а его высочество продолжал все так же благосклонно:

— Я намерен безотлагательно выступить в поход против французов, кои, как вам известно, угрожают неприкосновенности колоний его величества. Если у вас есть охота участвовать в моем походе, ваше знание французского языка может оказаться весьма полезным, и я надеюсь, что нам больше будет сопутствовать удача, чем бедняге Брэддоку.

Тут взоры всех присутствующих обратились на молодого человека, которому была оказана столь высокая милость со стороны столь высокого лица.

И тогда мистер Джордж решил, что теперь ему представляется случай произнести самую умную и достойную из своих речей.

— Сэр, — сказал он, — ваше королевское высочество оказало мне величайшую честь, сделав столь лестное для меня предложение, но...

— Но? Как это понимать, сэр? — сказал принц, оторопело глядя на него.

— Но дело в том, что я уже занялся изучением права в Темпле, чтобы приобрести знания, которые помогут мне быть полезным у себя на родине. Если раны, полученные мной на службе отечества, позволяют мне надеяться на вашу доброту, я осмелюсь покорнейше просить вас разрешить моему брату, который знает французский язык не хуже меня и куда более искусен в военном деле и более отважен и силен, послужить вашему высочеству, вместо того, который...

— Довольно, довольно, сэр, — воскликнул по праву разгневанный монарший сын. — Что это значит? Я оказал вам милость, а вы хотите уступить ее брату? Придется вам подождать, сэр, пока я не предложу ее вам снова! — И с этими словами принц повернулся спиной к мистеру Уорингтону так же стремительно, как несколько месяцев спустя суждено ему было повернуться спиной к французскому войску.

— Ах, Джордж, Джордж! Хорошенькую ты заварил кашу! — вздохнул генерал Ламберт, возвращаясь со своим молодым другом пешком домой.

Глава LXI,

в которой его высочество забирается на холм и тут же спускается обратно

Мы вполне разделаем благоговейное негодование, которое, несомненно, испытают все верноподданные британцы, когда прочтут о том, что позволил себе мистер Джордж Уорингтон по отношению к любезному и великодушному принцу, возлюбленному сыну лучшего из монархов и главнокомандующему британской армии. Какой несказанной милостью позволил себе этот молодой человек пренебречь! Какую возможность продвижения по службе отверг! Уилл Эсмонд, чей язык никогда не был скуп на богохульства, употребил самые крепкие словечки, обсуждая поступок кузена, и выразил удовлетворение по поводу того, что проклятый виргинец сам вырыл себе яму. Каждый дикарь имеет право сам себя скальпировать, если ему припала охота, заявил кузен Каслвуд. Впрочем, снисходительно добавил он, очень может быть, что кузен Уорингтон был

так оглушен боевыми кличами во время похода Брэдока, что потерял всякий вкус к сражениям. Мистер Уилл ликовал: сначала младший брат себя сгубил, а теперь и старший последовал его примеру. При первой же с ним встрече, говорил мистер Уилл, он выскажет этому Джорджу все, что о нем думает.

— Ну, если тебе вздумается оскорбить Джорджа, то советую сначала убедиться в том, что поблизости нет его братца Гарри! — воскликнула леди Мария, вызвав этим новую лавину проклятий на головы близнецов.

— Полно, полно! — сказал милорд. — Довольно пререканий! Не всем же в нашем семействе быть воинами!

— Что-то не припомню, чтобы вы, ваше сиятельство, когда-нибудь отличились на поле брани! — заметила Мария.

— Никогда, моя дорогая, и даже совсем напротив! Уилл — вот наш витязь, и одного на семью нам предостаточно. То же самое и с этими двумя дикарями: Джордж — ученый, а Гарри — воин. Когда ты надумал завязать ссору, Уилл, жаль, что тебе не подвернулся под руку Джордж вместо его брата.

— Но зато ваша рука, милорд, прославилась своим искусством... в игре в пикет, — замечает маменька Уилла.

— Да, она и вправду недурна! — говорит милорд, самодовольно разглядывая свои пальцы. — Мы с лордом Гарвеем носим перчатки одного размера. Да, моя рука, как вы изволили заметит, лучше умеет управляться с колодой карт, чем с мечом. Однако и ваша, миледи Каслвуд, тоже довольно искусна и проворна, и да будет благословен тот день, когда вы отдали ее моему дорогому покойному папеньке! — Милорд не без удовольствия участвовал в этом обмене колкостями, ибо, умея сохранять хладнокровие, всегда выходил победителем из стычек со своими родичами.

Госпожа де Бернштейн, прослышав про *bevue* {Промaxe, оплошности (франц.).} мистера Уорингтона, была неопиcуемо разгневана: она долго бушевала, разносила в пух и прах своих домочадцев и отругала бы и Джорджа, но преклонный возраст давал себя знать, и у нее уже не было того задора, что в былые годы. К тому же она побаивалась своего племянника и держалась с ним уважительно.

— Вы никогда не сделаете карьеры при дворе, племянник! — громко простонала она, когда попавший впросак молодой человек пришел вскоре после этого ее проведать.

— А я никогда к этому и не стремился, сударыня! — с достоинством отвечал мистер Джордж.

— Я понимаю, тебе хотелось помочь Гарри! Но, приняв предложение

принца, ты впоследствии мог бы сослужить хорошую службу своему брату. Властители не любят, когда отклоняют их благодеяния, и не удивительно, что его высочество был оскорблен.

— То же самое сказал и генерал Ламберт, — краснея, признался Джордж. И я вижу теперь, что допустил ошибку. Но, прошу вас, примите во внимание, что я никогда не бывал при дворе, и очень сомневаюсь, что мне суждено когда-нибудь там блистать.

— Боюсь, что так, мой дорогой племянничек, — сказала тетушка, беря понюшку табака.

— Да и к чему мне это? — сказал Джордж. — Я никогда не стремился к воинским почестям и легко могу прожить и без них. Когда его высочество сделал мне предложение — в весьма милостивых выражениях, должен признаться, — я подумал о том, что из меня получится очень плохой солдат, а из брата очень хороший. Он обладает сотней достоинств для этой профессии, которых я начисто лишен, и из него вышел бы отличный командир, какого из меня никогда не получится. Представим себе, что во время битвы конь принца падает, сраженный пулей, как это случилось с моим бедным командиром, — разве не больше будет ему толку от доброго, выносливого и смелого коня, который поскачет куда следует, чем от такого, которому нести его будет не под силу?

— *Au fait* {Разумеется (франц.)}, боевой конь его высочества должен быть силен, мой дорогой, — сказала старая дама.

— *Expende Hannibalem* {Взвесь Ганнибала (лат.)}, — пробормотал Джордж, пожав плечами. — А наш Ганнибал весит немало.

— Что-то я не услезу за твоей мыслью и за этими твоими Ганнибалами, сказала баронесса.

— Когда мистер Вулф и мистер Ламберт укоряли меня в точности так же, как вы сейчас, сударыня, — рассмеявшись, сказал Джордж, — я избрал тот же самый способ защиты, что теперь. Я сказал, что предложил его высочеству лучшего солдата в нашей семье, и оба джентльмена согласились, что промах мой в какой-то мере извинителен. Кто знает, быть может, им удастся оправдать меня в глазах его высочества? Опыт, полученный мной в сражениях, говорит о том, как мало у меня для этой деятельности таланта. На днях мы смотрели пьесу одного шотландца, о которой сейчас очень много говорят. И когда герой этой пьесы молодой Норвал оповестил о том, как страстно ему хочется последовать на поле битвы за каким-нибудь воинственным полководцем, я подумал про себя: "До чего же это похоже на моего Гарри, с той только разницей, что он никогда не хвастает". Гарри спит и видит себя в красном мундире и готов в

любую минуту пойти рядовым на королевскую службу. Он не расстается с картой Германии и следит за всеми передвижениями прусского короля. Он не боится ни бога, ни черта. А я больше всего на свете люблю мои книги и покой и предпочитаю знакомиться с битвами по Гомеру или Лукану.

— Тогда как же ты вообще мог стать солдатом, мой дорогой? Почему сам пошел сражаться под знаменами мистера Врэддока, а не послал вместо себя Гарри? — спросила баронесса.

— Наша матушка больше любит своего младшего сына, — угрюмо отвечал Джордж. — К тому же, когда неприятель вторгся на нашу землю, это был мой долг, как старшего в семье, принять участие в походе. Будь я шотландцем, я бы двенадцать лет назад...

— Замолчите, сэры, или я вовсе рассержусь на вас! — воскликнула тетушка и улыбнулась с нескрываемым удовольствием.

Объяснения Джорджа могли умиловить госпожу де Бернштейн, ибо эта старая дама, нужно признаться, не отличалась слишком строгими принципами, но верноподданным сердцам сэра Уорингтона и его супруги поступок молодого человека нанес поистине сокрушительный удар!

— Читая письма госпожи Эсмонд-Уорингтон, — сказала миледи, — я пришла к заключению, что вдова моего брата — женщина положительная и здравомыслящая и, следовательно, должна была дать своим сыновьям подобающее воспитание. Но что вы скажете, сэры Майлз, что скажете вы, мой дорогой Томас Клейпул, о воспитании, которое могло дать столь плачевные результаты для обоих молодых людей?

— Старший, однако, овладел латынью и к тому же может объясняться и на французском и на немецком языке. Я слышал, как он разговаривал с ганноверским посланником на приеме у баронессы, — сказал мистер Клейпул. По-французски он изъяснялся совсем свободно, а когда у него начались затруднения с немецким, он и посланник перешли на латынь и так молили языком, что все присутствующие уставились на них, раскрыв рот.

-. При чем тут иностранные языки, когда речь идет о нравственности, Томас Клейпул! — воскликнула добродетельная матрона. — Каковы нравственные устои мистера Уорингтона, если он мог отвергнуть милость его высочества? Он умеет разговаривать на немецком? Тем паче должен был он принять милостивое предложение его высочества и с пользой применить свои познания в походе! Вот перед вами наш сын, наш Майлз!

— Выше голову, Майли, мой мальчик! — говорит папенька.

— Я полагаю, сэры Майлз, что вы как член палаты общин и как английский дворянин будете завтра присутствовать при утреннем выходе его высочества и скажете там, что если бы такое предложение было

сделано нам для нашего сына, мы бы приняли его, хотя нашему мальчику едва сравнялось десять лет.

— Клянусь богом, Майли, из тебя вышел бы совсем недурной маленький барабанщик или горнист! — говорит папенька. — Ты хотел бы стать солдатиком, Майли?

— Да кем угодно, сэр, кем угодно! Каждый из Уорингтонов должен быть готов в любую минуту дать разругать себя на части ради своего монарха! восклицает матрона, указывая на сыночка, который, лишь только смысл ее слов доходит до его сознания, выражает свой протест громким ревом, и когда рев достигает апогея, Скруби выпроваживает мальчишку из комнаты.

По повелению супруги сэр Майлз на следующий же день отправляется на утренний выход его высочества, где заверяет эту особу в своей преданности и любви, на что принц дает благосклонный ответ:

— Мы никогда не предполагали, что сэр Майлз Уорингтон может отказаться от любой предложенной ему должности.

Этот великодушный отзыв леди Уорингтон повторяет везде, где только возможно, в доказательство того, сколь безраздельно королевская семья может рассчитывать на преданность Уорингтонов.

И вполне понятно, что сия достойная пара при появлении Джорджа выражает ему то злое сочувствие, каким бывают исполнены наши дражайшие друзья и родственники, когда нам случается совершить на нашем жизненном пути какую-либо роковую ошибку или неловкий шаг; к примеру, если мы проиграли судебный процесс, или вошли в гостиную как раз в ту минуту, когда там злословили на наш счет, или если наш банкир объявил себя банкротом, или если нас самих пропечатали на столбцах коммерческого раздела "Лондонской газеты", — словом, если мы совершили какой-то грубый промах, непоправимую ошибку или попали в беду. Кому незнакомо это выражение соболезнования, написанное на лицах? Чьи дражайшие родственники не оплакивали своих близких еще при их жизни, так, словно они уже покоятся в гробу? Только не ваши? Ну, тогда, сэр, вы никогда не бывали в хорошей переделке; никогда не совершали ошибок молодости; всегда были добродетельны, осмотрительны, удачливы, вы вели себя скромно, и опрометчивое слово никогда не срывалось с ваших уст; вы никогда не грешили и не раскаивались, никогда не совершали глупостей и не сожалели о них — и если это так, сэр, тогда вы — мудрец из мудрецов и не станете попусту тратить время на какой-то роман, Да и не de te {О тебе (лат.).} он написан.

И не к лицу было сэру Майлзу обрешиваться на Джорджа и слишком

уж негодовать по поводу его отказа принять предложение его королевского высочества — ведь сэр Майлз сам был вполне согласен с племянником, что военная карьера никак не его удел, и как раз о том же писала сэру Майлзу госпожа Эсмонд из Виргинии. Джордж сообщил ей о своем намерении заняться юриспруденцией и пройти необходимую подготовку, чтобы в дальнейшем посвятить себя судебным и гражданским обязанностям в соответствии со склонностями своей натуры, и разве не сэр Майлз горячо приветствовал это решение племянника и разве не он познакомил Джорджа с весьма известным адвокатом, под чьим руководством молодой человек и читал ученые книги. Госпожа Эсмонд в своих письмах одобрила занятия сына и целиком согласилась с сэром Майлзом (коему, так же как и его супруге, она просила передать поклон и благодарность) в том, что английская конституция — предмет зависти всего мира и каждому английскому джентльмену надлежит ее изучать. Госпоже Эсмонд было не по душе, в сущности, только то, что мистер Уорингтон будет сидеть в столовой Темпла бок о бок с неотесанными школярами, обряженными, как псаломщики, пить жидкое пиво из жестяных кружек и закусывать бараньей лопаткой. Верный Гарри полностью разделял ее негодование. Это бы годилось для него, говорил Гарри, — он младший сын и должен быть готов терпеть лишения. Но можно ли вообразить себе Джорджа в черной мантии, насыщающим голод с грязной оловянной тарелки в обществе каких-то безродных малых! Гарри никогда не мог понять, что Джорджу это безразлично. По его мнению, Джордж мог обедать только за столом начальства, и он очень сокрушался, что план, на который намекала госпожа Эсмонд в своих письмах, невыполним: она полагала, что следует обратиться с ходатайством к главе Темпла и поставить его в известность о том, что мистер Джордж Уорингтон — потомок благородного рода, обладает большим состоянием в Америке, и ему подобает сидеть за столом только с самыми высокопоставленными людьми. Гарри был сильно обескуражен, когда его новый друг и завсегдатай модных кофеен мистер Спенсер разразился громовым хохотом, услышав, что задумали Гарри с его маменькой, и в архиве Уорингтонов я не мог обнаружить никаких следов подобного ходатайства. Мистер Уорингтон, помимо наиболее излюбленных им занятий литературой и историей, занимался еще изучением права, посещал заседания суда в Вестминстере (где слушал речи Хенли, Пратта, Меррея) и две другие прославленные школы красноречия и патриотизма — обе палаты парламента.

Мало-помалу мистер Уорингтон свел знакомство с некоторыми членами парламента и крупными юристами, и те, узнав его ближе,

отзывались о нем как о весьма способном и воспитанном молодом человеке и расточали ему так много похвал, что смягчили доброе сердце его дяди, в результате чего Дора и Флора снова стали улыбаться своему кузену. Примирение это состоялось как раз в то время, когда его королевское высочество принц, потерпев поражение от французов в сражении при Хастенбеке, подписал знаменитую капитуляцию, которую его величество король Георг II отказался скрепить своей подписью. Его высочество, как известно, после столь позорной неудачи сложил с себя воинское звание, вернул свой жезл главнокомандующего, — которым он, что греха таить, владел не слишком умело и не слишком счастливо, — и уже никогда больше не появлялся ни во главе войска, ни на арене общественной жизни. Ни единого слова упрека по адресу отца и монарха не сорвалось с уст этого стойкого воина, по после того, как он, уязвленный в своей гордости, удалился от дел, лишился своего веса и влияния и не мог уже назначать на должности и раздавать места, легко можно предположить, что гнев сэра Майлза Уорингтона по отношению к племяннику несколько поубавился — соразмерно тому, как поубавилась его преданность его королевскому высочеству.

Как-то раз оба наши героя, прогуливаясь вместе со своим другом мистером Ламбертом в Сент-Джеймском парке, повстречали его высочество в гражданской одежде и без звезды и отвесили ему низкий поклон, а принц был так любезен, что остановился перемолвиться с ними словом.

Он спросил мистера Ламберта, как нравится ему его новый командир конногвардейского полка лорд Лигонье и его новые обязанности. И, проявив завидную память, которой всегда отличался королевский род, сказал, обращаясь к мистеру Уорингтону, которого он, так же, как и его брата, сразу узнал:

— Вы поступили правильно, сэр, отказавшись отправиться со мной в поход, когда я предложил вам это весной.

— Я очень сожалел тогда о своем отказе, сэр, но сейчас сожалею о нем еще больше, — отвечал мистер Уорингтон, склоняясь в низком поклоне. На что принц ответил:

— Благодарствую, сэр, — и, притронувшись к шляпе, направился дальше.

Обстоятельства этой встречи и разговор, который во время нее произошел, произвели такое впечатление на госпожу Эсмонд, узнавшую о них из письма своего младшего сына, что она без конца пересказывала это событие своим друзьям и знакомым, пока оно, надо полагать, весьма всем

не прискучило.

Пройдя через парк, братья направились к Стрэнду, где у них было назначено деловое свидание, и мистер Ламберт, указывая на льва на фронтоне дома графа Нортумберлендского на Чаринг-Кросс, промолвил:

— Гарри Уорингтон! Ваш брат напоминает мне этого льва.

— Ну, да, потому что он храбрый, как лев, — сказал Гарри.

— Потому, что я щажу девственниц! — со смехом отвечал Джордж.

— Потому что вы глупый лев. Ведь вы сначала поворотились спиной к восходящему светилу, а теперь приветствуете закатившуюся звезду. Ну, скажите, мой мальчик, какой, черт побери, вам прок оказывать уважение человеку, безнадежно впавшему в немилость? Ваш дядюшка разгневется теперь на вас еще пуще... И я тоже, сэр. — Но, конечно, мистер Ламберт просто шутил, по своему обыкновению, и, право же, совсем незаметно было, чтобы он сердился.

Глава LXII

Arma virumque {Брань и героя (пою) (лат.)}

Если Гарри Уорингтона неудержимо влекло к ратным подвигам, то надо сказать, что Европа в те беспокойные годы вела достаточно войн, и во всех кругах лондонского общества, которые он посещал, велось достаточно разговоров об этом, чтобы все больше и больше разжигать его тягу и воспламенять воображение. И хотя наш всемилостивейший принц Ганноверский потерпел поражение, слава прусского короля, кумира протестантов, гремела на весь мир, ибо он одерживал одну за другой самые удивительные победы, в которых, на мое счастье, наш бедный Гарри не принимал никакого участия. Ведь иначе его старательному биографу пришлось бы описывать сражения, чем, как известно, уже занят другой сочинитель. Я рад, повторяю, что Гарри Уорингтон не принимал участия ни в битве при Росбахе 5 ноября 1757 года, в день годовщины знаменитого Порохового заговора, ни во время той чудовищной Лейтенской резни, которую произвел прусский король месяц спустя, ибо все эти изумительные деяния будут вскорости воспеты в других книгах, кои я, как и весь мир, жажду прочесть. Разве может наша повесть соперничать с вышеупомянутыми трудами? Позволено ли моему легкомысленному прогулочному фаэтону катиться рядом с мрачной грохочущей колесницей войны? Сможет ли мой смиренный, трусящий рысцою Пегас выдержать ужасное потрясение при встрече с грозным боевым скакуном, изрыгающим пламя из ноздрей и пену из пасти? Да, мой добрый, снисходительный читатель, с которым я люблю время от времени перекинуться словом, спустившись с подмостков, где действуют мои герои, облаченные в старомодные одежды и столь же старомодно изысканные, да, мой добрый терпеливый читатель, нам обоим очень повезло, что Гарри Уорингтон не последовал за прусским королем, как намеревался, ибо тогда мне пришлось бы описывать битвы, живописать которые предстоит Карлейлю, а мне бы не хотелось, чтобы ты, мой дорогой читатель, делал опасные сравнения между мной и этим мастером.

Не вступив в ряды войска короля Прусского, Гарри Уорингтон сожалел об этом, изнывал и чах. Не приходится отрицать, что он вел унылое, бесцельное существование. Он слонялся по кофейням, куда заглядывали военные. К книгам у него душа не лежала, и он читал только газеты. Литература была не по его части. Он даже находил романы глупыми и,

замечая, что дамы заливаются слезами над сочинениями мистера Ричардсона, решительно не понимал, как подобная чепуха может их трогать. Он мог порой расхохотаться от всей души, услышав какую-нибудь шутку, но, увы, всегда с некоторым опозданием. Однако почему, объясните мне, почему все джентльмены Должны обладать литературными способностями? И разве мы меньше любим тех из наших друзей, кто за всю жизнь не сложил ни единого куплета? Оставшись без гроша, не зная, к чему приложить силу своих крепких молодых рук, поневоле праздный, по необходимости живущий на средства брата, засыпающий над книгой, Гарри мог бы совсем сбиться с пути, но судьба его хранила. Да возьмем, к примеру, Ахилла, которого его маменька, чтобы уберечь от искушений, отправила ко двору короля — как бишь его... Вспомним, что случилось с ним, когда, окруженный женщинами, он вынужден был влачить праздную, бездеятельную жизнь? А как появился на свет Пирр? Могучий, ретивый молодой Ахилл не может долго ходить на помочах у женщин; не для него сидеть за прялкой или разносить чашечки кофе, и, попомните мое слово, если он не бросится в битву, его могут подстеречь еще большие неприятности.

Обе старшие дамы семейства Ламберт, эти мягкосердечные существа, с которыми преимущественно общался Гарри, были исполнены такой бесконечной доброты и сочувствия к нему, на какую способны только женщины — и притом только немногие из них. Когда мужчина пребывает в печали, кто ее развеет, кто утешит его в несчастье, кто успокоит в гневе, кто разделит его радость, кто возликует его успеху, кто поддержит его в унижении и защитит против обид света, кто уврачуует целебным елеем раны, которые нанесли ему пращи и стрелы яростной судьбы? Кто, как не женщины? Ответьте же мне вы, те, кого судьба не обделила тумачами, есть ли возле вас кто-нибудь из этих кротких врачевателей? Тогда возблагодарите богов за то, что они послали вам это утешение. Кто из мужчин так или иначе не Прометей? У кого нет своего утеса (увы, увы!), своих цепей (ох, ох!) и печени черт знает в каком состоянии? Но вот появляются наши нежные, участливые наяды; они покрывают поцелуями наши сведенные судорогой ноги; они увлажняют наши запекшиеся губы своими слезами; они находят благословенные слова утешения для нас, Титанов; они-то не отвращают от нас своих сердец, когда мы повержены во прах.

Но если миссис Ламберт и Тео были исполнены сочувствия к Гарри, то сердце Этти, казалось, очерствело и ожесточилось против него. Она сердилась и досадовала на него за его зависимое положение, за то, что он

бездействует и не пытается изменить свой отнюдь не блестящий удел. Весь мир взялся за оружие, а что же он? Разве он не в состоянии держать в руках мушкет? Настало время жатвы, сотни и тысячи жнецов, вооружившись сверкающими серпами, вышли на поле, дабы пожать плоды военной славы, а где же Гарри и где его серп?

— Почему эта маленькая злючка так безжалостна к нему? — заметил раз папенька, после того как мисс Этти, верная себе, пустила несколько убийственных стрел в свою живую мишень, которая изо дня в день появлялась в гостиной миссис Ламберт и робко усаживалась в кресло.

— Поведение Этти просто чудовищно! — вскричала маменька. — Ее следовало бы хорошенько выпороть и отправить в постель.

— А может быть, мама, она ведет себя так потому, что он ей менее безразличен, чем всем нам? — заметила Тео. — И если она злится, так это ради его же пользы. Если бы я была без ума от... ну от кого-нибудь, мне бы хотелось всегда и во всем уважать его и восхищаться им... Считать, что все, что он делает, — прекрасно и лучше его нет никого на свете!

— Беда в том, моя дорогая, — сказала миссис Ламберт, — что ваш отец настолько лучше всех на свете, что он этим нас избаловал. Знаешь ли ты кого-нибудь, кто мог бы сравниться с ним?

— Таких, как он, немного, это правда, — согласилась Тео, слегка покраснев.

— Немного? Кто еще так добр?

— Никто, маменька, — вынуждена была признать Тео.

— А так храбр?

— Ну, мне кажется, мистер Вулф, и Гарри, и мистер Джордж тоже очень храбрые.

— А так остроумен и так образован?

— По-моему, мистер Джордж тоже очень образован да и остроумен на свой лад, — заявила Тео, — И у него прекрасные манеры — это уж вы должны признать. Даже госпожа де Бернштейн это находит, а уж она-то знает свет. Право, у мистера Джорджа в его манере держаться есть что-то возвышенное, такого благородства я не встречала больше ни у кого. И в выборе книг, я заметила, он отдает предпочтение самым изысканным, благородным сюжетам — они нравятся ему, вопреки всем его насмешкам. Конечно, у него иронический склад ума, но ведь он высмеивает только недостойных людей и недостойные поступки. Я убеждена, что сердце у него самое мягкое. Не далее как вчера, после того как он, по вашим словам, был так язвителен, я случайно поглядела из окна и увидела, что он остановился на углу возле лотка и угощает яблоками целую ораву

ребятишек. А третьего дня, когда он шел к нам, чтобы принести мне Мольера, я видела, как он остановился и дал нищему монету. А как чудесно читает он французские стихи! И я, между прочим, согласна с ним относительно Тартюфа: конечно, все это изумительно живо и остроумно написано, но все же такой подлый, лицемерный человек, конечно, слишком низменная фигура, чтобы быть главным героем великого произведения. Яго, говорит мистер Джордж, тоже отпетый негодяй, но он же не главный герой трагедии, главный герой — Отелло, пусть заблуждающийся, но благородный. А вот светских дам и господ, говорит мистер Джордж, Мольер изображает... Ах, нет, я не сумею так прочесть эти стихи, как он.

— Но ты знаешь их наизусть, моя дорогая? — спросила миссис Ламберт.

— О да, маменька! — воскликнула Тео. — Я знаю их... Ах, все это вздор.

Тут, как я понимаю, мисс Тео, зардевшись, словно майская роза, и вся трепеща, чмокнула маменьку в щеку и убежала. Почему она оборвала себя на полуслове? Да потому, что маменька посмотрела на нее как-то странно. А почему маменька посмотрела на нее как-то странно? А почему сама мисс Тео смотрит вслед мистеру Джорджу, когда он уходит, и ждет не дождется его прихода? Ах, боже мой, а почему расцветают розы и почему вспыхивают румянцем щеки? Да потому, что, хотя время летит вперед, все остается по-старому. Как всегда, весной набухают почвы; как всегда, лето — пора цветения; как всегда, осень — пора посева; и, как всегда, зимой облетевшие, усыпанные снегом верхушки деревьев дрожат и поскрипывают на ветру.

Стоило появиться Джорджу, и Тео уже сбегала по лестнице вниз с жарко бьющимся сердцем и пылающими — уж не в его ли честь? — щечками; и сдается мне, что она попросту не отходила от окна, из которого открывался вид на улицу и откуда можно было наблюдать, какую щедрость проявил кто-то к подметальщику улицы или как кто-то покупал яблоки у торговки. Когда же у парадного появлялся Гарри, она не покидала своей комнаты и своего рукоделия или своей книжки, а принять молодого человека посылала сестру или кого-нибудь из братьев, если старший, приехав на каникулы из колледжа, находился дома или младший, будучи отпущен доктором Кризиусом из Чартер-Хауса, тоже был здесь. И каким острым зрением должна была обладать мисс Тео, чтобы безошибочно — а частенько это к тому же случалось в сумерках — отличить Джорджа от Гарри, то ли по волосам — темным у одного и белокурым у другого, — то ли по сложению, хотя братья были столь схожи, что все их постоянно

путали. Но Тео — это можно сказать с уверенностью — подобной ошибки не совершала никогда. Этти же, в свою очередь, ни в какой мере не приходила в волнение, не напускала на себя суровости и не говорила колкостей, когда в гостиной ее маменьки появлялся темноволосый джентльмен.

Наши герои могли запросто, когда им вздумается, посещать дом мистера Ламберта и оставаться в нем, сколько их душе будет угодно, и вот однажды тот из них, который был златокудр, сидел на кушетке в гостиной с видом еще более праздным и унылым, чем обычно, когда кто-то — ну кто же, как не мисс Этти? спустился вниз по лестнице. Что ни говорите, а разве это не поразительное совпадение (хотя обе молодые особы скорее дали бы себя четвертовать, чем признались в существовании какого-то тайного сговора), что стоило в доме появиться Гарри, как вниз спускалась Этти, а когда наведывался Джордж, в гостиной каким-то образом оказывалась Тео? Итак, в соответствии с установившимся распорядком мисс Ламберт-младшая явилась в гостиную, дабы занять разговором молодого виргинца.

После обычных приветствий и обмена любезностями молодая хозяйка спросила:

— Позволено ли мне поинтересоваться, сэр, что повергло сегодня вашу милость в такое уныние?

— Ах, Этти! — отвечал он. — А что мне еще прикажете делать, как не впадать в уныние! Помнится, когда мы с братом были мальчишками, — а я, признаться, был таким лентяем и бездельником, каких мало, — я всегда с нетерпением ждал каникул и приставал с этим к моему наставнику, а потом все каникулы проводил, качаясь на калитке или броеая плоские камешки в пруд, и эти пустопорожние Дни были самыми унылыми. А теперь я тоже ве знаю, чем себя занять с утра и до позднего вечера.

— Завтрак, потом прогулка, потом обед, потом опять прогулка, потом чай, потом ужин. И еще трубка вашего излюбленного виргинского табака, не так ли? — говорит мисс Этти, тряхнув головой.

— Знаете, Этти, когда я был на днях с Чарли в школе, меня так и подмывало сказать его учителю: "Поучите меня чему-нибудь, сэр. Этот тринадцатилетний мальчик куда лучше меня знает латынь и греческий, а ведь я на десять лет его старше. Я целыми днями слоняюсь без дела и вполне мог бы снова взяться за книги, чтобы наверстать то, что по своей лености упустил, будучи мальчишкой". Почему вы смеетесь, Этти?

— Я смеюсь, потому что представила себе, как вы стали первым учеником и учитель вызывает вас отвечать урок! — воскликнула Этти.

— Я бы не стал первым учеником, — смиренно заметил Гарри. — Вот

Джордж — тот в любом классе был бы первым, но я, понимаете, не очень-то способен к учению, а в молодости был к тому же страшно ленив. У нас на родине не принято, чтобы учителя пускали в ход трость, а мне бы это пошло на пользу.

Этти постучала ножкой по полу и поглядела на крепко сбитого молодого человека, с унылым видом сидевшего напротив нее.

— Даю слово, это не повредило бы вам и сейчас! — без обиняков заявила она. — Может быть, Чарли рассказывал вам, как их секут в школе? Уж не его ли рассказы пробудили в вас такое страстное желание подвергнуться порке?

— То, что он рассказывал мне про школу, — простодушно отвечал Гарри, заставило меня понять, что я бездельничал, когда должен был трудиться, и что у меня нет таланта к учению. Да и вообще на что я гожусь? Растранижить свою долю наследства здесь, за океаном, да околачиваться в кофейнях или скакать за сворой гончих у себя на родине? Нет, ни на что я не гожусь, ни на что!

— Как! Чтобы такой высокий, сильный, храбрый мужчина был ни на что не пригоден? — воскликнула Этти. — Да будь я трижды ни на что не пригодна, я и тогда нипочем не призналась бы в этом женщине!

— Но что мне делать? Я просил у матушки разрешения поступить на военную службу, но она ничего мне не ответила, А ведь только на это я и пригоден. Купить офицерский чин мне не на что. Я промотал все свои деньги, да еще столько взял у брата, что больше не могу просить у него и нипочем не стану. Эх, если бы матушка согласилась отпустить меня на военную службу, я бы, кажется, запрыгал от радости.

— Вот еще! Настоящий храбрый мужчина не станет ждать, пока женщина пристегнет ему шпагу и вычистит его ружье! Что это вчера рассказывал нам папенька об одном молодом придворном, по имени сэръ Джон Армитейдж...

— Джон Армитейдж? Я встречался с ним у Уайта и в клубах. Очень приятный молодой дворянин. У него большое поместье где-то на севере.

— И к тому же он помолвлен с одной из наших прославленных красавиц — с мисс Хоу, сестрой лорда Хоу... Но ведь это, мне кажется, не может служить помехой для джентльмена?

— Помехой? К чему? — спросил Гарри.

— Помехой на пути к славе! — отвечала мисс Этти. — Думается мне, что ни одна по-настоящему храбрая женщина, как бы ни любила она своего жениха, не скажет ему: "Останься!" — когда родина говорит: "Иди!" Сэръ Джон добровольно вызвался принять участие в предстоящем походе, и

вчера во время приема во дворце его величество спросил, когда он готов будет выступить. "Завтра, если вы позволите, ваше величество", — отвечал сэр Джон, и король сказал, что это ответ, достойный солдата. Мой отец тоже жаждет отправиться в поход. Не будь маменьки и всех нас... Боже мой, боже мой! Почему я не мужчина! Оба мои братца готовятся стать священниками, а вот из меня, я уверена, получился бы первоклассный солдатик! — Произнося эту речь, она шагала из угла в угол, воинственная, как Жанна д'Арк.

А Гарри глядел на нее с нежностью и восхищением.

— Не хотел бы я видеть тяжелый мушкет на этом плечике или рану на этой хорошенькой щечке, — сказал он.

— Рану? Кто боится ран! — воскликнула малютка. — Тяжелый мушкет? Да будь он у меня в руках, я бы уж сумела пустить его в ход! Вы, мужчины, воображаете, что мы, женщины, способны только варить пудинги и вышивать узоры. Ах, почему я не мужчина! Вчера Джордж читал нам из Тассо, — и я подумала, что там есть строчки, которые очень подходят для меня... Сейчас припомню... Да вот эта книжка, видите, тут даже отмечено место, где мы остановились.

— И даже место отмечено? — покорно повторил Гарри.

— Ну да! Здесь говорится о женщине, которая разочарована, потому что се... потому что ее брат не пошел на войну, и вот как она описывает свои чувства:

Зачем и я не создана героем?

Зачем и мне сил больше не дано?

Блеск шелковых одежд...

— Шелковые одежды? — переспросил Гарри, вопросительно глядя на Этти.

— Ну и что же, сэр? Я знаю, что это не шелк... но вот в книге так...

...одежд, с моим покоем

За шлем и меч я б отдала давно:

Не ослабел бы жар мой ни под зноем,

Ни в холоде, ни в бурю средь волны:

Одна ль, с другими ль, днем ли иль под тучей

Ночной, я б смело мчалась в бой кипучий.

Сражаться? Да, это я бы могла! Почему, спрашивается, оба мои братца надумали стать священниками? Кто-то из папиных детей должен же стать солдатом!

Гарри нежно поглядел на нее и добродушно рассмеялся. Он чувствовал, что у него нет особого желания сражаться с таким хрупким

маленьким воином.

— Взгляните, — сказал он, протягивая палец. — Мне кажется, что ваша ручка не намного толще этого пальца. Так разве можете вы вступать в схватку с крупным, сильным мужчиной? Впрочем, хотел бы я поглядеть, какой мужчина решится вас обидеть! Да, я бы очень хотел поглядеть на него! Вы в самом деле полагаете, что у какого-то негодяя может хватить духу причинить хоть малейшее зло такому хрупкому, нежному, миниатюрному созданию, как вы? — И, воспламененный полетом своего воображения, Гарри тоже стал расхаживать из угла в угол, все больше разъярясь при мысли, что какой-то мерзавец-француз может позволить себе грубость по отношению к мисс Эстер Ламберт.

Вот эта-то молчаливая, сдержанная отвага, которая чувствовалась в молодом виргинце, и покорила Этти... Она подозревала в нем это скрытое достоинство, и оно особенно пленяло ее. Мисс Этти, в сущности, была не более отважна, чем Эрминия, речь которой она продекламировала по книге и о которой мистеру Гарри Уорингтону не доводилось слышать. Возможно даже, что он был в гостинной, когда его брат, Джордж читал стихи дамам, но мысли его были заняты другими заботами, и он ничего не понял, безнадежно запутавшись во всех этих Клотильдах и Эрминиях, великанах, и волшебниках, и прочей чепухе. А мисс Этти, утверждаю я, по натуре своей была отнюдь не амазонка, иначе она, без сомнения, по закону контраста, о котором позаботилась мудрая природа, влюбилась бы в какого-нибудь изнеженного молодого человека с литератур-ньши наклонностями или в какого-нибудь гениального флейтиста, — ведь все мы знаем, что нежные, хрупкие женщины особенно влекутся к сильным, мужественным, простодушным мужчинам, в то время как грубые вояки и прославленные герои ' войны легко и часто оказываются под башмаком. Если мистер Гарри Уорингтон влюбится в женщину такого склада, как мисс Ламберт, да еще женится на ней... что ж, не надо быть колдуном, чтобы предсказать, к чему это приведет.

Словом, в то время как Этти пускала свои маленькие ядовитые стрелы в Гарри, он поначалу даже не пытался стряхнуть их со своей дубленой шкуры, ибо просто не чувствовал их укулов. Быть может, своими намеками и насмешками она стремилась побудить его к действию? Но он был слишком простодушен, чтобы понимать цель этих мелких укусов. Не хотела ли Этти пристыдить его, говоря, что даже она, слабая женщина, готова надеть латы и шлем? Но наш простака либо хохотал, пытаясь вообразить ее в роли солдата, либо холодел при одной мысли, что ей может угрожать опасность.

— Ну, какая, скажите на милость, польза от таких сильных рук, если все, на что они способны, это держать моток шелка, который сматывает моя маменька? — воскликнула мисс Этти. — И какое применение силе можно найти в гостиной? Ах, вы, вероятно, надеетесь, что вас попросят выбросить кого-нибудь из окна? Гарри — сильный мужчина, ну так что? Верно, на Варфоломеевской ярмарке найдутся мужчины и посильнее. А вот Джеймс Вулф вовсе не так уж силен. С виду он совсем какой-то больной и хилый и прошлый свой приезд к нам так беспрестанно кашлял и был так бледен, словно увидел привидение.

— Вот уж не понимаю, как это мужчина может бояться привидений, — сказал Гарри.

— Позвольте, а вам когда-нибудь доводилось их видеть, сэр? — спросила насмешница.

— Нет, не доводилось. Однажды, когда мы были еще мальчишками, мне почудилось, что я вижу привидение, но оказалось, что это был просто Натан в ночной рубашке. Впрочем, я несколько не испугался, приняв его за привидение. Да никаких привидений, думается мне, не существует. И то, что мы слышим про них от наших нянюшек, — все это сплошные выдумки, — сказал Гарри серьезно. Джордж, правда, напугался, но ведь он... — И Гарри прикусил язык.

— Но ведь он — что? — спросила Этти.

— Да просто он не такой, как я, больше ничего. Такой храброй женщины, как наша маменька, еще поискать, однако при виде мыши она всякий раз ужасно взвизгивает и ничего не может с собой поделать. Это выше ее сил. Ну, а брат мой, как видно, но выносит привидений. А я их не боюсь.

— Джордж всегда говорит, что из вас получился бы лучший солдат, чем из него.

— Да и мне так кажется, если б только мне дали испытать себя. Но зато тысячу разных других вещей он делает куда лучше, чем я, чем кто бы то ни было. И зачем только он не дал мне принять участие в походе Брэддока! Если бы я нашел там свой конец, пользы от меня было бы ничуть не меньше, чем сейчас; только тогда я бы хоть не промотал своего состояния и люди не указывали бы на меня пальцем и не говорили бы, что я опозорил имя Уорингтонов! И почему нельзя мне теперь отправиться в этот новый поход, записавшись добровольцем, как сэр Джон Армитейдж? Ах, Этти! Разнесчастный я человек, вот что я вам скажу! — И разнесчастный человек принялся с удвоенной прытью расхаживать из угла в угол. — И зачем только понесло меня в Европу! со стоном произнес он.

— Как это лестно нам слышать! Премного вам обязаны, мистер Гарри!
— Но, увидав молящий взгляд юноши, Этти вдруг добавила: — Может быть, вы... Может быть, вы решили вернуться домой?

— Чтобы стать посмешищем всей Виргинии? Там не найдется никого, кто не стал бы надо мной потешаться... кроме одного только человека, а он не в почете у моей маменьки. Нет, мне было бы стыдно возвратиться сейчас домой. Вы по знаете моей матушки, Этти. Я в общем-то не боюсь ничего на свете, по вот ее почему-то побаиваюсь. Что я отвечу, когда она спросит меня: "Где твоя доля наследства, Гарри?" — "Пошла прахом, маменька" — должен буду я признаться. "Что же ты с ней сделал?" — "Растратил, маменька, а потом сел в тюрьму". — "Кто же вызволил тебя из тюрьмы?" — "Братец Джордж, маменька, вот кто вызволил меня из тюрьмы, и теперь я вернулся домой, ничего не достигнув, без профессии, без видов на будущее, вернулся с пустыми руками... и ничего мне больше не остается, как приглядывать за неграми, терпеливо сносить ваши нагоняи, дремать на проповедях, да еще играть в карты, пить пиво и биться об заклад на петушиных боях в окрестных тавернах!" Да как посмотрю я в глаза всем своим тамошним знакомым? Понимаете, мне стыдно вернуться домой с пустыми руками. Я должен что-то совершить — и совершу! Но что мне делать, Этти? Ах ты господи, что мне делать?

— Что делать? А что сделал мистер Вулф в Луисбурге? Тяжело больной и, как мы знаем, страстно влюбленный, он ведь не остался дома под крылышком у своей маменьки или возле своей возлюбленной, а поступил на службу в королевскую пехоту и вернулся домой, увенчанный славой. Папенька убежден, что его сделают большим военачальником, если будет еще один поход в Америку.

— Хорошо бы он взял меня с собой, чтобы вражеская пуля покончила мои счета с жизнью, — простонал Гарри. — Вы так говорите со мной, Этти, словно это моя вина, что я не в армии, а ведь вы же знаете, что я отдал бы... я отдал бы... черт побери, что, собственно, могу я отдать?.. Ну да, я отдал бы жизнь за то, чтобы вступить в армию!

— Кому это нужно! — сказала мисс Этти, пожав плечами.

— Вы, по-видимому, считаете, что моя жизнь не имеет особой цены, Этти, — с грустью заметил Гарри. — Да так оно и есть — никому она не нужна! Я несчастный, никчемный малый. И не могу даже безоглядно пожертвовать жизнью, как мне бы хотелось, потому что я в подневольном положении как здесь, так и на родине!

— В подневольном положении! А почему, собственно? — воскликнула мисс Этти. — Такой высокий, взрослый мужчина — почему вы не можете

отвечать сами за себя? Почему здесь вы должны действовать по указке Джорджа, а дома — по указке вашей маменьки? Будь я мужчиной, я бы, еще не достигнув совершеннолетия, уж чем-нибудь да прославила бы себя, клянусь! Я бы заставила весь мир говорить о себе! Я бы не стала держаться за чей-то передник и не стала бы проклинать свой удел — я бы повернула свою судьбу по-своему.

Но тут уж отповедь этой молодой особы задела наконец Гарри за живое.

— Ни один негр на нашей плантации не находится в таком подневольном положении, как я, мисс Этти, — густо покраснев, проговорил он. — -И тем не менее, мисс Ламберт, мы никогда не упрекаем беднягу за то, что он лишен свободы. Это не великодушно. Во всяком случае, это не вяжется с моим понятием о благородстве. Быть может, конечно, женщины смотрят на это иначе, и я не вправе обижаться, когда молодая девица указывает мне на мои недостатки. А может быть, не столько я повинен в моих недостатках, сколько моя злая судьба. Вы здесь так много говорили об этом господине, который пошел добровольцем на войну и увенчал себя славой, и так превозносили его отвагу, словно я начисто ее лишен. А между прочим, если на то пошло, у меня ее не меньше, чем у всех этих господ. Я не хочу хвалиться, по, право же, я не испугаюсь ни мистера Вулфа, ни сэра Джона Армитейджа и никого другого. Но разве я могу купить себе офицерский чин, когда уже спустил все до последнего шиллинга? Поступить на военную службу рядовым джентльмену моего звания никак не положено, иначе, клянусь богом, я бы это сделал! И если бы я пал, сраженный пулей, вероятно, мисс Этти Ламберт не была бы слишком опечалена. Нет, я не ожидал этого от вас, Этти, — я думал, что вы добрее.

— Что я такого сказала? — спросила Этти. — Я сказала только, что сэр Джон Армштейдж пошел добровольцем и что мистер Вулф покрыл себя славой, а вы принялись меня за что-то отчитывать! Разве я виновата в том, что мистер Вулф известен своей отвагой и подвигами? Скажите на милость, разве это причина, чтобы сердиться на меня?

— А я и не говорил, что сержусь, — промолвил Гарри печально. — Я сказал, что мне больно и обидно.

— Ну, в самом деле? Вот уж не думала, что моих слабых сил хватит, чтобы причинить кому-нибудь боль! Право, мне это очень льстит, если я могу сделать больно такому большому, сильному мужчине, чей мизинец немногим тоньше моей руки!

— А я никак не ожидал, что вы приложите к этому столько стараний,

Этти, — сказал Гарри. — Я, по правде говоря, не привык к такому приему в вашем доме.

— Что случилось, мой мальчик? — спросила добрая миссис Ламберт, заглянув в эту критическую минуту в гостиную и увидев удрученную физиономию молодого человека.

— Ах, это все та же старая песня, маменька, мы ее но раз слышали! поспешно сказала Этти. — Гарри, как всегда, жалуется, что он не знает, чем бы ему заняться. Он ужасно несчастен и твердит об этом снова и снова, вот и все.

— А разве ты, моя дорогая, не твердишь каждый день снова и снова, что ты проголодалась? Так, может быть, нам с папенькой перестать поэтому звать тебя к обеду? — в сердцах воскликнула миссис Ламберт. — А вы отобедаете с нами, Гарри? Сейчас уже три часа. — И после двух-трех слабых отговорок Гарри принимает приглашение. — Правда, мой супруг обедает сегодня вне дома, и вам придется удовольствоваться обществом трех дам, так что, боюсь, обед может показаться вам скучным, — заметила миссис Ламберт.

— Ну, что вы, маменька, с нами же будет джентльмен, который, без сомнения, оживит нашу трапезу! — заявила мадемуазель Задира и поглядела на мать с тем неподражаемым выражением полнейшей невинности, какое она умела принимать, после того как ей удавалось особенно удачно съязвить.

Когда обед был подан, мисс Этти спустилась вниз и была чрезвычайно оживлена, весела и остроумна. Тео не знала об имевшей место маленькой размолвке (какие нередко, к сожалению, друзья мои, случаются в самых приятных семействах), не знала, повторяю, о том, что произошло, пока необычайная веселость и разговорчивость мисс Этти не возбудили ее подозрений. Этти без умолку болтала на самые различные темы: король Прусский, новости из Америки, последний маскарад, в окрестностях Барнета застрелили разбойника... А когда ее сестра вопросительно поглядела на нее, пораженная такой говорливостью, плутовка воскликнула:

— Моя дорогая, что значат эти кивки и подмигивания? Разве ты не знаешь, что маменька пригласила мистера Гарри отобедать в надежде, что он не даст нам скучать? Так вот, в ожидании, пока он начнет нас развлекать, я и стараюсь вместо него, как могу... Это как в театре: сначала играют скрипки, потом начинается представление. Так, начинайте, прошу вас, Гарри.

— Эстер! — воскликнула маменька.

— А что такое — я ведь только предложила Гарри начать занимать нас

беседой. Вы же сами сказали, маменька, что, поскольку за столом будут только дамы, обед может показаться нашему гостю скучным, если, разумеется, он не соблаговолит сам внести оживление.

— Я и вообще-то не большой искусник в этом деле, а уж сегодня, види-т бог, и подавно, — пробормотал бедный Гарри.

— Почему же сегодня и подавно? Вторник такой же день недели, как все прочие. Единственный день, когда нам не положено веселиться, — это воскресенье. Вы сами это знаете, маменька! В воскресенье мы не должны ни петь, ни танцевать и вообще не должны ничем заниматься.

В таком своенравном расположении духа мисс Этти пребывала весь вечер и, когда бедный Гарри покинул их общество, получила нагоняй от маменьки и сестры. А Гарри не отличался особой находчивостью и не умел парировать уколы, наносимые ему мисс Этти. Впрочем, если бы даже ему подвернулся на язык удачный ответ, так он все равно бы смолчал. Слишком великодушный по натуре, он не был расположен принимать участие в этом поединке и предпочитал сносить насмешки Этти, не пытаясь ни защититься от них, ни отвечать тем же. Очень может быть, что Этти в душе отдавала должное этому великодушию и даже восхищалась им, подвергая его в то же время жестокому испытанию. И после двух-трех подобных же приступов своенравия капризница чистосердечно призналась родителям и друзьям, что им нет нужды бранить ее и отчитывать, ибо она сама страдает от своего поведения гораздо сильнее, чем от любого наказания, какое могли бы для нее придумать, и совесть мучит ее просто невообразимо. Думается мне, что всю ту ночь она не сомкнула глаз и металась по постели. Думается мне, что она оросила подушку слезами и даже дала волю рыданиям, и это бы ничего, плохо только, что она разбудила сестру и наутро чувствовала себя совсем больной, так что пришлось послать за доктором, и вся семья пришла в расстройство: маменька в спешке кое-как проглотила обед и осталась им крайне недовольна, папенька съел свой ростбиф в молчании и переперчил подливку, и всякий раз, когда отворялась дверь, взоры всех устремлялись на нее в смутной надежде, что появится Гарри. "А если Гарри не может прийти, почему бы, по крайней мере, не прийти Джорджу", — думала мисс Тео.

Вечером от мистера Джорджа Уорингтона прибыл большой букет сирени, доставленный мистером Гамбо, и послание: "Шлю мой нижайший поклон миссис Ламберт и барышням и почтительнейше прошу мисс Тео принять от меня букет сирени, поскольку она упомянула, что любит этот весенний цветок. Я ни в коей мере не заслуживаю благодарности за этот букет, ибо его посылает вам садовник Бедфорд-Хауса, в лице которого я

приобрел большого друга, подарив ему высушенные листья одного виргинского растения, по мнению некоторых дам, далеко не столь ароматного, как сирень.

Я провел в саду почти весь день. Сад полон весны и солнца, и я сочинил две сцены известного вам произведения и отшлифовал куплеты, которые в четвертом акте паж поет под окном Сибиллы, а она, бедняжка, уже не может его слышать, так как ей только что отрубили голову".

— Несносный! Все-то он подшучивает и насмехается! Это очень красивые стихи, — говорит Тео.

— Ты в самом деле так считаешь, моя дорогая? Как странно! — замечает папенька.

Малютка Этти, угрюмо забившаяся в угол, с легкой ироническом усмешкой поднимает глаза на сестру. Тайна Тео уже давно, по-видимому, перестала быть тайной для всех в этом доме. Быть может, кто-нибудь из моих юных читателей сумеет догадаться, что это за тайна? Тео тем временем продолжает читать.

— "Спенсер пригласил на завтра знаменитого мистера Джонсона, и тот милостиво дал согласие послушать после завтрака мою пьесу. Боюсь только, как бы он не рассердился на то, что мою героиню постигает такая же судьба, как его героиню в "Ирене". Мне рассказывали, что он молодым еще человеком прибыл в Лондон без гроша за душой, но с трагедией в котомке. Доведется ли мне когда-нибудь увидеть мою пьесу на сцене? Вы уже слышите свист и улюлюканье, которые доносятся из дальних рядов партера в том роковом месте четвертого акта, когда палач выходит из чулана с огромным мечом, дабы приступить к отсечению головы? Говорят, мистер Фильдинг, когда публика засвистела как раз в том самом месте, насчет которого предостерегал его мистер Гаррикс, высказался так: "Черт бы их побрал, они раскусили-таки, что это плохо!" — и спокойно допил свой пунш. Надо полагать, что его супруги не было в это время в ложе. Некоторым дамам я бы отнюдь не хотел причинить боль, а некоторым хотел бы отдать все лучшее, что у меня есть".

— На кого это он намекает? Письмо-то адресовано тебе, женушка! Смотри-ка, этот молодой человек волочится за твоей маменькой прямо у меня под носом! — восклицает мистер Ламберт, обращаясь к Этти, но та в ответ только тихонько вздыхает, вкладывает свою маленькую ручку в руку отца и тут же ее выдергивает.

— "...а некоторым хотел бы отдать все лучшее, что у меня есть. Сегодня, быть может, это всего лишь будет сирень. Завтра, быть может, веточка руты... или лавровый венок... или просто все, что я имею и чем

дорожу.

Я провел прекрасный день в полном одиночестве. Гарри-то наш сбежал, как вам это понравится?" (Здесь, как легко можно себе представить, происходит то, что у французов называется — или называлось, когда ораторы осмеливались говорить, а граждане слушать, — *sensation dans l'auditoire* {Сильное волнение среди публики (франц.)}).

Боюсь, что мой Карпезан вконец истощил его терпение. В последние недели у Гарри был очень несчастный вид, и перемена обстановки должна пойти ему на пользу. Сегодня утром, ни свет ни заря, он пришел ко мне в комнату и сообщил, что купил билет до Портсмута и намерен отправиться на остров Уайт в распоряжение наших войск".

Войск! Услышав эту весть, Этти очень побледнела, а ее маменька продолжала читать:

— "Одним из отрядов, а именно — тридцать вторым полком командует там подполковник Ричмонд Уэбб, племянник того доблестного старого генерала, под началом которого служил мой дед Эсмонд во времена знаменитых походов Мальборо. Мы с Гарри встречались с мистером Уэббом у нашего дядюшки, и он был с нами очень любезен и пригласил нас посетить его в полку. Что ж, пусть мой бедный братец съездит туда и насладится своей любимой музыкой барабанов и труб! Он нросил меня передать дамам, что даст о себе знать. Я же целую их ручки и отправляюсь переодеваться к обеду в "Звезде и Подвязке" на Пэл-Мэл. Там будет мистер Соум Дженинс, мистер Кембридж и, возможно, мистер Уолпол, если он не побрезгует отобедать в таверне, а также молодой ирландец, некто мистер Борк, как говорят, — кладезь учености и красноречия, — словом, лучшие умы из книжной лавки мистера Додели. Живее, Гамбо, подай мой серый французский кафтан и карету! И если джентльмены спросят меня: "Кто дал вам эту веточку сирени, что вы носите на сердце?", — я прикажу подать вина и провозглашу тост за Сирень".

Боюсь, что в эту ночь Этти столь же мало знала покоя, как и в предыдущую, когда она так дерзко вела себя с Гарри Уорингтоном. Как видно, в уме этого молодого человека созрело какое-то решение, ибо, покинув дом мистера Ламберта, он некоторое время прогуливался по улицам, а потом в весьма поздний час появился у госпожи де Бернштейн на Кларджес-стрит. Здоровье баронессы стало немного сдавать последнее время и, лишившись поэтому возможности посещать свои излюбленные рауты, она коротала время за тихой партией экарте с неким духовным лицом, последние вести о котором поступали к нам из дома бейлифа, находившегося по соседству с тем, где одно время томился Гарри

Уорингтон. Джордж, по просьбе Гарри, оплатил небольшой должок, из-за которого мистеру Сэмпсону пришлось временно пострадать. После этого мистер Сэмпсон около года провел у себя в приходе. С тех пор он успел оплатить и снова наделать немало долгов и не раз еще попадал в тюрьму. Недавно он опять появился в лондонских домах, жизнерадостный и бодрый, как всегда, и, как всегда, готовый принять приглашение на карты или на кларет. Госпожа де Берпштейн не соизволила прервать свою игру при появлении племянника, беседа с которым не представляла теперь особого интереса для этой старой ветреницы. К старости люди, на мой взгляд, становятся почти столь же эгоистичными, как в юности. Увы, сердце черствеет, когда кровь начинает медленнее бежать по жилам. Снег, посеребрив голову, охлаждает пламень чувств. Кому охота дожить до глубокой старости и, утратив один за другим все свои таланты, зубы, зрение, память, надежды, привязанности, все еще влачить какое-то существование? Каково было тем патриархам древних времен, которые доживали до девятист лет, и когда именно настолько изменились условия жизни, что уже к семидесяти годам она становится мученьем и обузой?

Не получая ничего, кроме "да" или "нет" в ответ на свои тоже немногословные речи, бедный Гарри посидел немного на кушетке, глядя на свою тетушку, а та, пожав плечами, повернулась к нему спиной и продолжала играть в карты с капелланом. Сэмпсон, сидевший напротив мистера Уорингтона, заметил, что молодого человека что-то тревожит. Лицо его было бледно, взволнованно и угрюмо.

— Что-то с ним случилось, сударыня? — шепнул он баронессе.

— Вздор! — Баронесса снова пожала плечами и продолжала сдавать карты. Что это с вами, сэр? — спросила она наконец, когда в игре наступила пауза. Почему у вас такая унылая физиономия?.. Теперь мы, кажется, квиты, капеллан?

Гарри поднялся с кушетки.

— Я отправляюсь в путешествие, тетушка. Пришел попрощаться с вами, произнес он трагическим тоном.

— В путешествие? Ты возвращаешься в Америку?.. Я открываю короля, капеллан, и хожу с него.

Нет, пояснил Гарри, пока он еще не возвращается в Америку, сейчас он пока что направляется на остров Уайт.

— Ах, вот что! Это прелестное местечко! — сказала баронесса. — *Bonjour, mon ami, et bon voyage!* {До свидания, мой друг, счастливого пути! (франц.).} — И она послала племяннику воздушный поцелуй.

— Я, может быть, не скоро возвращусь, тетушка, — с тяжелым

вздохом произнес тот.

— Вот как? Мы будем безутешны в разлуке с тобой! Если у вас нет пик, капеллан, я выиграла эту партию. Прощай, дитя мое! Больше не хочу слушать о твоём путешествии — расскажешь нам о нём, когда вернешься! — И она весело распрощалась с племянником. Жалобно поглядев на нее, Гарри ушел.

— Что-то с ним неладно, сударыня, — сказал капеллан.

— Ах, боже мой, этот мальчик вечно попадает в какие-то переделки! Вероятно, влюбился в одну из этих деревенских барышень. Как их фамилия Ламберты, кажется? Он теперь постоянно у них пропадает. Он уже давно как-то без толку проводит время. Я очень разочаровалась в нём, право, меня это даже огорчает... Я позволю себе взять две карты... Вам еще?.. Очень огорчает. А вы слышали, что говорят о его кузине — о мисс Уорингтон, которая строила ему глазки, когда считала его завидной партией? Говорят, король обратил на нее внимание, и леди Ярмут вне себя от бешенства. — Баронесса хихикнула. — Уж эти мне святоши Уорингтоны! Они так же полны мирскими помыслами, как мы, грешные, и хотя его величество уже в весьма преклонных летах, стоит ему поманить их мизинцем, они все будут у его ног!

— Все, сударыня! Ах, как вы знаете свет, ваша милость! — вздохнул капеллан. — Я объявляю, с вашего разрешения!

— Я достаточно долго вращалась в нём, чтобы немножко его изучить, мистер Сэмпсон. Это сборище себялюбцев, мой дорогой, прискорбное сборище себялюбцев, где каждый старается обскакать своего ближнего! Нет, вы не можете больше прикупать. Короля у вас нет? Тогда объявляю даму, валета и десятку... Да, это прискорбно себялюбивый мир. А, вот и мой шоколад!

Карточная игра полностью поглощает внимание старой дамы. Племянник с его заботами остается где-то там, по ту сторону захлопнувшейся за ним двери. Он уносит свои заботы с собой и долго бродит по темным улицам.

"Боже милостивый! — думает он. — Какой же я жалкий, никудышный человек и как впустую растратил свою жизнь! В обществе Джорджа и его друзей я могу лишь сидеть и молчать. Куда мне до него с его умом и остроумием. Я для Джорджа только обуза. Я бы так хотел быть ему полезным, да не знаю, как. Милейшая тетушка Ламберт неизменно добра ко мне, но ведь совестно злоупотреблять ее добротой. Да что там, даже Этти уже ополчилась на меня, и когда она говорит, что я бездельничаю и нужно мне чем-то заняться, разве я вправе сердиться на нее? А все

остальные уже отвернулись от меня. И мои кузены, и мой дядя, и миледи моя тетушка — все давно сторонятся меня. Они даже не пригласили меня посетить их, когда уезжали в свое имение в Норфолке, не предложили даже приехать хоть на денек пострелять куропаток. И в Каслуд я не могу поехать после того, что произошло, — там я этому негодяю Уильяму все кости переломаяю. Да, что говорить, там мне лучше не показываться".

И он горестно рассмеялся, припомнив все злоключения, выпавшие на его долю с тех пор, как он приехал в Европу. Деньги, друзья, развлечения — все кануло куда-то, и прошлое вспоминалось ему, как сон. Он забрел в кофейню Уайта, где не появлялся уже с год. Парламент был распущен на каникулы. Джентльмены разъехались кто куда, за столами даже не велось игры. Впрочем, Гарри все равно не принял бы в ней участия. В кармане у него было всего несколько мелких монет. Правда, ему не возбранялось черпать из шкатулки Джорджа, когда угодно и сколько угодно, но он крайне умеренно пользовался щедростью брата, несмотря на его неоднократные предложения.

В угрюмом молчании он сидит за столиком и пьет вино. Несколько гвардейцев из Сент-Джеймского дворца входят в кофейню. Он встречался с ними когда-то прежде, и эти молодые люди, уже отобедавшие и выпившие в кордегардии, теперь заказывают еще вина. Один из батальонов их полка стоит в Винчестере и примет участие в большом походе, о котором все говорят, хотя никто ничего толком не знает. Дьявольски не повезло им, что они не из этого батальона и должны оставаться здесь и нести службу в Лондоне и Кенсингтоне! А вот Уэбб очень правильно поступил — перешел из их полка в тридцать второй и от поручика дослужился до подполковника. И теперь отправляется в этот поход. Да что там говорить, чуть ли не каждый примет в нем участие! И молодые люди перечисляют десятка два волонтеров из числа родовитых щеголей.

— На сей раз это будут не ганноверцы под командованием нашего толстяка-принца, — замечает один из гвардейцев, чьи родичи, возможно, принадлежали к партии тори еще сорок лет назад, — это чистокровные англичане, с гвардией во главе и под командованием одного из Мальборо! Разве французам выстоять против таких? Нет, клянусь богом, они непобедимы! — И снова наполняются стаканы и провозглашаются громкие тосты за успех похода.

Мистер Уорингтон, которому, по словам гвардейцев, надо бы выпить еще, чтобы немного повеселеть, покидает кофейню, когда остальные уже так нетвердо стоят на ногах, что сопровождать его не в состоянии, и всю дорогу до дома раздумывает над тем, что он слышал, да и лежа в постели

продолжает размышлять о том же.

— Что случилось, мой мальчик? — спросил Джордж Уорингтон, когда его брат ранним дивным майским утром вошел к нему в комнату ни свет, ни заря.

— Я хочу взять немного денег из твоей шкатулки, — сказал Гарри, глядя на брата. — Лондон мне опостылел.

— Силы небесные! Как может кому-нибудь опостылеть Лондон? — восклицает Джордж, у которого есть все основания считать этот город самым восхитительным местом на свете.

— Мне вот, например, может. Я здесь совсем захирел и зачах, — сказал Гарри.

— Ты поссорился с Этти?

— Нужен я ей, как прошлогодний снег, да и она мне, если на то пошло, заявляет Гарри, решительно потрянув головой. — Говорю тебе, я зачах, и свежий деревенский воздух будет мне полезен. — И он сообщает брату, что хочет повидаться с мистером Уэббом на острове Уайт и что из Холборна отбывает дилижанс на Портсмут.

— Вон шкатулка, Гарри, — говорит Джордж. — Запусти в нее руку и возьми, сколько тебе нужно. Какое изумительное утро! Погляди, как свеж Бедфордский сад!

— Да благословит тебя бог! — говорит Гарри.

— Желая тебе хорошо провести время, Гарри! — И голова Джорджа снова опускается на подушку; вытащив карандаш и записную книжку из-под валика в изголовье кровати, он принимается шлифовать свои стихи, а Гарри с плащом через плечо и небольшим сундучком в руке направляется к постоялому двору в Холборне, откуда ходит дилижанс в Портсмут.

Глава LXIII

Мельпомена

Не надо думать, что занятия юриспруденцией хоть в какой-то мере помешали отдыху и развлечениям Джорджа Уорингтона или повредили его драгоценному здоровью. Госпожа Эсмонд в своих письмах особенно подчеркивала то обстоятельство, что, если даже он носит одежду школяра и садится за стол в студенческой столовой с безродными простолюдинами, ему при этом все же не следует забывать, что он должен поддерживать честь своего весьма древнего рода, и, как у себя на родине, так и в Англии может быть на равной ноге с самыми первыми людьми в стране, а посему она выражала надежду, что он будет заниматься наукой, как подобает дворянину, а не как какой-нибудь труженик-стряпчий. Этим наставлениям Джордж следовал весьма послушно и никак не мог быть причислен к рядовым на службе у его величества Закона, а скорее мог считаться волонтером, как и некоторые другие молодые люди, о которых мы недавно упоминали. Пусть Закон не был тогда еще столь взыскателен, как ныне, и давал своим служителям куда больше возможностей бездельничать, развлекаться, посещать пивные и кофейни и сидеть за праздничным столом, нежели теперь, когда они уже почти не имеют времени ни отдыхать, ни развлекаться, ни просвещаться, ни спать, ни есть, — однако и сто лет назад Закон был весьма деспотичным хозяином и требовал постоянного внимания к себе. Меррей, как говорят, мог бы стать Овидием, но предпочел стать лордом главным судьей и носить горностаевую мантию вместо лаврового венка. Быть может, и Джордж Уорингтон дожил бы до звания пэра и до мешка с шерстью в палате лордов, если бы долго и усердно предавался занятиям, если бы был ловким царедворцем и угождал старшим по чину, — словом, если бы он был не тем, чем он был. Он оказывал Фемиде достаточно внимания и уважения, но литература всегда влекла его к себе сильнее, чем юриспруденция, и первопечатные издания Чосера казались ему куда более увлекательными, чем готические письма Хейла и Кока.

К тому же литература была в те странные времена в большом почете, а сочинители воистину считались властителями дум. В залах суда или в палате общин можно было услышать ссылки на Вергилия и Лукана. Вспоминали, что сказал по тому или другому вопросу Стаций или Ювенал — не говоря уже о Цицероне и Таците. Минуло теперь их время — этих

добрых старых язычников; языческая поэзия и этика так же не в моде сейчас, как поклонение Юпитеру и Юноне. Наступил век экономистов и вычислителей, и Пантеон Тука опустел и выглядит нелепо. Выть может, еще случается порой, что Стэнли заколет козленка, Гладстон возложит лавровый венок, а Литтон воскурит благовония в честь Олимпийцев. Но есть ли в Ламбете, Бирмингеме, возле Тауэра кому-нибудь дело до древних обрядов, языческих богов, культов? Кто такие, чтоб им пропасть, эти Музы и кому нужен весь этот греческий и латинский хлам? Что такое Геликон и кому он интересен? Кто она такая — эта Талия и как произносится ее имя? А как пишется "Мельпомена"?

Мистер Джордж, как уже было сказано, в годы юности у себя на родине и во время своего заключения во французском форте на берегу Мононгахилы, то есть когда у него было много досуга, коротал время, приударяя за Мельпоменой, и плодом этого союза явилась трагедия, не включенная в "Театр" Белла, хотя я берусь утверждать, что она была ничуть не хуже многих пьес, опубликованных в этом сборнике. Немало молодых людей на заре юности отдают предпочтение Музе трагедии, подобно тому как и влюбляются они зачастую в женщин значительно старше себя. Наш правдивый читатель, если только он питает слабость к литературе, не может не признаться, что честолюбивые мечты влекли его к самым высоким образцам, и хотя в более зрелые годы он стал скромнее в своих притязаниях и нашел, что самое большее, на что он способен, — это переводить оды Горация либо перелагать песни Уоллера или Прайора сносной аллеевой или сапфической строфой, однако в те невинные годы, когда он был еще зеленым юнцом, только трагедия и эпос влекли к себе его неопытную душу и только самых высоких наград, казалось ему, стоило домогаться.

Джордж Уорингтон, прибыв в Лондон, стал бывать на представлениях в обоих театрах, посещать театральные кофейни и прислушиваться к мнениям литературных критиков; во время антрактов его можно было увидеть в кофейне Бедфорда, а после спектакля он нередко ужинал у Сесилия в компании актеров и сочинителей. Так он мало-помалу свел знакомство со многими видными писателями, поэтами и актерами. Старый грубиян Макклин, шутник Фут, весельчак Хипписли и даже прославленный мистер Гаррик собственной персоной заглядывали порой в эти увеселительные заведения, и вскоре — отчасти благодаря своему уму и скромности, а также, быть может, благодаря своей репутации человека со средствами, — мистер Джордж стал желанным гостем в их кругу и увидел, что актеры охотно готовы распить с ним бокал пунша, а критики любезно

соглашаются отужинать за его счет. Быть на короткой ноге с писателем или актером — разве не являлось это заветной мечтой многих молодых людей? Распить бутылочку с Александром Македонским, или с королем Генрихом V, или с Бобадилом и взять понюшку табака из табакерки самого Аристарха, проводить Джульетту до кареты или Монимию до портшеза — все эти привилегии не могут не пленять любого молодого человека поэтического склада ума, и не удивительно, что Джордж Уорингтон пристрастился к театру. А поскольку ему было известно, что его маменька не слишком одобряет актеров и театры, то сознание, что он вкушает от запретного плода, еще увеличивало получаемое удовольствие. Он неоднократно и с большим вкусом устраивал приемы в честь актеров, и говорят даже, что два-три прославленных гения соблаговолили попросить у него денег взаймы.

Можно не сомневаться, что, шлифуя свой шедевр и прибавляя к нему новые красоты, мистер Джордж пользовался советами кое-кого из друзей и выслушивал их похвалы и замечания. Его новый знакомый мистер Спенсер из Темпла дал завтрак в своей квартире в Смоковничьем Дворе, во время которого мистер Уорингтон прочел часть пьесы, и все присутствующие оценили ее высокие достоинства. Даже ученейший мистер Джонсон, бывший в числе приглашенных, соизволил признать, что в пьесе виден талант. Правда, в ней не было соблюдено ни одно из трех единств, но это правило нарушалось и другими авторами, и, следовательно, мистер Уорингтон тоже мог им пренебречь. В трагедии мистера Уорингтона мистер Джонсон заметил нечто, напомнившее ему одновременно и "Кориолана" и "Отелло".

— Два весьма высоких образца, сэр! — воскликнул автор.

— Да, конечно, спору нет, и кульминация у вас потрясающая, вполне обоснованная, и если она лишь отчасти соответствует действительности, это не делает ее менее душераздирающей, — заметил мистер Спенсер.

Надо сказать, что трагедия мистера Уорингтона и впрямь изобиловала сражениями и убийствами. Излюбленной книгой его дедушки было жизнеописание Георга Фрундсберга из Миндлхейма, полковника королевской пехоты, сражавшегося при Павии и участвовавшего в войнах коннетабля Бурбонского. Одним из соратников Фрундсберга был некто Карпзоф или Карпезан, которого и избрал наш друг на роль героя своей трагедии.

В первом акте трагедии, в том виде, в каком она дошла до нас в рукописи сэра Джорджа Уорингтона, события разворачиваются на берегу Рейна перед монастырем, осажденным войсками лютеран под

командованием Карпезана. Безбожники-лютеране ведут себя как дикая орда. Они таскают за бороды монахов-католиков и срывают покрывала с голов богобоязненных монахинь. Несколько десятков этих несчастных дрожат за стенами монастыря, гарнизон которого положил сдать на милость победителя, если обещанное подкрепление не прибудет до полудня. А пока что заключено перемирие, и часовые алчным взглядом пожирают из-за стен монастыря раскинувшийся перед ними лагерь и солдат, играющих в карты на поляне перед воротами. Динг-динг-динг. Монастырский колокол бьет двенадцать часов. Подкрепление не прибыло. Отворяй ворота, привратник! Дорогу полковнику Карпезану, знаменитому протестантскому герою, грозе турок на Дунае и папистов в долинах Ломбардии! Вот он идет, весь закованный в сталь, с грозной секирой на плече, раскроившей череп стольким неверным! Трубы трубят, и реют знамена.

"Без грубостей, солдаты, — говорит Карпезан. — Винные погреба — ваши! В кладовых и подвалах этого монастыря вы найдете обильную снедь. Церковную утварь мы расплавим. Кто из солдат гарнизона желает идти на службу к Гаспару Карпезану — милости просим. Ему будет определено хорошее жалованье. А монахинь не обижать! Я обещал им безопасность, и всякого, кто тронет их пальцем, — на виселицу! Помни это, провост-маршал!"

Провост-маршал, здоровенный детина в красном камзоле, кивает головой.

— Мы с этим палачом — провост-маршалом, встретимся еще не раз, поясняет мистер Спенсер своим гостям.

— Весьма приятное знакомство, — говорит мистер Джонсон, покачивая головой и попивая чай. — Я просто в восторге от того, что увижу почтенного джентльмена снова! Эта сцена между наемниками и разным лагерным людом с его дикими забавами очень свежа и интересна, мистер Уорингтон, и я вас поздравляю. Значит, полковник скрылся, как я понял, за воротами монастыря? Ну что ж, послушаем, что он намерен там делать.

Аббатиса и несколько старших монахинь появляются перед завоевателем. Они отважно встречают его и дают ему отпор в своей священной обители. Они слышали о диком бесчинстве, учиненном им в стенах других монастырей. Его секира, которую он постоянно пускает в ход, разбила немало священных статуй в святых обителях. А сколько монастырской утвари расплавил он, этот святотатец и грабитель! Не удивительно, что аббатисе, настоятельнице монастыря Святой Марии,

высокородной даме с неискоренимыми предрассудками и смелым языком, сразу весьма не по нутру пришелся этот еретик-простолоудин, вздумавший распорядиться в ее монастыре, и она не стесняется в выражениях. Эта сцена, в которой аббатиса берет верх над полковником, чрезвычайно понравилась слушателям мистера Уорингтона в Темпле. Грозный на поле брани, Карпезан на первых порах совсем ошеломлен гневной тирадой аббатисы, и может показаться, что победитель на сей раз побежден своей пленницей. Однако такой закаленный в боях воин не смирится до конца перед женщиной.

"Скажите, сударыня, — спрашивает он, — сколько монахинь находится в стенах вашего монастыря и сколько повозок должны приготовить для них мои люди?"

Аббатиса взволнованно и сердито отвечает, что, кроме нее, в монастыре Святой Марии находится двадцать... двадцать три сестры во Христе. Кажется, она хотела сказать двадцать четыре и почему-то сказала двадцать три?

"Ха! Почему такая неуверенность?" — спрашивает капитан Ульрик — один из самых бойких карпезановских офицеров.

Хмурый военачальник вытаскивает из кармана письмо.

"Я требую, сударыня, — сурово говорит он аббатисе, — чтобы вы выдали мне благородную леди Сибиллу из Хойи. Ее брат, один из моих любимых капитанов, был убит, сражаясь бок о бок со мной в битве с миланцами. Его смерть делает ее наследницей всех его поместий. Нам стало известно, что ее корыстолюбивый дядя привез бедняжку сюда и заточил в эту обитель против ее воли. Сия девица должна сама решить свою судьбу: останется ли она в стенах монастыря Святой Марии и примет постриг или избрет свободу и возвратится домой как леди Сибилла, баронесса..."

Тут аббатиса приходит в чрезвычайное волнение. Она говорит надменно:

"Здесь нет никакой леди Сибиллы. Каждая из обитательниц этого монастыря находится под вашим покровительством, и вы клятвенно обещали всех отпустить на свободу. Сестра Агнесса приняла постриг, и все ее состояние и поместья должны остаться во владении нашего ордена".

"Выдать мне немедленно тело леди Сибиллы, — в страшном гневе рычит Карпезан, — не то я дам сигнал моим рейтарам, и они живо расправятся с вашим монастырем!"

"Клянусь, если бы мне дали похозяйничать тут, мой выбор пал бы не на леди аббатису, — говорит капитан Ульрик, — а на какую-нибудь

пухленькую, веселенькую, румяную девицу, вроде... вроде..." И с этими словами озорник заглядывает под покрывала двух сопровождающих аббатису монахинь. А суровая аббатиса при этом восклицает:

"Замолчи, укроти свой нечестивый язык! Та, чьей выдачи ты требуешь от меня, воин, освободилась навеки от греха, соблазнов и мирской суеты — вот уже три дня, как сестра Агнесса... мертва".

Услышав это, Карпезан приходит в ярость. Аббатиса призывает капеллана, дабы он подтвердил ее слова. Бледный, как привидение, старик признается, что три дня назад тело несчастной сестры Агнессы было предано земле.

Это уже слишком! На груди под латами Карпезан хранит письмо от самой сестры Агнессы, в котором она сообщает, что ее в самом деле собираются похоронить, но не в гробу, а в одном из oubliettes {Каменных мешков (франц.).} монастыря, где ее будут держать на хлебе и воде, а быть может, и вовсе уморят с голоду. Карпезан хватает нестигаемую аббатису за руку, а капитан Ульрик — капеллана за горло. Полковник трубит в рог. Разъяренные ландскнехты врываются в монастырь. Кроши, руби! Они рушат стены монастыря. И среди пламени, резни, воплей кого видим мы на руках у Карпезана, как не самое Сибиллу, потерявшую сознание, поникнув головой на его плечо. Маленькая монашенка — та самая, веселая, с розовыми губками — указала полковнику и Ульрику дорогу к темнице сестры Агнессы, — ведь не кто иной, как она дала знать лютеранскому вождю о положении леди Сибиллы.

— Гнев лютеран обрушивается на монастырь, — говорит мистер Уорингтон, и первый акт заканчивается при пламени пожара, под ликующие крики солдат и вопли монахинь. После чего монахини спешат сменить костюмы, ибо, как вы увидите, в следующем акте им надлежит появиться уже в роли придворных дам.

Завязывается оживленный разговор. Если пьеса будет поставлена в "Друри-Лейн", миссис Причард едва ли пожелает исполнить роль аббатисы, поскольку та появляется только в первом акте. Из миссис Причард может получиться прелестная Сибилла, а роль маленькой монахини могла бы сыграть мисс Гейтс. Мистер Гаррик, пожалуй, недостаточно высок для Карпезана... Хотя стоит ему войти в азарт, и он всем кажется гренадером. Мистер Джонсон утверждает, что Вудворт прекрасно справится с ролью Ульрика, поскольку он очень живо исполнял роль Меркуцио, — словом, все собравшиеся, один за другим, как бы уже разыграли в своем воображении пьесу на сцене и распределили роли.

Во втором акте Карпезан женится на Сибилле. Войны его обогатили,

император пожаловал ему дворянское звание, и он в роскоши и блеске проводит свои дни в замке на берегу Дуная.

Однако, хотя Карпезан теперь богат, знатен и женат, он не чувствует себя счастливым. Может быть, он терзается раскаянием, вспоминая о преступлениях, которые совершил в своей бурной жизни, когда был вождем наемников то одной, то другой из враждующих сторон. Или, может быть, его грубые солдатские манеры не по вкусу его гордой высокородной супруге? Попрекая его низким происхождением, неотесанными друзьями, с которыми старый вояка любил потолковать, и многим другим, она устроила ему куда как невеселую жизнь (тут я своими словами пересказываю то, что было написано у Уорингтона, так как для того, чтобы воспроизвести это полностью, не хватит места), и порой он готов пожалеть о том, что выволок когда-то эту прелестную, сварливую, вздорную мегеру из oubliette и спас от смерти. После страшной суматохи первого акта второй протекает довольно спокойно; он заполнен главным образом пререканиями между бароном и баронессой Карпезан и заканчивается под звуки рогов, возвещающих, что молодой король Богемии и Венгрии приближается со своей охотой к замку.

Местом действия третьего акта становится Прага, куда его величество пригласил лорда Карпезана с супругой, пообещав оказать ему высокие почести: из барона он будет произведен в графы, из полковника в генералы. Его очаровательная супруга блистает при дворе, затмевая всех прочих дам, а сам Карпзоф...

— О, позвольте... я что-то припоминаю... Мне известна эта история, сэр, — говорит мистер Джонсон. — Она рассказана у Метерануса и напечатана в "Театрум Универсум". Я еще подростком читал это, когда учился в Оксфорде: Карпезанус или Карпзоф...

— Это будет в четвертом акте, — перебивает его мистер Уорингтон. — В четвертом акте знаки внимания, которые молодой король оказывает Сибилле, становятся все более и более очевидными, но супруг долгое время отказывается этому верить и старается победить свою ревность, пока, наконец, неверность супруги не обнаруживается с полной очевидностью!.. — И тут автор принимается читать этот акт, завершающийся ужасной трагедией, имевшей место в действительности. Удостоверившись в виновности своей супруги, Карпезан приказывает палачу, который всюду сопровождает его отряд, умертвить графиню Сибиллу в ее собственном дворце, и занавес падает в ту минуту, когда в угловом покое, освещенном луной, свершается это страшное дело, а под окном король наигрывает на лютне песню, подавая любовный сигнал преступной жертве своей страсти.

Эту песню (написанную в античном духе и повторно исполняемую в пьесе, ибо ее уже распевали в третьем акте на королевском пиру) мистер Джонсон объявляет очень удачным подражанием манере мистера Уоллера, а ее игривое исполнение в момент ужасного убийства, когда неотвратимая кара постигает порок, должно, по его мнению, еще усугубить мрачный трагизм сцены.

— А что же происходит потом? — спрашивает он. — Помнится, в "Театрум" сказано, что Карпезан снова вошел в милость к графу Менсфилду и, надо полагать, убил еще немало сторонников Реформации.

Надо сказать, что здесь наш поэт несколько уклонился от исторической правды. В пятом акте "Карпезана" Людовик, король Венгрии и Богемии (порядком, надо полагать, напуганный кровавым концом своей любовной интриги), получает известие, что в пределы Венгрии вторгся султан Сулейман. Появляются два дворянина и рассказывают о том, как оскорбленный и взбешенный Карпезан порвался в королевские покои, где король, только что получивший вышеозначенную весть, держал совет с приближенными. Карпезан сломал свой меч, швырнул обломки к ногам короля вместе с перчаткой, вызывая короля носить эту перчатку, если у него хватит на то отваги, и поклялся, что наступит день, когда он потребует ее обратно. Бросив этот яростный вызов, мятежник скрылся из Праги, где какое-то время не давал о себе знать. А затем прошел слух, что он примкнул к турецкому захватчику, принял магометанство и находится сейчас в лагере султана, чьи палатки белеют на противоположном берегу реки. Король, решив выступить против султана в поход, идет к себе в палатку вместе со своими генералами и готовит план сражения, после чего отпускает всех на свои посты, повелев остаться одному почтенному, преданному рыцарю, своему конюшему, перед коим и кается в содеянных им преступлениях, в тяжкой обиде, нанесенной глубоко им почитаемой королеве, и заявляет о своем решении встретить день битвы как подобает мужчине.

"Как зовется эта равнина?"

"Мохач, государь! — отвечает старый воин и добавляет: — Не успеет закатиться солнце, как Мохач станет свидетелем славной победы".

И вот играют трубы, слышен сигнал боевой тревоги. Звучат цимбалы варварская музыка янычар. Теперь мы в турецком лагере, и перед нами в окружении своих военачальников в чалмах предстает друг султана Сулеймана, покоритель Родоса, грозный Великий Визирь.

А кто же этот воин в восточном одеянии, но с перчаткой на шлеме? Это Карпезан. Даже сам Сулейман знает его отвагу и свирепость.

Карпезану известно расположение венгерских дружин; он знает, в каком виде оружия войска венгерского короля слабее, знает, как надобно встретить его кавалерию, удары которой всегда страшны, и как заманить в топи, где ее ждет неизбежная гибель, и просит позволения стать во главе войска — как можно ближе к тому месту, где будет находиться вероломный король Людовик.

"Будь по-твоему, — говорит мрачный визирь. — Наш непобедимый властелин наблюдает за битвой вон с той башни. К исходу дня он будет знать, какой награды заслуживаешь ты за свою доблесть".

Пушки стреляют, подавая сигнал к бою, трубы трубят, турецкие военачальники удаляются, предрекая смерть неверным и клянясь в вечной верности султану.

И вот уже битва закипела, со всевозможными перипетиями, знакомыми каждому поклоннику театра. Рыцари-христиане и турецкие воины мечутся по сцене и бросаются в рукопашную. Снова и снова трубят трубы. Войска обеих сторон то наступают, то отступают. Карпезан с перчаткой на шлеме и с ужасной своей секирой носится по полю битвы как бешеный, все сметая перед собой, и вызывает на бой короля Людовика. Он заносит секиру над головой воина, устремившегося ему навстречу, по, узнав в нем молодого Ульрика, бывшего капитана своего полка, опускает занесенную руку и предлагает ему спасаться бегством и помнить Карпезана. Сердце его смягчается при виде молодого друга; он вспоминает былые времена, когда они вместе сражались и побеждали под протестантскими знаменами. Ульрик молит его вернуться на сторону короля, но это, разумеется, уже невозможно. Они бьются. Ульрик сам идет навстречу гибели, и вот он падает, сраженный секирой. При виде поверженного друга сердце изменника сжимается, но кто, как не сам король Людовик, появляется тут перед ним. Его плюмаж сорван, его меч зазубрен, его щит продавлен тысячами ударов, которые он получил и нанес в кровавой битве. А! Кто это здесь? Вело томный монарх пытается отворотить свое лицо (не так ли поступал до него и Макбет?), но Карпезан уже настиг его. В сердце его нет больше ни капли сострадания. Он кипит от ярости.

"Сразимся один на один?! — рычит он. — Изменник с изменником! Становись, король Людовик! Двоедушный король, двоедушный рыцарь, двоедушный друг — этой перчаткой, что у меня на шлеме, я вызываю тебя на бой!" И он срывает с шлема этот символ учиненного над ним поругания и швыряет его в короля.

Тут они, конечно, начинают биться, и монарх падает, сраженный

карающей десницей человека, которого он оскорбил. Он умирает, бормоча бессвязные слова раскаяния, а Карпезан, опершись о свое смертоубийственное оружие, произносит душераздирающий монолог над трупом монарха. Вокруг них тем временем собираются турецкие воины: этот страшный день принес им победу. В стороне стоит мрачный визирь, окруженный своими янычарами, чьи мечи и стрелы досыта напились крови. Визирь смотрит на изменника, склонившегося над телом короля.

"Христианин-отступник! — говорит визирь. — Аллах даровал нам славную победу. Оружие великого повелителя нашего побеждает всех. Христианский король сражен тобой".

"Мир праху его! Он умер как добрый рыцарь", — лепечет Ульрик, а сам уже еле дышит.

"В этом сражении, — продолжает мрачный визирь, — ты превзошел всех своей отвагой. Ты назначаешься пашой Трансильвании! Приблизьтесь, лучники... Огонь!"

В груди Карпезана дрожит стрела.

"Паша Трансильвании, ты изменил королю, который лежит здесь, сраженный твоей рукой! — говорит мрачный визирь. — В великой победе, одержанной нами сегодня, твоя заслуга больше всех других. И наш великий повелитель вознаграждает тебя за это по заслугам. Играйте, трубы! Сегодня ночью мы выступаем в Вену!"

И занавес падает в ту минуту, когда Карпезан подползает к своему умирающему другу и, целуя его руку, задыхаясь, произносит:

"Прости меня, Ульрик!"

*

Закончив читать трагедию, мистер Уорингтон обращается к мистеру Джонсону и скромно спрашивает:

— Ну, что вы скажете, сэр? Есть ли какая-нибудь надежда, что эта пьеса увидит свет?

Но узнать мнение великого критика не удастся, ибо мистер Джонсон уже довольно давно погрузился в сон и, разбуженный, откровенно признается, что не слышал последнего акта.

Когда голос автора смолк, слушатели сразу задвигались и зашумели. Принимаясь за чтение, Джордж поначалу очень нервничал, но последние два акта он, но общему признанию, читал необычайно выразительно, и все наперебой расхваливают его сочинение и манеру читать. У всех заметно поднялось настроение — не потому ли, что чтение пришло к концу? Слуга мистера Спенсера разносит напитки. Гости из Темпла, потягивая глинтвейн, высказывают свое мнение о пьесе. Все они отменные знатоки

театра и театральной публики и обсуждают сочинение мистера Уорингтона с должной серьезностью, как оно того и заслуживает.

Мистер Фауптейн замечает, что визирь не должен говорить: "Огонь!" когда отдает приказ своим лучникам стрелять в Карпезана, так как, само собой разумеется, из лука и стрел нельзя открыть "огня". Замечание это принимается к сведению.

Мистер Фигтри, натура чувствительная, выражает сожаление, что Ульрику не удастся избежать гибели и жениться на героине с комическим амплуа.

— Нет, сэр, нет, на Мохаче венгерская армия была полностью истреблена, — говорит мистер Джонсон, — значит, Ульрик должен сложить голову вместе со всеми. Он мог спастись только бегством, но нельзя же допустить, чтобы герой бежал с поля брани! Капитан Ульрик не может избежать смерти, но он умирает, покрытый славой!

Господа Эссекс и Тенфилд удивленно перешептываются, спрашивая друг друга, кто этот нахальный чудак, приглашенный мистером Спенсером, который противоречит всем и каждому, и они предлагают покататься на лодке по реке подышать свежим воздухом после утомления, вызванного трагедией.

Произведение мистера Уорингтона получило явно благоприятную оценку у всех слушателей, и особенно благоприятную у мистера Джонсона, чье мнение автор ценит особенно высоко. Возможно, что мистер Джонсон не поскупился на похвалы мистеру Уорингтону, памятуя о том, что этот молодой человек имеет вес в обществе.

— Я положительно одобряю ваше произведение, сэр, — говорит он. Одобряю во всем, вплоть до смерти вашей героини. А я имею право судить об этом, поскольку я тоже убил свою героиню и получил свою долю *plauses in theatre* {Аплодисментов в театре (лат.)}. Слышать свои строки, вдохновенно произносимые под гром аплодисментов — это поистине воодушевляет. Мне приятно видеть молодого человека знатной фамилии, который не считает Музу трагедии недостойной его внимания. Я же мог пригласить ее лишь под убогую кровлю и просить, чтобы она вывела меня из скудости и нищеты. Счастье ваше, сэр, что вы можете встречаться с ней как равный с равной и взять ее замуж без приданого!

— Даже величайший гений не может, думается мне, не уронить своего достоинства, вступая в сделку с поэзией, — замечает мистер Спенсер.

— О пет, сэр, — отвечает мистер Джонсон. — Я сомневаюсь, что даже среди величайших гениев много нашлось бы таких, кто стал бы трудиться, если бы его не понуждала к тому выгода или необходимость, но лучше уж

вступить в законный брак, на счастье и на горе, с бедной Музой, чем впустую волочиться за богатой. Я поздравляю вас с вашей пьесой, мистер Уорингтон, и если вы хотите увидеть ее на подмостках, я буду счастлив представить вас мистеру Гаррику.

— Мистер Гаррик будет его воспитателем, Мельпомена — его крестной матерью, а его купелью — котел ведьм из "Макбета"! — воскликнул велеречивый мистер Фигтри.

— Сэр, я не упоминал ни купели, ни крестной матери, — возразил великий критик. — Я не поклонник пьес, которые не в ладах с нравственностью или религией, но в пьесе мистера Уорингтона я не усматриваю ничего, что бы им противоречило. Порок несет заслуженную кару, как тому и следует быть, даже в лице королей, хотя, быть может, мы слишком поверхностно судим о силе подстерегающих их соблазнов. Месть тоже получает свое воздаяние, ибо наше несовершенное понимание справедливости не дает нам права слишком вольно ее вершить. Как знать, быть может, это не король совратил жену Карпезана, а она сама заставила его сойти со стези добродетели. Но так или иначе, король Людовик получает за свое преступление по заслугам, а изменника постигает справедливая казнь. Позвольте пожелать вам приятно провести вечер, джентльмены! — И с этими словами он покидает общество.

Когда чтение трагедии близилось к концу, в квартире мистера Спенсера появился генерал Ламберт и прослушал последний акт. Теперь же он направился вместе с Джорджем к нему домой, а оттуда они оба вскоре проследовали к дому генерала, где все с нетерпением ждали молодого автора, чтобы услышать из его уст рассказ о том, какой прием встретила его пьеса у критиков из Темпла. У себя дома на Саутгемптон-роу мистер Уорингтон нашел письмо, которое и сунул нераспечатанным в карман, спеша отправиться со своим другом в Сохо; ведь можно не сомневаться, что дамам не терпелось узнать, какая судьба постигла Карпезана на этой первой, так сказать, репетиции.

Этти заявила, что Джордж так застенчив, что было бы, вероятно, лучше для всех, если бы его пьесу читал кто-нибудь другой. Но Тео горячо возразила на это:

— Кто-нибудь другой? Вот выдумки! Кто же может лучше прочесть стихи, чем сам автор, который чувствует их всем своим сердцем? А Джордж все сердце вложил в эту трагедию.

Мистер Ламберт склонен был думать, что кто-то еще тоже, по-видимому, вложил в эту пьесу все сердце, но не высказал своего мнения вслух.

— Мне кажется, Гарри был бы очень неплох в роли короля, — сказал генерал. — В этой сцене, где он прощается с женой, отправляясь на войну, я так и вижу вашего брата, как живого.

— Ах, папенька! Право же, сам мистер Уорингтон может исполнить роль короля лучше, чем всякий другой! — возмутилась мисс Тео.

— И в конце пьесы принять заслуженную смерть на поле брани? — спросил отец.

— Я этого не говорила, папенька. Я сказала только, что мистер Джордж мог бы очень хорошо сыграть роль короля, — возразила мисс Тео.

— Ну да, а оставшись в живых, без сомнения, подыскал бы себе подходящую королеву. Так что же пишет ваш брат, Джордж?

Джордж, чьи мысли были полны театральными триумфами, *monumentum aere perennius* {Памятником на все времена (лат.)}, букетами сирени, нежными признаниями, произнесенными шепотом и благосклонно принятыми, вспомнил про письмо Гарри и радостно извлек его из кармана.

— Ну, тетушка Ламберт, поглядим, что наш беглец хочет нам сообщить о себе, — сказал Джордж, срывая сургучную печать.

Почему лицо его хмурится, пока глаза пробегают строки письма? Почему женщины смотрят на него с такой тревогой? И почему, о, почему так побледнела мисс Этти?

— Вот что он пишет, — говорит Джордж и начинает читать.

"Райд, 1 июня 1758 года.

Я ничего не сказал тебе, мой дорогой Джордж, о своих намерениях и надеждах, когда в среду покидал наш дом. А намеревался я повидать мистера Уэбба в Портсмуте или на острове Уайт, — словом, там, где разыщу его полк, и, если потребуется, то на коленях молить его, чтобы он зачислил меня волонтером в свою экспедицию. В Портсмуте я сел на корабль, узнав, что наш полк расквартирован в деревне Райд. Мистер Уэбб принял меня как нельзя лучше и без промедления исполнил мою просьбу. Вот почему написал я "наш полк". Волонтеров нас под началом мистера Уэбба 8 человек — все люди родовитые да и состоятельные, кроме меня, бедного, который не заслуживает богатства. Питаемся мы за одним столом с офицерами, стоим на правом фланге колонны и имеем право всегда быть в первых рядах, а ровно через час начнем грузиться на борт "Рочестера", корабля его величества, с 60 пушками, наш же коммодор мистер Хоу идет на "Эссексе", имеющем 70 пушек. Его эскадра примерно из двадцати боевых кораблей и, по-моему, не меньше чем из ста транспортных. Хотя наша экспедиция содержится в тайне, я не сомневаюсь, что конечная цель ее — Франция, где я надеюсь снова встретиться с моими старыми

друзьями, господами французами, и добыть себе славу a la pointe de son epee {Острием своей шпаги (франц.)}, как говорили у нас в Канаде. Быть может, пригодятся и мои услуги в качестве переводчика. Хотя я говорю и не так свободно, как одно мне известное лицо, но все же лучше большинства моих товарищей.

Я не решаюсь написать нашей матушке и сообщить ей о предпринятом мной шаге. Может быть, ты, когда закончишь свою знаменитую трагедию, напишешь ей — ведь ты так хорошо умеешь уговаривать, ты можешь улестить кого угодно. Передай мои заверения в глубочайшем уважении и преданности дорогому генералу Ламберту и дамам, и я, конечно, не сомневаюсь, что, случись со мной что-нибудь, ты позаботишься о Гамбо, рабе горячо к тебе привязанного брата

Генри Э.-Уорингтона.

Когда будешь писать на родину, передай привет всем — не забудь Демпстера, Маунтин, Фанни М. и всех наших слуг, — а также низко поклонись от меня нашей почтенной матушке, которой я был плохим сыном. А если я обидел чем-нибудь дорогую мисс Эстер Ламберт, она, я уверен, простит меня, и да благословит вас всех бог.

Г. Э.-У.

Дж. Эсмонду Уорингтону, эсквайру.

В доме мистера Скрейса на Саутгемптон-роу
Напротив Бедфорд-Хаус-гардене, Лондон".

На последних строках голос Джорджа дрогнул. Не на шутку растроганный мистер Ламберт сидит молча. Тео и миссис Ламберт смотрят друг на друга: а лицо Этти хранит холодное выражение, по сердцу ее страдает. "Он подвергается опасности, быть может, его ждет смерть, и это я послала его туда!" — думает она.

Глава LXIV,

в которой Гарри избежал смерти на поле боя в надежде отличиться в другой раз

Проводив своего возлюбленного хозяина, бедняга Гамбо был безутешен: услышав о том, что мистер Гарри завербовался в солдаты, он так стенал и проливал слезы, что, казалось, сердце бедного негра не выдержит разлуки. И ничего нет удивительного, если он стал искать сочувствия у слуг женского пола в доме мистера Ламберта. Куда бы ни забрасывала судьба этого чернокожего юношу, он повсюду искал утешения в дамском обществе. И в нежных душах этих прекрасных созданий всегда находилось сострадание к бедному африканцу, а его темная кожа не больше отвращала их от него, чем Дездемону от Отелло. Европа, сдается мне, никогда не была

так брезглива по отношению к Африке, как некая другая уважаемая часть света. Более того, общеизвестно, что некоторые африканцы — как, к примеру, шевалье де Сен-Жорж, пользовались большим успехом у прекрасного пола.

Точно так же — в своих скромных возможностях — и мистер Гамбо. Служанки мистера Ламберта в сердечной своей доброте без стеснения проливали слезы с ним вместе. Этти не могла удержаться от смеха, услышав, как голосит Гамбо, убиваясь по поводу того, что хозяин пошел в солдаты и не взял с собой верного своего слугу. А он готов был каждую минуту спасти жизнь мистера Гарри, и непременно бы ее спас, и дал бы разрезать себя на двести тысяч кусков ради него, да, да! Но природа берет свое, и Гамбо соблаговолит сделать ей уступку, подкрепившись в кухне изрядной порцией пива и холодной говядины. Он, безусловно, был порядочный врун, лентяй и обжора, но тем не менее мисс Этти подарила ему полкроны и была к нему необычайно добра. Язычок ее, всегда столь бойкий и даже дерзкий, стал вдруг на удивленье кроток словно он никогда не произнес ни единой насмешки. Смиренная и молчаливая, бродила она теперь по дому. Она была почтительна с матерью, вежлива с Джоном и Бетти, когда они прислуживали за столом, снисходительна к Полли, если той случалось, причесывая барышню, дернуть ее нечаянно за волосы, неслыханно долготерпелива к Чарли, когда тот, придя домой из школы, наступал ей на ногу или опрокидывал ее коробку с рукодельем, и молчалива в обществе отца. Нет, положительно, малютка Этти преобразилась неузнаваемо! Вели ей папенька зажарить бараний окорок или отправиться в церковь под руку с Гамбо, она и тут ответила бы, сделав книксен: "Как прикажете, папенька!" Велика важность, бараний окорок! А чем кормят их там, этих бедных волонтеров, когда над головами у них летают пушечные ядра? О, как дрожат ее колени, когда она в церкви преклоняет их во время чтения молитвы за сражающихся на поле боя, и как низко склоняется ее голова! Когда же священник возглашает с кафедры: "Не убий!" — ей кажется, что он смотрит на нее, и она еще ниже опускает голову. Все ее мысли теперь с теми — с путешествующими и плавающими! Как замирает ее сердце, когда она бежит за газетой, чтобы прочесть сообщение о походе! Как пытливо вглядывается она в лицо папеньки, стараясь угадать, добрые или дурные вести он принес из своего артиллерийского департамента. Гарри невредим? Его еще не произвели в генералы? Может быть, он ранен и попал в плен? О, боже, а что, если ему оторвало обе ноги снарядом, как тому инвалиду, которого они видели на днях в Челси? О, она готова сама проходить всю жизнь на костылях, лишь

бы он на своих ногах возвратился домой! Ей бы следовало молиться, не подымаясь с колен, пока он не вернется с войны.

— Ты слышала когда-нибудь, Тео, что человек может поседеть за одну ночь? — спрашивает Этти. — Так вот, я нисколько не удивлюсь, если это случится со мной. — И она смотрит в зеркало, чтобы удостовериться, не совершилось ли уже это явление природы.

— Этти, дорогая, ты, помнится, не беспокоилась так ужасно, когда папенька был на Минорке, — замечает Тео.

— Ах, Тео! Легко тебе говорить, когда Джордж не в армии, а преблагополучно сидит дома, — парирует удар Этти, заставляя старшую сестру покраснеть и задуматься. *Au fait* {Что говорить (франц.)}, если бы мистер Джордж был в армии, мисс Тео, как вы понимаете, вела бы себя совсем по-другому. Однако мы не хотим больше терзать чьи-либо нежные сердца и спешим вас заверить, что Гарри пока угрожает не большая опасность, чем любому офицеру гвардейского полка личной охраны его величества в казармах Риджент-парка.

Первый поход, в котором принял участие наш храбрый волонтер, если и может быть назван успешным, то уж никак не доблестным. Британский лев, как, впрочем, и всякий другой лев, не всегда может встретить достойного противника и дать генеральное сражение. Представим себе, что лев вышел на охоту в поисках тигра, тигр не появился, и тогда льву приходится придушить гуся и позавтракать этой птицей. Львы, как известно, тоже хотят есть, как и все прочие животные. А теперь предположим, что в поисках вышеупомянутого тигра лев вернулся в лес, огласив его своим воинственным рыком, и вдруг увидел, что к нему направляется не один, а целых шесть тигров? Это уже явно не по правилам. И он поджимает царственный хвост и со всей возможной быстротой прячется в свое уютное логово. А решишь он вступить в драку сразу с шестью тиграми, вы бы сами сказали, что это не лев, а осел.

Так вот, первый военный подвиг Гарри Уорингтона был примерно такого же рода. 1 июня он в числе других тринадцати тысяч солдат находился на борту одного из многочисленных военных судов и транспортов, покидавших остров Уайт, и на заре 5 июня вся эта флотилия стала на якорь в бухте Канкаль в Бретани. Некоторое время он вместе с другими джентльменами-волонтерами имел удовольствие разглядывать французский берег с борта своего корабля, так как главнокомандующий и командир отправились на катере произвести рекогносцировку в гавани. На берегу паслось стадо, вдали протрусили рысцой и скрылись из глаз несколько драгун, а крошечный форт с двумя пушками позволил себе

наглость обстрелять катер, на борту которого находился его светлость герцог Мальборо и коммодор. В два часа дня уже вся британская флотилия стала на якорь, и был отдан приказ всем гренадерским ротам одиннадцати полков погрузиться на плоскодонные лодки и собраться вокруг флагманского судна "Эссекс". Тем временем мистер Хоу, подняв флаг на фрегате "Успех", приблизился в сопровождении других фрегатов к берегу, дабы обеспечить высадку войск, после чего все суда с волонтерами, гренадерскими ротами и тремя батальонами гвардии под командованием лорда Сэквилла и генерала Дьюри поплыли к берегу.

Нашим волонтерам не пришлось совершить при этом каких-либо героических подвигов, поскольку французы, которым надлежало дать им отпор, убежали, а британские фрегаты заставили замолчать пушки маленького форта, потревожившие главнокомандующего во время его рекогносцировки. Войска пошли на приступ и взяли в плен весь гарнизон, прострелив ему ногу. Как выяснилось, гарнизон состоял из одного пожилого джентльмена, который храбро палил из своих двух пушек и сказал завоевателям: "Если бы каждый француз действовал, как я, не видать бы вам Канкаля, как своих ушей".

Передовой отряд захватчиков, заняв деревушку Канкаль, неусыпно бодрствовал там всю ночь с оружием наготове, и волонтеры посмеивались над нашим героем, говоря, что ему не терпится понюхать порошу и снять с французов два-три скальпа. Ни один француз, однако, не подставил себя под его томагавк: единственной за целый день жертвой войны пал некий француз, направлявшийся куда-то верхом в сопровождении слуги и случайно напоротившийся на лорда Доуна, волонтера, наступавшего со своей ротой в авангарде полка. Лорд Доун предложил французу сдаться, на что тот по глупости ответил отказом, после чего и он, и его слуга, и обе их лошади были застрелены на месте.

На следующий день высадка закончилась, и войско двинулось из Канкаля к Сен-Мало. Все попадавшиеся по пути деревни были пусты. Дороги, по которым двигалось войско, местами становились столь узки, что позволяли идти лишь гуськом, и перестрелять наших людей из-за высоких живых изгородей, тянувшихся по обе стороны дороги, было бы совсем нетрудно, скрывайся за ними хоть один неприятельский солдат.

К вечеру войско достигло Сен-Мало и было встречено огнем артиллерии, причинившим мало ущерба по причине темноты. Английские солдаты под покровом ночи подожгли в гавани суда, деревянные постройки, склады смолы и вара и устроили грандиозный пожар, полыхавший до утра.

Со стороны французов не было сделано ни малейшей попытки хоть как-то противостоять этим подвигам британского оружия. Однако было достоверно известно, что в Сен-Мало сосредоточены крупные французские отряды, и хотя они не показывали наружу носа, все же его светлость герцог Мальборо и лорд Джордж Сэквилл решили не тревожить гарнизона, отступили обратно в Канкаль и... погрузились на корабли.

Будь наше повествование не правдой, а вымыслом, для нас, как вы, надеюсь, понимаете, не составило бы труда отправить нашего виргинца в более прославленный поход. Однако ровно через четыре недели после отплытия из Англии мистер Уорингтон уже снова был в Портсмуте и послал оттуда письмо своему брату Джорджу, а тот немедленно по получении его бросился со всех ног на Дин-стрит.

— Замечательные новости, сударыни! — вскричал он, застав семейство Ламберт за завтраком. — Наш отважный воин возвратился. Его подстерегали неисчислимы опасности, но ему все же удалось уцелеть. Он даже видел драконов — клянусь честью, он сам так пишет.

— Драконов? Как это попят, мистер Уорингтон? — Только он ни одного из них не убил — как вы сейчас услышите. Вот что он сообщает:

"Мой дорогой брат!

Ты, я знаю, будешь рад узнать, что я вернулся из похода, правда, не получив пока еще офицерского чина и ни единой царапины, словом, ничем себя не прославив, но, во всяком случае, живой и невредимый. На борт нашего корабля нас набилось столько, что я вспомнил бедного мистера Холуэлла и его товарищей в Калькуттской Черной Яме. Море было бурное, и кое-кто из наших джентльменов-волонтеров, предпочитающих плавать в тихую погоду, ужасно ворчал. Желудки наших джентльменов слишком избалованы, и после стряпни Браунда и деликатесов Уайта солдатские сухари и ром не особенно пришлись им по вкусу. Ну а мне море не в диковинку, и я был вполне доволен своим пайком и стаканом рома, да и хотелось мне показать нашим изнеженным английским франтам, что нас ничем не проймешь и наш брат виргинец не хуже любого из лих. Да, очень хотелось бы мне ради нашей старушки Виргинии иметь возможность чем-нибудь похвалиться, но, увы, не кривя душой, могу сказать только одно: мы побывали во Франции и возвратились обратно. Боюсь, что даже твое перо трагика не сумело бы ничего состряпать из такого похода. Шестого числа мы высадились в бухте Канкаль, видели издали на холме несколько драконов..."

— Ну, что, не говорил я вам, что там были драконы? — со смехом спросил Джордж.

— Господи помилуй! Какие еще драконы? — воскликнула Этти.

— Огромные длиннохвостые чудища со стальной чешуей на хребте, изрыгающие из пасти огонь и пожирающие по одной девственнице в день. Разве ты не читала о них в "Семи поборниках"? — спросил мистер Ламберт. — Ко, увидав на нашем флаге святого Георгия, они, надо думать, уползли, поджав хвост.

— Я читал про них, — с важностью объявил самый младший член семейства, прибывший домой на каникулы. — Они любят пожирать женщин. Правда ведь, папенька, один из них хотел проглотить Андромеду, а другого, который стерег яблоню, убил Язон.

— "...на холме, — продолжал читать Джордж, — несколько драконов, но они ускакали от нас, не завязав боя. Мы провели ночь в палатках. Потом направились в Сен-Мало и сожгли там великое множество каперских судов, после чего снова погрузились на корабли, так ни разу и не скрестив оружия с неприятелем и даже не повстречав на своем пути никого, кроме нескольких бедняг, которых наши солдаты ограбили. Ну, может, в следующий раз больше повезет! Этот поход ничем особенным не замечателен и не принес нам славы, но я получил от него удовольствие. Я понюхал пороху, не говоря уже о смоле и варе, который мы сожгли. Я видел неприятеля, спал в палатке и испытал морскую болезнь на битком набитой палубе корабля. Такая жизнь мне нравится. Мой нижайший поклон тетушке Ламберт, и прошу передать мисс Этти, что я не очень испугался при виде французской конницы. Твой горячо любящий брат

Г. Э.-Уорингтон".

Думается нам, что письмо Гарри должно было утишить угрызения совести, терзавшие мисс Этти, — ведь поход был окончен, и Гарри пока что не пострадал. Скорее даже наоборот. Мистер Ламберт имел случай посетить по долгу службы войска, расположенные в Портсмуте и на острове Уайт, и Джордж Уорингтон составил ему компанию. Они нашли, что перипетии и волнения похода пошли весьма на пользу Гарри, укрепив и тело его и дух; он с большим рвением постигал свои новые военные обязанности, был весел, деятелен, бодр и совсем не походил на того вялого ипохондрика, который праздно слонялся по лондонским кофейням и часами просиживал в гостиной миссис Ламберт. Войска были размещены в палатках, погода стояла отменная, и Джордж видел, что его брат с большой охотой и усердием предается военным занятиям на свежем воздухе. Немало обрадованный старший брат, прогуливаясь по палаточному городу под руку с младшим и вспоминая недолгий опыт своей военной службы, пришел к выводу, что здесь перед ним была армия, во многих отношениях

превосходящая то незадачливое войско, плачевную судьбу которого он разделил два года назад. Поход, в том виде, в каком он был нами описан, ничем, конечно, себя не прославил, но тем не менее и сама армия и нация ликовали. Мы посрамили надменного Галла — таково было всеобщее мнение. И мы бы не только посрамили, но и разбили бы его, если бы он посмел появиться перед нами. Да, в конце-то концов, разве может кто-нибудь сравниться доблестью с британцем? Надо полагать, такие и тому подобные мнения можно было услышать и не столь давно. Я отнюдь не намекаю на то, что мы более склонны прихвастнуть, чем любая другая нация, или что теперь стали еще хвастливее, чем прежде. Разве не прошли перед нашими глазами битвы при Лейпциге, Иене, Дрездене, Ватерлоо, Бленгейме, Банкерс-Хилле, Новом Орлеане? И какая героическая нация не сражалась, не побеждала, не отступала и не хвасталась, в свой черед, победами? Ну, словом, британская нация была весьма взволнована своей блистательной победой при Сен-Мало. Драгоценные трофеи, захваченные в походе, были отправлены на родину и выставлены для всеобщего обозрения в Лондоне. Народ был приведен в такое возбуждение, что требовал новых лавров и новых побед, и горящая воодушевлением армия отправилась их добывать.

В этом новом походе принял участие доброволец столь высокого ранга, что мы должны отвести ему особое место среди всех прочих дилетантов как военной, так и морской службы. То был наш славный принц-моряк, его королевское высочество герцог Эдуард, доставленный на борт "Эссекса" на двенадцативесельной лодке с развевающимся на носу английским флагом, которую эскортировал адмирал на лодке с адмиральским флагом и все капитаны на других лодках в порядке старшинства.

И вот эскадра снялась с якоря, и Гарри, бодрый телом и воспламененный духом, машет шляпой друзьям, громкими возгласами напутствующим его с берега. Он, конечно, в самом недалеком будущем будет произведен в офицеры. Какие могут быть к тому препятствия? — думает Джордж. В его шкатулке достаточно денег, чтобы купить брату чин прапорщика, но если он может заслужить его примерным поведением и отвагой, не вводя никого в расход, так и того лучше. Командир полка весьма лестно отозвался о молодом новобранце; солдаты и офицеры любят его. Нетрудно заметить, что этот молодой человек храбр и далеко пойдет.

Гип-гип, ура! Вы слышали, какие замечательные вести поступили к нам на десятый день после отплытия флотилии? 7 и 8 августа войска его величества высадились на берег в бухте Марэ в двух лье к западу от

Шербура на глазах у крупных сил противника. Устрашенные появлением доблестного британского воинства, неприятельские поиски рассеялись. Шербур сдался на милость победителя, и английские флаги взвились на трех ближайших фортах. Англичане сожгли в гавани двадцать семь неприятельских судов и захватили великое множество отличных медных пушек. Простые же чугунные пушки были просто уничтожены, так же как и док (которым так похвалялись господа французы) и два мола у входа в гавань.

В Лондоне нескончаемые празднества; одновременно с пушками Шербура, захваченными Хоу, прибывают неприятельские знамена, захваченные мистером Вулфом при Луисбурге. Знамена под гром литавр и труб и под эскортом восьмидесяти лейб-гвардейцев и восьмидесяти конных гренадеров с соответственным количеством офицеров доставляются из Кенсингтона в собор Святого Павла. У западных врат собора их встречает настоятель со всем капитулом, и в то же мгновение — бум, бом, бах! — гремит пушечный салют из Тауэра и Парка! На следующий день наступает черед шербурских пушек и мортир. Это уже орудия, которые захватили мы. Полюбуйтесь на их резные орнаменты, на их дерзкие эмблемы — на лилии, короны, девизы! Вот они: "Temeraire", "Malfaisant", "Vainqueur" {"Отважный", "Опасный", "Победитель" (франц.).} (подумать только — победитель британцев) и еще множество других. Какие клики оглашают воздух, когда эти трофеи волокут по улицам! Что касается мисс Этти и миссис Ламберт, мне кажется, они твердо убеждены, что Гарри самолично захватил эти пушки все до единой, стащив их с вражеских редутов и уничтожив канониров. За последние дни он неслыханно вырос в общественном мнении. Госпожа де Бернштейн уже справлялась о нем. Леди Мария просила дорогого кузена Джорджа навеститься к ней и рассказать, если можно, что слышно о его брате. Джордж, всего два месяца назад неоспоримый глава семьи, видит, что он уже низложен и не представляет решительно никакого интереса — в глазах мисс Этти. во всяком случае. Ваша ученость, ум, ваши трагедии — все это, может быть, прекрасно, дорогой Джордж, но чего они стоят по сравнению с громкими победами и медными пушками? Джордж принимает свое низложение очень кротко. Армия британцев насчитывает пятнадцать тысяч? Так почему бы им не отправиться снова в поход и не взять штурмом Париж? Что ж тут невозможного, думают некоторые из дам. Они обнимаются, поздравляют друг друга, они вне себя от волнения. Впервые они жалеют, что сэра Майлза и леди Уорингтон нет в городе, — им не терпится нанести ее милости визит и спросить: "Что вы скажете теперь о вашем племяннике?"

Слышали вы о том, что он захватил двадцать одну прекрасную медную пушку, потопил в море сто двадцать чугунных, сжег в гавани двадцать семь судов и уничтожил док и два мола?" Весь город иллюминирован и предается ликованиям, и наши достойные дамы не отстают от других — щеки их пылают, как пурпурные знамена, а глаза сверкают, как маленькие фейерверки, зажженные в честь героя-победителя.

А затем, с грустью должен признаться, после этих солнечных дней наступает ненастье. Наши командиры, не удовлетворив своих аппетитов на пиру славы, решают, что награбленного в Сен-Мало добра им мало, а посему, пробыв некоторое время в Портсмуте и на острове Уайт, победители Шербурга снова отправляются в поход. Они высадились в бухте Сен-Лгонар, на расстоянии нескольких миль от Сен-Мало, и двинулись к нему, с тем чтобы на этот раз стереть его с лица земли. Но тут выясняется, что стоять в бухте Люнар небезопасно, и флот отходит к Сен-Ка, продолжая держать связь с наступающей армией.

Однако британского льва ждет сюрприз: Сен-Мало, который он намеревался проглотить одним глотком, обороняется французскими войсками, присланными губернатором Бретани для защиты этого славного города, и, поскольку совершить задуманный *coup de main* { Внезапный удар (франц.). } не представляется возможным, наши военачальники поворачивают обратно к своим кораблям, послушно ожидающим своих доблестных воинов в бухте Сен-Ка.

Скройся с глаз, посрамленная Слава с краской стыда на ланитах, и скрой от нас злополучный день битвы при Сен-Ка! Когда наши войска, повернув обратно, двинулись к своим судам, они обнаружили, что их преследует неприятельская армия, направленная сюда из Бреста по приказу губернатора провинции. Две трети войска и вся артиллерия были уже погружены на суда, когда французы напали на арьергард. Четыре роты первого гвардейского полка и несколько рот гренадеров были оставлены на берегу, дабы встретить неприятеля и прикрыть погрузку остального войска на суда. Лишь только французы спустились с окружавших бухту возвышенностей, гвардейцы и гренадеры ринулись им навстречу, покинув при этом занимаемую ими превосходную позицию — высокую дамбу, возведенную на берегу и дававшую большие преимущества при обороне. Таким образом, тысяче ста британцам пришлось скрестить оружие с противником в шесть, а то и в десять раз численно их превосходящим, и в скором времени их ряды дрогнули, и они бросились к лодкам с криком: "Sauve qui peut!" { Спасайся, кто может! (франц.). } Из тысячи ста сражавшихся семьсот либо были убиты, либо утонули, либо попали в плен.

Сам генерал тоже погиб... Позвольте, а где же были добровольцы? Будучи сам человеком мирной профессии, малосведущим в военных делах, я должен признаться, что мыслями моими владеют не столько сами воины, сколько те, кого они оставили дома. Гвардеец Джек и рядовой Ля Тюлип из королевского бретонского полка схватились врукопашную и стремятся проломить друг другу череп! *Von!* {Прекрасно! (франц.).} Это заложено в их натуре — как у медведей или у львов! Я не хочу сказать, что такими их создал бог, но какая-то потусторонняя сила, несомненно, приложила к этому руку. Однако при чем же тут некая девушка с Тауэр-Хилла, повисшая на шее у Джека в минуту расставания, или некая мадемуазель из Кимпе, подарившая французу *brule-gueule* {Трубку (франц.).} и кисет, когда он отправлялся в *poir trajet* {Роковой поход (франц.)}, — в чем они-то провинились, бедные трепетные сердечки, за что ниспосланы им эти печали? Нет, мое место не с теми, кто в армии, а с теми, кто остался дома. Страшно подумать, что будет с мисс Этти Ламберт, когда она узнает о бедствии, постигшем наши войска, и о резне, учиненной над гренадерами! Какая печаль и тревога сжимают сердце Джорджа Уорингтона! Каким сочувствием исполняется душа Мартина Ламберта, когда он смотрит на свою младшую дочку и читает на ее лице жалобную повесть ее страданий! Хоу, бравый коммодор Хоу, плавая на своем судне под огнем противника, подобрал в лодки не один десяток офицеров и солдат. Но еще больше их утонуло, сотни попали в плен или были убиты на берегу. А где же находится наш виргинец?

Глава LXV

Возвращение воина

О, силы небесные! Наступит ли когда-нибудь конец крикливому тщеславию людей, особенно французов? Возможно ли поверить, что после сражения у Сен-Ка, где, как всем хорошо известно, им всего-то-навсего удалось отрезать наш арьергард, они проявят такую неделикатность чувств, что не посовестятся сжечь неисчислимое количество пороху перед Домом инвалидов в Париже, похваляясь и ликуя перед лицом нашего несчастья? Великодушно ли ЭТО торжествовать и улюлюкать по поводу того, что пять-шесть сотен храбрецов оказались в руках десятитысячного войска на берегу океана, как в ловушке, и их постигла судьба всех отставших? В свое время я собирался было воссоздать достоверную картину ликования, происходившего в Лондоне по поводу нашей блистательной победы при Сен-Мало. Я хотел описать сверкающие стволы пушек, влачимых по улицам нашими доблестными матросами в сопровождении величественных конных гвардейцев; толпу зевак, бросающих в воздух шляпы, выкрикивающих приветствия, в то время как у них очищают под шумок карманы, и всю нашу пишущую братию, что взирает на эту сцену с балкона на Флит-стрит и посылает свои благословения победоносному британскому оружию. Но теперь, после того, как французский Дом инвалидов вздумал столь пошло подражать нашему Тауэру и их Сен-Ка был противопоставлен нашему Сен-Мало, меня уже не влечет к себе этот затасканный сюжет. И я говорю: *Nolo* {Не хочу (лат.)}, а не *Malo* {Предпочитаю (лат.)}, и вполне доволен тем, что Гарри возвратился, как из одного похода, так и из другого, целехонек, не получив ни единой царапины. Разве я об этом еще не упомянул? Разве я, торопясь успокоить моих юных читательниц, не поведал о том, что мой герой никогда еще за всю свою жизнь не чувствовал себя так хорошо? Свежий морской воздух покрыл загаром его щеки, и снаряд, просвистевший у него над ухом, пощадил его висок. Океан омыл его гетры и другие части туалета, не поглотив в своей бездонной пучине его тела. Он, правда, показал однажды неприятелю спину, но лишь на самый краткий срок — не дольше, чем было необходимо, чтобы скрыться из виду. И в конце концов спина есть у всех, и никто этого не стыдится, и говорить об этом следует смело, не теряя чувства юмора.

— Признаюсь вам, — рассказывал Гарри, — мы улепетывали во все лопатки! И когда наши ряды дрогнули, повезло тем, кто успел добраться до

лодок. Французы — пехота и конница — смяли нас и преследовали до самого моря рубили направо и налево и кололи штыками. Бедный Армитейдж был сражен пулей у меня на глазах и упал. Я подхватил его и потащил по воде к лодкам. Счастье еще, что матросы на нашей лодке не трусили, — ведь пули свистели у них над головой, расщепляли лопасти весел и продырявили флаг, но их командир был так невозмутим, словно его угощали не пулями, — а добрым пуншем в Портсмутской гавани, который мы с ним и распили, как только высадились на берег. А вот бедному сэру Джону не так повезло, как мне. Он отдал богу душу, не добравшись до корабля, и наши вооруженные силы потеряли доброго воина, а мисс Хоу — жениха, который был истинным джентльменом. Но на войне, как вы понимаете, не без потерь, а титул баронета получит теперь его брат,

— А я думаю об этой бедняжке, — сказала мисс Этти (которой, как я догадываюсь, излагались эти события). — Ну, и о короле. Почему король так хотел, чтобы сэра Джон Армитейдж отправился на войну? Ведь джентльмен не может послушаться приказа, исходящего от такого высокого лица. И вот он мертв! Воображаю, в каком теперь состоянии его величество!

— Можно ли сомневаться, что его величество вне себя от горя, — говорит папенька, покачивая головой.

— Вы шутите, сэра? Не хотите же вы сказать, что король Англии остается безучастен, когда сражающийся под его знаменами дворянин умирает почти что у его ног? — говорит Этти. — Если бы я рассуждала так, как вы, клянусь, мне бы оставалось только стать на сторону Претендента!

— Что ж, Темпл-Бар украсился бы хорошенькой головкой еще одной маленькой изменницы, — говорит генерал, разгадав истинный смысл ее слов и понимая, какие чувства — раскаяние, страх, благодарность за то, что опасность миновала, — заставляют бурно биться ее сердечко. — Нет, моя дорогая, — говорит он. — Какую жизнь хотите вы уготовить нашим монархам, заставляя их оплакивать каждого солдата! Я слишком высокого мнения о его величестве, чтобы приписывать ему подобное слабодушие. И я сомневаюсь, чтобы мисс Эстер Ламберт почувствовала себя счастливее, если бы корона перешла к Претенденту. Ведь этот род никогда не отличался особым мягкосердечием.

— Но разве король может не терзаться муками раскаяния после того, как он самолично послал Гарри... я хочу сказать, сэра Джона Армитейджа на войну и тот был убит? — спрашивает Этти.

— Если бы на поле боя пал Гарри, двор, несомненно, облачился бы в

траур, но поскольку он цел и невредим, леди и джентльмены были вчера в пестрых, ярких нарядах. — отвечает генерал.

— А почему бы нам не жечь фейерверков в честь поражения и не посыпать голову пеплом, облачаясь во власяницы по случаю победы? — замечает Джордж. Признаюсь, у меня совсем нет желания возносить хвалу небесам за то, что они помогли нам сжечь корабли при Шербуре.

— Неправда, ты тоже радуешься, Джордж, — говорит Гарри. — Хоть, может, и не к лицу мне так говорить, ведь ты куда умнее меня, но когда наше отечество одерживает победу, ты радуешься этому — я знаю по себе. И когда я отступаю перед французами, мне стыдно, хотя я и понимаю, что тут уж ничего нельзя поделать. Все равно, что ни говори, а по-моему, англичанам отступать как-то не пристало, — задумчиво добавляет он, и Джордж улыбается, однако воздерживается от вопроса: а что, по мнению Гарри, думают на этот счет французы? — Да, дело обернулось для нас скверно, — продолжает Гарри серьезным тоном, — только ведь могло бы быть и хуже. Многие считают, что французский губернатор герцог Эгийон действовал прямо как мокрая курица. Он мог бы отрезать нам отступление, но тут уж мы, понятно, времени даром не теряли. Я очень рад, что доблестное народное ополчение французов показало себя с наилучшей стороны, а в его рядах было немало волонтеров-дворян, которые, как и следовало ожидать, сражались в первых рядах. Говорят, что шевалье Тур д'Овернь начал бой, вопреки приказу герцога Эгийона. Нам сказали это офицеры, которые доставили генералу Блаю и лорду Хоу списки раненых и попавших в плен. Хоу теперь лорд, потому что пришло известие о гибели его брата. Но знаешь, Джордж, с титулом или без титула, а человек он храбрый.

— А его сестра была обручена с бедным сэром Джоном Армитейджем. Воображаю, каково ей сейчас! — Из груди мисс Этти вырывается вздох, — можно заметить, что последнее время она стала крайне сентиментальной.

— А его матушка! — восклицает миссис Ламберт. — Читали вы в газете обращение ее милости к избирателям Ноттингема? "Ввиду того, что лорд Хоу навеки покинул государственную службу, а подполковник Хоу находится с полком в Дуйсбурге, я полагаю своим долгом просить вас отдать ваши голоса подполковнику Хоу, дабы он мог в качестве вашего представителя занять в парламенте место своего покойного брата". Сколь мужественна эта женщина!

— Это истинная спартанка! — замечает Джордж.

— Попробовал бы кто-нибудь, будучи вскормлен молоком такой матери, не стать храбрецом! — восклицает генерал.

Братья переглядываются.

— Если бы одному из нас суждено было пасть на поле брани, защищая свою родину, оставшаяся в Спарте наша мать мыслила бы и действовала совершенно так же, — говорит Джордж.

— Если Спарта находится где-нибудь в Виргинии, то, наверное, брат прав, — говорит мистер Гарри. — И надо же, братец, чтобы так случилось — обоим нам довелось столкнуться с неприятелем и обоим нам он задал жару! — задумчиво добавляет он.

Этти смотрит на него и видит, как все это было: вот он с окровавленным телом товарища на спине, преследуемый неприятелем, бредет по колена в воде к лодкам, а вокруг свищут пули. И ведь не кто иной, как она подвергла его такой опасности! Ее слова толкнули его на это! А вернувшись, он не упрекнул ее ни единым словом! Пока его не спросят, он сам никогда и не заговорит о том, что пришлось ему испытать. Он держится с мисс Этти внимательно и с достоинством, с остальными членами ее семейства просто и сердечно. Но ее тогдашние уколы ранили его. "Ох, эта ручка, — казалось, говорит его взгляд и все его поведение, — как могла ты подняться против меня! Негоже подвергать людей насмешкам, а уж тех, кто так предан тебе и твоим близким, и подавно. Если умом я не так остер, то сердце у меня горячее, а все лучшее, что есть в этом сердце, отдано вашему семейству".

Гарри был обижен, но великодушие, с каким он предал забвению свою обиду, вернуло ему уважение мисс Этти, утраченное им за время его позорного бездействия. Теперь она отдавала ему ту дань поклонения, какую красота платит храбрости. Она больше не отвечала колкостями на его вопросы и не отпускала по его адресу насмешек. Словом, она была пристыжена, в ней произошла перемена к лучшему, это была уже новая мисс Этти.

Да и все окружающие, казалось, изменили свое отношение к Гарри, так же как он изменил свое отношение к окружающим. Он теперь уже не впадал в мрачную меланхолию, не предавался праздности или отчаянию, не терял веры в себя и не терзал своих близких. Командующий полком сказал, что он несет службу образцово, и ходатайствовал о назначении его на один из офицерских постов, освободившихся вследствие потерь, понесенных в походе. Так этот злополучный поход обернулся для Гарри удачей. Другие волонтеры по возвращении на Сент-Джеймс-стрит отзывались о нем с большой похвалой. А надо сказать, что сами волонтеры были у всех на устах, все превозносили до небес их геройство. Будь сэр Джон Армитеидж самым главнокомандующим и пади он на поле битвы в час победы,

всенародное сочувствие ему и тогда не могло бы быть выражено сильнее. Газеты пестрели статьями о нем, и множество мудрых голов и чувствительных сердец состязались друг с другом, сочиняя ему эпитафии. Все оплакивали несчастную судьбу его невесты. Она, как мы уже сказали, доводилась сестрой храброму коммодору, только что возвратившемуся из несчастливого похода и получившему титул своего старшего брата, такого же доблестного воина, как он сам, павшего на поле боя в Америке.

Стало известно, что мистер Уорингтон удостоился особенно высоких похвал лорда Хоу, и теперь, когда Лондон отдавал дань восхищения своим славным волонтерам, изрядная доля славы и почестей выпала и на долю нашего героя. Нет сомнения в том, что тысячи рекрутов проявили себя на войне ничуть не хуже; но англичане, как известно, любят свое дворянство и рады, когда оно умеет себя прославить, а посему волонтеры были единодушно провозглашены Рыцарями и Героями. Они же, снисходительно-любезно, как и полагается джентльменам, принимали эту дань всенародного поклонения. Кофейни Уайта и Ол-ыэка были иллюминированы в честь их возвращения, и Сент-Джеймс-стрит заключила в объятия своих рыцарей, а среди них находился и Гарри, который теперь снова был в полном фаворе. Все руки были радушно протянуты ему. Даже родственники поспешили принести ему свои поздравления. Из Каслвуда, который госпожа Бернштейн почтила своим пребыванием, пришло письмо, восхвалявшее его мужество, а к письму был приложен новенький банковский билет — в знак одобрения от любящей тетушки. Послание это было франкировано милордом Каслвудом, который передавал приветы обоим братьям и гостеприимно напоминал, что его загородный дом к их услугам, ежели они пожелают его посетить. И, наконец, просто по почте было доставлено еще одно письмо, написанное знакомым почерком и не без погрешностей по части орфографии, вызвавшее на устах Гарри улыбку: преданная ему кузина Мария Эсмонд сообщала, что ей всегда доставляло радость слышать похвалы по его адресу (теперь они были у всех на устах), что душой она всегда была с ним — и в счастье и в беде — и просит, что бы ни уготовила ему судьба, сохранить в своем сердце хоть крошечный уголочек для нее. Пастор Сэмпсон, писала она далее, прочитал прекрасную проповедь об ужасах войны и о благородном поведении наших мужчин, которые, презрев опасности, добровольно стали под боевые знамена отчизны. А вслед за этим пришло восторженное письмо и от самого почтенного капеллана, в котором он именовал мистера Гарри своим другом, благодетелем и достославным героем. Даже сэр Майлз Уорингтон прислал из Норфолка

корзину с дичью, и к лапке одной из птиц была привязана бумажка: сию птичку, свой первый охотничий трофей (правда, подстреленную не влет), посылал с любовью дорогому кузену малолетний мистер Майлз.

И вот уже в квартире на Саутгемптон-роу мы видим сияющее от радости лицо мистера Ламберта, явившегося проведать своих молодых друзей и сообщить им, что с минуту на минуту ожидается приказ, согласно которому мистер Гарри Уорингтон будет произведен в чин прапорщика второго батальона, входившего ранее в состав двадцатого полка Кингсли и участвовавшего в сражении, а ныне переформированного в самостоятельный полк, шестьдесят седьмой. Сам полковник Кингсли находился со своим полком во время похода. Он был далеко, у острова Кейп-Бретон и под Дуйсбургом отбивал у неприятеля те самые пушки, прибытие которых в Англию вызвало такой восторг.

Глава LXVI,

в которой кто-то ухаживает за кем-то

Я не сомневаюсь в том, что кое-кто из моих благосклонных читателей имеет привычку посещать тот прославленный сад в Риджент-парке, где предоставлен стол и кров немалому количеству наших плавающих, пернатых и четвероногих собратьев, в благодарность за что они должны выставлять себя напоказ для нашего умудрения и забавы. И там-то я — и поскольку заботы и мысли человека следуют за ним повсюду и пронизывают собой всю бурлящую вокруг него жизнь и даже самую природу — там-то я, глядя на рыб в аквариуме, и подумал о наших друзьях-виргинцах. Одно из самых бесподобно пластичных созданий, какие мне когда-либо доводилось видеть, описывающее плавные гармоничные круги в зеленоватой прозрачности бассейна, поражая стремительностью и грацией каждого движения и показывая мне то свою блестящую черную спину, то ослепительно-белое брюхо, неожиданно оказалось нашим старым, невзрачным другом — камбалой, которой каждый из нас не раз обжирался в Гринвиче, вылавливая ее из довольно мутной воды и даже не подозревая о том, какая она красotka.

С рыбами, как с людьми. Когда вы наблюдаете рыбу в ее родной стихии, она кажется вам милым, подвижным и здоровым существом, но лишите ее привычной среды, и красоты ее как не бывало, движения становятся безобразны, она нелепо колотит хвостом по бесчувственной земле, задыхается, и, обессилив, испускает дух. Осторожно возьмите ее в руки и, пока не поздно, бросьте снова в ее родную Темзу. Впрочем, довольно, есть ведь даже известная поговорка насчет рыбы в воде, и вообще ученые-естествоиспытатели сообщали миру о них ранее меня. Так

вот, Гарри Уорингтон долгое время барахтался в совершенно чуждой ему стихии. Но, как только он вернулся к более свойственному ему состоянию, сила, здоровье, энергия и бодрость духа тоже вернулись к нему и, ощутив на своих плечах эполеты, он сразу возродился к жизни. Он был в восторге от своего назначения, вникал во все мелочи своих новых обязанностей и овладевал ими жадно и быстро. Обладай я талантами моего друга Лорреквера, я бы последовал за Гарри и в лагерь, и в офицерское собрание, и на плац, и в поход. Я бы бражничал вместе с ним и с его товарищами, весело делил бы с ним ночлег в его палатке и со знанием Дела описал бы все учебные маневры и все перипетии военной жизни. Но, увы, я этих талантов лишен, и посеvu читателю придется, использовав свой личный опыт и силу своего воображения, расцветить картину, которую я могу лишь скудно набросать в самых общих чертах. Причем особенно необходимо, чтобы он отчетливо представил себе Гарри Уорингтона в его новом красном мундире с желтыми кантами, чрезвычайно довольного тем, >что он носит королевский штандарт и постигает законы своей профессии.

И поскольку каждый из братьев высоко ценил достоинства другого и охотно признавал его превосходство над собой, мы можем с уверенностью сказать: Джордж искренне гордился успехами брата и радовался, что судьба вновь стала к Гарри благосклонна. Он отправил нежное послание матери в Виргинию, пересказав в нем все похвалы, какие он слышал по адресу Гарри, зная, что по врожденной скромности брат ни при каких обстоятельствах не повторит их сам. Описав, как Гарри собственными усилиями заслужил свой первый офицерский чин, он испрашивал у матери разрешения принять участие в расходах по дальнейшему продвижению его по службе.

Ничто на свете, писал Джордж, не может доставить ему большей радости, чем возможность помогать брату, и особенно после того, как сам он, внезапно восстав из мертвых, в сущности, лишил Гарри наследства, которое тот законно считал своим. Пребывая в этом заблуждении, Гарри позволил себе такие расходы, о каких никогда бы и не помыслил, зная он, что не является наследником. А посему Джордж считает только справедливым, как бы в благодарность за свое спасение, всячески споспешествовать брату в его продвижении в жизни.

Покончив с вопросом о своем участии в делах Гарри и пользуясь случаем поговорить о собственных делах, Джордж пишет досточтимой матушке о том, что глубоко волнует его самого. Как ей известно, самых лучших друзей в Лондоне Джордж и Гарри приобрели в лице добрых мистера и миссис Ламберт; последняя была в детстве школьной подружкой

госпожи Эсмонд. В то время как кровные родственники выказали бездушие и безучастие, Ламберты, эти истинные друзья, были всегда великодушны и добры. Вся армия уважает генерала, и он окружен всеобщей любовью. Миссис Ламберт проявляет самую трогательную материнскую заботу о сыновьях госпожи Эсмонд, а теперь и он, Джордж, проникся нежными чувствами к старшей мисс Ламберт, от благосклонности которой зависит счастье его жизни, и просит досточтимую матушку дать благословение на их союз. Он еще не сделал предложения ни самой мисс Ламберт, ни ее родителям, но вместе с тем и не старался утаивать свои чувства, и ему кажется, что как сама молодая особа, так и ее родители расположены к нему. Отношение мисс Ламберт к своей матери столь безупречно, столь превыше всех похвал, что он не сомневается — она будет такой же безупречной дочерью и для его матери. Словом, мистер Уорингтон представил сию молодую особу верхом совершенства и выразил твердую уверенность в том, что обладание ею сделает его счастливейшим из смертных, без нее же он будет несчастен до конца дней своих.

А почему же вы не опубликуете этого письма, спросит, пожалуй, какой-нибудь чувствительный читатель у Издателя, услышав его признание, что вся переписка Уорингтона попала к нему в руки. Почему? Да потому, что это жестоко — выбалтывать сердечные тайны молодого влюбленного, подслушивать его бессвязные клятвы, его исступленные восторги и хладнокровно заносить на бумагу маленькие секреты, а порой, быть может, — и безрассудства его страсти. К лицу ли нам подслушивать в сумерках под окном чьи-то вздохи, подсчитывать пожатия руки, собирать в пузырек жаркие слезы, прикладывать стетоскоп к нежной девственной груди и проверять биение сердца? Нет, я, со своей стороны, решительно заявляю: любовь священна. Когда бы мы ни заметили (а это порой случается и в наше время), как она вдруг сверкнет в двух парах глаз, или засияет сквозь дымку печали в чьем-то одиноком взоре, или отразится во взгляде матери, устремленном на лежащее у нее на коленях дитя, или в глазах отца, взирающего на счастливое лицо дочери, когда она в танце проносится по зале в объятиях капитана, или в глазах Джона Андерсона, когда его пожилая супруга, *la bonne vieille* {Добрая старушка (франц.)} и для него по-прежнему несравненнейшая из женщин, входит в комнату, — всякий раз, говорю я, видя эти знаки привязанности, мы должны обнажить голову. И если негоже после поцелуя говорить о поцелуе, то тем паче негоже рассказывать о чужих поцелуях. Всякий, кто был посвящен в эту тайну, обязан молчать о ней. Стыд тому, кто *Deae sacrum vulgarit arcanae* {Нарушит богини тайны святые (лат.)}. Поостерегитесь сесть с ним за

стол, — он обнаружит в газетах вашу беседу, и можно не сомневаться, что, окажись вы на одном корабле, столкнет вас за борт.

В то время как воинственный дух Гарри увлекал его туда, где пахнет порохом, и он отважно бросался на "драконов" и выносил из огня раненых товарищей по оружию, Джордж предавался куда более приятным для него, мирным радостям: он писал сонеты, восхвалявшие брови его возлюбленной, или прохаживался в полночь под ее окном, глядя на огонек, мерцающий в ее комнате, или изобретал всевозможные предлоги для отправки коротеньких записочек, мало рассчитанных на ответ, но неизменно их порождающих, или выбирал лучшие строки из стихов своих любимых поэтов и лучшие цветы из цветников Ковент-Гардена для услаждения слуха и украшения наряда некой особы, или направлялся в церковь святого Иакова, где пел псалмы, заглядывая в один с нею молитвенник, и, поглощенный совсем иными думами, не слышал ни единого слова проповеди. Он проявлял нежнейшее внимание ко всему семейству Ламберт — к маленьким школьникам — братцу и сестрице, к старшему — студенту, к мисс Этти, с которой он соревновался в остроумии, и, наконец, — к маменьке, которая, по словам мистера Ламберта, сама была к нему чуточку равнодушна, ибо если отцы порой несколько угрюмо встречают появление будущего зятя, то кто станет отрицать, что матери впадают в этих случаях в сентиментальность и как бы заново переживают дни своей первой любви!

Гамбо и Сейди неустанно бегают с Саутгемптон-роу на Дин-стрит и обратно. Каких только развлечений и пикников не изобретается в летние месяцы; без конца поступают приглашения отправиться то в Раниле, то в Хемстед, то в Воксхолл, то в Мэрибон-Гарденс... Да разве все перечислишь! Джорджу хочется, чтобы его знаменитую трагедию кто-нибудь переписал для театра, а кто же может похвалиться таким красивым почерком, как у мисс Тео? Листки пьесы летают туда и сюда в сопровождении записочек с изъявлением благодарности, удивления, восторга. Вот перед нами пакет, надписанный аккуратным почерком Джорджа Уорингтона: "Письма Т., 1758-1759". Можем ли мы вскрыть его и сделать всеобщим достоянием нежные тайны сердца? Эти невинные слова любви предназначались для единственных ушей в мире. Много лет спустя супруг, быть может, перечтет любовные признания, сделанные возлюбленному, и сердце его пронзит сладкая боль воспоминаний. Было бы кощунством позволить чужим глазам коснуться этих строк, и я прошу благосклонного читателя просто поверить мне на слово, что письма молодой особы были скромны и целомудренны, а письма молодого

человека — почтительны и нежны. Итак, мы, как вы видите, раскрыли очень немного, и нам остается только добавить: по прошествии нескольких месяцев мистер Джордж Уорингтон уже не сомневался, что он встретил лучшую и несравненнейшую из всех женщин на земле. Быть может, она не была красивейшей из них. Да, быть может, кузина Флора, и Целия, и Арделия, и сотни еще других несравненно красивее, но ее милое личико ему милее всех; быть может, она и не так умна, как некоторые, но ее голос приятнее и слаще для его слуха, чем всякий другой, и в ее обществе он чувствует себя самым умным, в его голове рождаются такие прекрасные, возвышенные мысли, он становится так красноречив, так благороден, так великодушен, так остроумен, что сам приходит от этого в восторг. А в отношении молодой особы мы можем быть совершенно уверены (ведь упаси меня бог быть столь дурного мнения о женщинах, чтобы ждать от них трезвых оценок), что не существует такой добродетели, — не говоря уже об уме, здравомыслии, красоте, нравственности и отваге, — какой бы она не наделяла своего героя. Нетрудно себе представить, какое волнение произвело письмо Джорджа в тесном кружке друзей, собирающихся у камина госпожи Эсмонд. Итак, он влюблен и собирается жениться! Что ж, это вполне естественно и уберезет его от соблазнов. Если он решил соединить свою судьбу с девушкой, воспитанной в христианском духе, госпожа Эсмонд не видит в этом никакой беды.

— Я знала наперед, что они начнут охотиться за ним, — сказала Маунтин. — Они воображают, что его состояние так же огромно, как его поместье. Он не пишет, есть ли у этой молодой особы приданое, — боюсь, что ни гроша.

— Думается мне, что и здешние людишки тоже постарались бы подцепить мистера Эсмонда-Уорингтона, — сказала госпожа Эсмонд, угрюмо поглядев на свою нахлебницу. — Они бы живо расставили на него силки, чтобы женить на своих дочках, которые, быть может, нисколько не богаче мисс Ламберт.

— Надо полагать, что ваша милость намекает на меня! — воскликнула Маунтин. — Моя Фанни действительно, как вы изволили заметить, бедна, и очень любезно с вашей стороны, что вы не забываете мне об этом напоминать!

— Я сказала только, что и здесь найдутся люди, которые будут стараться поймать его в свои сети, а если и вы умеете их расставлять, tant pis {Тем хуже (франц.)}, как говаривал мой отец.

— Вы, следовательно, думаете, сударыня, что я строю планы женить Джорджа на моей дочери? Премного вам благодарна! Хорошего вы о нас

мнения, нечего сказать, после стольких лет, прожитых вместе!

— Моя дорогая Мауптин, я слишком хорошо вас знаю, чтобы предположить, что вам может взбрести в голову, будто ваша дочь подходящая пара для джентльмена такого знатного рода и высокого положения в свете, как мистер Эсмонд, — с большим достоинством произнесла хозяйка Каслвуда.

— Фанни Паркер была в школе ничуть не хуже Молли Бенсон, и дочь мистера Маунтина нисколько не хуже дочери мистера Ламберта! — воскликнула миссис Мауптин.

— Значит, вы и в самом деле думали женить на ней моего сына? Я напишу об этом мистеру Эсмонду-Уорингтону и сообщу, как я опечалена тем, что ему пришлось так вас разочаровать, — заявила госпожа Эсмонд, и нам, со своей стороны, остается только предположить, что миссис Мауптин действительно лелеяла честолюбивые мечты и была разочарована, — иначе чем объяснить, что она была так раздосадована известием о предстоящей женитьбе мистера Уорингтона?

В своем ответном письме сыну госпожа Эсмонд писала, что ее радует проявленная Джорджем горячая привязанность к брату и будет в какой-то мере справедливо вознаградить Гарри, который, в силу обманчивых расчетов, позволил себе вести более широкий образ жизни, чем было бы уместно, зная он, что его старший брат жив. Что же касается покупки ему офицерского чина, то она с радостью возьмет на себя половину расходов, но ей отраднее думать, что первый офицерский чин Гарри сумел добыть сам, благодаря своей отваге. Во всяком случае, по мнению госпожи Эсмонд, такое употребление денег Джорджа куда более разумно, нежели трата их на некоторые сумасбродства, коих она не хочет касаться.

Сумасбродством, на которое намекала госпожа Эсмонд и с которым она никак не могла примириться, была выплата выкупа семье французского капитана. Натуре госпожи Эсмонд была свойственна неуступчивость, унаследованная от нее и сыном, только на ее языке это его свойство называлось гордостью и упрямством. О том же, как она расценивала свою собственную неуступчивость, ее биограф не берется судить, будучи отделен от нее слишком большим отрезком времени. Замечу только, что люди, жившие сто лет назад, во многом были схожи со своими правнуками, живущими в наши дни, и так же любили настоять на своем и подчинить других своей воле.

Произведя кое-какие подсчеты, Джордж пришел к выводу, что выплата выкупа и половины той суммы, которая требовалась для производства Гарри в чин, вместе с покрытием его долгов, поглотит довольно

значительную часть наследства; тем не менее он с легким сердцем готов был пойти на эту жертву. Его добрая матушка в письмах своих настойчиво советовала ему не забывать о том, кто был его дед, и с подобающим блеском поддерживать честь семьи. Она давала ему разнообразные поручения, в соответствии с которыми он должен был закупать в Англии те или иные товары, и хотя приходившие от нее по почте денежные переводы были пока что весьма ничтожны, неустанно напоминала ему о высоком положении рода Эсмондов и выражала надежду, что он ни в чем не уронит достоинства этого прославленного семейства; она так часто предлагала ему посещать избранные круги общества, появляться при дворе, где все привыкли видеть его предков, и вести светский образ жизни, соответствующий тому громкому имени, которое он носит, что у Джорджа ни на секунду не возникало сомнения, что необходимые на это средства будут незамедлительно получены им от матери, как только его собственные иссякнут, и он послушно следовал ее наставлениям и строил свой образ жизни, исходя из них. В бумагах Эсмонда, относящихся к этому периоду, я нахожу счета за пышные светские приемы, счета портных за придворные костюмы и ливреи для его слуг-негров и носильщиков портшеза, расписки барышников и прочее, и тому подобное и посему склонен думать, что и старший из братьев-виргинцев в течение какого-то времени жил на весьма широкую ногу.

Он не был, конечно, так безрассуден и расточителен, как его брат, и не убивал все свое время за карточным столом или на скачках. Однако он принимал широко, его выезд был богат, кошелек всегда полон, поместье, которое он должен был унаследовать, считалось огромным. Я упоминаю об этих обстоятельствах потому, что они, вероятно, могли в какой-то мере повлиять как на поведение самого Джорджа, так и на поведение его друзей в том вопросе, по поводу которого, как я уже сказал, велась его переписка с матерью. Юный виргинский престолонаследник путешествовал для своего удовольствия и усовершенствования по заморским краям. Королева, его мать, находясь в ежедневной переписке с его высочеством, неустанно повелевала ему вести себя соответственно своему высокому положению. Ее письма не оставляли сомнения в том, что ему подобает жить широко и пышно. По указанию своей родительницы он постоянно делал всевозможные покупки. Пока что она еще не расплатилась по своим счетам, но тем не менее с последней почтой от нее поступил заказ на двенадцать новых комплектов фургонной упряжи и механический орган, исполняющий четырнадцать псалмов. Все эти предметы были Джорджем безотлагательно закуплены. Правда, маменька еще не покрыла его расходов

и, быть может, покроет их не сегодня и не завтра, но рано или поздно она, конечно, расплатится сполна, думал Джордж, и ему даже в голову не приходило делиться с кем-нибудь из своих друзей этими соображениями и обсуждать хозяйственные дела матери. Они же, со своей стороны, не подвергали сомнению, что он располагает свободными средствами и достатком, и хотя ни мистер, ни миссис Ламберт не были людьми корыстными, они, само собой разумеется, не могли не радоваться, видя растущую взаимную привязанность их дочери и этого молодого человека из хорошей семьи, воспитанного в твердых правилах, одаренного и к тому же с видами на большое наследство. Во всех словах и поступках мистера Эсмонда-Уорингтона проявлялась глубокая честность его натуры, а умение в любом случае жизни держаться просто и вместе с тем с достоинством свидетельствовало о том, что он истинный джентльмен. Он мог быть холоден и даже несколько надменен с незнакомыми людьми, особенно из великосветского круга. Однако в нем не было и тени высокомерия; с дамами он был неизменно любезен, а с теми людьми, к которым чувствовал сердечное расположение, — необычайно добр, мягок, внимателен и ласков.

Не удивительно, что одна известная нам юная девица привыкла считать его самым лучшим человеком на свете — даже, увы, не исключая папеньки. Пылкая любовь мужчины делает его лучше всех других в глазах женщины. Мы, мне кажется, уже упоминали о том, что Джордж даже сам диву давался, когда, беседуя с неким прелестным созданием, чье сердце безраздельно было отдано ему, замечал, как он становится умен, остроумен, красноречив... Снова скажу: мы не станем подслушивать их любовный шепот. Эти нежные слова омертвляют, будучи перенесены на бумагу. Прошу вас, сударь, и вас, сударыня, если сердце ваше не лишено чувствительности, отложите эту книгу и поразмышляйте кое о чем. Может быть, в ваши преклонные лета вы все-таки еще не все забыли? Прошлое ушло, погребено в могиле, но вот наступает некий миг, и воспоминания внезапно встают из гроба, и вам, как в былые времена, слышится чей-то шепот, и видится чей-то проникающий в душу взгляд, и улыбка, и чья-то рука в вашей руке, и чьи-то слезы пролились на вашу грудь. Прошлое здесь, оно ожило, сказал я? О нет, оно далеко, о, как далеко! О одинокое сердце, о холодный пепел воспоминаний! Сосуд цел, но роза увяла; мы здесь, на берегу, а корабль нашего прошлого уже поднял якорь и навеки скрылся из глаз.

И так далее, и так далее, и тому подобное. Все это, однако, не более как сентиментальность, а к Джорджу и Тео не имеет никакого отношения. Я, собственно говоря, хотел только заверить вас в том, что родители мисс

Тео были вполне довольны описанным нами положением дел, и хотя мистер Уорингтон еще не задал решающего вопроса, всем уже было ясно, какой последует на него ответ.

Возможно, маменьке Ламберт казалось, что вопрос этот уже давным-давно можно было бы задать.

— Чепуха, моя дорогая! — сказал генерал. — Куда нам спешить? Тео едва сравнялось семнадцать; Джорджу, если я не ошибаюсь, нет сорока. К тому же ему еще надо написать матери в Виргинию и испросить у нее благословения, а на это тоже потребуется время.

— А что, если она не даст согласия?

— Это будет черный день для всех нас, — отвечал генерал. — Скажем лучше так: а что, если она согласится? По правде сказать, моя дорогая, я не думаю, чтобы у кого-нибудь хватило духу отказать Тео, когда она крепко чего-то захочет, а по-моему, она очень хочет этого брака.

А пока в ожидании ответа госпожи Эсмонд все пребывали в большом волнении и страхе — как бы французские каперы не захватили пакетбот, который должен был доставить драгоценное послание.

Глава LXVII,

в которой на сцене разыгрывается трагедия и намечаются еще две

Полковник Джеймс Вулф, новый командир Гарри Уорингтона, возвратился из Америки спустя две-три недели после того, как виргинец поступил в полк. До этого Вулф служил в чине подполковника под началом Кингсли и в награду за храбрость, проявленную им на Кейп-Бретон, был назначен командиром второго, только что сформированного батальона. Гарри, преисполненный искреннего уважения и симпатии, отправился представляться своему новому командиру, на которого теперь возлагались большие надежды, ибо все прочили его в великие полководцы. Во время последних военных действий во Франции немало офицеров, пользовавшихся хорошей репутацией, не оправдали ожиданий. Герцог Мальборо не показал себя достойным преемником своего великого предка, военный же гений лорда Джорджа Сэквилла подвергался сомнению еще до того, как его неудачные действия под Минденом помешали англичанам одержать блистательную победу. Страна жаждала военной славы, и министр лихорадочно искал военачальника, который мог бы осуществить страстную мечту народа. Мистер Вулф и мистер Ламберт оба задержались в Лондоне по делам, дружеские встречи их возобновились, и успехи молодого офицера искренне порадовали его старшего друга.

Гарри в свободное от службы время не уставал слушать рассказы мистера Вулфа о военных операциях минувшего года, которые тот

описывал правдиво, без прикрас. Вулфу свойственно было открыто и щедро делиться своими мыслями. Его отличала та высокая простота, которая впоследствии была присуща Нельсону: о своих воинских подвигах он судил вполне беспристрастно. Некоторые важные особы из Сент-Джеймского дворца могли взирать на него с удивлением и насмешкой, но в тесном кругу своих друзей он, без сомнения, всегда находил восторженных слушателей. Молодому генералу во многих отношениях был присущ юношеский романтизм. Он увлекался музыкой и поэзией. В день своей гибели он сказал, что "Элегия" Грея стоит выигранного сражения. Вполне понятно, что у нашего друга Джорджа нашелся общий язык с человеком, столь преданным литературе, а поскольку оба они были влюблены, и пользовались взаимностью, и жаждали познать всю полноту счастья, можно не сомневаться, что между ними состоялось немало душевных бесед, и для нас было бы очень заманчиво описать их, если бы мы располагали достоверными о них сведениями. Впоследствии в одном из своих писем Джордж Уорингтон писал:

"Я имел честь лично знать знаменитого генерала Вулфа и не раз встречался с ним во время его последнего пребывания в Лондоне. Наши беседы были сосредоточены тогда вокруг одного предмета, представлявшего для нас обоих неослабевающий интерес, и его откровенность, простота и какая-то особенная простодушная смелость, не говоря уже о его прославленной храбрости, неизменно приводили меня в восхищение. Он был страстно влюблен и жаждал новых и новых побед, дабы сложить к ногам своей возлюбленной груды лавровых венков. "Если домогаться славы и почестей — грех, — любил он повторять слова Генриха V (он был горячим поклонником поэзии и драмы), — то я самый большой грешник на земле". И в свой последний день ему суждено было упиться такой славой, которая могла бы утолить самую неукротимую жажду. А он был полон этой жажды. Он казался мне не просто солдатом, исполненным решимости выполнить свой долг, — скорее, он был похож на рыцаря, ищущего встречи с драконами и великанами. Моя родина дала теперь миру военачальника совсем иного склада, чей гений являет полную ему противоположность. Не знаю, что вызывает во мне большее восхищение: рыцарственный пыл британца или поистине римская твердость нашего прославленного виргинца".

Поскольку дела мистера Ламберта все еще удерживали его в Лондоне, его семейство охотно оставалось вместе с ним, и надо полагать, что сельская тишина Саутгемптон-роу и прекрасные цветники и деревья Бедфорд-Гарденс были столь приятны мистеру Уорингтону, что он отнюдь

не стремился надолго отлучаться из Лондона. Он совершил паломничество в Каслвуд, где ему была отведена комната, о которой не раз упоминал его дед, ибо она служила спальней полковнику Эсмонду в детстве; Джордж был вполне любезно принят теми членами семьи, какие оказались на месте, и провел там несколько дней. Впрочем, не может быть сомнения в том, что гораздо больше удовольствия он получил от пребывания в Лондоне вблизи некой молодой особы, чье общество было ему приятнее всего, что могло предоставить семейство лорда Каслвуда, хотя дамы были с ним любезны, а леди Мария особенно благосклонна и совершенно очарована трагедией, которую сам Джордж и капеллан Сэмпсон прочитали дамам вслух. Капеллан не уставал восторженно восхвалять трагедию, и в конце концов именно благодаря его хлопотам, а отнюдь не стараниями мистера Джонсона, пьеса Джорджа Уорингтона увидела свет рампы. Правда, мистер Джонсон настойчиво предлагал пьесу в "Друри-Лейн" своему другу мистеру Гаррику, но мистер Гаррик к этому времени уже заключил соглашение с знаменитым мистером Хоумом, автором "Дугласа", на постановку его новой трагедии, в результате чего "Карпезан" был отнесен мистеру Ричу в "Ковент-Гарден" и принят им к постановке.

Вечером в день премьеры мистер Уорингтон устроил для своих друзей угощение в "Голове Бедфорда" в Ковент-Гардене, откуда они все вместе отправились в театр, оставив автора с двумя-тремя друзьями в кофейне, куда время от времени прибегал кто-нибудь из театра поделиться впечатлениями. Роль Карпезана исполнял Барри, старого дворянина — Шутер; Реддиш, как вы легко можете догадаться, был словно создан для роли Ульрика, а роль короля Богемии исполнил молодой актер из Дублина, некто мистер Кьюхэган или Хэган, как его величали в театральном мире, вызвавший всеобщее одобрение и своей внешностью, и исполнением. Миссис Уоффингтон в первом акте выглядела несколько староватой для героини, но зато в четвертом акте, в сцене убийства (по поводу которой было высказано немало сомнений), потрясенная ужасом публика ревела от восторга. Мисс Уэйн исполнила за сценой балладу, которую поет паж короля в тот момент, когда несчастной жене рубят голову. Барри, по всеобщему признанию, был поистине ужасен и трагичен в роли Карпезана, особенно в сцене казни. Изящество и грация молодого актера Хэгана были награждены бурными аплодисментами. Постановка была очень изысканно осуществлена мистером Ричем, хотя кое-кто выразил сомнение по поводу того, стоило ли режиссеру в сцене последнего марша янычар выводить на сцену своего любимого слона, уже знакомого публике по разным пантомимам; слона вел в поводу один из чернокожих слуг мистера

Уорингтона, обряженный турком, в то время как другой его чернокожий слуга, сидя в ряду, отведенном для лакеев на галерее, оглушительно рыдал и аплодировал через положенные промежутки времени.

Кульминационным пунктом трагедии была казнь Сибиллы, и, как только ей отрубили голову, друзья Джорджа вздохнули свободно, и в кофейню один за другим стали прибывать гонцы с известием об огромном успехе трагедии. Мистер Барри под гром аплодисментов объявил, что спектакль будет неоднократно повторен, и сообщил, что пьеса написана молодым автором из Виргинии, впервые пробуящим свои силы на драматургическом поприще.

Нельзя не пожалеть о том, что мы не могли находиться во время представления в ложе вместе со всеми нашими друзьями и видеть, как трепетала и волновалась Тео, когда успех пьесы стал казаться сомнительным, и как запылали ее щечки и засверкали глазки, когда победа, одержанная автором, стала очевидной. Во время небольшой неполадки в четвертом акте Гарри смертельно побледнел — стал бледнее, по словам миссис Ламберт, чем Барри, несмотря на все его белила. Но если бы сам Бриарей мог хлопать в ладоши, едва ли даже он смог бы произвести больше шума, чем наш Гарри по окончании представления. Мистер Вулф и генерал Ламберт с воодушевлением кричали "ура". Миссис Ламберт, понятное дело, плакала, и хотя Этти и спросила: "Почему вы плачете, маменька? Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь из них воскрес. Вы ведь знаете, что они получили по заслугам", — но тем не менее сама она была в не меньшем восторге, чем все остальные, не исключая малыша Чарли, отпущенного на этот вечер домой доктором Крузиусом, и мисс Люси, доставленной по случаю столь торжественного события из пансиона. Лорд Каслвуд присутствовал на представлении вместе со своей сестрой леди Марией и поднялся из ложи на сцену, дабы принести свои поздравления мистеру Барри и другим актерам, а капеллан Сэмпсон был неоценим в задних рядах партера, откуда он руководил рукоплесканиями, заранее, как мне кажется, приказав Гамбо, сидевшему на галерее, не спускать с него глаз и повторять все, что он будет делать.

Можете не сомневаться, что друзья мистера Уорингтона очень весело отужинали с ним в этот вечер, — куда веселее, чем, скажем, друзья мистера Гаррика, который имел довольно сомнительный успех со своей пьесой "Агис" и с ее унылыми хорами и должен был еще раз почувствовать, как много он потерял, отдав предпочтение трагедии мистера Хоума перед произведением нашего молодого автора. Весело отужинали, сказал я? Да, веселых ужинов было немало. Мистер Гамбо устроил вечеринку для всех

джентльменов ливрейного сословия, которые так дружно способствовали успеху шедевра, созданного его хозяином; мистер Генри Уорингтон дал ужин в "Звезде и Подвязке" на Пэл-Мэл десяти офицерам своего нового полка, прибывшим в Лондон с единственной целью оказать поддержку Карпезану, и, наконец, мистер Джордж Уорингтон дал прием, на котором присутствовали три главных актера, занятых в трагедии, семейство его друзей из ложи бенуара, мистер Джонсон и его талантливый друг живописец мистер Рейнольде, лорд Каслвуд с сестрой и еще несколько лиц. Соседом леди Марии за столом был молодой актер, исполнявший роль короля. Сам мистер Уорингтон каким-то образом оказался рядом с мисс Тео и, надо думать, провел весьма приятный вечер в ее обществе. Ужин прошел оживленно, в самом сердечном духе, а когда стали провозглашать тосты, леди Мария предложила тост за "короля Венгрии". Сей весьма пылкий и весьма красноречивый джентльмен, отличавшийся чрезвычайно изысканными манерами, — и, как выяснилось, не только на подмостках, — в ответ на это заявил, что, хотя в этот вечер ему уже довелось один раз испытать смерть, он надеется еще не раз умереть на том же поле битвы. Однако, независимо от того, будет ли он жить или умрет, ему известно теперь, чьим преданным и покорным слугой желал бы он остаться на всю жизнь. Ах, если бы подлинная корона венчала его голову, а не эта картонная диадема, украшенная мишурой! С каким восторгом сложил бы он ее к ногам ее милости! Ни сам лорд Каслвуд, ни мистер Эсмонд-Уорингтон не были в восторге от столь чрезмерной галантности этого господина, приписав ее отчасти, и, по-видимому, не без оснований, вину и пуншу, которым тот усердно отдавал должное. Тео и ее сестра, мало бывавшие в свете, казалось, были несколько испуганы чрезмерно решительными манерами мистера Хэгана, но леди Мария, куда более опытная в этих делах, приняла их как должное. Был уже довольно поздний час, когда джентльмены проводили дам до карет, после чего некоторые из гостей возвратились к столу, и в конце концов Карпезана пришлось унести в портшезе, короля Венгрии сразила свирепая мигрень, а сам автор на следующий день, хотя и припоминал смутно, что произнес огромное количество тостов и речей, был все же крайне удивлен, когда в доме у него появилось с полдюжины гостей, которых, как оказалось, он пригласил накануне поужинать с ним еще разок.

Когда Джордж усаживал миссис Ламберт и ее дочерей в карету, дамы были чрезвычайно взволнованы и приятно возбуждены; они громко выражали свой восторг, и, само собой разумеется, наш герой на другой же день посетил их, дабы поговорить о пьесе, о публике, о зрителях, об

актерах и — снова и снова — о достоинствах пьесы. Миссис Ламберт не раз приходилось слышать, что театральные дивы — опасное общество для молодых людей. Она выразила надежду, что Джордж будет благоразумен и не станет слишком часто посещать уборные актрис.

Джордж сначала отвечал с улыбкой, что у него есть надежное средство против театральных соблазнов и потому он их нисколько не боится: говоря это, он глядел Тео прямо в глаза, словно в них-то и скрывался тот талисман, который должен был убересть его от всех искушений,

— А чего ему бояться, маменька? — простодушно спросила дочка, далекая от всяких мыслей о пороке и зле.

— Конечно, моя дорогая, я не думаю, чтобы ему что-нибудь угрожало, сказала миссис Ламберт, целуя дочь.

— Не думаете же вы, что мистер Джордж может влюбиться в эту размалеванную старуху, исполнявшую главную роль? — спросила мисс Этти, презрительно тряхнув головой. — Она же ему в матери годится.

— Скажите на милость, а ты, значит, считаешь, что дамами нашего возраста уже никто не может заинтересоваться или что у нас нет сердца? спросила задетая за живое маменька. — Думаю, — вернее сказать, надеюсь, и даже уверена, — что ваш отец, мисс Этти, придерживается другого мнения. Он, как мне кажется, вполне доволен. Он не позволяет себе насмешек над возрастом, как некоторые молодые особы только-только со школьной скамьи. Им, как видно, было бы полезно снова посидеть там и подтвержде запомнить пятую заповедь — вот что я вам скажу, мисс Этти!

— Чем же это я нарушила пятую заповедь — я ведь только сказала, что эта актриса годится Джорджу в матери, — возразила Этти.

— А мать Джорджа одного возраста со мной, мисс! Во всяком случае, в школе мы были ровесницами. А Фанни Паркер — она теперь миссис Маунтин — была на семь месяцев старше, и мы посещали французские классы вместе, и я никак не ожидала, что наш возраст может стать предметом пересудов и насмешек наших собственных детей, и соблаговолите в дальнейшем от этого воздержаться! А вы, Джордж, вы тоже находите вашу матушку очень старой?

— Я счастлив, что моя матушка одного возраста с вами, тетушка Ламберт, — с чувством произнес Джордж.

Сколь неисповедимы пути чувства и загадочны причуды рассудка! Нередко случается, что в период, предшествующий свадьбе, женихи прямо-таки влюбляются в своих будущих тещ! Наш добрейший генерал клялся и божился и, прямо надо сказать, не без оснований, что он ревнует. Ни одному члену своего семейства миссис Ламберт не уделяла такого

внимания, как Джорджу. Она неусыпно следила за тем, чтобы Тео при встречах с ним всегда была одета к лицу; она была необычайно нежна со своей старшей дочкой и то и дело старалась привлечь ее внимание к Джорджу: "Ты не находишь, что он сегодня прекрасно выглядит?", "Тебе не кажется, Тео, что он сегодня как-то бледен?", "Ты не думаешь, что он слишком засиживается над своими книгами по вечерам?" — и так далее, и тому подобное. А стоило мистери Джорджу схватить простуду, как она принималась варить ему овсяную размазню и настаивала на горячей ножной ванне. Она посылала ему всевозможные микстуры собственного изготовления. В его отсутствие она не уставала говорить о нем с дочерью, и, не скрою, предмет этот был мисс Тео весьма по душе. Когда же Джордж появлялся, неизменно оказывалось, что присутствие миссис Ламберт безотлагательно требуется где-то в другом конце дома, и она просила Тео занять гостя до ее возвращения. Но почему всякий раз, прежде чем войти в комнату, она так громко объясняла что-то за дверью младшим детишкам, или переговаривалась с прислугой, находившейся в верхних комнатах, или еще с кем-нибудь? Разве, когда она снова появлялась в комнате, мистер Джордж не сидел или не стоял на весьма почтительном расстоянии от мисс Тео,.. за исключением, пожалуй, того единственного случая, когда Тео как раз в эту минуту уронила ножницы и он, естественно, должен был наклониться, чтобы их поднять. Но почему же мисс Тео покраснела? Впрочем, для чего же розы, как не для того, чтобы расцвести весной, и для чего юные ланиты, как не для того, чтобы на них вспыхивал румянец? Да, кстати сказать, маменька никогда и не замечала этого румянца, а принималась непринужденно болтать о том, о сем, усаживаясь за свой рабочий столик и сияя от счастья.

Но вот наконец из Виргинии прибыло послание, написанное хорошо знакомым аккуратным почерком госпожи Эсмонд, и Джордж, трепеща и заливаясь краской, вскрыл конверт. В послании содержался ответ на письмо, которое он отправил домой, поведав в нем о своем чувстве к мисс Ламберт и высказав соображения по поводу приобретения офицерского чина для брата. Это его намерение в отношении Гарри получило полное одобрение госпожи Эсмонд. Что же касается его предполагаемой женитьбы, то вообще она не против ранних браков, писала маменька. Она понимает, что нарисованный им портрет мисс Ламберт сделан рукой влюбленного, и надеется, ради его собственного блага, что эта молодая особа обладает всеми теми достоинствами, которые он ей приписал. Денег, как явствует из письма, у нее, по-видимому, нет, и это чрезвычайно прискорбно, так как, несмотря на то, что их земельные владения очень

велики, свободных денег у них в семье тоже не так-то много. Однако, с божьей помощью, в доме у нее денег хватит на ее детей и на детей ее детей, и с женами своих сыновей она всегда готова поделиться всем, что у нее есть. Когда она получит более подробное известие от мистера и миссис Ламберт, то, в свою очередь, напишет им более подробный ответ. Она не хочет скрывать, что лелеяла более смелые мечты, ибо ее сын с его именем и видами на будущее мог бы просить руки первой невесты в стране, но раз уж небесам угодно, чтобы выбор его пал на дочь ее старинной подруги, она дает согласие на брак и примет жену Джорджа, как свое родное дитя. Письмо это будет доставлено мистером Ван ден Босхом из Олбани, который совсем недавно приобрел большое поместье в Виргинии и отправляется в Англию, чтобы поместить свою внучку в пансион. Она — писала про себя госпожа Эсмонд — никогда не была корыстолюбива, и если ей желательно, чтобы ее сыновья оказали мистеру Ван ден Босху всяческое внимание, то это вовсе не потому, что его внучка является наследницей очень большого состояния. Поместья их расположены рядом, и если бы Гарри обнаружил в этой молодой особе те качества души и ума, которые принято считать первостепенно важными для спутницы жизни, для его матери было бы большим утешением на склоне дней видеть обоих своих детей возле себя. В заключение госпожа Эсмонд передавала самый нежный привет миссис Ламберт и выражала надежду получить от нее письмо, а молодой особе, которая должна стать ее нареченной дочерью, посылая свое благословение.

Письмо не отличалось сердечностью, и автор его, по-видимому, был не слишком доволен полученным известием, но так или иначе, формальное согласие было дано, и Джордж с долгожданной вестью в кармане помчался в Сохо. Надо полагать, что наши достойные друзья прочли эту весть при первом взгляде на его лицо, иначе почему бы, как только Джордж провозгласил, что письмо из дома получено, миссис Ламберт, сжав руку дочери, поцеловала ее с таким необычайным жаром? Сообщив эту весть, Джордж страшно побледнел и, обращаясь к мистеру Ламберту, произнес срывающимся от волнения голосом:

— Это письмо госпожи Эсмонд, сэр, — ответ на мое, в котором я извещал ее, что мое сердце принадлежит отныне одной особе, проживающей здесь, в Англии, и просил материнского благословения на наш брак. Я счастлив сообщить, что она дает свое согласие, и теперь мне остается только надеяться, дорогие друзья, что и вы будете столь же ко мне благосклонны.

— Благослови тебя бог, мой дорогой мальчик! — сказал добряк

генерал, кладя руку на голову молодого человека. — Я рад назвать тебя моим сыном, Джордж. Полно, полно, не нужно становиться на колени, дети мои! Джорджу, впрочем, не возбраняется на коленях возблагодарить бога за то, что он послал ему в жены лучшую девушку в Англии. Да, моя дорогая, могу сказать, что ты никогда не причиняла мне огорчений, разве что когда тебе случалось заболеть, и счастлив тот мужчина, который назовет тебя своей!

Ну конечно, молодые люди, по обычаю того времени, преклонили колени перед родителями, и, конечно, миссис Ламберт расцеловала их обоих и, тоже как положено, обильно оросила слезами свой носовой платок. Этти не присутствовала при этой трогательной сцене, а, услышав о том, что произошло, сказала холодно и с невеселым смехом:

— Уж не думаете ли вы, что сообщили мне какую-то новость? Господи, да я знала об этом много месяцев назад! Вы, верно, считаете, что у меня нет ни ушей, ни глаз?

Впрочем, оставшись наедине с сестрой, она проявила гораздо больше сердечности. Она бросилась Тео на шею, горячо ее обняла и поклялась, что никогда, никогда никто не будет любить Тео так, как она. С Тео она стала необычайно нежна и кротка, но с Джорджем не могла удержаться от своих обычных насмешек и подшучиваний, однако Джордж был слишком счастлив, чтобы они могли его задеть, и слишком чуток, чтобы не понимать причины ее ревности.

Однако, когда все ознакомились с содержанием письма госпожи Эсмонд, послание это, надо признаться, показалось им довольно туманным. В нем содержалось только обещание принять молодую чету в свой дом, но не было сказано ни слова о том, на какие средства они будут жить. Генерал задумчиво покачал головой, — он удосужился прочесть письмо лишь спустя несколько дней после помолвки его дочери с Джорджем Уорингтоном, и теперь был несколько обескуражен.

— Не тревожьтесь, — сказал Джордж. — Я получу триста фунтов за свою трагедию, а затем без труда могу писать по пьесе в год, и, на худой конец, мы сумеем прожить на эти деньги.

— На них и на отцовское наследство, — сказал мистер Ламберт.

Джордж не без смущения вынужден был объяснить, что после оплаты счетов его маменьки, покрытия долгов Гарри и покупки ему офицерского чина, а также выплаты выкупа, от отцовского наследства не осталось почти ничего.

При этом сообщении лицо мистера Ламберта потемнело еще больше, но, перехватив взгляд дочери, смотревшей на него с надеждой и тревогой,

он заключил ее в объятия и торжественно заявил, что, как бы плохо ни обернулось дело, он не допустит, чтобы что-нибудь помешало счастьем его дочери.

Что же касается возвращения в Виргинию, то — откровенно признался Джордж — мысль о том, чтобы поселиться в доме матери и жить в полной от псе зависимости, мало его прельщает. Он обрисовал генералу Ламберту свою жизнь на родине и не утаил, сколь тягостным было для него это рабство. А почему бы ему не остаться в Англии? Он будет писать пьесы, изучать право, может быть, поступит на службу. В самом деле, почему бы нет? Н он с ходу начал набрасывать план новой трагедии. Время от времени он приносил отрывки из написанного мисс Тео и ее сестре. Этти, читая, зевала, но Тео находила эти писания еще прекраснее и восхитительнее прежних, которые, по ее мнению, были совершенны.

О помолвке нашей юной пары оповестили родственников, а сэра Майлза Уорингтона племянник Джордж поставил в известность церемонным письмом. Поначалу сэр Майлз не имел никаких возражений против этого брака, хотя и полагал, конечно, что мистер Уорингтон с его именем и видами на будущее мог бы найти себе партию получше. Сэр Майлз считал, что госпожа Эсмонд выделила сыну весьма значительное состояние и он человек более чем обеспеченный. Однако, когда он услышал, что Джордж в денежном отношении полностью зависит от матери и что его собственная небольшая доля наследства уже растрочена, подобно тому как была растрочена доля его брата, возмущение сэра Майлза безрассудством племянника не знало границ; у него не хватало слов, чтобы выразить свое изумление и гнев по поводу столь полного отсутствия нравственных устоев, какое было проявлено этими несчастными молодыми людьми; он считал, что долг повелевает ему не оставлять этого без внимания, и, не мешкая, отправил письмо вдове своего брата в Виргинию, в котором и высказал все начистоту. Ну, что сказать, писал он про генерала Ламберта и миссис Ламберт, которые как будто слынут почтенными людьми! Можно ли допустить, чтобы они окрутили этого нищего молодого человека со своей нищей дочкой? И сэр Майлз полностью изложил госпоже Эсмонд все, что он думает по поводу семейства Ламберт и поведения Джорджа, после чего, если Джордж навещался к нему, подавал племяннику два пальца и даже не угощал его своим прославленным слабым пивом. По отношению же к Гарри он теперь несколько смягчился. Гарри исполнил свой воинский долг, и о нем отзывались с похвалой в самых высоких кругах. Он отдал дань заблуждениям юности, по теперь, по крайней мере, делает некоторые шаги к исправлению, в то время как

Джордж, промотав наследство, стремится очертя голову к полной гибели, и имя его упоминается в семействе сэра Майлза не иначе, как с осуждением. Есть ли в наше время, спрашиваю я себя, такие же несчастные молодые люди, которых их высокопоставленные родственники гонят и преследуют, осуждают и побивают камнями и вкладывают с той же целью камень в руку ближнего своего? Силы небесные! Промотал все наследство! Сэр Майлз просто бледнеет, когда в доме появляется его племянник. Леди Уорингтон молится за него как за опасного нечестивца, а Джордж тем временем разгуливает по городу, совершенно не подозревая о том, какой изливается на его голову гнев и какие возносятся за него молитвы. Он берет юного Майли с собой в театр и приводит его обратно. Он посылает билеты тетушке и кузинам, и им, сами понимаете, неловко их не принять, — ведь такой полный разрыв вызвал бы слишком много толков. Поэтому они не только принимают билеты, но всякий раз, когда в Лондон наезжают из их округа избиратели, просят прислать побольше билетов, не упуская при этом случая давать самые скандальные объяснения дружеским отношениям Джорджа с театральной братией и намекать на непозволительно интимную близость его с некоторыми актрисами. Впрочем, когда одна августейшая особа соизволила посетить театр, а потом в беседе с сэром Майлзом на утреннем приеме у его королевского высочества в Сэвил-Хаус выразить свое одобрение пьесе мистера Уорингтона, сэр Майлз, как и следовало ожидать, несколько изменил свое мнение об этой драме и в дальнейшем отзывался о ней более уважительно. А Джордж тем временем, как мы уже говорили, безмятежно проводил свои дни, нисколько не заботясь о мнении всех дядюшек, тетушек, кузенов и кузин, вместе взятых. У большинства своих родственников по эсмондовской линии Джордж встречал все же более сердечный прием, нежели у родственников из семейства Уорингтон. Лорд Каслвуд, несмотря на свои дурные замашки за карточным столом, испытывал, по его словам, расположение к братьям-виргинцам, и Джордж находил удовольствие в его обществе. Лорд Каслвуд был куда более одаренным человеком, чем большинство людей, сумевших преуспеть в жизни. Он унаследовал хорошее имя и ухитрился его запятнать; обладал незаурядным умом, который ни в ком не вызывал доверия, и весьма богатым жизненным опытом и знанием людей, что научило его не верить никому, а особенно самому себе и, возможно, послужило ему немалой помехой в жизни. Леди Каслвуд, женщина светская до мозга костей, была неизменно закована в броню вежливости, безукоризненно любезно принимала Джорджа и великодушно позволяла ему оставлять на ее карточных столах сколько угодно гиней. Мистер Уильям никогда не

жаловал братьев-виргинцев, так же, как они его, а что до леди Марии, то, хотя с ее романтическим увлечением было покончено, она не проявляла злопамятности и даже оказывала сугубое внимание и расположение своим кузенам, а те о благодарностью отчасти платили ей тем же. Она, как зачарованная, слушала рассказы о подвигах Гарри; она была в восторге от успеха пьесы Джорджа в театре; она не пропускала ни одного спектакля и знала наизусть все лучшие монологи Карпезана; и как вы думаете, кого повстречали однажды мистер Джордж и мисс Тео во время одной из своих романтических прогулок в Кенсингтон-Гарден, как не свою кузину Марию в сопровождении некоего джентльмена в элегантно костюме и нарядной, расшитой позументом шляпе? Ну конечно же, это был его величество Людовик, король венгерский, сиречь мистер Хэган! Отвесив поклон, он тут же поспешил ретироваться. Леди Мария всего минуту назад повстречалась с ним — совершенно случайно, разумеется. Мистер Хэган, по его словам, заглядывает сюда порой, чтобы в тишине и уединении парка повторить свою роль, пояснила леди Мария. Обе дамы в сопровождении Джорджа направились к дому лорда Каслвуда на Кенсингтон-сквер, и по дороге леди Мария рассыпалась в комплиментах по адресу Тео: она расточала похвалы ее прелестной внешности, ее высоким добродетелям, ее папеньке и маменьке, ее будущему супругу, с которым ее ждет счастье, ее очаровательной накидке, хорошеньким маленьким ножкам и даже пряжкам на ее башмачках!

Вечером того же дня Гарри случилось приехать в Лондон и заночевать дома. Утром, выйдя к завтраку, Джордж нашел капитана уже в столовой (по обычаю того времени, всех джентльменов, находившихся на службе в армии, принято было величать капитанами): Гарри, сидя за столом, просматривал письма.

— Послушай, Джордж, — воскликнул он. — Тут письмо от Марии!

— Маленький мальчик принес его вчера вечером, когда мистер Джордж спал, — сказал Гамбо.

— О чем бы это она могла писать? — спросил Гарри, глядя на Джорджа, пробежавшего глазами письмо с каким-то странным выражением лица.

— О моей пьесе, конечно, о чем же еще, — отвечал Джордж, все с таким же загадочным видом разрывая письмо.

— Надеюсь, она не пишет любовных посланий тебе, Джордж?

— Нет, мне она, разумеется, их не пишет, — отвечал Джордж, и больше об этом письме не было сказано ни слова. Однако, когда Джордж обедал в этот день на Дин-стрит, миссис Ламберт спросила:

— Так вы, значит, встретили вчера в Кенсингтон-Гарден некую особу, прогуливавшуюся в обществе венгерского короля?

— Чей это длинный язычок уже успел наболтать? Это была чисто случайная встреча — король венгерский ходит туда учить роли, а леди Мария как раз шла парком, намереваясь посетить кого-то из слуг другого короля в Кен-пшгтопском дворце.

Вот и все, что было в тот раз сказано об этом предмете.

Надвигались другие события, куда более интересные для наших виргинцев. Как-то вечером после Рождества оба брата ужинали вместе с несколькими друзьями у генерала Ламберта, и среди собравшихся оказался новый начальник Гарри, командир шестьдесят седьмого полка генерал-майор Вулф. Молодой генерал был в этот вечер необычайно серьезен. Разговор шел о войне. Ожидались события чрезвычайной важности. Пришедший к власти премьер-министр был исполнен решимости вести войну значительно более широким фронтом, чем прежде. Одна армия уже была отправлена в Германию на помощь принцу Фердинанду, другая крупная экспедиция готовилась отплыть в Америку. И тут мистер Ламберт предложил тост:

— За здоровье нашего командира! Пожелаем ему победы и благополучного возвращения!

— Почему вы не пьете, генерал Джеймс? — спросила хозяйка дома.

— Ему не положено пить за самого себя, — пояснил генерал Ламберт. — Это нам нужно выпить за его здоровье.

Как? Значит, Джеймс уже получил назначение? Ну, за это следует выпить всем. И нежные голоса дам слились с дружными аплодисментами гостей.

Но почему же он кажется таким печальным, спрашивали друг друга дамы, вставая из-за стола. И не раз потом вспоминалось им его бледное лицо.

— Быть может, он только что простился с невестой? — предположила добросердечная миссис Ламберт. И при этой мысли лица всех дам сделались печальны.

Джентльмены тем временем продолжали рассуждать о войне и ее перспективах. Когда кто-то из присутствующих заявил, что экспедиция, должно быть, будет направлена в Канаду, мистер Вулф не стал опровергать это предположение.

— Ах, сэр, — сказал Гарри, — как бы мне хотелось быть в вашем полку, когда вы отправитесь туда, и нанести еще один визит моим старым приятелям в Квебеке!

Как, разве Гарри уже побывал там? О да, пять лет назад, и Гарри описал свое посещение Квебека. Он хорошо помнил и город, и прилегающую к нему местность. Взяв кусочки печенья, он разложил их на столе, а по бокам пустил ручейки пунша.

— Эта вилка — остров Орлеан, — объяснил он, — а с этой и с той стороны — северный и южный рукава реки Святого Лаврентия. Здесь нижняя часть города с батареей. Сколько пушек было установлено там в наше время, братец? Но с берега Сент-Джозефа с дальней дистанции можно вести ответную стрельбу не хуже. Здесь то, что они называют маленькой речкой, — река Сент-Чарльз с понтонным мостом, ведущим к укреплениям с расположенной на них батареей. Здесь крепость, а здесь монастыри — монастырей очень много — и собор. А вот здесь, на юго-западе, лежит так называемое Авраамово плато, где, между прочим, произошло некое событие, — ты помнишь, братец? Джордж и один молодой офицер из Русиньонского полка бились на шпагах, выкрикивая "са, са!" {А ну, а ну! (франц.)} минут двадцать, и Джордж взял верх, после чего они поклялись друг другу в *amitie eternelle* {Вечной дружбе (франц.)}. Для Джорджа это было удачей, — ведь его секундант спас ему жизнь в тот день, когда были разгромлены силы Брэддока. Он был славный малый, этот секундант, и я предлагаю тост: *je bois a la sante du Chevalier de Florac!* {Пью за здоровье шевалье де Флорака! (франц.)}

— Так вы, я вижу, тоже говорите по-французски, Гарри? — промолвил мистер Вулф.

Молодой человек устремил на генерала загоревшийся взгляд.

— Да, — сказал он, — и я тоже, но хуже, чем Джордж.

— Но он, как видите, хорошо помнит город и может расположить батареи, да и всю местность знает в сто раз лучше меня! — воскликнул его брат.

Оба старших офицера переглянулись. Мистер Ламберт улыбнулся и кивнул, словно отвечая на немой вопрос товарища, Вулф сказал:

— Мистер Гарри, если светское общество, скачки и кофейня Уайта теперь уже не слишком влекут вас к себе...

— О, сэр! — вскричал молодой человек, покраснев до корней волос.

— И если вы не против отправиться в морское путешествие по первому приказу, наведайтесь ко мне завтра поутру.

Что за ликующие крики донеслись внезапно до ушей дам, сидевших в гостиной? Это Гарри Уорингтон, вскочив на ноги, вопил во всю глотку "ура!", услышав приглашение генерала.

В тот вечер дамам уже не пришлось перекинуться словом с

мужчинами, а на следующий день генерал Ламберт с утра отправился по служебным делам, не успев повидаться с членами своего семейства и сообщить им о причине столь бурной радости, проявленной Гарри накануне вечером. Тем не менее, когда сей почтенный джентльмен встретился со своим семейством за обедом, одного взгляда, брошенного на лицо мисс Этти, было для него достаточно, чтобы понять: ей уже известно, что здесь накануне произошло и какая судьба уготована теперь младшему из братьев-виргинцев. После обеда миссис Ламберт в задумчивости взялась за свое рукоделие, а мисс Тео погрузилась в итальянскую поэзию. Никто из обычных посетителей их дома в этот вечер не появился.

Сжав ручку Этти в своей ладони, генерал заговорил. Он не коснулся предмета, который, как он понимал, заполнял сейчас все ее мысли, и лишь особенная нежность и доброта, звучавшие в его голосе, быть может, дали ей понять, что отец читает в ее сердце.

— Я завтракал сегодня с Джеймсом Вулфом, — сказал генерал, — и наш друг Гарри составил нам компанию. Когда Гарри и остальные приглашенные ушли, я остался, чтобы поговорить с Джеймсом о предстоящей экспедиции. Как печально, что его храбрый отец не дожил до этого дня! И всего-то несколько месяцев ему бы еще пожить, и он бы увидел, как его сын, увенчанный ратной славой, возвращается из-под Луисбурга и вся Англия ждет от него еще больших подвигов! Здоровье Джеймса совсем плохо — так плохо, что я, правду сказать, очень боюсь за него, — и он немало расстроен тем, что ему придется расстаться с некой молодой особой — давнишним предметом его любви. Небольшой отдых, полагает он, мог бы восстановить его пошатнувшееся здоровье, а назвать эту особу своей было ведь его заветной мечтой; но как ни велика его любовь (а он и по сей день такой же романтик, как любой из вас, семнадцатилетних), все же долг и честь для него превыше всего, и по их велению он готов покинуть семейный очаг и невесту и пожертвовать покоем и здоровьем. И всякий, если он человек чести, поступил бы так же, и каждая истинно любящая женщина пристегнет воину его шпагу. Сегодня вечером Джеймс поедет проститься со своей матушкой, и хотя она безгранично к нему привязана и на свете не сыщется более любящей матери, ручаюсь, она не выкажет и тени слабости при расставании с ним.

— А когда отплывает его корабль, папенька? — спросила дочь.

— Через пять суток он поднимется на борт своего судна.

Этти было слишком хорошо известно, кто будет на борту вместе с ним.

Глава LXVIII,

в которой Гарри отбывает на Запад

Описание прощания и даже сама мысль о нем ранят наши нежные сердца, и посему я умолчу о чувствах, волновавших Гарри Уорингтона, когда он прощался с братом и друзьями. Разве тысячи людей не подвергаются такому же испытанию? Разве не предстояло мистеру Вулфу вскоре поцеловать свою мать, расставаясь с ней (его храбрый отец покинул земную юдоль в то время, как сын стяжал себе славу при Луисбурге), и заключить в прощальные объятия свою возлюбленную? И разве не пришлось бравому адмиралу Холмсу, отплывая на Запад со своей эскадрой — "Грозным", "Нортумберлендом", "Сомерсетом", "Принцем Уильямом", "Трезубцем", "Дианой", "Морским Конем" и "Дублином", на котором развевался его флаг, — проститься с миссис Холмс и дочерьми? И разве адмирал Сондер, следовавший за ним днем позже, был лишен тех же человеческих чувств? И вот, бороздя бурные волны, скрывается из глаз "Принц Уильям" с командой своих веселых матросов, и бедная черноглазая Сьюзен, стоя на берегу, провожает взглядом корабль, превращающийся в точку на фоне закатного неба.

За горизонт уплывает он, на Запад. Над океаном сгущается ночь. Теперь моряки уже далеко, но сердца их еще на родине, и с какой неизбывной нежностью, в молчании, думает каждый из них о тех, кого покинул! И какой хор трогательных молений возносится к отцу нашему небесному в эту прощальную ночь — возносится с океана и с суши, от опустевшего ложа, где, обливаясь слезами, преклонила колена супруга, от очага, где мать сливает воедино с детьми свои молитвы, или с палубы корабля, где моряки вперяют свой взор в усыпанное звездами полуночное небо, в то время как судно рассекает грудью ревущую морскую стихию. Но завтра, как обычно, взойдет солнце, и мы снова приступим к своим каждодневным обязанностям и трудам.

Джордж отправился проводить брата и оставался вместе с ним в Портсмуте, пока эскадра ждала попутного ветра. Он пожал руку мистеру Вулфу, в последний раз взглянул на его бледное лицо и проводил взглядом суда, покидавшие гавань под перезвон колоколов и грохот пушек, паливших с берега. А на следующий день он возвратился домой и снова предался одному из самых всепоглощающих и самых эгоистических занятий, которому почти каждый мужчина, доживший до тридцати лет, уже успевает отдать дань. Он заглядывает в маленькую комнатку, которую раньше занимал Гарри, видит пепел полуистлевших бумаг в камине, и на мгновение его сердце сжимает печаль. Но проходит еще несколько минут, и он уже опять спешит на Дин-стрит и в неровном мерцании очага шепчет что-то на ухо прильнувшей к нему возлюбленной. Она так рада, — о, так

безумно рада! что он вернулся. Ей просто даже совестно. Ну, не бесчеловечно ли это — так радоваться, когда бедняжка Этти так грустит? Бедная маленькая Этти! Право же, это очень эгоистично — радоваться, когда она так печальна. Чувствуешь себя такой гадкой, глядя на нее!

— Перестаньте, сэр! Я должна бы почувствовать себя несчастной, и очень, очень дурно с моей стороны, что я этого не чувствую, — говорит Тео, и нам нетрудно понять, как терзается раскаянием ее нежное сердце. Но что значат эти слова: "Перестаньте, сэр!" Кто может ответить на этот вопрос? В комнате, как я уже говорил, царит полумрак, неярко мерцает огонь в камине, он то разгорается, то гаснет, и "перестаньте", без сомнения, вырвалось в ту минуту, когда свет уступал место мраку.

Но вот входят слуги с ужином и свечами. Понемногу собирается вся семья. Беседа становится общей. Конечная цель экспедиции теперь уже известна всем. Войска на борту кораблей достаточно, чтобы разгромить всех французов в Канаде, и под водительством такого командира, как Вулф, вознаградить нас за все ошибки и неудачи предыдущих походов. Правда, командующий и в самом деле выглядел совсем больным, но в этом слабом теле великий дух. Правительство и вся страна возлагают на него огромные надежды. После ужина мистер Ламберт по заведенному обычаю собирает вокруг себя своих домочадцев, к которым теперь уже можно причислить и Джорджа Уорингтона, и, когда он начинает читать молитву за всех плавающих и путешествующих, обе его дочери преклоняют колена. А корабль стремится свой бег все дальше и дальше на Запад, и мысли любящих летят следом за ним, и наступает ночь, и ее сменяет утро.

Проходит еще несколько дней, и снова все заняты своими делами — кто за работой, кто за книгой, а наш прославленный драматург Джордж Уорингтон уже трудится над новой пьесой. После того как трагедия "Карпезан" была показана тридцать, а может быть, и сорок раз, подмостками завладели другие гении.

Кое-кто, возможно, был поражен тем, что город мог проявить подобное непостоянство, что такой шедевр, как эта трагедия, мог так быстро ему прискучить. Эти люди были просто не в состоянии примириться с тем, что на сцене уже лицедействовали актеры, обряженные совсем по-другому, и произносились стихи, написанные другими авторами, но Джордж, будучи скептиком по натуре, отнесся к судьбе своей трагедии вполне философски и со спокойным удовлетворением положил в карман выручку от спектаклей. Он книгопродавца мистера Додели он получил обычное вознаграждение в виде сотни фунтов, от директора театра — две сотни, а то и больше, и такое количество похвал от критиков и от друзей,

что тут же уселся писать новую пьесу, уповая, что она будет иметь еще больший успех, чем его первый опыт.

За этими занятиями, перемежающимися другими, еще более восхитительными, пролетали месяц за месяцем. Счастливые дни юности, когда произнесено первое признание в любви и на него отвечено взаимностью; когда сияющие глаза возлюбленной ежедневно встречают тебя ласковым приветом, а милые губки неустанно поверяют тебе свои нежные тайны; когда прощальные слова "доброй ночи!" сопровождаются взглядом, сулящим сладостное обещание завтрашней встречи; когда сердце так переполнено любовью и счастьем, что готово одарить ими целый мир; когда день заканчивается благодарственной молитвой и занимающаяся заря несет упоительные надежды; когда любое сомнение кажется малодушием, несчастья — немислимыми, а бедность — лишь приятным испытанием постоянства! Родители Тео, вспоминая дни своей весны, с тихой радостью наблюдали очаровательную пастораль, которую юность разыгрывала перед их глазами. И много лет спустя Джордж Уорингтон в одном из писем, которые он неизменно посылал жене во время отлучек из дома, сообщит, что, проходя мимо старого дома на Дин-стрит, поглядел на окна и подумал: кто-то сейчас сидит в той комнате, где они с Тео были когда-то так счастливы?

А пока что кое-какие выдержки из письма Джорджа брату помогут нам узнать, как протекали эти дни и чем были заняты наши друзья.

"У старого окна напротив Бодфорд-Гарден,
20 августа 1759 года.

Что заставило тебя возвратиться к угрюмым скалам, унылым берегам, палящему летнему зною и зимней стуже своей родины, в то время как ты мог бы с тем же успехом пожинать лавры в Германии? Полк Кингсли вернулся, увешанный ими, как Зеленый Джек в майский праздник. Шесть наших пехотных полков творили чудеса, и наша кавалерия отличилась бы не меньше, если бы лорд Сэквилл дал ей такую возможность. Но когда принц Фердинанд крикнул: "В атаку!" — его милость не расслышал или не сумел перевести иностранные слова на родной язык и не понял, что они означают "вперед!", и потому мы лишь разбили французов, а не уничтожили их всех до единого, что легко могли бы сделать, командуй нами лорд Грэнби или мистер Уорингтон. Милорд возвратился в Лондон и требует, чтобы его судили военным судом. Он очень высоко задирает голову в дни своих успехов, а теперь в беде проявляет такое упорство в своем высокомерии, что это, право, достойно восхищения. Можно подумать, что он прямо-таки завидует бедному мистеру Бингу и расценивает как тапуге

d'egards {Недостаток уважения (франц.)}, что сам он избежал расстрела.

Наш герцог уже получил знак свыше и готовится покинуть эту юдоль величия, побед, падений и разочарований. Его высочество разбил паралич, и pallida mors {Бледная смерть (лат.)} уже заглянула к нему в дверь, как бы говоря: "Я найду в другой раз". Хотя он и тиран, но свою опалу, надо признать, несет с достоинством, и наш король имел в лице своего сына такого преданного слугу, какого не сыщется ни у одного монарха. Почему мои симпатии всегда на стороне проигравшего? Почему мне всегда хочется восстать против победителя? Я два-три посетил палату общин и слышал вашего знаменитого мистера П., — он ведь главный покровитель твоего начальника и первый открыл его заслуги. Высокопарность этого человека мне претит. Очень бы хотелось, чтобы какой-нибудь маленький Давид низверг этого чванливого великана. Речь его донельзя напыщенна, мысли тоже. Мне больше по душе манера Барри, хотя как актер мистер П., конечно, даст ему сто очков вперед.

"Покахонтас" резво подвигается вперед. Роль капитана Смита пришла Барри по душе, и, дай ему волю, он обрядил бы его в красный мундир с синими галунами и эполетами, но я намерен одеть его точно по портретам придворных королевы Елизаветы, висящим в Хэмптон-Корт, — у него будут брыжи, большая квадратная борода и тупоносые башмаки. "А что вы сделаете с Покахонтас? Вы не думаете, что ее следует татуировать?" — спросил меня дядюшка Ламберт. Роль воина, который хотя и влюблен в Покахонтас, но, заметив ее расположение к капитану, благородно спасает последнего от смерти, поручена Хэгану и, мне кажется, будет иметь колоссальный успех. Странный субъект этот Хэган: весь напичкан цитатами из пьес, словечка в простоте не скажет, но добрый, честный и храбрый, — если, конечно, я не заблуждаюсь. Он очень рассержен тем, что ему недавно поручили роль сэра О'Браллагана в новом фарсе мистера Маклина "Любовь по моде". Он заявил, что не желает осквернять свой язык, подражая этому гнусному ирландскому акценту. Да куда уж ему подражать, когда у него самого такой неподражаемо скверный выговор.

Рассказать ли тебе все без утайки? Не скрыть ли от тебя кое-какие подробности? Не раню ли я твои чувства? Не разожгу ли я твою ревность до такого предела, что ты запросишься в отпуск в Европу? Так знай же: хотя Карпезан давно мертв, кузина Мария не перестает посещать театр. Том Спенсер видит ее из вечера в вечер на галерее, и появляется она там в тех случаях, когда в спектакле занят Хэган. Живее, сапоги и плащ мистеру Уорингтону! И пусть немедля закладывают карету четверкой, мы мчимся в Портсмут! Письмо, которое я сжег однажды утром, во время завтрака

(теперь я могу позволить этой тайне выпорхнуть на волю, ей ведь до тебя еще лететь и лететь), было от кузины Марии и содержало намеки на то, что мне следует держать язык за зубами, однако я не могу не шепнуть тебе, что кузина Мария изо всех сил старается как можно быстрее утешиться. Стоит ли портить ей игру? Поставлю ли я в известность об этом ее брата? А какое мне, собственно, до этого дело? Чем мы с тобой обязаны Эсмондам, если не считать того, что они обыгрывали нас в карты? И все же наш благородный кузен мне нравится. Мне кажется, что он очень хочет быть порядочным человеком, только это ему никак не удастся. Вернее, он хотел этого когда-то. Он пошел в жизни по ложному пути, и теперь, по-видимому, его уже не воротить назад, поздно! О, *beati agricolae* {О, блаженные земледельцы! (лат.)}. У нас в Виргинии жизнь скучна, и все же возблагодарим небеса за то, что мы выросли там. В детстве из нас делали маленьких рабов, но не рабов порока — азартных игр, недостойных страстей, дурных мужчин и дурных женщин. И, только покинув родительский кров, мой бедный Гарри попал в компанию жуликов. Я имею в виду жуликов *en grand* {С размахом (франц.)}, тех, что подстерегали тебя на больших дорогах английского высшего света, устраивали на тебя засады и очищали твои карманы. Я не считаю, что ты уронил себя тем, что тебе не повезло и пришлось расстаться с кошельком. Но теперь ты вознаградишь себя за все, поразишь еще немало "французских драконов", увенчаешь свое имя славой и станешь великим полководцем. И наша матушка будет рассказывать о своем сыне-капитане, о своем сыне-полковнике, о своем сыне-генерале и закажет твой портрет маслом со всеми регалиями и орденами, в то время как я, бедный, так и останусь прилежным рифмоплетом или — будем надеяться на лучшее — добропорядочным чиновником с небольшим особнячком в Ричмонде или в Кью и с дюжиной детишек, которые будут раскланиваться и делать реверансы, когда их дядя-генерал подъедет к воротам на своем статном скакуне в сопровождении адъютанта, у которого карманы будут набиты имбирными пряниками для племянников и племянниц. Меч Марса — твой удел. Меня же влечет к себе тихая пристань: тихий домик, тихий кабинет, где вдоволь книг и Некто, *dulce ridentem, dulce loquentem* {Нежно смеющийся, нежно беседующий (лат.)}, сидит по другую сторону камина, пока я скриплю пером по бумаге. Я так упоен своей мечтой, она наполняет меня таким довольством и счастьем, что я боюсь предаваться ей, боюсь, чтобы она не развеялась, как дым, и не решаюсь говорить о своем счастье даже моему драгоценному Хелу. К чему честолюбивые стремления, если может осуществиться такая мечта? Что мне войны, если здесь я нашел обетованный край, сулящий мне

райское блаженство?

Друг нашей матушки Мингер Ван ден Босх ездил по Голландии, разыскивая своих родственников, и, как ни удивительно, кое-кого нашел. Его внучка (которую наша матушка предназначала в жены вашей милости) пробыла шесть месяцев в Кенсингтонском пансионе и теперь покидает его, приобретя немало восхитительных познаний, которые должны придать ей лоск настоящей светской дамы. Дедушка привозил ее на Дин-стрит засвидетельствовать свое почтение, и она засвидетельствовала его элегантнейшим из реверансов. Хотя ей едва сравнялось семнадцать, ни одна вдовствующая герцогиня на седьмом десятке не могла бы держаться более непринужденно. Она беседовала с тетушкой Ламберт, как равная с равной, а барышень третировала как несмысленнейшей, чем привела в ярость Этти и очень позабавила Тео. С генералом она беседовала о политике и с таким апломбом рассуждала о последних премьерах, туалетах, операх, модах, сплетнях и тому подобное, что, если бы не два-три промаха, можно было бы подумать, что она родилась в Мэйфэре. Она не станет жить нигде, кроме придворной части города, заявила мисс Лидия, и совершенно не понимает, как ее дед позволил себе поселиться на Монумент-Ярд. Для тех, кому нравятся смуглянки, более очаровательной малютки не сыскать на всем белом свете. Но ты знаешь, дорогой братец, что мне больше по вкусу..."

За этим следовала целая страница восторгов и стихотворных цитат. Однако из уважения к памяти автора и из сочувствия к читателю редактор настоящего издания отказался их опубликовать. Дамы и господа того возраста, который не принято уточнять, вероятно, легко могут припомнить то время, когда они сами предавались необузданным восторгам, когда неумные хвалы чаровнице или чародею неустанно лились с их губ и стекали с кончика их перьев, когда расцветали все цветы и звенели весенние птичьи хоры. Пусть теперь облетели листья, обнажив сухие ветви, разве это мешает нам хранить в памяти пору нашей весны? А что до вас, молодые люди, чей Май (или, может быть, Апрель?) еще не настал, вам нет нужды петь с чужого голоса; поверьте мне, когда для вас придет пора весны, милостивая Природа повелит расцвести всем цветам и исторгнет из вашей переполненной счастьем груди звонкую песню.

Глава LXIX

Невинное создание

В приведенном выше письме Джордж Уорингтон упоминал также о том, что он остался в приятельских отношениях с лордом Каслвудом, и они продолжают встречаться по-родственному, невзирая на манипуляции милорда за карточным столом, жертвой которых некогда пая Гарри. Если Джорджу нужно было франко для отправки письма, или доступ в палату лордов, чтобы послушать дебаты, или приглашение ко двору, кузен всегда готов был ему услужить, всегда оставался приятным и остроумным собеседником и рад был всячески содействовать интересам своего родственника, при условии, что это не нанесет ущерба его собственным.

Теперь он даже пообещал Джорджу сделать все возможное, чтобы выхлопотать для него у влиятельных лиц какое-нибудь место, ибо Джордж день ото дня проявлял все более упорное нежелание возвращаться на родину, к матушке под каблук. И не только сентиментальные соображения удерживали его в Англии. И его занятия правом, и лондонское общество — все это было ему несравненно интереснее и приятнее того, что ждало его на родине. Праздная жизнь плантатора, быть может, и удовлетворила бы его, если бы при этом он мог сохранить свою независимость. Однако в Виргинии он был всего лишь первым и, как ему казалось, наиболее жестоко угнетаемым вассалом своей матери. Он боялся подумать о том, какая жизнь будет уготована его молодой жене, если он приведет ее в родительский дом. В Англии он будет беден, но свободен; здешнее общество отвечало его духовным запросам, и у него были кое-какие надежды на будущее, на родине же его ждала монотонная рутина домашней жизни, нудная опека, неизбежные споры, пререкания, ревность. И на такое существование обречь бы он и свою молодую жену, если бы решил возвратиться домой.

Не удивительно, что наш молодой виргинец с радостью ухватился за обещание лорда Каслвуда выхлопотать для него местечко. Правда, милорд не слишком-то преуспел в устройстве дел своего родного брата, да и собственное его положение было не из завидных, хотя он и носил звание пэра; но мы всегда верим в то, во что нам хочется верить, и Джордж Уорингтон возлагал большие надежды на протекцию своего родственника. В отличие от Уорингтоновского семейства, лорд Каслвуд вполне милостиво принял известие о помолвке Джорджа с мисс Ламберт; он нанес визит ее

родителям, расхвалил им Джорджа, а Джорджу — его избранницу и был так очарователен и мил, что эти добрые люди забыли о ходящей за ним дурной славе и единодушно решили: только очень злые сплетники могли оклеветать такого хорошего человека. Милорд же, со своей стороны, заявил, что в общении с такими людьми всякий становится лучше, и это, разумеется, произошло и с ним. И действительно, в их обществе он был добр, умен, занимателен. Всю свою светскость и коварство он оставлял вместе с плащом в прихожей и снова обретал их, лишь садясь в портшез. Какой светский человек не попадал на своем жизненном пути в такие приюты тишины и покоя, в такие тихие гавани, где он мог укрыться от бурь? Вполне возможно, что лорд Каслвуд и в самом деле становился лучше, пока "ж находился в обществе этих добрых людей, и на этот раз, во всяком случае, слова его была не лицемерны.

И, надо полагать, почтенная чета Ламберт не изменила в худшую сторону своего мнения о милорде после того, как он открыто выразил свое восхищение мисс Тео. Это чувство было вполне искренним, хотя, по его собственному признанию, не слишком глубоким.

— Я не лишусь сна и сердце мое не будет разбито, оттого что мисс Ламберт оказывает предпочтение кому-то другому, — заметил он. — Я лишь о том сожалею, сударыня, что судьбе не было угодно послать мне в юности встречу с таким же прекрасным и добродетельным созданием, как ваша дочь. Это спасло бы меня от многих неосмотрительных поступков, но, увы, невинные, добродетельные молодые женщины не встречались на моем пути, иначе под их влиянием я, несомненно, стал бы лучше, чем я есть.

— Право же, милорд, и теперь еще не поздно! — мягко заметила миссис Ламберт.

Милорд, неверно истолковав ее слова, казалось, слегка опешил.

— И теперь еще не поздно, сударыня? — повторил он.

Миссис Ламберт покраснела.

— Ухаживать за моей дочерью вам, разумеется, уже поздно, милорд, но покаяться никогда не поздно — так учит нас Священное писание. Вспомните о тех, кто был принят в одиннадцатый час, — зачем же терять надежду?

— Боюсь, я знаю свое сердце лучше, чем вы, — меланхолично произнес милорд. — Я свободно изъясняюсь по-французски и по-немецки, а все почему? Да потому, что обучился этим языкам еще в детстве. Тот же, кто приобщился к ним в более позднем возрасте, никогда ими не овладеет. То же самое и с добродетелью: в моем возрасте она уже не прививается.

Мне остается только восхищаться ею, наблюдая ее у других. И когда я буду... ну, словом, не там, куда попадают праведники, поднесет ли мне мисс Тео глоток воды? Не хмурьтесь, миссис Ламберт, я знаю, что обречен попасть туда. Кому-то из нас ведь непременно уготована эта участь, и в том числе и кое-кому из нашего семейства. А есть колеблющиеся души, и тут никто не знает наперед — какая чаша весов перетянет. Ну, а есть такие, которым предначертано быть ангелами, и они, как им положено, вознесутся к небесам и будут делать там все, что пожелают.

— О милорд, почему вы не можете быть к ним причислены? Когда у вас впереди есть хотя бы день, хотя бы час, нельзя отчаиваться! — воскликнула растроганная матрона.

— Я знаю, о чем ваши мысли, моя дорогая миссис Ламберт, — более того я читаю в ваших глазах молитву, которую вы возносите к богу, но чему может она помочь? — печально спросил лорд Каслвуд. — Вы же не знаете всего, моя дорогая. Вы не знаете, что такое светская жизнь, которую мы ведем. Как рано она нас затягивает и какими себялюбцами делает нас сначала Природа, а потом воспитание и необходимость. Судьба правит колесницей нашей жизни, и никто не избежит своей участи. Я знаю, что существует добро, я вижу добродетельных людей, но иду своим путем. Своим? О нет — путем, предначертанным нам судьбой. И она не лишена сострадания к нам, ибо порой дает нам возможность узнать таких людей, как вы. — И с этими словами милорд берет руку миссис Ламберт, заглядывает ей в глаза и склоняется перед ней в поклоне, исполненном грации и печали. Он не произнес ни единого слова неправды. Большое заблуждение предполагать, что дурные и слабовольные люди не способны на добрые чувства или лишены чувствительности. Но, к сожалению, добрые чувства недолговечны, а слезы — это всего лишь разгул сентиментальности, и не по этой ли причине старым распутникам, как говорят, доставляют особое удовольствие мольбы и слезы их жертв. Но миссис Ламберт едва ли догадывалась о том, какие мысли бродили в голове ее собеседника (да и как бы она могла догадаться?), и потому молилась за него со всем упорством любвеобильной женской натуры. Он гораздо лучше — да, конечно, он гораздо лучше, чем о нем думают. При этом он очень интересный человек. Никогда нельзя терять надежды. Конечно же, конечно, для него еще не все потеряно.

Будущее покажет, кто из них двоих дал более правильную оценку характеру милорда. А пока что, даже если милорд окажется прав, сердце миссис Ламберт растаяло, и ее добрые пожелания и молитвы если и не исцелили душу закоренелого грешника, во всяком случае, не могли

принести ему вреда. Добросердечные врачеватели (а какую хорошую женщину не причислишь к их числу?) проявляют заботу о любой заблудшей душе совершенно так же, как доктор о тяжелом, но не безнадежно больном. Когда же здоровье пациента начинает идти на поправку, их интерес к нему скудеет, и они бросаются щупать пульс и прописывать лекарства кому-нибудь другому.

Но пока болезнь еще требовала лечения, доброй миссис Ламберт необходимо было постоянно наблюдать своего больного, и мало-помалу между милордом Каслвудом и семейством Ламберт возникла самая тесная дружба. Не могу поручиться, что кое-какие мирские расчеты не сопутствовали возвышенным устремлениям и планам доброй миссис Ламберт (ведь как знать, в какой Эдем не проникает суетность, минуя сонмы ангелов с огненными мечами?). Сын миссис Ламберт готовился принять духовный сан. Милорд же Каслвуд был немало обеспокоен тем, что беспорядочный образ жизни и еретические разговоры его нынешнего капеллана мистера Сэмпсона могут привести к отрешению его от должности; в этом случае — обмолвился как-то раз милорд — их скромный маленький приход будет к услугам молодого, хорошо воспитанного священника, исповедующего высокие нравственные идеалы и готового удовлетвориться небольшим жалованьем и немногочисленной, но расположенной к нему паствой.

Так установилось знакомство между обеими семьями, и каслвудские дамы уже не раз приезжали засвидетельствовать свое почтение миссис Ламберт. Всегда и неизменно чинные, они были крайне любезны и с родителями и с дочерьми. Карточные вечера леди Каслвуд были гостеприимно открыты для миссис Ламберт и ее семейства. Конечно, будет игра, все на свете теперь играют — и его величество, и епископы, и все пэры и их супруги, — ну, словом, вся Англия. Разумеется, кто не хочет, пусть не играет, однако как можно осуждать игру, когда самые почтенные, и даже августейшие, особы ежедневно предаются этому занятию! И миссис Ламберт не раз появлялась на раутах миледи и осталась очень довольна оказанным ей приемом и польщена комплиментами, выпавшими на долю ее дочек.

В приведенном выше письме уже упоминалось об одной прибывшей в Англию американской семье голландского происхождения, которую госпожа Эсмонд, соседка по имению, весьма горячо рекомендовала своим проживавшим в Европе сыновьям. Кое-какие соображения на тот счет госпожа Эсмонд высказала в письме столь откровенно, что миссис Ламберт, дама весьма опытная в делах сватовства, не могла не понять их.

Однако Джордж бил уже помолвлен, а Гарри — предмет обожания бедняжки Этти — отбыл, как известно, на войну, что, скажем кстати, не слишком огорчало миссис Ламберт. В шутовском тоне она заявила Джорджу, что ему следовало бы выполнить повеление его маменьки разорвать помолвку с Тео и приударить за мисс Лидией, которая в десять... да какой там в десять — в сто раз богаче ее бедной девочки и к тому же гораздо красивее.

— Ну, что ж, — сказал Джордж, — не спору: она и красивее, и богаче, и, быть может, даже умнее (все эти оценки, надо сказать, не слишком пришлись по вкусу миссис Ламберт), хорошо, пусть так. А вот мистер Джонсон гораздо умнее меня. А... кого бы взять к примеру?.. А мистер Хэган, актер, и выше меня ростом, и красивее. А сэр Джеймс Лоутер гораздо меня богаче. Так не считаете же вы, сударыня, что я должен ревновать мисс Тео ко всем трем этим господам или опасаться, что она бросит меня ради одного из них? Так почему бы мне не признать, что мисс Лидия и красивее, и богаче, и умнее, и обаятельнее, и даже, если вы очень настаиваете, лучше воспитана, и, наконец, просто сущий ангел, если вам так хочется? Разве это испугает Тео? Ведь нет же, скажите, дитя мое?

— Нет, Джордж, — отвечала Тео, и взгляд ее был так честен и прям, что всякая ревность была бы посрамлена и всякое подозрение убито. И если после этого разговора мамаша пользуется случаем, чтобы на минуточку удалиться из комнаты — то ли за наперстком, то ли за ножницами, то ли за носовым платком, который она забыла в прихожей, то ли чтоб достать луну с неба, — если, повторяю, миссис Ламберт покидает комнату под тем или иным предлогом, благовидным или нелепым, мне совсем не кажется удивительным, что по прошествии нескольких минут она, возвратясь, находит Джорджа в непосредственной близости от Тео, чьи щеки пылают, а рука едва успевает выскользнуть из руки Джорджа. Однако это вовсе не значит, что я имею хоть малейшее представление о том, чем они занимались в ее отсутствие. А вы, сударыня? Можете ли вы припомнить, что происходило, когда за вами ухаживал мистер Грэнди? Вас же в конце концов не было в той комнате, где молодые люди оставались наедине? Так неужто вы собираетесь кричать "ай-ай-яй!" и "какой позор!?" Если так, то: "ай-яй-яй", "какой позор!", миссис Грэнди!

Итак, поскольку Гарри отсутствует, Тео и Джордж накрепко помолвлены и привести в исполнение начертанный госпожой Эсмонд план не представляется возможным, почему бы миссис Ламберт не начать строить свои собственные планы, и если на жизненном пути Джека Ламберта, только что вернувшегося из Оксфорда, появилась богатая,

красивая и очаровательная малютка, почему бы ему не посвататься к ней? Так рассуждает маменька, которой всегда хочется кого-то женить или кого-то выдать замуж; она шепчет об этом на ушко генералу Ламберту и в ответ, как обычно, получает за все свои старания "гусыню". В конце концов, заявляет миссис Ламберт, красота и богатство — не такой уж недостаток, а госпожа Эсмонд к тому же выразила желание, чтобы вновь прибывшей семье было оказано гостеприимство, и никто не виноват, что Гарри отправился в Канаду. Может быть, генерал хочет, чтобы он вернулся в Англию, бросил армию, погубил свою репутацию, женился на этой американке и разбил сердце бедной Этти? Может быть, папенька именно этого и добивается? Но не станем перечислять всех доводов, пущенных в ход миссис Ламберт, и не позволим себе неделикатных намеков в том смысле, что мистер Ламберт был по-своему прав, сравнив свою добросердечную супругу с глупой, неуклюжей птицей, которую из года в год в Михайлов день закалывают к праздничному столу,

В то отдаленное от нас время между придворными кругами и торговым людом пролегла весьма ощутимая пропасть, и первое время после своего прибытия в Лондон мистер Ван ден Босх едва ли имел возможность общаться с кем-либо, кроме представителей деловых кругов. Он поселился в Сити, неподалеку от своего агента. Когда его хорошенькая внучка приезжала из школы домой на праздник, он возил ее на прогулку в Излингтон или Хайгет, а случалось — и на Артиллерийский плац в Банхилл-Филдс. Они посещали баптистскую молельню в Финсбери-Филдс и раза два, украдкой от всех, ходили поглядеть мистера Гарржка или этого забавного негодника — мистера Фута в "Литл тиэтр". Получить приглашение на прием к лорд-мэру господин Ван ден Босх полагал для себя большой честью, а потанцевать с молодым галантерейщиком в Хемстедском собрании было немалым удовольствием для его внучки. Когда Джордж впервые нанес визит друзьям своей матушки, он обнаружил, что ваш старый знакомый мистер Дрейпер из Темпла — весьма усердно волочится за малюткой, причем сей законовед, будучи сам женат, тут же посоветовал мистеру Уорингтону глядеть в оба, так как капитал этой молодой особы под семью замками — не подберешься. Некий молодой квакер по имени мистер Дрэпшоу, доводившийся племянником мистеру Трейлу, бристолюскому агенту госпожи Эсмонд, также не отходил ни на шаг от этой девицы и при появлении мистера Уорингтона преисполнился самых черных подозрений и тревоги. Желая оказать любезность соседям своей матушки, мистер Уорингтон устроил в их честь прием, где они, само собой разумеется, были тут же представлены его друзьям из Сохо, и все

семейство вынуждено было признать, что малютка Лидия — настоящая красotka. У этой маленькой смуглянки ножка нимфы, а ее плечам, шее и сверкающим очам могла бы позавидовать сама охотница Диана.

С берегов своей родины она вывезла чуть тягучий говор, которому я, moi, qui vous parle {Я сам (франц.)}, слышал в Лондоне сотню грубых подражаний и столько же смешных попыток его скрыть и который, на мой взгляд (если им не злоупотреблять), звучит очаровательно в устах очаровательной женщины. Да и кто, скажите на милость, осмелится его осудить? Уж не вы ли, дорогая мисс Уиттингтон, обреченная судьбой на косноязычие? Или вы, прелестная мисс Николь Джарви, с вашей северной картавостью? Или, может быть, вы, прекрасная мисс Молони, с вашей ирландской гнусавостью? Любая погрешность произношения прелестна, если мы слышим ее из прелестных уст. Кто возьмется установить единый для всех образец, и какая эмблема будет ему соответствовать: роза, или чертополох, или трилистник, или звезды и полосы? Ну, а если говорить о произношении мисс Лидии, то в нем, я уверен, не было ничего ужасного даже в тот день, когда ее нога впервые ступила на берег нашего просвещенного острова, иначе мистер Уорингтон, известный своим тонким вкусом, безусловно, не одобрил бы ее речи и нам пришлось бы сделать заключение, что начальница Кенсингтонского пансиона не выполнила своего долга по отношению к этой воспитаннице.

По прошествии шести месяцев, в продолжение которых мисс Лидия, по расчетам своего деда, должна была усовершенствоваться во всех познаниях, какими располагал Кенсингтонский пансион, она весьма охотно возвратилась домой и заняла свое место в свете. На первых порах круг ее светских знакомств был довольно ограничен, но малютка обладала характером весьма решительным и твердо положила собственными силами расширить круг своих светских знакомств, дедушка же покорно следовал за ней, куда бы она его ни повлекла. Сам он не получал поблажек в юные годы, говорил старик, и не находит, чтобы эти суровые запреты принесли ему много добра. Потом он был столь же суров к своему сыну, и из этого тоже ничего путного не вышло. Так пусть же теперь малютка Лидия ведет самую что ни на есть приятную жизнь. Не кажется ли мистеру Джорджу, что он прав? В Виргинии поговаривали, справедливо ли, нет ли, это ему неизвестно, — что оба молодых джентльмена из Каслвуда были бы намного счастливее, если бы госпожа Эсмонд давала им побольше воли. Джордж не стал опровергать этого распространенного мнения и не помышлял о том, чтобы оказывать влияние на доброго старика и заставлять его менять свои планы в отношении внучки. И разве могла семья Ламберт не встретить с

распростертыми объятиями этого доброго человека, друга госпожи Эсмонд, столь нежного и снисходительного к своей внучке, которой он заменил отца?

Когда мисс Лидия возвратилась из пансиона, дедушка переселился с Монумент-Ярд в богатый особняк в Блумсбери, куда поначалу зачастили все их друзья из Сити: торговцы с Вирджиния-Уок, почтенные коммерсанты, с которыми старый купец вел дела, их жены, дочери и сыновья, отдававшие дань восхищения мисс Лидии. Было бы слишком утомительно пересказывать, как они все исчезли с горизонта один за другим — как прекратились пирушки в Белсайз, поездки в Хайгет, пикники по субботам на даче у мистера Хиггса в Хайбери и танцы в доме мистера Лутестринга в Хэрни. Даже воскресные обычаи претерпели изменение: мистер Ван ден Босх покинул Вифлеемскую часовню на Банхилл-роу и — страшно подумать! — снял постоянную скамью в церкви на Куин-сквер.

Да, в церкви на Куин-сквер, а мистер Джордж Уорингтон живет совсем рядом, по соседству, — на Саутгемптон-роу. Теперь уже нетрудно было догадаться, на кого мисс Лидия расставляла свои сети, и мистер Дрейпер, прежде неустанно расточавший похвалы и ей, и ее дедушке, теперь почел своим долгом предостеречь мистера Джорджа и сообщил ему о мистере Ван ден Босхе новые и весьма отличные от прежних сведения. Мистер Ван ден Босх, столь кичившийся своими голландскими предками, родился в Олбани и происходит от совершенно неизвестных родителей. Деньги он нажил, спекулируя земельными участками, а по другим слухам — каперством (что не так уж сильно отличается от пиратства) и работорговлей. Его сын женился (если это можно назвать женитьбой) на ссыльной преступнице, после чего отец лишил его наследства, и он пустился во все тяжкие и умер по какой-то счастливой случайности на собственной постели.

— Мистер Дрейпер пересказал вам все дурные слухи, которые обо мне ходят, — сказал добродушный старый джентльмен Джорджу. — Конечно, все мы грешники, и, конечно, про каждого из нас можно рассказать кое-что дурное, а заодно и много такого, чего не было. Он сказал вам, что мы с сыном не поладили и он был несчастлив? Я и сам вам об этом говорил. Он рассказывал вам скверные сплетни о моей семье? Однако она так пришлась ему по вкусу, что он даже хотел женить своего брата на моей Лидии. Храни ее господь! Многие уже просили у меня ее руки. Вы, молодой человек, именно тот, кого я бы избрал для нее, и вы нравитесь мне ничуть не меньше оттого, что предпочли ей другую, хотя что находите вы в вашей мисс, особенно по сравнению с моей Лидией, я, простите меня великодушно, в

толк не возьму.

— О вкусах не спорят, сэ, — как нельзя более высокомерно отвечал мистер Джордж.

— Конечно, сэ, такое случается на каждом шагу, — каприз природы. Когда я держал лавку в Олбани, там был один такой важный господин из самого что ни на есть высшего общества, и он мог бы жениться на моей покойной дочери, которая в ту пору была еще жива, и получить за ней немалую толику денежек, и тогда, понимаете ли, мисс Лидия осталась бы без гроша, потому как я уже поссорился с ее отцом. Так вот вместо моей красавицы Беллы этот господин взял себе в жены этакое простенькое невзрачное создание, ничуть не красивее, чем ваша мисс, и без всякого приданого. Ну, не дурак ли, не в обиду вам будь сказано, мистер Джордж?

— Ничего, можете не извиняться, — сказал Джордж со смехом. — Вероятно, этот господин был уже связан словом с другой девицей, с которой он познакомился раньше, а потому и остался нечувствителен к чарам вашей дочери.

— Да, должно быть, когда молодой человек дает слово совершить какую-нибудь глупость, он так уж и держит его, как дурак, прошу прощенья, сэ. Ах ты, господи, боже мой, о чем это я толкую, — ведь все это было двадцать лет назад. Я и тогда имел кое-что про черный день, но небесам было угодно, чтобы моя лавка процветала, и теперь я богаче втрое. Спросите моих агентов, сколько они дадут в Нью-Йорке за вексель Джозефа Ван ден Босха на сорок тысяч фунтов с уплатой через шесть месяцев, а то и по предъявлении? Ручаюсь, они учтут мой вексель.

— Счастлив тот, кому этот вексель достанется, сэ! — отвечивая поклон, сказал Джордж, которого немало позабавила откровенность старика.

— Боже милостивый, какие же вы, молодые люди, корыстолюбцы! воскликнул тот простодушно. — Все нынче только и думают что о деньгах! Счастлив тот, кому достанется девушка, вот что я вам скажу, — разве тут речь о деньгах, когда вместе с ними кто-то получит такое прелестное юное создание, хотя, может, мне, ее глупому старому деду, и не пристало это говорить. Это мы о тебе толкуем, Лидди, крошка, поди сюда, поцелуй меня, мое сокровище! Да, мы тут о тебе толковали, и мистер Джордж сказал, что он не возьмет тебя в жены, даже со всеми деньгами, какие твой бедный старый дедушка может за тобой дать.

— Нет, сэ, не возьму, — сказал Джордж.

— Ну, что ж, может, вы и правильно делаете, что отказываетесь, только я ведь еще не все сказал, вот дело-то какое. Когда богу будет угодно

прибрать меня к себе, мое сокровище получит куда больше, чем эта безделица, о которой я упоминал. Когда бедный старый дедушка сойдет в могилу, маленькая Лидия станет тогда большой богачкой, большой богачкой. Только она пока еще не хочет, чтобы я от нее уходил, верно, Лидди?

— Милый, дорогой дедушка, как можно! — воскликнула Лидия.

— Этот молодой человек не хочет посвататься к тебе. ("Премного вам обязана, сэр", — читает Джордж в лукавом взгляде карих глаз.) Но он, по крайней мере, честен, чего не про каждого скажешь в этом грешном городе Лондоне. Господи ты боже мой, до чего же это алчный народ! Вы знаете, все они там, на Монумент-Ярд, охотились за моим Сокровищем из-за ее денег. И Том Лутестринг, и мистер Дрейпер, ваш замечательный адвокат, и даже мистер Таббс, проповедник из нашей часовни. Все они слетались, как мухи на мед, и увивались вокруг нее. Вот почему мы решили убраться из тех кварталов подальше от наших братьев-торговцев.

— Надо же как-то было спастись от мух! — воскликнула мисс Лидия, потрянув головкой.

— Да, подальше от наших братьев-торговцев, — продолжал старик. — Ведь кто я такой, чтобы лезть в дружбу ко всяким там важным да знатным господам? Ваш высший свет меня не манит, мистер Джордж, стишки и пьесы, не в обиду вам будь сказано, никак не интересуют. Да я бы ни в жизнь не пошел в театр, кабы не эта озорница.

— О сэр, это было так чудесно! Я так плакала! Правда, я ведь очень плакала, дедушка?

— Плакала? Почему, моя радость?

— Ну над этим... над пьесой мистера Уорингтона, дедушка.

— Ты плакала, деточка? Да, может быть, может быть! В этот день привезли почту, и мне пришли письма. Мой корабль "Красотка Лидди" только что пришел в Фальмут, и капитан Джойс сообщил о том, как ему посчастливилось спастись от французского капера, и я был так рад его избавлению, что ни о чем другом и думать не мог. Мне ведь иначе грозило потерять порядочную сумму денег; понимаете, Джордж, теперь, из-за этой войны, за страховку так безбожно дерут, что иной раз предпочтешь лучше пойти на риск, чем выплатить... Словом, признаться, я не очень-то слушал пьесу, сэр, и пошел в театр, просто чтобы угодить этой малютке.

— И ты очень, очень угодил мне, милый дедушка! — воскликнула внучка.

— Ну и слава богу! Я ведь только этого и хотел. Что еще нужно человеку здесь, на земле, кроме как порадовать своих детей, — верно,

мистер Джордж? А особенно такому, как я, у кого была не очень-то счастливая молодость и кто по сей день раскаивается, что был слишком суров с отцом этой девчушки.

— О, дедушка! — восклицает девчушка и ластится к деду.

— Да, да, я был слишком суров к нему, моя дорогая, вот почему я теперь так балую свою крошку Лидди!

Крошка Лидди и дедушка снова обмениваются поцелуями. Малютка обвивает своими прелестными гладкими ручками морщинистую шею старика, прижимает пунцовые губки к его увядшей щеке, подняв вокруг головы почтенного старца целое облако пудры, выбитой из его парика, и одновременно косится на мистера Джорджа, как бы говоря: "Что, сэр, разве вам бы не хотелось, чтобы я так приголубила и вас?"

Исповедуясь, исповедуемся ли мы до конца? Джордж, несомненно, рассказал о своем посещении Лидии и ее деда и о том, как похвалялся старик богатством внушки. И все же я сомневаюсь, что он рассказал все, как есть, иначе едва ли Тео проявила бы такое расположение к Лидии, когда эти молодые особы познакомились, едва ли слушала бы ее с таким интересом и находила такой забавной.

Встречи эти стали повторяться и особенно участились после того, как мистер Ван ден Босх обосновался в Блумсбери. Сам он большую часть дня проводил в Сити, занимаясь делами и посещая биржу. В его отсутствие Лидия распорядилась в доме, принимала гостей на правах хозяйки или каталась по городу в красивой карете, которую по ее настоянию нанял дедушка, хотя сам ею почти никогда не пользовался. А крошка Лидия так быстро освоилась с этим экипажем, словно ездила в каретах всю жизнь. Она рассылала слуг с поручениями во все концы города, а сама разъезжала по галантерейным и ювелирным магазинам, с величественным видом наносила визиты знакомым или возила их с собой на прогулку. Тео и Этти с удовольствием проводили с ней время, однако неизвестно, так ли уж довольна была бы старшая сестра, знай она о проделках мисс Лидии. Не то чтобы Тео была ревнива по натуре — отнюдь нет, но бывают случаи, когда благородная дама имеет право немножко приревновать, и я готов утверждать это даже вопреки мнению моих благосклонных читательниц.

Надо полагать, что мисс Лидия позволяла себе так откровенно расточать хвалы мистеру Джорджу только потому, что ей было известно о его помолвке. Стоило им остаться вдвоем, — а такое счастливое стечение обстоятельств случалось в доме мистера Ван ден Босха весьма часто, ибо, как мы сказали, он постоянно отлучался куда-нибудь по делам, — и можно было только восхищаться тем, как безыскусно эта милая крошка проявляла

интерес к мистеру Джорджу, засыпая его бесчисленными простодушными вопросами о нем самом, о его гениальном творении, о его жизни на родине и в Лондоне, о его предстоящей женитьбе и так далее, и тому подобное.

— Я так рада, что вы женитесь, так рада! — повторяла она, испуская при этом самый жалобный вздох. — Ведь теперь я могу говорить с вами откровенно, совершенно откровенно, как с братом, и не думать все время об этих ужасных приличиях, которыми они замучили меня в пансионе. Я рада, что могу говорить с вами откровенно, и если вы мне нравитесь, могу вам об этом сказать, — ведь правда, могу, мистер Джордж?

— Я даже прошу вас, скажите, — с улыбкой отвечал Джордж, отвечивая поклон. — Такие слова приятно слышать каждому мужчине, а тем паче, когда их произносят такие прелестные губки.

— Будто уж вы успели разглядеть мои губки! — с кокетливой ужимкой говорит Лидия и устремляет на Джорджа невинный взгляд.

— Да, в самом деле! — говорит Джордж. — Может, мне следует разглядеть их получше?

— Во всяком случае, они никогда не произносят ничего, кроме правды! заявляет Лидия. — И кое-кому это не по вкусу. А у меня что на уме, то и на языке. Я ведь выросла в деревне, подхожу ко всем с открытым сердцем, у меня все просто, все начистоту, не то что у ваших англичанок, — они там, в этих ваших пансионах, учатся невесть чему, а потом еще просвещаются и у мужчин.

— О да, наши девушки — ужасные лицемерки! — говорит Джордж.

— Вы подумали о сестрах Ламберт? Право же, я совсем не их имела в виду, хотя, конечно, могла бы вспомнить и про них. Они были в пансионе, они выезжают в свет, и поэтому мне их очень, очень жаль, ведь ничему хорошему они там не научатся. Ну вот, я вам все сказала, а теперь вы, конечно, пойдете и расскажете это мисс Тео, не так ли, сэр?

— Что же я расскажу ей — что она ничему хорошему не могла ни от кого научиться? Но она не общается почти ни с кем из мужчин, за исключением отца, брата и меня. Так кто же из нас троих должен был повлиять на нее особенно дурно? Как вы полагаете?

— О, конечно, не вы! Хотя я понимаю, что находиться в вашем обществе весьма опасно! — говорит девица и испускает тяжелый вздох.

— Неужто так опасно? Я же не кусаюсь! — смеясь, говорит Джордж.

— Кто же говорит, что вы кусаетесь? Есть, наверно, вещи и пострашнее, тихо роняет девушка. — Вы же очень остроумны, разве нет? Да, да, и вы очень умный, и большой насмешник, и всегда над всеми подшучиваете, верно? И речи ваши так лукавы. И если вы будете так на

меня смотреться просто не знаю, что я могу натворить. А ваш брат, которого мне в мужья прочат, похож на вас? Он такой же умный а такой же острый на язык, как вы? Я слышала, что он на вас похож! Но, верно, не умеет так вкрасться в душу. Эх! Хорошо, что вы уже помолвлены, мистер Джордж, вот что я вам скажу. А как вы думаете, может, вы и не предпочли бы мне мисс Тео, если бы увидели меня раньше?

— Моя дорогая, говорят, что браки заключаются на небесах. Будем надеяться, что и о моем позаботились там же, — сказал Джордж.

— Верно, такого еще никогда не бывала на свете — чтобы мужчина имел двух нареченных зараз? — простодушно спрашивает наивная крошка. — А по-моему, жаль, что так не бывает. Ах, ну что за глупости я болтаю! Я как та маленькая девочка, которая плакала, потому что ей не могли достать месяц с неба. И я вот тоже не могу получить свой месяц — он слишком высоко на небе... слишком высоко и слишком ярко светит. Никогда мне до него не дотянуться. Нет, вы только послушайте, какое я глупое, капризное, избалованное создание! Но кое-что вы все-таки должны мне пообещать... и должны дать мне в этом честное слово, слышите, мистер Джордж?

— Что же именно?

— Что вы ничего не скажете мисс Тео, не то она возненавидят меня.

— Почему она должна вас возненавидеть?

— Потому что я ненавижу ее и желаю ей смерти! — не выдерживает девица, и глаза ее, такие нежные и печальные мгновение назад, гневно сверкают, жаркий румянец вспыхивает на щеках. — Стыд какой! — произносит она, помолчав. — Надо же быть такой дурочкой — не уметь таиться! Я же дитя лесов, я выросла там, где солнце жаркое, — не то что в этой вашей стране туманов. И я не такая, как ваши холодные английские мисс, которые без маменькиного разрешения слова не скажут, шагу не ступят и сердцу воли не дадут. Конечно, я дурочка, — зачем я говорю вам все это! Я же знаю, вы пойдете и расскажете мисс Ламберт. Ну и ладно, ступайте рассказывайте!

Но, как мы уже говорили, Джордж не все рассказал мисс Ламберт. Есть вещи, которые мы не должны верить даже нашим возлюбленным. И, быть может, Джордж не вполне признавался даже самому себе в том, каков был истинный смысл излиятий этой крошки, а уж если и признавался, то, во всяком случае, не подавал виду — разве что при встречах всегда был необычайно внимателен и нежен с мисс Лидией, а потом вспоминал о ней с большой теплотой и не без удовольствия. И в самом деле, как можно, чтобы мужчина не испытал благодарности за такое безыскусное проявление чувств и жар юного сердца и не отвечал на них маленькими любезностями?

Позвольте, что же это за сплетня доходит тем временем до слуха наших друзей? Говорят, молодой мистер Лутестринг и молодой мистер Дрэпшоу, квакер, набросились друг на друга с кулаками в одной из городских таверн, не поладив из-за этой молодой особы? Говорят, они выпивали вместе, повздорили и подрались. И почему мистер Дрейпер, который сперва так превозносил мисс Лидию, теперь так дурно отзываясь о ее дедушке?

— Я подозреваю, — сказала госпожа Бернштейн, — что он задумал посватать эту девицу кому-нибудь из своих родственников или клиентов, и теперь распускает эти сплетни, чтобы отпугнуть других поклонников. Она держалась вполне прилично, когда была у меня со своим дедушкой, и, признаться, сэр, я очень сожалею, что вы отдаете предпочтение той краснощекой деревенской девчонке без гроша за душой перед этим очаровательным, непосредственным и бесхитростным созданием с большим, как я слышала, приданым.

— О, так она была у вас, тетушка? — удивился Джордж.

— Конечно, была, — сухо отвечала тетушка. — И если бы твой братец не был столь же глуп, как ты, и не влюбился во вторую ламбертовскую девицу...

— Нет, нет, сударыня, могу, мне кажется, заверить вас, что этого пока не произошло, — отвечал Джордж.

— В таком случае, почему бы ему по возвращении из Канады не приглядеться поближе к этой крошке, не жениться на ней и не обосноваться рядышком с вами в Виргинии, как того хочет ваша маменька? Хотя, если уж говорить начистоту, то мы, Эсмонды, редко беспокоимся о том, чего хотят наши маменьки. Крошка должна получить большое наследство. Зачем давать этим деньгам уплыть куда-то на сторону?

Джордж понял, что мистер Ван ден Босх и его внучка были довольны частыми посетителями дома госпожи де Бернштейн. Во время одной из своих излюбленных прогулок в Кенсингтон-Гарденс в обществе своей излюбленной спутницы Джордж видел, как экипаж мистера Ван ден Босха завернул на Кенсингтон-сквер. Значит, американцы отправились нанести визит леди Каслвуд? Наведя справки, Джордж узнал, что они уже не раз навещали ее милости. Быть может, Джорджу могло показаться несколько странным, что они ни словом не обмолвились об этих визитах, однако, мало интересуясь чужими делами, никогда не занимаясь интригами и не действуя тайком, он не спешил заподозрить в этом и других. Что ему за дело, как часто Кенсингтон принимает у себя Блумсбери или Блумсбери ездит на поклон к Кенсингтону?

А между тем в обоих вышеупомянутых домах происходило многое, о чем наш виргинец и понятия не имел. В самом деле, разве не происходит у нас под самым носом многое такое, чего мы не замечаем? Разве не становимся мы каждодневно свидетелями житейских трагедий и комедий, не постигая, однако, того величественного и смешного, что заключено в них? И, возможно, Джордж, возвращаясь докой, думал: "Я, кажется, оставил след в сердце этого юного создания. Она почти призналась мне в этом. Бедная, бесхитростная девчушка! Интересно, что она нашла во мне, чем я сумел ее привлечь?" Мог ли Джордж сердиться на нее за то, что она так неудачно отдала предпочтение именно ему? Да и какой мужчина когда-либо сердился по такой причине? Впрочем, Джордж, вероятно, был бы уже не так доволен, знай он все — знай он, что является лишь одним из действующих лиц этой комедии, а отнюдь не главным ее героем, что он — Розенкранц и Гильдепстерн, а роль Гамлета исполняет кто-то другой. Как часто наше мелкое тщеславие получает такие щелчки и подвергается целебному уничтожению! Не случалось ли вам возликовать оттого, что взор Люсинды с особой нежностью покоится на пас, и почти тут же заметить, что она самым убийственным образом строит глазки вашему соседу? Не случалось ли вам за обеденным столом обмениваться сладчайшими признаниями с Лалагой (о, этот упоительный шепот под звон бокалов и гул голосов!), а потом подслушать, как она шепчет те же сладостные слова старому Сурдусу в гостиной? Солнце сияет для всех, и для всех благоухают цветы, и трели соловья и Лалаги звучат для всех ушей, а не только для твоих, мой длинноухий брат!

Глава LXX,

в которой видная роль отводится Купидону

Теперь, прежде чем будет продолжен рассказ о мисс Лидии и ее проделках, долг повелевает нам дать объяснение некой фразе из письма Джорджа Уорингтона его брату — фразе, в которой упоминается леди Мария Эсмонд и которая кое-кому из наших простодушных читателей, вероятно, все еще кажется загадочной. Да и в самом деле, как могут подобные догадки прийти в голову благонамеренному читателю? Могут ли добронравные, неискушенные молодые люди предположить, что женщина благородного происхождения, весьма древнего рода, обогащенная жизненным опытом и без памяти влюбленная всего несколько месяцев назад, может настолько забыть себя (о, я краснею до кончиков пальцев, когда пишу эти строки!), чтобы не только полюбить человека безродного, к тому же много моложе ее годами, но и выйти за него замуж перед лицом всего света? Впрочем, правильнее будет сказать не перед лицом, а за его

спиной, ибо пастор Сэмпсон тайно связал эту пару нерасторжимыми узами в своей часовне в Мэйфэре.

Но помедлите и задумайтесь, прежде чем осудить ее бесповоротно. Если леди Мария была безрассудно увлечена своим молодым кузеном, а потом поборолла эту слабость, дает ли это нам основание считать, что она не имела права полюбить кого-то другого? Почему только мужчинам дозволено искать новых утех, а женщины должны подвергаться осуждению, если они время от времени позволяют себе немного утешиться? Ни одна обличительная речь не кажется нам более грубой, вульгарной и философски несовершенной, чем, к примеру сказать, речь Гамлета, обращенная к матери по поводу ее второго брака. Ведь суть-то, по-видимому, заключалась в чем? Да в том, что этой нежной повилке необходимо было вокруг кого-нибудь обвиться, а поскольку старого короля уже убрали с дороги, она обвилась вокруг Клавдия. Да что там, мы знаем женщин, у которых эта потребность прилепиться к кому-нибудь столь сильна, что они обвиваются разом вокруг двух мужчин, и кто сказал, черт побери, что за поминками не может последовать свадебного пира? Если вчера вы возблагодарили бога за хороший обед, значит ли это, что сегодня вы уже не можете почувствовать голод? Если у вас от природы отменный аппетит и вы с удовольствием поглощаете сегодня свой ужин, то ведь это говорит лишь о том, что завтра часов в восемь вечера вы, по всей вероятности, захотите пообедать. Что до меня, то когда Кокетисса или Флиртилла были ко мне благосклонны (надеюсь, любезный читатель понимает, что здесь идет речь о неких особах самой что ни на есть ослепительной красоты и самого что ни на есть высокого происхождения), я всегда держал в уме, что придет время, и их благосклонностью будет пользоваться кто-нибудь другой. Нас сервируют *a la Russe* {На русский лад (франц.)} и заглатывают одного за другим, как в пещере Полифема. Как говорится, *hodie mihi, cras tibi* {Сегодня меня, завтра тебя (лат.)}. Есть и такие антропофаги, которые пожирают нас дюжинами — и старых, и молодых, и нежных, и жестких, и жирных, и костлявых, и красивых, и безобразных: пощады нет никому, и один за другим мы по воле судьбы исчезаем в их всеядной пасти. Поглядите на леди Каннибул! Все мы помним, как в прошедшем году она разделалась с бедным Томом Соплякусом! Как она вцепилась в него, насытилась им, обглодала его косточки и выплюнула. А теперь она заманила в свое логово Неда Профануса. Зачарованный и дрожащий, он распростерт перед ее величественным взором. Взгляните на это несчастное трепещущее создание, как он беспомощен перед этими дивными очами! Она

подкрадывается к нему все ближе и ближе; он тянется к ней все сильнее и сильнее. Сейчас мы услышим жалобный визг, мольбу о пощаде, и ах!.. он исчезнет! Увы! Мне жаль его. К примеру сказать, мне известно, что Мария Эсмонд не раз и не два теряла свое сердце, прежде чем его подобрал Гарри Уорингтон, но мне почему-то думалось, что Гарри навсегда останется его обладателем, что, сокрушаясь над своей незадачливой судьбой и распавшейся связью времен... я хотел сказать — возрастов, Мария сохранит до конца свою любовь и взлелеет ее в благом нравном безбрачии. Если в припадке старческого слабоумия я вздумаю завтра влюбиться, то, как и прежде, буду думать, что мне принадлежит неотъемлемое право собственности на сердце моей чаровницы и что я — не просто кратковременный жилец выдавших виды меблированных номеров, где расшатанные кушетки хранят следы грязных сапог последнего квартиранта, а винные бокалы — отпечатки многих губ. О, моя бесценная нимфа! Ты была прекрасна и любима! Допустим, у меня было мимолетное увлечение Гликерой (ее кожа и вправду ослепительна, как чистейший паросский мрамор!), допустим, ты была равнодушна к Телефусу с его дурацкими отложными воротничками и нелепой длинной шеей. Все эти маленькие безрассудства забыты теперь, не так ли? Мы любим друг друга до могилы, разве нет? Да, да, до могилы, и пускай себе Гликера отправляется на воды в Бат, а Телефус со своей *servicem roseam* {Красной шеей (лат.).} хоть на виселицу, *n'est-ce pas?* {Не так ли? (франц.).}

О нет, мы не ищем перемен, моя дорогая. Как бы ни летело время, как бы ни ползли вперед стрелки часов, какие бы ни дули над нами ветра, угли в нашем очаге, которые сейчас горят так ярко, никогда не подернутся золой. В былое время мы позволяли себе слегка порезвиться, и, право же, о твоём увлечении Телефусом (не хмурься так, мое сокровище, ведь от этого морщинки у тебя на лбу залегают еще глубже), — право же, повторяю, о твоём увлечении Телефусом злословил весь город, а что до Гликеры, — то она преподло поступила со мной. Но теперь, когда мы понимаем друг друга, наши сердца соединены навеки, и плевать мы хотели на сэра Крессуэлла-Крессуэлла и на его напудренный парик. Но другое дело — леди Мария, жившая в прошлом веке, — у нее был неуравновешенный нрав. Ты, моя голубка, знаешь свет, и тебе понятно, что в жизни этой дамы было немало такого, что не следует выставлять на всеобщее обозрение, ибо это не слишком назидательно. Тебе известно (я не хочу сказать, мое сокровище, что тебе это известно по собственному опыту, но ты могла слышать, о чем толкуют люди, о чем толкует твоя маменька), — итак, тебе известно, что старая кокетка, излечившись от страсти к одному предмету,

не угомонится, пока не найдет себе другого, что любовная игра — то же пьянство, и когда все вино выпито, ты... нет, не ты, не ты, я хотел сказать — Гликера... Ну, словом, Гликера, раз пристрастившись к бутылке, когда вино будет выпито, ухватится за джин. Короче говоря, если Мария Эсмонд нашла преемника Гарри Уорингтону и отдала империю своего сердца во власть новому султану, почему в конце концов это должно быть такой неожиданностью для нас? Ведь империя эта, подобно Нидерландам, привыкла переходить из рук в руки и всегда готова к иноземному вторжению.

На сей раз завоевателем сердца Марии оказался не кто иной, как мистер Кьюхэган, или Хэган, молодой актер, исполнитель роли короля в трагедии Джорджа. Его голос звучал так проникновенно, его жесты были так благородны, его глаза так сверкали и он был так прекрасен и своих позолоченных кожаных доспехах и огромном завитом парике, когда произносил блистательные строки нашего поэта, что сердце леди Марии устремилось к нему, как сердце Ариадны к Бахусу, после того как ее интрижка с Тезеем пришла к концу. Молодой ирландец был глубоко тронут и очень горд благосклонностью этой знатной дамы. Возможно, он предпочел бы назвать своей женой особу более нежного возраста, но более нежное сердце ему трудно было бы сыскать. Леди Мария воистину прилепилась к нему душой и телом, и когда они были вынуждены обнародовать свой брак и разъяренные родственники отреклись от нее, она переселилась к нему, в его скромное жилище в Вестминстере.

Генерал Ламберт, вернувшись домой из своего департамента в Уайтхолле, сообщил эту новость своим домашним, чем очень их всех позабавил. В те простодушные времена никто не чурался хорошей шутки, если даже она чуточку выходила за рамки приличия, и светская дама от души смеялась над веселыми страницами Фильдинга и плакала над письмом Клариссы, тогда как вас, миледи, то и другое повергло бы в ужас. Но наш жизнерадостный генерал позволил себе немало крепких шуточек по поводу этого брака, и той роли, которую сыграл в нем Джордж, и ревности Гарри, когда он будет об этом браке оповещен. Кузен Хэган, по совести, должен был бы попросить Джорджа быть шафером, а своего первенца назвать Карпезаном или Сибиллой, в честь великой Трагедии, говорил генерал и добавлял еще многое в том же духе. Нанять карету им, верно, будет не по карману, но они могут взять колесницу и картонных драконов из театрального реквизита мистера Рича, а у макбетовских ведьм попросить напрокат котел, чтобы окрестить в нем новорожденного, ну а восприимчивыми должны быть, конечно, Гарри и шут.

— А почему, собственно, не выйти ей замуж, если она его любит? спросила Этти. — И почему он не должен любить ее, даже если она чуточку старовата? Маменька ведь тоже чуточку старовата, но вы же любите ее от этого не меньше. Вы говорили, сэр, что были очень бедны, когда женились на маменьке, однако же вы были очень счастливы и над вами никто не смеялся! Так рассуждала эта своенравная малютка, по причине своего нежного возраста и не подозревая о прежних увлечениях леди Марии Эсмонд.

Значит, ее семейство отреклось от нее? Джордж рассказал, что они все в ярости, что леди Каслвуд облеклась в траур, что мистер Уилл поклялся задать трепку этому негодяю и что больше всех распалилась гневом донельзя возмущенная госпожа Бернштейн.

— Конечно, она нанесла оскорбление своей семье, — не без высокомерия заметила крошка Этти, — и можно себе представить, как вознегодовали все эти знатные дамы, когда человек, занимающий такое низкое положение в обществе, как мистер Хэган, вдруг сделался их родственником. Но отречься от нее — это уже чересчур.

— Право, дитя мое, ты говоришь о том, чего совершенно не понимаешь, воскликнула маменька. — Ни один уважающий себя человек не может знаться с леди Марией после таких ее поступков.

— Каких поступков, маменька?

— Неважно! — отвечала маменька. — Маленьким девочкам не полагается знать о некоторых поступках леди Марии и проявлять к ним слишком большое любопытство! Достаточно сказать, что мне не следовало принимать ее здесь, и, повторяю, ни один приличный человек не должен поддерживать с ней знакомство!

— В таком случае, тетушка Ламберт, меня следует выпороть и отправить в постель, — с напускной серьезностью заметил Джордж. — Должен признаться, что я нанес визит моему приятелю-актеру и его высокородной супруге, но не сообщил вам об этом, поскольку мне казалось, что это касается только их и меня. Я нашел мистера Хэгана в весьма неказистой квартирке в Вестминстере, где этот бедняга вынужден был поселить не только свою жену, но и старушку-мать и маленького брата, которого определил в школу. Итак, я посетил мистера Хэгана и покинул его, проникшись к нему симпатией и, я бы даже сказал, уважением, хотя он и заключил безрассудный брак. Но ведь многие заключают безрассудные браки, не правда ли, Тео?

— Да, крайне безрассудные¹ если выходят замуж за таких транжиров, как ты, — сказал генерал. — Мистер Джордж разыскал своих

родственников, и пусть меня повесят, если он не оставил там свой кошелек.

— Ну, нет, только не кошелек, сэр, — сказал Джордж и растроганно улыбнулся. — Ведь кошелек мне связала Тео. Однако не скрою, я унес его оттуда пустым. Мистер Рич рвет и мечет. Говорит, что он едва ли осмелится выпустить Хэгана на сцену — боится скандала, вроде того, какой был у мистера Гаррика из-за чужеземных танцоров. На этот раз скандал собираются учинить самые высокодоставленные господа. Все эти франты вне себя от бешенства и клянутся, что забросают мистера Хэгана гнилыми яблоками, а потом прикажут отдубасить его дубинками. Мой кузен Уилл тоже клялся в кофейне Артура задать трепку этому актеру. Ну а пока что бедняга сидит без роли, ему перестали платить жалованье, а без его жалованья этой злополучной парочке не на что купить даже хлеба с сыром.

— И вы позаботились, чтобы они не остались без еды, сэр? Как это похоже на вас, Джордж! — воскликнула Тео, глядя на него с обожанием.

— Но это сделал ваш кошелек, милая Тео, — отвечал Джордж.

— Маменька, вы должны навестить их завтра же! — с мольбой воскликнула Тео.

— Если она этого не сделает, я с ней разведусь, доченька! — вскричал папаша. — Подойди, поцелуй меня, плутовка... Ну, конечно, *avec la bonne permission de monsieur mon beau-fils* {С любезного разрешения моего уважаемого зятя (франц.)}.

— *Monsieur votre belle fantaisie, papa!* {Вашего уважаемого вздора, папенька (франц.)} — воскликнула мисс Тео и, само собой разумеется, тут же выполнила отцовский приказ, а Джорджу Эсмонду-Уорингтону, эксвайру, почудилось, что его наименовали как-то странно.

Даже теперь, в наше время, всякий, заключивший безрассудный брак, знает, что он тем самым бросает вызов своей семье, что он будет осыпан упреками и насмешками, испытает на себе гнев и соболезнование своих родственников. Если ваше почтенное семейство вопиет и стонет, потому что вы женились на одной из десяти очаровательных дочек викария или, скажем, обручились с молодым стряпчим, не имеющим других источников дохода, кроме писания кляуз, и вынужденным оплачивать свои оксфордские векселя из вашего крошечного приданого, — словом, если все ваши друзья уже подняли вопль по поводу подобного союза, вы легко можете себе представить, что испытали друзья леди Марии Хэган и даже самого мистера Хэгана, когда эта парочка объявила о своем браке.

Прежде всего следует взять в соображение старую миссис Хэган. Ее почтительный сын, покинув после смерти отца Тринити-колледж и начав выступать в роли Ромео в Дублинском театре, обеспечил ей относительно

безбедное существование. Его жалованья в последние годы хватало на то, чтобы содержать брата-школьника, помогать сестре, поступившей в компаньонки, и обеспечить едой, питьем, одеждой, топливом и самыми необходимыми удобствами вдову старого священника, свою мать. И вот теперь, — слыханное ли это дело, — знатная дама со всякими капризами и причудами вторгается в их скромное жилище, начинает в нем хозяйничать и участвует в их и без того скудной трапезе! Не будь Хэган таким горячим малым, которого побаивалась даже его матушка, леди Мария могла бы почувствовать себя не слишком уютно в своей вестминстерской квартирке. И в самом деле, разве не было это проявлением чудовищного эгоизма — занять место за скромным столом и на узком ложе бедного мистера Хэгана? Но разве романтические и страстные натуры задумываются над последствиями или ищут удобств, когда их сердцами владеет Любовь? Кто не знал таких порывов? Какая бережливая супруга не сокрушалась при виде супруга, когда он с раздумившимися щеками и бесшабашной улыбкой приходит домой и объявляет, что на субботу пригласил к обеду человек двадцать гостей? Кого именно, он уже не помнит. Но ему, без сомнения, известно, что за их столом нельзя разместить более шестнадцати персон? Велика важность! Двух самых хорошеньких девушек можно посадить на колени к кому-нибудь из молодых людей, а потом кто-то не придет, и места наверняка всем хватит! В любовном опьянении многие позволяют себе такие отчаянные выходки, не умеют рассчитать ресурсы своего обеденного стола и забывают о неотвратимых счетах из мясных и рыбных лавок, которые начнут поступать к перепуганной экономке в первых числах месяца.

Вот так-то. И, конечно, леди Мария поступила несколько эгоистично, позволив себе сесть за хэгановский стол, и снимать сливки с молока, и уплетать крылышко цыпленка и лучшую половину всех кушаний, которых и так едва хватало, и не удивительно, что бедная старушка-свекровь склонна была поворчать. Но чего стоят ее жалобы по сравнению с тем воем, который поднялся в благородном семействе леди Марии в Кенсингтоне! Вы только подумайте, какие пойдут сплетни, ведь это же скандал на весь город! Вы слышите, как перешептываются и хихикают фрейлины при дворе принцессы? А ведь среди них находится и леди Фанни! Какие шутки отпускают офицеры — товарищи мистера Уилла! Как злословят газеты и журналы! Какой приговор выносят возмущенные блюстители нравов, как ухмыляются в клубах разные негодники! Узнав о случившемся, госпожа Бернштейн закатила припадок и скрывалась от глаз на своих любимых Танбриджских водах, где ни на один из карточных

вечеров не пригласила более сорока человек. Граф не пожелал посетить сестру, а графиня, надев, как мы уже сообщали, траур, отправилась к своей доброй покровительнице — принцессе, которая соблаговолила выразить ей соболезнование по поводу несчастья и позора, обрушившегося на столь почтенный дом. Скандал этот волновал и забавлял город целых трое суток; затем начали поступать другие новости: о победе, одержанной в Германии; о смутном положении дел в Америке; о том, что генерал возвращается на родину и предстанет перед военным судом; о новом восхитительном сопрано из Италии, и общество забыло про леди Марию, уплывавшую в своей каморке на чердаке скудную пищу, добытую нелегким актерским трудом.

Ниже мы приводим извлечение из письма мистера Джорджа Уорингтона брату, в котором он наряду с другими делами личного свойства описывает свой визит к новобрачным.

"Моя дорогая крошка Тео, — писал он, — ужасно рвалась сопровождать свою матушку в этом визите милосердия, но я считал, что при сложившихся обстоятельствах тетушке Ламберт лучше на этот раз обойтись без своего маленького *aide-de-camp* {Адъютанта (франц.)} в юбке. Кузена Хэгана мы не застали дома. Миледи в легком капоте и не слишком аккуратных папильотках играла в криббидж с соседкой с третьего этажа, а добрая миссис Хэган восседала по другую сторону камина со стаканом пунша и "Долгом человека".

Мария, некогда твоя Мария, слегка всплакнула при виде нас, и тетушка Ламберт, как ты понимаешь, не замешкалась с изъявлением сочувствия, а я тем временем расточал все, какие только приходили мне на ум, комплименты почтенной старушке. Когда разговор между тетушкой Ламберт и новобрачной начал иссякать, я принял в нем участие, и мы совместными усилиями постарались, сделать это унылое посещение более приятным. Мы говорили о тебе, о Вулфе, о войне. Теперь ты уже, вероятно, сражаешься с французами, и я молю бога, чтобы он даровал победу моему бесценному брату и вывел его целым и невредимым из схватки! Будь уверен, мы с тревогой следуем за тобой: мы видим тебя у Кейп-Бретон. Мы рассматриваем план Квебека и карту реки Святого Лаврентия. Могу ли я забыть, какая радость отразилась на твоём лице, когда ты увидел, что я вернулся целым и невредимым с тогдашнего пустякового поединка с французиком. Я верю, что и мой Гарри вернется с поля битвы целехонек. Я ни секунды в этом не сомневаюсь, заранее радуюсь твоему успеху и заразил здесь всех моей бодростью. Мы говорим о войне так, как если бы исход ее был предрешен и капитан Уорингтон уже получил новый чин.

Молю небо, чтобы скорее настал тот день, когда все эти надежды сбудутся.

Не странно ли, что тебе, такому горячему малому (ты сам знаешь, какой ты вспыльчивый), удавалось до сих пор избегать ссор, а я, миролюбивый по натуре, никому не желающий зла, вечно ввязываюсь в драки по чьей-нибудь злой воле! Что ты скажешь, узнав, что твой негодный брат снова попал в переделку, и как ты думаешь, с кем? Ни более ни менее, как с твоим старым недругом, нашим родичем мистером Уиллом,

Диву даюсь, что восстановило его против меня или кто мог его натравить! Спенсер (который был моим секундантом, — дело, как видишь, зашло далеко, но не путайся, все уже позади, и никто не получил ни царапины), так вот, Спенсер уверен, что кто-то науськал Уилла на меня, но кто же, спрашивается, кто? Он вел себя крайне загадочно и совершенно непозволительно. В последнее время мы довольно часто встречались с ним в доме добрейшего Ван ден Босха, чью прелестную внучку наша драгоценная маменька прочила в жены нам обоим. Ах, дорогая маменька, могли ли вы предположить, что эта крошка станет *causa belli* {Поводом к войне (лат.)}, что из-за нее будут обнажены шпаги и две молодые жизни подвергнутся смертельной опасности? Но так случилось. То ли желая показать свою храбрость, то ли по какой-то причине сомневаясь в моей, но только всякий раз, когда мы с Уиллом встречались в их доме, — а он вечно торчит там, — наш кузен вел себя со мной столь грубо, что мне стоило немалого труда и выдержки сохранять спокойствие. Не раз и не два он в присутствии всей семьи старался вызвать меня на спор и, как мне казалось, из чистой неприязни и злобы. Возможно, он приволакивается за мисс Лидией и за кораблями, неграми и сорока тысячами фунтов ее дедушки? Сдается мне, что так. Старик вечно бахвалится своими деньгами и обожает внучку, а так как эта малютка и в самом деле прелестна, то у нас тут куча народа готова обожать ее. Неужели Уилл так низок, что мог вообразить, будто я променяю мою Тео на миллион гиней и орду чернокожих с этой юной Венерой в придачу? Неужели подобная гнусность может зародиться в уме человека? Эдак он способен обвинить меня в том, что я стянул у Ван ден Босха с обеденного стола серебряные ложки и бокалы и вообще промышляю грабежом на большой дороге... Словом, по той или иной причине ему угодно было проникнуться ко мне ревностью, и возможно, что я, отвечая на его наглые выходки несколько язвительным тоном (хотя, разумеется, абсолютно в рамках приличия, поскольку это происходило в обществе), раз-другой задел его за живое. А наша малютка Лидия тоже невольно подливала масла в огонь — особенно вчера, когда разговор зашел о твоей милости.

"Ах! — неосторожно сказала эта невинная крошка, когда мы сидели за десертом. — Ваше счастье, мистер Эсмонд, что капитана Гарри нет здесь".

"Это почему же, мисс?" — спрашивает тот с добавлением одного из своих излюбленных словесных украшений. Не иначе, как он обидел в детстве ту самую фею, по воле которой у скверной девочки при каждом слове выскакивала изо рта лягушка или жаба; ну, а у Уилла что ни слово, то изо рта вылетает брань. (Я, между прочим, знаю одну особу, из нежных уст которой сыплются только чистые перлы и бриллианты.) "Это еще почему?" — повторяет мистер Уилл и тут же раздражается залпом проклятий.

"Ой, срам какой! — говорит мисс Лидия, прикладывая прелестные пальчики к самым прелестным розовым ушкам на свете. — Ой, какой срам, сэр! Какие гадкие вы употребляете слова. Ваше счастье, что капитана здесь нет, иначе он поссорился бы с вами. А у мистера Джорджа нрав тихий, миролюбивый, и он не станет ссориться. Есть ли у вас вести от капитана, мистер Джордж?"

"Есть, с Кейп-Бретон, — отвечаю я. — Он чувствует себя превосходно, благодарю вас, но я хотел бы сказать..." Тут я, не договорив, умолкаю на полуслове, так как задыхаюсь от гнева и не могу больше сдерживаться.

"Этот капитан, как вы его называете, мисс Лидия, — говорит Уилл, — еще отличится там так, как он отличился при Сен-Ка. Ха-ха-ха!"

"Насколько мне известно, он там действительно отличился, сэр", — говорю я.

"Отличился? — восклицает наш дорогой кузен. — А я всегда считал, что он попросту удрал. Его там окунули в воду, и он пустился наутек, так, словно бейлиф снова гнался за ним по пятам".

"Вот как! — говорит мисс. — Разве бейлиф когда-нибудь охотился за капитаном?"

"А то нет! Ха, ха, ха!" — потешается мистер Уилл.

Должно быть, у меня был очень рассерженный вид, потому что обедавший с нами мистер Спенсер наступил мне под столом на ногу.

"Не хохочите так громко, кузен, — говорю я самым мягким тоном, — вы разбудите почтенного мистера Ван ден Босха". Старик тем временем уже спал в глубоком кресле, в котором он любит вздремнуть после обеда.

"Полноте, кузен, — говорит Уилл и, обернувшись, подмигивает своему приятелю капитану Дьюсэйсу, а какая у этого субъекта и у его супруги репутация, ты, я думаю, когда посещал клубы, слышал. Уилл же ввел его в это скромное семейство и представил как человека из самого высшего общества. Не пугайтесь, мисс. — говорит мистер Уилл, — да и мой кузен зря так пугается".

"Вот и прекрасно! — восклицает мисс Лидия. — Ведите себя смирно, господа, не ссорьтесь и приходите ко мне, когда я пришлю сказать, что чай готов". И, сделав очаровательный реверанс, малютка Лидди исчезает.

"К черту, Джек, давай сюда бутылку, только не разбуди старика! говорит мистер Уилл. — А вы не хотите приложиться, кузен?" — добавляет он, как-то презрительно подчеркивая слово "кузен".

"Да, я хочу приложиться, — говорю я, — только не к бутылке. И если вы немножко помолчите, кузен, я сейчас скажу вам, что я намерен сделать". (Тут Спенсер отчаянно брыкает меня под столом.)

"А на черта мне знать, что вы намерены сделать?" — говорит Уилл, заметно побледнев.

"Я намерен запустить этим стаканом вам в физиономию", — говорю я и тут же осуществляю свое намерение.

"Вот это да, черт побери!" — восклицает мистер Дьюсэйс, и под гром их проклятий старик Ван ден Босх просыпается и, скинув носовой платок с лица, спрашивает, что тут произошло.

"Да просто стакан вина был использован не по назначению", — объясняю я ему, и старик говорит:

"Не беда, у нас в запасе еще есть! Велите дворецкому подать то вино, что вам больше по вкусу, молодые люди!" И он снова погружается в свое кресло и в дремоту.

"В шесть часов утра из сада, что позади Монтегью-Хаус, открывается очень красивый вид на Хемстед, и статуя короля на церкви святого Георгия считается очень благородным произведением искусства, кузен", — говорю я, возобновляя разговор.

"К черту статую!" — выкрикнул было Уилл, но я его прерываю:

"Не орите, кузен, не то вы опять разбудите нашего хозяина. Не лучше ли нам подняться наверх, к чайному столу мисс Лидии?"

Мы условились встретиться на следующее утро, и сегодня днем следователь мог бы уже вести дознание над трупом одного из нас или даже обоих, но, поверишь ли, в ту минуту, когда мы готовились привести наш план в исполнение, появились трое подручных сэра Джона Фильдинга, отвели нас на Бау-стрит и принудили самым постыдным образом дать слово не нарушать общественного порядка и спокойствия.

Кто донес на нас? Не я и не Спенсер — за него я ручаюсь. Впрочем, признаться, я отчасти даже обрадовался, увидав бегущих к нам констеблей с дубинками, так как у меня не было ни малейшего желания ни пролить кровь Уилла, ни жертвовать своей в угоду этому негодяю. Ну, что скажете, сэр, сомневаюсь, чтобы вы могли описать мне баталию', подобную этой, —

без единого выстрела, без запаха пороха, со шпагами, не больше окрашенными кровью, чем на театральных подмостках? А я исписал всю бумагу, так и не закончив своего рассказа о леди Марии и мистере Хэгане. Конец этой истории приплывет к тебе со следующим кораблем. Дело в том, что ссора с Уиллом произошла только вчера, вскоре после того, как я написал первые две-три фразы письма. До обеда я просто слонялся без дела, вечером просматривал кое-какие счета, глядел на письмо и мрачно прикидывал, удастся ли мне его закончить, а сегодня эта ссора занимала меня уже куда больше, чем любовные перипетии бедной Молли, и я, повествуя о ней, исписал все листки! Но я знаю, когда бы и где бы ни прочитал мой дорогой Гарри это послание, сердце его всегда будет с любящим его братом.

Дж. Э.-У".

Глава LXXI

Проделки Гименея

Маленькая стычка между Джорджем и его кузеном привела к тому, что Джордж стал значительно реже навещать в Блумсбери, ибо мистер Уилл в своих ухаживаниях сделался еще более усердным, чем прежде, и, поскольку оба они обязались не нарушать общественного порядка и спокойствия, стал вести себя столь вызывающе, что Джорджу нередко стоило большого труда не пустить в ход кулаки. А поведение бесхитростной крошки Лидии по отношению к своим друзьям могло поставить в тупик кого угодно. Если месяца полтора назад она была вне себя от того, что Джордж предпочел ей другую, то теперь пользовалась каждым случаем, чтобы похвалить Тео. Мисс Тео такое нежное, кроткое создание! Мисс Лидия уверена, что ей нужен именно такой муж, как Джордж. Какое счастье, что эту ужасную дуэль удалось предотвратить! Констебли подоспели как раз вовремя. А как уморительно кричал и бранился мистер Эсмонд, в каком он был бешенстве оттого, что ему не дали подраться!

— Но прибытие констеблей спасло вашу драгоценную жизнь, дорогой мистер Джордж, и мне кажется, мисс Тео должна благословлять их до конца дней своих, — нежно улыбаясь, говорит Лидия. — Вы не хотите остаться отобедать с нами? У нас сегодня обедает мистер Эсмонд. Его общество вам не по душе? Право же, он вас не обидит, — и вы его, надо думать, тоже!

Не приходится удивляться, что после таких любезных речей, произнесенных к тому же по какой-то странной оплошности в присутствии посторонних лиц, мистер Уорингтон не проявлял особого стремления почаще бывать в доме юной американки.

Весть о поединке Джорджа с мистером Уиллом не сразу долетела до Дин-стрит, ибо Джорджу отнюдь не хотелось попусту волновать своих добрых друзей, но когда об этом происшествии все же стало известно, вы легко можете себе представить, в какое волнение пришли дамы и какой подняли они переполох.

— Вы намеревались лишить жизни одного из ваших ближних и, явившись к нам, не обмолвились об этом ни словом! О Джордж, это ужасно! — заявила Тео.

— Но, моя дорогая, он же оскорбил меня и моего брата)- взмолился

Джордж. — По-вашему, значит, он может обзывать нас обоих трусами, и я должен сидеть смиренно и говорить "мерси"?

Генерал молча слушал их перепалку. Лицо его было серьезно.

— Вы ведь тоже считаете, папенька, что это дурной обычай, что это не по-христиански, вы же сами не раз говорили: настоящие джентльмены должны бы иметь мужество отказываться от дуэли! — Отказываться? Да, конечно, соглашается мистер Ламберт — по-прежнему с весьма мрачным видом.

— Надобно обладать просто нечеловеческой силой духа, чтобы отказаться от дуэли, — говорит Джек Ламберт, и вид у него не менее мрачный, чем у генерала. — Если кто-нибудь осмелился бы назвать меня трусом, мне кажется, я мог бы забыть про свой сан. — Вот видите, братец Джек на моей стороне! восклицает Джордж.

— Обстоятельства не позволяют мне быть против вас, мистер Уорингтон, говорит Джек Ламберт.

— Мистер Уорингтон? — густо покраснев, восклицает Джордж.

— Как, неужели ты, священник, хотел бы, чтобы Джордж нарушил заповедь и совершил убийство? — спрашивает ошеломленная Тео.

— Я — сын солдата, сестра, — сухо отвечает молодой священнослужитель. К тому же мистер Уорингтон и не совершил, ведь никакого убийства. Скоро мы получим вести из Канады, отец. Сейчас там решается великий спор о том, какая из двух наций имеет право на господство. — И, говоря это, он повернулся спиной к Джорджу, а тот с изумлением на него воззрился.

При этих неожиданных словах брата Этти сильно побледнела, и Тео под каким-то предлогом увела ее из комнаты. Джордж вскочил, проводил их до двери и тотчас вернулся.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Да вы, господа, никак, заподозрили меня в том, что я намеренно уклонился от этой дуэли с мистером Эсмондом! Отец и сын переглянулись.

— Воистину самые близкие и дорогие нам люди всегда первыми наносят нам обиду! — запальчиво воскликнул Джордж.

— Ты хочешь сказать, что совсем в этом неповинен? Слава тебе господи, как я рад, мой мальчик! — вскричал генерал. — Что я тебе говорил, Джек! — И, покраснев, он что есть силы сжимает руку Джорджа, а затем утирает глаза.

— Да скажите мне, во имя неба, в чем это я неповинен? — спрашивает мистер Уорингтон.

— Тут мистер Джек, извольте ли видеть, рассказал нам одну историю,

отвечает генерал. — Так пусть сам теперь и повторит. А я от всего сердца готов поверить, что это... э... мерзкое вранье. — И, высказавшись столь решительно, он покидает комнату.

Его преподобие Джек Ламберт смущен и выглядит на редкость глупо.

— Так что же это, черт побери, за история?.. Какая клевета распространяется обо мне? — спрашивает Джордж, с сердитой усмешкой глядя на молодого священника.

— Когда храбрость мужчины подвергается сомнению — это всегда оскорбительно для него, — говорит мистер Ламберт, — и я рад, что на вас, выходит, возвели напраслину.

— А кто же оболгал меня, чью клевету вы повторили, сэр? — загремел мистер Уорингтон. — Я требую, чтобы вы назвали его имя.

— Вы забываете, что дали слово не нарушать общественного порядка и спокойствия, — говорит Джек.

— К черту спокойствие! Мы можем уехать в Голландию и драться там. Кто он, назовите мне его, я требую!

— Потише, потише, мистер Уорингтон, я не глухой! — говорит молодой священник. — Эту историю, которую я, не отпираюсь, сообщил моему отцу, рассказал мне не мужчина.

— Что такое? — спрашивает Джордж, и его внезапно осеняет догадка. Неужели эта хитрая, коварная чертовка с Блумсбери-сквер наплела вам что-то на меня?

— Не пристало употреблять такое слово, как "чертовка", по отношению к молодой девице, Джордж Уорингтон! — негодует мистер Ламберт-младший. — А тем более — по отношению к такому очаровательному созданию, как мисс Лидия. Это она-то хитрая? Самое невинное из всех божьих творений! Это она-то коварная этот ангел? Сколь непритворно радовалась она, сообщая о том, что ссора уладилась! Сколь благочестиво возблагодарила небо за то, что оно не допустило пролиться крови в этом братоубийственном поединке! Какие высокие воздавала вам хвалы и какую глубокую симпатию выражала за то, что вы выполнили столь тяжкий долг и отвратили этот поединок, хотя и неприятным, но единственно возможным способом.

— Каким способом? — спрашивает Джордж, яростно топнув ногой.

— Как каким? Сообщив куда следует, конечно! — отвечает мистер Джек, и Джордж выражает свой гнев в словах, слишком несдержанных, чтобы воспроизводить их здесь, и крайне нелестных для мисс Лидии.

— Не произносите подобных слов, сэр! — восклицает священник, как видно, тоже рассердившись не на шутку. — Я не позволю вам оскорблять в

моем присутствии самую очаровательную, самую невинную из всех представительниц слабого пола! Если она была введена в заблуждение и усомнилась в вашей готовности совершить то, что в конце концов является не чем иным, как преступлением, ибо человекоубийство — преступление, и притом одно из самых тяжких, это еще не дает вам права, сэр, чернить этого ангела, да еще в столь мерзких выражениях. Раз вы сами ни в чем не повинны, вы тем более должны уважать невинность самой невинной, как и самой прелестной, из женщин. О, Джордж, вы же должны стать моим братом?

— Я надеюсь, что буду иметь эту честь, — отвечал Джордж с улыбкой. Он начинал понимать, куда клонит Джек.

— Тогда подумайте, что, если... хотя как может такой грешник, как я, помыслить о подобном блаженстве!.. Подумайте, что, если в один прекрасный день она станет вашей сестрой? Кто может увидеть ее и не стать рабом ее чар? Не скрою, я им стал. Не скрою, что сапфические строфы, напечатанные в сентябрьском номере "Журнала для джентльменов" и начинающиеся словами *Lidiae quondam cecinit venustae* {Некогда пел прелестную Лидию (лат.).} (их перевел на английский мой университетский товарищ), принадлежат мне. Я сообщил матушке о нашей взаимной склонности, и миссис Ламберт тоже полагает, что я имею основания надеяться на расположение этой прелестнейшей из дев. Я написал Лидии письмо, и матушка написала тоже. Она намерена сегодня же нанести визит дедушке мисс Лидии и принести мне ответ, который сделает меня либо счастливейшим, либо несчастнейшим из смертных. И вот во время этой семейной беседы мне и случилось ненароком сообщить отцу кое-какие слова, оброненные моей дорогой девочкой. Возможно, я позволил себе недостаточно уважительно отозваться о вашей храбрости, в коей я ни секунды не сомневаюсь, клянусь богом, а быть может, и она заблуждалась в своих суждениях о вас. Быть может, червь ревности точил мою душу, и — сколь ужасное подозрение! мне казалось, что нареченный моей сестры пользуется слишком большим расположением у той, которая должна принадлежать только мне одному. Ах, дорогой Джордж, кто знает всю бездну своих прегрешений? Я подобен тем,, обезумевшим от любви... Проклятье! Почему вы смеетесь, сэр? Я вам покажу, что *risu inepto*... {Неуместный смех (лат.).}

— Ну как, мальчики, вы, я вижу, уже помирились, — воскликнул генерал, входя в комнату и видя, что Джордж покатывается со смеху.

— Я пытался объяснить мистеру Уорингтону, что я думаю по поводу неуместного смеха вообще и по поводу его смеха в частности! — пылая

гневом, говорит Джек Ламберт.

— Полно, Джек! Джордж ведь дал слово — сохранять спокойствие, и ты не можешь вызвать его на дуэль раньше чем через два года, а к тому времени, я надеюсь, вы сумеете как-нибудь поладить. Пошли обедать, мальчики! Выпьем за здоровье наших отсутствующих друзей, за окончание войны и за то, чтобы оружие обнажали только на поле боя!

По окончании обеда Джордж поспешил откланяться, сославшись на некую условленную встречу, а Джек, по видимому, покинул дом вскоре после него, ибо, когда Джордж, закончив кое-какие дела у себя дома, появился на Блумсбери-сквер перед домом мистера Ван ден Босха, он увидел, что молодой священник уже прибыл туда раньше него и разговаривает со слугой. Хозяин и хозяйка уехали из города еще вчера, сообщил слуга.

— Мой бедный Джек! А письмо, которое должно решить вашу судьбу, лежит, вероятно, у вас в кармане? — спросил Джордж своего будущего шурина.

— Ну да... — Джек не стал отрицать, что этот важный документ у него с собой. — И маменька уже приказала подать портшез и готовится нанести визит мисс Лидии, — жалобно шепнул он, стоя на ступеньках крыльца.

В кармане у Джорджа тоже лежала записочка, адресованная той же особе, но он не нашел нужным сообщать об этом Джеку. По правде говоря, он затем и забегал домой, чтобы настрочить едкое послание мисс Лидий с особой припиской для джентльмена, сообщившего ей забавную историю о том, как он, Джордж, донес якобы куда следует о предстоящей дуэли! Но поскольку хозяев не оказалось дома, Джордж, как и Джек, предпочел не оставлять записки. "Если распространитель клеветы — кузен Уилл, я заставлю его об этом пожалеть", подумал Джордж. И, не выказывая своих чувств, спросил слугу:

— Скоро ли господа вернутся?

— Они отправились в гости к важным особам, — отвечал слуга. — Вот тут на бумажке записан адрес.

И Джордж прочел слова, нацарапанные рукой мисс Лидии: "Картонку от мадам Хокэ отправить фарнхэмской почтовой каретой его сиятельству графу Каслвуду в Каслвуд, Хэмпшир, для мисс Ван ден Босх".

— Куда? — воскликнул изумленный Джек.

— Милорд и его матушка с сестрицей частенько навещают нас, — с важностью отвечал слуга. — Они с нашими-то в дружбе.

Все это было в высшей степени странно, так как тисе Лидия лишь

один-единственный раз обмолвилась о посещении леди Каслвуд.

— И, верно, они думают там погостить. Мисс забрала с собой целый ворох платьев и кучу картонок! — добавил слуга, и молодые люди удалились, каждый комкая в кармане свое неотправленное послание.

— Что вы сказали? — спросил Джордж, когда Джек издал какое-то невнятное восклицание. — Мне кажется, вы сказали...

— С ума можно сойти! Джордж, я вне себя! Я... Я просто не нахожу слов! — со стоном вымолвил молодой священник. — Она уехала в Хэмпшир, и мистер Эсмонд отправился туда же!

— Сам Отелло не мог бы выразить свою мысль лучше! Добавлю только, что она взяла себе в спутники препорядочного негодяя! — заметил мистер Джордж. Гляньте-ка, а вот и портшез вашей матушки! — И в самом деле, в эту минуту покачивающийся портшез бедной тетушки Ламберт, предшествуемый лакеем, выплыл на Грейт-Рассел-стрит. — Стойте, тетушка Ламберт, дальше двигаться нет смысла! — крикнул Джордж. — Наша птичка упорхнула.

— Какая птичка?

— Птичка, с которой Джек хотел сочетаться браком, птичка по имени Лидди. Ну, послушайте, Джек, нельзя же так, вы опять богохульствуете! Сегодня утром вы намеревались нарушить шестую заповедь, а теперь...

— Проклятье! Оставьте меня в покое, мистер Уорингтон, слышите? проворчал Джек и, бросив, свирепый взгляд на Джорджа, зашагал прочь, подальше от маменькиного портшеза.

— Что случилось, Джордж? — спросила миссис Ламберт. Поведение Джека целый день выводило Джорджа из себя, и он сказал:

— Не очень-то приятный характер у нашего Джека, тетушка Ламберт. Сначала он объявляет вам, что я трус, а потом обижается на меня за то, что я рассердился. Узнав, что его возлюбленная выехала куда-то за город, он рычит, бранится и топает ногами. Просто срам! Ах, тетушка Ламберт, берегитесь ревности! Доводилось ли вам когда-нибудь ревновать вашего супруга?

— Как бы мне не довелось разгневаться на вас, если вы будете разговаривать со мной в таком тоне, — сказала бедная миссис Ламберт.

— Почтительнейше умолкаю. Разрешите откланяться? Желаю доброго здоровья. — И, отвесив низкий поклон, Джордж зашагал в сторону Холборна. В груди его бушевал гнев. Он готов был затеять ссору с кем угодно. Повстречайся ему в этот вечер кузен Уилл, все его обещания пошли бы прахом.

Он разыскивал Уилла по всем значным местам, побывал в кофейне

Артура и у него дома. Там слуги леди Каслвуд сообщили ему, что мистер Эсмонд, по-видимому, отправился к своим, в Хэмпшир. Тогда Джордж написал кузену письмо.

"Мой дорогой, любезный кузен Уильям, — писал он. — Вы знаете, что я связан словом и не могу ссориться ни с кем, а тем паче с таким добросердечным правдолюбом, как один наш родственник, которого мой брат некогда жестоко оскорбил, избив тростью. Но если вам случится встретиться с человеком, который будет утверждать, что я помешал некоему поединку, написал донос, не будете ли вы столь любезны сказать этому распространителю слухов, что струсил, мне кажется, не я, а кто-то другой? Одновременно с этим я отправляю письмо мистеру Ван ден Босху и сообщаю ему и мисс Лидии, что мне стало известно про порочащую меня клевету, распространяемую обо мне неким негодяем, посему я советую им держаться подальше от таких субъектов".

Отправив это изящное послание, мистер Уорингтон переоделся, заглянул в театр, а затем хорошо поужинал в "Бедфорде".

Через несколько дней, садясь завтракать, Джордж нашел на своем столе письмо, франкированное лордом Каслвудом и им же написанное.

"Дорогой кузен, — писал милорд, — наша семья пережила за последние дни так много треволнений, что нам, думается мне, пора покончить с нашими недоразумениями. Два дня назад мой брат Уильям показал мне одно весьма сердитое послание, подписанное "Дж. Уорингтон", и тут же, к немалому моему огорчению и печали, посвятил меня в подробности вашей с ним ссоры, во время которой вы вели себя, мягко выражаясь, крайне несдержанно. Это очень дурно употреблять доброе вино таким манером, каким употребили вы вино нашего славного мистера Ван ден Босха. Право же, молодые люди должны бы проявлять больше почтительности в присутствии стариков. Не стану отрицать, что поведение и язык мистера Уильяма нередко могут вызывать раздражение. Ему не раз удавалось за одни только сутки многократно испытывать мое терпение.

Ах, ну почему бы нам всем не жить в мире и согласии? Вы знаете, кузен, что я всегда питал искреннее расположение к вам и столь же искренне восхищаюсь очаровательной молодой особой, с которой вы помолвлены и которой я прошу передать мой самый сердечный привет и низкий поклон! Я готов жить в дружбе со всеми членами нашего семейства в той мере, в какой это от меня зависит, тем более что я надеюсь в скором времени представить всем графиню Каслвуд.

Мужчины в таких зрелых годах, как я, нередко берут в жены молодых

девушек. Моя Лидия (вы, конечно, уже догадались, что я имею счастье назвать своей несравненную мисс Ван ден Босх), само собой разумеется, переживет меня. Я не испытываю ревности при мысли о том, что скрасив мои преклонные лета, она затем найдет мне счастливого преемника по своему выбору, хотя нельзя не позавидовать тому, кто вступит во владение таким совершенством и красотой. Моя дорогая: крошка чистосердечно призналась, что, хотя она и происходит из благородной голландской семьи, но все же ее род не ровня нашему, и ей приятно породниться с нами. Мне же приятно будет иметь наследников моего поместья ж, пользуясь средствами леди Каслвуд, вернуть этому дому то величие, какое знавали когда-то эти стены, пока их блеск не потускнел из-за расточительности некоторых моих предшественников. Моя дорогая Лидия, — она сидит сейчас возле меня, — шлет вам и милому семейству Ламберт сердечный, привет.

Бракосочетание состоится здесь в самом непродолжительном времени. Могу ли я надеяться увидеть вас на венчании в нашей церкви? Мой брат не сможет затеять с вами ссору, так как его здесь не будет. Когда мы с моей дорогой Лидией сообщили ему вчера о нашем решении, он принял его весьма неблагоприятно, употребив при этом выражения, о коих, несомненно, когда-нибудь пожалеет, и в настоящее время пользуется гостеприимством одного из наших соседей. Вдовствующая: леди; Каслвуд остается хозяйкой в доме на Кенсингтон-стрит, Вы же, дорогой кузен, будете всегда желанным гостем; в новом доме преданного вам вашего покорного слуги

Каслвуда".

В ноябре 1759 года в "Лондон мэгэзин" появилось, сообщение: "В субботу 13 октября в своем поместье Каслвуд почтенный Юджин граф Каслвуд сочетался браком с прекрасной мисс Ван ден Босх из Виргинии, принесшей в приданое 70000 фунтов стерлингов".

Глава LXXII,

в которой ее сиятельство уже на вершине преуспевания

(Из рукописи мистера Уорингтона)

Сидя у камина и глядя, как играют отблески; огня на любимом кресле той, что идет со мной рука об руку всю вторую половину моей жизни, я часто спрашиваю себя (ибо джентльмены преклонного возраста пользуются привилегией неоднократно повторять свои вопросы, свои острооты, свои рассказы), была ли еще хоть одна пара влюбленных столь безрассудна и беспечна, как мы в год смерти короля, когда вступали в брак? Мой сын, понуждающий свою лошадь в пылу охоты за лисицей брать самые

немыслимые препятствия, говорит, что всякий раз потом с ужасом взирает на все эти рвы и канавы, которые он благополучно перемахнул, и, дивясь собственному безрассудству, отказывается понимать, как мог он отважиться на столь отчаянные фортели; а ведь второго такого отменного наездника, как Майлз, не сыщется, пожалуй, ни в нашем, ни в соседнем графстве. Он так любит эти развлечения, что ничто другое его не интересует. Он уже сломал себе ключицу и сотни раз (к ужасу своей матушки) вылетал из седла. Впрочем, его отцу тоже ведь случалось лететь кувырком через голову своей старой кобылы, поскользнувшейся на камне, когда он мечтательно трусил по парковой аллее со скоростью четырех миль в час (возможно, слагая в это время какие-нибудь стихи или сочиняя речь для предстоящей квартальной сессии мировых судей графства). Для Майлза в этих безрассудных скачках весь смысл и счастье жизни, подобно тому, как мой брак — рай и блаженство для меня, за что я никогда не устаю благодарить небо. Заметьте: я отнюдь не ставлю свое идолопоклонство в пример и не говорю молодым людям: "Женитесь, даже если вам придется жить на два пенса в год", ведь тогда, пожалуй, на меня стали бы злобно коситься на собраниях церковного совета. Но вот мою супругу, как известно, хлебом не корми, дай :кого-нибудь посватать, и когда Ходж и Сьюзен появляются в моей судейской комнате с какой-нибудь денежной распрей, мы упорно советуем им приберечь свои полкроны в неделю на домашние расходы, предлагаем добавить немножко из наших собственных сбережений и послать за священником.

Надобно сказать, что когда я спрашиваю совета у моего дорогого оракула, то наперед знаю, каков будет ответ, — потому-то, вероятно, я так часто и прибегаю к ее советам. Мне достаточно только придать своей физиономии соответствующее выражение, как оно мгновенно отражается на лице моей дорогой Дианы. Предположим, я говорю: "Моя дорогая, тебе не кажется, что луна сегодня похожа на творожный сыр?"

Можно ли сомневаться, что она ответит: "Ну конечно, друг мой, она ни дать ни взять круглый творожный сыр... Право же, никто не умеет придумать таких забавных сравнений, как ты!"

Или, предположим, я говорю: "Знаешь, моя дорогая, мистер Питт произнес превосходную речь, но все же, мне кажется, ему далеко до его покойного отца".

"Никто не может идти в сравнение с милордом Чатемом", — отвечает моя супруга, и тут же раздается возглас одной из наших дочерей: "Как же так, а я столько раз слышала, как папенька называл лорда Чатема шарлатаном!"

В ответ на что моя супруга замечает: "Ну до чего же она похожа на свою тетушку Этти!"

Ну, а Майлз — тот ни то ни се — Tros Tygiusve {То ли троянец, то ли тириец (лат.)}. Он не читает ничего, кроме спортивной хроники в норвичской газете. Была б хорошая охота, а что делается в стране — до этого ему нет дела. Я подозреваю, что этот негодяи не прочел ни одного моего стихотворения и уж подавно — ни одной из моих трагедий (как-то на днях я упомянул при пем имя Покахонтас, и наш тупица решил, что это река в Виргинии), а моих латинских переводов он вовсе не понимает, — ведь я же знаю, что он не может сделать даже простого грамматического разбора Кордериуса! А между прочим, тетрадь с моими стихами открыто лежит, доступна всем взорам, на маленьком столике возле моего кресла у камина, и всякий, кто не почтет за труд отложить в сторону лежащие на ней мои очки, может взять ее и почитать... Но Майлз ни разу в жизни этого не сделал. Я засовывал между страницами карикатуры на Майлза и эпиграммы, но он их даже не заметил или не обратил на них внимания. Только однажды вместо очень удачного рисунка тушью, на котором я изобразил Майлза, задремавшего после обеда, — под таким рисунком даже мой друг Банбери не отказался бы подписаться, — я нашел довольно неуклюжее изображение самого себя, летящего кувырком через голову моей кобылы Султанши и подпись: "Сквайр верхом на лошади, или рыба, вынутая из воды". И наш оболтус покатывался со смеху, а девчонки хихикали, когда я наткнулся на эту бумажонку! Жена говорит, что она чуть со страху не умерла, когда увидела у меня в руках тетрадь, но я умею понимать шутки, даже те, что отпускаются по моему адресу, и слышал их немало, хотя (не правда ли, странное признание в устах человека, вращавшегося в обществе записных остряков своего времени) ни одной остроумной не услышал за всю свою жизнь. Не огорчайся, Майлз, хоть ты и не остряк, я люблю тебя от этого не меньше (еще не было случая, чтобы два остряка в одном семействе питали друг к другу особо нежные чувства), и хотя тебя нельзя назвать красавцем, твоя мать считает, что ты прекрасен, как Аполлон или его королевское высочество принц Уэльский, родившийся в один год с тобой. Правду сказать, она всегда считала, что принц на портрете Коутса как две капли воды похож на ее старшего сына, и олеография с этой картины украшает стены ее будуара по сей день {* Здесь сделана приписка женским почерком: "Мой сын *не мот, не сердцеед*, в отличие от некоторых других джентльменов, но что он был как две капли воды похож на Е. К. В., когда они оба были младенцами, это бесспорно, и даже сама герцогиня Анкастерская обратила на Майлза внимание,

повстречав его в Сент-Джеймском парке, куда Гамбо и моя бедняжка Молли часто водили его на прогулку. Т. У."}

В этот самый год — но с иными видами на будущее! — лорд Эсмонд, сын лорда Каслвуда, также украсил землю своим появлением на свет. Милорд К. и его покорный слуга были в то время уже в довольно прохладных отношениях, и небо тому свидетель! — крестная не подарила моему честному Майлзу при его рождении золотого поильничка! Обстоятельства наши с тех пор изменились к лучшему. Laus Deo, {Благодарение богу (лат.).} о да, именно Laus Deo, ибо боюсь, что ни Майлзу, ни его отцу было бы не под силу их изменить, полагайся они только на собственное разумение.

Дом в Каслвуде совсем не похож теперь на тот почтенный старый замок, каким он запомнился мне в дни моей юности, — с замшелыми стенами, испещренными морщинами десятилетий и шрамами войны. Но мне любо представить его себе в его старом обликий — таким, каким он представился глазам молодого мистера Джорджа Уорингтона, когда тот по приглашению его владельца явился на бракосочетание милорда с мисс Лидией Ван ден Босх — "молодой американкой из благородной голландской семьи", как оповещала о том местная газета. Башни тогда имели еще совершенно тот же вид, как при полковнике, деде Уорингтона (маркизе, как любила называть своего отца госпожа Эсмонд). И так же стоял кругом лес (сильно поредевший, конечно), и, быть может, те же самые грачи, которых слышал полковник шестьдесят лет назад, поднимали над лесом гомон. Его портрет висел в зале, в этом доме, который мог бы принадлежать ему, если бы он не предпочел любовь и признательность богатству и положению в свете, и мистер Джордж Эсмонд-Уорингтон (иначе говоря, Ego met Ipse {Я сам (лат.).}, пишуший эти строки), проходя длинными коридорами этого старого дома и спускаясь по гладким, покрытым росой каменным ступеням террас в прохладные, тенистые аллеи, чувствовал себя одним из героев мистера Уолпола — кавалером в кожаном камзоле с круглым плоеным воротником и шпагой, и ему казалось, что сын Иакова II или переодетый эmissар иезуитов сейчас появится перед ним, выступив из-за ствола одного из величественных деревьев, окружавших дом, или — из старинного резного шкафа в одном из покоев. Самые удивительные, сладостные и печальные грезы рождались в моем мозгу, унося меня в далекое прошлое — к трагедиям, интригам, серенадам, к круглоголовым Оливера, штурмующим бастионы, или могучим лейб-гвардейцам, несущимся во весь опор по равнине перед замком. Я в ту пору ухаживал за одной юной девицей (тогда, сударыня, глаза вашей милости

еще не нуждались в очках, на челе вашем не было ни единой морщинки, и седина не серебрилась в волосах) и, помнится, отправлял за франко лорда Каслвуда груды писем с описанием романтических баталий, а эта девица не уставала их читать. Она говорит, что теперь, отлучаясь по делам в Лондон или еще куда-нибудь, я посылаю ей не больше трех строчек. Так ведь это лишь потому, что я боюсь утомить твои глаза, моя дорогая.

Мистер Уорингтон решил, что ему надлежит сшить себе новый изящный костюм для свадьбы милорда, и за несколько дней до вышеозначенной церемонии появился в Каслвуде в сопровождении мосье Гамбо. Следует, пожалуй, упомянуть, что верного Сейди мы почли целесообразным отправить домой на борту одного виргинского судна. Бедный малый пал жертвой тяжелого воспаления гортани и легких: в тот год — в год экспедиции генерала Вулфа — эта лихорадка свирепствовала повсюду; многим она принесла смерть и едва не убила и этого беднягу, а посему было решено, что лучшим лекарством для него послужит воздух родины. Мы в изобилии проливали слезы при расставании, и Гамбо тоже пролил их немало, когда его хозяин отправлялся в Квебек, но так как Англия была для него полна привлекательности, а военная жизнь совсем ее лишена, то он и решил остаться в услужении у меня. Прибыв в Каслвуд, мы обнаружили там толпу родственников, друзей и просто гостей. Леди Фавни с угрюмым видом волей-неволей исполняла роль подружки невесты. Еще несколько девственниц из соседних поместий составляли свиту молодой графини. Баронесса Беатриса, сама вдова епископа, привезла из Лондона другого епископа, своего деверя, дабы он связал священными узами графа Юджина Каслвуда и Лидию Ван ден Босх, девицу, и на какое-то время, предшествовавшее обряду бракосочетания и последовавшее за ним, в старом хэмпширском доме воцарилось веселье, от которого он давно отвык. Семьи окрестных помещиков, с охотой откликнувшись на приглашение, съезжались в замок, чтобы принести свои поздравления новобрачным. Богатство молодой супруги было предметом оживленных толков и, конечно, отнюдь не уменьшалось в размерах при передаче из уст в уста. Кое-какие пикантные истории, ходившие по городу и усиленно распространявшиеся отвергнутыми поклонниками, без задержки долетели до Хэмпшира, но, достигнув графства, не заставили его отказать в любезном приеме супруге лорда Каслвуда или проявить слишком большее любопытство по поводу ее поведения в городе. Допустим, она кого-то увлекла, а потом дала ему отставку; допустим, она над кем-то посмеялась. Так ведь эти люди охотились за ее деньгами; и она проявила не больше корыстолюбия, чем они. Хэмпширские помещики считали, что графство

только выгадает, если двери Каслвуда снова будут гостеприимно открыты, погреба заполнятся пивными бочками, конюшни — лошадьми и мясные туши будут жариться на вертелах. Новая хозяйка дома завяла свое место с подобающим достоинством, и нельзя было отрицать, что она обладает незаурядными способностями и умом. И разве не было написано в брачном объявлении, что невеста принесла своему благородному супругу семьдесят тысяч фунтов стерлингов приданого? Он a beaucoup d'esprit {Всякий будет умен (франц.).} — с семьюдесятью-то тысячами фунтов. И это лишь небольшая часть ее богатства, утверждали в Хэмпшире. Когда престарелый дед сойдет в могилу, внучка соберет еще немалый урожай.

Тем временем этот спокойный и расчетливый старик начал незамедлительно наводить порядок в каслвудских счетах, запущенное состояние которых, наряду с отсутствием денег и бережливости, ускоряло разорение дома. С этой минуты жизнь старика была посвящена тому, чтобы распутать, выправить и улучшить денежные дела милорда — чтобы выжать арендную плату там, где это представлялось целесообразным, и по возможности сократить расходы. Он умудрялся держать на счету каждый фунт говядины, который отпускался к столу лакеям, и каждый ярд шнура на их расшитых ливреях. Зоркий глаз старика примечал каждый кувшин пива, выносимый из буфетной, и следил, чтобы ничего лишнего не уплывало из кладовой. Слуг стало меньше, но платили им более исправно; их ливреи приняли более опрятный вид, но портному уже не приходилось выклянчивать плату; садовники и конюхи ворчали, хотя им больше не задерживали жалованья; зато лошади добрели, при том что на них отпускалось меньше овса, а овощей и фруктов стало в избытке, — так зорко нес старый дедушка свою вахту, следя за ведением хозяйства из своей уединенной комнатки в одной из башен.

Все эти переустройства в Каслвуде, хотя я и рассказал о них в двух словах, заняли месяцы и годы; благодаря бережливости, порядку и благоразумному расходованию денег (впрочем, когда у милорда просили займы, он мог ответить, что сидит без гроша) благосостояние имения росло. В наши дни Каслвуд — уже процветающее, доходное поместье, и никто не посмеет этого отрицать — даже вдовствующая миледи и ее двое детей. Они теперь редко посещают Каслвуд — хозяйка не особенно их жалует, да и то сказать, какая невестка будет пылать любовью к свекрови, да к тому же мачехе, а не матери мужа? Воцарившись в имении, новая графиня дала вдовствующей бой и весьма решительно и быстро одержала победу. Графиня Лидия, хотя она и провела детство в колониях и никогда прежде не вращалась в великосветских кругах, обладала тем не менее

весьма острым языком и крепостью духа, чего не могли не признать все; кому доводилось вступать с ней в схватку. Вдове и леди Фанни молодая американка оказалась не по плечу: они ретировались из ее дома в свой на Кенсингтон-стрит — в свою вдовью часть наследства, — и не приходится удивляться, если милорд о том не пожалел, ибо когда кто-то поворачивался к нему спиной, жалеть об этом было не в его правилах. Мог ли кузен Уорингтон, кому кузен Юджин так горячо пожимал руку при встречах и прощаниях, с кем он был так мил, весел и откровенен, мог ли, повторяю, кузен Уорингтон надеяться, что милорд будет опечален разлукой с ним или известием о его смерти или о какой-нибудь приключившейся с ним или еще с кем-нибудь беде? Кузен Уорингтон не так глуп. Благодаря своему скептическому складу ума мистер Уорингтон получал мрачное удовольствие, наблюдая некоторые странности своих ближних, и кузен Юджин пользовался его симпатией, хотя и был лишен и мужества и сердца. Мужество? Сердце? А какую все это имеет цену в глазах света? Вы можете обладать скрытыми достоинствами, совершенно так же, как замороженным капиталом в полмиллиона. Нам, то есть людям *du monde* {Светским (франц.)}, требуется только, чтобы вы были опрятны и занимательны в общении, имели пристойную внешность и расплачивались по счетам. Полковник Эсмонд, дед Уорингтона (к его личности и дому, где он жил, мистер Уорингтон всегда проявлял исключительный интерес) мог бы некогда стать обладателем каслвудского поместья и соответствующего титула. Обоим кузенам не раз случалось глядеть на портрет сурового воина, по-прежнему висевший в зале и живо напоминавший мистеру Уорингтону виргинское поместье, и другой, точно такой же, портрет, висевший там.

— У него, верно, не все были дома, — сказал как-то раз милорд и постучал пальцем по своему высокому, безмятежно гладкому челу.

Иные поступки, простые и естественные для тех, кто их совершает, кажутся другим настолько непостижимыми, что они отказываются им верить или приписывают их безумию.

— Вот вы, кузен, надо отдать вам справедливость, — сказал мистер Уорингтон, — никогда бы не пожертвовали ничем даже для своего самого лучшего друга.

— Ну да, я — себялюбец, но не в большей мере, чем другие, — отозвался милорд, пожав плечами на французский манер, и взял понюшку табака из своей табакерки.

Как-то раз, когда они гуляли вместе в поле, на милорде был красивый красный кафтан, и на него бросилась корова. Поглядели б вы, как этот

обычно такой важный и неторопливый вельможа перемахнул через изгородь с проворством школьника. Он даже не пытался скрыть, что его бьет дрожь и что он от природы трус.

— Вероятно, я не заслуживаю в ваших глазах уважения, Джордж, — во всяком случае, не больше, чем в своих собственных, — сказал он с присущей ему прямоотой и тут же пустился в весьма занятные иронические рассуждения на тему о грехопадении и всевозможных человеческих пороках и выразил недоумение, почему небу не угодно было сотворить всех нас высокими, красивыми, отважными и богатыми. И мистер Уорингтон, любивший, как и некоторые другие, быть первым в любой компании, не мог не почувствовать расположения к этому своему родственнику, столь остроумному, утонченному, изящному, высокопоставленному и в то же время позволившему ему почувствовать свое над ним превосходство. Взгляд милорда (словно взгляд всем нам известного животного из знаменитого произведения мистера Стерна), казалось, говорил: "Не бей меня! Но если тебе так уж это нужно, — что ж, пожалуйста". Ни один человек, если только сам он не грубая скотина и не трус, не может обойтись жестоко с таким безответным созданием.

Глава LXXIII

Мы справляем Рождество в Каслвуде. Год 1759-й

Из наших любимых сказок мы с вами, мои дорогие дети, уже знаем, что на всех свадьбах и крестинах всегда присутствует кто-то весьма этим событием недовольный и поклявшийся отомстить, и потому не удивимся, услышав, что добрый кузен Уилл, узнав о помолвке своего брата с американской наследницей, был страшно разъярен и весьма энергично выражал свою ярость вслух. Прежде всего он в бешенстве покинул дом, поклявшись, что ноги его там больше не будет. Однако никто, даже сам сквернослов, особенно не верил этим клятвам Уилла, и действительно, дня через два этот нераскаявшийся блудный сын вернулся под отчий кров. Ароматы свадебного пира неудержимо влекли его туда, и он не в силах был отказать себе в удовольствии вооружиться ножом и вилкой за каслвудским столом. Итак, он возвратился и из мести уничтожил неопишное количество еды и напитков. Поднимая чару за здоровье новобрачной, он мысленно желал ей провалиться в преисподнюю. Когда в церкви дедушка произносил что ему было положено, как посаженному отцу, а милорд давал обет любить ее, беречь и лелеять, он потихоньку злословил у нее за спиной. Да и не он один клял эту свадьбу: мистеру Уорингтону и тогда и впоследствии довелось слышать немало поношений как по адресу миледи, так и ее дедушки. И деловые знакомые старика из Сити, и его стряпчий, и священник-диссидент, молитвенный дом которого дед с внучкой посещали после своего прибытия в Англию, и молодой служитель англиканской церкви — бедняга Джек Ламберт, возлагавший немалые надежды на свое красноречие во время сокровенных бесед с молодой американкой, — все были злы на эту малютку за ее предательство, и у каждого был готов рассказ о том, как его завлекли в сети, всячески поощряли, а затем жестоко отвергли. Стряпчий, обладатель подробнейшей описи всего ее имущества, поместий, денег, рабов, торговых судов и видов на наследство, клялся и божился, что, по его мнению, это все обман, что таких мест, как Нью-Йорк или Виргиния, вообще не существует на земном шаре, а если они и существуют, то, во всяком случае, у мистера Ван ден Босха нет там никаких земель, да и вся эта работоторговля — тоже сплошная выдумка и черные рабы-негры существуют только в черном воображении хитрого старого плантатора. Священник-диссидент оплакивал свою заблудшую овечку... если, конечно, такое маленькое, хитрое, коварное создание позволено

назвать овечкой. Бедняга Джек Ламберт сокрушенно признался своей маменьке, что он является обладателем черного локона, омытого слезами и воспетого отнюдь не церковным языком; что же касается мистера Уильяма Эсмонда, то он с бранью и проклятиями, от которых он в минуты ярости не умел воздерживаться даже в Каслвуде, даже зная, что они могут долететь до хорошенького ушка его невестки, призывал Ахерон в свидетели, что на всем белом свете не сыщется второго такого хитрого дьяволенка, как мисс Лидия. Он клялся, что она исчадие ада, настоящий цербер в юбке, и призывал все громы земные и небесные на голову этого лживого негодяя, своего брата, который, улестив его сладкими речами, похитил предмет его желаний у него из-под носа.

— Помилуйте, — сказал мистер Уорингтон, когда Уилл изливал ему свою израненную душу, — если она такое дьявольское отродье, как вы живописуете, так тем лучше для вас, что вы ее потеряли. Если, как вы утверждаете, она всенепременно наставит мужу рога, а потом отравит его, вы должны быть счастливы, что избежали такой участи. Вы должны благословлять небо, Уилл, за то, что оно избавило вас от этой фурии. И наивернейший способ отомстить вашему брату — это предоставить ему возможность безраздельно обладать сей молодой особой.

— Хорошо вам так рассуждать, — сказал Уилл Эсмонд и заметил — не без основания, пожалуй, — что все ж таки его брат — большой негодяй, ибо он обманным путем завладел богатством, на которое Уилл имел виды сам и ради которого даже рисковал жизнью.

Джордж Уорингтон выразил недоумение по поводу того, кто и каким способом мог заставить его кузена рисковать своей драгоценной жизнью (наиболее закономерным концом которой должна была быть виселица), в ответ на что Уилл Эсмонд с величайшей откровенностью поведал ему о том, как крошка-мегера натравила их друг на друга и, в сущности, подготовила поединок, не состоявшийся только благодаря вмешательству констеблей сэра Джона Фильдинга. Ей непонятно, говорила она, как этот трусишка Джордж Уорингтон отваживается насмехаться над мистером Уиллом, а последний, видать, трус вдвойне, если не обращает внимания на колкости своего родственника; она рассказывала, что Джордж едва не умер со страху во время похода Брэддока и удрал с поля боя, после чего, говорил Уилл, я, черт побери, глазам своим не поверил, когда увидел, как вы, кузен, хладнокровно стоите передо мной там, на Тотнемском поле, ведь я и мой секундант готовы были побиться об заклад, что вы даже не посмеете туда явиться.

Мистер Уорингтон рассмеялся и поблагодарил мистера Уилла за столь

лестное о нем мнение.

— Однако, — сказал он, — мне здорово повезло, кузен, что констебли прибыли вовремя, — ведь еще секунда, и вы бы проткнули меня шпагой. Разве вы не заметили, как неуклюже я держался? А вас прямо-таки трясло от ярости и вы были бледны как полотно!

— Да, черт побери! Я обычно дрожу и бледнею, когда прихожу в ярость, отвечал мистер Уилл (став на сей раз красным как рак), — а я был чертовски зол на вас, кузен! Но теперь, если я кого и ненавижу, так это моего братца, да еще эту сатану в юбке, эту графиню... Графиню... подумать только, ничего себе графиня! — И выпустив еще один залп проклятий, Уилл отвесил иронический поклон.

— Ну что ж, кузен, — сказал Джордж, твердо глядя ему в глаза, — я, значит, легко отделался и обязан вам жизнью или, по меньшей мере, целостью моего жилета. Я восхищен вашей стойкостью и мужеством. Как жаль, что в должности судебного глашатая вам негде проявить свою храбрость! Какая потеря для армии его величества. Огромная потеря!

— Никогда не поймешь, в шутку вы это или всерьез, мистер Уорингтон, проворчал Уилл.

— Сомневаюсь, чтобы тот, кому жизнь дорога, осмелился шутить с вами, кузен! — вскричал мистер Уорингтон, любивший с самым серьезным видом разыгрывать своего знатного родственника и забавляться, наблюдая, как у него проклятья застывают на губах и он скрипит зубами, подавляя свой трусливый гнев. — И советую вам несколько обуздать свой язык, кузен, когда вы говорите о прелестной графине и о милорде, вашем брате, — добавил мистер Уорингтон. Они всегда отзываются о вас чрезвычайно тепло. Миледи рассказала мне все.

— Что такое все? — в ужасе спросил Уилл.

— Все — это значит столько, сколько вообще считают нужным рассказывать женщины. Миледи призналась, что вы, по ее мнению, были немножко *ergis* {Влюблены (франц.)}. Какая женщина не будет относиться с симпатией к мужчине, который к ней неравнодушен!

— Как не так, ведь вас она ненавидит, кузен, а говорит, что вы были от нее без ума! — воскликнул мистер Эсмонд.

— *Spretae injuria formae* {К своей красоте оскорбленной презреньем (лат.)}, кузен!

— Форме?... Какой форме? — в растерянности спросил кузен Уилл.

— Я никогда не был увлечен ею, и поэтому, возможно, она меня и недолюбливает. Вы помните рассказ о жене одного начальника телохранителей?

— Каких телохранителей? — снова спрашивает Уилл.

— Я имею в виду лорда Потифара, — отвечает мистер Уорингтон.

— Кого, кого? Командир лейб-гвардейцев — милорд Фалмут, а командир дворцовой охраны — милорд Беркли. Раньше ими командовал лорд Хобарт. Как я понимаю, вы, кузен, недавно прибыв в Англию, не очень-то разбираетесь в том, кто — кто! — замечает мистер Уильям.

Но мистер Уорингтон поясняет, что он имел в виду начальника телохранителей царя Египетского, жена которого подвергла гонениям некоего Иосифа за то, что тот не отвечал ей взаимностью. В ответ на что Уилл заметил, что Египет, насколько ему известно, расположен где-то чертовски далеко, а если жена лорда, как его там, распускала всякие небылицы — так на то она и женщина. По его мнению, они везде одинаковы.

На самом-то деле мистер Уорингтон во время своего визита в Каслвуд услышал из уст малютки графини всю историю ее разрыва с мистером Уиллом Эсмондом. И эта история в некоторых отношениях была весьма отлична от той, какую рассказал ему мистер Уилл, однако он был далек от мысли считать ее более достоверной, нежели бесхитростный рассказ кузена. Графиня выражала крайнюю степень огорчения по поводу того, что обманулась в своем девере, а также опасение, что светская и придворная жизнь пошатнули в нем те твердые принципы, которые, как известно, исповедуют с колыбели все представители рода Эсмонд, а следовательно, словам мистера Уилла нельзя вполне доверять; беспорядочная жизнь и денежные затруднения развили в нем алчность, притупили чувство чести, возможно, даже нанесли ущерб его отваге — этой высочайшей доблести, "...которая нам, Эсмондам, — сказала миледи, потрянув головой, повторяю, кузен, которая нам, Эсмондам, всегда была присуща, — но крайней мере, и вам, и мне, и милорду, и моему кузену Гарри, я в этом уверена! О, кузен Джордж! — продолжала графиня, — должна признаться, что меня ввели в заблуждение, заставив сомневаться в вашей отваге, без которой представитель такого благородного, древнего рода, как наш, недостойн называться мужчиной! Будучи христианкой и стоя во главе одного из первых семейств королевства и всего земного шара, я постараюсь, Джордж, простить моего брата Уильяма за то, что он позволил себе дурно отозваться об одном из представителей нашего рода — хотя бы и принадлежащего к младшей его ветви и притом по женской линии — и заставил меня на мгновение усомниться в вас. Да, заставил. Пожалуй, он не меньше рассказал мне дурного о вас, чем вы рассказывали ему обо мне".

— Я, миледи? — изумился мистер Уорингтон.

— Да, вы, по его словам, дурно говорили обо мне, кузен, чего, надеюсь, вы не делали, и я от всего сердца молю бога, чтобы это было так, и я могла бы презреть все эти домыслы. При этом он еще волочился за мной так же, как и все остальные, к чему я уже привыкла, и, как знать, мог бы больше преуспеть в своем уходевании (ибо я еще недостаточно была знакома с милордом и не успела оценить всех его несравненных достоинств в такой мере, в какой оценила их от всей полноты моего благодарного сердца теперь!), но, увы, я увидела, что Уильям отнюдь не храбрец, а ни один мужчина, лишенный отваги, не может рассчитывать на уважение Лидии, графини Каслвуд, значит, не мог рассчитывать на него и он! Он же сказал, что это вам не хватает храбрости, кузен, и очень рассердил меня, когда начал утверждать, что вы будто бы всегда дурно отзывались обо мне. Но я прощаю вас, Джордж, да, прощаю! И когда я скажу вам, что это он испугался — мерзкий трусишка! — и послал за констеблями, чтобы они помешали его поединку с вами, вы поймете, что я плевать хотела на такого, как он, — да, плевать я на него хотела! — И миледи презрительно щелкнула пальчиками. — *Noblesse oblige* {Благородное происхождение обязывает (франц.)}, говорю я, и если кто-нибудь из нашей семьи покажет себя трусом, значит, для меня он не стоит и понюшки табака вот так-то! Взгляните на наших предков, Джордж, — вон они развешаны по стенам! Разве все они, все Эсмонды, не сражались всегда за родину и за короля? И разве есть среди нас такой, который, когда пробьет час, не будет готов доказать, что он Эсмонд и дворянин? Если старший из моих сыновей струсит на поле боя, — "Милорд Эсмонд! — скажу я ему, ибо это второй титул нашего рода, — вы мне больше не сын!" И с этими словами неустрашимая крошка окинула взглядом портреты предков в изображении Лели и Неллера, украшавшие стены ее гостиной в Каслвуде.

Взяв в руки бразды правления, новая графиня принялась за дело с большим размахом и живо навела порядок в доме, на усадьбе и во всем имении. Можно только удивляться тому, как быстро овладела она искусством командовать: если какие-нибудь порядки, которым испокон века следовали все хозяйки крупных поместий, приходились ей не по душе, она тут же устанавливала свои собственные, объявляла их законом и заставляла им подчиняться. Мистеру Уорингтону довелось заметить, что во время богослужения графиня, будучи воспитана в диссидентской вере, допускала кое-какие промахи (не знала, к примеру, когда полагается оборачиваться лицом на восток, — обычай, насколько я понимаю, не принятый ни в одной протестантской церкви, кроме англиканской); однако в промежутке между двумя визитами Джорджа Уорингтона в Каслвуд

миледи уже в совершенстве овладела всеми необходимыми познаниями в этой области и под руку с своим кузенком, в сопровождении двух лакеев, несших ее большой молитвенник, шествовала в церковь с таким набожным видом, что напоминала ту бесподобную старую ханжу с ее лакеем, которую мистер Хогарт изобразил в своей знаменитой картине "Утро". Всякий, поглядев на леди Лидию в эту минуту, мог бы подумать, что у нее всю жизнь был свой капеллан. Она покровительственно относилась не только к этому своему новому капеллану, но, как могло показаться, — даже и к богослужению, и к самой церкви, словно у себя на родине ей никогда не приходилось слушать бродячего проповедника в сарае. Она умела, что называется, поставить на место самые уважаемые семейства в графстве — почтенных сквайров с двадцатью поколениями баронетов в родословной, важных, суровых баронетов и их жен, приезжавших в Каслвуд, дабы почтить своим визитом новобрачных. Она раздобыла где-то старинную книгу по геральдике и весьма забавную незамужнюю старую леди из Уинтона, сведущую по части генеалогии и хорошего тона, и с ее помощью принялась постигать премудрости придворного этикета (в том виде, в каком старушка приобщилась к ним еще во времена королевы Анны), после чего названия всевозможных орденов, крестов, геральдических эмблем и девизов так и сыпались у нее с языка, если не всегда к месту, то всегда с поразительной непринужденностью и апломбом. В своей золоченой карете шестеркой она совершала большие путешествия в соседние города либо, возлежа в портшезе, навевывалась в деревню, где требовала почти королевских почестей от своих вассалов — арендаторов и прочих холопов. Она наставляла приходского священника по части богословия; управляющего именем учила вести хозяйство и объясняла изумленной экономке, как готовить соленья и копченья; она, несомненно, показала бы выписанному из Лондона верзиле-лакею, как нужно вскакивать на запятки, будь сама чуточку повыше ростом; она обучала арендаторских жен уходу за новорожденным задолго до того, как сама стала матерью; что же касается больных, то даже госпожа Эсмонд из Виргинии не могла бы с большей решительностью прописывать пилюли и микстуры, чем молодая супруга графа мисс Лидия. Вы помните сказку о рыбаке и джинне из "Тысячи и одной ночи"? Так же вот и тут можно было только удивляться, как столь могучий дух мог столь долго оставаться в закупоренном состоянии в таком миниатюрном сосуде, как тело миледи Каслвуд.

Когда мистер Уорингтон возвращался в Лондон после своего первого визита к новобрачным, миледи просила его передать от нее небольшие подарки ее юным, как она назвала их, друзьям с Дин-стрит (Тео была

старше ее, а Этти почти одного с ней возраста). Одной из сестер была отправлена какая-то безделушка, а другой — книжка, и Джордж Уорингтон клялся потом, что Тео получила в подарок куклу, а Этти — букварь с фразами, состоящими только из односложных слов. К своему же деверю мистеру Уиллу миледи неизменно относилась с материнской строгостью и заботливостью, всегда соблюдая покровительственный тон в разговоре с ним или о нем, что от души забавляло Джорджа Уорингтона, но прискорбно удешевляло привычное количество божбы и ругательств, изрыгаемых кузеном Уиллом.

Что касается старости, то леди Лидия не питала особого почтения к этому преходящему обстоятельству в жизни господ и дам, и как только акт о введении ее во владение имуществом был подписан, стала обращаться с почтенным Ван ден Босхом и его огромным напудренным париком с не меньшей бесцеремонностью, чем Дина со своим черным ухажером, чья курчавая голова и большие уши получали безжалостные подзатыльники и щипки за каждый проступок, — так, по крайней мере, описывала Дина поведение миледи мистеру Гамбо, а тот — своему хозяину. Весь дом пребывал в трепете перед миледи графиней — даже экономка, которой побаивался и сам милорд, и вдовствующая графиня; избалованные ливрейные лакеи, выписанные из Лондона и привыкшие выражать недовольство, если их отрывали от карт или мешали без конца тянуть пиво, теперь проворно принимались за дело по первому знаку хозяйки; даже старый Локвуд, более полувека прослуживший привратником, постарался сообразить, что к чему, когда миледи явилась к нему в привратническую, распахнула окошко, обследовала его чулан и выставила за дверь его старых собак. Стащив шляпу со своей старой лысой головы, он бросил молящий взгляд на свою племянницу и почувствовал, как перед лицом ее сиятельства им овладевает смутный страх. Гамбо, одевая своего хозяина к обеду, вспомнил вдруг пророка Елисея (в это утро он как раз прослушал проповедь капеллана на эту тему): "...и всех этих мальчишек, что насмехались над ним и обзывали плешивым, — их за это медведи съели, и поделом им", изрек Гамбо. Но миледи выказала совсем иные чувства, разговаривая со своим кузеном о старом привратнике.

— Ах, будет вам! — сказала она, — глупый старик, выжил уже из ума, так же как его старые, грязные собаки! Они такие же дряхлые и такие же безобразные, как эти рыбы в пруду! — И она показала на двух чудовищно старых карпов, которые, по преданию, жили в каслвудском пруду несколько столетий и покрылись от старости довольно непривлекательными серыми пятнами, похожими на плесень. — Локвуду пора собирать свой скарб, его

место — в работном доме, а в привратники я найму какого-нибудь рослого, красивого и проворного парня, который сделает честь нашей ливрее.

— Он был слугой у моего деда и сопровождал его на войну еще во времена королевы Анны, — заметил мистер Уорингтон, в ответ на что миледи нетерпеливо воскликнула:

— Ах, боже мой, королева Анна давно скончалась, и мы, надеюсь, не собираемся облачаться теперь по этому поводу в траур?

Вопрос о Локвуде подвергся обсуждению за обедом, когда миледи объявила о своем намерении уволить старика.

— Я слышал, — скромно проговорил мистер Ван ден Босх, — что здесь у вас, в Англии закон велит заботиться о старых слугах и вообще о всякого рода неимущих стариках. Право же, я бы очень хотел, чтобы у нас, в Америке, были созданы такие же приюты для престарелых и нам не приходилось бы тратиться на содержание старых рабочих.

— Если человек не может работать, его незачем держать! — заявила миледи.

— Правильно, а как же иначе! — подтвердил дедушка.

— Как! Старого слугу? — воскликнул милорд.

— Мистеру Ван ден Босху в молодости, по-видимому, не приходилось прибегать к помощи слуг, — заметил мистер Уорингтон.

— Сам открывал у себя ставни, сам чистил себе сапоги, сам поливал мой...

— Сахарный тростник, сэр? — спросил милорд.

— Нет — пол, пол, зятек! — сказал старик со смехом. — Впрочем, не при миледи будь сказано, сбрызнуть водой сахар — такие штуки в бакалейных лавках...

— Ах, перестаньте! Кому это интересно слушать про бакалейные лавки! воскликнула миледи.

— А ты не помнишь, как стащила кусочек сахара и что за этим последовало? — рассмеялся дедушка.

— Но, так или иначе, красивый, рослый мужчина будет выглядеть в нашей ливрее куда лучше, чем этот старый сморчок, ваш привратник! — сказала миледи.

— Ни одна ливрея же может внушить такого уважения, как почтенный возраст, сударыня, и седые волосы не менее красивы, чем серебряные галуны, сказал мистер Уорингтон. — И что будут говорить в графстве, если вы прогоните старого Локвуда?

— Ну, уж если вы за него просите, сэр, то, по-видимому, он должен остаться. Может быть, мне даже приказать, чтобы к нему перенесли

кушетку из моей гостиной и послали бутылку лучшего вина из нашего погреба?

— Чего же лучше, миледи, — очень серьезно ответил мистер Уорингтон.

А милорд добавил, зевнув:

— Кузен Джордж совершенно прав, моя дорогая. Это произвело бы крайне неблагоприятное впечатление, если бы мы выгнали такого старого слугу, как Локвуд.

— Эти старые заплесневелые карпы — тоже своего рода любопытная древность, и, как видите, они привлекают посетителей, — все так же серьезно продолжал мистер Уорингтон. — Ваша милость должна позволить этому несчастному старику остаться. Это же ненадолго. А там уж нанимайте рослого, красивого привратника. Нам ведь тоже нелегко, мистер Ван ден Босх, держать у себя старых негров, когда они уже не в силах работать. Лет через восемь десять я продам этого плута Гамбо...

— Никуда вы меня не продадите, хозяин, — ослабившись, заметил Гамбо.

— Придержи-ка язык, ты! Он, понимаете ли, не знаком с английскими обычаями и думает, что старый слуга вправе рассчитывать на доброе отношение хозяина, — сказал мистер Уорингтон.

На следующий день, к немалому удивлению Уорингтона, миледи и в самом деле послала Локвуду корзину хорошего вина и подушку для кресла.

— Вчера вечером, ложась спать, я раздумывала над тем, что вы сказали мне, и решила: поскольку вы знаете свет лучше, чем я, пожалуй, мне следует поступить по вашему совету и оставить этого старика.

На том история с привратником кончилась, и мистер Уорингтон мог только подивиться на это поразительное юное создание, явившееся к ним с Запада и сочетавшее в себе простодушие и наивность с таким редким бессердечием, которое сделало бы честь любой закаленной старой аристократке, неожиданно пошедшей в фавор при Сеит-Джеймском дворе.

— Вы говорите, что я должна уважать преклонный возраст? Почему? Я положительно не нахожу в стариках ничего такого, что было бы достойно уважения, — говорила миледи мистеру Уорингтону. — Они скучны и, мягко выражаясь, не очень-то привлекательны. Поглядите хотя бы на дедушку. Или на тетку Бернштейн. Говорят, она была красавицей когда-то. С нее написан этот портрет. Как хотите, не могу поверить! И пусть мне не говорят, что я когда-нибудь тоже стану безобразной! Люди просто не имеют права доживать до такого возраста. Не имеют, и все!

А на Рождество тетушка Бернштейн явилась в сопровождении мистера

Уорингтона с визитом к своему племяннику и племяннице. Это путешествие они совершали не спеша, в собственном экипаже баронессы; старая дама была в добром здравии и отличном расположении духа: дул восхитительный свежий ветерок, но не было холодно, и пока они приближались к родовому гнезду, тетушка Бернштейн рассказывала своему спутнику десятки всевозможных историй из далекого прошлого. Крайне апатичная и нередко весьма раздражительная, эта старая дама порой оживала и тогда становилась весьма интересной собеседницей, сверкала остроумием — подчас довольно злым, — и в памяти ее всплывали сотни забавных историй из великосветской жизни былых времен. Право же, отдавая должное Красоте, нельзя не признать, что тому, кто был ею наделен, хочется сохранить эту усладу до конца дней своих и весьма нелегко примириться с ее утратой после — в лучшем случае — сорока лет обладания ею. Слушая болтовню старой дамы о ее прежних поклонниках и вздыхателях (а ваш покорный слуга был куда лучше осведомлен о прошлом ее милости, чем она могла это предполагать), я вглядывался в ее лицо и пытался восстановить из этих руин образ былой красоты в дни ее расцвета. О, какой урок извлекал я из этого созерцания! Перед моим взором возникали пышные лужайки, заросшие сорняками; разрушенные башни; двери, висящие на одной петле; потускневшая позолота зал; потертые, затянутые паутиной гобелены! А ведь когда-то в этом полуразрушенном дворце кипела и сверкала жизнь, звучала музыка, и из окон лились ослепительные потоки света!.. Какие были пиры, какие празднества, какое веселье и великолепиие! Я видел терзающихся ожиданием влюбленных, восхищенные взоры придворных, ярость соперниц. Я угадывал тайные свидания за тяжелыми портьерами, прозревал скрытые интриги. Минутами, слушая слова старухи, мне хотелось сказать ей: "Сударыня, я знаю, что это было не так, как вы рассказываете, а вот как..." — ибо еще у себя на родине я читал историю жизни баронессы, изложенную моим добрым дедом, а когда в Каслвуде я одиноко бродил по дому наших предков, воскрешая в памяти былое и размышляя над его угасшим величием, мое воображение и любопытство воссоздавали для меня ее образ.

Когда тетушке Бернштейн случалось навещать в Каслвуд, ее родственники — не столько, думается мне, прельщаясь ее деньгами, сколько побаиваясь ее твердого и властного характера и острого языка, оказывали ей самый почтительный прием, и она принимала это как должное. Такой же прием ожидала она встретить и у новой хозяйки дома и была готова отплатить за него самым большим расположением. В конце

концов разве этот брак не был делом ее рук!

— Когда вы, глупое создание, не пожелали жениться на этой богатой наследнице, — сказала она мне, — я тут же положила, что она должна достаться кому-нибудь из нашей семьи. — И она со смехом поведала мне о всевозможных маленьких интригах и проделках, способствовавших осуществлению этого плана. Девице она сосватала графскую корону, а племяннику — сто тысяч фунтов. Само собой понятно, что она будет желанной гостьей в их доме. Она была в восторге, узнав о том, как маленькая графиня, проявив характер и отвагу, выставила за дверь мачеху мужа и леди Фанни. Госпожа Бернштейн, при первом знакомстве с людьми всегда пленявшаяся красивой внешностью, *raffolait* {Не уставала расхваливать (франц.).} ослепительно-лучистые глаза и прелестную фигурку своей новоиспеченной племянницы Лидии. Брак с ней представлялся желательным со всех точек зрения. Некоторое препятствие возникало, конечно, в лице старика-деда — внешность и речь у него очень уж простецкие. Но от него нетрудно будет избавиться. Он стар и не слишком крепок здоровьем.

— Ему захочется вернуться в Америку, а быть может, он вскоре отправится и в более далекое путешествие, — сказала баронесса, пожав плечами. — А девчурка эта — очень живой, темпераментный бесенок, и эти ее ирокезские повадки не лишены своеобразного очарования, — с удовлетворением добавила старая дама. — Нечто такое присуще и вашему братцу... Да отчасти и вам, мистер Джордж! *Nous la formerons, cette petite* {Мы ей придадим лоск, этой малютке (франц.).}. Юджин вяловат, ему не хватает твердости характера, но он джентльмен до мозга костей, ж мы с ним сообща сделаем эту маленькую дикарку вполне приемлемой для общества. — Примерно в таком духе текла между нами беседа и на второй день нашего путешествия в Каслвуд. Первую ночь мы провели на постоялом дворе "Королевский Герб" в Бэгшоте, где баронессу всегда встречали с большим почетом, и оттуда отправились почтовой каретой до Хекстона, куда, в соответствии с ее письмом, милорд должен был выслать за ней экипаж, однако ни лошадей, ни экипажа на постоялом дворе не оказалось, и, напрасно прождав несколько часов, мы вынуждены были продолжить наше путешествие в Каслвуд все на тех же бэгшотских лошадях.

Надо сказать, что в конце пути тетушка утратила свое, хорошее расположение духа и на протяжении трех часов не проронила почти ни слова. Что касается ее спутника то, будучи в то время без памяти влюблен, он, естественно, не слишком докучал баронессе разговорами, ибо был

погружен в мечты о своей Дульцинее и очнулся от них лишь после того, как карета достигла каслвудского поместья и загрохотала по месту.

Нас встретила экономка и предложила баронессе проводить ее в отведенные ей покои. Ни милорда, ни миледи дома не было. Где-то они задержались, сказала экономка, шествуя впереди нас.

— Не сюда, не сюда, ваша милость! — вскричала экономка когда госпожа де Бернштейн взялась было за ручку двери отводившейся ей по обычаю комнаты. Это теперь комната ее сиятельства. Сюда пожалуйте. — И бедная тетушка проследовала дальше, отчего ее настроение едва ли улучшилось. Не завидую ее служанкам, когда ее честь бывает не в духе. Но когда перед ужином она появилась в гостиной, глубокие складки на ее челе уже почти разгладились.

— Как поживаете, тетушка? — приветствовала ее хозяйка дома. Признаться, я малость вздремнула, аккурат когда вы изволили прибыть! Надеюсь, там все в порядке — в вашей комнатке?

И, ограничившись этими тремя не слишком длинными фразами, графиня повернулась спиной к изумленной старой даме и занялась другими гостями. Мистера Уорингтона немало позабавило такое поведение хозяйки, а также выражение недоумения и гнева, все явственнее проступавшее на лице госпожи Бернштейн. "La petite", которой баронесса предполагала "придать лоск", оказалась довольно непокорной особой и была, как видно, исполнена решимости заниматься собой сама. Милорд, робко поглядывая на свою супругу, старался, как мог, искупить ее дерзость, проявляя к тетушке сугубое внимание, а ведь общеизвестно, что никто не умел быть столь обходителен и любезен, как его сиятельство, стоило ему этого захотеть. Он наговорил ей кучу приятных вещей. Он горячо поздравил мистера Уорингтона с блестящими вестями, поступившими из Америки, и от души порадовался, что его брат цел и невредим. А за ужином он предложил тост в честь капитана Уорингтона.

— Приятно, что наше семейство так отличилось, кузен, — сказал он, и, с нежностью глядя на свою молодую супругу, многозначительно добавил: — Я верю, что всех нас ждут счастливые дни.

— Да, да, Джордж, — сказала, в свою очередь, эта крошка, — напишите Гарри и сообщите ему, что мы все чрезвычайно им довольны. В битве при Квебеке они одержали славную победу, и теперь, когда мы вытурили французского короля из нашей страны самое, мне кажется, время американцам самим навести у себя порядок.

— Это же изменнические речи, моя дорогая! — вскричал лорд Каслвуд.

— Это здравые речи, милорд. Доколе же вы будете считать нас за детей и заставлять плясать под свою дудку.

"Джордж", "Гарри"! — признаюсь, меня это и удивило и позабавило.

— Когда мой брат узнает, что вы, миледи, одобряете его поступки, он будет на седьмом небе от счастья, — произнес я с самым серьезным видом.

На следующий день молодая графиня, возлежав на софе и беседуя со своим кузенком, уже не называла его "Джордж" как накануне, а величала "мистер Джордж", и тот шутливо заметил ей, что ее обращение к нему несколько изменилось со вчерашнего дня.

— Так ведь это я делала, чтобы позлить старую перечницу, — сказала миледи. — Она корчит из себя этакую добренькую бабушку, чтобы командовать мной, как девчонкой. А я не желаю, чтобы мной командовали, не желаю. В этом доме я хозяйка, и она это скоро уразумеет. Я, если на то пошло, для того и вытащила ее сюда из самого Лондона! Ха, ха! А вы видали, какая у нее была физиономия, когда я назвала вас "Джордж"? А ведь я могла бы называть вас "Джордж"... если бы вы не увидели раньше эту вашу Тео, которая, по-видимому, понравилась вам больше, чем я.

— Да, по-видимому, так, — отвечал мистер Джордж.

— Ну, а вы мне нравитесь, потому что умеете говорить правду. И потому, что вы один-единственный во всем вашем Лондоне не гнались, похоже, за моими деньгами. Но все равно я была страшно зла на вас, и на себя тоже, и на эту вашу возлюбленную, которая, ручаюсь, не может идти ни в какое сравнение со мной, не может, и все.

— Тогда давайте не будем заниматься сравнениями! — воскликнул я, смеясь.

— Да, как видно, что посеешь, то и пожнешь, — сказала она со вздохом. Верно, ваша мисс Тео очень хорошая девушка, и вы женитесь на ней, и уедете в Виргинию, и будете там так же скучать, как мы скучаем здесь. Мы тут беседуем о мисс Ламберт, милорд, и я от души желаю кузену счастья. А как чувствует себя сегодня наша бабуся? Она, мне кажется, слишком плотно поужинала вчера и притом пила... пила, прямо как драгун! Теперь у нее, понятное дело, трещит голова, и она сидит у себя в комнате. И можно себе представить, сколько времени ей нужно, чтобы одеться.

— Но ведь и вас, быть может, не минует эта участь, и вы тоже будете нуждаться в покое и добром вине, чтобы согреться! — сказал мистер Уорингтон.

— Надеюсь, что уж такой-то, как она, я никогда не стану, даже в старости! — сказала миледи. — Если у какой-то старухи вставные зубы, трясущиеся руки и она ковыляет, опираясь на клюку, хоть убей, не

понимаю, почему я должна ее за это уважать! — И маленькая язычница улыбнулась, показав двадцать четыре жемчужных зуба, и откинулась на спинку кушетки. — Ну и ну! — воскликнула она, устремив на нас сквозь загнутые ресницы пристальный взгляд своих сверкающих темно-карих глаз. — До чего испуганный у вас обоих вид! Милорд уже прочел мне кучу проповедей из-за этой славной бабуся. Вы оба просто боитесь ее, а я нет, вот и все. И не смотрите с таким испугом друг на друга. Я ведь не собираюсь откусить ей голову. У нас с ней будет небольшая баталия, в которой я намерена одержать победу. Когда ваша вдовствующая мачеха и леди Фанни, мнящие о себе невесть что, явились сюда и хотели унижить хозяйку Каслвуда в ее собственном доме и посмеяться над бедной американской девушкой, я, кажется, неплохо сумела их осадить? Мы немножко поцапались тогда, и кто, позвольте вас спросить, одержал верх? Мы с бабусей тоже поговорим по душам, а потом, посмотрите, станем распрекрасными друзьями!

В эту минуту дверь отворилась, и госпожа Беатриса, по своему обычаю пышно разодетая, собственной персоной предстала перед нами; и тут, без ложного стыда должен признаться, такой меня обуял страх, какой может испытать только самый отъявленный трус. Милорд приветствовал тетушку низким поклоном и, рассыпаясь в любезностях, повел ее к камину, перед которым возлежала на кушетке миледи (уже находившаяся в предвидении наследника). Она не проявила намерения подняться и лишь подарила почтенную гостью улыбкой. Затем после короткой беседы, во время которой миледи проявляла незаурядное самообладание, а оба джентльмена самым постыдным образом дрожали от страха и еле ворочали языком, милорд сказал:

— Если мы хотим пострелять фазанов, кузен, то нам лучше сделать это, не откладывая.

— А мы с тетушкой уютно поболтаем перед обедом. И вы расскажете мне, каким был Каслвуд в стародавние времена, хорошо, баронесса? — сказала хозяйка дома.

O les laches que les hommes! {О, какие же трусы эти мужчины! (франц.)} Я был до того испуган, что уже почти ничего не соображал; смутно помню только, что взгляд темных глаз леди Каслвуд проводил меня дверей. В коридоре милорд схватил меня за руку, и шаги наши так ускорились, что это уже стало походиться на позорное бегство. Мы с облегчением перевели дух, только оказавшись на открытом воздухе, во дворе, где нас ждали егеря с собаками.

Вы хотите звать, что произошло? Клянусь вам, дети мои, я не знаю.

Одно несомненно: если бы ваша матушка обладала хоть чуточку более крутым нравом или попробовала бы хотя бы в течение пяти дней побранить меня минут пять подряд, вероятно, не было бы во всем христианском мире более робкого, приниженного, заклеванного, несчастного создания, чем ваш отец. Разве вы не замечали, как пастор Блейк, когда он садится с нами обедать, отодвигает свой стакан, стоит его супруге бросить на него взгляд, и говорит старику Гамбо, который хочет налить ему вина: "Нет, нет, благодарю вас, мистер Гамбо". А ведь он когда-то, прежде чем надеть черное облачение, носил красный мундир и еще до того, как увидел наш Банкер-Хилл в Суффолке, взбирался на Бридс-Хилл вод свист вражеских пуль. И вот этот бесстрашный вояка сорок третьего драгунского полка теперь не смеет взглянуть на стакан с портвейном! Супруга лишила его всякого мужества. Женщины умеют верховодить нами, и знай они сами, как велика их сила, они были бы непобедимы...

Мне неведомо, что произошло в тот достопамятный день, когда ваш отец позорно бежал с поля брани, не решившись лицезреть битву двух воительниц; но к нашему возвращению с охоты поединок был уже закончен, Америка взбунтовалась и победила метрополию.

Глава LXXIV

Вести из Канады

Наши каслвудские родственники задержали нас у себя до Нового года, и после двухнедельной разлуки, показавшейся одному влюбленному чудаку вечностью, он вернулся туда, где находился предмет его обожания. Госпожа де Бернштейн без особого сожаления покидала дом своих предков, и по мере того как мы отдалялись от него, у нее все больше развязывался язык. О том, что произошло во время генерального сражения между нею и племянницей, она не обмолвилась ни словом, И о том, чтобы "придать лоск" *cette petite*, не было больше и, речи, однако, если при упоминании имени молодой графини у баронессы и вырывался порой легкий нервный смешок, она тем не менее отзывалась о ней без всякой враждебности. Племянничек Юджин обречен находиться под каблуком до конца своих дней — это всякому ясно, говорила баронесса. А если в доме немножко наведут порядок, сие послужит ему только на благо. И этот вульгарный американский старикашка в роли управляющего именем тоже может быть весьма полезен. Говорят, что мать нашей графинюшки была приговорена к каторжным работам и трепала пеньку в разных тюрьмах Англии, пока ее не выставили за море, но об этом, разумеется, не следует кричать на всех перекрестках, и в конце концов это та категория людей, чьи предки не должны нас интересовать. Теперь эта молодая особа вынуждена будет вести честный образ жизни ради собственной же пользы; она достаточно сообразительна и ловка, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, исправить свою английскую речь, а громкий титул, на который она получила теперь право, открывает; ей двери в любое общество. Мистер Ван ден Босх был бакалейщиком, контрабандистом, работоторговцем? Какое значение имеют теперь для нас его прежние занятия? Графиня Каслвуд может себе позволить быть чьей угодно дочерью, сказала старая дама, и раз лорд Каслвуд ввел ее в общество, наш долг — стоять за нее горой.

Видя сколь высоко ставит госпожа де Бернштейн родственные узы, связующие ее с племянником, мистер Уорингтон возымел надежду, что она будет готова распространить свою благожелательность и на племянницу, и рассказал о своем посещении мистера Хэгана и его супруги, а в заключение просил тетушку не отказывать и им в расположении. Но, услышав имя леди Марии, старая дама проявила крайнее упрямство: прошу никогда не упоминать о ней в моем присутствии, заявила она после чего на

протяжении двух часов, не говорила ни о ком другом. Она пересказала целую кучу всевозможных, сплетен, ходивших об ее племяннице, кои я воздержусь излагать на бумаге, ввиду того, что рукопись эта предназначена *virgibus puerisque* {Девичам и юношам (лат.).} и открыта взорам всех юных членов нашего семейства. Одно я все же должен сказать в защиту этого бедного создания: пусть она грешила, но разве она была в этом смысле исключением в нашей семье? А если она раскаялась, так кое-кому не мешало бы взять с нее пример. Хорошо известно, что Хэган, покинув сцену, вел примерный образ жизни и, как говорят, был очень представителен и красноречив на кафедре проповедника. Его супругу даже обвиняли в фанатизме, но она пользовалась большим уважением некой секты, к коей примкнула. При нашем последнем свидании она много рассказывала мне: об удивительных наитиях свыше, которые у нее бывают. и которые, как мне тогда показалось, могли проистекать от несколько неумеренного потребления спиртного, однако я никогда не позволю себе забыть, что она и ее супруг были добры ко мне в те дни, когда я особенно нуждался в поддержке и когда немало фарисеев отвернулись от меня.

Я уже говорил о том, как легко было попасть сегодня в фавор, а завтра в немилость у моей тетушки и как нас с братом поочередно то ласкали, то отталкивали. Свою долю триумфа я изведаль после успеха моей пьесы. Я был представлен самым прославленным остроумцам города и сумел довольно сносно держаться в их обществе, после чего светские щеголи заявили, что я не так уж дурно воспитан, и, возможно, я мог бы сделать карьеру в высшем свете, пожелай я избрать себе эту жизненную стезю и будь мой кошелек не столь тощ, а пара милых глаз не дороже для меня блистательных очей сестер Ганниг и Чадли или размалеванных красоток цирка. Трудно этому поверить, дети, но из-за того, что я был влюблен в вашу мать, меня объявили человеком низменных вкусов, достойным всяческого сожаления. Да, так это было. И я вижу, как две седовласые головы — набожной леди Уорингтон и суетной госпожи де Бернштейн склоняются друг к другу, когда эти дамы дружно скорбят по поводу моего образа жизни.

— Ах, боже мой, с таким именем, как у него, он мог бы жениться на ком угодно! — восклицает кроткое Благочестие, которое всегда, устремив один глаз к небу, другим старается не упустить чего-нибудь на земле.

— Я не вмешиваюсь в чужие дела и преклоняюсь перед талантом, — заявил мой дядюшка, — но не могу не пожалеть, что ты якшаешься с разными поэтами и сочинителями и прочими людьми подобного сорта, а более всего — о том, что ты дал увести у себя из-под носа прелестное

создание с сотней тысяч фунтов приданого и связал свою судьбу с деревенской девчонкой без гроша в кармане.

— А если я уже был связан словом, дядюшка? — спросил я.

— Словом, словом! Такие дела не делаются очертя голову, тут надо хорошенько все взвесить и проявить осмотрительность и благоразумие. Когда ты связал себя обязательством с этой мисс Ламберт, ты еще не был знаком с прелестной американкой, которую твоя матушка прочила тебе в жены, как сделала бы на ее месте всякая любящая мать. И твой долг по отношению к матери, племянник, долг, которому учит нас пятая заповедь, послужил бы тебе оправданием, если бы ты порвал с мисс Л. и исполнил бы желание твоей высокочтимой матушки относительно мисс... как, бишь, была девичья фамилия графини? Что-то голландское... Ну, неважно... имя — это ерунда, но деньги, мистер Джордж, деньги — это нечто осязаемое! Вот, к примеру, мой дорогой малыш Майли посещает танцкласс вместе с мисс Барвелл, дочерью набоба Барвелла, и я не скрываю, что был бы рад, если бы эти дети почувствовали склонность друг к другу, которая могла бы продлиться всю жизнь, и даже сказал об этом набобу. Однажды мы вышли вместе из палаты общин, — был как раз день танцкласса, — и пошли поглядеть на них. Какое это было восхитительное зрелище — два юных создания танцевали менуэт! Поверишь ли, Джордж, я даже прослезился, ведь у меня чувствительное сердце, и я люблю моего мальчика.

— Но если мисс Ламберт без всякого приданого дороже мне графини с ее сотней тысяч фунтов, что тогда, дядюшка?

— Ну, в таком случае у вас весьма странный вкус, сударь, больше ничего, — сказал дядюшка, повернулся на каблуках и покинул меня. Я понимаю, как его должно было раздосадовать, что я не могу смотреть на жизнь его глазами.

Тетушка Бернштейн тоже была отнюдь не в восторге ни от моей помолвки, ни от семьи, в которой я теперь проводил почти все свое время. Их простой образ жизни казался скучным, а быть может, и глупым этой светской даме, и она бежала от их общества, как некий персонаж (возможно, и не такой черный, как его малюют) от ладана. Она насмеялась надо мной, говоря, что я пришпилен к чьей-то юбке. Сильно поднявшись было в ее глазах, я кувырком полетел вниз, ее любимцем снова сделался Гарри, и его брат, видит бог,нисколько ему не завидовал.

Гарри был теперь нашим семейным героем. Мы время от времени получали от него коротенькие весточки с театра военных действий, и поначалу госпожа Бернштейн не проявляла особого интереса ни к этим письмам, ни к их автору, ибо слог писем был прост, а изложенные в них

факты не слишком занимательны. Но вскоре до Лондона долетела весть о блистательной победе, одержанной нашими войсками 1 августа под Минденом, где полк, в котором ранее служил Вулф, был одним из шести английских полков, принимавших участие в этой знаменитой битве. А сам молодой генерал, сраженный лихорадкой, лежал в это время на своей койке, уже в виду Квебека и, надо думать, горевал и бесился из-за неудавшейся, отбитой французами атаки.

Суда, на которых плыл Вулф со своим войском, вошли в реку Святого Лаврентия в июне, и в последний день того же месяца войско высадилось на острове Орлеан, прямо напротив которого возвышается высокий отвесный утес Квебек. После великого сражения, в котором над генерал, мой дорогой брат, всюду его сопровождавший, прислал мне одно из своих бесхитростных писем, описав свое скромное участие в этой достопамятной битве, однако это мало что добавило к многочисленным описаниям победы, одержанной 13 сентября, если не считать одной маленькой подробности, брат, помнится мне, писал, что по словам второго адъютанта, неотлучно находившегося при Вулфе, генерал, после того как был смертельно ранен, не произнес ни единого слова, и поэтому фразу, вложенную кем-то в уста умирающего героя можно считать не более достоверной, чем речи, приводимые у Ливия или Фукидида.

Высадившись на острове, лежащем в основном русле реки к северу от города, генерал усердно выискивал возможность встретиться с неприятелем и атаковать его. Время от времени он высылал на берег десант — то выше города, то ниже его. Он готов был атаковать в любую секунду. Маркиз Монкальм, несомненно, совершил огромную ошибку, приняв бой с Вулфом на равных, ибо английский генерал не располагал артиллерией, и когда мы совершили наш знаменитый подъем на Авраамовы высоты, то хотя несколько и приблизились к городу, но были еще весьма далеки от того, чтобы им овладеть.

Партия, разыгранная доблестными командирами двух отважных маленьких армий с июля по сентябрь, когда Вулф принял свое отчаянно смелое решение, приведшее к победе, была одним из самых интересных состязаний, в которых когда-либо участвовали столь азартные игроки. Началась она (по словам моего брата) в первую же ночь после высадки. В полночь французы направили целую флотилию пылающих брандеров на английские суда, выгружавшие свои боеприпасы на остров. А наши моряки шутя и играя взяли брандеры на буксир, отвели их от своих кораблей и пригнали к берегу, где они и сгорели.

Как только французский командующий услышал, что наши корабли

вошли в устье реки, он привел войска в форт Бьюпорт, расположенный перед городом, и там укрепился. Когда мы выгрузили наше снаряжение и развернули лазареты, наш генерал переправился с острова на левый берег реки и приблизился к расположению неприятеля. Позади него на реке стояли его корабли, но вся лежавшая впереди страна была поставлена под ружье против нас. Когда наши передовые отряды пытались пройти сквозь лес, они были встречены там индейцами, подвергнуты страшным пыткам и уничтожены. Французы были не менее кровожадны, чем их союзники-индейцы. Генерала Вулфа отделяла от неприятеля быстрая река Монморанси, лишая его возможности атаковать французские войска и лежавший позади них город.

В поисках уязвимого места, на которое можно было бы начать атаку, генерал обогнул город Квебек и обследовал левый берег реки. Но город со всех сторон был так же надежно укреплен, как с фронта, и, прогулявшись вверх и вниз по реке под огнем неприятельских батарей, генерал вернулся на свои исходные рубежи на Монморанси. На правом фланге расположения неприятеля, на другом берегу Монморанси, которая во время отлива была здесь проходима вброд, находился французский редут. Генерал решил взять этот редут в надежде на то, что французский командующий для защиты редута вынужден будет вывести свои войска из укрепления и завязать бой. Вулф решил сыграть ва-банк с превосходящими силами противника — перебросить основные силы своей армии с острова и провести штурм города со стороны реки Святого Лаврентия. Он рассчитал время атаки таким образом, чтобы его помощники — Меррей и Таунсенд, — могли переправиться через Монморанси вброд, и в последний день июля начал свою отчаянную игру.

Сначала он, а за ним заместитель главнокомандующего генерал Монктон (занимавший Пуэн-Леви), начали каждый из своего расположения переправляться через реку Святого Лаврентия и были встречены ураганным ружейным и артиллерийским огнем, лишь только поплыли к берегу. Едва высадившись и не дождавшись приказа, солдаты бросились на французский редут, но сразу же понесли большие потери и откатились назад. По заранее обусловленному сигналу войска с другого берега Монморанси переправились через реку в полном боевом порядке. Неприятель оставил редут и отступил к своим основным позициям, откуда открыл по атакующим такой жестокий огонь, что дальнейшая атака казалась бесполезной, и генерал вынужден был отступить.

Когда весть о сражении при Монморанси (мы с Гарри впоследствии не раз проигрывали его снова от начала до конца за стаканом вина) достигла

Англии в первом донесении генерала Вулфа, она тяжким бременем легла на наши души, погрузив всех в уныние. Чего же теперь ждать от столь безрассудно-опрометчивого командира? Можно ли предугадать все несчастья, какие нам уготованы? Что может быть безумней подобного плана — переправить три крупных отряда через широкую реку под огнем тяжелых батарей, с нелепым расчетом выманить хорошо окопавшегося неприятеля из его укреплений и заставить принять бой? Так говорили в городе. Не удивительно, что весьма солидные люди покачивали головой и предрекали новые беды. А генералу, слегшему после этого поражения в жестокой лихорадке, суждено было прожить еще всего шесть недель и умереть, стяжав себе бессмертную славу! Как же так, откуда и по чьей воле пришел этот Успех, это Величие? Кто был им крестным отцом — Заслуги или Безумие? Решала все Удача или Каприз Судьбы? Разве не по воле Судьбы даются нам успехи или преследуют нас поражения? Всегда ли Правое Дело побеждает? Почему французам удалось отвоевать Канаду у туземцев, а нам — у французов, и после какой именно из побед надлежало возносить хвалу господу? Мы постоянно стремимся вовлечь Небо в наши распри и жаждем вмешательства богов, каково бы ни было наше *podus* {Затруднение (лат.)}.

Исколошматив и победив Слэка, возвел ли Броутон свой подбитый глаз к Юпитеру и возблагодарил ли его за победу? И если десять тысяч боксеров могли быть услышаны, то почему не быть услышанным одному? И если Броутон должен испытывать благодарность, то что должен испытывать Слэк?

"На основании списка раненых офицеров (многие из коих имеют высокий чин) вы можете заключить, сэр, что армия понесла тяжелые потери. Характер здешней реки лишает нас возможности использовать наиболее мощную часть нашего вооружения, а нам противостоят силы почти всей Канады. В этом положении приходится выбирать из такого количества разнообразных трудностей, что мне, должен признаться, весьма нелегко принять решение. Я знаю, что интересы Англии требуют самых решительных действий, однако отвага кучки смельчаков может быть использована лишь в том случае, если имеется хоть какая-то надежда на благоприятный исход дела. Мы с адмиралом изучали подступы к городу с точки зрения возможности общего штурма, и он выразил готовность принять участие в нем, как и во всякой другой операции на благо государства, но я не могу предложить ему участвовать в столь опасном мероприятии, сулящем столь мало надежды на успех... Сам я тяжело болен и все еще так слаб, что обратился к офицерам штаба с просьбой обсудить

между собой наилучший план действий, и они пришли к решению, что следует попытаться, высадив на берег армию в четыре-пять тысяч солдат (следовательно, почти всю армию, остающуюся в нашем распоряжении, после того как мы надежно укрепили наши позиции в Леви и на острове Орлеан) — выманить неприятеля из его укреплений и заставить принять бой. Я согласился с их доводами, и сейчас мы готовимся привести этот план в исполнение".

Так писал генерал (и совершенно ясно, что наш дорогой грамотей не мог быть ни автором этих писем, ни писцом) из своей ставки на Монморанси 2 сентября; а 14 октября куттер "Родней" прибыл в Англию с печальными вестями. Атака была отбита, командующий болен, в армии большие потери, осажденный город так укреплен, что взять его приступом почти не представляется возможным. "Единственный остающийся у нас шанс — это атаковать маркиза Монкальма, выманив его, если удастся, из укрытия, что уменьшило бы перевес в его пользу". Но возможно ли, чтобы французский военачальник, чей военный гений известен всей Европе, попался в такую западню? Не удивительно, что после такого известия Лондон был охвачен унынием и сердца преисполнены сомнений и дурных предчувствий.

А через три дня после этого печального известия были получены знаменитые депеши, извещавшие об удивительном повороте Судьбы, завершившем необычайную карьеру генерала Вулфа. Если верить, что счастье недостижимо, на земле, то что же сказать об этом человеке? Конец его жизни был столь ослепителен, что, поверьте мне, даже его мать или его возлюбленная не должны были оплакивать его гибель или желать его возвращения к жизни. Я знаю, что этот человек — герой, и тем не менее, клянусь, мне трудно решить, что восхищает меня больше в этом последнем эпизоде его жизни: талант и изобретательность в соединении с отвагой или хладнокровие игрока, умеющего пойти на отчаянный риск и одержавшего победу с ничтожными шансами на успех? А что, если его приближение было бы замечено получасом раньше и его солдаты (а так оно наверняка и случилось бы) отброшены назад? Что, если бы маркиз Монкальм не покинул своих укреплений, чтобы принять этот странный вызов? Да, что, если бы все произошло не так, а атак, — а ведь это ни в коей мере не зависело от воли мистера Вулфа? Что случилось бы тогда со славой молодого героя и величием министра, покровительствовавшего ему, и с неистовой, ликующей, опьяненной успехом нацией, поздравлявшей себя с победой? Так кем же, спрашиваю я, — роком, судьбой? — предначертан конец каждого из нас и каждой нации? Лорд Чатем, отчаянный игрок, выиграл и

этот невероятный поединок. Но когда алчная рука англичанина потянулась схватить Канаду, она, разжав своя кулак, выпустила Соединенные Штаты.

Да, конечно, легко делать все эти мудрые умозаключения задним числом, Теперь, когда дело совершено, мы дивимся безрассудной отваге одного и изумляемся ошибке другого. Какими талантливыми военачальниками выглядят некоторые из нас на бумаге! Какие неопровержимые возражения приходят нам на ум, после того как спор окончен! И когда игра сыграна, сколь отчетливо понимаем мы, как следовало ее вести! Описывая события тридцатилетней давности, не составляет труда выискивать ошибки и критиковать... Но в то время, когда мы впервые услышали о победоносных действиях Вулфа на Авраамовых высотах — о его армии, построившейся во мраке и неслышно переправившейся через реку, об отвесных утесах, на которые взбирался неустрашимый полководец и его войско, о поразительной неуязвимости неприятеля и о его внезапном согласии принять вызов и, наконец, — о нашей победе, одержанной в открытом бою на равнине исключительно благодаря невиданной отваге наших храбрецов, — все мы, вся Англия, были опьянены этим известием... Вся страна переживала подъем, победа Вулфа вдохнула в нас новые силы. Не только те, кто участвовал в сражении, но и те, кто, оставаясь дома, осуждал Вулфа за его безрассудство, чувствовали себя теперь героями. Дух неприятеля дрогнул, и это подняло наш дух. Друзья обнимались при встрече на улице. Кофейни и прочие общественные места были переполнены — каждому хотелось обсудить великую новость. Придворные толпились в приемных короля и премьер-министра, по мудрому решению которого был начат этот военный поход. Где бы он ни появился, народ устремлялся следом за ним, громко благословляя его и прославляя. Люди не оплакивали мертвого полководца, а восхищались его euthanasie {Славной смертью (греч.)}. Должны ли друзья Джеймса Вулфа оплакивать его, надев траур, если с небес спустилась колесница, чтобы унести его ввысь? Нет, им надлежит только дивиться, глядя, как он удаляется от нас, окруженный сиянием, и поднимается все выше и выше. Каждый, кто имея друга, близкого к нему, стал знаменит. Каждый солдат, сражавшийся под его знаменами, стал героем. В нашем маленьком дружеском кругу стало почетным быть братом Гарри, Нас нисколько не удивляло то, что не кто другой, как он, с детства знавший тамошние места, указан генералу путь на утесы, которым прошло английское войско. За этим само собой должно было последовать повышение его в чине. Да что там, даже от нашего дядюшки Уорингтона приходили послания, в коих он благословлял небеса и поздравлял меня и

самого себя с тем, что на долю Гарри выпала честь внести свою лепту в столь славное деяние. Тетушка Бернштейн устроила большой прием в честь победы. Я стал героем благодаря сходству с братом. А Сэмпсон прочел такую проповедь, что его прихожане (некоторые из них были заранее предупреждены о ее содержании им же самим) с трудом удержались, чтобы не закричать "ура", и по выходе из часовни их только что не побили камнями.

— Слышать не хочу ни о какой скорби, сударыня, — сказал генерал Ламберт своей супруге, ибо она, добрая душа, хотела было, по своему обычаю, немножко поплакать в тот день, когда останки Вулфа были торжественно преданы земле в Гринвиче. — Если бы наши мальчики могли обрести такую смерть, как Джеймс, ты, поверь, не стала бы на их пути и не защитила бы их от пуль, а сама полезла бы на Авраамовы высоты, чтобы поглядеть на это сражение! Разве ты бы не хотел умереть в объятиях Победы, Чарли? — спросил генерал маленького школьника.

— Хотел бы, — отвечал мальчик. — Потому нас сегодня и отпустили домой.

Повышение Гарри в чине стало делом решенным после его участия в прославленной битве, и наша тетушка заявила о своем намерении купить ему патент на командование ротой.

Глава LXXV

Путь истинной любви

Обладай ваш отец, дети мои, хоть самой скромной долей благоразумия, не только эта глава его жизнеописания никогда не была бы написана, но и сами вы никогда бы не появились на свет, чтобы терзать его на сотни различных ладов; не было бы громких криков и смеха в коридоре, когда ему хочется в тишине углубиться в книгу; никто не будил бы его, когда он вздремнул после обеда, как положено каждому не обиженному здоровьем сельскому жителю; никто не запикивал бы невесту куда его очки и не утаскивал бы газету, которую он собрался прочесть; не разорял бы его счетами от портных, от модисток, от репетиторов, как все вы, дорогие мои, постоянно делаете; не нарушал бы его ночной покой, позволяя себе занемочь, вследствие чего ваша неразумная маменька полностью теряет душевное равновесие, не спит ночами и не дает спать другим, а если Джоан не может спать, то какой, скажите на милость, смысл Дерби напяливать на себя ночной колпак? Каждое ничтожное недомогание одного из вас нагоняло на вашу маменьку такой страх, что, клянусь, мне не было покоя ни днем, ни ночью, и, не будь я самым терпеливым созданием на свете, у меня бы не раз, наверное, зародилось желание избавиться от всех вас разом. А теперь, — подумать только! — теперь, когда вы уже подросли и пеленки, коклюш, ветряная оспа, скарлатина и прочие прискорбные спутники незрелого возраста остались позади, что, как вы думаете, предлагает мне эта несуразная женщина? Устроить в южных комнатах детскую для наших будущих внуков, а также помочь капитану обзавестись невестой и как можно быстрее жениться, поскольку так поступили мы. Он, видите ли, слишком часто заглядывает к Бруксу и в "Крыжовник", когда бывает в Лондоне. И вопреки всякому здравому смыслу она даже намекнула, что хотя иметь доступ в Карлтон-Хаус, может быть, и очень приятно, но вместе с тем и очень опасно для молодого человека, и ей бы хотелось, чтобы Майлз держался подальше от всех этих искушений, поскорее остепенился и вступил в брак, как это сделали мы. Как мы! О, моя бесценная, нам-то уж никоим образом не следовало вступать в брак! По всем законам сыновнего долга и общепринятой морали, я должен был бы уклониться от выполнения данного мною мисс Тео обещания (она при этом, несомненно, вышла бы замуж за кого-нибудь другого) и жениться на богатой невесте. Ваш дядюшка Джон, будучи священником, не мог вызвать

меня на дуэль, бедняжка Чарли был еще в школьном возрасте, а ваш дедушка, наоборот, — был уже слишком стар, чтобы призвать меня к ответу с помощью пистолета или шпаги. Повторяю: свет еще не видывал более безрассудного брака, чем наш, и гнев наших родственников был совершенно понятен. Да для чего же в конце концов и существуют родственники, как не для того, чтобы изобличать наши ошибки и бранить нас? Ну признайтесь, мистер Джордж, вы, конечно, не преминете поспорить с Эстер, если она выйдет замуж не по вашему выбору? И вы, мисс Эстер, когда Джордж, окончив колледж, где он слышет славным забиякой, начнет самостоятельную жизнь, вы, мисс Эстер, будете, конечно, задирать свой хорошенький носик перед молодой особой, которая ему приглянется. Ну, а с тобой, моя крошка Тео, я расстаться просто не в состоянии {* Здесь на полях приписка крупным девичьим почерком: "Я и не собираюсь вас покидать". Теодозия. "И я тоже". Эстер. Судя по записям в семейной библии, обе они вышли замуж: мисс Теодозия Уорингтон — за Джозефа Клинтона, сына его преподобия Джозефа Блейка, впоследствии — директора классической школы, а мисс Эстер Мэри в 1804 году — за капитана военно-морского флота Ф. Хэндимена. — Примечание издателя.}. Ты не должна покидать твоего престарелого отца — иначе кто же будет играть ему Гайдну и колоть орехи после обеда?

Эти голубки, ваши родители, когда им была предоставлена благословенная (о, поистине благословенная!) возможность каждый день встречаться и ворковать, все время витали в облаках и попросту не замечали окружающий их мир с его мелкими дрызгами и пересудами. Ринальдо был храбрый воин и разил турок, однако, как вам известно, он любил праздно бродить в садах Армиды. О моя дорогая леди Армида, зачем понадобилось вам так околдовать меня в мои юные годы своими чарами, что ни слава, ни почести, ни утехы высшего света, ни игорный стол, ни умная беседа не могли подолгу удерживать меня вдали от вашего передничка, от вашего милого безыскусного лепета? О чем, вспомните, моя дорогая, беседовали мы в часы этих бесконечных свиданий? В те дни я никогда не ложился вздремнуть после обеда. Кто из нас был так необычайно остроумен? Я или вы? И почему столь увлекательной была наша беседа? Помнится, я тогда даже не потрудился пойти поглядеть, как будут судить, и вешать лорда Ферререя, а ведь все, от мала до велика, сбежались на площадь. Прусская столица была взята, и если бы австрийцы и русские осадили Тауэр, верно и тогда Лондон не был бы взбудоражен сильнее. Однако мисс Тео и ее возлюбленный не испытали ни чрезмерного сострадания, ни возмущения. Какое нам было дело до участи Лейпцига или

Берлина? А все потому, что добрый старый дом на Дин-стрит был подобен заколдованному райскому саду. С тех пор мне еще не раз доводилось жить так же праздно, но никогда не был я так счастлив. А может, закажем места в почтовой карете, моя дорогая, оставим детей стеречь дом, отправимся в Лондон и поглядим, не сдастся ли по-прежнему внаем ваша старая квартира? И ты сядешь на твое постоянное место у окна и помашешь мне крошечным носовым платочком, когда я буду проходить мимо. Ты скажешь, что мы поступали безрассудно. А разве мы не повторили бы все это еще раз? Мои дорогие, появись тогда передо мной Венера и предложи отдать ей яблоко, я бы отдал его вашей матери, так я был в нее влюблен. И она, если бы ей предстояло сделать выбор между вашим покорным слугой в потертом кафтане и милордом Клайвом со всеми его бриллиантами, предпочла бы меня.

Но какое-то, правда, не очень долгое, время в том же году я готов был выйти с ножом на большую дорогу с единственной целью, чтобы меня схватили и повесили, как лорда Феррерса, или наняться на службу к королю Прусскому и постараться, чтобы кто-нибудь из его противников раскрыл мне череп, или завербоваться на службу в Индию и совершить там какой-нибудь неслыханный подвиг, который увенчался бы уничтожением моего брэнного тела. О да, это было поистине страшное время! Ваша маменька и теперь еще не решается вспоминать о нем, а если и говорит, то шепотом и с испуганным видом, — так жестоки были тогда наши муки! Еще много лет она бывала грустной в годовщину некоего несчастного дня, пока однажды в этот же день не родился один из вас. Что было бы, если бы нам пришлось разлучиться, — что случилось бы с вами? Какова была бы моя судьба, лишись я ее? Стоит мне об этом подумать, и свет меркнет у меня в глазах. Я говорю, не о теперешней возможной разлуке. Богу было угадав, чтобы наш союз длился тридцать лет, и мы теперь уже достигли своей осени, а потомки готовы занять наше место. И тот из нас, кому суждено первым уйти из этого мира, будет, покидая его, знать, что другой вскоре к нему присоединится. Но в молодости мы были разлучены, и я дрожу при мысли о том, чем могло бы это кончиться, если бы не помощь одного драгоценного друга, соединившего нас навеки.

Без моего ведома и, возможно, желая мне только добра, мои английские родственники почли нужным написать госпоже Эсмонд в Виргинию и сообщить ей, что они думают о моей помолвке, которую им угодно было назвать Безумием. Все они пели одну и ту же песню: я видел эти письма много лет спустя, когда моя мать показала их мне у нас дома в Виргинии, и я тогда же бросил в огонь всю проклятую пачку. Тетушка

Бернштейн опередила всех со своими советами: молодая особа не знатного рода, без всякого приданого и не слишком хороша собой — можно ли вообразить себе более опрометчивый выбор и не следует ли для блага дорогого Джорджа расторгнуть эту помолвку? У нее есть на примете несколько весьма подходящих партий для1 меня. Не обидно ли, если я, с таким знатным именем и такими видами на будущее, погублю себя браком с этой девицей? Нет, она считает, что ее сестра должна вмешаться... ну, и так далее.

Леди Уорингтон тоже почла своим долгом написать, притом в своей особой, неповторимой манере. Письмо ее изобиловало цитатами из Священного писания, Свою суетность она прикрыла фарисейской набожностью. Она писала, что я провожу свои дни в недостойном обществе театральных лицедеев и прочих людей подобного же сорта, и если и не вовсе лишенных религиозного чувства, — этого она не утверждает, упаси господи, — то, во всяком случае, прискорбно преданных мирской суете. Она также не хочет сказать, что некая ловкая дама заманила меня в сети для своей дочери, после того как безуспешно пыталась поймать в них моего младшего брата. Она отнюдь не хочет отзываться дурно о самой девушке, на которую пал мой выбор, но одно во всяком случае несомненно: у мисс Л. нет ни состояния, ни видов на будущее, и ее родители, естественно, хотели бы связать меня словом... Она спрашивала совета... ждала указания свыше... и так далее. Чувствуя, что долг повелевает ей не молчать, она решилась на это письмо. Сэр Майлз, с его огромным жизненным опытом и пониманием света (хотя помыслы его больше принадлежат другому, лучшему миру), полностью согласен с ней, и более того, выразил желание, чтобы она написала сестре с просьбой вмешаться и не дать осуществиться этому безрассудному браку.

И кто же еще приложил свою прелестную ручку к этому доброму делу? Ну конечно же, новоиспеченная графиня Каслвуд! Она написала весьма величественное письмо госпоже Эсмонд. Поскольку провидению было угодно, утверждала графиня, поставить ее во главе семейства Эсмонд, она считает своим долгом снестись со своей американской родственницей и предостеречь ее против этого брака, которому надо воспрепятствовать. Думается мне, что все три дамы сперва посоветовались между собой, а потом, одна за другой, послали свои предостережения в Виргинию.

И вот хмурым апрельским утром Коридон отправляется нести свою ежедневную службу возле Филлиды и вместо нежной улыбки возлюбленной, которой она всегда его встречает, видит, заплаканные глаза миссис Ламберт и бледное как смерть лицо генерала.

— Прочтите это, Джордж Уорингтон! — говорит генерал. Его супруга закрывает лицо руками, а он кладет передо мной письмо, и я узнаю руку, которая его писала. И по сей день еще я слышу рыдания доброй тетушки Ламберт, а шум разгребаемых в камине углей у меня над головой до сих пор бросает меня в дрожь. Этот шум доносился в тот день из комнаты наверху, где находились обе сестры. Бедное кроткое дитя! Бедная Тео!

— Что мне остается после этого делать, мой мальчик, мой бедный Джордж? — говорит генерал в ужасном расстройстве, шагая из угла в угол.

Я не дочитал письма госпожи Эсмонд до конца, так как внезапно почувствовал слабость и головокружение, однако часть его и сейчас еще помню наизусть. Слог его был хорош и выражения достаточно сдержанны, но смысл сводился к тому, что мистер и миссис Ламберт обманным путем поймали меня в брачные сети, прекрасно понимая, что подобный союз недостоин меня; они (как стало известно госпоже Эсмонд) стремились заключить подобный же союз с ее младшим сыном, но, по счастью для него, отказались от этого плана, как только стало известно, что мистер Генри Уорингтон не унаследует виргинского поместья. Если мистер Ламберт действительно человек чести и высокой нравственности, каким его рисуют, госпожа Эсмонд уверена, что после представленных ею возражений он едва ли будет настаивать на этом браке. Она не намерена диктовать свою волю сыну, нрав которого ей слишком хорошо известен, но ради спокойствия и доброго имени мисс Ламберт предлагает, чтобы расторжение помолвки исходило от ее семейства, а не было вызвано справедливым недовольством Рэйчел Эсмонд-Уорингтон из Виргинии.

— Да поможет нам бог, Джордж! — сказал генерал. — Да ниспошлет он нам силы перенести это горе и стерпеть все обвинения, которые вашей матушке угодно было возвести на нас! Они жестоки, но не в них сейчас дело. Сейчас всего важнее, насколько это в наших силах, оградить мою бедную девочку от страданий. Я знаю, что ты крепко любишь ее и поможешь нам с матерью смягчить по мере возможности удар, нанесенный ее нежному сердечку. За всю свою жизнь она еще ни разу не причинила страданий ни одному живому существу, а ее вот заставляют так жестоко страдать. — И он провел рукой по сухим глазам.

— Это все я виновата, Мартин! Все я виновата! — сквозь слезы проговорила бедная миссис Ламберт.

— Ваша мать писала в благожелательном духе и дала свое согласие, заметил мистер Ламберт.

— А я, вы считаете, способен нарушить свое слово? — вскричал я и с пеной у рта стал доказывать то, что и так было всем хорошо известно: мой

союз с Тео заключен перед богом и ничто не может разлучить меня с ней!

— Она сама этого потребует. Видит бог, она хорошая девушка и почтительная дочь и не допустит, чтобы ее отца и мать называли интриганам и обливали их презрением. Ваша маж, думается мне, не вполне понимала, что она совершает, но дело сделано. Вы можете сами поговорить с нашей дочуркой и услышите от нее то же самое. Тео уже одета, Молли? Я принес это письмо из департамента вчера вечером, когда вы уже ушли. Миссис Ламберт и дочери, провели тяжелую ночь. Тео сразу по моему лицу догадалась, что я получил дурные вести из Америки. Она проявила большую твердость духа, читая письмо. Потом выразила желание увидеть вас и попроситься. Само собой разумеется, Джордж, вы должны дать мне слово, что после этого не будете пытаться увидеться с ней. Как только дела мне позволят, мы уедем отсюда. Да, мы с миссис Ламберт полагаем, что легче перенесем этот удар, если будем все вместе. Выть может, уехать следовало бы вам. Но, так или иначе, дайте мне слово, что не будете видеться с Тео. Мы должны оградить ее от излишних страданий, сэръ! Повторяю, это наш долг! — И добрый генерал опустился на стул с таким убитым видом, что его горе передалось мне, и я искренне пожалел его; мое собственное горе еще не успело тогда полностью овладеть моей душой. Я не мог поверить, что дорогие губы, которые я целовал вчера, скажут мне сегодня последнее "прости". В этой комнате мы все встречались каждый день, мы все любили друг друга и нам было хорошо вместе, мой карандашный набросок лежал на столике возле ее рабочей корзинки. Сейчас она в своей комнате наверху и с минуты на минуту спустится сюда,

Кто это отворяет дверь? Я вижу ее милое лицо. Такое же лицо было у нашей крошки Мэри, когда она болела горячкой и мы уже потеряли надежду. И даже какое-то подобие улыбки играет на ее губах. Она подходит и целует меня.

— Прощай, мой дорогой Джордж! — говорит она.

Силы небесные! Даже сейчас, когда я, убеленный сединами, сижу здесь, и рабочая корзинка моей жены стоит рядом на столике, а она сама всего пять минут назад была возле меня, слезы так застилают мой взор, что я не вижу лежащей передо мной рукописи. Я снова чувствую себя двадцатитрехлетним. И снова испытываю все пережитые когда-то муки. Так уже было со мной однажды, когда я ехал в своем экипаже и моя жена сидела рядом со мной.

Кто осмелился запятнать ее чистую любовь низкими подозрениями? Кто посмел ранить эту нежную грудь? Разве вы не видите, как эти знатные

дамы заносят свои ножи, а бедное дитя пытается защититься от их ударов? Но вот в комнату входит моя жена. Она, верно, оделяла чаем или табаком кого-нибудь из своих подопечных:

— Отчего у тебя такой сердитый вид, папочка? — спрашивает она.

— Моя дорогая, — говорю я, — сегодня тринадцатое апреля.

Тень страдания пробегает по ее лицу и сменяется нежной улыбкой. Она приняла мученический венец и среди своих страданий нашла в себе силы простить. Я же простить не могу... Разве когда впаду в детство и все события жизни изглядятся из моей памяти.

— Хел приедет домой на Пасху и с ним несколько его друзей из Кембриджа, — говорит она. И тут же прижимается строить планы, как развлечь мальчиков. Все ее помыслы о том, как сделать других счастливыми.

Джентльмен, сидящий с очками на лезу перед толстой тетрадью и доверяющий ей горестные воспоминания о своих страданиях, может показаться смешным чудачком. Если мне не дают покоя мои мозоли, так ведь и у моего ближнего сапоги тоже могут немного жать. Я не собираюсь слишком громко оплакивать мои несчастья или подробив распространяться о них. У кого не осталось в памяти такого дня, когда свет внезапно померк в его глазах, радость жизни отлетела и душа догрузилась в печаль и мрак? В дни моей скорби я пытался читать одну книгу — письма Хауэла — и когда теперь я дохожу до описания жизни принца Чарльза в Испании, те трагические дни оживают передо мной новой силой. Я тогда отправился в Брайтелмстон, снял на постоялом дворе комнату окнами на восток и утро за утром после долгой бессонной ночи наблюдал восход солнца, покуривая трубку, набитую моим виргинским табаком. Если мне теперь случается попасть на этот постоялый двор и увидеть восход солнца, я грожу светилу кулаком и думаю: "О Феб, свидетелем каких мук, какой безысходной печали и какого яростного гнева ты был!" И хотя жена моя давно уже со мной неразлучна, признаться, я и по сей день еще испытываю гнев. Как осмелился кто-то, спрашиваю я, подвергнуть нас таким страданиям?

Видеть Тео мне было запрещено. Я сдержал слово и после того ужасного прощального свидания не появлялся в доме Ламбертов. Но по ночам я шел туда и смотрел на ее окно и видел, что у нее горит свет. Я ездил в Чартер-Хаус (где учился один знакомый мне мальчик) и, отыскав там ее брата, пичкал его пирожными и набивал ему карманы монетами. Я униженно зазывал ее старшего брата отобедать со мной и едва удерживался, чтобы не поцеловать его на прощанье, Я стал завтракать в кофейне на Уайтхолл, чтобы видеть, как мистер Ламберт идет в свой

департамент; мы грустно обменивались поклонами и молча расходились. Но никто из дам почему-то не показывался на улице. Они теперь не выходили из дома. Миссис Ламберт и Этти не хотели оставлять Тео одну и старались убедить ее, что она должна забыть меня. О, какие это были горестные дни! Как тягостно влачилось время! Но вот к дому генерала стал что ни день подъезжать экипаж доктора. Быть может, Тео больна? Боюсь, что при мысли об этом я даже испытал некоторую радость. Мои страдания были столь непереносимы, что я жаждал, чтобы она разделила их. Да и разве могло быть иначе? Разве могло это нежное, отзывчивое сердце не сочувствовать моему горю? Разве не готово было оно к любым мучениям, лишь бы облегчить мою боль?

Я подкараулил доктора. Попросил меня выслушать. Я рассказал ему все, я открыл ему сердце так искренне и с таким жаром, что пробудил в нем симпатию к себе. Мое признание помогло ему понять причину болезни его юной пациентки. Против этой болезни были бессильны все его лекарства. Я дал слово не видеть Тео, не приближаться к ней и слово свое сдержал. Я дал слово покинуть Лондон, и я уехал. Но я возвращался снова и снова и рассказывал доктору о своих страданиях. Иногда он соглашался принять от меня гонорар, всегда был ко мне добр и выслушивал меня участливо. И как же я тянулся к нему! Должно быть, его некогда тоже постигла тяжелая утрата, и потому он так умел посочувствовать другому страдальцу.

Он не сказал мне, насколько опасно больна моя любимая, но не скрыл, что болезнь ее серьезна. Я же поведал ему, что хочу жениться на ней, чем бы мне это ни грозило, ибо без нее я человек погибший, и мне безразлично, что со мной станется. Моя мать сначала согласилась на наш брак, а потом почла возможным передумать, в то время когда мы уже были связаны крепчайшими узами, более священными, чем сыновний долг.

— Если бы ваша матушка могла слышать ваши слова и увидеть мисс Ламберт, мне думается, сударь, что сердце ее смягчилось бы, — сказал доктор.

Но кто дал моей матери право держать меня в такой кабале, погружать во мрак отчаяния и вырывать моего ангела из моих объятий?

Он не может, сказал доктор, служить посредником между девицами, чахнувшими от любви, и их вздыхателями, которых не велено пускать на порог, но кое-что он все-таки сделает: он скажет, что видел меня и что я пользовался его советами. О да, доктор, несомненно, тоже был когда-то очень несчастлив. Он выполнил свое обещание, и я, конечно, в тот же день побывал у него. Он сказал, что, получив известие обо мне, она словно бы немного утешилась.

— Она переносит свои страдания с поистине ангельской кротостью. Я прописал ей иезуитскую кору, и она ее принимает, но, насколько я понимаю, известие о вас оказалось целебнее всякого лекарства.

Впоследствии я узнал, что никто из дам не проговорился генералу о том, что у доктора появился новый пациент.

Не берусь описать всех выражений благодарности, которые я от всего сердца изливал доктору, принесшему мне такую утешительную весть. Он разом облегчил мучения двух несчастных. Конечно, это была только капля живительной влаги, но для изнемогавшего от мук она была драгоценна. Я готов был целовать землю, по которой он ступал, благословлять его руку, пожимавшую мою, ибо эта же рука считала и ее пульс. У меня был красивый перстень — камень с головой Геркулеса. Он был слишком мал для пальца доктора, да к тому же этот добрый человек не носил украшений, но я упрямил его нацепить перстень на цепочку от часов, в надежде, что Тео заметит этот брелок и поймет: это весть от меня. Мой друг Спенсер из Темпла тоже переживал в те дни любовную трагедию, и я стал с ним неразлучен, провожал беднягу от самого его дома до Темпла, а он провожал меня обратно до Бедфорд-Гарденс, и, конечно, всю дорогу мы говорили только о наших возлюбленных! Признаться, я рассказывал о своем горе всем. Моя добросердечная домохозяйка и горничная Бетти жалели меня. А мой сын Майлз, который, к моему удивлению, удосужился на днях заглянуть в эту рукопись, сказал:

— Черт побери, сэр, я и не знал, что вам и нашей маменьке пришлось такого натерпеться. Я сам получил очень жестокий удар в тот год, как вступил в армию. Одна коварная маленькая чертовка предпочла мне сэра Крейвена Оукса из нашего полка. Я чуть не спятил тогда. — И он удалился, насвистывая что-то крайне меланхолическое.

Как-то раз доктор обмолвился мне при встрече, что мистер Ламберт должен покинуть Лондон по делам службы, но я сдержал данное ему слово и не делал попыток появляться в их доме; зато, пользуясь разрешением моего милого доктора, я частенько, как вы понимаете, наведывался к нему и справлялся о его дорогой пациентке. Сообщения доктора были, однако, малоутешительны.

— Она поправляется, — сказал доктор. — Надо бы увезти ее домой в Кент или куда-нибудь на взморье.

В то время я еще не знал, что бедняжка просила и молила никуда ее не увозить, и родители, догадываясь, быть может, что удерживает ее в Лондоне, и опасаясь за ее здоровье в случае отказа, вняли ее мольбам и согласились остаться в городе.

И вот однажды утром я пришел к доктору и, как уже повелось, занял место в его приемной, откуда пациенты приглашались поочередно к нему в кабинет. От нечего делать я перелистывал книги на столе и не обращал внимания на остальных пациентов. Приемная быстро пустела, и вскоре, кроме меня, в ней осталась только одна дама под густой вуалью. Обычно последним оставался я, так как Осборн, слуга доктора, был посвящен в мои обстоятельства и знал, что меня приводил сюда недуг особого свойства.

Оставшись со мной наедине, дама под вуалью протянула мне две маленькие ручки, и я вздрогнул, услышав ее голос:

— Вы не узнаете меня, Джордж? — воскликнула она.

В следующую секунду она уже была в моих объятиях, и я целовал ее от всего своего истерзанного сердца; все мои чувства хлынули наружу, ибо после шестинедельной пытки и адских страданий встреча эта была как освежающий ветерок, повеявший на меня с небес.

Вы хотите знать, дети, кто это был? Вы, вероятно, думаете, что это была ваша мать, которую доктор привез повидаться со мной? Нет, это была Этти.

Глава LXXVI,

повествующая о том, как мистер Уорингтон вскочил в ландо

Не успел я опомниться от изумления, как эта юная особа приступила к делу:

— Вы, я вижу, явились наконец, чтобы справиться о здоровье Тео, и, кажется, огорчены тем, что ваше равнодушие и бессердечие уложили ее в постель? Вот уже шесть недель, как она хворает, а вы даже ни разу не осведомились о ней! Куда как любезно с вашей стороны, мистер Джордж!

— Но позвольте... — изумился мистер Джордж.

— А вы, должно быть, полагаете, что это верх любезности — не отходить от нее ни на шаг целый год, а потом покинуть, же сказав ни слова?

— Но, моя дорогая, вы же знаете, что я дал обещание вашему отцу! вскричал я.

— Обещание! — сказала мисе Этти, пожав плечами. — Как можно давать такое обещание, от которого моя дорогая сестрица заболела?.. Как это можно в один прекрасный день вдруг заявить: "Прощайте, Тео", — и исчезнуть навсегда! А я думала, что, когда джентльмены клянутся в чем-то дамам, они держат свое слово. Будь я мужчиной, я бы не позволила себе играть сердцем бедной девочки, чтобы потом ее бросить. Что эта дурочка сделала вам плохого — разве только то, что слишком сильно любила вас? По какому праву, позвольте вас спросить, сэр, вы сначала отняли ее у нас, а потом покинули, и все только потому, что она пришлась не по вкусу одной

старой женщине в Америке? Пока вас не было, она была счастлива с нами. Она любила свою сестричку, не было на свете другой такой любящей сестры, пока она не встретила с вами. А теперь, из-за того, что ваша маменька считает, что ее сыночек может найти себе кого-нибудь получше, вы ее бросаете!

— Силы небесные, что вы говорите, дитя мое? — воскликнул я, пораженный этим потоком несправедливостей. — Да разве я по доброй воле с ней расстался? Разве мне не было запрещено посещать ваш дом, разве ваш отец не взял с меня честное слово, что я никогда больше не увижусь с мисс Тео?

— Честное слово? И после этого вы, мужчины, еще смеее считать себя выше нас и хотите, чтобы мы вас уважали и преклонялись перед вами! Право, Джордж Уорингтон, вам надо возвратиться в вашу детскую в Виргинии, и пусть ваша чернокожая нянька укрывает вас на ночь одеяльцем, а маменька дает вам разрешение пойти погулять! Ах, Джордж! Вот уж никак не думала, что моя сестра отдаст свое сердце человеку настолько малодушному, что он не сумеет постоять за нее и при первой же преграде ее покинет. Когда доктор Хэберден сказал, что он вас пользует, я решила пойти поглядеть и вижу, что, и правда, вид у вас совсем больной, чему, признаться, я очень рада, хотя, вероятно, это у вас от страха перед вашей матушкой. Но я не скажу Тео, что вы больны! Она-то не перестала думать о вас. Она-то не могла бы нарушить клятву и на следующий же день, как ни в чем не бывало, продолжать жить по-прежнему. Нет, подобные поступки мы предоставляем совершать вам, мужчинам, ведь вы во всем выше нас — и умнее и отважней! И, однако, вы способны предать ангела — да, ангела! Десять тысяч таких, как вы, не стоят ее мизинца. И этот ангел любил меня, пока не появились вы; она была нашим сокровищем, благословением небес, а вы покинули ее — и называете это делом чести? Молчите, сэр! Я презираю весь ваш пол! Ваше превосходство над нами неоспоримо, не так ли? Мы должны преклоняться перед вами и прислуживать вам, не так ли? А я не такого уж высокого мнения о вашем уме, и ваших трагедиях, и ваших стихах, — по-моему, они часто бывают даже глупы. Я бы не стала не спать ночами, переписывая ваши рукописи, я бы не стала попусту тратить время и час за часом просиживать у окна, забыв о существовании всех, кроме вашей милости, и ждать, когда вы появитесь на улице в своей шляпе набекрень! Вы уезжаете? Ну, и скатертью дорога, только верните мне мою сестру! Верните нам наше сокровище! Она так любила всех нас, пока не появились вы! А вы покидаете ее потому только, что ваша маменька, видите ли, решила, что

может найти для вас кого-нибудь побогаче! О, вы воистину храбрый мужчина! Так ступайте и женитесь на той, которую подыскала для вас ваша маменька, а моя душенька пусть умирает, покинутая вами!

— Боже милостивый, Этти! — вскричал я, пораженный этой несуразной логикой. — Разве это я захотел покинуть вашу сестру? Разве я не стремился сдержать слово и разве не ваш отец воспротивился этому и заставил меня пообещать, что я не буду даже пытаться ее увидеть? А мое слово, моя честь это мое единственное достояние!

— Ну да, конечно, ваше слово, ваша честь! Вы сдержали свое слово, данное ему, и нарушили — данное ей! Вот она — ваша честь! Да будь я мужчиной, я бы уж сумела объяснить вам, во что я ее ставлю — вашу честь! Ах да, я забыла — вы же обязались не нарушать порядка и спокойствия и не имеете права... О, Джордж, Джордж! Разве вы не видите, в каком я горе? Я просто в отчаянии и сама не знаю, что говорю. Не покидайте ее! У нас дома никто этого не понимает. Они думают иначе. Но ведь никто не знает ее так, как я, а я говорю вам: она умрет, если вы ее оставите. Скажите мне, что вы этого не сделаете. Сжальтесь надо мной, мистер Уорингтон, и верните мне мою дорогую сестричку! — И так это пылкое, обезумевшее от горя создание изливало на меня то свой гнев, то свои мольбы и от язвительных укоров переходило к слезам. Правильно ли наш маленький эскулап оценил болезнь своей дорогой пациентки? Правда ли, что для нее не существовало иного лекарства, кроме того, о котором молила Этти? Разве другие не страдали столь же жестоко, когда кто-то был отторгнут от их сердца, не пережили такую же лихорадку и такой же упадок сил, не лежали на одре болезни, видя избавление разве что в смерти, и тем не менее в конце концов восстали от одра и долго еще потом влачили свои дни, пока не сошли в могилу? Но любовь эгоистична, ей нет дела до чужих чувств и страданий, а наша любовь казалась нам столь огромной, словно равной ей еще не существовало на земле и не было влюбленных, которые бы страдали так, как мы. Иначе в лице этой юной, страстной заступницы за сестру мы увидели бы перед собой другой пример — пример того, как нежное, пораженное любовным недугом сердце может молча страдать, переболеть и оправиться. Разве не так было с самой Этти? Ее сестра и я, когда наша любовь была еще легка и бездумна, не раз в минуты нежной доверчивой болтовни черпали особую тайную усладу и чувство спокойной уверенности, обращаясь к неудачной любви Этти. Мы словно сидели у горящего камина и прислушивались к завыванию ветра за окном или гуляли по берегу *magi magno* {Большого моря (лат.)} и смотрели на борющийся с бурей корабль. И, теснее прикинув друг к другу, мы

наслаждались своим счастьем и со снисходительным сочувствием взирали на несчастья других. Не будем бежать от истины. Признаем, что, подчинившись воле обстоятельств, мы могли бы со временем примириться с нашей разлукой. Теперь, в мои преклонные лета, располагающие к скептицизму, я склонен такую возможность допустить. Но в те далекие дни я всей душой стремился разделить опасения и страхи пылкой маленькой Этти и безоглядно поверить, что разлука со мной будет стоить жизни самому дорогому для меня существу. Был ли я неправ? Сейчас я уже не решусь с уверенностью ответить на этот вопрос. Я могу сомневаться в самом себе (или, как мне кажется, не сомневаться), но только не в Тео, а она, конечно, терзалась теми же тревогами и страхами, как Этти. Я хотел было поделиться ими с нашим добрым доктором, но тот не дал мне произнести ни слова.

— Молчите! — с притворно испуганным видом воскликнул он. — Я не должен этого слушать. Если двое знакомых случайно встречаются в моей приемной и вступают в разговор, я тут ни при чем. Но чтобы быть свахой или сводником, это уж — прошу покорно! Что, по-вашему, сделает генерал, возвратившись в Лондон? Не будь я доктор, если он не потащит меня на лужайку за Монтегью-Хаус, а мне, друг мой, жизнь еще не надоела! — И он вскочил в свой экипаж, предоставив меня моим размышлениям. Однако, прежде чем тронуться с места, он сказал мне еще: — И чтобы больше никаких свиданий с мисс Этти в моей приемной, запомните это.

О да! Конечно, это не повторится! Мы люди чести, и слово наше крепко, ну и так далее и тому подобное. К тому же увидеться с Этти было для меня таким неоценимым благом, и разве я не был обязан за это вечной благодарностью доктору? Этот глоток живой воды освежил мою душу, и мне казалось, что я смогу теперь еще долго продержаться. Я проводил Этти до Сохо, и мне даже в голову не пришло условиться о новой встрече с ней. Но наш маленький связной оказался предусмотрительнее меня — она спросила, посещаю ли я по-прежнему библиотеку Музея, на что я ответил:

— Да, случается иногда заглянуть. Но я слишком несчастен теперь, даже читать не могу. Не понимаю, что напечатано на бумаге. Я разлюбил свои книги. Даже Покахонтас опостылела мне. И... — Неизвестно, как долго еще продолжал бы я в таком духе, если бы Этти не прервала меня, нетерпеливо топнув ножкой.

— Перестаньте молоть вздор! Право, Джордж, вы еще глупее, чем Гарри!

— Почему вы так считаете, дитя мое? — спросил я.

— В какое время вы бываете в библиотеке? Вы выходите из дома в три часа, переходите через дорогу и направляетесь к Тотнем-Корт. Вы проходите через весь побелок и сворачиваете на Грин-лейн, которая ведет обратно — к новой лечебнице. Ну что, разве нет? А если вы будете прогуливаться так с недельку, вам это не повредит. До свиданья, сэр, и прошу вас, не провожайте меня. — Она делает мне реверанс и удаляется, опустив на лицо вуаль.

Грин-лейн, которая ведет от новой лечебницы на север, теперь вся застроена домами. А в мое время, в царствование доброго старого короля Георга II, это был захудалый сельский пригород Лондона — местечко, пользовавшееся такой дурной славой, что горожане никогда не возвращались ночью со своих вилл или из разных увеселительных заведений в Хемстеде в одиночку, а собирались целыми компаниями и часто еще в сопровождении лакеев с горящими факелами на случай нападения разбойников, которыми кишмя кишели окрестности города. Если вы поворачивались спиной к Лондону, перед вами возникали на горизонте холмы Хемстеда и Хайгета, каждый увенчанный своей церковью, — и на протяжении нескольких дней мистер Джордж Уорингтон имел удовольствие любоваться этим пейзажем, а потом возвращался обратно по дороге, ведущей к новой лечебнице. Здесь было много всяких кабачков, и мне вспоминается один из них под вывеской "Протестантский Герой", где торговали пивом и пирожками, вспоминается и его славная хозяйка в чистом переднике, которая не то на третий, не то на четвертый день сказала мне с реверансом:

— Похоже, барышня опять не придет, сэр! Может быть, ваша честь не откажется заглянуть сюда и отведать моего холодного пива?

И вот наконец 25 мая — о, эта дата достойна быть записанной белейшим мелком! — шагая по Тотнем-роуд неподалеку от молельни мистера Уайтфилда, я увидел впереди ландо, а на козлах рядом с возницей — моего молодого друга Чарли, который кричал мне, махая шляпой:

— Джордж! Джордж!

Я бросился к экипажу. Ноги у меня дрожали, колени подгибались, мне казалось, что сейчас я упаду прямо под колеса: в ландо сидела Этти, а возле нее полулежала на подушках моя драгоценная Тео. Как исхудала ее бедная ручка с тех пор, как последний раз лежала в моей руке! На впалых щеках горел жаркий румянец, в глазах был лихорадочный блеск, а звук ее голоса болью отозвался в моем сердце, наполнив его и печалью и радостью.

— Я повезла ее прокатиться до Хемстеда, — скромно опустив глаза, говорит Этти. — Доктор сказал, что свежий воздух будет ей полезен.

— Я была больна, Джордж, но теперь мне лучше, — говорит Тео, и в это время из молельни доносится пение хора. Я сжимаю ее руку в своей. Снова, как прежде, она смотрит мне в глаза, и мне кажется, будто мы никогда и не разлучались.

Звуки этого псалма я буду помнить до конца моих дней. Сколько раз с тех пор я его слышал! Моя жена наигрывает его на клавесине, а наши малютки его поют. Вы понимаете теперь, дети мои, почему я так люблю этот псалом? Это была песнь нашей *amoris redintegratae* {Возрожденной любви (лат.)}, она вселяла надежду в мою душу, погруженную в безысходный мрак и отчаяние. Да, никогда прежде не был я так несчастен, ибо даже мрачным дням плена в Дюкене сопутствовали доброта и нежность, и долго еще потом я с теплотой вспоминал бедную Лань и моего вечно пьяного тюремщика, пение лесных птиц на заре и военную музыку форта — моей тюрьмы.

Мой юный друг Чарли, повернувшись на козлах, смотрел на свою сестру и меня, погруженных в блаженное созерцание друг друга, и на Этти, увлеченно слушающую музыку.

— Я, пожалуй, подойду поближе, послушаю псалом. И, быть может, этот знаменитый мистер Уайтфилд будет как раз сегодня читать проповедь. Пойдем со мной, Чарли, а Джордж покатается полчаса с нашей дорогой Тео — до Хемстеда и обратно.

Чарли, казалось, не испытывал особенного желания присутствовать при том, как мистер Уайтфилд и его паства будут упражняться в благочестии, и высказал предположение, что Джордж Уорингтон не хуже его может повести Этти в часовню. Но Этти не любила, когда ей перечили.

— Если ты не пойдешь со мной, тогда больше не жди, чтобы я помогала тебе делать уроки, — вскричала она, после чего Чарли слез с козел, и они скрылись в молельне.

Найдется ли мне оправдание в глазах людей высоконравственных и не забывших о данном мной обещании, ибо я вскочил в ландо и опустил, как когда-то, на сиденье рядом с моей драгоценной Тео? Пусть так, я свое обещание нарушил. Буду ли я сурово осужден? Ну что ж, осуждайте на здоровье, высокочтимый сэръ. Да, я нарушил мое обещание, и если вы, друг мой, не сделали бы того же, оставайтесь при вашей добродетели. Впрочем, я, конечно, ни на мгновение не могу допустить, что мои собственные дети посмеют вообразить себя хозяевами своего сердца и вздумают распоряжаться им по своему усмотрению. О нет, детки, вы уж позвольте папеньке решать за вас, когда вы голодны и когда испытываете жажду, и выбирать для вас женихов и невест, а потом вы, в свою очередь, будете

устраивать браки ваших детей.

А теперь вам, конечно, не терпится узнать, что произошло, когда ваш папенька прыгнул в ландо и уселся рядом с вашей бедной маменькой, полулежавшей на подушках.

— Я перехожу к твоей части повествования, моя дорогая, — говорю я и поглядываю на мою жену, которая продолжает работать иглой.

— Зачем же, друг мой? — говорит моя женушка. — Все это можно пропустить и прямо перейти к большим событиям, к знаменитым сражениям и к вашей героической обороне...

— Форта Как-бишь-его в году тысяча семьсот семьдесят восьмом, когда я сорвал эполеты с мистера Вашингтона, выбил глаз генералу Гейтсу, срубил голову Чарльзу Ли и присадил ее обратно?

— Мы хотим послушать про войну, — просят мальчики, и даже сам капитан снисходит до признания, что он не прочь узнать подробности любой битвы, хотя бы даже из уст офицера милиции.

— Не спешите, молодые люди! Всеу свое время. До военных событий я еще не добрался. Пока я еще только молодой джентльмен, вскочивший в ландо к юной леди, встречи с которой поклялся избегать. Я беру ее за руку, и после некоторого сопротивления ее рука остается в моей. Ты помнишь, моя радость, какая она была горячая, эта маленькая ручка, как она трепетала и как бился в ней пульс — сто двадцать ударов в минуту, никак не менее. Экипаж не спеша катился в сторону Хемстеда, а я обратился к мисс Ламберт со следующими словами...

— Ну же, ну, ну! — хором восклицают девочки во главе с мадемуазель, их французской гувернанткой, и та добавляет:

— *Nous ecoutons maintenant. La parole est a vous, sieur le chevalier!* {Итак, мы слушаем, слово за вами, шевалье! (франц.).}

Теперь мы все собрались в кружок: маменька на своем месте по одну сторону камина, папенька — на своем, по другую; здесь и капитан, и мадемуазель Элеонора, на которую он поглядывает что-то слишком уж умильно (перестань пялить глаза, капитан), и две девочки, жадно приготовившиеся внимать, словно... ну, скажем, словно нимфы Аполлону. А вот явились Джон и Томас (они туговаты на ухо) с чайными подносами и чашками.

— Что ж, отлично, — говорит сквайр, доставая свою рукопись и потрясая ею в воздухе. — Сейчас вы узнаете секреты вашей маменьки, да и мои тоже.

— Мажете их огласить, папенька! — говорит моя супруга. — Мне кажется, нам нечего стыдиться. — И краска заливает ее доброе лицо.

— Но сначала позвольте мне, молодые люди, задать вам два-три вопроса,

— *Allons, toujours des questions!* {Ну вот, вечно вопросы! (франц.)} говорит мадемуазель, пожимая хорошенькими плечиками. (Она была рекомендована нам Флораком, и боюсь, что наш славный шевалье сам не остался равнодушен к чарам прелестной мадемуазель де Блуа.)

Но обратимся к нашим вопросам.

Глава LXXIII,

в которой все снова выходят из экипажа

— Если вам, капитан Майлз Уорингтон, выпадет на долю честь заслужить расположение дамы, даже нескольких дам, ну, скажем, — герцогини Девонширской, миссис Крю, миссис Фицхерберт, прусской королевы, богини Венеры и мадемуазель Хиллисберг из оперного театра, — короче говоря, неважно даже кого, но если вы заслужили расположение дамы, имеете ли вы привычку сейчас же отправляться в офицерское собрание и рассказывать там об этом?

— Не такой я дурак, с вашего позволения! — отвечает капитан, разглядывая в зеркале начес на виске.

— А вы, мисс Тео, рассказали маменьке все, от слова до слова, что вы шепнули мистеру Джо Блейку-младшему, сегодня утром в аллее?

— Джо Блейку, скажете тоже! — восклицает Тео-младшая.

— А вы, мадемуазель? Вы сообщили нам все, что содержала в себе надушенная записочка — франке сэра Томаса? Гляньте-ка, как она зарделась! Да вы стали пунцовой, как эта портьера, честное слово! Ничего, мадемуазель, у каждого из нас есть свои маленькие секреты, — говорит сквайр, отвешивая изысканный наклон на французский манер. — Ну конечно, Тео, дитя мое, никого там не было в кустах — одни орехи. Так что, видишь, Майлз, сынок, мы не открываем всего даже самым снисходительным из отцов, и если я расскажу о том, что происходило в одном ландо на Хемстедской дороге двадцать пятого мая тысяча семьсот шестидесятого года, пусть шевалье Руспинн повыдергает мне все зубы один за другим!

— Нет уж, пожалуйста, папенька, рассказывайте! — восклицает маменька. И кликните-ка сюда из конюшен Джобсона, который вез нас тогда, пусть и он послушает. Я требую, чтобы вы рассказали.

— Какая таинственность — что же там произошло? — очаровательно грустируя, спрашивает мадемуазель у моей жены.

— *Eh, ma fille!* {Ах, дитя мое! (франц.)} — шепотом отвечает та. — Вы хотите знать, что я сказала? Я сказала: "Да!" Поверите ли, ничего

больше!

Итак, как видите, проболталась в конце концов моя жена, а не я, и этим, в сущности, и исчерпывается суть нашего разговора, продолжавшегося в ландо, пока оно катилось, — слишком быстро, как мне казалось, — в Хемстед и обратно. Мисс Тео не согласилась убежать от своих почтенных родителей и тайно обвенчаться со мной, — об этом не могло быть и речи. Но никому другому ни я, ни она принадлежать не будем, нет, никогда, даже если мы оба проживем мафусаилов век. И пусть хоть сам принц Уэльский посватается к ней, все равно она скажет "нет". С согласия папеньки, более того — по его приказу — она отдала мне свое сердце, и оно теперь принадлежит не ей. Когда-нибудь ее отец смягчится, ведь он такой добрый, — и если я останусь верен своему слову, она никогда не изменит, своему — ни теперь, ни через двадцать лет, ни на том свете.

Когда наше недолгое свидание подошло к концу и Этти увидела, какой тихой радостью светится лицо Тео, она и сама просияла. Ни одно лекарство не могло бы принести Тео такой пользы, сказала эта любящая сестра. И, совершив этот акт неповиновения родителям, сестры отправились домой, а я покинул экипаж, в котором провел несколько счастливых минут возле моей драгоценной больной. Этти снова забралась в ландо, Чарли — на козлы. Впоследствии он говорил мне, что прослушал очень глупую и скучную проповедь. Этому юноше, воспитанному в правилах англиканской церкви, никак не могли прийти по душе наставления диссидентского проповедника.

Не одна только Этти заметила перемену, происшедшую с Тео: она оживилась, лицо у нее повеселело. Мне рассказывали, что, когда сестры возвратились домой, миссис Ламберт с бурной нежностью обняла их обеих и особенно Тео.

— Ничто не может быть полезней прогулки за город, — сказала миссис Ламберт. Ее дорогая Тео ездила в Хемстед, не так ли? Не мешало бы ей завтра опять прокатиться туда. Благодарение богу, экипаж лорда Ротема раза три-четыре в неделю находится в их распоряжении, и драгоценная крошка может им пользоваться! Ну а что мистер Уорингтон мог повстречаться им на пути такая мысль как-то даже не пришла тетушке Ламберт в голову... во всяком случае, она ни словом об этом не обмолвилась. Тем, кого это интересует, я предоставляю догадываться самим: возможно ли, чтобы миссис Ламберт каким-то образом ааподозрила, что ее дочь могла где-то встретиться со своим возлюбленным? Приходят ли женщины на помощь друг другу, когда на пути их любви возникают преграды? Умеют ли женщины интриговать, строить тайные планы,

выдумывать небылицы, маленькими хитростями потворствовать влюбленным, спускать с балкона веревочные лестницы, лаской, лестью, хитростью обводить вокруг пальца опекуна или служанку, усыпляя их бдительность, пока Стрефон и Хлоя воркуют и целуются в полумраке или уносятся в почтовой карете в Гретна-Грин? Да, мои дорогие, есть такие натуры, коим это свойственно, и есть такие добрые души, кои, сами верно и преданно любя в молодости, остаются исполненными нежности и сочувствия к тем, кто, приходя им на смену, заводят те же сладкие игры.

Но только не мисс Филистера. Стоит ей услышать о том, что двое молодых людей увлечены друг другом, и этого уже предостаточно, чтобы ее злоба превратила их в дураков или наделила самыми невообразимыми пороками; раз уж природа наградила ее горбом, ей хочется увидеть уродство в каждом. Заметь она двух воркующих горлиц на ветке, она стыдливо опустит очи долу, а то и спугнет их, швырнув в них камень. Но сейчас я рассказываю вам, девочки, о вашей бабушке миссис Ламберт, которая всегда была воплощением несказанной доброты, и к тому же, если возвратиться к теме нашего разговора, то откуда мне-то знать, догадывалась она о чем-нибудь или нет?

Итак, когда Тео вернулась домой, ее мать сказала ей только:

— Дитя мое, я вижу, деревенский воздух куда как тебе полезен! Надеюсь, завтра ты опять поедешь прокатиться и послезавтра тоже.

— Не кажется ли тебе, друг мой, что эта прогулка в экипаже самым чудесным образом пошла на пользу нашей малютке и что ей следует почаще выезжать на свежий воздух? — спросила миссис Ламберт своего супруга, когда он садился ужинать.

— Разумеется, разумеется, если карета шестеркой принесет нашей малютке пользу, она ее получит, — сказал генерал. А не будет лошадей, так он сам впряжется в ландо и прокатит ее в Хемстед.

Словом, этот добрый человек готов был не поскупиться ни на деньги, ни на свое время и силы, чтобы доставить удовольствие дочке. Он был в восторге от происшедшей в ней перемены: она с аппетитом съела кусочек цыпленка и выпила немножко глинтвейна, который он сам для нее приготовил, и это оказало на нее более целебное действие, чем все лекарства доброго доктора, ведь от них, видит бог, пока что было мало толку. Растроганная маменька не могла нарадоваться на дочку. Эtti сияла. В этот вечер все было совсем как прежде дома, в Окхерсте. Впервые за несколько месяцев после того страшного, рокового дня, о котором все они старались не упоминать, вечер в этом доме протекал так приятно.

Однако, если сестра и мать почли за благо лаской и хитростью

обманывать доброго, простодушного отца, Тео была слишком честной натурой, чтобы долго оставлять папеньку в приятном заблуждении. Когда он в третий или четвертый раз вернулся к радостной теме явно идущего на поправку здоровья дочери и спросил:

— Что все ж таки тому причиной? Деревенский воздух? Иезуитская кора? Какое-нибудь новое снадобье? — Тео, прикоснувшись к руке отца, сказала:

— А вы совсем не догадываетесь, дорогой папенька, в чем причина? — И хотя голос ее дрогнул, взгляд был ясен и прям.

— Нет, не догадываюсь, в чем же, дитя мое? — повторил свой вопрос генерал.

— В том, что я снова видела его, папенька, — сказала Тео.

При этих словах маменька и сестрица побледнели, да и от щек Тео отхлынула кровь, а сердце ее заколотилось, но она не отвела взгляда от испуганного лица отца.

— В этом не было ничего дурного, — торопливо продолжала она, — но было бы дурно скрыть это от вас.

— Великий боже! — застонал папенька, отталкивая руку дочери, и такая скорбь исказила его лицо, что Эtti бросилась к сестре, которая, казалось, вот-вот лишится чувств, и, прижав ее к груди, воскликнула:

— Тео не виновата, сэр, она ничего не знала! Все это я подстроила, одна я!

Тут Тео принимается осыпать поцелуями свою драгоценную сестричку, обвив, ее шею руками.

— Что вы делаете, женщины! Вы играете моей честью! — гремит разгневанный папенька.

Миссис Ламберт раздражается рыданиями.

— Мартин, Мартин! — восклицает она.

— Не упрекайте ее, папенька! — молит Эtti и едва не падает, отшатнувшись к стене, ибо Тео теряет сознание у нее на груди.

Утром следующего дня я уничтожил свой завтрак, не жалуясь на отсутствие аппетита, и тут дверь отворилась, и мой верный Гамбо провозгласил:

— Генерал Ламберт.

Одного взгляда на лицо генерала было для меня достаточно. Я поняла ему уже стало известно все, что произошло вчера.

— Ваши сообщники не соизволили ни в чем признаться, — сказал генерал, как только мой слуга покинул нас. — Они держат вашу сторону, вопреки воле отца. Тайные свидания, как видно, им по нраву. Но Тео сама

призналась мне, что видела вас.

— Сообщники, сэ́р! — сказал я (не без умысла, пожалуй, стараясь уклоняться от главной темы разговора). — Вы же знаете, как ваши дети почитают и любят своего отца. Если в этом случае они объединились против вас, быть может, это объясняется тем, что справедливость не на вашей стороне. Такой человек, как вы, не может, провозгласить *sic volo, sic jubeo* {Так я хочу, так велю (лат.).} законом своей семьи.

— Послушай, Джордж, — говорит генерал, — хоть нам о тобой и пришлось расстаться, видит бог, я никак не хочу, чтобы мы разлюбили друг друга. Однако ты же дал мне слово, что не будешь искать встреч с нею.

— Я и не искал, сэ́р, — сказал я и, кажется, покраснел, ибо, сказав правду, почувствовал, что был неправдив,

— Ах, ты имеешь в виду, что ее доставили к тебе в коляске? — в чрезвычайном возбуждении воскликнул генерал. — Пытаешься, значит, спрятаться за юбкой мисс Эстер? Не наилучший способ защиты для джентльмена!

— Нет, я не стану прятаться за спиной этого бедного ребенка, — отвечал я. — Просто я пытался уклониться от прямого ответа, но притворство не в моих правилах. Да, формально я не нарушил своего обещания, но, по сути, действовал вопреки ему. А с этой минуты беру его обратно.

— Как? Ты берешь обратно данное мне обещание? — восклицает мистер Ламберт.

— Да, я беру обратно обещание, данное необдуманно и поспешно в минуту глубокого душевного смятения. Человек не может быть вечно связан словом, исторгнутым у него в подобных обстоятельствах. Более того, пытаться навеки связать кого-либо таким словом — не гуманно и нечестно, мистер Ламберт.

— Теперь вы уже задеваете мою честь, сэ́р! — весь вспыхнув, восклицает генерал.

— Не будем бросаться такими словами, — запальчиво отвечаю я. — Когда произнесено это слово, уже не может быть речи о взаимном уважении, любви, разнице в возрасте, и, доведись вы мне родным отцом, — а я люблю вас, как отца, дядюшка Ламберт, — упрек в бесчестии я бы не снес даже от вас! Что бесчестного я совершил? Я увиделся с девушкой, которую считаю своей невестой перед богом и перед людьми, и увижусь с нею снова, если она этого захочет. Если она придет ко мне, мой дом станет ее домом вместе с половиной моего скромного достатка. Нет, это вы лишены права, однажды одарив меня, взять свой дар обратно. Из-за того,

что моя мать несправедливо вас оскорбила, вы теперь хотите выместить свою обиду на этом нежном, невинном создании — на вашей дочери? Вы говорите, что любите ее, а сами, не можете немножко поступиться своей гордостью ради ее блага. Пусть лучше она зачахнет от горя, лишь бы старая женщина в далекой Виргинии не имела повода сказать, что мистер Ламберт помогал заманить в сети жениха для одной из своих дочерей. И во имя того, что вы называете вашей честью, а я называю себялюбием, мы должны расстаться, разбить себе сердце, постараться забыть друг друга, разлюбить, соединить свою судьбу с кем-то другим? Да может ли другой мужчина стать для моей любимой тем, чем был я? Боже сохрани! И разве может другая женщина заменить мне ее? Даже если вы обручите ее завтра с принцем Уэльским, все равно это будет вероломством и изменой. Как можем мы отречься от клятв, которые дали друг другу перед богом, и как можете вы заставить нас от них отречься? Вы можете разлучить нас, и она умрет, как умерла дочь Иевфая. Или вы поклялись перед богом лучше умертвить дочь, чем отдать ее мне? Убейте ее, если вы связаны такой клятвой, я же, клянусь, рад, что вы пришли сюда, ибо это дает мне возможность заявить: я беру обратно необдуманно данное мною слово, и если мисс Тео захочет меня видеть и позовет, я приду к ней.

Нет сомнения в том, что всю эту тираду мистер Уорингтон произнес со всем волнением и жаром, свойственным молодости, пребывая в твердом убеждении, что неизбежным следствием насильственной разлуки влюбленных будет смерть одного из них или, быть может, обоих. Кто не верит, что его первая любовь пребудет с ним до могилы? Немало повидав на своем веку, я не раз был свидетелем зарождения, роста и — увы, должен признаться и в этом! — увядания страсти и мог бы с улыбкой вспоминать теперь мои юношеские заблуждения и пылкие речи. Однако нет, пусть это было заблуждение, я предпочитаю разделять его и теперь, я предпочитаю думать, что ни я, ни Тео не могли бы заключить другого союза и что из всех земных существ небу было угодно отметить нас двоих как предназначенных друг для друга навеки.

— В таком случае нам не остается ничего другого, — сказал генерал в ответ на мою неистовую вспышку, — как расстаться и забыть, что мы были друзьями, хотя, видит бог, я очень старался этого избежать. Отныне, мистер Уорингтон, мы с вами больше не знакомы. Я прикажу всем членам моей семьи, — и ни один из них меня не послушается, — не узнавать вас в случае нечаянной с вами встречи, поскольку вы отказываете мне в уважении, на которое может претендовать мой возраст, а вас должно обязывать благородство дворянина. Полагаясь на ваше чувство чести и на

то ложное представление, кое я составил себе о вас, я рассчитывал, что вы по собственной воле всемерно пойдете мне навстречу в моем горестном и трудном положении, ибо, видит бог, я нуждаюсь в сочувствии. Но вместо того, чтобы протянуть мне руку помощи, вы воздвигаете новые трудности на моем пути. Вместо друга я нахожу, — да простит мне милосердный бог! — нахожу в вашем лице врага! Врага, угрожающего покою и миру дома моего и чести детей моих, сэръ! И таковым отныне я и буду почитать вас и буду знать, как мне с вами поступить, буде вы вздумаете досаждать мне!

И мистер Ламберт надел шляпу, махнул мне на прощание рукой и быстрым шагом удалился из моего дома.

А я остался в полной растерянности, — ведь теперь между нами была объявлена война. Недолгое счастье вчерашнего свидания было омрачено и убито; никогда еще с первого дня нашей разлуки с Тео не был я так глубоко несчастен, как теперь, когда к прежним страданиям прибавилась и горечь этой ссоры, и я увидел себя не только одиноким, но и лишившимся друга. За год постоянного и тесного общения с генералом Ламбертом я проникся к нему огромным уважением и такой глубокой привязанностью, какой не испытывал ни к одному человеку на свете, если не считать моего дорогого Гарри. Теперь он в гневе отворотил от меня свое лицо, и все померкло в моих глазах, словно солнце навеки закатилось для меня. Но даже и тут я по-прежнему чувствовал, что был прав, взяв обратно слишком поспешно данное мною обещание не видеться с Тео, что моя верность и преданность ей, так же как и ее преданность мне, превыше долга послушания и всех родственных уз, и я, пусть и не обвенчанный с нею, принадлежу ей и только ей. Мы дали друг другу клятву, и разрешить нас от этой клятвы не может даже родительская власть, и всем священнослужителям всего христианского мира остается только скрепить заключенный нами священный союз.

В тот же день, забредя по привычке в мое излюбленное прибежище — в библиотеку Нового Музея, я неожиданно столкнулся там с Джеком Ламбертом и, обуреваемый желанием излить кому-нибудь душу, сделал это со всей стремительностью молодости: потащил его из залы в сад и поведал о своем горе. Прежде я не был особенно дружен Джеком (по правде говоря, он был немного педант и нагонял на меня тоску своей напыщенностью и латинскими цитатами), наше сближение началось в дни моих бедствий, когда я был готов уцепиться даже за него. Недавно пережив разрыв с юной американкой, *haud ignarus mali* {Хлебнув лиха (лат.).} (я не сомневаюсь, что сам он выразился бы именно так), сей ученый муж был исполнен сочувствия. Я рассказал ему все, уже подробно изложенное мною здесь,

поведал о своей вчерашней встрече с его сестрой, о разговоре с его отцом сегодня утром и о моем решении не разлучаться больше с Тео, чего бы мне это ни стоило. Разобравшись мало-помалу в значении различных греческих и латинских изречений, которыми он меня засыпал, я понял, что он на моей стороне, и пришел к выводу, что он человек весьма здравомыслящий, после чего, ухватив его за локоть, больше уже не отпускал его от себя и проникся к нему такой симпатией, какой никогда к нему не испытывал и которая была ему непривычна. Я проводил его до отцовского дома на Дин-стрит, подождал, пока за ним захлопнется дорогая моему сердцу дверь, оглядел со всех сторон дом в мучительном желании угадать, что происходит за его стенами и как здоровье моей любимой. Потом в соседней кофейне я заказал бутылку вина и стал ждать возвращения Джека. Когда мы расставались, я назвал его братом. Так какой-нибудь несчастный бродяга, заключенный в Ньюгетскую тюрьму, старается подольститься к своему товарищу, или к священнику, или к любому, кто пожалеет его в несчастье. Я выпил целую бутылку вина в кофейне, которая, кстати сказать, называлась "Кофейней Джека", и заказал другую. Мне казалось, что Джек никогда не вернется.

Однако он все же появился наконец, и вид у него был довольно испуганный. Зайдя ко мне за перегородку, он выпил два стакана вина из моей второй бутылки, а затем принялся за свой рассказ, представлявший — для меня, во всяком случае, — немалый интерес. Моя бедная Тео, потрясенная, по-видимому, вчерашними событиями, не покидала своей комнаты. Джек явился домой прямо к обеду, по окончании которого его добрый отец заговорил о событиях этого утра; я рад, сказал он, что присутствие моего старшего сына Джека и отсутствие моей дочери Теодозии позволяет говорить более свободно, после чего во всех подробностях пересказал разговор, который состоялся у нас с ним в моей квартире. Он сурово приказал Эстер молчать, хотя бедняжка сидела тихо, как мышка, и заявил своей супруге (занятой, по своему обыкновению, манипуляциями с носовым платком), что все женщины (тут он невнятно пробормотал что-то похожее на проклятье) в сговоре против него и все они сводни, и, наконец, яростно повернувшись к Джеку, спросил, что может он сказать по поводу всего вышеизложенного.

К немалому изумлению отца и радости матери и сестры, Джек произнес целую речь в мою защиту. Он утверждал (опираясь на авторитет древних — каких именно, мне неизвестно), что обсуждаемый вопрос уже вне компетенции родителей, как одной, так и другой из сторон, и что, дав несколько месяцев назад согласие на наш брак, они теперь не вправе взять его обратно. Не разделяя взглядов огромного множества ученых и весьма

уважаемых богословов на свадебный обряд, — на эту тему можно было бы сказать еще очень многое, — он тем не менее свято чтит самый брак, быть может, даже еще более свято, чем они, ибо даже если браки совершаются в магистрате чиновниками, без участия священнослужителя, тем не менее перед лицом господа эти узы нерасторжимы...

— Я хочу сказать, сэр, — тут Джек, по его словам, повернулся к отцу, что если "никто да не расторгнет узы, коими я, Джон Ламберт, служитель бога, соединил этого мужчину и эту женщину", то никто да не разлучит и тех, кто соединился перед лицом бога. — И в этом месте своего рассказа он обнажил голову. — Тут, — продолжал он, — для меня нет никаких сомнений. Вы, глава семьи, лицо в своей семье священное, соединили этих двух молодых людей, или дали им право связать себя нерасторжимыми узами с вашего согласия. Мои воззрения на этот предмет не допускают двух толкований, и я подробно изложу их в нескольких последовательных беседах, кои, без сомнения, должны будут вас удовлетворить. После этого, — продолжал Джек, — отец сказал: "Я уже вполне удовлетворен, мой мальчик", — а эта вострушка Этти, которой палец в рот не клади, шепнула мне на ухо: "Мы с маменькой сошьем тебе дюжину сорочек, честное слово",

— Пока мы так беседовали, — продолжал свой рассказ Джек, — появилась моя сестрица Теодозия, очень бледная, надо сказать, и очень взволнованная, поцеловала папеньку, опустилась на стул рядом с ним, отломил кусочек гренка... Дорогой мой Джордж, этот портвейн восхитителен, я пью за твое здоровье... Отломил кусочек гренка и окунула его в глинтвейн.

"Ты бы слышала, какую проповедь прочел нам сейчас Джек, жаль, что тебя здесь не было! — сказала тут Эстер. — Это была очень красивая проповедь".

"Вот как?" — говорит Теодозия. Она, бедняжка, была настолько слаба и измучена, что у нее, думается мне, не хватило бы даже сил оценить мое красноречие или блестящий подбор цитат, который, признаться, довелось мне сегодня пустить в ход.

"Он говорил подряд три четверти часа по шрусберийским башенным часам, сказал папенька, хотя, разумеется, по моим часам, я не говорил так долго. И все это касалось тебя, моя дорогая", — продолжал папенька, похлопывая Теодозию по руке.

"Меня, папенька?"

"Тебя, душенька... и мистера Уорингтона... то есть Джорджа", — сказал папенька и тут — (продолжал мистер Джек) — сестра положила ему

голову на плечо и заплакала.

"Это напоминает мне одно место из Павзания, сэр, — сказал я, — только там было по-другому".

"Вот как? Из Павзания? — говорит папенька. — А это кто такой, позвольте узнать?"

Я невольно улыбнулся простодушию нашего папеньки, который не стыдился выказывать свое невежество перед детьми.

"Когда Улисс похитил Пенелопу у отца, царь поспешил следом за дочерью и женихом, умоляя ее возвратиться. Улисс же, как нам сообщают, предоставил ей решать самой: хочет ли она возвратиться или хочет остаться с ним. В ответ на это дочь Икария опустила на лицо покрывало, моя же сестрица, за неимением покрывала, нашла спасение в вашей жилетке, сэр", — сказал я, и мы все рассмеялись. Однако маменька заявила, что, сделай кто-нибудь такое предложение ей... или будь Пенелопа женщиной с характером, она тут же без промедления вернулась бы домой к отцу.

"Но я никогда не отличалась сильным характером, маменька!" — сказала Теодозия, все еще пребывая *in gremio patris* {В объятиях отца (лат.)}.

— Что-то я не припомню, чтобы в годы моей юности подобные нежности были у нас в ходу, — заметил Джек. — Но тут вскоре, братец Джордж, я вспомнил о вас и покинул родителей, которые в это время уговаривали Теодозию вернуться в постель. Последние события, как видно, очень взволновали и еще больше ослабили ее. Мне самому довелось в свое время испытать, как известное чувство, именуемое страстью, полно *solicita timoris* {Тревожащего страха (лат.)}, как оно изнурительно для души, и я совершенно убежден, что если позволить ему зайти слишком далеко или в такой мере ему поддаваться, как это делают женщины, неспособные мыслить философски, то, повторяю, я совершенно убежден, что оно в конечном счете может сокрушить любое здоровье. Ну, за ваше здоровье, братец!

Сколь быстро свершилась эта перемена — от скорби к надежде! Какой поток счастья захлестнул мою душу и огнем пробежал по жилам! Хозяин, еще бутылку! Пожелай мой честный Джек опустошить целый бочонок вина, я был бы только рад его попотчевать, и, правду сказать, Джек щедро проявил свое расположение ко мне этим способом и не скупясь проявлял его весь день. Я не стану подсчитывать количества опорожненных бутылок или определять, насколько я отстал от Джека, и оставляю на совести обрадованных слуг предьявленный мне фантастический счет. Джек был

мой дорогой брат, лучший из братьев! Я поклялся ему в вечной дружбе! Я готов был для него на все, — пожелай он сан епископа, и, клянусь, он бы его получил. Он говорит, что я декламировал стихи под окном моей возлюбленной, но был усмирен ночным сторожем. Может быть, не знаю. Знаю только, что я проснулся утром в блаженном состоянии восторга, хотя голова у меня раскалывалась от боли.

Но я еще не постиг тогда всей полноты моего счастья, не знал, я и о том, сколь решительное изменение претерпели намерения моего благородного врага. Его гордость, несомненно, была глубоко задета, когда ему в его возрасте пришлось выслушивать возражения и упреки юнца, да еще выраженные в столь малопочтительной форме. Но, будучи истинным христианином, мистер Ламберт, глубоко уязвленный и оскорбленный резкостью моего отпора и встревоженный горем своей любимой дочери, отправившись по своим делам в весьма угнетенном, как он впоследствии мне рассказывал, состоянии духа, зашел вечером, по своему обычаю, в открытую для молящихся церковь. И когда там, преклонив колени и обратись душой к Тому, кто не единожды, хотя и скрытно от глаз, служил ему опорой и утешением, испросил он себе указания свыше, ум его просветлел, и он пеняя, что дочь его была права в своей непоколебимой преданности мне, он же заблуждался, требуя от нее полнейшего ему повиновения. Вот почему старания Джека так быстро увенчались успехом, и для человека, чье нежное, благородное сердце не умело таить злобу и, причиняя боль своим близким, кровоточила само, для человека, который всегда чуждался деспотизма и проявления своей власти, было лишь облегчением и радостью встать на привычную для него стезю любви и доброты.

Глава LXXVIII

Пирам и Фисба

Много лет спустя, роюсь дома в старых бумагах, я наткнулся на заклеенный пакет, надписанный хорошо мне знакомым аккуратным почерком моей матери: "Апрель, 1760. Из Лондона. Чудовищное письмо моего сына". Я сжег этот снова попавший ко мне документ, не желая, чтобы печальная истерия семейного разлада сохранилась в анналах нашей семьи, где она могла попасться на глаза будущим Уорингтонам и послужить непокорным сыновьям примером семейною бунта. По тем же причинам уничтожил я и послание, отправленное ко мне моей матерью в эти дни тирании, мятежа, взаимных попреков и обид.

Обезумев от горя в разлуке с моей любимой и не без основания считая миссис Эсмонд главной виновницей всех постигших меня на земле страданий и бед, я послал в Виргинию письмо, которое, не отрицаю, могло бы быть более сдержанным, хотя я всеми силами старался держаться почтительного тона я проявлять, елико возможно, самое большое уважение. Я писал, что мне неизвестно, какими побуждениями руководствовалась матушка, но я возлагаю на нее ответственность за мою исковерканную жизнь, ибо она сочла возможным вполне умышленно ее омрачить и сделать несчастной. Она послужила причиной разрыва между мной и невинным, добродетельным созданием, чье счастье, все упования и даже самое здоровье погублены вмешательством госпожи Эсмонд. Теперь сделанного, увы, не воротишь, и я не собираюсь выносить приговор виновнице, ибо она держит ответ только перед богом, но вместе с тем я и не намерен скрывать от нее, что она нанесла мне такую страшную, такую смертельную рану, что ни она, ни я до конца наших дней не сможем ее утешить; узы моей сыновней преданности отныне порваны, и я уже никогда не сумею быть, как прежде, почтительным и послушным ей сыном.

Госпожа Эсмонд ответила мне исполненным достоинства письмом (ее эпистолярный стиль всегда был образцом изящества). Она не позволила себе ни единого резкого слова, ни единого упрека, но холодно дала мне понять, что только грозному суду господнему она дает право разрешить наш спор и только от него ждет указаний и со всем смирением готова принять приговор, который будет вынесен ей как матери. Способен ли я как сын также нести ответственность за свои поступки и готов ли я предстать перед Великим Судией, когда он призовет меня к ответу и спросит: как

читил отца и мать свою, как выполнил свой долг по отношению к ним. О, ророі {О, горе (греч.)}, мой дед приводит в своих, мемуарах строку из Гомера, где говорится о том, как во всех наших бедах и печалях мы всегда стараемся заручиться расположением богов. Когда наша гордыня, алчность, корыстолюбие или властолюбие, воздействуя на наши чувства, влекут нас к желанной для нас цели, разве мы не докучаем небу, взывая о помощи? Разве в нашем великом американском споре не взывали обе стороны к небесам, как к справедливому судне, не пели "Te Deum" за победу и не выражали крайне смелой уверенности в том, что правое дело победит? И если Америка победила, значит ли это, что она была права? В таком случае надо полагать, что Польша была неправа, поскольку она потерпела поражение?.. Я позволил себе это отступление, пустившись в рассуждения о Польше, об Америке и бог весть еще о чем, но мысли мои по-прежнему об этой маленькой женщине, которой более нет на свете и которая докучала богу словами его же Священного писания по той единственной причине, что сын ее пожелал заключить неудобный ей брак. Мы молим, мы проклинаем, мы падаем ниц, мы испрашиваем благословения, мы вопим, требуя вынесения приговора согласно закону, а в этом огромном мире все продолжает идти своим путем; мы домогаемся, мы страждем, боремся; мы ненавидим, безумствуем, проливаем жгучие слезы, смиряемся с судьбой; мы состязаемся и побеждаем, состязаемся и терпим поражение; мы уходим в небытие, и другие борцы сменяют нас на арене жизни; отмеренные нам дни сочтены, для нас наступает ночь, а над миром загорается новая заря, но она светит уже не нам. Копию моего письма госпоже Эсмонд, в коем я оповещал ее о своем бунте и отказе повиноваться (кажется, я немало гордился этим документом), я показал мистеру Ламберту; мне хотелось, чтобы он понимал, в каких отношениях я нахожусь с моей матушкой и насколько я тверд в своем решении рассматривать свою разлуку с Тео как вынужденную, какие бы ни были пущены в ход угрозы, какими бы карами мне это ни грозило. Если мне представится хоть малейшая возможность снова увидеться с ней, я ею воспользуюсь. Слову, данному мною ей *in saecula saeculorum* {На веки вечные (лат.)}, я буду верен до конца своей жизни. Я дал мистеру Ламберту понять, что и дочь его в такой же мере связана своим словом, данным мне, и, конечно, ее добрый отец понимал это и сам. Он мог разлучить нас — но это было бы равносильно тому, чтобы дать ей выпить яду: это нежное, послушное создание покорно приняло бы от него яд и скончалось, но и смерть, как и разлука, были бы в равной мере делом его рук, и он один был бы за них в ответе. Он был нежный отец, его любовь к детям граничила со слабостью, и разве хватило бы у него духу

подвергнуть пыткам любого из них, а уж это его дитя — тем паче! Мы с Тео пытались расстаться... и не смогли. Он пытался разлучить нас — это оказалось не в его власти. Он воздвиг вокруг нее неприступную стену, но и юная девушка, томящаяся за этой стеной, и ее верный рыцарь продолжали любить друг друга. Да! Стена была воздвигнута, а Пирам и Фисба все так же шептались украдкой. И добрый дядюшка Ламберт, не утративший среди всех этих треволнений и печали чувство юмора, не мог не признаться самому себе в том, что играет довольно-таки незавидную роль. С неприступной стены начинала мало-помалу осыпаться штукатурка, влюбленные начинали просовывать в образовавшиеся щели руки, еще немного, и они просунут и головы, — словом, стене пора было рухнуть.

Я не берусь восстановить все события день за днем и за часом час, да и для назидания потомству это не столь уж существенно. Когда у моих потомков возникнут любовные затруднения, они сами придумают, как их преодолеть. Мне было дано понять, что путь на Дин-стрит для меня по-прежнему закрыт, но прогулки в экипаже на свежем воздухе были признаны весьма полезными для здоровья мисс Ламберт. Я обзавелся отличной лошадкой и стал сопровождать ее экипаж верхом. Хозяйка постоянного двора на Тотнем-Корт вскоре стала приветствовать нас как старых знакомых и дружелюбно кивала нам и подмигивала всякий раз, как мы проезжали мимо. Думается мне, что этой старушке было не впервой принимать участие в юной парочке, и многие из них пользовались гостеприимством ее придорожного жилища.

Доктор и деревенский воздух поистине оказывали целебное действие на здоровье мисс Ламберт. Эти неизменно играла в этих прогулках роль дуэньи, а в дни каникул мистер Чарли порой занимал мое место в седле, а я его — в экипаже. Сколько любовных признаний пришлось услышать мисс Этти! И какое поразительное терпение проявляла она при этом! Правда, она больше не покидала нас, чтобы послушать проповедь в методистской часовне, но одно несомненно: когда мы катались не в ландо, а в карете, она очень деликатно смотрела в окно.

А какое количество писем писалось в те дни! Какая шла беготня туда и сюда! Кривые ноги Гамбо то и дело трусили из моего дома на Дин-стрит, а горничная барышень миссис Молли, и по моей просьбе, и по собственному почину, то и дело спешила с ответом в Блумсбери. К тому времени, когда осенняя листва стала жухнуть, розы на щечках мисс Тео снова заалели в полную силу, и лечение, прописанное нашим славным доктором Хэберденом, было признано успешным. Какие же еще события произошли в эту благословенную пору? Мистер Уорингтон закончил свою знаменитую

трагедию "Покахонтас", которая была на этот раз принята к постановке мистером Гарриком (получив благосклонный отзыв его друга доктора Джонсона), а мой друг и кузен мистер Хэган был приглашен на роль героя — капитана Смита, и надо сказать, что этот ангажемент пришелся для него как нельзя более кстати. Я оказывал вспомоществование ему и его семейству в размерах, пожалуй, несколько превосходящих мои возможности — особенно в виду моей ссоры с госпожой Эсмонд, Ее ответ на мое гневное апрельское послание пришел в начале осени, она отвечала ударом на удар, вызов был принят и война объявлена. Впрочем, ее угрозы не слишком меня испугали; сколько бы моя бедная матушка ни метала громы и молнии, ее суровые поучения не достигали цели; моя совесть, а быть может, моя казуистика, подсказывали мне иное толкование цитат из Священного писания, и грозные ее предсказания не могли отпугнуть меня от намеченной цели. Ни ее, ни других членов моей семьи, как с материнской, так и с отцовской стороны, я не почел нужным поставить в известность о дальнейшем развитии событий, — ведь все они были восстановлены против моего предполагаемого брака, так какой же был смысл вступать с ними в пререкания? Я предпочитал *carpere diem* {Наслаждаться сегодняшним днем (лат.).} и сладкими утехами, которые дарит нам любовь, предоставив недоброжелателям ворчать, а патриархам изрекать поучения.

Должен признаться, что доведенный до бешенства и отчаяния разлукой с моей любимой, я не ограничился посланием к госпоже Эсмонд, но отправил исполненные ядовитейшего сарказма письма дядюшке Уорингтону, тетушке де Бернштейн и не то лорду, не то леди Каслвуд (не припомню сейчас, кому именно из них); я выражал им всем признательность за то, что они взяли на себя труд помешать моему счастью и навсегда испортить мне жизнь, и заверял их, что благодетельствованный ими родственник не останется перед ними в долгу. Дела заставили нашего обходительного баронета несколько ранее обычного возвратиться в Лондон, а госпожа де Бернштейн всегда испытывала тягу к своему карточному столу на Кларджес-стрит. Я побывал у них. Они нашли, что я выгляжу превосходно. Оба считали, что помолвка расторгнута, и я не почел нужным рассеивать их заблуждения. Баронесса похвалила меня за бодрость духа, отпустила несколько лукавых шуток, сопоставив мои романтические взгляды с проявленным мною благоразумием в житейских делах. Она, как всегда, горела желанием найти для меня богатую невесту, и боюсь, что, будучи у нее в гостях, я расточал немало комплиментов молоденькой дочке богатого мыловара из Майл-Энда, которую достойная баронесса задумала

бросить в мои объятия.

— Мой дорогой, ухаживая за ней, вы блистали умом и esprit {Остроумием (франц.)}, — сказала очень довольная мною баронесса, — но, к сожалению, она не поняла и половины того, что вы говорили, а вторая половина, скорее, должна была ее испугать. Ваша ton de persiflage {Насмешливо-ироническая манера (франц.)} очень хороша в светском кругу, но не тратьте ее понапрасну на этих roturiers {Выходцев из низов (франц.)}.

Мисс Бейдж вышла замуж за отпрыска обнищавшего королевского рода с соседнего острова, и мне хочется верить, что, став миссис Макшейн, она простила мне мою ветреность. Кроме вышеупомянутой мисс Бейдж, я встречал там еще одну особу, так же мало понимавшую мое persiflage, как и она; особа эта видела еще правление Иакова II и теперь, при короле Георге, все еще не потеряла своей живости и светских интересов. Я любил бывать в ее обществе. Если бы наши дети не имели доступа к моей рукописи, я мог бы заполнить эти страницы сотнями рассказов о великих и достолавных мужах, которых эта дама знавала в то достолавное старое время: о Георге I и его дамах, о Сент-Джоне и Мальборо, о его королевском величестве и о покойном принце Уэльском, а также о причине ссоры между ними, но моя скромная муза поет для отроков и девственниц. Мой сын Майлз не интересуется придворными анекдотами, а если бы и интересовался, то в Карлтон-Хаусе он может услышать самые свежие и притом ничуть не менее соленые, чем те, что слышал я от старой баронессы. Нет, нет, моя дорогая женушка, напрасно ты качаешь своими напудренными локонами! В намерения твоего муженька не входит ошеломить нашу детскую старыми великосветскими сплетнями, и наш честный кусок хлеба с маслом не застрянет в нашем целомудренном горле.

Но одну скандальную сплетню я все же не могу вам не рассказать. Тетушка всегда рассказывала ее с большим смаком, ибо, надо отдать ей справедливость, она от всей души ненавидела показную добродетель и получала огромное удовольствие, подмечая и высмеивая проступки самозванных праведников. Сама она, — во всяком случае, в последние годы своей жизни, — не была лицемеркой, и в этом смысле я ставлю ее выше многих наших остепенившихся... Впрочем, продолжу лучше свой рассказ. Леди Уорингтон, одна из самых добродетельных представительниц своего пола, чьи уста не уставали произносить слова благочестия, а очи всегда были устремлены к небу, как у героини скучной трагедии мистера Аддисона (удержавшейся на подмостках, в то время как некоторые другие произведения, называть кои я не стану, давно канули в прошлое), умела при

всем том очень зорко видеть и все мирские дела и весьма ловко их устраивать. Что, как вы думаете, предприняла она, прослышав, что моя помолвка с некой особой расторгнута? Ни больше ни меньше, как сделала попытку поймать меня в те же сети, которые с таким плачевным результатом расставлялись моему бедному Гарри, и, разумеется, потерпела такое же фиаско. Впрочем, на сей раз не красавице (мисс Флора предназначалась другому повелителю, и какому! Я снимаю шляпу при одной мысли о возможности породниться с таким высоким лицом!), а Музе, сиречь мисс Доре, вменялось в обязанность бросать на меня томные взгляды, выражать мне сочувствие, утешать меня и даже читать мою нечестивую трагедию и хвалить ее. А чему же тем временем посвящала себя Красавица? Трудно поверить, но моя сурово-благочестивая тетушка устроила пышный прием для леди Ярмут, представила ей своего сына Майлза и испросила для этого бедняжки ее августейшего покровительства. Факт сей достоверен, но возможно ли, что она к тому же отправила свою дочь погостить у этой дамы, чей дом ежедневно посещал наш милостивый монарх, и сделала это с той самой целью, которую приписывала ей госпожа де Бернштейн?

— Если бы не апоплексический удар, мой дорогой, — говорила баронесса, то ваша тетушка добилась бы своего и род Уорингтонов обогатился бы настоящей, наследственной графиней {* Сравните с письмами Уолпола, вышедшими в роскошном новом издании мистера Каннингема. Ознакомьтесь с описанием ужина в доме N, наглядно показывающим, на что способны большие вельможи ради любовницы короля, а также — с весьма забавной оценкой ожидания выхода принца Уэльского из Холланд-Хауса. — Примечание издателя.}.

Соседка моя и родственница леди Клейпул уже давно сошла в могилу. Цветите пышней, белые маргаритки, на могиле Флоры! Я вижу моего славного Майлза в парадном мундире Норфолкского ополчения, — родительница подводит его к даме, ошарашенной благосклонностью короля, и старая Иезавель кладет руку на курчавую головку мальчика. Меня обвиняют в недостаточно горячей преданности короне, однако не возбраняется же мне сравнить те давно прошедшие времена с нашими и отметить разницу между покойным монархом и ныне здравствующим, который как прирожденный британец может для каждой семьи в нашей стране служить примером благопристойной и добродетельной жизни {* Рукопись мистера Уорингтона датирована 1793 годом.}.

Итак, дни мои протекали в приятнейших из всех возможных занятий, и, будучи счастлив, я готов был в этом блаженном состоянии примириться с

теми, кто, в конечном счете, не причинил мне вреда, а лишь сделал мое ощущение счастья еще более острым, воздвигнув на моем пути временные преграды. Мы с Тео не строили твердых планов, но оба знали, что придет день, когда нам не нужно будет расставаться. Настанет ли этот день через год или через десять лет — мы готовы были терпеливо ждать, а пока что делились своими планами с нашей верной наперсницей Этти. Во время прогулок в экипаже мы присмотрели несколько хорошеньких домиков, которые, как нам казалось, могли бы подойти молодой паре, не располагающей большими средствами; мы изобретали всевозможные ребяческие способы, как навести экономию. О да, конечно, мы были как Стрефон и Хлоя. Хижина и краюшка черного хлеба — вот и все, что нам было нужно! Гамбо и Молли будут прислуживать нам (что они, между прочим, продолжают делать и по сей день). Кто в двадцать лет боится бедности? Испытания только укрепят нашу преданность друг другу. "Сладкая печаль" ежедневных разлук делала лишь упоительнее завтрашнюю встречу, а расставшись, мы бежали домой и принимались писать друг другу те незабвенные письма, которые пишут в подобных обстоятельствах все молодые люди и девушки. И хотя моя жена бережно хранит их все в большой жестяной коробке из-под сахара, которая стоит в ее спальне в шкафу, и я, признаться, как-то раз заглянул в них и даже нашел, что некоторые написаны довольно мило, тем не менее я сим выражаю свое желание и изъявляю свою волю наследникам моим и душеприказчикам — сжечь все эти письма, не читая, после нашей с супругой кончины, выполнить же этот долг повелеваю сыну моему капитану (для которого, как мне хорошо известно, чтение моей рукописи не представляет интереса). Эти тайные признания, доверявшиеся почте, а иной раз — верной Молли или Гамбо, предназначались только для нас двоих, а отнюдь не для наших потомков.

Из нескольких коротких писем, прибывших к нам одно за другим, мы узнали, что после смерти прославленного полководца наш дорогой Гарри был оставлен адъютантом при новом командующем — генерале Амхерсте. В середине октября поступило известие о капитуляции Монреалья, а затем и всей Канады, и в коротенькой приписке к тому же письму Гарри сообщал, что теперь он думает попроситься в отпуск и поехать домой проведать матушку, которая — сообщал капитан Уорингтон, — судя по ее письмам, стала "злющая, как медведица".

Что послужило причиной этой злобы, мне нетрудно догадаться, хотя ее когти и не могли дотянуться до меня. Я "писал брату очень подробно все, что произошло со мной в Англии.

А затем 25 октября прилетела весть о том, что его величество скончался в Кенсингтоне от удара и нами теперь правит Георг III. Боюсь, что мы не слишком огорчились. Какое дело до Атридов тем, чьи сердца полны *erota moupon*? {Лишь любовью (греч.).} Молодой принц был скромн, красив, отважен, мы с открытой душой верили молве, которая приписывала ему все эти добродетели, и кричали "ура" вместе с толпой других верноподданных, приветствовавших его восшествие на престол. Нам, обыкновенной молодой влюбленной парочке, нашептывающей друг другу нежности в укромном уголке, и в голову не проходило, что это событие может как-то повлиять на нашу судьбу.

Не кому дано знать, как великие события могут отразиться на его жизни? Наш малыш Чарли в своем Чартер-Хаусе возымел неистовое желание немедленно увидеть нового короля, так как по случаю его восшествия на престол доктор Крусиус устроил своим ученикам каникулы. И вот когда я, Чарли, Этти и Тео (мисс Тео уже настолько к этому времени окрепла, что могла пройти довольно много миль пешком) слушала перед Сэвил-Хаусом на Леетер-Филдс, как герольды возвещают начало нового царствования, какой-то карманный воришка стянул часы с цепочкой у стоявшего рядом с нами джентльмена, был пойман и отправлен в тюрьму, и произошло все это единственно по причине восшествия его величества на престол. Не умри старый король, джентльмен с часами и цепочкой не оказался бы в толпе, часы не были бы похищены, и воришка не был бы пойман и не получил бы нарядную порку. Точно так же и же судьбе многих прямо или косвенно отразилось это великое событие и даже — на судьбе таких незаметных людей, как мы.

А произошло это следующим образом. Лорд Ротем был близким другом августейшей семьи из Сэвил-Хауса, знавшей и ценившей по заслугам его многочисленные достоинства. Сам же он, в свою очередь, больше всех людей на свете любил своего соседа и старого соратника Мартина Ламберта и всегда утверждал, что благороднее его нет джентльмена на земле. И лорд Бьют, пользовавшийся первое время неограниченным влиянием при дворе нового короля и исполненный — в начале своего недолгого и не слишком для него счастливого пребывания у власти — благородного стремления: оказывать покровительство везде, где он видел подлинные заслуги, составил себе чрезвычайно высокое мнение о мистере Ламберте на основании отзывов его старого и верного друга.

В это время мой (и Гарри) старинный друг, священник Сэмпсон, бесчисленное количество раз побывавший за этот год в тюрьме и хранивший в душе неистребимую ненависть к каслвудским Эсмондам и столь же

стойкую привязанность ко мне и к моему брату, занимал пустующую кровать моего дорогого Гарри (в собственной квартире он не появлялся во избежание встречи с бейлифом). Я любил общество Сэмпсона, ибо более забавного шутника в священническом облачении свет еще не родил, и к тому же он разделял все мои восторги, расточаемые в адрес мисс Тео, и никогда не уставал (и клялся мне в этом) выслушивать их; он восхищался, и, право, мне кажется, вполне искренне, и "Кариезаном", и "Покахонтас" и мог читать наизусть целые монологи из этих трагедий, и с не меньшим чувством и выразительностью, чем сам Барри или кузен Хэган. Сэмпсон был постоянным посредником между леди Марией и теми из ее родственников, которые не отрекались от нее, и, будучи сам вечно в долгах, никогда не отказывал в сочувствии и другим беднякам, всегда готов был распить с ними кружку пива и пролить слезу над их судьбой. Его знакомство с миром ростовщиков было поистине фантасмагорическим. Он хвастливо утверждал, что никакому другому священнику не дадут столько денег под залог, как ему. Разумеется, он никогда не платил своих долгов, но и должникам своим прощал легко. Вечно пребывая в бедности, он все же ухитрялся постоянно помогать своей нуждающейся младшей сестре, и едва ли когда-нибудь более щедрый, добрый и беспечный плут скалил зубы из-за решетки долговой тюрьмы. Говорят, что я люблю окружать себя паразитами. Признаюсь, я испытывал глубокую симпатию к Сэмпсону и уважал его, пожалуй, больше, чем многих людей, более достойных уважения.

Узнав, что лорд Бьют вошел в состав кабинета, Сэмпсон принялся клятвенно заверять меня, что его милость — большой поклонник моего драматического искусства, что он был в театре, видел моего "Карпезана" и пришел в восторг, что он — клялся Сэмпсон — и сам мог бы не хуже сыграть роль короля, и, несомненно, найдет для меня должность, соответствующую моей знатности и талантам. Он требовал, чтобы я посетил приемную его милости. Я не желаю? Да, все мы, Эсмонды, горды, как сам Люцифер, а уж если на то пошло, наш род не ниже любого самого знатного рода в Европе. Да, черт побери! Кем были предки его милости, когда мы, Эсмонды, уже были владетелями больших графств, воинами и крестоносцами? А те кто были? Жалкие, оборванные шотландцы, черт побери, промышлявшие рыбой на своих островах. А теперь времена переменялись. Теперь шотландцы в фаворе. Но об этом лучше помалкивать.

— Я не против его возвышения, — сказал Сэмпсон, — но он должен позаботиться и о вас, и о нашем драгоценном, благородном, храбром

капитане, и он это сделает, черт побери! — зарычал достойный пастор. А когда месяц спустя после своего восшествия на престол его величество приказал поставить "Ричарда III" в "Друри-Лейн", мой капеллан бесился, клялся и божился, что он еще увидит его величество в "Ковент-Гарден" на представлении "Карпезана". И вот однажды утром он ворвался ко мне в спальню, где я еще нежился в постели, и, размахивая газетой, заорал во всю глотку: "Ура!"

— Что случилось, Сэмпсон? — спрашиваю я. — Моего брата повесили в чине?

— Нет, правду сказать, нет, но кого-то другого повесили. Ура! Ура! Его величество назначил генерала Ламберта губернатором и главнокомандующим острова Ямайки.

Я вскочил с постели. Вот так новость! Мистер Ламберт отправится в свое губернаторство и кто-то еще уедет вместе с ним? Накануне вечером я ужинал в "Кокосовой Пальме" в компании нескольких светских щеголей, а этот негодяй Гамбо забыл передать мне записку от моей бесценной возлюбленной, содержащую ту же самую новость. Тео просила меня непременно встретиться с ней на следующий день в полдень в обычном месте {Во всей рукописи мистера Уорингтона не содержится ни единого указания на то, что подразумевает автор под "обычным местом"}.}

Сильно встревоженные, сошлись мы на наше маленькое совещание в условленном месте. Папенька уже объявил дома о том, что он принял назначение и в скором времени отбывает. Ему будет предоставлен фрегат, и он возьмет всю семью с собой. Силы небесные! Значит, мы должны расстаться! Моя дорогая Тео снова была бледна как смерть. Тетушка Ламберт боялась, что она лишится чувств; у одной из работниц миссис Гудисон был пузырек с нюхательной солью, и она побежала за ним в мастерскую.

— Вы уезжаете, тетушка Ламберт? Уплываете на фрегате? Вы хотите разлучить ее со мной? О, боже милостивый, тетушка Ламберт, я этого не переживу!

Маменька принесла из мастерской пузырек с нюхательной солью, и Тео немного оправилась. Зная хрупкое здоровье Тео, разве могли ее мать и сестра не сочувствовать ей, и у нас, как видите, уже вошло в обычай встречаться здесь. Но генерал был так занят приемами при дворе и у министров и подготовкой к отъезду и устройством домашних дел, что дамы как-то не удосужились сказать ему об этих встречах, и когда уже были заказаны туалеты для дам, миссис Гудисон, обшивавшая мисс Молли Бенсон, еще когда та была школьницей (она отлично помнит и мисс Эсмонд

из Виргинии, сказала мне эта достойная дама, и даже платье, которое она сшила ей для придворного бала ее величества), лукаво заметила:

— Дорожные костюмы были заказаны для маменьки и для обеих барышень, и я подумала, что не будет большого греха, если заказ будет выполнен полностью.

Нужно ли говорить о том, в каком смятении чувств возвратился мистер Уорингтон в тот вечер домой? Итак, больше не будет совместных прогулок, а если они и будут, то скоро прекратятся! Прощай, милый сердцу Хемстед, прощай, бесценный Излингтон! Гамбо и Молли не будут больше бегать туда и обратно с записочками! Бедняга Гамбо так громко всхлипывал, что мистер Уорингтон, тронутый его преданностью, дал ему крону, дабы он мог поужинать с Молли, которая, как выяснилось, была его подружкой. Как! И ты тоже влюблен, бедный Гамбо, в тебя тоже разлучают с предметом твоей любви? Я готов был смешать свои слезы с его слезами.

Какое знаменательное совещание состоялось у меня с Сэмпсоном в этот вечер! Ему было известно положение моих дел, мои надежды на будущее, гнев моей матери. Вздор! Виргиния далеко, и он знает превосходных людей с широкими взглядами (из ордена Мельхиседека), которые не побоятся ссудить меня деньгами. Генерал не даст своего согласия? Сэмпсон пожал широченными плечами и изрыгнул проклятие. Моя матушка останется непреклонной? Ну и что из этого? Мужчина на то и мужчина, чтобы пробиться в жизни собственными силами. "Только последний скряга не пойдет ва-банк ради такой ставки, черт побери!" — крикнул капеллан за бутылкой бургундского в "Голове Бедфорда", где мы с ним обедали. Я не стану пересказывать весь наш разговор. Нас было двое, но мысли наши текли в одном направлении, разговор у нас шел о субботнем вечере...

Я не сказал ни Тео, ни кому-либо из членов ее семьи о том, что было много задумано. Но когда бедная девочка, трепеща от страха, говорила мне о предстоящей разлуке, я очень решительно умолял ее не падать духом, клялся, что все кончится хорошо, и, привыкнув читать по моему лицу, радоваться ей или печалиться (как бы я хотел, моя дорогая, чтобы оно не было порой таким угрюмым!), она преисполнилась уверенности и в самых нежных выражениях (нет нужды повторять их здесь) возложила на меня все свои упования, произнося те сладчайшие слова Руфи, кои послужили утешением не одному нежному скорбящему сердцу. Куда пойду я, туда пойдет за мной она, и мой народ будет ее народом. И вот однажды, когда приготовления к отъезду были закончены и сундуки загромождили все коридоры квартиры на Дин-стрит, — она навсегда останется в моем сердце

драгоценнейшим из воспоминаний, — однажды, повторяю, добрый генерал (его превосходительство, как величали его теперь), придя домой к обеду, ставшему довольно безрадостной трапезой в этой семье, окинул взглядом стол, поглядел на пустое место, где обычно сживал я в прежние счастливые дни, и сказал со вздохом:

— Как бы мне хотелось, Молли, чтобы Джордж был с нами.

— Правда, Мартин? — вскричала тетушка Ламберт и повисла у него на шее.

— Конечно, правда, но только не души меня, Молли, — сказал генерал. — Я всей душой люблю Джорджа. А теперь я уезжаю и, быть может, никогда больше его не увижу, да и эту глупышку, которую он так любит, увожу с собой. Вы, верно, все-таки будете писать друг другу, дитя мое? Я же не могу этому воспрепятствовать, я пока Джордж будет верен своим привязанностям, мисс Тео, думается мне, не очень-то станет слушаться своего папеньки, и этот молодой человек по-прежнему будет занимать место в ее глупом сердечке. Верно, Тео?

— Да, мой дорогой, дорогой, бесценный папенька!

— Стойте! Что значат все эти поцелуи и объятия? Что тут происходит? В чем дело?

— Ничего особенного — просто Джордж сидит сейчас у нас в гостиной, говорит миссис Ламберт.

— Джордж в гостиной? А, мой дорогой мальчик! — восклицает генерал. Иди же сюда, иди ко мне.

Тут я вхожу, и он прижимает меня к сердцу и целует.

Признаюсь, я был так этим взволнован и потрясен, что упал на колени перед этим добрым человеком и заплакал.

— Благослови тебя бог, мой мальчик! — взволнованно бормочет генерал, Я всегда любил тебя, как сына, — ведь верно, Молли? Когда мы с тобой поссорились, это чуть не разбило мне сердце... Что за дьявольщина! Почему вы все падаете на колени? Миссис Ламберт, сударыня, объясните, что все это значит?

— Папенька! Мой дорогой, бесценный папенька! Я все равно не покину вас! — всхлипывает одна из упавших на колени дам, — Я буду ждать... буду ждать столько, сколько мой дорогой папенька мне прикажет!

— Да скажите вы мне наконец, во имя создателя, что произошло? загремел генерал.

А произошло следующее: утром того же дня Джордж Эсмонд-Уорингтон и Теодозия Ламберт были обвенчаны в Саутуорке после церковного оглашения, своевременно совершенного в приходе одного из

друзей преподобного мистера Сэмпсона.

Глава LXXIX,

сочетающая комическое с трагическим

Мы, главные виновники происшедших утром событий, почувствовали свою вину с утроенной силой, когда увидели, какое действие возымел наш поступок на того, кого мы любили и почитали превыше всех других людей на свете. Бедняга был потрясен необычайно, и у нас, нанесших ему этот удар, сердце разрывалось на него глядя. Его возлюбленное дитя обмануло его и преступило его волю (о моя дорогая, я уверен, что мы бы никогда теперь этого себе не позволили!), и вся его семья оказалась в сговоре против него! О мой дорогой отец и друг! Мы знаем, что ты — там, на небесах, среди чистых душ, умевших любить и прощать на земле, — простил нам наш грех. Любовь и всепрощение были потребностью твоей души, милосердие и скромное самопожертвование свойствами твоей натуры, и так жестоко, так грубо ранить твою душу было равносильно тому, чтобы мучить ребенка или ударить кормящую мать. И когда дело было сделано, все мы, виновники, готовы были ползать на коленях перед тем, кому сами причинили зло. Я пропускаю сцены прощения, примирения, наших совместных молитв и последнего прощания, когда этот добрый человек покинул нас, чтобы вступить на свой губернаторский пост, и его корабль отплыл, оставив Тео со мной на берегу. Мы стояли, рука в руке, молчаливые, виноватые, пристыженные. Моя жена до отъезда отца не переселялась в мой дом: после нашего бракосочетания она осталась жить в семье, не покинув своего места возле отца и своей постели рядом с сестрой. Мистер Ламберт был добр и ласков, как всегда, а женщины молчаливы; тетушка Ламберт впервые стала сердита и раздражительна, а малютка Этти — беспокойна, странно задумчива и все повторяла: "Хоть бы уж мы поскорей уехали, хоть бы уж поскорей!" Я теперь был прощен и допущен в дом, но все же в эти последние дни старался держаться в тени и видел мою жену только раза два на улице или в кругу семьи. Она стала моей лишь после того, как ее близкие уехали. Наш медовый месяц, если его можно так назвать, мы провели в Винчестере и Хемптоне. Уныние не покидало нас. Первое время мы чувствовали себя бесконечно одинокими, и мысль о нашем дорогом отце была для нас так мучительна, словно мы похоронили его, сведя в могилу своим непослушанием.

Сэмпсон по моей просьбе напечатал объявление о нашем браке в газетах (после чего моя жена всегда смущалась при встречах с этим добрым человеком). Я привез миссис Уорингтон в мою старую квартиру в Блумсбери, где вполне хватало места для нас двоих, и наша скромная

семейная жизнь началась. Я написал письмо матушке в Виргинию и, не вдаваясь в подробности, сообщил, что, поскольку мистер Ламберт получил пост губернатора и должен был покинуть Англию, я почел своим долгом сдержать слово, данное его дочери. Я прибавил к этому, что намерен завершить мои занятия юриспруденцией, дабы использовать полученные мною знания у себя на родине — дома или в какой-либо другой колонии. Ответ был мною получен от нашей доброй миссис Маунтин, по желанию, как она писала, госпожи Эсмонд, полагавшей, что для обоюдного спокойствия такой способ переписки предпочтителен.

Остальных моих родственников поступок мой привел в такую ярость, что это немало меня позабавило. Лицо старого дворецкого, отворившего мне дверь дома моего дядюшки на Хилл-стрит и провозгласившего: "Нет дома", — носило столь трагическое выражение, что мистеру Гаррику, право, не мешало бы использовать его для себя в сцене, когда Макбету является призрак Банко. Моя бедная женушка стояла под руку со мной, и мы повернули обратно, смеясь над assueil {Приемом (франц.)}, оказанным нам дворецким, и почти тут же увидели миледи, приближавшуюся к нам навстречу в своем портшезе. Сняв шляпу, я отвесил ей низкий поклон и заботливо осведомился о здоровье моих дорогих кузин.

— Как вы только... Как вы еще осмеливаетесь смотреть мне в лицо! возмущенно воскликнула леди Уорингтон.

— Не лишайте меня столь драгоценной привилегии, миледи, — взмолился я.

— Вперед, Питер! — взвизгнула она, погоняя носильщика.

— Не допустите же вы, чтобы он сбил с ног кровного родственника вашего супруга! — сказал я.

Вне себя от ярости она со стуком захлопнула окошко портшеза. Я послал ей воздушный поцелуй, снял шляпу и отвесил еще один изысканнейший поклон.

Вскоре после этого, прогуливаясь по Хайд-парку с моей драгоценной спутницей, я встретил моего маленького кузена верхом на лошади в сопровождении грума. Увидав нас, он припустился к нам галопом, а грум поспешил за ним, крича:

— Остановитесь, мистер Майлз, остановитесь!

— Мне запретили разговаривать с вами, кузен, — сказал Майлз, — но попросить вас, чтобы вы передали от меня привет Гарри, это же не значит вступать с вами в беседу, верно? А это моя новая кузина? Мне и с ней запретили разговаривать. Я — Майлз, сын сэра Джорджа Уорингтона, баронета, кузина, а вы, оказывается, очень красивая!

— Довольно, мистер Майлз, довольно! — сказал подъехавший грум, приподнимая шляпу, и мальчик поскакал прочь, смеясь и оглядываясь на нас через плечо.

— Ты видишь, как мои родственники решили со мной обращаться, — сказал я своей спутнице.

— Можно подумать, что я выходила за тебя ради твоих родственников! отвечала Тео, бросая на меня сияющий, исполненный любви взгляд. О, как мы были счастливы тогда! Как приятно и быстро промелькнула зима! Как уютны были наши чаепития у камина (к которым порой присоединялся присмиривший Сэмпсон и готовил пунш)! Как восхитительны вечера в театре, куда наши друзья доставали нам пропуска, а мы с нетерпением ждали, когда новая пьеса "Покахонтас" затмит успех всех предшествующих трагедий.

Моя ветреная старая тетушка, довольно неприветливо встретившая нас, когда мы с Тео впервые нанесли визит на Кларджес-стрит, скоро сменила гнев на милость, а поближе узнав мою жену (весьма незначительную молодую особу деревенского вида, как она ее сразу аттестовала), настолько затем ею пленилась, что требовала ее к себе каждый день то к чаю, то к обеду, если в доме не ожидалось гостей.

— Когда у меня собираются, я вас не приглашаю, мои дорогие, — говорила баронесса. — Вы уже больше не *du monde* {Из светского круга (франц.)}. Ваш брак совершенно исключил для вас эту возможность.

Словом, она приглашала нас развлекать ее, но мы должны были, так сказать, приходить и уходить черным ходом. Моя жена была достаточно умна, чтобы это ее только забавляло, и я должен отдать должное челяди баронессы: будь мы герцогом и герцогиней, нас не могли бы принимать с большим почетом. Госпожу де Бернштейн очень позабавил мой рассказ о встрече с леди Уорингтон. Я изобразил эту встречу в лицах и рассказал несколько забавных историй о благочестивой супруге баронета и ее дочках, чем доставил немалое удовольствие лукавой старой сплетнице.

Вдовствующая графиня Каслвуд, обосновавшаяся отныне в своем доме на Кенсингтон-стрит, оказала нам именно тот прием, какой благородные дамы оказывают своим бедным родственникам. Мы раза три побывали на раутах ее милости, но, потратив на наемные экипажи и карточные проигрыши больше денег, чем я мог себе позволить, поспешили отказаться от этих развлечений, и, мне кажется, отсутствие наше не слишком было замечено и вызвало не больше сожалений, чем исчезновение любых других лиц, кои по причине смерти, разорения или какого-либо иного несчастья вынуждены были покинуть великосветский круг. Моя Тео ни в какой мере

не была огорчена нашим добровольным изгнанием. На один из таких раутов она надела кое-какие скромные украшения, оставленные ей матерью и весьма высоко ценившиеся этой почтенной дамой, но, на мой взгляд, ее белая шейка была куда прелестнее всех этих безделушек, и я уверен, что многие высокопоставленные дамы, чьи старые кости и морщинистая кожа были скрыты под сверкающими брильянтами и рубинами, охотно отдали бы все свои драгоценности за ее скромный *ragure* {Убор (франц.)} свежести и красоты. Ни единая душа не удостоила ее разговором, за исключением одного волокиты, приятеля мистера Уилла, который после этого вечера подолгу околачивался возле нашего дома и даже послал моей жене записочку. Встретившись с ним несколько дней спустя в Ковент-Гарден, я пригрозил ему изуродовать его мерзкую харю, если еще раз увижу ее где-нибудь поблизости от нашего дома, после чего Тео была избавлена от его домогательств.

Из всех наших родственников только одна бедняжка Мария посещала наше жилище и нередко вместе со своим супругом разделяла нашу скромную трапезу (госпожа де Бернштейн ни разу нас не посетила и лишь изредка посылала за нами карету или справлялась о нашем здоровье через свою горничную или мажордома). Иногда навещался к нам наш друг Спенсер из Темпла; он искренне восхищался нашей аркадской идиллией и сетовал на свои любовные неудачи. Раза два заглянул к нам и знаменитый доктор Джонсон угоститься чашечкой чая у моей супруги. Я сказал "чашечкой"? Думается мне, ведра и то было бы ему мало!

— Ему бы только в бадейке чай подавать, хозяин! — негодовал мистер Гамбо. Да и внешность доктора нельзя было назвать привлекательной, а его белье — достаточно свежим. За едой он сопел, багровел и брызгал слюной, роняя куски мяса на стол, и всем без разбора противоречил. Он страшно докучал Тео (которой, по его словам, безмерно восхищался), всякий раз повторяя при встрече с ней одно и то же:

— Сударыня, вы меня не любите. Я вижу по вашему обхождению со мной, что вы меня не любите. А я восхищаюсь вами и прихожу сюда только ради вас. Вот мой друг мистер Рейнольдс хочет написать ваш портрет, но, к сожалению, на его палитре нет таких белил, чтобы достойно передать ваш цвет лица.

Да, мистер Рейнольдс, истый джентльмен, весьма приятный в обхождении, был не прочь написать портрет моей жены, но, зная, какую цену назначает он за свои творения, я не мог позволить себе такого расхода. Теперь я сожалею об этом — из-за детей: они тогда могли бы увидеть, каким было тридцать пять лет назад лицо той, что сидит сейчас напротив

меня. Для меня же, сударыня, оно осталось прежним, для меня вы, ваша милость, всегда молоды и будете молоды!

Однако более всего, как я понимаю, раздражали миссис Уорингтон не грязные ногти доктора Джонсона, не его дух противоречия, не сопенье и брызгание слюной, а то, что он был не слишком высокого мнения о моей новой трагедии. Как-то раз после чая Хэган предложил прочесть оттуда несколько сцен.

— Увольте, сэр, давайте лучше побеседуем, — сказал доктор. — Я сам умею читать, а вас могу послушать в театре. Безыскусный лепет миссис Уорингтон я, знаете ли, предпочитаю вашей напыщенной декламации виршей мистера Уорингтона. Поговорим лучше о ваших домашних делах, сударыня. Расскажите нам, как здоровье его превосходительства, вашего папеньки, и сами ли вы готовили этот пудинг и этот восхитительный сливочный соус? — (Соус, кстати сказать, так понравился доктору, что он оставил порядочное количество его на пластроне своей довольно грязной рубашки). — Вы так вкусно его приготовили, что я могу заподозрить вас в любви ко мне. Да и потчевали вы меня так, словно меня любите, а ведь я знаю, что вы меня терпеть не можете.

— Сэр, он, видимо, так пришелся вам по вкусу, что вы хотите унести остатки его на своем жилете, — сказал порядком взбешенный мистер Хэган.

— Сэр, вы грубиян! — зарычал доктор. — Вы не знаете элементарных правил вежливости и уважения к дамам. Вы, кажется, получили университетское образование, и я поражен, что вам не преподали там хотя бы в общих чертах, как следует вести себя в порядочном обществе. Уважая миссис Уорингтон, я никогда не позволил бы себе задевать личность ее гостей в присутствии хозяйки!

— В таком случае, сэр, — свирепо спросил Хэган, — почему вы позволяете себе говорить о моей игре?

— Сэр, вы слишком много на себя берете! — бушевал доктор.

— *De te fabula* {Это молва о тебе (лат.)}, — сказал актер. — А мне кажется, что ваша жилетка свидетельствует о том, что это вы слишком много на себя берете. Разрешите мне, сударыня, приготовить вам пунш по нашему ирландскому рецепту?

Разгоряченный доктор, пыхтя и отдуваясь, принялся вытирать грязную рубашку сомнительно чистым носовым платком, после чего им же вытер лоб. Покончив с этим занятием, он с шумом выдохнул воздух, словно спуская пары, и сказал:

— Да, это *de me* {Обо мне (лат.)}, сэр, хотя, будучи много меня

моложе, вы, пожалуй, не должны были бы говорить мне этого.

— Я больше не настаиваю на своих словах, сэр! Если вы были неправы, то я, конечно, должен просить у вас прощения за то, что указал вам на это! говорит мистер Хэган и отвешивает изысканный поклон.

— Правда, он красив, как бог? — говорит Мария, стискивая руку моей жены (и надо признаться, что мистер Хэган действительно был очень красивый, молодой человек). Румянец вспыхивает на его щеках; царственным жестом прикладывает он руку к груди, и, право же, ни Шамон, ни Касталио не могли бы сделать этого более величественно.

— Позвольте мне приготовить вам лимонад, сэр. Папенька прислал нам ящик лимонов. Можно послать их вам в Темпл?

— Сударыня, лимоны, находясь в вашем доме, утратят свое главное качество — они перестанут быть кислыми, — говорит доктор. — Мистер Хэган, вы — нахальный мальчишка, вот вы кто! Ха, ха! Я был неправ, признаюсь!

— Мой господин, мой повелитель, мой Полидор! — восторженно стонет леди Мария, оставшись с моей женой вдвоем в гостиной.

О, если б вечно мне внимать твоим речам,
Свой восхищенный взор послав твоим очам!

Их взгляд пленительный мне душу опалает
И сердце пламенным восторгом наполняет.

Вы не знаете, моя дорогая Тео, какое он сокровище, это же образец мужчины! О, мой Касталио, мой Шажон! Как жаль, дитя мое, что в трагедии вашего мужа он должен носить такое ужасающее имя — капитан Смит!

От постановки этой трагедии зависела не только вся моя литературная судьба, но в большой мере и мое материальное благосостояние. После погашения долгов брата и оплаты покупок, сделанных по просьбе матери, а также покрытия и моих собственных, хотя и умеренных, но все же не совсем пустячных расходов, почти вся моя часть отцовского наследства была: израсходована, и вот этот-то благоприятный момент я избрал для вступления в брак? Я мог занять денег под мое будущее наследство — это было вполне достижимо, хотя и обошлось бы мне недешево. Невзирая на все наши разногласия, моя матушка не оставит, конечно, своего старшего сына без всякой поддержки, рассуждал я. Я был здоров, силен, неглуп, имел друзей, доброе имя и, главное, — являлся автором замечательной трагедии и получил уже согласие директора театра на ее постановку, а посему возлагал большие надежды на доходы от сборов, которые она мне принесет. Но арифметика молодости опрометчива. В наши юные годы нам

почему-то кажется, что на сто фунтов можно существовать, а тысяча — это целое состояние. Как отважился я бросить вызов судьбе при столь малых шансах? Помнится, мне удалось усыпить тревоги добряка генерала, и он отплыл за море в полной уверенности, что у его зятя на первое время имеется на расходы тысячи две фунтов, если не больше. У них с Молли поначалу и того не было, однако провидение никогда не оставляло их без куска хлеба. А чувствительные женские души в разговорах о бедности находят даже известную усладу, и тетушка Ламберт, например, считала противным религии сомневаться в том, что бог позаботится о ее детях. Разве праведный был когда-нибудь покинут в несчастье? Разве нравственность и честность ходили когда-нибудь с протянутой рукой? Нет, никогда она такому не поверит.

— Да, мои дорогие! Уж этого я ни капельки не боюсь. Вот у вас живой пример перед глазами — мы с генералом!

Тео верила каждому моему слову, всему, во что мне так хотелось верить самому. Итак, ми вступили в жизнь с капиталом в Пять Актов и около трехсот фунтов стерлингов наличными.

Тем временем день постановки знаменитой трагедии приближался, и мои друзья рыскали по всему городу, стараясь заручиться благожелательными зрителями на премьеру. Заискивать перед вышестоящими не в моем характере, то все же когда лорд Рогем прибыл в Лондон, я под руку с Тео отправился засвидетельствовать ему свое почтение. Он принял нас очень милостиво из уважения к своему старому другу генералу Ламберту, но при этом добродушно погрозил мне пальцем (тут моя жена смущенно поникла головой) за то, что я так провел добряка генерала. Тем не менее он готов был сделать все, что в его силах, для дочери своего друга, он слышал хорошие отзывы о моей пьесе, уже заказал несколько билетов для себя и своих друзей и надеется, что мое творение будет иметь успех. Итак, я заручился его поддержкой, но других покровителей у меня не нашлось.

— Ну, что ты, *mon cher* {Мой милый (франц.)}, в моем-то возрасте! сказала баронесса. — Да я умру со скуки на любой трагедии. Однако я помогу тебе, чем могу. Куплю места в ложах для всех моих слуг. Почему бы нет? Кейз в своем черном костюме выглядит совсем как дворянин, а Бретт в одном из моих платьев даже *foux air de moi* {Немножко похожа на меня (франц.)}. Пусть оставят на мое имя два места в передней ложе. До свидания, мой мальчик. *Vonne chance* {Желаю удачи (франц.)}.

Вдовствующая графиня послала мне свои поздравления (на тыльной стороне девятки треф): у них в этот день играют в карты, и она крайне

сожалеет, что они с Фанни не могут послушать мою трагедию. Ну, а о моем дядюшке и о леди Уориягтон же могло, разумеется, быть и речи. После моей встречи с портшезом ее милости я мог бы с таким же успехом пригласить в "Друри-Лейж" королеву Елизавету. Этим исчерпывался список моих аристократических друзей, которыми так хвастался бедняга Сэмпсон и в расчете на которых, как он сам признался, директор театра предоставил мистеру Хэгану его ангажемент.

— А где же лорд Бьют? Вы как будто обещали, что его милость будет в театре? — брюзгливо спросил директор, беря понюшку табака. (Как непохож был этот господин на веселого, обходительного, удачливого директора, который так любезно принимал меня полгода назад!)

— Разве я обещал вам, что лорд Бьют будет в театре?

— Да, обещали, — говорит мистер Гаррик, — и что ее высочество принцесса Уэльская прибудет, и его величество тоже.

Тут бедняга Сэмпсон признался, что, окрыленный несбыточными надеждами, он и правда пообещал, что все эти августейшие особы посетят премьеру.

На следующий день на репетиции дела обстояли еще хуже, и директор был в ярости.

— Боже милостивый, — сказал он мне, — в хорошенькую guet-a-pens {Западню (франц.).} вы меня заманили, сэр! Прочтите-ка это письмо, сэр, прочтите его! — И он протянул мне листок.

"Милостивый государь, — говорилось в письме, — я видел милорда и передал ему просьбу мистера Уорингтона почтить своим присутствием премьеру его трагедии "Покахонтас". Его милость — покровитель драмы и бесценный друг всех изящных искусств, но он просит меня сообщить вам, что не может позволить себе, а тем паче просить его величество, посетить спектакль, главная роль в котором поручена актеру, заключившему тайный брак с дочерью одного из высокородных дворян, приближенных к особе его величества.

Ваш доброжелатель
Сондерс Мак-Дуфф.
Мистеру Д. Гаррику
В Королевский театр
на Друри-Лейн".

Бедняжка Тео приготовила славный ужин к моему возвращению с репетиции. Я не решился сообщить ей столь ужасную весть, а в объяснение своей необычной бледности сослался на усталость.

Глава LXXX

"Покахонтас"

Зная, что английская публика не столь хорошо знакома с историей Покахонтас, как мы, виргинцы, и поныне чтящие память этого бесхитростного и доброго создания, мистер Уорингтон по совету своих друзей сочинил небольшую балладу об этой индейской принцессе и напечатал ее в журналах за несколько дней до премьеры трагедии. Мы с Сэмпсоном считали, что это чрезвычайно ловкий и хитроумный шаг.

— Это послужит хорошей приманкой, сэр, — говорил мой пылкий друг-священник. — Вы увидите, сколько рыбешки приплывет к нам в сети в великий день премьеры! — И он и Спенсер утверждали, что оба они слышали, как обсуждались мои стихи в различных кофейнях и какие им воздавались хвалы, авторство же их приписывалось и мистеру Мезону, и мистеру Кауперу, и даже знаменитому мистеру Грею. Боюсь, что бедный Сэм сам распускал все эти слухи, и вздумай кто-нибудь назвать автором трагедии Шекспира, священник без сомнений стал бы утверждать, что "Покахонтас" — лучшее из всех творений великого барда. С историей капитана Смита я познакомился еще мальчишкой в библиотеке моего деда, и сейчас мне часто вспоминается, как я сидел возле доброго старика с моей любимой книгой в руках и с увлечением читал о подвигах нашего виргинского героя. Я любил читать о путешествиях Смита, о страданиях, пережитых им в плену, о его побегах и о жизни его не только в Америке, но и в Европе. И теперь, в Англии, стоит мне взять с полки знакомый том, я снова как бы становлюсь ребенком и меня обступают воспоминания далеких дней детства. Дед часто рисовал для меня сценки: Смит бьется с турками на Дунае; дикари-индейцы ведут Смита на казнь. А сколь ужасна была схватка Смита с тремя турецкими вождями, и какой восторг вызывало во мне описание его поединка с Бонни Мольгро — с последним и самым страшным из всех трех. Какое это было грозное имя — Бонни Мольгро, и каким рисовался он нашему воображению — в огромном тюрбане, с бородой и с ятаганом в руке! После того как Смит победил двух первых своих врагов и снес им головы с плеч, он встретился в поединке с Бонни Мольгро и (так говорилось в моей любимой старой книге) "остриями своих алебард они разили друг друга с такой силой, что оба едва держались в седле: тут туго пришлось христианину, получившему столь тяжелую рану, что алебарда выпала у него из рук, а из-за земляного вала крепости уже

доносились приветственные клики в честь будто бы одержавшего победу турка. Однако христианин был ловок и увертлив, а конь его проворен, и удары турка не попадали в цель, а христианин извлек свой меч и ударил турка под ребра, проткнув его насквозь, и тот хотя и спешил, но стоять уже не мог и тут же лишился головы, как в все прочие. В награду за это славное деяние герцог Сигизмунд пожаловал Смиту щит с гербом, а в гербе были головы трех турок, и еще положил ему ежегодную пенсию в триста дукатов". Изменив время и место (такая вольность — привилегия поэта), я заставил капитана Смита совершать в моей трагедии подобные же подвиги на берегах нашего Потомака и Джеймса. Моя "баллада-приманка" выглядела так:

Покахонтас
Сломан меч, без сил десница...
Ах, зачем он рвался в бой!
Сонм врагов окрест теснится,
Одинок среди них герой.
Чу, звучит над полем боя
Их победный, злобный крик.
Бьется воин, хоть поник,
Брызжет кровь из ран героя!
Возведен костер высокий,
Факел смерти вознесен!
Смерть в огне — удел жестокий.
Пленник будет ли спасен?
Вкруг костра, зловеще воя,
Пляшет дикая орда,
Но спокоен, как всегда,
Горд бесстрашный лик героя.
Тут, воителя спасая,
Взора с жертвы не сводя,
Выступает молодая
Индианка, дочь вождя: "Путы прочь!
Я ваш злодейский
Замысел свершить не дам!
Я повелеваю вам
Соблюсти закон индейский!"
И рукой отводит смело
Томагавк и нож. Так вот
Кто героя дух и тело

От великих мук спасет!
У костров лесной стоянки
Слышен сказ былых времен:
Как британец был спасен
Волей знатной индианки.

Нет нужды подробно пересказывать фабулу трагедии — мои дети могут в любой день взять ее с книжной полки и прочесть. И я не очень-то, признаться, расположен читать ее нашей молодежи вслух, ибо, когда я прошлым Рождеством по просьбе миссис Уорингтон прочел из нее два акта, священник и капитан Майлз задремали. Однако из приведенного выше стихотворения всякий мало-мальски знакомый с пьесами и романами может составить себе о ней представление на свой, так сказать, вкус.

Индийский царь, прелестная принцесса и ее наперсница, влюбленная в слугу английского капитана; предатель, проникший в английский форт; храбрый индийский воин, пылающий безответной страстью к Покахонтас; индийский знахарь и жрец (его превосходно играл Пальмер), способный на любое коварство, предательство и преступление и стремящийся во что бы то ни стало обречь пленного англичанина на пытки и смерть; если ко всему этому прибавить засады в лесной чаще, воинственные пляски и клики индейцев (которые Гамбо весьма искусно научился воспроизводить, переняв их от краснокожих еще на родине), сцену прибытия английского флота, написанную не без намека на недавние славные победы в Канаде и непоколебимую решимость британцев навечно утвердить свою власть над Америкой, то становится понятно, почему кое-кто из нас полагал, что все выше перечисленное должно содействовать успеху трагедии.

Однако я уже упоминал о дурных знаменьях, предшествовавших дню премьеры, — о том, как завистливый, несговорчивый и робкий антрепренер вставлял нам палки в колеса, и о предвзятом мнении, сложившемся о моей пьесе в некоторых высоких кругах общества. Чему ж тут удивляться, спрашиваю я, если "Покахонтас" не получила признания? Недоброжелательность критиков, отмечавших недостатки спектакля, пробуждает во мне только презрение и смех. Хороши критики, нечего сказать! "Карпезана" они объявили шедевром, а несравненно более совершенное и более тщательно отделанное произведение осмеяли! Я утверждаю, что Хэган так превосходно сыграл свою роль, что один известный нам актер, он же и директор театра, мог бы ему только позавидовать, и если бы не чьи-то происки, пьеса имела бы успех. Но кое-кем дано было указание: пьесу надо провалить. Так, во всяком случае, заявил Сэмпсон.

— Клянусь богом, весь театр был набит ирландцами, — после них надо было окуривать галерею, и лучше всего серой. — Честный капеллан клялся и божился, что мистер Гаррик сам нипочем не хотел допустить, чтобы пьеса имела успех, и был вне себя от бешенства, когда во время великолепной сцены второго акта, где появляется Покахонтас и спасает Смита (беднягу Хэгана), привязанного к столбу для сожжения на костре, весь театр разразился рукоплесканиями и сочувственными возгласами.

Тому, кого это может серьезно заинтересовать, я предлагаю ознакомиться с трагедией (изданной ин-октаво или в последующем роскошном издании ин-кварто моего "Собрания сочинений и стихов оригинальных и переводных") и сказать, действительно ли вышеупомянутая сцена лишена достоинства, действительно ли стих ее не изящен, а слог не отличается ни возвышенностью, ни богатством? Одной из причин, помешавших успеху пьесы, была моя ревностная преданность исторической правде. В библиотеке Музея я аккуратно скопировал в красках портрет сэра Уолтера Рейли с бородой и в брыжах; мы обрядили Хэгана в точности по этому рисунку (моя дорогая Тео пожертвовала самым лучшим доставшимся ей от матери кружевом на его гофрированный воротник), — и он выглядел в этом одеянии великолепно. Мисс Причард, исполнявшую роль Покахонтас, я тоже одел в точности как индианку, — на эти костюмы я в свое время нагляделся у себя на родине предостаточно. Трудно поверить, но при ее появлении на сцене в зале раздались смешки. Впрочем, мало-помалу зрители привыкли к ее виду, но в ту минуту, когда она бросилась в объятия пленника и у многих зрителей даже навернулись слезы на глаза, какой-то малый крикнул из партера:

— Черт побери! Это же "Прекрасная Дикарка" целует "Голову Сарацина"! И тут в партере поднялся неподозволенный хохот, взрывы которого повторялись в дальнейшем до конца представления. Подобно тому как, по словам одного остряка — персонажа забавного произведения мистера Шеридана "Критик", драматурги никогда не довольствуются одним пушечным выстрелом при подъеме флага, а непременно заставляют пушки палить два, а то и три раза, так и эту несчастную кабацкую шутку о "Прекрасной Дикарке" (эти невежды даже не знали, что Покахонтас и есть "прекрасная дикарка", по ней и таверну так называли!) наш весельчак из задних рядов партера повторял *ad pauseam* {До тошноты (лат.)} в течение всего спектакля и всякий раз, как на сцене появлялся какой-нибудь новый персонаж, приветствовал его названием какой-нибудь таверны. Так, например: английскому губернатору (с длинной бородой) он кричал: "Козел и Сапоги!"; его секретарю (которого играл Баркер), очень круголицему:

"Луна и Бык!", и так далее, и тому подобное, и занавес опустился под неистовые крики, улюлюканье и свист, возраставшие с особенной силой всякий раз, как бедняга Хэган пробовал открыть рот. Сэмпсон видел мистера Уилла в ложе с кем-то из его светских друзей и не сомневался, что этот негодный предатель был одним из вдохновителей и вожаков тайного сговора против меня,

— Я бы сбросил его прямо в партер, — говорил мой верный друг (и, будучи настоящим мужчиной, он вполне мог бы осуществить свою угрозу), — но тут я заметил, что по фойе рыщут посланцы мистера Надаба, и вынужден был смотреть удочки.

Да, недаром говорится: цыплят по осени считают! Все мои надежды поправить дела сборами от спектаклей пошли прахом!

Перед началом представления я глянул из-за опущенного занавеса в зрительный зал и увидел, что он довольно полон; в одной из передних лож мне бросился в глаза мистер Джонсон в расшитом жилете и рядом с ним его друг мистер Рейнольдс; последний был глух, а первый — подслеповат, и потому они, как видно, пришли вместе, чтобы общими, так сказать, усилиями, составить мнение о моей бедной трагедии. Увидел я и леди Марию (узнал ее по знакомому мне капору), она сидела в первом ярусе, откуда могла теперь снова наслаждаться игрой своего возлюбленного, исполнявшего главную роль в пьесе. Что касается Тео, то она честно призналась мне, что предпочла бы не ходить в театр, если, конечно, я не буду настаивать, чего я, разумеется, не стал делать; я знал, что в случае провала мне будет невыносимо видеть ее страдания, и охотно согласился с тем, что ей лучше остаться дома.

Сам же я, будучи человеком довольно уравновешенным и, льщу себя надеждой, умеющим владеть собой как в радости, так и в горе, отправился после легкого обеда в трактире в театр незадолго до начала представления и решил оставаться там до конца, чтобы встретить победу или поражение. Признаюсь, я не мог не видеть, в какую сторону клонятся чаши весов. Что-то унылое и зловещее ощущалось в этот вечер в атмосфере театра. У мисс Причард разболелась голова; парикмахер совершенно безобразно напудрил парик мистера Хэгана; на лицах всех актеров и актрис, которых я видел за кулисами, было написано сомнение и директор театра (весьма, на мой взгляд, дерзкий, если не сказать просто нахальный господин — в этот день он, как и все, тоже был мрачен, словно наемный плакальщик на похоронах) имел наглость сказать мне:

— Бога ради, мистер Уорингтон, ступайте, выпейте стакан пунша в трактире и не нагоняйте на всех страху вашей унылой физиономией?

— Сударь, — отвечал я, — за пять шиллингов вместе с билетом я купил право отпустить замечания насчет вашей физиономии, но я никогда не давал вам права касаться моей.

— Сударь, — говорит он в чрезвычайном раздражении, — а я от всей души желал бы никогда не видеть вашей.

— Ваша физиономия, — говорю я, — наоборот, доставила мне немало веселых минут, а уж когда она загримирована для Абея Драггера, тут можно просто помереть со смеху! — И надо отдать справедливость мистеру Гаррику; в низкой комедии он и вправду был неподражаем.

Я отвесил ему поклон, ушел в кофейню и в течение пяти лет не обмолвился больше ни словом с этим господином, пока он, случайно встретившись со мной в доме одного вельможи, не принес мне своих извинений. Тогда я сказал ему, что совершенно не помню, какие именно обстоятельства имеет он в виду, но в день премьеры оба мы, и автор и директор театра, были, без сомнения, чрезвычайно взвинчены. И затем я добавил:

— В конце концов не всякий создан для театра, и стыдиться тут нечего. Вы же, мистер Гаррик, — созданы. — Комплимент этот пришелся ему очень по душе, на что я и рассчитывал.

Fidus Achates {Верный Ахат (лат.).} прибежал ко мне перед концом первого акта и сказал, что вое идет довольно сносно, хотя не скрыл от меня, что в зале раздались смешки, когда на сцене появилась мисс Причард в одеянии индейской принцессы.

— Это же не моя вина, Сэмпсон, — сказал я, наливая ему стакан доброго пунига, — если индианок так одевают.

— Однако же, — сказал он, — вы не выпустите на сцену Каракгакуса, выкрашенного синей краской по моде древних бриттов, или Боадицею в телячьей шкуре на голое тело?

Да, очень может быть, что верность исторической правде придала несколько комический оттенок моей трагедии, но в таком случае я ни в малой мере не стыжусь ее провала.

После второго акта мой адъютант принес мне совсем уже мрачные вести. Не знаю почему, но если перед началом спектакля я сильно нервничал {* Здесь автор явно впадает в противоречие, поскольку он только что хвастался своей уравновешенностью. Возможно, он несколько ошибался в оценке самого себя, что случалось не только с ним одним. — Примечание издателя.}, то в момент катастрофы был на редкость спокоен я даже весел.

— Значит, дела идут из рук вон плохо? — спросил я, велел подать счет,

надел шляпу и зашагал в театр так хладнокровно, как если бы шел обедать в Темпл. Fidus Achates шел рядом, сжимая мой локоть, прогонял мальчишек-факельщиков с нашего пути и восклицал:

— Черт побери, мистер Уорингтон, вы мужественный человек, вы троянец, сэр! — Отсюда следует, что троянцы были людьми мужественными, но — увы! бороться с судьбой оказалось им не по плечу.

Как бы то ни было, никто не скажет, что я не проявил самообладания, когда меня настиг удар судьбы. Как капитан тонущего корабля не может укротить рев и завывание бури, так и я не мог унять свист и хохот в театральном зале. Но я твердо решил, что бешеные волны и сломанные мачты не должны меня утратить, и без излишней скромности могу сказать, что встретил беду, не дрогнув.

— Сам Регул не мог бы залезть в свою бочку более хладнокровно, сударыня, — сказал Сэмпсон моей жене. Очень несправедливо говорят о людях с паразитическими наклонностями, что они бросают людей в беде. И в беде, и в достатке этот безумец-священник оставался мне верен и так же охотно делил с нами корку черствого хлеба, как и более обельные трапезы.

Я занял место на сцене, откуда мог наблюдать за действующими лицами моей несчастной трагедии и за частью зрительного зала, вынесшего ей свой беспощадный приговор. Актеры — по-видимому, из жалости ко мне — делали вид, что не замечают моего присутствия. Надеюсь, что я был с виду так же мало тронут происходящим на сцене, как любой из зрителей, и никто, глядя на мое лицо, не мог бы догадаться, что я и есть герой дня.

Но, возвратясь домой, я при первом взгляде на бледное, осунувшееся лицо моей бесценной Тео понял, что весть о постигшем нас несчастье уже опередила меня. После спектакля к нам, как повелось, пришли наши друзья — мистер Спенсер, Сэмпсон, кузен Хэган и леди Мария, дабы (о, великий боже!) принести автору свои поздравления. Бедняжка мисс Причард была приглашена тоже, но просила передать, что ужинать не будет, так как чувствует себя слишком плохо по причине, которая должна быть мне понятна. Мой друг садовник из Бедфорд-Хауса прислал моей жене самые лучшие свои цветы, чтобы украсить стол. И вот они стояли здесь перед нами — эти пестрые, развернутые знамена, — а битва была проиграна! Я стойко перенес свое поражение, но при виде побледневшего лица моей дорогой супруги и этих скромных знаков внимания, которые она приготовила, чтобы приветствовать своего героя, мужество, признаюсь, покинуло меня, и такая острая боль пронзила мое сердце, какую мне редко доводилось испытывать.

Ужин наш, как вы легко можете себе представить, был довольно уныл,

и беседа, которую мы изо всех сил старались поддерживать, не слишком его оживляла. По счастью, старая миссис Хэган как раз в это время расхворалась, и ее болезнь и связанные с нею хлопоты были для нас просто благодеянием. А потом мы ухватились за предстоящее бракосочетание его величества, о котором в те дни только и было разговору. (Как отчетливо запомнились мне самые ничтожные подробности дня премьеры — вплоть до мелодии, которую насвистывал какой-то плотник в театре у меня над ухом перед самым поднятием злополучного занавеса!) Потом мы потолковали еще о смерти доброго мистера Ричардсона, автора "Памелы" и "Клариссы", романов, которыми мы все безгранично восхищались. И когда мы заговорили о "Клариссе", моя жена раза два-три украдкой утерла глаза и произнесла дрожащим голосом:

— Ты знаешь, моя радость, мы с маменькой никогда не могли удержаться от слез, читая эту прекрасную книгу. О, моя дорогая, дорогая маменька, продолжала моя жена, — как бы мне хотелось, чтобы она была сейчас здесь, со мной! — И это послужило ей поводом расплакаться еще сильнее и уже не таясь, ибо что может быть естественнее, если молодая женщина горюет в разлуке с матерью. А затем мы накрошили в наши печальные чаши ямайских лимонов и выпили за здоровье его превосходительства губернатора, после чего я с улыбкой провозгласил новый тост: "За более счастливое будущее".

Эта-то капля и переполнила чаши. Моя жена и кузина Мария бросились друг другу в объятия, и каждая оросила слезами носовой платок подруги.

— О Мария! Ну скажи, ну правда, он необыкновенно прекрасен и добр, мой Джордж? — всхлипывала Тео.

— А мой Хэган — как божественно он сыграл свою новую роль! — восклицала Мария. — Это был подлый, грязный сговор против него, а этому мерзкому созданию, этому негодяю мистеру Гаррику я бы собственными руками всадила нож в его черное сердце! — И, схватив вышеозначенное орудие убийства со стола, эта пылкая женщина швырнула его на пол, после чего бросилась к своему господину и повелителю и, повиснув у него на шее, расцеловала его на глазах у всей честной компании.

Я не уверен, что кто-то еще не последовал ее примеру. Все мы находились в чрезвычайно взволнованном и приподнятом состоянии. В тягостнейшие минуты печали утешительница Любовь явилась к нам и одарила нас такими сладкими речами и нежными ласками, что грех было бы сожалеть о постигшей нас беде. А два-три дня спустя, в день моего

рождения, мне было вручено в моем кабинете послание, содержащее следующие строки:

От Покахонтас
Вернулся ты, закончив бой.
Как слаб и бледен мой герой!
Мой дух тревогой обуян
Не прячь, о мой любимый, ран!
Не полагай, что англичанка
Слабей душой, чем индианка.
Печали в радость превратить,
В беде с супругом рядом быть
И, заслонив его собою,
Погибнуть на груди героя
Ах, нет отраднее мечты,
Чем умереть, чтоб спасся ты!
Благословила бы я руку,
Мне причиняющую муку!

Я не стану утверждать, что стихи эти совершенны, но они нравятся мне от этого ничуть не меньше, а лицо автора (чей нежный юный голос я слышу сейчас, мурлыкая эти строки) показалось мне прекраснее ликов ангельских, когда я, прочтя послание, вошел в гостиную и увидел, как щеки ее заливают краска, а глаза приветственно сияют мне навстречу.

Глава LXXXI

Res angusta domi {Трудности домашней жизни (лат.).}

Мне уже приходилось говорить о том, как теперь, достигнув почтенного возраста, расцениваю я свое отчаянное безрассудство, побудившее меня уговорить мою дорогую подругу очертя голову ринуться в мои супружеские объятия, хотя нам обоим едва сравнялось двадцать лет. В полной мере понимая насущную необходимость бараньих отбивных и своевременной уплаты по счетам булочника, я, как мужчина и отец оравы отчаянных головорезов, любой из которых может, нахально сославшись на пример папеньки и маменьки, не сегодня-завтра убежать в Шотландию, вполне отдаю себе отчет в том, какую осторожность надлежит мне проявлять, описывая первые годы супружеской жизни Джорджа Уорингтона, эсквайра, и его супруги Теодозии. Стремясь к тому, чтобы мое жизнеописание послужило предостережением пылким и безрассудным юнцам, я должен, удобно расположившись в своем кресле и посыпав голову пеплом, громогласно воскликнуть mea culpa! {Моя вина! (лат.).} и со смиренным видом заявить о своем раскаянии.

Однако, если говорить начистоту, то моя семейная жизнь, вопреки всем мрачным предсказаниям моих дорогих родственников, жестоко разочаровала этих почтенных и добродетельных людей. У нас были свои испытания, но я вспоминаю о них безо всякой горечи; были свои страдания и печали, но их, милосердием божьим, излечило время; случалось, мы терпели нужду, но перенесли и это, к немалому изумлению сострадательно наблюдавших за нами родственников, а награда за все была столь велика и драгоценна, что я не смею доверить свои чувства перу и бумаге и с величайшим благоговением могу открыть их лишь Тому, к кому возносит свои молитвы и хвалы весь род людской.

Не подлежит сомнению, что вступать в брак, не имея материального достатка, неосмотрительно, опасно и даже преступно с точки зрения нашего общества, но разве тысячи моих братьев не совершают из года в год это преступление, уповая лишь на бога, на свой труд и выносливость? Неужели юная пара не может довериться друг другу и не имеет права начать супружескую жизнь, пока шалаш не будет полностью обставлен, погреб и кладовая набиты припасами, буфет заполнен столовым серебром, а кубышка деньгами? Если бы законы, по которым живет благородное сословие, распространились на всех прочих обитателей земного шара,

люди перестали бы плодиться. Наши благородные господа дрожат в своих шелковых чулках и лакированных туфлях перед стремительным потоком жизни и годами ищут моста или ждут появления золоченой ладьи, дабы переправиться на тот берег; бедняки же не боятся замочить свои босые ноги, смело ступают в поток, надеясь на свои силы и вручая себя судьбе. Кому охота обрекать родную дочь на нищету? Кто посоветует сыну подвергнуться бесчисленным испытаниям нищенской супружеской жизни, лишиться свою любимую привычного достатка и комфорта и обречь ее на жизнь в бедности, в лишениях, в болезнях, в долгах, в одиночестве, без друзей, подвергнуть ее неисчислимым мрачным последствиям *angusta demí*? Я смотрю на мою жену и мысленно прошу у нее прощения за то, что возложил столь тяжкое, мучительное и опасное бремя на столь хрупкие плечи. Я думаю об испытаниях, которые она перенесла, и благодарю бога за ее постоянство и верность, за неизменную любовь, укрепившую ее силы на трудном жизненном пути. Я плохой судья в вопросе о браках: мой собственный брак был столь безрассуден и столь счастлив, что я не смею давать советы молодым людям. Я испытал бедность, но терпеть ее мне было не в тягость, а не пройди я через это испытание, мне, быть может, никогда не довелось бы узнать, как велика бывает доброта друзей, как восхитительно чувство благодарности и какие неожиданные радости и утешения могут порой сопровождать и скрашивать скудную трапезу, слабый огонь очага и долгие часы труда. Одно могу сказать с уверенностью: очень многих весьма порядочных людей, живущих в бедности, жалеют совершенно напрасно. Добросердечные благородные господа, случайно забредя из ослепительного света своих богатых хором в сумрак убогого жилища бедняка, с непривычки как бы лишается ясности зрения и натываются на препятствия, которых не существует для нас, ибо наш взор не замутнен; они изумляются нашей невзыскательности, когда мы весело попиваем жидкое пиво и, закусывая его куском холодной баранины, от всей души благодарим создателя.

Мой добрый тесть-генерал женился на своей Молли, еще будучи пехотным поручиком, и кошелек его в те дни был не ту же набит, чем мой. Эта супружеская пара тоже испытала немало превратностей судьбы. Думается мне (хотя моя жена никогда в этом не признается), что они поженились так, как это делают нередко в молодые годы, — не испросив предварительно согласия родителей {* Издатель перелистал книги регистрации тайных браков, но не нашел в них имен Мартина Ламберта и Мэри Бенсон.}. Но так или иначе, они были настолько довольны своей участью и своим браком, что не захотели лишиться такого же счастья своих

детей, и мысль о том, что нам в нашей семейной жизни придется, быть может, испытать кое-какие небольшие лишения, нисколько их не пугала. Я же, признаться, постарался ввести в заблуждение и своего будущего тестя, и самого себя, когда обсуждал с ним мои денежные дела. Считая, что я располагаю двумя тысячами фунтов и его драгоценная дочка, — первые несколько лет, во всяком случае, — ни в чем не будет знать нужды, генерал с легкой душой отплыл на Ямайку. Покрыв расходы по экипировке себя и своей семьи, этот почтенный человек, уезжая, был не богаче своего зятя, а моя Тео получила в приданое несколько безделушек, немного старинного кружева и кошелек с двадцатью гинеями, которые скопили для нее мать и сестра. Подсчитывая свои капиталы, я прибавил к ним, как отнюдь небезнадежный, долг моей почтенной матушки, но она, увы, так и не согласилась его признать вплоть до того часа, когда господь призвал ее уплатить свой, уже последний, долг на земле. Те суммы, что я посылал ей, и те, что она черпала из моего наследства, пошли, утверждала она, на поддержание и переустройство имения, которое перейдет ко мне после ее смерти. А то немногое, что ей удастся откладывать, должно достаться моему бедному брату, у которого нет ничего за душой и который не спустил бы всех своих денег, если бы не считал себя единственным наследником виргинского поместья, каковым он и стал бы, — это обстоятельство добрая маменька не забывала подчеркнуть в каждом из своих писем, — не родился я случайно на полчаса раньше него. Сейчас он доблестно служит своей родине и королю. Оплатить его производство в новый чин — ее материнский и, она бы сказала, мой братский долг. Когда я закончу свои занятия юриспруденцией и свои драматургические забавы, писала госпожа Эсмонд, меня с нетерпением будут ждать на родине, где я должен занять подобающее мне по рождению место. Последнее соображение она настойчиво доводила до моего сведения через Маунтин, пока не получила известие о моей женитьбе.

Стоит ли пересказывать, в каких выражениях излился на мою голову ее гнев, когда она узнала о предпринятом мной шаге? После замирения Канады мой дорогой Гарри попросился в отпуск и как почтительный сын отправился в Виргинию навестить мать. Он описал мне, какой был ему там оказан прием и какие пышные празднества закатила наша матушка в его честь. Каслвуд, где она не жила после нашего отъезда в Европу, снова широко распахнул свои двери для всех друзей-колонистов, и нашему доблестному воину, другу генерала Вулфа, отличившемуся под Квебеком, был оказан подобающий почет. Не обошлось, само собой разумеется, и без нескольких неприятных стычек из-за того, что мой брат упорно желал

поддерживать дружбу с полковником Вашингтоном из Маунт-Вернона и не уставал превозносить его до небес. Что ж, я тоже отдаю должное этому господину и всем его добродетелям и не менее искренне, чем самые близкие друзья генерала Вашингтона, восхищаюсь его успехами и великолепным упорством, проявленным им в сражениях, столь прискорбно окончившихся для Англии несколько лет спустя.

Но если стычки между Гарри и матушкой происходили довольно часто, как явствовало из его писем, почему продолжал он оставаться дома, невольно задавал я себе вопрос. Один ответ напрашивался сам собой, но у меня не было охоты делиться своей догадкой с миссис Уорингтон, ибо мы с ней не раз обсуждали романтическую привязанность нашей малютки Этти к моему брату и дивились тому, как мог он ее не замечать. В душу мою, как вы, вероятно, уже догадались, закралось подозрение, что братец нашел себе дома какую-нибудь молодую особу, которая пришлась ему больше по вкусу, чем наша милая Эстер, и это было причиной его затянувшегося визита в Виргинию.

А вскоре от него пришло письмо, содержащее если не полную исповедь, то признание одного небезынтересного факта. Не называя имени, Гарри описывал некое юное существо, являвшее собой, как и положено в подобных обстоятельствах, Образец Совершенства и Красоты. Моя жена попросила показать ей письмо. Я не мог отказать ей в этой просьбе и протянул письмо с довольно скорбным выражением лица. К моему удивлению, прочтя его, она не выразила подобающей случаю печали.

— Я уже догадывался об этом, любовь моя, — сказал я. — Я понимаю, что ты огорчена из-за нашей бедняжки Этти, и разделяю твои чувства.

— Да, бедная Этти, — сказала Тео, потупившись.

— Видно, не судьба, — сказал я.

— Да... Впрочем, они все равно не были бы счастливы, — со вздохом промолвила Тео.

— Как странно, что он никогда не догадывался о ее чувствах, — заметил я.

Жена пристально, с каким-то загадочным выражением поглядела на меня.

— Дорогая моя, как понять твой взгляд? — спросил я.

— Никак, мой дорогой, никак! Просто меня не так уж это удивляет, сказала она и покраснела.

— Неужели у нее есть на примете кто-то еще? — спросил я.

— Я вовсе не это хотела сказать, Джордж, — поспешно возразила она. — Но если Этти поборолла свою детскую прихоть, разве мы не должны

этому радоваться? Или, по-твоему, только вы, мужчины, можете влюбляться и остывать?

— Вон оно что! — в странном смятении чувств воскликнул я. — Уж не хочешь ли ты сказать, что была к кому-то равнодушна?

— Ах, Джордж, — смущенно пролепетала она, — когда я еще училась в пансионе, был один мальчик... он учился в школе доктора Бекхауза и сидел в церкви на хорах рядом с нами, и мне всегда казалось, что у него очень красивые глаза... И вот, представь, я пошла на днях к мистеру Григу, галантерейщику, купить пелеринку для малыша и смотрю — он стоит там за прилавком! Меня это ужасно поразило, и я все хотела рассказать об этом тебе, но как-то к слову не пришлось.

Я попросил жену описать мне, как этот малый одет, и отправился поглядеть, у кого такие красивые глаза; я увидел маленькое, кривоногое, жалкое создание в синем камлотовом кафтане, с рыжими космами, перехваченными грязной ленточкой, и у меня даже не хватило духу в чем-либо упрекнуть мою супругу: я проявил великодушие и ничего не сказал ей тогда, и лишь прочтя эти строки, она узнает, что я поглядел на ее пассию. Если бы наши жены видели нас такими, какие мы есть, размышлял я, так же ли сильно любили бы они нас? А может быть, и мы так же заблуждаемся на их счет, как они на наш? Но как бы то ни было, я верю, что одно правдивое лицо, которое я сейчас вижу перед собой, никогда меня не обманывало.

Дабы не вводить наше молодое поколение в соблазн и не подавать ему дурного примера своим безрассудством, я промолчу о том, с какими ничтожными средствами начинали мы с миссис Тео нашу жизнь. Моя злополучная трагедия не принесла нам ни пенса, хотя в дальнейшем, после ее публикации, она получила довольно благоприятные отзывы в журналах и даже удостоилась однажды похвалы самого мистера Кембла. Наш добрый друг лорд Ротем советовал опубликовать пьесу, собрав денег по подписке, и прислал мне банкноту, прося оставить сто экземпляров для него и для его друзей; но такой способ изыскания денег был мне всегда не по душе, и я предпочел остаться при моей бедности, sine dote {Без приданого (лат.)}, и запер под замок свою рукопись, приложив к первой странице листок со стихами моей бедной женушки. Я не знаю, почему моя пьеса вызвала такое недовольство при дворе, если не считать того обстоятельства, что актер, исполнявший главную роль, тайком обвенчался с дочерью графа. Впрочем, мне говорили, что речи, которые я вложил в уста некоторых краснокожих персонажей, с большим пафосом клеймивших честолюбие британцев, их стремление править миром и тому подобное, были признаны

антигосударственными и опасными, и это лишило меня последней надежды на монаршую милость, если я еще и мог такую питать.

Что же мне оставалось делать? Спустя несколько месяцев после провала моей трагедии я, подсчитав остатки своего капитала (это не составило труда и не заняло много времени), пришел к выводу, что мне следует расстаться с моей славной квартиркой в Блумсбери, и уведомил об этом нашу домохозяйку. Ради здоровья моей супруги, сказал я, нам необходимо переселиться за город. Впрочем, мы не поехали дальше Ламбета, и наш верный Гамбо и Молли переселились вместе с нами, так что, невзирая на нашу бедность, мы продолжали пользоваться услугами горничной и ливрейного лакея, совсем как если бы были состоятельными людьми, и наши добрые родственники не преминули, конечно, поднять крик, осуждая нас за мотовство, — ведь кому же, как не им, выискивать в нас недостатки и оповещать а них весь белый свет?

Однажды, возвратись из Лондона, где мне пришлось побывать у кое-кого из книгопродавцев, я увидел знакомую ливрею и узнал родовой герб на роскошной золоченой карете, стоявшей перед трактиром неподалеку от нашего жилища. Вокруг этого богатого экипажа толпились зеваки, с благоговением взирая на ослепительных лакеев, которые, сверкая на солнце позументами, опоражничивали залпом огромные кружки пива. В нашей маленькой квартирке (из окон которой открывался очень приятный веселый вид на реку с плывущими по ней баржами и лодками и на древние башни архиепископского дворца, окруженного парком) я застал леди Каслвуд, занятую беседой с миссис Тео, и моя женушка, обладая даром забавно изображать все в лицах, подробно рассказала мне после отъезда гостьи, какой у них состоялся разговор.

— Пока вы сидели где-то там в кофейне с вашими друзьями и распивали свои пунши или кофе, мы тут с кузиной Тео уже вдоволь наболтались, — сказала мне графиня. — И до чего же ей тут небось скучно одной, и заняться-то нечем, все шей да шей эти чепчики да распашонки. Ну, ничего, дорогая, у вас скоро, как я погляжу, будет с кем развлечься, пока кузен Джордж сидит в своих кофейнях! Какая миленькая у вас тут квартирка, право! Наш новый дом, который мы только что сняли, раз в двадцать, верно, больше, и все стены раззолочены от пола до потолка, но ваш мне тоже очень нравится. Право слово, жить в богатстве ничуть не лучше, чем жить в бедности. Когда мы жили в Олбани и мне все приходилось делать самой — подметать, чистить кастрюли, стирать, да и мало ли еще чего, — я была ничуть не менее счастлива, чем сейчас. А мы держали только одного старого негра — сторожа в лавке. Почему вы не

продадите Гамбо, кузен Джордж? Чего он у вас тут зря слоняется, бездельничает да волочится за служанкой. Фу! Ну и неразборчивый же они народ, эти английские девчонки, как я погляжу! — Так весело и добродушно графиня трещала языком, пока не настало время уезжать. Тут она извлекла великолепные часы с репетицией и объявила, что ей пора ехать на прием к ее величеству в Бекингемский дворец. — А теперь вы должны приехать к нам, Джордж, — сказала графиня, махая мне на прощанье ручкой из окошка своей золоченой кареты. — Мы с Тео уже обо всем условились!

— Ну, вот, она, по крайней мере, не испугалась нашей бедности и не стыдится вспоминать, что и сама была бедна когда-то, — сказал я после того, как лакеи в расшитых ливреях стали на запятки и наша блистательная миниатюрная покровительница нас покинула.

— О да, она не стыдится! — сказала Тео снова принимаясь работать иглой над каким-то микроскопическим предметом. — Надо отдать миледи справедливость, она всюду чувствует себя как дома, — хоть на кухне, хоть во дворце. Она дала нам тут с Молли десятки наставлений по домоводству. Говорит, что у себя на родине в Олбани и хлеб пекла, и жаркое готовила, и полы подметала, и корову доила. (Все это миссис Тео перечислила, забавно подражая американскому выговору миледи.)

— И притом она не заносчива, — сказал я. — Любезно пригласила нас отобедать с ней и милордом. Разве дядюшка Уорингтон когда-нибудь подумает теперь предложить нам кусок пирога или кружку его знаменитого пива?

— Конечно, она по-своему добродушна, — не без лукавства заметила Тео, но, мой дорогой, ты же не знаешь, на каких условиях мы приглашены! — И тут моя супруга, все так же подражая манерам графини, со смехом сообщила мне эти условия. — Миледи достала свою записную книжечку, — сказала Тео, — и объяснила мне, по каким дням она выезжает и по каким принимает у себя. В понедельник ее посетят герцог и герцогиня и еще кое-кто из родственников милорда со своими супругами. Во вторник у нее будут какие-то графы, два епископа и посланник. "Ну, вам, конечно, не захочется наведаться к нам в эти дни, — сказала графиня. — Теперь, когда вы бедны, вам в этом высшем обществе, понятно, будет не по себе. Ну, да и бог с ним; папенька никогда не обедает с нами, когда у нас собирается знать. Ему все это не по нутру, он в этих случаях предпочитает перехватить где-нибудь кусочек холодной говядины". Тут я, — сказала Тео, смеясь, — сообщила ей, что мистер Уорингтон любит только самое изысканное общество, и предложила пригласить нас в тот день, когда у нее будет

обедать архиепископ Кентерберийский, чтобы его преосвященство мог подвезти нас домой в Ламбет в своей карете. И, между прочим, она к тому же еще и очень расчетливая малютка, — продолжала Тео. "Вы понимаете, я думала захватить с собой кое-что из чепчиков и других вещичек нашего крошки, — милорд из них теперь уже вырос, — да подумала, что они еще могут понадобится потом снова, вы же понимаете, моя дорогая". Так что, как видишь, это маленькое добавление к нашему гардеробу проплыло у нас мимо носа, — улыбаясь, сказала Тео, — и нам с Молли придется как-то обойтись без щедрот ее сиятельства. "Если уж кто беден, тот беден, — с присущей ей откровенностью сказала графиня, — и, значит, должен уметь обходиться тем, что есть. Ну, что, к примеру, могли бы мы сделать для нашей бедной Марии, просто ума не приложу. Мы же не можем пригласить ее к себе, как приглашаем вас, хоть вы и бедны. Она-то ведь графская дочка, а выскочила замуж за какого-то актеришку! Это же ужасно, моя дорогая. И его величество и принцесса говорили об этом! Каждое благородное семейство в королевстве выражает нам сочувствие. И все же я придумала кое-что, чтобы помочь этим несчастным людям, и сообщила им это через моего мажордома Саймонса". А придумано, оказывается, было следующее: Хэгану надлежало вернуться в Дублинский колледж, который он когда-то бросил, не доучившись, закончить его и принять сан. "Тогда мы сможем достать ему местечко капеллана у меня на родине", — сказала леди Каслвуд.

Следует тут же добавить, что эти благие намерения были года через два претворены в жизнь, причем я, со своей стороны, рад был оказать посильную помощь в этом деле мистеру Хэгану, который был самым преданным и добрым нашим другом в дни, когда мы терпели нужду и лишения. Лорд Каслвуд оказался верен своему слову, помог Хэгану получить сан и назначение в колонии, где, как вы скоро узнаете, он заслужил себе доброе имя и как проповедник, и как солдат. Однако ни гинеи не потратил его сиятельство, чтобы помочь сестре или ее мужу, когда они терпели нужду. Сам я, благодарение богу, никогда не обращался к милорду за помощью в трудную минуту, однако, когда мне удалось выбраться из нищеты, он, надо отдать ему справедливость, вполне искренне, как мне кажется, выражал по этому поводу живейшую радость и стал со мной как нельзя более любезен и обходителен.

Также, справедливости ради, необходимо отметить, что мой дядюшка Уорингтон и его добродетельная супруга и дочери в дни трудных для меня испытаний не уставали сокрушаться по поводу моей бедности. Я все еще продолжал поддерживать знакомство с некоторыми из наших общих

друзей, и они, разумеется (как и положено друзьям), считали своим долгом докладывать мне, какие ведутся разговоры и какие суждения высказываются на мой счет, причем ни разу не довелось мне услышать, чтобы кто-нибудь из моих родственников обмолвился обо мне или о моей жене добрым словом. Даже пьеса моя была преступлением в их глазах (впрочем, я уже привык слышать о ней всяческую хулу и поношения), а автор ее — распутником и нечестивцем в лохмотьях, жалким наемным писакой. Нет, они не протянули мне руку помощи. Бедная жена моя могла сколько угодно проливать слезы в горькую минуту — они не раскошелились для нее ни на пенс, зато не менее шести раз в неделю они посещали храм божий и часто ставили свою подпись под сбором пожертвований на благотворительные нужды. Восемнадцать столетий живет на земле их племя и будет жить и процветать, покуда не прекратится род людской. И по-прежнему они будут возносить хвалу небесам за то, что они не чета прочим смертным, и будут предоставлять бедствующим и страждущим получать помощь от других.

У меня не лежит душа ворошить сейчас все те страшные сомнения и тревоги, которые одолевали меня в ту пору. Каких только я не строил планов, чтобы раздобыть работу и немного денег и пополнить наши скудные и уплывающие средства; но все мои замыслы терпели неудачу. Наконец я надумал обратиться к моему другу мистеру Джонсону, и теперь, при воспоминании о том, как радушно этот добрый человек принял меня, мне становится стыдно, что я позволял себе такие дерзкие замечания по поводу его поведения и манер. Я поведал ему обстоятельства моей женитьбы, рассказал обо всех своих трудностях и о планах на будущее. Он ни в коей мере не нашел мое положение безнадежным. *Si male nunc* {Если сейчас плохо (лат.).} — это не значит, что так будет всегда. Я могу рассчитывать — хотя шансы и не очень велики — получить какую-нибудь должность здесь, в Англии; меня ждет наследство, которое рано или поздно по законам естества должно перейти ко мне или, на худой конец, к продолжателю моего рода, чье появление на свет нами ожидается. У меня есть еще немного денег для удовлетворения самых насущных нужд, есть возможность... "Впрочем, если говорить откровенно, сэр, — сказал Джонсон, — после постановки вашей трагедии я не убежден, что природа достаточно щедро одарила вас теми особыми качествами, которые необходимы для подлинного успеха на литературном поприще". И, наконец, остается еще возможность смириться перед материнской волей и возвратиться в Виргинию, где меня всегда ждет отчий кров и полный достаток.

— Помилуйте, сэра, — вскричал мистер Джонсон. — Да такая сумма, какую вы назвали, была бы целым состоянием для меня, когда я вступал в жизнь, а мой друг мистер Гольдсмит мог бы купить себе на эти деньги карету шестеркой. Вы молоды, не лишены надежд, и в кошельке у вас есть сотни две фунтов звонкой монетой, — как же можно приходиться в отчаяние! На эти средства вы ведь сможете продержаться по меньшей мере год, а за год мало ли что может произойти? Ваши родственники могут одуматься и оказать вам помощь, или вы можете унаследовать ваше виргинское поместье, или вам еще откуда-нибудь приплывет богатство!

Ко мне в тот год не приплыло ничего, но зато кое-что приплыло к нему. Лорд Бьют назначил мистеру Джонсону пенсию, чем привел в ярость всю Граб-стрит, ибо получатель ее в свое время опубликовал далеко не лестное мнение о пенсиях и пенсионерах.

Все же мистер Джонсон не вовсе расхолодил мой литературный пыл. Он даже пообещал найти для меня работу у книготорговцев и честно выполнил это свое доброе намерение.

— Но помните, сэра, — сказал он, — вы не должны появляться перед ними *in forma pauperis* {В виде нищего (лат.)}. Не можете ли вы раздобыть у кого-нибудь из ваших друзей карету, в которой мы с вами могли бы отправиться по делам? И вы должны надеть самую лучшую вашу шляпу и расшитый жилет. Нам надо держаться так, сэра, словно это мы делаем им одолжение.

Эта военная хитрость принесла свои плоды и на первых порах снискала мне уважение книготорговцев, но как только они уразумели, что я желаю получать плату за свой труд, их спины перестали сгибаться, а сами они стали позволять себе столь фамильярное обращение со мной, что я не мог с этим свыкнуться. Однажды я случайно услышал, как один из них, бывший прежде лакеем, сказал:

— Кто там? А, это "Покахонтас", ну, пусть обождет. — И послал своего мальчишку сказать мне примерно то же.

— Обождать, сэра? — крикнул я, kloчoca от ярости и распахивая дверь к нему в комнату за лавкой. — О нет, я не привык ждать! Насколько мне известно, это скорее была ваша специальность! — И в чрезвычайном возбуждении я покинул его лавку и вышел на Пэл-Мэл.

Однако этот мистер Д., пожалуй, был прав. Ведь это я пришел к нему, если и не с просьбой, то, во всяком случае, с каким-то деловым предложением, а значит, мне и следовало ждать, когда у него найдется время и охота принять меня. Впоследствии, когда дела мои несколько поправились, я принес этому господину свои извинения, чем мгновенно

умилостивил этого покровителя Муз, поменявшего на них свою ливрею.

В дальнейшем я был менее привередлив, или, может быть, мистер Джонсон был более удачлив, но только ему удалось раздобыть мне у издателей небольшую работу: на мое счастье, я порядочно знал несколько иностранных языков, и мне поручили делать переводы. Прокорпев над переводом целый день, я едва-едва зарабатывал несколько шиллингов, а за полную неделю работы далеко не всегда получал гинею, да и ту какой-нибудь из этих грубых торгашей швырял мне с нагло-покровительственным видом. Я мог бы указать на две-три журнальные статьи, написанные мной в этот период и принесшие мне несколько жалких шиллингов; когда я их перечитываю, они пробуждают во мне горчайшие воспоминания и причиняют острую боль {* Мистер Джордж Уорингтон из Верхнего Темпла говорит, что он помнит тетрадь своего деда, на обложке которой значилось: "Les Chaines de l'Esclavage" {"Цепи рабства" (франц.)}. В эту тетрадь дедом были наклеены вырезки из различных журналов и газет, набранные старинным шрифтом. Это, без сомнения, и были те самые статьи, о коих упомянуто выше, однако ни в библиотеке городского дома, ни в библиотеке уорингтонского поместья тетради этой обнаружить не удалось. Издатель, кстати сказать, не считает себя ответственным за некоторую непоследовательность автора. На странице 265 он говорит, что вспоминает прошлое "без горечи", теперь же, как мы видим, он впадает в ярость при воспоминании о нем. Впрочем, такой же способ прощать своих врагов не редкость и в наш век.}. Я вспоминаю мучившие меня страхи и сомнения, вижу, как моя драгоценная супруга прикладывает младенца к груди и поднимает на меня глаза, притворной улыбкой тщетно пытаюсь скрыть свою тревогу, и снова я вступаю в борьбу со своей гордостью, и снова кровоточат нанесенные мне раны. Есть такие несправедливые обиды, которые трудно простить, и всякий раз когда они приходят мне на память, прежнее чувство возмущения и гнева подымается во мне. И снова сгущаются мрачные тучи и гнетут мою душу, пока их не разгоняет мысль о той нежной любви и преданности, которая была моим светочем во мраке и утешением в невзгодах.

Глава LXXXII

Моидор Майлза

Малютка Майлз появился на свет всего несколькими днями позже всемилостивейшего принца, который командует ныне его полком. Фейерверки и салюты из множества пушек приветствовали рождение наследника престола. Великие толпы людей стекались во дворец, дабы лицезреть младенца, возлежащего за позолоченной загородкой под наблюдением высокородных нянюшек. Колыбель нашего маленького принца не охранялась таким количеством нянек, придворные и верные вассалы не приветствовали его восторженными кликами, если не считать, конечно, нашего верного Гамбо и доброй Молли, которые так искренне любили этого малютку, наследника моей нищеты, и так им восторгались, что сердце мое таяло. Почему мы не назвали нашего мальчика так же, как был наречен вышеупомянутый чудо-ребенок и как звали его отца? Я дал ему имя одного маленького сорванца, моего родственника, имя, тоже часто повторяющееся из поколения в поколение в роду Уорингтонов, дал потому, что любовь и доброта маленького Майлза, — чувства, в которых нам было отказано со стороны наших кровных родственников, — глубоко растрогали меня, и мы с Тео решили назвать наше дитя в честь единственного нашего друга среди моей родни по отцовской линии.

Мы написали нашим высокочтимым родителям, извещая их о великом событии, и храбро поместили в "Дейли адвертайзер" объявление о рождении ребенка, сообщив адрес дома, где он появился на свет: "Черч-стрит, Ламбет".

"Мой дорогой, — писала мне тетушка Бернштейн, прочтя мое объявление, как мог ты заявить на весь свет, что живешь в этой дыре, в которой ты себя похоронил? Поцелуй от меня молодую мамашу и передай мой сувенир своему малютке".

Сувенир этот имел вид шелкового одеяльца, обшитого кружевами, достойными самого принца. Толку от такого одеяльца было немного, а стоимость кружев могла бы послужить более полезному делу, но Тео и Молли были в восторге от подарка, а на колыбельку моего первенца было накинуто одеяльце, не менее роскошное, чем у самого знатного младенца.

Добрый доктор Хэберден навещал мою жену и следил за ее здоровьем. Он рекомендовал нам жившего поблизости акушера, и тот взял на себя заботу о миссис Тео, но, по счастью, наша дорогая пациентка не нуждалась

в особом уходе и вполне довольствовалась помощью нашей домохозяйки и собственной верной служанки.

И снова перед нашим скромным жилищем возникло сверкающее видение раззолоченной кареты леди Каслвуд: она привезла нам горшочек желе, которое, но ее мнению, должно было понравиться Тео и которое, несомненно, уже подавалось накануне к столу ее сиятельства. Миледи рассказала нам о всех придворных торжествах, о блеске и великолепии, коими было окружено появление на свет наследника престола. Нашему доброму другу мистеру Джонсону случилось заглянуть к нам как раз в тот день, когда экипаж графини, отливая на солнце золотом, остановился у нашей скромной калитки. Немало пораженный этим величием и пышностью, он отвесил графине поклон, в котором почтительность явно взяла верх над грацией. Графиня очень милостиво назвала меня кузенком и так далеко простерла свою благосклонность, что сама помогла переместить желе из серебряного судка в нашу фаянсовую мисочку. Доктор отведал этого лакомства и нашел его превосходным.

— Для великих мира сего, — сказал он, — фортуна не скупится на дары, сэр. Они могут покупать услуги самых искусных знатоков кулинарной науки и собирать самые выдающиеся умы и самые острые языки за своим столом. Если, как вы предполагаете, сэр, это лакомство уже побывало на обеденном столе ее сиятельства (а по внешнему виду ваше предположение кажется мне вполне правдоподобным), то, во всяком случае, оно находилось в хорошей компании. Это желе дрожало под взглядом прославленных красавиц, оно таяло на их пунцовых губках, оно привлекало к себе внимание избранного общества, наряду с фруктами, пирожным и кремами, которые, без сомнения, были не менее восхитительны. — Произнося эти тираду, добрый доктор проглотил довольно основательную часть даров леди Каслвуд. Однако, должен признаться, моя жена, отведав желе, поморщилась и отодвинула его от себя, а Молли, презрительно тряхнув головой, заявила, что оно прокисло.

Мой новорожденный все же удостоился чести стать крестником дочери графа, ибо крестной матерью его была наша бедная леди Мария, чья доброта и внимание к молодой матери и к младенцу были выше всех похвал. Лишенная счастья материнства, Мария проявляла трогательную заботу о нашем ребенке. Сейчас капитан Майлз весьма красивый и представительный молодой человек, и гусарский мундир, который он носит, не менее великолепен, чем форма любого другого военного щеголя, но будем надеяться, что его доброе сердце и истинное благородство не позволят ему проявить неблагодарность и забыть о том, что в младенчестве

его заворачивали в пеленки, приготовленные для дитяти бедного актера. Сэмпсон крестил его в той самой церкви в Саутуорке, где венчались мы, и, мне кажется, никогда еще слова молитвы не звучали внушительней и прекрасней, хотя в конце обряда голос доброго капеллана дрогнул, и он вместе со своей небольшой паствой невольно смахнул слезу.

— Даже сам мистер Гаррик, — сказал Хэган, — не мог бы более возвышенно произнести эти слова, сэр. Ни одна невинная душа, скажу я вам, еще не вступала в мир, сопутствуемая столь искренним и задушевным благословением.

А теперь я должен поведать вам о том, как случилось, что наш капитан был наречен Майлзом. Дня за два до крестин, когда я еще полагал, что наш первенец будет носить имя своего отца, у ворот раздался дробный стук копыт, и чье, как вы думаете, появление возвестил нам дверной колокольчик, как не нашего кузена, юного Майлза! Боюсь, что он нарушил родительский запрет, пускаясь в эту незаконную авантюру.

— Понимаете, — сказал он, — кузен Гарри подарил мне эту лошадку, и я люблю вас, потому что вы очень похожи на Гарри и потому что у нас дома вечно говорят про вас что-то нехорошее, а по-моему, это очень стыдно, и я все равно люблю вас, и привез вам для вашего мальчика свистульку и коралловое кольцо, которое подарила мне моя крестная, леди Саклинг, и если у вас нет денег, кузен Джордж, возьмите мой золотой моидор — это очень дорогая монета, а мне он совсем не нужен, потому что мне, понимаете, все равно не велят его тратить!

Мы отвели мальчика в спальню к Тео (он очень торжественно поднимался по лестнице в своих сапогах для верховой езды, которыми страшно гордился), и Тео поблагодарила его и расцеловала, а его моидор хранится в ее кошельке и по сей день.

Моя матушка, узнав, что я назвал сына Майлзом, — каким-то малоупотребительным, по ее мнению, именем и, во всяком случае, вовсе не принятым в эсмондовском роду, — выразила мне, как обычно через доверенное лицо, свое монаршьё удивление и неудовольствие. В то время я не пожелал вдаваться в объяснения, но когда впоследствии рассказал однажды госпоже Эсмонд, каким образом мой сын получил это имя, я увидел, что по морщинистой ее щеке скатилась слеза, и слышал потом, как она расспрашивала Гамбо о мальчике, в честь которого был назван наш Майлз — наш славный Майлз, одинаково знаменитый как на Пэл-Мэл, так и в Валансьене, Брайтоне и у Олмэка.

Глава LXXXIII

Горести и утешения

В дни нашей юности, когда мы с Гарри доставляли нашему наставнику столько неприятных минут, мог ли кто-либо из нас предположить, что мистер Эсмонд-Уорингтон из Виргинии сам превратится в гувернера? Моя матушка (когда мы вновь соединились) никогда прямо не упоминала об этом периоде моей жизни, прибегая всегда к намекам и иносказаниям: "В то ужасное время, мой друг, о котором я не могу вспомнить без содрогания"; или: "В те ужасные годы, когда между нами существовали разногласия", — или еще как-нибудь в таком же духе, и хотя мой ученик — весьма достойный человек и в знак благодарности прислал мне в Джеймстаун несколько бочонков того напитка, на котором он нажил себе состояние, госпожа Эсмонд, говоря о нем, называла его не иначе, как "ваш английский друг", "ваш богатый друг из Ламбета" — и тому подобное, но ни разу не назвала по имени и ни разу не отведала его пива. Мы тоже варим пиво в нашем уорингтонском поместье, но добрый мистер Фокер и до сих пор каждый год отгружает в Ипсвич пару бочек доброго пива. Его сын, весьма светский юноша, женат на дочери графа; отец — вполне достойный и добрый джентльмен, и я должен благодарить судьбу за свое знакомство с ним, ибо от него получал я те несколько гиней, в которых так отчаянно нуждался тогда.

И даже еще драгоценней, чем эти деньги, была для меня сама должность гувернера — ибо она давала мне занятие и надежду. Пивоварня мистера Ф. находилась тогда в Ламбете, неподалеку от Педларс-Акр (впоследствии она была перенесена в другое место), и эта богатая семья пивоваров пользовалась услугами того же акушера, который помогал моей жене во время родов. Сам пивовар был по происхождению баварцем и носил прежде фамилию Фелкер. Мистер Лэнс, почтенный акушер, рассказал ему, по-видимому, обо мне. Эскулап, выкуривший немало трубок виргинского табаку в моем садике, проникся искренней симпатией ко мне и к моему семейству. Однажды он привел своего богатого клиента ко мне в гости, и когда мистер Ф. убедился, что я немного знаю его родной язык и могу даже спеть песню про "благородного рыцаря, принца Евгения" (песню эту помнил мой дедушка еще со времен похода Мальборо), этот немец почувствовал ко мне дружеское расположение, его супруга предоставила свой экипаж и портшез в распоряжение миссис Уорингтон, а его маленькая

дочурка прямо-таки влюбилась в нашего малыша (и, надо воздать ему должное: капитан Майлз, уродливей которого вряд ли много сыщется джентльменов в парике с косицей {* По общему утверждению — вылитый портрет самого сквайра на тридцатом году его жизни. — М. У. — Заметка на полях рукописи.}, был в ту пору очень красивым младенцем), и так как сын и наследник мистера Фокера из-за профессии своего отца подвергался всяческим гонениям в Вестминстерской школе, родители препоручили его мне и стали выплачивать довольно значительную сумму за то, что я принял на себя заботу по обучению их отпрыска.

Мистер Ф. был человек практичный и деловой, и поскольку он и его семья возымели искреннее расположение ко мне и к моим близким, я без особого стеснения обрисовал ему мои материальные затруднения, и моя откровенность, как он сам признался, еще повысила его уважение и симпатию ко мне. Он немало посмеялся, когда мы рассказали ему о благодеяниях, оказанных нам моими благородными родственниками, — о шелковом одеяльце, присланном моей тетушкой, о прокисшем желе леди Каслвуд, о благочестивом презрении к нам леди Уоривгтов. Но рассказ о мoidsоре маленького Майлза вызвал на его глазах слезы, а узнав о доброте Сэмпсона и Хэгана, он сказал:

— Клянусь, у них будет штолько пива, школьно они шмогут выпить. — И он послал свою жену навести визит леди Марии, после чего всякий раз, как леди Мария навевывалась к ним, принимал ее с величайшим почетом и уважением, а когда Хэган отправился в Дублин, чтобы закончить свое образование в колледже, леди Марии было предложено поселиться у Фокеров, и кошелек доброго пивовара помог нашему другу собраться в путь.

Когда же мистер Фокер узнал меня ближе и лучше ознакомился с моим положением, он соизволил отзываться обо мне так восторженно, словно я являл собой пример какой-то неслыханной добродетели. Я рассказал ему о том, как моя матушка откладывала деньги для Гарри и как оба они оказались передо мной в долгу. Но ведь Гарри, когда он тратил эти деньги, считал, что тратит свои собственные, а госпожа Эсмонд решительно отказывалась понимать, что поступает со мной очень сурово, — деньги были выплачены и ушли, о чем же тут еще толковать? В конце шестидесят второго года Гарри, помнится, прислал мне довольно значительную сумму, чтобы оплатить производство его в новый чин, и одновременно с этим просил меня не забывать, что он у меня в долгу и обращаться к его агентам, буде у меня встретится нужда в деньгах. Он даже не подозревал, сколь велика была моя в них нужда и куда ухнул весь мой маленький капитал.

Воспользуйся я деньгами моего брата, это задержало бы производство его в чин, и я, само собой разумеется, не мог себе этого позволить, хотя, признаться, искушение было велико. Точно так же, зная весьма скромные средства моего дорогого генерала Ламберта, я никогда не обращался к нему за поддержкой, боясь его обездолжить. Вот эти-то крайне простые примеры скромности и воздержания мой достойный пивовар склонен был расценить как проявление высочайшей добродетели. И что, как вы думаете, сделал этот джентльмен? Тайно от меня он отправил моему брату в Америку письмо, в коем превозносил до небес и меня и мою жену, а затем нанес еще визит госпоже де Бернштейн, в чем она ни разу мне не призналась, однако я не мог не заметить, что с некоторых пор моя тетушка стала относиться к нам как-то на редкость ласково и уважительно, чем немало меня изумила, ибо я привык считать ее весьма эгоистичной светской особой. Впоследствии я спросил как-то раз у своего пивовара, каким образом удалось ему проникнуть к баронессе. Он рассмеялся.

— К паронессе? Я знал парона еще в Мюнхене, когда он был лакеем, а я учеником у пивовара.

Нашему семейству не следует, пожалуй, проявлять слишком большое любопытство по поводу родословной дядюшки-барона.

Вот и получилось так, что в тот период моей жизни, которому следовало бы быть самым печальным, обстоятельства не раз складывались весьма для меня удачно, судьба не раз была ко мне благосклонна, а участие друзей скрашивало мое существование. Мой воспитанник оказался кротким агнцем, послушно следовал за мной по дороге познаний, и обучать его было куда приятнее, чем обивать пороги книгопродавцев или зависеть от капризов театральных директоров! В пору нашего изгнания, как я могу его назвать, мы провели немало приятных вечеров с нашими друзьями и благодетелями, и не надо думать, что мы совсем отказались от развлечений: миссис Фокер и миссис Уорингтон очень мило пели дуэтом, а я, когда приходила охота, читал вслух "Покахонтас" своим благосклонным слушателям, причем заткнул за пояс самого мистера Хэгана, как заявил мне мистер Фокер.

После описанной выше эскапады мистера Майлза Уорингтона-младшего я его больше не видел и почти ничего не слышал про своих родственников по отцовской линии. Сэр Майлз прилежно подвизался при дворе (думаю, что он был бы не менее угодлив и при дворе самого Нерона), и однажды меня очень насмешил мистер Фокер, сообщив, что он слышал на бирже, будто моего дядюшку "собираются штелать паром".

— Паром? — в изумлении переспросил я.

— Ну да, паром, как же вы не понимает, — раздраженно сказал почтенный старик. — Ну, шловом лортом, лортом!

Ну что ж, сэр Майлз, несомненно, был весьма раболепным слугой каждого министра, кого бы ни назначили на этот пост. Я бы не удивился, если бы в период короткого правления первого фаворита сэр Майлз заговорил с шотландским акцентом. Я встретился с ним и его супругой, когда они ехали из дворца, где новоиспеченная миссис Клейпул представлялась ее величеству. Я нес моего сынишку на плече. Мои дядюшка и тетюшка уставили в меня каменные взгляды из окна своей золоченой кареты. Лакеи в позументах смотрели так же тупо, как и господа. Врат моего отца проследовал мимо меня с таким видом, словно на мне была шапка-невидимка.

Мы не злоупотребляли своеобразным приглашением леди Каслвуд приехать к ним на чашку чая или на ужин, когда у них не будет гостей. Старик Ван ден Босх, при всей своей смекалке и великом искусстве делать деньги, не был особенно интересным собеседником, и разговор с ним мог быть увлекателен разве что для его внучки, которая и сама была не прочь поговорить со знанием дела и о торговых сделках, и об игре на бирже, и о ценах на скот, и о разведении овец. Милорд же Каслвуд редко бывал дома, тяготясь обществом старика и зная, что супруга не будет без него скучать. Графиня со свойственной ей прямоотой выложила все это моей жене.

— Дело такое, — сказала она, — милорд и дедушка никак не могут поладить друг с другом. Опять же у милорда вечно нехватка в деньгах, а дедушка держит ключ от кубышки у себя, ну и, понятное дело, правильно поступает. Милорду только дай дорваться до денег, он тут же их все спустит, а что тогда станется с нашим благородным семейством? Мы ведь, моя дорогая, аккуратно расплачиваемся за все, кроме карточных долгов, а уж тут извините! Мы платим жалованье поварам и конюхам, платим виноторговцам и портным — всем платим, и, думается мне, им здорово повезло, — милорд небось и не подумал бы им платить! И мы всегда заботимся о том, чтобы у него, как и у всякого порядочного дворянина, была в кармане гинея. Этот человек всем нам обязан и как только он жил без нас, одному богу известно! Мы с дедушкой уж так старались, чтобы он вел себя, как порядочный, — но это не так-то легко, моя дорогая, какой там! Он бы давно сбыв все столовое серебро, да только дедушка держит кладовую под замком. А когда мы с милордом едем из города в имение, дедушка всегда сопровождает меня, и притом с оружием, да и слуги тоже вооружены.

— Боже милостивый! — вскричала моя жена. — Не хотите же вы

сказать, миледи, что подозреваете супруга в том, что он...

— Что он?.. Ах, нет, конечно, нет. И нашему братцу Уиллу тоже, конечно, можно доверить любую крупную сумму денег, ну как же, еще бы... как кошке крынку сливок! Да, моя дорогая, быть светской женщиной с высоким положением — это вовсе не одни сплошные удовольствия, уж вы мне поверьте. И если я купила себе графскую корону, так и не дешево за нее заплатила, так-то!

Что ж, лорд Каслвуд тоже заплатил немало за то, чтобы освободить свое имение от закладных, покрыть долги, меблировать дом и восстановить конюшню. Он стал рабом своей крошки-жены и ее дедушки. Не удивительно, что общество старика было не слишком приятно его жертве, и бедняга граф охотно ускользал из своего великолепного поместья, чтобы пображничать в клубе, когда ему удавалось разжиться деньгами, а не то так просто побывать в любом обществе, лишь бы не со своими домашними. Натаскивать ученика, как это делал я, поверьте, не такое уж приятное занятие; сидеть в приемной книготорговца, дожидаясь, пока его честь отобедает и соблаговолит дать аудиенцию, тоже дело нелегкое для человека родовитого самолюбивого; но разве согласился бы я променять свою бедность на унижительную зависимость несчастного лорда Каслвуда? Сколь бы ни были скудны мои доходы, я, по крайней мере, добывая их своим трудом, и никто не посмеет сказать, что я угодничал или раболепствовал перед своими патронами; по правде-то говоря, я всегда держал, себя с ними столь угрюмо и надменно, что был, вероятно, просто невыносим.

Зато некая небезызвестная вам особа, которую послала мне судьба, чтобы рука об руку идти со мной по жизненному пути, так очаровательно легко, так спокойно и беззаботно переносила свои лишения, что даже сам суровый Рок смягчился и, подобно свирепому великану-людоеду из сказки, дрогнул перед неизменной добротой и безыскусной приветливостью этого бесхитростного, невинного создания. Она и в бедности сохраняла благородство, и все наши соседи — мелкие торговцы и совсем простой народ оказывали ей не меньше уважения, чем самым богатым дамам нашего квартала.

— Право же, моя дорогая, — сказала простодушная миссис Фокер моей жене, когда везла ее в своем экипаже, — все, по-моему, считают, что хозяйка этого выезда — вы, а я ваша служанка.

Все домовладелицы, у которых мы квартировали, обожали мою жену; торговцы с таким усердием выполняли ее скромные заказы, словно она была герцогиней или богачкой, на которой можно сколотить капитал. Это нередко наводило меня на мысль о той леди из "Комуса", что остается

незапятнанной и безмятежно спокойной среди орущего сброда.

Не раз и же два, а вернее, стоило вам только пожелать, и добросердечные родители моего юного питомца давали нам свой экипаж, чтобы мы могли прокатиться за город или навестить кое-кого из друзей. Скажу по секрету, что мы однажды поехали в кабачок "Протестантский Герой" и там в саду устроили себе маленький кутеж, причем хозяйка весь вечер упорно называла мою жену миледи. Кроме того, мы однажды навестили мистера Джонсона и выпили у него чашку чая (остроумнейший мистер Гольдсмит тоже был в тот день его гостем); и доктор Джонсон с поклоном проводил мою жену до экипажа. Но чаще всего мы наведывались к госпоже Бернштейн, и, поверьте, я не испытал ни малейшего укола ревности, когда моя тетушка внезапно вспылала необычайной симпатией к Тео.

Симпатия эта росла не по дням, а по часам, и в конце концов тетушка стала требовать, чтобы Тео большую часть недели проводила с ней, а то так и вообще оставалась все время возле нее; мужа и сына Тео она считала просто какой-то докучной помехой и очень забавно проявляла свою неприязнь к нам за то, что мы тоже иногда претендовали на общество ее любимицы. Я не хочу сказать, что моя жена может быть недостойна чьего бы то ни было расположения, однако именно трудность общения с ней и ее частое и вынужденное отсутствие превратили пристрастие моей тетушки к ней в своего рода манию. Наш дом был засыпан записками баронессы, словно любовными посланиями, ее слуги то и дело появлялись у нас на кухне. Если Тео не могла отлучиться из дома, тетушка слала ей душераздирающие призывы, а меня при встречах свирепо осыпала упреками. Когда же нашему мальчику случилось однажды заболеть (судьбе угодно было пощадить нашего капитана, дабы он стал для нас источником постоянной тревоги и тяжким испытанием для наших нервов), госпожа Бернштейн три дня кряду ездила на своего дома в Ламбет и клялась, что у ребенка решительно ничего нет, он абсолютно здоров, а мы придумали ему болезнь только для того, чтобы ее помучить.

Царствующая графиня Каслвуд держалась со своей старой тетушкой так же непринужденно, как со всеми прочими — и великими и малыми.

— И чего это вы из кожи вон лезете, чего вы так цацкаетесь с этой старухой, прямо в толк не возьму! — говорила ее сиятельство. — Что уж, она такая благородная, что ли? Чушь! Ничуть не благороднее всякой другой старухи, и я, если хотите знать, нисколечко не хуже их всех с этими их высоченными каблуками и надутым видом! Он была знаменитой красавицей когда-то? Стащите-ка с нее парик, выньте вставную челюсть,

смойте румяна, и поглядим тогда, что останется от вашей красоты! Всю ее красоту можно свалить в шляпную картонку, а без нее она просто морщинистая старуха!

И ведь ничего не скажешь, эта маленькая разоблачительница говорила сущую правду. Таков удел красоты — рано или поздно она истлеет — сначала на земле, потом под землей. Перед нами была старость, увы, не снискавшая себе почета, почтенные седины, крашенные или спрятанные под парик. Соблазны света все еще были сильны, и старость тянулась к ним, опираясь на клюку. Восемь десятков лет она царила в свете и вкушала и от дозволенного, и от запретного плода. Она познала власть красоты, приманчивость наслаждений, лести. Но сколько под всем этим затаенных обид, унижений, разочарований, какая горечь поражений! Сколько шипов на этих розах! Сколько жалящих пчел роится вокруг сладкого плода!

— Ты не красавица, моя дорогая, — не раз говорила она моей жене, — и благодари за это бога: значит, ты родилась под счастливой звездой. — (Если при этом она противоречила самой себе, так разве это не случается с каждым из нас?) — И не говори мне, что твоему мужу нравится твое личико, а других вздыхателей тебе не надо! Все мы любим поклонение. Каждая женщина предпочтет красоту всем благам на свете — и богатству, и добродетели, и всем прочим дарам добрых фей! Взгляни на этот портрет, хотя, конечно, я знаю, что он очень плох, — этот глупый хвастунишка Неллер не смог передать ни блеск моих глаз, ни мой цвет лица, ни мою осанку. Как я была сложена тогда! А погляди на меня теперь, погляди на эту старую сморщенную шею! Почему так быстротечна наша красота? Я помню мадемуазель де Ланкло — как она была свежа, как прекрасно сохранилась в куда более преклонном возрасте, нежели мой!.. Но мы не можем его скрыть — наш возраст. Он известен по книгам мистера Коллинза. Я родилась в последний год царствования короля Иакова. Я еще не так стара. Мне всего семьдесят шесть лет. Но какая же я развалина, моя дорогая! И как это жестоко, что наш век так короток!

Тут моя жена отважилась указать на тот непреложный факт, что все мы лишь краткий срок гостим на земле.

— Вздор! — воскликнула баронесса. — Разве Адам не шил почти тысячу лет и Ева не была все это время по-прежнему прекрасна? Я всегда ставила покойного мистера Тэшера в тупик этим вопросом. Что мы такое натворили с тех пор, что наши жизни так укоротились, спрашиваю я?

— Вам, верно, всегда сопутствовало счастье в вашей жизни, раз у вас есть желание продлить ее на такой срок? — спросила у баронессы ее собеседница. — Вы так любите и умеете ценить остроумие, но разве вы не

читали знаменитого описания бессмертных в "Гулливере" декана Свифта? Мой папенька, да и мой супруг тоже говорят, что это одна из самых прекрасных и самых страшных притч, когда-либо написанных. Лучше не жить совсем, чем жить без любви, и я знаю, что случись что-нибудь с моим ненаглядным Джорджем, тут моя супруга смахнула платочком слезу, — я буду просить у бога только одного — чтобы он поскорее призвал к себе и меня.

— А кто будет любить меня на том свете? Я совершенно одинока, дитя мое, вот почему я предпочитаю оставаться здесь, — жалобно сказала баронесса, и в голосе ее прозвучал испуг. — Ты добра ко мне, да благословит тебя господь! Хоть я и бранчлива и характер у меня скверный, а все-таки мои слуги в лепешку разобьются ради моего удобства, поднимутся среди ночи в любой час и никогда не станут мне грубить. И я все еще люблю играть в карты. Правду сказать, без карт жизнь была бы совсем пуста. Почти все уже ушло из нее, только и осталось, что карты. После того как я потеряла последние два зуба, я уже даже не могу съесть свой обед. В старости мы мало-помалу утрачиваем все. Но у меня еще остаются мои карты — благодарение небу, у меня еще остаются мои карты! — И тут она начинала дремать, мгновенно, однако, пробуждаясь, стоило моей жене пошевелиться или приподняться со стула, несчастная боялась, что Тео ее покинет. — Не уходи, я не могу оставаться одна. Тебе не обязательно разговаривать. Я просто люблю смотреть на твое лицо, моя дорогая! Это куда приятнее, чем видеть перед собой противную насупленную физиономию моей старой Бретт, которая уже столько лет хмурится на меня из разных углов моей спальни.

— Вот как! Баронесса опять за своим криббиджем? — (Примерно таким восклицанием прерывает высокородная графиня карточную игру тетушки Бернштейн в Тео.) — А мы с милордом Эсмондом приехали вас проведать! Подойди, поздоровайся с бабушкой, Эсмонд, и скажи ее милости, что твоя милость ведет себя примерно.

— Моя милость ведет себя примерно, — повторяет ребенок. — (Госпожа Тео весьма забавно изображала мне эту сцену в лицах.)

— Так что он, скажу вам, пошел не в своего папашу! — оглушительно кричит леди Каслвуд. Ей почему-то угодно было вообразить, что тетушка глуха, и она всегда ужасно кричала, разговаривая со старухой.

— Вы, миледи, сами избрали в мужа моего племянника, на радость и на горе, — возражает тетушка Бернштейн, которая теперь всегда теряет душевное равновесие при появлении молодой графини.

— Но он оказался в сто тысяч раз хуже, чем я думала. Это я говорю о

твоим папеньке, Эззи. Если бы не твоя мать, одному богу известно, что бы из тебя получилось, сынок! Мы с ним сейчас отправляемся провести его королевское высочество малютку-принца. Как печально, что ваша милость что-то неважно выглядит сегодня. Ну, да что там, никто не остается вечно молодым. Ух ты, до чего же мы все-таки меняемся к старости! Подойди и поцелуй эту даму, Эззи, у нее тоже есть маленький мальчик. Ба-ба-ба! Да, никак, это вашего малыша видела я там, внизу? — А наш Майлз и в самом деле был в нижних комнатах: Тео из каких-то своих соображений брала его иногда G собой, а тетушка так дорожила ее обществом, что готова была примириться с присутствием в доме ребенка. — Так ваш малыш здесь? Ах, плутовка! восклицает графиня. — Небось подбираетесь к денежкам вашей старой тетки? Что ж, бог в помощь! Да чего вы так испугались? Она же глуха как пень. Пойдем, Эззи. До свиданья, тетушка! — И графиня, шелестя юбками, выпархивает из комнаты.

Слышала ли тетушка Бернштейн слова миледи? И где же тот блеск ума и острый язык, которыми так славилась эта старая дама? Или и этот огонь потух вместе с пламенем ее глаз? Но кое с кем она и сейчас еще готова была скрестить оружие. Когда вдовствующая леди Каслвуд и ее дочь Фанни приехали провести баронессу (мою жену эти благовоспитанные аристократки попросту не замечали), она держалась с ними величественно и даже до некоторой степени надменно. Назло им, она в их присутствии была подчеркнута ласкова с миссис Уорингтон, а когда моя жена удалилась, стала на все лады расхваливать ее отличные манеры и заявила, что хотя племянник, возможно, и заключил довольно опрометчивый брак, но, несомненно, взял себе в жены очаровательную женщину.

— Словом, моя дорогая, я так тебя превозносила, — сказала баронесса, что, боюсь, они готовы были выцарапать тебе глаза.

Но, вот перед маленькой американкой баронесса явно терялась и робела. Она так боялась графини, что попросту не решалась отказать ей от дома и даже за ее спиной не осмеливалась говорить о ней дурно. А каслвудские дамы при всей своей неприязни к Тео все же не выцарапали ей глаз. Однажды они подъехали к нашему домику в Ламбете. Моя жена сидела в эту минуту у раскрытого окна, у всех на виду, держа на коленях ребенка. Огромного роста лакей величественно прошагал через наш маленький садик и передал слуге визитные карточки этих дам. Их визит столь же мало обрадовал нас, как мало задевала нас их неприязнь. Когда наш друг пивовар предложил нам снова свою карету, миссис Уорингтон поехала в Кенсингтон, и Гамбо передал великану-лакею наши визитные карточки в обмен на те, кои удостоились мы получить от его высокородных

хозяев.

Имея собственный выезд, баронесса редко догадывалась предложить нам карету и, отговариваясь тем, что она-де боится своего кучера и не решается лишней: раз приказать ему запрячь лошадей, отпустила Тео с ребенком и служанкой домой пешком даже под дождем. Но после того, как на Вестминстерском мосту какие-то грубияны дважды напугали мою жену, я напрямик заявил тетушке, что не позволю миссис Уорингтон навещать ее, если ей не будет обеспечено безопасное возвращение домой. После этого ворчливый кучер вынужден был, как смеркнется, запрягать своих лошадей. Он угрюмо прижимал от меня мои шиллинги, не подозревая о том, как мало их у меня было. Наша бедность внешне выглядела вполне благопристойно. Мои родственники ни разу не подумали о том, чтобы облегчить мое положение, а я ни разу не подумал о том, чтобы обратиться к ним за помощью. Не знаю, откуда могли свалиться на голову Сэмпсона деньги, но помню, что он принес мне однажды шесть гиней, и, надо сказать, они пришлись как нельзя более кстати. Сэмпсон постоял у колыбели мистера Майлза, поглядел на спящего малютку и ушел, а после его ухода я обнаружил монетки, зажатые в розовом кулачке ребенка. Да, ничего нет на свете Любви. И сердце мое хранит память о многих подобных этому добрых дарах — о драгоценных родниках, внезапно забивших среди иссушенной зноем пустыни, теплых приветливых огоньках, весело замерцавших среди уныния мрака.

Этот достойный священнослужитель всегда с большой охотой составлял компанию госпоже де Бернштейн, как для духовной беседы, так и для карт, стоило лишь ей позвать его. Зная баронессу уже много лет, Сэмпсон заметил что она стала быстро сдавать, и, говоря о ее недугах и о вероятности близкого конца, с большим чувством и жаром постарался убедить нас в необходимости подготовить ее переходу в лучший мир; он толковал о тщете всего земного и о том, что каждый раскаявшийся грешник может уповать на прощение и вечное блаженство за гробом.

— Я сам был большим грешником, бог тому свидетель, — говорил капеллан, склонив голову, — и молю господу простить мне мои грехи. Боюсь, сэръ, что душа вашей тетушки не подготовлена должным образом к неизбежному переселению в другой мир. Сам я слабая, ничтожная тварь, и ни один заключенный в Ньюгетской тюрьме не признается в этом более смиренно и чистосердечно. За последнее время я раза два пытался затронуть эту тему в разговоре с баронессой, но встретил очень резкий отпор. — "Капеллан, — сказала она, если вы пришли поиграть со мной в карты, я вам рада, но сделайте милость, избавьте меня от ваших

проповедей". Что мне оставалось делать, сэр? Я еще несколько раз наведывался к ней, но мистер Кейз говорил мне, что она не может меня принять.

А тетушка действительно сказала моей жене, которой она никогда не отказывает в приеме, что, дескать, топ {Манера себя держать (франц.)} нашего бедного капеллана совершенно нестерпим, а касательно его благочестивых рассуждений выразилась так: "Я сама была женой епископа! Что нового может мне сказать этот жалкий болтун?"

Старая дама терпеть не могла как священников, так, в равной мере, и докторов. Тео прикинулась больной, и мы пригласили доброго доктора Хэбердена посетить ее в доме моей тетушки, под тем предлогом, что ему удобнее приехать на Кларджес-стрит, чем тащиться к нам в Ламбет, а заодно попросили его, если это окажется осуществимым, не оставить без медицинского совета и баронессу. По нашей просьбе миссис Бретт, камеристка баронессы, описала доктору ее недомогания, и тот подтвердил, что они крайне серьезны и могут оказаться смертельными. Временами баронесса как будто оправлялась и даже собирала у себя по вечерам небольшое общество, но сама совсем перестала выезжать. Мы замечали, что ее часто клонит ко сну; отчасти это объяснилось тем, что она стала злоупотреблять успокаивающими средствами, принимая их, чтобы заглушить постоянные боли. Как-то вечером, когда мы с Тео сидели у нее (мистер Майлз был к этому времени уже отлучен от груди, и маменька могла оставить его на попечение верной Молли), тетушка заснула за картами. Мы зашикали на слуг, пришедших накрыть стол к ужину (как всегда, он должен был быть роскошным и обильным, ибо ни предписания доктора, ни наши уговоры не могли научить тетушку воздержанию), и сидели, как случалось уже не раз, в полном молчании, дожидаясь, пока старая дама очнется от дремоты.

Пробудившись, она пристально поглядела на меня с минуту, перебирая в руках карты, затем уронила их на колени и произнесла:

— Я долго спала, Генри?

Я подумал, что она приняла меня за моего брата, но она продолжала, устремив взгляд куда-то вдаль:

— Это бесполезно, дорогой мой, вы заслуживаете лучшей участи. Я недостаточно хороша для вас. Я люблю карты, театр, поклонение. И... О, Генри, вы не знаете всего! — Тут ее тон внезапно изменился, и она горделиво вскинула голову. — Его отец женился на Анне Хайд, и, уж конечно, род Эсмондов ничуть не ниже всякого другого, кроме королевского. Маменька, соблаговолите оказывать мне больше уважения.

Vos sermons me fatiguent, entendez-vous?., faites place a mon Altesse Royale... Mesdames, meconnaissez-vous? Je'suis la... {Ваши проповеди утомляют меня, понимаете?.. Дорогу моему королевскому высочеству... Сударыни, вы меня не знаете? Я... (франц.).} — Тут она внезапно разразилась ужасным истерическим хохотом, перемежающимся криками; мы в испуге бросились к ней.

— Oui, Henri {Да, Генри (франц.)}, — воскликнула она, — il a jure de m'epouser, et les princes tiennent parole, n'est-ce pas? O oui, ils tiennent parole — Si non, tu le tueras, cousin... tu le... ah!.. que je suis folle... {Он поклялся жениться на мне, а принцы умеют держать слово, не так ли? О да, они держат слово. А если нет, ты убьешь его, кузен... ты его... Ах, я теряю рассудок... (франц.).} — Тут жалобные восклицания и смех возобновились, сбежались испуганные слуги, а бедняжка, хоть и затихла немного, все оставалась во власти странного обмана чувств, — ей казалось, что я — это Генри из ее далекого прошлого, который любил ее и был ею отвергнут, чьи кости покоятся далеко в чужой земле на берегу Потомака.

Моя жена с помощью служанок уложила тетушку в постель, а я побежал за доктором. Всю ночь она возбужденно бредила. Сиделки и доктор не отлучались от нее. Наконец под воздействием снотворных она уснула. После пробуждения мысли ее уже не путались, но речь стала нечленораздельной, и одна рука и нога были парализованы.

Я не стану описывать течение ее болезни и печальный исход: к чему следить, как угасает жизнь, как этот мерцающий огонек то вспыхивает, то затухает. Временами сознание ее прояснялось (и тогда она требовала, чтобы Тео безотлучно находилась возле ее постели), а затем ум ее снова мутился, и несчастная, прикованная к одру болезни женщина воображала себя молодой и бредила, заново переживая свое прошлое. Тогда я опять становился для нее Генри, и она призывала меня отомстить какую-то обиду или оскорбление, сохранившуюся лишь в ее больной памяти (хотя я и мог, конечно, кое о чем догадываться).

— О, они всегда были такими, — бормотала она. — Они всегда предавали тех, кого любили — и мужчин и женщин. Je me vengerai, o oui, je me vengerai {Я отомщу, о да, я отомщу! (франц.).} Я знаю их всех, всех до единого, я пойду к милорду Стейру и покажу ему список. Незачем меня убеждать! Его вера не может быть истинной. Я вернусь к вере моей матери, хотя она не любит меня. Она никогда меня не любила. Почему вы не любите меня, матушка? Потому что я такая испорченная? Ah, pitie, pitie! O mon pere! {Ах, сжальтесь, сжальтесь! О, мой отец! (франц.).} Я хочу исповедаться... — И несчастная парализованная женщина сделала попытку

приподняться на постели.

Так опустим же занавес. И сейчас еще я со страхом вспоминаю эти горячечные слова, это бормотание, доносившееся из-под полога, из полумрака, и бледное лицо моей жены, сидящей с молитвенником на коленях, и служанок, бесшумнодвигающихся по комнате, и тиканье часов за стеной, отсчитывающих ускользящие минуты, я косою луч солнца на портрете Беатрисы, румяной, улыбающейся, в расцвете красоты, с каштановыми локонами, рассыпавшимися по плечам, и лучистым взглядом, словно прикованным к неясно различимой фигуре, распростертой на постели. Сначала я никак не мог понять, почему служанки так настойчиво пытались выпроводить нас из комнаты. Но когда стало смеркаться, в дверь заглянул слуга и что-то шепнул на ухо Бретт, а та с несколько растерянным видом попросила нас спуститься вниз, потому что... Потому что, видите ли, больную пришел навестить врач. Тогда я не сказал моей жене, кто такой этот "Врач", но когда он, проскользнув мимо нас, стал подниматься по лестнице, я сразу распознал в нем католического священника. А когда Тео снова была допущена к больной, у баронессы уже отнялся язык; она больше не узнавала никого из окружающих и отошла в лучший мир не приходя в сознание. Во время ее болезни все родственники прилежно навещали ее, но она не желала видеть никого, кроме нас. Тем не менее, когда она скончалась и мы спустились вниз, то увидели в гостиной бледное лицо лорда Каслвуда, вдовствующую графиню и мистера Уилла. При нашем появлении они с алчной тревогой воззрились на нас. Они жаждали схватить свою добычу.

Когда завещание тетушки Бернштейн было вскрыто, выяснилось, что она составила его пять лет назад и все свое состояние завещала своему дорогому племяннику Генри Эсмонду-Уорингтону из Каслвуда в Виргинии. "С нежной любовью и в память имени, которое он носит". Состояние было невелико. Жила она, как оказалось, главным образом на пенсию, пожалованную ей монаршей милостью (за какие заслуги, сказать не берусь), но выплата пенсии, разумеется, прекратилась с ее смертью, и наследнику досталось после нее всего несколько сот фунтов, кое-какие драгоценности, безделушки да обстановка дома на Кларджес-стрит, на распродажу которой съехался весь Лондон. Портрет кисти Неллера приглянулся мистеру Уолполу, но я, воспользовавшись деньгами Гарри, отторговал портрет, и теперь он висит над камином в комнате, где я сейчас пишу. И вот после продажи драгоценностей, кружев, различных безделушек и тетушкиной коллекции старинного фарфора доставшееся Гарри наследство оказалось немногим больше четырех тысяч фунтов. Мой

же собственный капитал свелся в это время к двадцати фунтам, и я позволил себе распорядиться сотней фунтов из наследства Гарри, остальную же сумму перевел капитану Генри Эсмонду в Виргинию. Я не постеснялся бы взять себе из этого наследства и больше (ибо долг моего брата значительно превышал указанную сумму), но Генри только что написал мне, что ему представился необычайно выгодный случай приобрести поместье с неграми по соседству с нашим, и мы с Тео, разумеется, с радостью отказались от своих скромных притязаний, чтобы мой брат мог хорошо обосноваться на родине. О том же, в каком положении находятся мои дела, бедняга Гарри в то время не знал. Наша матушка не нашла нужным сообщить ему, что она перестала оказывать мне поддержку. Гарри же при покупке им нового поместья она помогла весьма значительной суммой из своих сбережений, и мы с Тео были всей душой рады его преуспеянию.

А как удивительно складывалась тем временем наша с Тео судьба! Почему так благосклонна была к нам фортуна, что стоило нашему кошельку совсем опустеть, как он наполнялся снова! Я уже буквально до последнего пенса истощил наши сбережения, когда бедняга Сэмпсон пришел мне на выручку со своими шестью гинейми, и на эти деньги я сумел протянуть до получения своего полугодового губернаторского жалованья от мистера Фокера, а после этого сотня фунтов из наследства Гарри, на которую я наложил руку, помогла нам просуществовать еще три месяца (мы сильно задолжали нашей домохозяйке, иначе этих денег хватило бы и на больший срок), а когда и эти деньги стали подходить к концу, мы получили, — как вы думаете, что? — чек на двести фунтов из Ямайки вместе с десятью тысячами добрых пожеланий и отеческой взбучкой от генерала, укорявшего нас за то, что мы не сообщили ему о своих затруднениях, о которых он узнал только от мистера Фокера, в столь восторженных выражениях расхваливавшего Тео и меня, что наши добрые родители еще больше возгордились своими детьми. Неужели никак невозможно уладить мою ссору с матушкой? Тогда мне надо приехать на Ямайку. Здесь у них хватит на всех, и его превосходительство губернатор незамедлительно устроит меня на какую-нибудь должность.

"Приезжайте к нам!" — писала Этти. "Приезжайте к нам! — писала тетушка Ламберт. — Как можно, чтобы мои дети терпели нужду, в то время как мы тут катаемся в карете его превосходительства и солдаты повсюду отдают нам честь! И разве Чарли не приезжал к вам из школы на каждые каникулы? А сколько полукрон моего дорогого Джорджа перекачало к нему в карман!" (Все это, конечно, была правда, ведь к кому же и поехать

мальчику на каникулы, как не к родной сестре, и можно ли объяснить ребенку, что наш запас полукрон весьма скуден?) "Во всех своих письмах ко мне он говорит о том, как вы неизменно добры к нему и как он любит Джорджа и маленького Майлза. А как же нам-то хочется увидеть маленького Майлза!" — писали они обе, и Этти, и ее маменька. "А его крестного отца, — (это уже писала Этти), — который был так добр к моей ненаглядной сестричке и ее сыночку, я обещаю поцеловать при встрече!"

Увы, нашему юному благодетелю не привелось узнать, с какой любовью и благодарностью говорилось о нем в нашем семействе. Я вспоминаю его сияющее личико над забором перед нашим домиком в Ламбете, куда он прискакал на своей лошадке, — ведь больше нам не суждено было его увидеть. На Рождество мы получили корзинку с большой индюшкой и тремя парами куропаток; в корзинку была вложена карточка, а к одной из куропаток приколоты записка: "Подстрелил М. У." Мы написали мальчику письмо, благодаря его за подарок, и сообщили ему слова Этти.

В ответ на наше письмо пришло послание от леди Уорингтон. Она считает своим долгом сообщить мне, писала эта дама, что ее сын, отправившись ко мне, проявил неповиновение и что ей только сейчас стало об этом известно. Зная о том, как понимаю я сыновний долг (доказательством чему служит мой брак), она отнюдь не желает, чтобы ее сын перенял мои взгляды. Горячо уповая на то, что я когда-нибудь раскаюсь в своих заблуждениях, она предпочитает не касаться больше этой неприятной темы и остается моей искренней, и так далее, и так далее. Это милое послание послужило как бы приправой к индюшке бедного Майлза, украсившей наш праздничный стол в новогодний вечер. От письмеца леди Уорингтон куски индюшки застредали у нас в горле, но зато Сэмпсон и Чарли лакомились ею вовсю.

О, горе! Не прошло еще и месяца с того вечера, а наш маленький дружок уже ушел от нас навсегда. Он отправился на охоту и, продираясь сквозь живую изгородь, зацепился за ветки спусковым крючком ружья. Бедного ребенка принесли на руках в родительский дом, и через несколько дней он скончался в ужасных мучениях. Вон под теми тисами стоит склеп, где покоятся его останки и где когда-нибудь будут погребены и мои. А в церкви над нашей скамьей высечена трогательная эпитафия, которую не раз с волнением читали мои дети. В этой эпитафии безутешный отец маленького Майлза излил свою скорбь по безвременно погибшему единственному сыну.

Глава LXXXIV,

в которой Гарри разделяет общую участь

Тяжелые времена остались теперь позади, и мне уже не приходится более бороться с нуждой. Смерть моего маленького родственника произвела огромную перемену в моей судьбе. Я сделался наследником большого состояния. Трудно было предположить, что у моих дядюшки и тетушки могут появиться еще дети.

— Эта женщина способна на любое преступление, лишь бы насолить вам, клялся Сэмпсон, но жизнь доказала, что обвинение это было неосновательным. Жестокий удар, обрушившийся на их семью, сокрушил дух миледи, и она по совету своих духовных наставников приняла его как испытание, посланное ей богом, и покорилась Его святой воле...

— Когда ваш сын был жив, сердце ваше было погружено в мирские заботы и отвратилось от царя нашего небесного, — сказал ей ее духовный пастырь. Ради вашего сына вы стремились к славе и почестям. Вы добивались для него венца земного. И вы могли бы его добиться, но какая польза от него тому, чей земной срок был столь краток? Что значит земной венец в сравнении с венцом небесным, и к нему-то вам и надлежит стремиться.

Несчастный случай этот вызвал большое волнение. В молельнях той секты фанатиков, с которой после смерти сына все больше сближалась леди Уорингтон, он стал темой многих проповедей. Меньше всего мог бы я позволить себе осудить несчастную мать или без должного уважения и сочувствия отнестись к любому человеку, ищущему прибежища там, где ищут его все грешники, все убитые горем, все потерпевшие крушение. Леди Уорингтон даже протянула мне руку примирения. Спустя год после гибели сына, находясь в Лондоне, она дала мне знать, что хотела бы со мной увидеться; я отправился к ней, и она в своем обычном нравоучительном тоне прочла мне длинную рацею касательно себя и меня. Она изумлялась воле провидения, допустившего, чтобы ее бедное дитя проявило послушание, — и сколь ужасна была последовавшая за этим кара! послушание, послужившее к немалой для меня выгоде. (Я понял, что бедняга и тут нарушил запрет и ушел с ружьем потихоньку от матери.) Миледи выразила надежду, что в случае, если я когда-либо унаследую их состояние, — хотя, бог милостив, в роду Уорингтонов все отличались завидным долголетием, за исключением разве что моего отца, жизнь которого сократили излишества беспорядочно прожитой юности, — словом, если я когда-либо унаследую их родовое имение и титул, миледи питает надежду (и молит об этом господа), что я изменю свое нынешнее поведение, перестану водить компанию с недостойными людьми, раз и навсегда покончу с этим ужасным театром и его распутными завсегдатаями

и обращусь душой туда, где только и можно обрести мир и покой, и к тем своим священным обязанностям, коими, к сожалению, к великому ее сожалению, я весьма часто пренебрегал. Все это было сильно сдобрено цитатами из Священного писания, которые я здесь опускаю. На прощание она преподнесла мне сборник проповедей, предназначенный для миссис Уорингтон, и книжечку гимнов, сочинения мисс Доры, которая уже тогда подвизалась в одной религиозной общине, примкнув к ней в свое время вместе с матерью, а после смерти леди Уорингтон, последовавшей три года спустя в Бате, сочеталась браком с знаменитым проповедником, молодым мистером Джаффлсом. В то наше свидание леди Уорингтон меня простила, но моего маленького сына она просто видеть не могла. И лишь после того, как мы потеряли нашего второго ребенка, моя тетушка и кузина стали довольно ревностно навещать мою бедную убитую горем жену и даже приглашать нас к себе. Совсем иное дело — мой дядя: после смерти сына он бывал у нас чуть не каждый день и мог часами сидеть, глядя на нашего мальчика. Он задаривал его игрушками и сладостями. Просил, чтобы мальчик называл его крестным. Но лишь когда и нас постигло горе (и теперь еще, спустя двадцать пять лет, бывают минуты, когда я ощущаю его так же остро, как в тот день, когда мы потеряли нашего малютку), понял я, каково ему было. Жена моя уже тогда, еще не познав горя утраты, была исполнена глубочайшего к нему сочувствия. Чуткое материнское сердце умело проникнуться болью, которую испытывал несчастный отец. Мое же более черствое сердце научилось состраданию лишь у собственного горя, и я помирился с дядюшкой только у гроба моего ребенка.

Этот несчастный приехал на скромные похороны моего сына в своей карете, а потом посадил в карету нашего маленького Майлза, и тот, позабыв печаль, которая и его охватила вначале, болтал без умолку, радуясь прогулке и своему новому черному костюмчику. О, как больно невинная болтовня ребенка ранила сердце матери! Можно ли желать, чтобы оно когда-нибудь исцелилось? Я так хорошо изучил ее лицо, что и сейчас еще сразу угадываю, когда она вспоминает о своей утрате, но это уже не грусть того давнишнего прощания воскресает в ней — теперь это общение двух любящих душ, одна из коих отлетела к престолу бога.

Вскоре мы возвратились в наше веселое и просторное жилище в Блумсбери, а мой юный воспитанник, которого мне уже не нужно было больше наставлять и который свел самую тесную дружбу с Чарли, поступил в Чартер-Хаус, где Чарли принял на себя заботу о том, чтобы на его долю доставалось не слишком много колотушек, и где он (несомненно, благодаря высокому искусству своего наставника) был на очень хорошем

счета. Школа так пришлась ему по душе, что он заявил: "Если у меня будет когда-нибудь сын, я отдам его только сюда".

Я же не мог больше руководить его занятиями по той причине, что у меня появились другие обязанности. Мой дядюшка, окончательно примирившись с нами, — из любви, как я понимаю, к нашему мистеру Майлзу, — воспользовался своим влиянием у министра (кстати сказать, дядюшка был таким раболепным слугой правительства, что я, признаться, в толк не возьму, зачем министр делал ему какие-то одолжения, будучи заранее уверен, кому сэръ Майлз отдаст свой голос), дабы порадеть мне как своему племяннику и наследнику, и в правительственном бюллетене появилось объявление о том, что я удостоен чести занять место уполномоченного его величества по выдаче патентов на извоз пост, который я достойно, как мне кажется, занимал, пока не лишился его из-за ссоры с министром (о коей будет рассказано в надлежащем месте). Мне было также присвоено адвокатское звание, и я появился в Вестминстер-Холле в мантии и в парике. В том же году мой друг мистер Фокер отправился по делам в Париж, и я имел удовольствие сопровождать его туда и был встречен *a bras ouverts* {С распростертыми объятиями (франц.).} моим дорогим американским спасителем мосье де Флораком, который тут же представил меня своему благородному семейству и такому количеству своих великосветских знакомых, что я при всем желании не успевал с ними общаться, тем более что у меня не хватало духу покинуть моего доброго патрона Фокера, а тот водил дружбу преимущественно с торговым сословием, и в первую очередь с мосье Сантером, крупным парижским пивоваром и отъявленным негодяем, больше прославившимся впоследствии количеством пролитой крови, нежели количеством сваренного пива. Мистер Фокер нуждался в услугах переводчика, а я был только рад хоть как-то отплатить ему за все добро, которое от него видел. Наши жены пребывали тем временем на вилле мистера Фокера в Уимблдоне и, по их словам, немало забавлялись, читая "Парижские письма", которые я посылал им через одного своего достойного друга — мистера Юма, служившего тогда в посольстве. Письма эти были потом изданы в виде небольшого отдельного томика.

Пока я безмятежно нес свои скромные служебные обязанности в Лондоне, в воздухе уже собиралась та гроза, которая в дальнейшем привела к полному разрыву между нашими колониями и метрополией. Когда мистер Грен-вилл внес свой проект закона о гербовом сборе, я сказал жене, что такой закон вызовет большое недовольство в Америке, ибо постоянным стремлением американцев было получать как можно больше от Англии, как

можно меньше платя взамен, но все же я никак не мог предположить, что проект этот вызовет такую бурю негодования. Со странами происходит то же самое, что с семьями или отдельными лицами. Для ссоры нужен только предлог — истинная причина таится в давнишних размолвках и скрытой враждебности. Различные нелепые поборы, мелкие проявления тирании, всегдашнее оскорбительное высокомерие англичан по отношению ко всем иноземцам, ко всем колонистам, ко всем, кто посмеет вообразить, что их реки не хуже, чем наши Абана или Фарпар, и как следствие этого — естественное раздражение людей, оскорбленных нашим желанием повелевать, привели Британию к ссоре с ее колониями, а поразительные по своей грубости ошибки английской правительственной системы завершили дело, и все пришло к такому концу, о котором я, со своей стороны, никак не могу сожалеть. Находясь я в то время не в Лондоне, а в Виргинии, вполне вероятно, что я принял бы сторону колонистов, хотя бы из одного только духа противоречия, ибо деспотизм хозяйки Каслвуда мог заставить меня взбунтоваться, подобно тому как деспотизм Англии привел к бунту в колониях. Был ли закон о гербовом сборе причиной революции? Ведь этот налог ничуть не превышал тот, что мы с легким сердцем платили у себя в Англии. Разве мог бы подобный налог привести к бунту в колониях десять лет назад, когда на нашей территории хозяйничали французы и мы взывали к метрополии о помощи? Разве большинство людей не смотрит на сборщика налогов как на своего исконного врага? Тысячи благородных и отважных людей ополчились в Америке против англичан, но были там и тысячи таких, которые старались извлечь для себя выгоду из этой ссоры или примкнули к движению по причинам чисто личного свойства. Признаюсь, я и по сей день не могу ответить, что сильнее руководило мною — эгоизм или патриотическое чувство — и на чьей стороне Англии или Америки — была правда? Или, быть может, не правы были обе? Я уверен, что нам, англичанам, просто ничего другого не оставалось, как сражаться до конца, и когда война была нами проиграна, то после естественного в первую минуту уныния побежденный, клятвенно утверждаю я, не испытывал злобы к победителю.

Что побуждало моего брата Хела писать из Виргинии, которую он ни в коей мере не стремился покинуть, такие пламенные патриотические письма? Мой добрый брат всегда находился под чьим-либо влиянием: когда мы были вместе -под моим (он был столь высокого мнения о моем уме, что скажи я: "Хороший сегодня денек", — он углубился бы в размышления над этими словами, словно над изречением одного из семи мудрецов древности), а когда мы были врозь, меня заменил какой-нибудь другой

умник. Так кто же вдохновлял его на этот яростный патриотизм, на эти пламенные письма, которые он слал нам в Лондон?

— Это он бунтует против госпожи Эсмонд, — сказал я.

— На него оказывает влияние кто-то из колонистов, — возможно, та самая дама, — предположила моя жена.

Кто была "та самая дама", Хел ни разу нам не сообщил и, более того, умолял меня никогда не намекать на этот деликатный предмет в моих письмах к нему, "так как матушка изъявляет желание читать их все до единого, а я до поры до времени не хочу ничего говорить — ты знаешь о чем", — писал он. Все письма Хела были проникнуты глубочайшей ко мне привязанностью. Когда ему стало известно (из упоминавшегося выше источника), что, находясь в самых стесненных обстоятельствах, я воспользовался лишь сотней фунтов из тетушкиного наследства, он уже готов был заложить только что приобретенное поместье и выдержал из-за этого немало стычек с нашей матушкой, высказав ей некоторые свои мнения с такой прямоотой, на какую я никогда бы не отважился. Бедняга даже не подозревал, что наша матушка, соблюдая его интересы, перестала оказывать мне поддержку, — истина открылась ему лишь в ту минуту, когда она в сердцах обрушилась на него с упреками, обвиняя его в неблагодарности (она, дескать, столько лет трудилась и экономила ради него), но к тому времени, когда он это узнал, купчая на поместье была уже подписана, а я, по счастью, уже избавился от нужды.

Каждый клочок бумаги, исписанный нами, матушка бережно хранила, сделав на нем пометку и перевязав их все вместе тесемочкой. Мы же с братом в юности обращались более небрежно с нашими письмами друг к другу, — особенно небрежен был я, привыкнув смотреть на эпистолярные упражнения моего брата сверху вниз, — однако жена моя не столь высокомерна и сохранила много писем, полученных от Гарри, а наряду с ними — и письма того ангела, которого нам предстояло вскоре назвать сестрой.

— Подумать только, на ком он мог бы жениться и на кого пал его выбор! О, как это несправедливо! — вскричала моя жена, когда мы получили то примечательное письмо, в котором Гарри впервые назвал нам имя своей обольстительницы.

— Когда я уезжал из дома, она была очень хорошенькой малюткой, а теперь, возможно, превратилась уже в настоящую красотку, — заметил я, прочитав самое длинное из всех посланий Гарри, посвященных его личным делам.

— Можно ли ее сравнить с моей Этти? — вопрошает миссис

Уорингтон.

— Моя дорогая, ведь мы уже согласились, что Гарри и Этти не были бы счастливы друг с другом, — говорю я.

Миссис Тео награждает своего супруга поцелуем.

— Мне бы хотелось, дорогой, чтобы они все же попытались, — говорит она со вздохом. — Я, видишь ли, боялась, как бы Этти... как бы она не начала им верховодить; мне кажется, она умнее его. Но из этого послания, по-моему, явствует, что эта молодая девица крепко прибрала бедного Гарри к рукам. — И она протягивает мне письмо.

"В моих предыдущих письмах я старался предупредить моего дорогого Джорджа о том, что некая молодая особа завоевала мое сердце, и оно отныне навсегда отдано ей, взамен чего я стал обладателем предмета несравненно более драгоценного, а именно — ее сердца. В то время, как я пишу эти строки, она находится здесь, возле меня, и если в письме моем не обнаружится грамматических ошибок, над которыми ты всегда посмеивался, то это лишь потому, что мой очаровательный орфографический словарь здесь у меня под рукой, а он не позволяет себе ошибаться даже в самых длинных-предлинных словах, как, впрочем, и ни в чем другом, ибо, на мой взгляд он, то есть она, — само совершенство.

Поскольку госпожа Эсмонд привыкла читать все твои письма, я просил тебя ни единым словом не касаться неких деликатных материй, но теперь они перестали быть секретом, и о них знает уже вся округа. Мистер Джордж — не единственный в нашей семье, кто тайно вступил в брак и заслужил гнев своей матушки. Как почтительный младший брат я последовал его примеру и могу теперь рассказать тебе, как это великое событие совершилось.

Вскоре после моего возвращения домой я понял, что нашел здесь свою судьбу. Я не стану описывать тебе, как похорошела мисс Фанни Маунтин за то время, что я пробыл в Европе. Она говорит, что ты будешь другого мнения, и я этому рад, ибо она для меня — та единственная драгоценность на свете, которую я не уступил бы даже моему дорогому брату.

Как ни странно, ни госпожа Эсмонд, ни моя вторая мать (сиречь миссис Маунтин) не замечали нашей взаимной склонности, и этот поразительный факт я могу объяснить только тем, что истинная любовь, по-видимому, делает окружающих слепыми. Моя любовь к Фанни еще возросла, когда я увидел, как обращалась с бедняжкой госпожа Эсмонд, которая держалась с нею крайне надменно и даже грубо, а моя прелесть сносила это с ангельской кротостью (это я все-таки скажу, хотя она и требует, чтобы я не писал такого вздора). В нашем доме с ней обращались

немногим лучше, чем со служанкой, — право же, наши негры и те гораздо больше могли себе позволять в разговоре с госпожой Эсмонд, чем моя Фанни.

И тем не менее она говорит, что нисколько не жалеет о том, что госпожа Эсмонд была с ней так сурова, ибо, не будь этого, я, быть может, не стал бы для нее тем, чем я теперь стал. Ах, мой дорогой брат! Когда я вспоминаю, как ты был добр ко мне, как в трудную для меня минуту уплатил все мои долги и спас меня из заключения, как ты терпел нужду, чего никогда бы не случилось, если бы не мое легкомыслие, как ты мог вернуть себе мой долг и не сделал этого, больше заботясь о моем благополучии, нежели о своем собственном, право же, когда я обо всем этом думаю, то просто теряюсь перед таким великодушием и не знаю даже, как благодарить небо за то, что оно послало мне такую жену и такого брата!

Когда я писал тебе, прося переслать мне деньги, полученные в наследство от тетушки, — в то время они действительно были мне настоятельно нужны, дабы не упустить подвернувшуюся весьма выгодную сделку, — у меня не было ни малейшего представления о том, что ты терпишь нужду. Мне и в голову не приходило, что ты, глава семьи, вынужден был стать гувернером сына какого-то пивовара! Что ты вынужден был зарабатывать себе на жизнь пером! Другое дело, когда тебя побуждал к этому твой талант! Я и не подозревал обо всем этом, пока не пришло письмо мистера Фокера, да и это письмо мне бы никогда не довелось прочесть, — ибо госпожа Эсмонд держала его в секрете, — не случись тут у нас с нею размолвки.

Когда стало известно, что имение бедняги Тома Диггла и его негры будут продаваться с торгов, — Том промотал свое состояние, играя в карты, да и отец его уже наделал долгов раньше сына, — госпожа Эсмонд увидела, что мне представляется возможность за шесть тысяч фунтов приобрести неплохую ферму и скот и стать таким образом вровень с другими младшими сыновьями нашей округи. Усадьба очень удобно расположена между Кентом и Ганновер-Корт-Хаусом, неподалеку от Ричмонда. Дом, конечно, не идет ни в какое сравнение с нашим Каслвудом, но земля превосходна, а негры — на диво здоровые.

Второго такого случая, может, больше никогда не представится, говорила мне госпожа Эсмонд. Ее сбережений и денег от продажи моего офицерского чина могло хватить на оплату половины стоимости имения; остальную сумму можно было получить под закладную, однако сделать это было бы нелегко, так как деньги тут у нас не особенно водятся и процент

был бы высок. В эту критическую минуту, когда наш новый родственник мистер Ван ден Босх боролся на торгах против нас (его агент прямо-таки взбесился оттого, что у него перебили эту сделку), наследство моей тетушки пришлось как нельзя более кстати. И вот я — владелец доброго дома и негров в своей родной стране и, несомненно, буду избран в нашу ассамблею и надеюсь вскорости увидеть моего дорогого брата с его семьей под моим собственным кровом. Теперь, когда война позади и не надо больше бить французов, куда приятнее сидеть у собственного очага или скакать на собственной лошади с собственными гончими, чем нести воинскую службу. Кстати сказать, госпожа Эсмонд, отдавая мне 1750 фунтов стерлингов из своих сбережений, поставила условием, чтобы я вышел в отставку и жил дома. Хватит того, что она уже потеряла одного сына, который предпочел писать пьесы и жить в Англии, пусть хоть другой останется дома, — говорит она.

Но после того, как купчая на имение была подписана и я получил на руки все бумаги, моя матушка пожелала, чтобы я женился на одной особе, на которой остановила свой выбор она, но отнюдь не я. Может быть, ты помнишь мисс Бетси Питто из Уильямсберга? После оспы она стала совсем рябой, что никак не послужило ей к украшению, и хотя госпожа Эсмонд утверждает, что эта девица преисполнена всяческих добродетелей, мне ее добродетели не нужны. Глаза у нее косят, одна нога короче другой, и... Ах, братец, когда мы с тобой были еще мальчишками, неужели ты не замечал, какие у мисс Фанни ножки? Стройнее я не видел даже в Опере.

И вот, когда было решено, что я не вернусь в армию, милая девушка (верно, ты догадываешься, как ее зовут), оставшись однажды со мной наедине, внезапно расплакалась от счастья, и я, разумеется, был бесконечно тронут проявлением такого участия к моей судьбе.

"Ах, сэр! — сказала она, — как могла я не ужасаться при мысли, что сын моей благодетельницы, столь глубоко мною почитаемой, должен идти на войну? Ах, мистер Генри, неужели вы думаете, что у меня нет сердца? Разве мы не молились за мистера Джорджа, когда он сражался в армии Брэддока? А когда вы ушли в поход с мистером Вулфом... О!"

И тут дорогая крошка прикрыла глаза платочком и постаралась скрыть слезы от своей маменьки, которая в эту минуту вошла в комнату. Но моя дорогая Маунтин утверждает, что никогда, ни единой секунды ничего такого у нее и в мыслях не было, хотя (теперь она уже может признаться) это было бы таким счастьем, о каком она могла бы только втайне мечтать да просить его у господ. Совершенно так же ничего не подозревала и моя матушка, считавшая, что Фанни сохнет по Сэму Линтоту, молодому

аптекарю из Ричмонда, нелепому, неуклюжему малому, которого я едва не швырнул в реку.

Но когда мой офицерский патент был уже продан и имение куплено, что, как ты думаешь, произошло с моей Фанни? Она загрустила. Как-то раз, зайдя в комнату к ее маменьке, где они обе были заняты шитьем, — нашивали кокарды на шапочки для моих негров, — я застал ее в слезах.

"Что случилось, почему вы плачете, мисс? — спрашиваю я. — Моя матушка вас побранила?"

"Нет, — отвечает дорогая крошка. — Сегодня госпожа Эсмонд была добра".

А у самой слезы так и капают на кокарду на шапочке Сейди, которого я хочу сделать у нас главным конюхом.

"Почему же в таком случае покраснели эти милые глазки?" — спрашиваю я.

"Потому что... потому что у меня зубы болят, — говорит она, — или потому что... потому что я просто дурочка! — И тут она начинает рыдать навзрыд. — Ах, мистер Генри! Ах, мистер Уорингтон! Вы же теперь покинете нас, как же иначе. Вы займете подобающее вам место и покинете нас, бедных женщин, прозябать в одиночестве и в подчинении у вашей матушки. Время от времени вы будете нас навещать. И в веселой компании своих приятелей счастливый, окруженный почетом, вы, может быть, вспомните иногда вашу..."

Больше она уже не может вымолвить ни слова и прикрывает глаза рукой, а я, признаться, хватаю другую ее руку.

"Дорогая, бесценная мисс Маунтин! — говорю я. — Могу ли я поверить, что предстоящая разлука со мной могла исторгнуть слезы из этих прелестных глазок! Право, если это так, то, мне кажется, я должен быть просто счастлив! Ну, поглядите же на вашего..."

"О, сэръ! — восклицает тут моя чаровница. — О, мистер Уорингтон! Посудите сами, сэръ, кто я и кто вы! Вспомните, какая пропасть разделяет нас! Оставьте мою руку, сэръ! Что сказала бы госпожа Эсмонд, если бы... если бы..."

Если бы — что, сказать не берусь, ибо в эту минуту наша матушка входит в комнату.

"Что сказала бы госпожа Эсмонд? — восклицает она. — Она сказала бы, что вы коварная, хитрая, неблагодарная маленькая..."

"Сударыня!" — прерываю ее я.

"Да, коварная, хитрая, неблагодарная, маленькая негодница! — восклицает матушка. — Стыдитесь, мисс! Что сказал бы мистер Линтот,

если бы увидел, как вы строите глазки капитану? А вас, мистер Гарри, я бы попросила забыть ваши солдатские повадки. Вы находитесь в христианской семье, сэр, и прошу вас запомнить, что в моем доме нет места для солдат и солдатских девок!"

"Солдатских девок! — восклицаю я. — Боже милостивый! И вы осмелились назвать так мисс Маунтин? Мисс Маунтин, невиннейшую из женщин!"

"Невиннейшую? Не обманывает ли меня слух?" — страшно побледнев, вопрошает матушка.

"И если бы усомниться в этом посмел мужчина, я бы выбросил его из окна", — заявляю я.

"Значит ли это, что вы — вы, мой сын, с самыми честными намерениями оказываете внимание этой молодой особе?"

"Да! И никогда мистер Гарри не позволил бы себе поступить иначе! восклицает моя Фанни. — И ни одна женщина на свете, кроме вас, сударыня, не могла бы заподозрить его в чем-то другом!"

"Ах, вот как! А я и не подозревала, — говорит матушка, делая изящный реверанс, — я и не подозревала, что вы оказываете такую честь нашей семье, мисс. Вы, как я понимаю, делаете нам одолжение, желая породниться с нами путем брака, не так ли? И следует ли мне сделать отсюда вывод, что капитан Уорингтон намерен предложить мне мисс Маунтин в невестки?"

"Вот и видно, что за меня некому заступиться, сударыня, иначе бы вы не позволили себе так оскорблять меня!" — говорит бедняжка.

"Думается мне, что помощник аптекаря вполне подходящий для вас заступник", — говорит матушка.

"А я так не думаю, матушка! — восклицаю я, ибо я был уже порядком рассержен. — И если Линтот позволит себе какую-нибудь вольность в обхождении с нею, я раскрою ему череп его же собственной ступкой".

"О, если Линтот уже пошел на попятный, я умолкаю, сэр! Я не знала, что обстоятельства изменились. Он являлся сюда и, как я понимаю, ухаживал за мисс, и я даже поощряла это, поскольку мы все считали, что они вполне подходящая пара!"

"Он приходил, потому что у меня болели зубы!" — заявляет моя дорогая Фанни (и в самом деле, один зуб у нее был в ужасном состоянии, и он его выдернул — вот и все, но чего только не выдумают женщины, на какую только клевету они не способны!).

"И почему бы ему не жениться на дочери моей экономки, это был бы вполне подходящий брак, — говорит госпожа Эсмонд, беря понюшку

табака. — Но, признаюсь, — продолжает она, — я никак не ожидала, что вы променяете аптекаря на моего сына!"

"Успокойтесь, бога ради, успокойтесь, мистер Уорингтон!" — восклицает мой ангел.

"Сделайте милость, сэра, пока вы не приняли окончательного решения, соблаговолите поглядеть на мою остальную челядь, — говорит госпожа Эсмонд. Ну, хотя бы на Дину — она рослая, хорошо сложена и не слишком черная. Или на Клеопатру. Я, правда, обещала ее Аяксу, кузнецу, но в конце концов эту помолвку можно расторгнуть. Если расторгли с аптекарем, чего ж стесняться с кузнецом? А у Марты муж и вовсе сбежал, так что..."

Тут уж, дорогой братец, я, прямо скажу, не выдержал и пустил в ход крепкие словечки. Ничего не мог с собой поделать. Но, знаешь, другой раз, когда сильно разозлишься, так это здорово помогает. Богом клянусь, мне кажется, я бы просто спятил, если бы не отвел таким образом душу.

"Богохульство, сквернословие, непослушание, неблагодарность! произносит наша матушка, опираясь на свою палку с черепаховым набалдашником, и, подняв ее, потрясает ею в воздухе, прямо как королева в какой-то пьесе. Вот как мне отплатили за все! — говорит она. — Всемогущий боже, что я такое совершила, чем заслужила такую страшную кару? Или ты хочешь воздать мне за грехи отцов? От кого могли мои дети унаследовать такое непокорство? Проявляла ли я когда-нибудь подобное непокорство в молодости? Когда мой папенька предложил мне выйти замуж, разве я воспротивилась? Могла ли я хоть помыслить о неповиновении? О нет, сэра! Моя вина лишь в том, и я признаю это, что на вас изливалась всегда моя любовь, быть может, в какой-то мере в ущерб вашему старшему брату. (И в самом деле, брат, была в ее словах доля правды.) Я отвернулась от Исава и прилепилась к Иакову, и вот теперь пришло возмездие, пришло возмездие! Помыслы мои были устремлены на мирские дела и на земные почести. Я мечтала, что мой сын займет высокое положение в свете. Я трудилась не покладая рук, я скаредничала, стремясь скопить для него богатство. Я несправедливо обделила своего старшего сына в пользу младшего. И вот, о боже, суждено мне было дожить до этого дня, чтобы узреть, как он соблазняет дочь моей экономки в моем собственном доме и отвечает на мой справедливый гнев бранью и богохульством!"

"Я никого не пытался здесь соблазнять, сударыня! — вскричал я. — За то, что я позволил себе браниться и сквернословить, прошу меня простить; только вы ведь и святого можете вывести из себя. Я не позволю, чтобы эту молодую особу подвергали оскорблениям, — не позволю ни единому

человеку на земле, даже моей родной матери! Нет, моя дорогая мисс Маунтин! Если госпоже Эсмонд угодно говорить, что мои намерения по отношению к вам бесчестны, пусть она теперь же убедится в обратном! — И с этими словами я опускаюсь на колени и хватаю руку моей обожаемой Фанни. — Если вы согласны принять это сердце и эту руку, мисс, — говорю я, — они — ваши навсегда".

"Я знаю, сэр, — говорит Фанни, с большим достоинством делая реверанс, что вы-то, во всяком случае, ни разу не позволили себе ни одного неуважительного слова, никогда и ничем не задели моей чести. И я уверена, что одна только госпожа Эсмонд на всем свете может быть такого низкого мнения обо мне. После того, что вы, сударыня, изволили сказать, я, разумеется, не могу больше оставаться в вашем доме!"

"Разумеется, сударыня, это никак не входит и в мои намерения, и чем скорее вы покинете этот дом, тем лучше", — восклицает матушка.

"Если вам указали на дверь в доме моей матери, то мой к вашим услугам, мисс, — говорю я и отвешиваю ей низкий поклон. — Дом уже почти готов. Если вы согласны принять его от меня и остаться в нем навсегда, — он ваш! И раз слова госпожи Эсмонд задевают вашу честь, позвольте хотя бы мне загладить обиду, насколько это в моих силах!" Не могу с точностью припомнить, что именно я тогда еще сказал, ибо, как ты понимаешь, я был весьма разгорячен и взволнован. Но тут появилась Маунтин, и моя бесценная Фанни бросилась в материнские объятия и разрыдалась на ее плече, а госпожа Эсмонд, опустившись на стул, взирала на эту сцену бледная и безмолвная, как каменное изваяние. Пока я объяснял Маунтин, что тут между нами произошло (она, бедняжка, не имела ни малейшего представления о том, что мы с мисс Фанни питаем друг к другу нежные чувства), матушка, я слышал, еще раза три повторила: "Господь покарал меня за мой грех!"

Какой такой грех имела в виду матушка, я сперва даже и не понял, да и, по правде-то говоря, не больно обращал внимание на ее слова, — ведь ты знаешь ее обычай в гневе говорить высоким слогом. Но Маунтин все мне объяснила потом, когда мы поговорили с ней по душам на постоялом дворе, куда обе дамы тотчас перебрались со всеми своими пожитками. И ведь не только они не пожелали оставаться в доме моей матушки после тех ее оскорбительных слов, но и сама госпожа Эсмонд также решила покинуть это жилище. Она созвала слуг и объявила им о своем намерении безотлагательно переселиться в Каслвуд, и, признаться тебе, у меня пребольно защемило сердце, когда я вместе с мисс Фанни глянул из окна постоянного двора сквозь щелку ставня и увидел, как проехала мимо наша

карета, запряженная шестеркой, и все наши слуги верхом кто на лошадях, кто на мулах.

После слов, сказанных госпожой Эсмонд этому чистому ангелу, бедняжка и ее мать никак не могли больше оставаться в нашем доме, и Маунтин заявила, что возвращается к своим родственникам в Англию, и даже отправилась договориться о каюте с капитаном судна, стоявшею на якоре на реке Джеймс и уже готового к отплытию, что, несомненно, показывает, как твердо решила она покинуть Америку и как мало помышляла о том, чтобы поженить нас с моим ангелом. Но, по милости божьей, каюта оказалась уже зафрахтованной каким-то джентльменом из Северной Каролины и его семьей, а до отхода следующего судна (которое доставит это письмо моему дорогому Джорджу) они согласились пожить у меня. Почти все дамы из соседних поместий нанесли им визит. Я надеюсь, что, когда мы поженимся, госпожа Эсмонд примирится с этим и простит нас. Отец моей Фанни был английским офицером, так что он ничем не хуже нашего папеньки. Когда-нибудь мы, бог даст, приедем погостить в Европу и посетим те места, где я провел самые бурные дни моей молодости и совершил немало безрассудств, от расплаты за кои был спасен моим дорогим братом.

Маунтин и Фанни просят засвидетельствовать тебе и моей сестрице свое почтение и любовь. Мы слышали, что его превосходительство генерал Ламберт пользуется большой любовью на Ямайке, и я собираюсь написать туда нашим дорогим друзьям и сообщить им о счастливой перемене в моей жизни. А мой дорогой брат, без сомнения, разделит эту радость с любящим его и вечно ему преданным

Г. Э.-У.

P. S. Пока Маунтин не рассказала мне всего, я и представления не имел, что госпожа Эсмонд прекратила посылать тебе на содержание, да к тому же еще заставила тебя заплатить невесть сколько — Маунтин говорит, почитай что тыщу фунтов, — за товары и всякое там прочее, что было потребно для наших виргинских поместий. А тут еще подоспело выкупать меня из-под ареста, за каковые издержки я перед тобой в ниоплатном долгу, в чем и расписываюсь от всего сердца. Дорогой братец, прошу тебя, бери, сколько тебе нужно, с моего щета, через моих уполномоченных господ Хори и Сендон в Уильямсберге, кои с настоящей аказией посылают чек на двести двадцать пять фунтов своему лондонскому агенту для уплаты по первому требованию. Прошу тебя только в ответном письме не подтверждай получение чека — никогда не следует абременять женщин денежными ращетами. А пять фунтов истрать на шляпку или что она пожелает для

моей дорогой сестрицы и на игрушку для моего племянника от дяди Хела".

Ознакомившись с этим посланием, мы пришли к выводу, что стиль и правописание бедного Гарри подверглись строгому контролю со стороны дам, но приписка была добавлена без их ведома, и тут мы, не скрою, сошлись еще и на том, что наш виргинский помещик находится у женщин под каблуком, подобно Геркулесу, Самсону и *fortes multi* {Множеству других (лат.).} до него.

Глава LXXXV

Inveni portum {У тихой пристани (лат.).}

Едва ли матушка моя была очень обрадована, узнав о моем поступлении в Англии на должность, и, возможно, она перестала высылать мне мое содержание с тайной надеждой взять меня измором и заставить вернуться с семьей в Виргинию и в полную от нее зависимость. Никогда до самой ее смерти мы не вступали в объяснение по поводу наших с ней денежных взаимоотношений. Она перестала посылать мне деньги. Я ответил на это молчанием и сумел прожить без ее помощи. Если не считать письма Гарри, то я никогда не слышал о том, чтобы она призналась в совершенной по отношению ко мне несправедливости или пожалела о ней. Быть" может, впоследствии, когда мы снова встретились, госпожа Эсмонд на редкость мягким со мной обращением и необычайным уважением и лаской, коими она удостаивала мою жену, давала мне понять, что признается в своей неправоте? Но, так или иначе, она ни разу не принесла мне своих извинений, а я их и не требовал. Гарри был обеспечен (чему я был только рад), а все сбережения моей матушки отходили ко мне как к ее наследнику, и все ее хозяйственные усовершенствования были прибыточными для меня. Когда-то несколько гиней могли оказаться для меня большей поддержкой, чем сотни фунтов теперь, когда я уже не так в них нуждаюсь, но наша встреча с госпожой Эсмонд произошла в то время, когда годы лишений остались для меня далеко позади; мне уже не приходилось скаречничать, и бояться лишней раз пригласить доктора, потому что ему придется платить; теперь я уже имел достаток, и моя матушка могла его лишь умножить. Не сомневаюсь, что она сама страдала в глубине души оттого, что не предложила куска хлеба моим голодным детям и чужие люди пришли им на помощь в нужде, в то время как гордость побудила ее отвратить от них свое сердце. Гордость? Кто же из нас был более горд — она или я? Беззлбное, от чистого сердца сказанное слово могло привести нас к примирению на много лет раньше, но я не произнес этого слова, не произнесла его и она.

Если я поступаю неправильно и впоследствии понимаю это, то всегда с готовностью приношу извинения, — но ведь этим я лишь тешу свое чувство самоуважения и как бы прошу прощения у самого себя за то, что оказался самого себя недостойным. По этой-то, как мне кажется, причине — то есть из чувства уважения к собственному "я", — едва ли мог бы я

когда-либо унизиться до подлости. Как должны чувствовать себя те, чья жизнь (а ведь это случается нередко) исполнена лжи, козней, коварства? О чем говорят они сами с собой, оставаясь наедине? Изю дня в день я наблюдаю людей, чьи улыбки всегда лицемерны, и в каждом прищуре глаз, в каждом движении бровей — притворство. Носят ли они эту маску и перед собой, и перед своей совестью? Когда я прощаю кому-нибудь обиду, боюсь, что мною руководит не дух христианского всепрощения: просто я могу себе позволить не засчитывать долга, если требовать его уплаты кажется мне унижительным. Я знавал две-три чистые души (и, быть может, даже сам пробовал искушать их), которым прощение давалось без всякого труда, оно было для них столь же естественным, как тяга цветка к солнцу. Я же, повторяю, могу отпускать долги, но не прощать. Я спрашиваю себя: мы, гордые люди, не гордимся ли мы тем, что горды?

Итак, я ни в малейшей степени не выказал покорности моей далекой виргинской родительнице, и многие годы мы продолжали жить в полном отчуждении, если не считать коротких весточек, которые от случая к случаю посылала в Виргинию моя жена (как, например, о рождении у нас ребенка и о тому подобных событиях). После волнений, вспыхнувших в Америке из-за закона о гербовом сборе, меня в Лондоне также постигли неприятности. Хотя в этом споре я и продолжал оставаться на стороне тори (то есть на стороне побежденных, как всегда и везде во всех спорах), не испытывая ни малейшего сомнения в том, что правительство метрополии, безусловно, обладает правом облагать налогом свои колонии, однако в это же самое время я позволил себе обнародовать весьма дерзкое письмо к одному из членов виргинской ассамблеи, в коем в крайне несдержанной форме высказывался по поводу привычно-бесцеремонного поведения нашей метрополии по отношению к колониям и столь неуважительно отзывался о властях предержавших, что тут же был лишен своего места уполномоченного по извозу, к ужасу и негодованию моего дядюшки, никогда не жаловавшего людей, попавших в немилость. Он чрезвычайно привязался к моей жене и нашему сынишке, ко мне же относился с этаким презрительным сочувствием, которое меня очень забавляло. Бедность вызывала в нем инстинктивное отвращение и неприязнь, а успех и богатство соответственно теплые чувства. Любое мнение, идущее вразрез с общепринятым, возмущало его и пугало; всякое правдивое, откровенное слово заставляло бледнеть. И все же по натуре он, видимо, не вовсе был лишен добросердечия и родственной любви, ибо, невзирая на ужасные разочарования, которые я так часто ему приносил, он продолжал посещать Тео и нашего малютку (а заодно, всякий раз принимая уныло-похоронный

вид, и меня); раненный в самое сердце необузданностью моего языка, он все же удостаивал меня иногда беседы — не то что во время нашей первой ссоры; я был в его глазах несчастным, безнадежно погибшим созданием, спасти которое уже не в силах человеческих. Однако я не падал духом и продолжал изыскивать новые средства к существованию, тем более что деньги, полученные мною в эту трудную минуту от Гарри в уплату его долга, давали возможность продержаться еще несколько месяцев, а быть может, и лет. О, поразительная беспечность молодости! — нередко повторяю я себе. Откуда берется у нас эта отвага перед бедностью и уменье не вешать нос?

В это самое время дядя его величества герцог Камберлендский умер от апоплексического удара, и, как ни удивительно, смерть его круто изменила мою судьбу. Сэр Майлз Уорингтон никогда не пропускал придворных церемоний, на которых он мог присутствовать. Он неизменно бывал на всех дворцовых приемах, балах, крестинах и похоронах. Стоило какому-нибудь принцу или принцессе занедужить, и его карета уже стояла у их подъезда, будь то Лестер-Филдс, Карлтон-Хаус или Ганнерсбери — для него было все едино, куда бы ни мчаться, и как же мог он теперь не поехать на похороны тучного герцога? И там, на этих похоронах, стоя с непокрытой головой под дождем, он схватил жестокую простуду и воспаление горла, и как-то утром, не успела еще весть о его болезни долететь до меня, как в моей квартире в Блумсбери появляется стряпчий и почтительно именует меня "сэр Джордж Уорингтон".

Нужда и страх перед будущим были теперь позади. Мы похоронили бедного дядюшку рядом с его сынишкой на семейном кладбище, где уже покоятся вечным сном их многочисленные предки. Мой малыш Майлз и я первыми шли за гробом. А подобострастные арендаторы отвешивали низкие поклоны и реверансы, всячески стараясь заручиться моим расположением. Вдова и дочь без промедления отбыли в Бат, а я с моим семейством переселился в дом, хозяином которого и пребываю с тех пор уже тридцать лет. Не торопи же время, о мой сын! Потерпи немножко, и я тоже усну вон там, под тисами, и арендаторы будут ломать шапки перед сэром Майлзом.

Рассказ о сельской жизни зажиточного помещика короток и несложен. Из отчета управляющего имением явствует, сколько было собрано арендной платы и сколько дано отсрочек, какой был севооборот и каков урожай. А о том, кто нас посещал и подолгу ли гостил, и сколько подопечных было у моей жены, и как к ним посылали докторов и облегчали их недуги, и от чего они умирали, и в каком году я был избран

шерифом, и как часто съезжались в наши владения охотники со своими сворами гончих — все это изложено в нашем домашнем журнале, с которым может ознакомиться любой из моих наследников, если захочет взять на себя этот труд. Содержать большой особняк на Хилл-стрит, как делал это мой предшественник, было нам не по карману, и мы поселились в доме поменьше, в котором, как ни странно, денег уходило еще больше. Мы отнюдь не стремились к той пышности (по части выездов, ливрей и столового серебра), которой так прославился мой дядюшка, но пиво наше было крепче, а благотворительность моей жены была, по-видимому, более разорительной, чем благотворительность вдовствующей леди Уорингтон. Миледи, должно быть, не видела греха в том, чтобы пожить за счет филистимлян, ибо заставила нас платить совершенно несуразные деньги за то добро, которое досталось нам после ее отъезда из имения, я же с несокрушимым добродушием подчинился этому грабежу среди белого дня. Уму непостижимо, какую ценность представляли в ее глазах оставленные в теплице растения! Какую цену заломила она за ужасный старый спинет, брошенный ею в гостиной! А вышитые шерстью и вставленные в рамы портреты — творения прелестницы Флоры или искусницы Доры! Принадлежи эти шедевры кисти Тициана или Ван-Дейка, и то ее милость едва ли смогла бы назначить за них более высокую цену. И все же, хоть мы и расплачивались за все столь щедро и, скажу не хвастаясь, были куда добрее к беднякам, нежели она, на первых порах о нас шла весьма дурная слава в нашем графстве, где обо мне уже давно распространялись самые разнообразные нелестные слухи. Я полагал, что, унаследовав имение дядюшки, смогу занять и его место в парламенте, однако мне пришлось убедиться, что меня считают человеком весьма опасных мыслей. Я не намерен был никого подкупать. Я не намерен был заискивать перед своими арендаторами, чтобы заполучить их голоса на выборах шестьдесят восьмого года. И как только из Уайт-Холла прибыл к нам некий джентльмен с туго набитым кошельком, я сразу понял, что мне бесполезно с ним тягаться.

Воп Dieu! {О, боже! (франц.)} Теперь, когда мы больше уже не стеснены в средствах, когда покорные нам арендаторы кланяются и приседают, встречая нас по дороге в церковь, когда, отправляясь в соседний город или в соседнее имение навестить друзей, мы запрягаем в большую фамильную карету четверку откормленных лошадей, разве теперь не вспоминаем мы, нередко с сожалением, о днях нашей бедности и о славном маленьком домике в Ламбете, где нужда вечно стояла у нашего порога? Разве не тянет меня порой снова пойти в гувернеры и разве не готов я

поклониться, что делать переводы с иностранных языков для книготорговцев не такой уж тяжкий труд? Иной раз, приезжая в Лондон, мы совершали сентиментальные паломничества по всем нашим прежним жалким пристанищам. Смею утверждать, что моя жена перецеловала всех своих бывших домохозяек. И можете не сомневаться, что мы пригласили всех наших старых друзей насладиться комфортом нашего нового дома. Преподобный мистер Хэган с женой были нашими постоянными гостями. Его появление на кафедре проповедника в Б. (на наш взгляд, он произнес там отменную проповедь) вызвало чудовищный скандал. Наведывался к нам и Сэмпсон — еще один незадачливый левит, и мы принимали его с радостью. Мистер Джонсон тоже обещался посетить нас, но все откладывал. Боюсь, что наш дом был для него скучен. Я ведь сам знаю, что мне случается погружаться в молчание на несколько дней, и боюсь, что мой угрюмый нрав нередко является немалым испытанием для кротчайшего из всех земных существ, разделяющего со мной мою судьбу. Охота не доставляет мне удовольствия. Сегодня подстрелить куропатку, завтра подстрелить куропатку все это так однообразно, что я просто диву даюсь, как это люди тратят день за днем на убиение всякой живности. Они могут говорить о травле лисиц с четырех часов дня, как только уберут со стола после обеда, и до тех пор, пока его не накроют для ужина. Я сижу, слушаю и молчу. И неизменно засыпаю. Не удивительно, что я не пользуюсь популярностью в нашем кругу.

Что значат эти признания, которые я здесь делаю? Буря миновала, подводные рифы остались позади, корабль стал на якорь в гавани, а капитан не проявляет чрезмерной радости? Может быть, Сьюзен, о которой Уильям вздыхал на протяжении всего плавания, не обладает той совершенной красотой, какая рисовалась его взору? Ну, прежде всего, и сама Сьюзен, и все семейство могут в любую минуту заглянуть в наш судовой журнал, а посему я и не подумаю, сударыня, доверять ему мои секреты. О нет, Сьюзен, у меня никогда не было секретов от тебя. Я никогда не помышлял ни об одной женщине, кроме тебя. Я видел женщин красивее, но ни одна из них не пришлась мне так по сердцу, как ты. Я видел миссис Картер, и мисс Мулсо, и миссис Трейл и мадам Кауфманн, и ангелоподобных сестер Ганнинг, и ее светлость герцогиню Девонширскую, и еще сонмы других красавиц, отнюдь не ангельского склада, и не был ими пленен. Нет, дети мои, быть может, жизнь вашей матери со мной была нелегкой по моей вине, быть может, я был ревнив, как Синяя Борода, но я не прятал трупов в чулане. В одном только я должен признаться: когда первые восторги от обладания королевством миновали, моя корона скоро

начала меня тяготить. Конечно, его августейшее высочество капитан, получив корону, будет вести себя совсем иначе.

Он будет охотиться пять дней в неделю и найдет это занятие весьма увлекательным. Прослушав в церкви одну и ту же проповедь пятьдесят раз кряду, он, вероятно, будет зевать не больше, чем зеваю я, услышав ее впервые. Но, моя любимая Бавкида, моя прекрасная Джоан! Твоему Дарби, твоему верному и неизменно любящему тебя супругу очень стыдно, что так часто он бывает невесел. И твой Филимон, достигнув счастья, о котором мечтал, просит прощенья за то, что так часто позволяет себе вздремнуть после обеда. В моей жизни наступил период, когда я, пребывая на вершине блаженства, обнаружил, что меня уже не радует открывшаяся передо мной картина; попав в Эдем, я зевал и спрашивал себя: "И это все? А где же львы, чьих зубов я должен опасаться? Где же дождь, под которым я должен мокнуть? Где шипы на этом розовом кусте, возле которого я уселся? И вместо всего этого — только Ева, всегда нежная, всегда кроткая? И плоды фиговой пальмы — на завтрак, на обед и на ужин все семь дней недели? Хотите выслушать мою исповедь? Тогда внимайте! Быть может, я сумею рассказать все, без утайки.

В этом месте из рукописи сэра Джорджа Уорингтона вырвано три страницы, о чем издатель искренне сожалеет.

Мне известны и учение и обряды католической церкви. Сам же я воспитан в другом вероисповедании, но, относясь к нему с известной долей еретического скептицизма, не могу не распространять своих сомнений и на другие формы религии и потому спрашиваю себя: католики, приходя на исповедь, исповедуются ли во всем? Разве мы, протестанты, так поступаем? И так ли уж отличны от нас эти наши братья во Христе? Во всяком случае, мы не привыкли считать католических священников и просто католиков более правдивыми и чистосердечными, чем мы. И тут я снова задаю себе все тот же вопрос: признается ли кто-нибудь когда-нибудь во всем? Вот она, бесценная моя голубка, та, что тридцать лет была моей верной спутницей, знает ли она всю мою жизнь? Разве не она всегда находила в своем нежном сердце самые добрые слова утешения, когда я изливался ей в своих печалях; разве не она терпеливо ждала, если я был задумчив, и молчалива, если я молчал, или с чисто женским очаровательным лицемерием улыбалась и принимала беззаботный вид, стараясь, чтобы я не подумал, будто ее что-то тревожит и она станет допытываться о том, что ее повелителю, по-видимому, угодно сохранить в тайне. О, моя дорогая лицемерка! Разве я не замечал, как сама она скрывала чьи-то мальчишеские проказы от гневного взора папеньки? Разве я не

видел, как плутовала она в хозяйственных счетах, чтобы оплатить какие-нибудь прихоти наших деток? А какой невинный вид умела она хранить в разговоре со мной так, словно бы и не подозревала, что наш капитан прибегает к услугам джентльменов с Дьюк-стрит, а у нашего студента были в конце семестра основательные причины для того, чтобы запираться покрепче свою дверь от университетских торговцев! Да что там! С самого первого дня ты, мудрая женщина, всегда старалась что-нибудь от меня скрыть: этот стащил варенье из буфета; тот проштрафился в школе; эта негодница до того разбушевалась, что запустила (скорее, дети мои, прикройте чем-нибудь голову) чернильницей в маменьку, ну а мне, разумеется, было сказано, что и платье и ковер пострадали по чистой случайности. Все мы что-то утаиваем друг от друга. У всех у нас свои секреты. Все мы одиноки. Мы сами грешим, сами (надеюсь) и каемся. Эта добрая женщина даст отрезать себе ногу, чтобы излечить меня от приступа подагры, но ведь если у меня приступ, о нем знает только мой башмак, а не ее туфелька. Когда пьеса или роман подходят к концу, герой и героиня сочетаются браком или умирают, и сочинитель, прокричав "ура" молодоженам, пока карета не завернет за угол, или проводив катафалк и бросив горсть земли в могилу, может больше не заботиться о судьбе своих персонажей. Но когда мистер Рэндом и мистер Томас Джонс обзаводятся женами, значит ли это, что тут можно поставить точку? Значит ли это, что не бывает домашних ссор? И кто поручится, что нет где-нибудь леди Белла стон? И что никому не придется бегать от долгов? И что никто не поддастся соблазну? Сирены пели Улиссу, когда он уже давно был женат, а женихи осаждали Пенелопу, и обоим им предстояло еще пережить не один день, полный тревог и тягостных сомнений, так же как и всем нам. Денежные заботы спали с моих плеч, после того, как я получил наследство. Но разве *Atra Cura* {Черная забота (лат.).} не сидит в седле за спиной у баронетов, так же как у любых *equites*? {Всадников (лат.).} Мои лондонские друзья поздравляли меня с удачей. Кому не понравится стать хозяином хорошего дома и хорошего поместья? Но может ли Гамбо захлопнуть дверь перед носом у зеленого змия или утопить его раз и навсегда в море красного кларета? Крепче ли спится тому, кто располагает для сна всеми двадцатью четырьмя часами в сутки? Просветляется ли его мозг после проповеди старого тупого священника, или после десятиминутной лстивой болтовни и зубоскальства сельского аптекаря, или после беседы с сэром Джоном и сэром Томасом, отмахавшими вместе с супругами десять слякотных миль при луне, дабы полакомиться окороком и поиграть в карты? Хорошо, конечно, когда торговцы провожают вашу карету поклонами, и все

расступаются перед вами на судебной сессии, и вашу супругу ведут под руку к столу второй или самое большее третьей, — однако все эти удовольствия мало-помалу приедаются, более того имеют и свои неудобства. Когда мы обосновались в этом уголке графства, в нашем уорингтонском поместье, самыми, как говорится, почитаемыми соседями нашими на протяжении семи лет были милорд Татбери и сэр Джон Мэдбрук. Наш род древнее рода Мэдбруков, в соответствии с чем во время совместных обедов на мою долю всегда доставалась леди Татбери, которая была глуха и засыпала после обеда, когда же порой судьба подсовывала мне леди Мэдбрук, то эта дама так настойчиво и неутомимо трещала языком и несла такую чушь, что даже моя супруга (а ее милость — все же законченная лицемерка) с трудом сохраняла свое благодушие, зная, какая во мне клокочет ярость.

И вот я отправляюсь в Лондон. Я показываю язык доктору Хэбердену. Я перечисляю ему свои жалобы.

— Чепуха, мой дорогой сэр Джордж, — говорит этот бесчувственный эскулап. — Головные боли, апатия, скверный сон, скверный характер... ("Отнюдь нет, у сэра Джорджа самый легкий и приятный характер на свете, он только бывает временами немного задумчив!" — перебивает моя супруга.) Скверный сон, скверный характер, — неумолимо гнет свое доктор, — поверьте, сударыня, его губит полученное им наследство. Немножко материальных лишений и побольше полезных занятий пошло бы ему куда как на пользу.

Нет, сквайром должен был бы стать мой братец Гарри — с тем чтобы титул и все наследственные права перешли к моему сыну Майлзу, разумеется. Письма Гарри были веселы и бодры. Его имение процветало, его негры плодились и размножались, урожаи у него были отменные, он был членом нашей ассамблеи, обожал свою жену, и, имея он детей, его счастье было бы полным. Будь не я, а Хел хозяином уорингтонского поместья, он стал бы самым любимым и популярным лицом в графстве; он был бы распорядителем на всех скачках, самым большим весельчаком в любой охотничьей компании, *bienvenu* {Желанным гостем (франц.).} в поместьях всей округи, где при виде моей угрюмой физиономии не очень-то спешили оказывать радушный прием. Ну, а супругу мою, разумеется, любили все и все единодушно жалели. Не знаю уж, откуда пошла эта молва, но только всем было достоверно известно, что я неимоверно жесток в обращении с нею и ревнив, как Синяя Борода. О, господи! Не отрицаю, у меня часто бывает дурное настроение, я подолгу замыкаюсь в молчании, речи дураков и молокососов вызывают во мне раздражение и злобу, и когда

я кого-нибудь презираю, то не всегда умею это скрыть, или, скажем прямо, и не пытаюсь. Но мне кажется, что с годами я становлюсь более терпимым. Если мне не доставляет удовольствие, улюлюкая, скакать во весь опор за лисицей, это еще не дает мне права чувствовать свое превосходство над неким капитаном, напротив, в этом смысле я должен смиренно признать его превосходство над собой. Мало того, у него есть интересы, мне недоступные; радости и утехи, в которых мне отказано. Если я слеп, это еще не значит, что весь мир погружен во тьму. Теперь я стараюсь слушать со вниманием, когда сквайр Коджерс повествует о своих повседневных делах. Я прилагаю все усилия, чтобы улыбнуться, когда капитан Ратлтон отпускает свои казарменные шуточки. Я провожаю к клавесину почтенную мисс Хэмби (нашу соседку из Биклса) и слушаю, как она щебечет такие же древние, как она сама, песенки. Я прилежно играю в вист. Кто скажет, что я не исполняю свои житейские обязанности? И если я все утро читал Монтеня, разве это не дает мне права быть немножко эгоистичным и брюзгливым?

Зная, под чьим влиянием постоянно находится мой брат, я несколько не был удивлен, обнаружив его имя в числе тех представителей виргинской ассамблеи, которые заявили, что только нашему парламенту по закону и по конституции всегда принадлежало и принадлежит право облагать податями население колоний, и призывали другие колонии просить августейшего вмешательства для восстановления поправленных прав Америки. Вот тогда-то, спустя три года после того, как мы обосновались в нашем новом доме в Англии, — и завязалась моя переписка с госпожой Эсмонд. Наши отношения были восстановлены стараниями моей супруги (сумевшей, как все женщины, найти для этого какой-то предлог). Мистера Майлза в это самое время угораздило заболеть оспой, от которой он чудесным образом исцелился без всякого ущерба для своей наружности, и после его выздоровления маменька пишет бабушке этого удачливого ребенка небольшое очаровательно-льстивое письмецо. Она задабривает ее изъявлениями своего глубочайшего к ней уважения и смиренными пожеланиями ей всяческих благ. Она рассказывает забавные истории об этом не по летам умном мальчике (хотелось бы мне знать, что случилось позднее, отчего мозги этого бравого молодого офицера перестали расти?). И, надо полагать, посылает бабушке прядь волос с головы ее драгоценного внука, ибо в своем ответном послании госпожа Эсмонд подтверждает получение чего-то в этом роде. Я только дивлюсь тому, как эта прядь, будучи послана из Англии, могла проскользнуть через нашу таможню в Уильямсберге? В ответ на эти контрабандные преподношения,

символизирующие миролюбие и смирение, госпожа Эсмонд соизволила прислать довольно милостивое письмо. Она яростно обрушивалась на опасный дух непокорства, получивший распространение в колониях, жаловалась, что ее несчастный сын якшается с людьми, которых, к ее глубокому сожалению, иначе как предателями и бунтовщиками не назовешь; но, зная, кто его друзья и советчики, она понимает, что удивляться нечему. Можно ли ждать, чтобы жена, находившаяся ранее на положении почти что служанки, стала на сторону людей высокопоставленных и знатных, близко принимающих к сердцу интересы и честь Короны? Если для монархии наступают черные дни (ибо народ в Америке, по-видимому, не склонен платить налоги и требует, чтобы все делалось для него бесплатно), она должна помнить, что все Эсмонды, — а маркиз, ее отец, особенно, — были верны своему монарху в тяжелую годину. Ей неизвестно, какие мнения преобладают сейчас в Англии (хотя по речам новоявленного лорда Чатема можно кое о чем догадаться), но она молит бога, чтобы хоть один из ее сыновей не оказался на стороне мятежников.

Много лет спустя, просматривая в Виргинии наш семейный архив, мы наткнулись на аккуратно перевязанную ленточкой пачку писем с надписью: "Письма моей дочери леди Уорингтон". Леди Тео потребовала, чтобы я к ним не прикасался, — потому, думается мне, что содержащиеся в них неумеренные похвалы по моему адресу могли вредно воздействовать на мое тщеславие.

Начав поддерживать с нами переписку, госпожа Эсмонд в нескольких словах обрисовала нам жизнь Гарри после его женитьбы. "Эти две женщины, — писала она, — по-прежнему командуют моим бедным мальчиком у него в Фаннистауне (так он почел нужным назвать свою усадьбу). Они порядочные скопидомки, если судить по тому, сколь убогие, по слухам, устраивают приемы.

Известный вам господин из Маунт-Вернона по-прежнему остается закадычным другом Гарри, и в ассамблее Гарри действует по указке своего советчика. Почему он должен так скаречничать, мне совершенно невдомек: рассказывают, что из пяти негров, сопровождавших его экипаж, когда он был с визитом у милорда Боттеттура, только двое были обуты. Имея двух сыновей, о благосостоянии коих мне надлежит печься, я, естественно, должна соблюдать экономию, у него же детей нет, что спасает его от многих печалей и огорчений, хотя, без сомнения, господь в неизреченной мудрости своей желает нам только добра, ниспосылая нам тяжкие испытания через наших детей". "Его теща, — писала она в другом письме,

— занемогла. Мой бедный Гарри с первого дня своей женитьбы был пешкой в руках этих хитрых женщин, и они вертят им, как хотят. А что, спрашиваю я вас, моя дорогая дочь, может быть более противно здравому смыслу и Священному писанию? Разве не сказано: жена да покорствуется мужу своему? Будь мистер Уорингтон жив, я бы положила все силы на то, чтобы следовать священному наставлению, зная, что ничто так не красит женщину, как смирение и послушание".

А затем мы получили запечатанное черным сургучом письмо, извещавшее нас о смерти доброй Маунтин, к которой я был (Искренне привязан, и утрату которой оплакивал от всего сердца, памятуя, как нежно любила она нас, когда мы были детьми. Гарри тоже сильно горевал на свой бурный лад, письмо его было прямо-таки закапано слезами. А госпожа Эсмонд, касаясь этого события, писала так: "Моя бывшая экономка миссис Маунтин, узнав, что ее болезнь неизлечима, прислала за мной, прося навестить ее на ложе смерти и желая, без сомнения, вымолить у меня прощение за свое вероломство. Я отвечала ей, что как христианка готова ее простить и от всего сердца надеюсь (хотя, признаться, испытывала большое сомнение), что она должным образом прониклась сознанием преступности своего поведения по отношению ко мне, но свидание наше, на мой взгляд, не может принести никакой пользы, а лишь будет нам обоим тягостно. Раскаяться никогда не поздно, хотя бы даже в свой смертный час, и я искренне надеюсь, что так оно и будет. И поверите ли, сколь ужасно зачерствело ее сердце, если она сообщила мне через Дину, мою служанку, которую я послала к ней с лекарствами для исцеления ее души и тела, что она не совершила по отношению ко мне ничего, в чем могла бы раскаиваться, и просит, чтобы ее оставили в покое! Добрая Дина раздала мои лекарства неграм, и все они пользовались ими с большой охотой, а миссис Маунтин, будучи предоставлена самой себе, скончалась от лихорадки. Вот она, извращенность человеческой природы! Эта несчастная женщина была слишком горда, чтобы принимать мои лекарства, а теперь никакие лекарства и никакие врачи ей уже не нужны. Вы пишете, что ваш маленький Майлз подвержен приступам колик. Посылаю вам рецепт моего лекарства и очень прошу, непременно сообщите, помогло ли оно..." и так далее. К письму был приложен рецепт лекарства, которого ты, о мой сын, мой наследник, моя гордость! — никогда не принимал, ибо обожающая тебя маменька предпочитала давать тебе любимые порошки своей маменьки и послушно пичкала ими нашего первенца при любых его младенческих недугах. Не вкрались ли в переписку наших дам слова, не вполне соответствующие истине? Боюсь, что леди Тео была не совсем

правдива — чем иначе объяснить такую фразу в одном из писем госпожи Эсмонд: "Я очень рада, что мои порошки помогли дорогому малютке. Если не с первого, то со второго, с третьего раза они помогают почти безотказно, и это замечательное средство облегчило страдания очень многим из моих ближних — как детям, так и взрослым, как белым, так и цветным. Посылаю моему внуку индейский лук со стрелами. Неужто моим старым глазам так и не суждено увидеть его в Каслвуде и неужто сэр Джордж так погружен в свои книги и политику, что не может выкроить два-три месяца для своей матери в Виргинии? Я теперь осталась совсем одна. А в комнате моего сына ничто не изменилось с того дня, как он ее покинул: все его книги стоят на своих полках, его охотничье ружье и нож висят над изголовьем кровати и портрет его деда — над камином. Я приказала ничего не трогать как в его комнате, так и в комнате его брата. Порой мне грезится, что здесь вокруг меня играют мои дети, я вижу перед собой своего дорогого папеньку — вижу, как он дремлет, сидя в кресле. Мои волосы стали уже почти такими же белыми, как у него. Неужто мне так и не доведется свидеться с моими детьми, прежде чем я отойду в мир иной? Да исполнится воля божья".

Глава LXXXVI

На родине

Подобного рода материнский призыв мог бы смягчить даже куда более твердокаменные сердца, нежели наши, и мы тут же заговорили о скорейшем отъезде в Виргинию и о том, что надобно зафрахтовать все каюты на "Юной Рэйчел". Но тут случилось заболеть нашему мальшу, брать его в плаванье было бы опасно, а разлучиться с ним маменька, разумеется, не могла, и "Юная Рэйчел" совершила в этом году свое плавание без нас. Однако на следующий год возникли новые препятствия в виде первого приступа подагры у вашего покорного слуги (что причинило мне весьма много хлопот, а когда они остались позади, я, естественно, воспрял духом и повеселел), после чего возникла еще более печальная причина для отсрочки нашего путешествия, — мы получили очень грустные вести из Ямайки. Два года спустя после того, как мы обосновались в поместье, наш добрый генерал возвратился в Англию более богатым человеком, чем был при своем отъезде, но понеся утрату, возместить которую не могло никакое богатство и после которой он не пожелал оставаться в Вест-Индии. Маменька моей бедной Тео — самый нежный, самый добрый мой друг (если не считать еще одной особы) — скончалась на чужбине от лихорадки. Перед смертью она, сожалела только о том, что ей не довелось увидеть нас и наших детей в полном благополучии и довольстве.

— Она смотрит на нас оттуда, хотя нам и не дано ее видеть, и благословляет тебя, Джордж, за то, что ты всегда был добр к ее детям, сказал генерал Ламберт.

Мы чувствовали, что и он вскоре последует за своей супругой. В ней он видел смысл своей жизни и свое счастье. Разлука с ней была для него равносильна смерти. Невозможно было без слез смотреть на этого беднягу, когда он сидел с нами. Моя Тео, голосом, манерами, всей своей поведкой беспрестанно напоминала ему покойницу-жену, и это разрывало сердце безутешного вдовца. Мы старались, чем могли, утешить беднягу в его горе, но главной опорой и утешением оказалась для него малютка Этти. Генерал сообщил нам, что на Ямайке много достойных людей искали ее руки, по она отвечала всем отказом, а уже здесь, в Англии, ей сделал предложение наследник лорда Ротема. Но Этти сказала, что она хочет остаться с отцом. Пока она ему не надоест, сказала Этти, никакие мужья ей не нужны.

— Нет, — сказали мы, узнав о возможности столь высокого союза, — пусть генерал полгода живет здесь у нас, а полгода с тобой в Окхерсте.

Но Этти заявила, что теперь, после смерти маменьки, папенька никогда больше не сможет жить в Окхерсте, а она никогда не выйдет замуж ради титула и денег, никогда! Генерал же, когда мы заговорили с ним об этом, задумался и сказал, что наша маленькая Этти, кажется, вовсе не расположена выходить замуж, — возможно, в силу какого-то глубокого разочарования, постигшего ее в ранней юности. Сама Этти не обмолвилась об этом ни словом, и мы из уважения к ее чувствам тоже не касались этой деликатной темы. Мой братец Джек Ламберт получил к тому времени приход неподалеку от Винчестера и обзавелся женой, призванной послужить к украшению его пасторского дома. Мы не испытывали особенной симпатии к этой даме, хотя и принимали ее с должным радушием, когда она к нам приезжала. Насчет безбрачия, на которое обрекла себя наша бедная Этти, миссис Джек придерживалась мнения, полностью расходившегося с моим. Дама эта была порядочная сплетница, весьма решительно и смело высказывала свои взгляды и чрезвычайно гордилась умением беречь раны своим ближним.

— Мой дорогой сэр Джордж, — почла она нужным заметить мне, — сколько уж раз говорила я нашей дорогой Тео — будь я на ее месте, так нипочем не потерпела бы, чтобы в моем собственном доме моя милостивая сестричка поила Джека чаем, в то время как я нахожусь наверху, в детской; чтобы она вечно вертелась у него перед глазами в новом нарядном платьице, в то время как я в фартуке стряпаю на кухне пудинг или вожусь с детишками. Конечно, я полностью доверяю моему мужу. Посмел бы он у меня заглядывать на женщин! И Джемейме я, конечно, тоже доверяю, но чтобы они оставались наедине — этого я не допущу, можете мне поверить! Я так все это и сказала моей сестре Уорингтон.

— Правильно ли я вас понял? — говорит генерал. — Вы соблаговолили предостеречь леди Уорингтон против мисс Эстер — ее сестры и моей дочери?

— Да, папенька, разумеется. Каждый должен выполнять свой долг, а мне слишком хорошо известно, что женщина всегда остается женщиной, а мужчина мужчиной, и не рассказывайте мне сказок! "Джордж тоже мужчина. Каждый мужчина — мужчина, каким бы он ни прикидывался святым!"

— Насколько мне известно, у вас самой есть замужняя сестра, в доме которой вы жили, когда мой сын Джек имел счастье с вами познакомиться, не так ли? — спрашивает генерал.

— Конечно, у меня есть замужняя сестра, кто же этого не знает, и я была второй матерью ее детям!

— И должен ли я заключить из ваших слов, что ваши прелести являлись могучим соблазном в глазах мужа вашей сестры?

— Помилуйте, генерал! Как вы можете утверждать, будто я говорила нечто подобное! — гневно восклицает миссис Джек, и щеки ее пылают.

— Разве вы не замечаете, сударыня, что именно так можно истолковать ваши слова, и не только о вас самой, но и о моих дочерях?

— Неправда, неправда, неправда, бог мне судья! И как это у вас язык поворачивается говорить такое, сэр! Да, конечно, я сказала, что сестрицу лучше убрать из дома, это верно! И поскольку Тео сейчас в положении, я ее предупредила, вот и все.

— Так вы, может быть, заметили, сударыня, что наша бедняжка Этти украла серебряные ложечки? Когда я нынче утром спустился в столовую, моя дочка была там одна, а на столе ведь лежало немало серебра.

— Помилуйте, сэр, кто здесь говорит о ложечках? Разве я позволила себе хоть единым словом обвинить в чем-то эту бедняжку? Да не сойти мне живой с места, если я хоть что-нибудь такое сказала! И позвольте вам заметить, что я не привыкла, чтобы со мной разговаривали подобным тоном. И мы с мужем давно кое-что примечали, и я просто исполнила мой долг, вот и все! — И с этими словами миссис Джек в слезах выбежала из комнаты,

— Неужели эта женщина имела наглость говорить тебе такие вещи, дитя мое? — спросил генерал, когда Тео, которой немного нездоровилось, спустилась к столу.

— Она изо дня в день твердила мне об этом с тех пор, как появилась здесь. Она приходила ко мне в гардеробную, чтобы предостеречь меня. Она приходила в детскую и говорила: "Ах, я бы нипочем не допустила, чтобы моя сестра все время совала нос в нашу детскую, нипочем". — "Ах, как приятно иметь благожелательных и благовоспитанных родственников", — отвечала я.

— Счастье, что бог избавил твою бедную мать от этой особы, — с тяжелым вздохом произнес генерал.

— Наша маменька сумела бы ее исправить, папа, — сказала Тео, целуя отца.

— Ты права, моя дорогая. — И я не сомневаюсь, что тут они оба устремили свои помыслы к богу.

Приходится все же признаться, что любить родственников — дело иной раз не такое уж легкое, и жить с ними под одной кровлей тоже порой

бывает не очень-то весело. Поведение Джека Ламберта на следующий день не оставляло сомнений в том, что супруга пересказала ему вышеизложенный разговор на свой лад. Джек был угрюм, но у него как-то поубавилось спеси. Он был сердит, однако это не повредило его аппетиту. Он прочел нам проповедь, глупее которой невозможно ничего вообразить. А наш маленький Майлз, снова в трауре, сидел рядом с дедушкой, и добрый старик держал его ручонку в своей руке.

Мы просили мистера Ламберта остаться у нас и присмотреть за домом во время нашей поездки в Виргинию. Экономке будет наказано слушаться Этти, как хозяйку. Дворецкий же передаст ему ключи, ибо Гамбо — о чем мне следовало предварить читателя — уже связал себя брачными узами с миссис Молли, населил коттедж в парке целым выводком маленьких темнокожих Гамбо и должен был без мне кажется, охоты отбыть вместе с нами в Виргинию. Итак, оставив дом на попечение доброго генерала и Этти, мы отправились в Лондон и оттуда — в Бристоль, где наш медоточивый агент пообещал нам неустанно молиться о нашем благоденствии и клятвенно заверил нас, что таких красивых детей (у нас к этому времени уже появился еще один ребенок, для компании мистеру Майлзу) еще не видели на палубе ни одного судна на свете. Плавание наше прошло без приключений. Какое странное испытал я чувство, когда мы высадились на берег в Ричмонду! Там нас уже ожидал экипаж в сопровождении толпы чернокожих слуг, а чуть в стороне — всадник, тоже окруженный слугами в таких же ливреях. Соскочив с седла, он бросился нас обнимать. И как же были мы с Тео рады увидеть снова нашего дорогого Хела! Он сопровождал нас до самого дома нашей матушки. Она ждала нас, стоя на крыльце, и Тео, опустившись на колени, просила ее благословения.

Гарри же, проводив нас, в дом войти отказался, чтобы, как он сказал, не испортить всей музыки.

— Мы с матушкой видимся и неплохо ладим друг с другом, но Фанни лучше держаться от нее подальше, — признался он. — Они, прямо сказать, не слишком-то жалуют друг друга. Как будешь свободен, приходи на постоянный двор повидаться со мной, Джордж. А завтра я буду иметь честь представить миссис Тео ее новую сестру! Я случайно задержался вчера в городе и узнал, что корабль входит в гавань. Ну, тогда я решил дождаться и встретить тебя. А домой послал негра с запиской, и жена прибудет сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение леди Уорингтон. — Тут Гарри наскоро попрощался и выпрыгнул из экипажа, чтобы оставить нас наедине с матушкой.

За время нашей с ней разлуки мне доводилось бывать в самом

высокопоставленном обществе и вместе с Тео представляться королю и королеве в Сент-Джеймском дворце, но даже им не уступала в величии эта приветствовавшая нас женщина, которая, подняв мою жену с колен, обняла ее и пригласила в дом. Это был простой бревенчатый дом, обнесенный галереей, как все наши виргинские постройки, но, будь он даже дворцом, а его хозяйка императрицей, оказанный нам прием не мог бы быть более торжественным. Я увидел старого Натана, по-прежнему исполнявшего должность мажордома, и десятка два расплывшихся в улыбке черных лиц. Некоторые из них, кого я помнил еще детьми, превратились в рослых, крепких девушек и парней, и мне нелегко было теперь их узнавать; у других курчавые черные волосы припорошило снегом, а немало было и таких, что появились на свет в мое отсутствие, и я видел в дверях несколько пар маленьких босых ног и больших, исполненных любопытства глаз.

— А я — маленький Зиб, мистер Джордж!

— А я — Дина, сэр Джордж.

— А я слуга мистера Майлза! — сообщил мне паренек в новой ливрее, из-под которой торчали ноги, ничуть не менее черные и блестящие, чем самые начищенные сапоги. Еще до наступления вечера все домочадцы так или иначе нашли предлог, чтобы появиться перед нами и приветствовать нас, кланяясь и расплываясь в улыбке. Не берусь сказать, сколько блюд было приготовлено в нашу честь. А вечером леди Уорингтон принимала всех видных жителей нашего городка и делала это приветливо и с большим достоинством. Мне же пришлось пожать руку кое-кому из моих старых знакомых — моих старых недругов, чуть было не сказал я! Впрочем, теперь, получив наследство, я уже не был пропащим человеком и блудным сыном в их глазах. Куда там! В мою честь зарезали почитай что целый гурт откормленных телят! Бедняга Хел тоже явился на празднество, но был мрачен и угрюм. Наша матушка снизошла до разговора с ним, но так, как говорит королева с мятежным принцем, ее сыном, еще не получившим прощения. Мы с ним выскользнули украдкой из гостиной и поднялись наверх, в отведенные для меня покои. Но не успела у нас завязаться беседа по душам, как мы увидели перед собой бледное лицо нашей матушки, освещенное пламенем тонкой восковой свечи. Не нужно ли мне чего-нибудь? Все ли здесь приготовлено по моему вкусу? Она уже заглянула к нашим драгоценным малюткам — они спят, как херувимчики. Она прямо налюбоваться на них не могла, только бы и делала, что ласкала их и целовала! Какие очаровательные ямочки на щеках у крошки Тео, когда она улыбается, и как восхитительно важничает маленький Майлз!

— Сэр Джордж, ужин уже подают на стол. И вас, Генри, я тоже прошу остаться, если трактирная еда для вас не предпочтительнее нашей. — Какая разница и в словах и в тоне этого приглашения! Хел, повесив голову, спустился вниз. Священник прочел молитву, призывая на нашу трапезу благословение господне. Он с большим искусством и красноречием описал наше возвращение домой, наше благополучное плавание по бурным водам и коснулся любви и прощения, которые ждут нас в доме нашего отца небесного, когда останутся позади все жизненные бури. Это был новый священник, совсем не похожий на тех, кто запомнился мне с моих юных лет, и я воздал ему хвалу, но госпожа Эсмонд покачала головой. Он-де исповедует весьма опасные взгляды, и, кажется, не он один их исповедует. Разве я не видел бумаги, подписанной купцами и членами ассамблеи год назад в Уильямсберге — всеми этими Ли, Рандолфами, Бассетами, Вашингтонами и прочими?

— И, о мой дорогой, как ни грустно в этом признаваться, там стояла и наша фамилия тоже, я хочу сказать — подпись твоего брата (чье тут сказало влияние — об этом я умолчу) и этого бедняги мистера Белмана, священника, который читал молитву.

Если в нашем тесном колониальном кругу существовали кое-какие распри, когда я уезжал в Англию, то разве могли они идти хоть в какое-то сравнение с той враждой, которая бушевала здесь теперь! Мы издали для Америки закон о гербовом сборе и вынуждены были отменить его. Вслед за этим мы сделали попытку ввести еще ряд новых налогов — на стекло, на бумагу и на что-то еще и еще, и отменили эти налоги тоже, за исключением одного-единственного — на чай. От Бостона до Чарльстона весь чай был конфискован. Даже моя матушка, при всей своей преданности королю, отказалась от своего излюбленного напитка, да и моей бедняжке Тео пришлось бы от него отказаться, если бы мы не прихватили небольшой запас чая с собой на корабль, уплатив за него в Англии вчетверо большую пошлину. Что касается меня, то я не видел оснований возражать против уплаты этого налога. Правительство метрополии должно было иметь какие-то источники дохода, иначе его власть становилась чисто номинальной. Нам говорят, что оно изводило колонии своим произволом. А я говорю, что это мы, колонии, изводили своим произволом правительство метрополии. Это спор уже чисто теоретический, он перешел в область истории; мы пытались разрешить его силой оружия и потерпели поражение, а теперь этот вопрос решен так же бесповоротно, как завоевание Британии норманнами. Я же, руководствуясь своим внутренним убеждением, всегда в этом споре был на стороне Англии. В тот краткий и злополучный период

моей юности, когда я принимал участие в военном походе, вся армия, так же как и все благонамеренные люди утверждали, что неудача похода мистера Брэддока и все наши поражения и беды проистекали от себялюбия, нерадивости и алчности тех самых людей, для защиты которых от французов мы взяли в руки оружие. Колонисты хотели, чтобы для них делали все, ничего от них не требуя взамен. Они постыдно торговались с героями, которые пришли защитить их, и выставляли несуразные требования; они не выполняли контрактов; они скупались на поставки; они тянули и откладывали решительные действия, пока благоприятный момент не был упущен и не разразилась катастрофа, которой могло бы и не быть, если бы не их злая воля. А какое было ликование, какие орации устраивались английскому министру, который задумал и привел к победному концу войну с Канадой! Мосье де Водрейль не без основания утверждает, что эта победа послужила сигналом к отпадению североамериканских колоний от Англии и что лорд Чатем, приложив все усилия к осуществлению первой части плана, содействовал, как никто в Англии, и окончательному его завершению. Когда в колониях вспыхнул мятеж, он приветствовал мятежников. Сколько тысяч колеблющихся подстрекнул он этим к открытому сопротивлению! Он был подобен генералу, который говорит своей взбунтовавшейся армии: "Боже, храни короля! Солдаты, вы имеете право бунтовать!" Не приходится удивляться, что в одном городе ему поставлен памятник, а в другом висит его портрет, в то время как повсюду на виселицах болтаются чучела министров и губернаторов. В нашем виргинском городе Уильямсберге какие-то умники провели подписку и заказали портрет лорда Чатема, облаченного в римскую тогу, держащего речь на форуме и указующего на дворец Уайт-Холл, на то самое окно, через которое Карла I выволокли, чтобы обезглавить! Что и говорить, очень тонкая аллегория и приятный комплимент английскому государственному деятелю! Я слышал, впрочем, что голову милорда художник писал с его бюста, и таким образом она была снята с плеч без его ведома.

Своим отечеством я считаю не Виргинию, не Америку, а Англию, и в этом споре держу, или, вернее, держал, сторону Англии. Мои симпатии и всегда были на ее стороне, а теперь я еще и жил там, и владел землей; но, доведись мне жить на берегу реки Джеймс или Потомака и выращивать табак, взгляды у меня, вероятно, были бы иные. Когда я, к примеру сказать, посетил моего брата в его новом доме на плантации, то тут же увидел, что и он, и его супруга такие же американцы до мозга костей, как я — англичанин. Мы немножко поспорили, и оба разгорячились, — кто мог

этого избежать в те тревожные времена? — но в споре мы не злобствовали друг на друга, и даже моя новая сестрица не смогла посеять между нами розни, хоть и старалась, как могла, — и во время наших бесед, и у себя в спальне, где она, без сомнения, как образцовая жена, читала наставления своему супругу. Мы так верили друг другу, что даже супружеский долг не мог заставить Гарри поссориться с братом. Он и теперь любил меня не меньше, чем в те дни, когда мое слово было для него законом. Гарри уверял, что и он, и каждый виргинец, разделяющий его убеждения, верны королю. Война еще не была объявлена, и наши джентльмены, даже если расходились во взглядах, были достаточно любезны друг с другом. Более того, на всех празднествах и званых обедах нарочито громко провозглашались тосты за здоровье короля, и ассамблеи всех колоний, уже готовясь к Конгрессу, уже решительно противясь любой попытке взимания налогов в пользу английского правительства, все еще распинались в своем уважении к Отцу и Монарху и трогательно зывали к своему августейшему покровителю, моля его прогнать злых советчиков и прислушаться к голосу здравого смысла и умеренности. Наши виргинские джентльмены до самого последнего времени отличались серьезностью, благонаравием и чувством собственного достоинства, гордились своим происхождением и званиями. Это позднее, уже в Европе, мы наслушались разговоров о равенстве и братстве. Но даже среди самых выдающихся людей Старого Света я не встречал человека, обладающего большим чувством собственного достоинства и умеющего сохранять его в любых обстоятельствах, нежели мистер Вашингтон (не исключая короля, против которого он поднял оружие). И в глазах французских вельмож, радостно присоединившихся к походу против нас в отместку за свое поражение в Канаде, наш великий американский вождь всегда был *anax andron* {Предводителем мужей (греч.)}, и они признавали, что он не посрамил бы себя и при версальском дворе. Члены нашей ассамблеи, несмотря на их разногласия с губернатором, поддерживали с ним дружеские отношения, и обе стороны оказывали друг другу почести. Когда к нам прибыл милорд Боттетур и с немалой пышностью и величием обосновался со своей свитой в Уильямсберге, все наше дворянство, включая госпожу Эсмонд, явилось к нему на поклон. После его смерти пост этот перешел к лорду Дэнмору, прибывшему к нам вместе со своим многочисленным семейством, и наше дворянство при личных встречах оказывало и ему большой почет, хотя официально ассамблея и губернатор находились уже в состоянии войны.

Их ссоры стали теперь предметом истории и интересуют меня лишь постольку, поскольку 1 марта, на следующий год после моего приезда в

Виргинию, мы решили всей семьей отправиться в столицу и засвидетельствовать наше почтение губернатору. Госпожа Эсмонд, прежде всегда выполнявшая эту церемонию, теперь, после злополучной женитьбы Гарри, перестала появляться на губернаторских приемах; однако, когда старший сын возвратился на родину, моя матушка рассудила, что нам следует представиться его превосходительству, мы же, со своей стороны, были только рады вырваться из нашего маленького Ричмонда и насладиться удовольствиями колониальной столицы. Госпожа Эсмонд, не поскупившись на расходы, сняла для себя и для своей семьи самый лучший дом, какой только можно было снять в Уильямсберге. Теперь, когда я был богат, ее щедрость не знала удержа. Мне уже случалось вмешиваться в ее распоряжения (старые слуги тоже диву давались, видя, как изменился ее образ жизни) и уговаривать ее не быть столь расточительной. Но она спокойно возражала мне, что прежде у нее была причина скопидомничать, а нынче этой причины более не существует. Она теперь может быть спокойна, — Гарри на его век хватит, особенно с такой женой, дочерью простой экономки. И если ей хочется промотать немножко денег, почему она должна себе в этом отказывать? Она ведь не каждый день может наслаждаться обществом своей дорогой дочери и внучат. (Госпожа Эсмонд была положительно влюблена во всех троих, и если не до конца испортила их баловством, то отнюдь не по своей вине.) В прежние времена уж кто-кто, а я-то никак не мог упрекнуть ее в мотовстве, сказала моя матушка, и, кажется, это был единственный случай, когда она позволила себе намекнуть на былые денежные недоразумения между нами. Итак, она распорядилась доставить сюда морем из Каслвуда (и не скупясь уплатила за доставку) свои лучшие вина, и мебель, и столовое серебро, и слуг, обрядив их со всей возможной пышностью, и свое платье, в котором она венчалась в царствование короля Георга II, и мы с уверенностью могли сказать, что наш выезд уступал по своему великолепию разве лишь губернаторскому. Синьор Формикало, мажордом губернатора, был приглашен руководить празднествами, которые давались в мою честь, и слуги говорили, что за все время нашего с Гарри отсутствия у нас в котлах не тушилось столько мяса, сколько за один этот праздничный месяц. И так велико было влияние Тео на нашу матушку, что в тот год ей удалось все же убедить ее принять нашу сестрицу Фанни, жену Хела, которая до сих пор не решалась покинуть свою усадьбу и предстать пред лицо госпожи Эсмонд. Но Тео заверила Фанни, что она помилована (сами мы не раз бывали у Хела и Фанни в гостях), и Фанни приехала в город и склонилась в глубоком реверансе перед госпожой Эсмонд и была прощена. Только я, грешным делом,

предпочел бы навсегда остаться в немилости и погибнуть нераскаявшимся грешником, нежели получить такое прощение.

— Узнаете их, моя дорогая? — спросила госпожа Эсмонд, указывая на красивые серебряные канделябры. — Фанни не раз чистила их, когда жила у меня в Каслвуде, — пояснила она. — И это платье, думается мне, тоже хорошо знакомо Фанни. Забота о нем была поручена ее покойной маменьке. Ее маменька всегда пользовалась у меня большим доверием.

Тут в глазах Фанни вспыхивает гнев, но госпожа Эсмонд этого, разумеется, не замечает, — разумеется, нет, ведь она же ее простила!

— Да, эта женщина была подлинным кладом для меня! — продолжает госпожа Эсмонд. — Мне бы нипочем не выходить моих мальчиков во время их болезней, если бы не исключительная забота о них вашей маменьки. Полковник Ли, позвольте мне представить вас моей дочери леди Уорингтон. Ее поместье в Англии находится по соседству с поместьем Банбери, вашего родственника. А вот и его превосходительство. Добро пожаловать, милорд!

И наша принцесса склоняется перед его превосходительством в одном из тех реверансов, которые являются предметом ее гордости, однако мне чудится, что на лицах некоторых из гостей мелькают улыбки.

— Клянусь честью, сударыня, — говорит полковник Ли, — со времен графа Борулавского я, кажется, не упомяну поклона, более изысканного, чем ваш.

— Вот как, сэр? А кто он такой этот граф Борулавский? — спрашивает госпожа Эсмонд.

— Этот дворянин пользовался особым расположением его величества короля Польского, — отвечает полковник Ли. — Могу ли я просить вас, сударыня, представить меня вашему прославленному сыну?

— Вот сэр Джордж Уорингтон, — говорит моя матушка, указывая на меня.

— Прошу прощения, сударыня. Я имел в виду капитана Уорингтона, который находился возле мистера Вулфа, когда тот скончался. Я сам хотел бы быть возле него и разделить его судьбу.

И пылкий Ли торжественно направляется к Гарри, с уважением пожимает ему руку и удостоивает его нескольких лестных слов, за что я уже готов простить полковнику его дерзость, ибо до этой минуты мой дорогой Хел в старом мундире своего знаменитого, покинутого им полка с крайне унылым видом прохаживался по материнским покоям.

У нас с Хелом было немало встреч, которым наша суровая матушка не могла помешать, и тогда нашими устами говорила взаимная любовь,

презирающая все преграды. Мы с братом во всем — в наших вкусах, взглядах, интересах — были полной противоположностью друг другу: он был подвижен, любил охоту, всяческие развлечения на вольном воздухе, а я все свое время готов был проводить за книгами или в праздном самоуглублении; и тем не менее наша взаимная привязанность была столь сильна, что могла бы поспорить даже с любовью к женщине. Хел сам, на свой безыскусный лад, исповедался мне в своих чувствах, когда мы, оставив жен и всех других представительниц прекрасного пола, отправились в Каслвуд, где провели неделю в полном одиночестве, если не считать нескольких оставленных там слуг-негров.

Наши жены невзлюбили друг друга. Я достаточно хорошо знаю леди Тео, чтобы с одного взгляда безошибочно определить, понравилась ли ей та или иная женщина. А если у этого упрямого создания сложилось однажды свое мнение, то уж никакая сила убеждения, никакие мои доводы и настояния не могут его изменить. Да разве она когда-нибудь позволила себе сказать хоть одно дурное слово о миссис такой-то или о мисс такой-то? Только не она! Разве не была она всегда безупречно любезна с ними? Безусловно, была! Миледи Тео неизменно вежлива со всеми нищими и побирушками, обращается со своими судомойками, как с принцессами, и не преминет сделать комплимент дантисту за удивительное изящество, с каким он выдрал ей зуб. Если я повелю, она вычистит мне сапоги или выгребет золу из камина (с видом герцогини, разумеется), но стоит мне сказать: "Моя дорогая, будь ласкова с этой дамой", — или: "Будь приветлива с той", — как от ее послушания не останется и следа: она сделает изысканнейший реверанс, будет улыбаться как положено и даже обменяется поцелуями, но ухитрится при этом каким-то таинственным, прямо-таки франкмасонским способом, которым владеют только женщины, дать понять этой особе, что она ее терпеть не может. С миссис Фанни мы встречались и в ее доме, и в других домах. Я с детских лет привык тепло относиться к ней. Я вполне понимал беднягу Хела, когда он со слезами на глазах клялся и божился, что, черт побери, это наша маменька сама, своими несправедливыми притеснениями, которым здесь подвергалась Фанни, вынудила его жениться на ней. Не мог же он спокойно взирать на то, как мучают бедняжку, и не прийти к ней на помощь! Нет, бог свидетель, не мог! Повторяю, я вполне этому верил и даже искренне сочувствовал моей невестке — но заставить себя полюбить ее было все же выше моих сил, и когда Хел начинал пылко восхвалять ее красоту и добродетели и страстно требовать от меня подтверждения, что она само совершенство, я отвечал каким-нибудь вялым комплиментом или уклончивым согласием, чувствуя

при этом, что причиняю ужасное разочарование моему бедному восторженному брату, и проклинал себя в душе за эту свою фанатическую ненависть ко всякому лицемерию и лжи, которая порой меня обуревают. Ну что стоило бы мне лишь чуть-чуть покривить душой, сказать, как того требует обыкновенная вежливость: "Да, дорогой мой Хел, твоя жена воистину совершенство — у нее прекрасные волосы, изумительное телосложение, и ее пение восхитительно!" Почему не могу я подольститься к тому или другому глупцу из наших соседей или родственников? Ведь я тысячу раз наблюдал, как делает это Тео, умеющая занять их милой бессмысленной болтовней, в то время как я сижу молчаливый и угрюмый. Право же, это грех не суметь выдавить из себя лишнего слова в похвалу Фанни. Мы должны были бы полюбить нашу невестку и всячески ее расхваливать. А уж прежде всего это должна была бы сделать леди Уорингтон, ибо она прирожденная лицемерка, а я нет. Мы видели перед собой это юное создание — прелестное личико, великолепные черные глаза, сложение и грация нимфы — и оставались совершенно равнодушны. Не раз у себя дома мы с моей супругой изощрялись в похвалах нашей новой сестрице, притворно восхищаясь ее красотой и стараясь в своем притворстве переощеголять друг друга. Какие прелестные у нее глаза! О да! Какая очаровательная ямочка на подбородке! Ah, oui! {О да! (франц.)} Какая восхитительная маленькая ножка! Ну, прямо как у китайки! Я просто не знаю, как мы отыщем в Лондоне такие маленькие туфельки, чтобы были ей впору! И, истощившись наконец в своих восторгах, мы отчетливо понимали, что Фанни нам нисколько, ну нисколечко не нравится, что мы ее просто недолюбливаем, что мы ее прямо-таки терпеть не... Ах, какие все же женщины лицемерки!

А тем временем мы слышали со всех сторон о том, каким ревностным сторонником нового антианглийского движения стал мой брат, как горячо ратовал он за так называемые права и свободу американцев.

— Это ее рук дело, моя дорогая, — сказал я жене.

— Если бы подобную мысль решила высказать я, ты бы наверняка стал меня бранить, — со смехом отвечала леди Уорингтон, и я тут же упрекнул ее, заметив, что это бессердечно во всем подозревать нашу новую сестрицу, и какое, черт побери, имеем мы на это право? Но, повторяю, я слишком хорошо знаю госпожу Тео, и если в ее прелестной головке поселится против кого-нибудь предубеждение, нет такой силы на свете, — будь то вся королевская конница или вся королевская рать, — которая могла бы преодолеть его. И я торжественно утверждаю, что ничто на свете и никогда не заставило бы ее поверить, что Гарри не находится у жены под

башмаком, — ничто и никогда.

Итак, мы с Гарри отправились в Каслвуд без женщин и поселились в дорогом нашему сердцу унылом старом доме, где мы были так счастливы когда-то, а я порой — так мрачен. Была зима, сезон охоты на уток, и Гарри уходил на реку и десятками, дюжинами бушелей приносил домой подстреленных нырков, а я в это время сидел в дедушкиной библиотеке, обложившись старыми, заплеснелыми томами, любимыми мной с детства... И сейчас еще видится мне этот огромный фолиант, с трудом умещавшийся в ручонках мальчугана, сидящего возле седовласого деда. Я читал мои любимые книги; я спал в моей кровати в моей старой спальне, где, как и утверждала матушка, все оставалось нетронутым с того дня, как я уехал в Европу. И, как в детстве, меня будил веселый голос Хела. Как все, кто любит побродить по полям, он привык подниматься рано. Он заглядывал в комнату, будил меня и усаживался у меня в ногах, наполняя воздух клубами ароматного дыма из своей первой утренней трубки, в то время как негры уже клали огромные поленья дров в камин. Да, это было счастливое время! Старик Натан открыл мне хитроумные тайники, в которых издавна хранили ром и кларет. Мы с Хелом пережили за протекшие годы немало тревог, печалей, горьких разочарований и битв. Но, сживая вот так вдвоем, мы снова становились мальчишками. И даже сейчас, вспоминая эти дни, я снова чувствую себя мальчишкой.

Злополучный налог на чай — единственный из всех колониальных налогов последнего времени, который английское правительство не пожелало отменить, встретил открытое неповиновение во всей Америке. Хотя мы в Англии платили шиллинг налога с каждого фунта, а в Бостоне или в Чарльстоне — всего три пенса, тем не менее для американцев это был вопрос принципа: колонии не желали платить эту подать; впрочем, надо сказать, что они и раньше весьма решительно уклонялись от уплаты налогов везде, где только можно. В Чарльстонской гавани суда с чаем были разгружены, и кипы чая остались лежать на складах. Из Нью-Йорка и Филадельфии суда были отправлены обратно в Лондон. А в Бостоне (где находился гарнизон, на который жители то и дело совершали нападения) какие-то патриоты, загримировавшись индейцами, забрались на корабли и сбросили ненавистный груз в воду. Белый отец не на шутку разгневался на этот город переодетых индейцев-могоков. Палата общин английского парламента приняла знаменитый закон, по которому Бостонский порт был закрыт и таможня переведена в Салем. Массачусетская хартия была упразднена, и, справедливо предвидя возможность бунтов и вероятную пристрастность колониальных судов, в чьи руки будут попадать

мятежники, парламент издал указ: все лица, обвиняемые в совершении актов насилия или оказании вооруженного сопротивления властям, должны быть отправлены для предания суду в Англию или в другую колонию. Такого рода постановления, взбудоражив всю Америку, привели в ярость даже приверженцев старой родины. Когда мистеру Майлзу Уорингтону было пять лет от роду, я мог назначить ему порку, и он, плача, спустил бы штанишки и подчинился; но вообразите себе, что произошло бы, если бы я вздумал задать порку (которой он весьма и весьма заслуживал) капитану Майлзу из полка королевских драгун? Он просто-напросто выхватил бы трость из моей карающей отцовской длани и вlepил бы мне такую затрещину, что вся пудра ссыпалась бы с моего парика. Нет уж, упаси бог! Меня бросает в дрожь при одной мысли о возможности такой стычки! Без дальних слов он тут же утвердил бы свою независимость, и если, повторяю, наш английский парламент имел, на мой взгляд, право облагать налогами колонии, то нельзя не признать, что для осуществления этого права он прибегал к мерам самым неделикатным, оскорбительным даже, лишь сильнее разжигающим недовольство, а главное — совершенно не достигающим цели.

Вскоре после моего приезда в Америку лорд Дэнмор, назначенный на пост губернатора Виргинии вместо скончавшегося лорда Боттетура, отнесся ко мне вполне дружелюбно, желая жить в мире со всем местным дворянством. Для него не было секретом, что моя матушка зарекомендовала себя отчаянной роялисткой; в любом обществе она неустанно прославляла короля, и притом так громко и безапелляционно, что и Рандолф и Патрик Генри теряли дар речи. Именно эта прославленная преданность госпожи Эсмонд английскому трону (улыбаясь, сообщил мне его превосходительство) и понудила его оказать покровительство ее старшему сыну.

— Я получил на вас прескверную аттестацию из Англии, — сказал милорд. Маленькая птичка прочирикала мне, что вы исповедуете очень опасные мысли, сэра Джордж. Вы друг мистера Уилкса и олдермена Бекфорда. Я даже не поручусь, что вы не бывали в Медменхемском аббатстве. Вы якшались с актерами, поэтами, со всякого рода сомнительными, необузданными субъектами. Меня предостерегали против вас, сэра, но я нахожу, что вы...

— Не так черен, как меня малюют на портретах, — с улыбкой закончил я его мысль.

— Клянусь честью, — сказал милорд, — мне кажется, я могу признаться сэру Джорджу Уорингтону, что он представляется мне вполне

безобидным, мирным джентльменом и что я испытываю подлинную отраду, беседуя с ним после всех этих громогласных политиков, всех этих адвокатов, неумно кричащих о Греции и Риме, всех этих виргинских помещиков, неустанно заверяющих меня в своем уважении и преданности и потрясающих при этом кулаками... Надеюсь, — с лукавой улыбкой добавил он, — нас никто не может подслушать и сообщить о моем мнении в Англии.

После того как милорд ближе познакомился со мной и перестал верить распространявшимся обо мне дурным толкам, мы день ото дня сходились с ним все больше, а между представительницами прекрасного пола обеих наших семейств завязалась самая тесная дружба, — по крайней мере, между ними и моей женой. Жена Хела, которая наряду с прочими дамами была милостиво принята при этом маленьком провинциальном дворе, не завоевала там большой популярности из-за своих политических взглядов, высказываемых к тому же весьма резким и непререкаемым тоном. Она ядовито критиковала правительственные мероприятия, все без разбору. Вы находите их мягкими? Так это значит только, что вероломное английское правительство готовит новую ловушку и просто выжидает, затаившись, чтобы затем покрепче заковать в цепи несчастную Америку. Они там изволят гневаться? А почему каждый гражданин Америки не поднимется с оружием в руках на защиту своих прав свободного человека и не воздаст по заслугам всем английским правителям, чиновникам и солдатам за то, что они учинили с чаем Ост-индской компании? Моя матушка, со своей стороны, выражала свои взгляды с не меньшей прямоотой и решительностью и навязывала советы губернатору с неумным пылом, который не мог не утомить этого представителя английской короны. Сзовите народное ополчение! Пусть пришлют свежее пополнение из Нью-Йорка, из Англии, откуда угодно! Заприте на замок Капитолий (этот последний совет был, кстати сказать, выполнен) и посадите за решетку всех зачинщиков и смутьянов из числа этих злонамеренных депутатов! Так письменно и устно атаковала госпожа Эсмонд губернатора изо дня в день. И если бы не только депутатов, но и их жен подвергли заточению, этот Брут в юбке, думается мне, не стал бы протестовать против такой кары.

Глава LXXXVII,

повествующая, о тех, кто последними кричал: "Боже, храни короля!"

По какому капризу судьбы я всегда оказываюсь на стороне меньшинства? Предложите законопроект о передаче Англии римскому Претенденту или турецкому султану с обязательным принятием нами католичества или мусульманства, и можете не сомневаться, что он пройдет,

поскольку я, безусловно, буду против. У себя на родине в Виргинии я, как и повсюду, оказался в оппозиции ко всем. Патриоты почитали меня (как и я сам себя) за тори, а тори не замедлили причислить меня к самым опасным республиканцам. Да, поистине распалась связь времен! О, проклятый жребий! Еще года не прожив в Виргинии, я уже мечтал возвратиться в свое английское поместье! Но время было столь смутное, что я не мог покинуть мою матушку, одинокую женщину, когда над страной нависла угроза войны, а значит, и неисчислимых бедствий. Она же никогда не согласилась бы покинуть родину в такую тяжкую годину, да и какой сильный духом человек мог бы на это пойти? За столом у его превосходительства, за его добрым кларетом, который лился рекой, все были в этом единодушны, и над пенистыми кубками прозвучала торжественная клятва: "Statue signum signifer!" {Водрузи знамя, знаменосец! (лат.)} Ибо все мы, сторонники короля, готовы были присягнуть ему, и наш губернатор держал речь, как храбрейший из храбрых.

Надо сказать, что из всех виргинцев, которых я знал, госпожа Эсмонд была самой последовательной. Наши помещики стекались в Уильямсберг, и многие из них вознамерились дать бал в честь ее превосходительства супруги губернатора, но тут до нас долетела весть о бостонском таможенном законе. Тотчас же наша возмущенная ассамблея принимает решение протестовать против этого шага английского парламента и объявляет день скорби, поста и торжественных молебствий по всей стране во избавление нас от грозящего бедствия гражданской войны. Тем временем, поскольку приглашение на бал было уже отправлено и леди Дэнмор его приняла, наши джентльмены решили, что бал должен все же состояться в назначенный вечер, а надеть власяницы и посыпать головы пеплом они успеют в какой-нибудь из ближайших дней.

— Бал! — воскликнула госпожа Эсмонд. — Чтобы я поехала на бал, устраиваемый бандой бунтовщиков, сговорившихся через неделю нанести публичное оскорбление его величеству! Да я скорей умру! — И она отправляет устройтелям бала послание, в коем ставит их в известность, что, принимая во внимание тяжелое положение страны, она считает для себя неуместным быть на их балу.

Каково же было ее изумление, когда стоило ей после этого появиться на улице в своем портшезе, как десятки ее сограждан, и белых и черных, принялись вопить: "Да здравствует госпожа Эсмонд! Благослови вас бог, ваша милость!" Ее отказ посетить бал они, по-видимому, восприняли как проявление патриотических чувств.

Тогда госпожа Эсмонд во избежание дальнейших ошибок высунулась

из портшеза и крикнула во весь голос: "Боже, храни короля!" Сograждане тут же дружно крикнули в ответ: "Боже, храни короля!" Все в то время привыкли кричать: "Боже, храни короля!" В вечер бала мой бедный Гарри, как член ассамблеи и один из устроителей празднества, облачился в свой красный мундир вулфовской гвардии (вскоре он сменил его на мундир другого цвета) и отправился с госпожой Фанни на бал. Леди Уорингтон и ее покорному слуге, как, по сути дела, англичанам и новоприбывшим, госпожа Эсмонд разрешила посетить бал, хотя сама она от этого, разумеется, уклонилась. Я имел честь протанцевать контрданс с хозяйкой Маунт-Вернона и нашел, что моя партнерша чрезвычайно привлекательная, живая и любезная дама; однако не скрою, что похвалы, которые расточала ей моя жена, делясь дома своими впечатлениями от этого вечера, были встречены моей матушкой с угрюмой усмешкой. Не мог разве сэр Джордж Уорингтон пригласить на танец леди Дэнмор, или одну из ее дочерей, или еще кого-нибудь, а не эту миссис Вашингтон! Ну конечно, полковник столь высокого мнения о себе и о своей супруге, что он, без сомнения, считает ее первой дамой на балу! Однако кто же не помнит, что он был всего-навсего землемером, получавшим за свои труды гинеею в день! Поистине зазнайство этих провинциальных выскочек не знает границ, а сам этот господин, как видно, совсем загордился после того, как лорд Дэнмор стал к нему благоволить.

Не знаю, действительно ли мистер Вашингтон так спесив, но что моя почтенная матушка недолюбливает его и всех, кто к нему близок, это-то уж я знаю доподлинно.

Если ей пришлось не по вкусу его появление на балу, то ничуть не больше угодил он ей своим поведением три дня спустя. В день, отведенный для скорби и поста, мистер Вашингтон посетил церковь, где отправлял службу наш новый священник мистер Белман, моя же матушка давала в этот день званый обед и пригласила на него кое-кого из чиновников колониального управления, а также и мистера Белмана, но священник приглашение отклонил. Госпожа Эсмонд надменно тряхнула головой и сказала: "Поступайте как знаете". Обед она закатила самый пышный, ее дом сверкал огнями, в то время как весь город был погружен в уныние и мрак; мало того, она попросила мистера Гарди, одного из адъютантов его превосходительства, спеть "Боже, храни короля!". Прохожие на улице слышали это пение, но думали, что в доме идет какая-то церковная служба, при которой положено так петь. Но когда по просьбе хозяйки этот наивный молодой адъютант, только что приехавший из Европы, принялся распевать "Британцы, цельтесь верней!", на улице поднялся дикий крик, и большой

камень, пущенный к нам в окно чьей-то мятежной рукой, плюхнулся в мою чашу с пуншем, расплескав ее содержимое вместе с осколками стекла по всей столовой.

Моя неустрашимая матушка смело подошла к окну. И по сей день отчетливо вижу я, как стоит эта маленькая женщина на фоне звездного неба, вызываяще подняв голову, раскинув руки в кружевных манжетах, и сливает свой голос с нашим хором: "Британцы, цельтесь верней, цельтесь верней!" — а толпа за оградой беснуется и ревет:

— Молчать! Позор! Долой!

Ну, нет, она не отступит, не на такую напали!

— Что же вы, швыряйте, швыряйте камни, если посмеете! — говорит храбрая маленькая женщина, и, верно, камни полетели бы снова, если бы не вмешались какие-то господа, вышедшие из трактира Рейли.

— Нельзя оскорблять даму, — произнес голос, который показался мне знакомым.

— Да здравствует полковник! Да здравствует капитан! Благослови вас бог, ваша честь! — послышалось из толпы, и враг был усмирен.

Моя матушка, сославшись на то, что порядок восстановлен, попросила мистера Гарди спеть еще, но тот отвечал с кривой улыбкой, что он, дескать, "не привык петь под такой аккомпанемент", и на этом концерт на сей раз закончился. Тем не менее нельзя не признаться, что какие-то негодяи вернулись к нашему дому ночью, перебили все до единого стекла в окнах, выходящих на улицу, и до полусмерти напугали мою жену. Пожалуй, матушка все же немногохватила через край, распевая "Британцы, цельтесь верней!", надо бы ей удовольствоваться гимном "Боже, храни короля!". Ополчение было поставлено под ружье, отливались пули, заготовливалось военное снаряжение, хитроумные планы, как обойти королевские указы, были разработаны и приводились в исполнение, а "Боже, храни короля!" звучало повсюду, и когда я, пытаюсь урезонить наших джентльменов-патриотов, говорил им:

— Зачем замышляете вы отколоться от метрополии? Вы же неизбежно обрушите на свои головы гнев величайшей державы в мире! — то неизменно слышал в ответ:

— Но мы ничего подобного не замышляем. Мы верные подданные короля. Мы гордимся тем, что мы британцы. — И все прочее в таком же духе. Бочки с порохом стояли наготове в погребах, запальные шнуры были подведены, а мистер Фокс по-прежнему был неутомим в своих верноподданных посланиях королю и парламенту и ничего плохого, видите ли, не замышлял.

Когда я говорил о могуществе Британии, я искренне верил в то, что она его проявит. Разве мог я предположить, что она понадеется победить три миллиона американцев британского происхождения на их собственной земле с помощью нескольких батальонов солдат, полудюжины генералов с Бонд-стрит и двух-трех тысяч немецких наемников? Можно было подумать, что мы стремимся не только укротить непокорные колонии, но еще и как можно сильнее их унижить. Зачем понадобилось нам насылать на них эти орды гессенцев и этих убийц из индейских вигвамов? Не могли мы разве разрешить наш великий спор без *tali auxilio* {Такого содействия (лат.).} и *istis defensoribus*? {Таких соратников (лат.).} Ах, легко теперь, после того как мы потерпели поражение, разглядывать карту великой империи, отторгнутой от нас, и задним числом рассуждать о том, что нам следовало сделать, чтобы ее не потерять. Защитники Лонг-Айленда должны были разбить армию Вашингтона, и он должен был покинуть Вэлли-Фордж только в качестве пленника. После битвы при Кемдене Юг был бы в наших руках, если бы совершенно непонятное вмешательство главнокомандующего в Нью-Йорке не парализовало усилия единственного способного английского генерала и не послало его в этот злосчастный *sul-de-sac* {Тупик (франц.).} в Йорктауне, где он вынужден был сложить оружие и сдаться. О, если бы в нашем распоряжении была хотя бы еще неделя, хотя бы еще день, хотя бы еще час дневного света или ночного мрака! Перечитывая теперь описание всех наших американских кампаний, от их плачевного начала до бесславного конца, и имея возможность проследить за передвижениями неприятеля и состоянием его войск в такой же мере, как и за нашими, я отчетливо, как мне кажется, вижу, что перейди мы в наступление, и наш противник, не имея сил нам противостоять, оказался бы полностью в нашей власти и исход всей кампании был бы решен в нашу пользу. Но так было угодно небу (и, как мы сами теперь это видим, — к обоюдному благу), чтобы наша западная республика была отторгнута от нас и храбрым ее воинам, а особенно ее доблестному вождю досталась великая честь не только сразиться и победить прекрасно оснащенную и закаленную в боях армию, но и выстоять против голода, холода, скудости, раскола и измены в собственных рядах! Гибель их, казалось, была неминуема, и только неугасимое пламя патриотизма, горевшее в груди их доблестного неустрашимого вождя, привело их к победе. Какая твердость, какое величие духа, какое упорство под ударами судьбы! Вашингтон в сражении был нисколько не храбрее и не искуснее сотен других воинов, сражавшихся с ним бок о бок или против него (кто не слышал избитых шуточек по адресу "Фабия", в которых любили изощряться

оппозиционно настроенные офицеры?), но Вашингтон — вождь нации, восставшей с оружием в руках; Вашингтон, ведущий борьбу с раздором в собственных рядах, сохраняющий спокойствие перед лицом вероломства, одинаково невозмутимый как в открытой схватке, так и в борьбе с притаившимся за спиной врагом; Вашингтон, умеющий и призвать к порядку, и воодушевить свое голодное и полураздетое воинство; Вашингтон, больно уязвленный неблагодарностью, но подавляющий свой гнев и всегда готовый простить, нестигаемый в поражении, великодушный в победе и как никогда величественный в ту минуту, когда он вложил в ножны свой победоносный меч и отошел от дел ратных, — вот поистине пример, достойный восхищения и почитания, незапятнанная репутация, беспорочная жизнь! *Quando invenies parem?* {Где ты найдешь равного? (лат.).} В своем более обширном исследовании, посвященном этой войне, давно мною задуманном и частично уже написанном, я, мне кажется, сумел отдать дань величайшему из ее полководцев {* И я льщу себя надеждой, что в этом беспристрастном изложении моего о нем мнения мне удалось показать, что и я умею великодушно отдавать должное тем, кто не удостоил меня своим расположением. Ибо, когда мой брат Хел, всегда стремившийся установить добрые взаимоотношения между мной и своим обожаемым генералом, как-то раз, находясь в гостях в Маунт-Верноне, показал ему несколько начальных страниц моей "Истории", генерал Вашингтон (редко читавший книги и не притязавший на литературный вкус), заметил: "Если хотите знать мое мнение, дорогой генерал, то я полагаю, судя по тем немногим образчикам, с которыми я мог ознакомиться, что это задуманное сэром Джорджем исследование покажется оскорбительным для обеих враждовавших сторон". — Дж. Э.-У.}, и сделал это движимый единственно чувством глубочайшего уважения перед его высокими добродетелями. В дни моей юности я не имел чести пользоваться особой симпатией у молодого мистера Вашингтона, зато мой брат — натура куда более открытая и душа более привязчивая — был его другом всегда, и в те далекие годы, когда они были равны по положению, и в более позднее время, когда генералу Вашингтону, по моему твердому убеждению, не было уже равных на всей земле.

Я уже упоминал о некоторой двойственности моего положения и в какой-то мере, пожалуй, и моего брата, которая поставила нас с ним по разные стороны барьера во время этого поединка, длившегося пять лет и закончившегося тем, что метрополия вынуждена была признать себя побежденной. Гарри следовало бы быть тори, а мне — вигом. В теории я всегда исповедовал более либеральные взгляды, нежели мой брат, который,

особенно после своей женитьбы, сделался, по выражению наших индейских набобов, настоящим "раджей", то есть персоной величественной, чопорной и взыскующей почестей. Когда, к примеру, губернатор Дэнмор предложил освободить негров, дабы привлечь их под знамена его величества короля, Хел заявил, что губернатора следует повесить вместе с его (так он выразился) "черной гвардией", завербованной им обманным путем.

— Ежели вы, джентльмены, сражаетесь за свободу, то уж негры и подавно могут за нее сражаться, — сказал я, в ответ на что Генри закричал, потрясая кулаком:

— Чертовы мерзавцы, попадись мне хоть один, уложу на месте вот этой рукой!

И наша матушка поддержала его, заявив, что эти разговоры насчет негритянского мятежа — самые чудовищные и отцеубийственные слова, какие когда-либо слышала наша несчастная родина. Она, по крайности, была более последовательна, чем брат Хел. Она требовала одинакового повиновения властям как от черных, так и от белых, в то время как Хел признавал право на свободу только для людей с белой кожей.

Оба они, и госпожа Эсмонд и Гарри, в подтверждение своих слов опирались на пример мистера Гамбо. Получив от меня вольную в награду за его удивительную преданность и привязанность ко мне в трудные времена, Гамбо по возвращении в Виргинию не стал желанным гостем на своем старом месте, в людской моей матушки. Он был теперь свободный гражданин, в то время как другие негры оставались рабами, и это сделало его как бы средоточием всех мятежных настроений. Он напускал на себя важность и принимал покровительственный вид, хвастался своими друзьями, оставшимися в Европе ("дома", как он это называл), и своими подвигами там и первое время, подобно мартышке, повидавшей свет, собирал вокруг себя толпу восхищенных слушателей. Слуга же Хела Сейди, по собственному желанию возвратившийся в Америку, оставался рабом. Это породило зависть и неприязнь, а затем и баталии, в коих оба показывали благородное искусство кулачного боя и бодания, освоенное ими в Мэрибон-Гарденс и в Хокли-ин-де-холл. И не один только Сейди завидовал Гамбо: почти все наши слуги возненавидели синьора Гамбо за его зазнайство, и с грустью должен признаться, что даже наша верная Молли, его жена, стала проявлять недовольство и ревность. Негры не могли простить ей, что она позволила себе так унизиться, что вышла замуж за одного из их среды. Потеряв всякое к ней уважение, они перестали ее слушаться, и она начала то и дело прибегать к хозяйке с бесконечными

жалобами на черных слуг, что они-де ленивы, лживы и не чисты на руку, а в конечном счете воспылала ревностью к некой Дине, или Диане, которая, от души надеюсь, была так же непорочна и чиста, как ее тезка, посещавшая в лунную ночь Эндимиона. Ну, а в вопросах нравственности госпожа Эсмонд была сущий дракон в юбке. Обвиненный был в ее глазах уже виновен. И она обрушилась на мистера Гамбо с упреками, на что он отвечал с большой запальчивостью. Забыв, что она имеет дело со свободным джентльменом, матушка приказала выпороть Гамбо, и тут на ее милость накинута Молли, — вся ее ярость, вызванная неверностью мужа, мгновенно испарилась при мысли об унижении, которому его грозят подвергнуть, и в нашем кэслвудском доме начался форменный бунт. Я тоже заступился за моего слугу, и между мной и матушкой вспыхнула ссора. Хел и Фанни, наоборот, стали на ее сторону, и в этом отношении наша размолвка принесла даже кое-какую пользу, так как привела к некоторому сближению между матушкой и ее младшими детьми. Это недоразумение довольно быстро уладилось, но одновременно стало ясно, что знамя мятежа должно быть удалено из нашего дома, и было решено, что мистер Гамбо с супругой возвратятся в Европу.

Мы с Тео, видит бог, были бы рады отправиться вместе с ними, ибо наш мальчик хворал и чах, схватив лихорадку в этой болотистой стране, но Тео в это время уже снова ждала ребенка (нашего сына Генри), и, кроме того, она знала, что я обещал остаться в Виргинии. В конце концов мы сошлись на том, что надо отправить в Англию обоих наших детей, но когда я предложил Тео поехать вместе с ними, она заявила, что место жены — возле ее мужа, а о детях сумеют позаботиться ее отец и Эtti, и ни единой слезинки не скатилось в моем присутствии из ее глаз, пока она готовила наших малюток в дорогу. Помнишь ли ты эти дни, о моя дорогая, и ту тягостную тишину, что царила за рабочим столом, на котором были навалены груды распашонок, приготовленных для путешествия? И как мы заглядывали украдкой в детскую, где спали дети, еще не разлученные с нами? И страшные часы расставания, когда лодка с нашими детьми и слугами направлялась к стоявшему на рейде кораблю, а ты глядела с берега ей вслед? Сам принц Уэльский, отправляясь в путешествие, едва ли мог быть лучше экипирован, нежели наши крошки. И где же, позвольте вас спросить, сэръ, те томпъеновские часы, которые подарила вам бабушка? И как удалось вам остаться в живых, вопреки необъятному количеству коробок с пирожным, которыми она загрузила вашу каюту?

Корабль увез от нас наших детишек, а из Англии доставил к нам его преподобие мистера Хэгана и леди Марию. Эта дама почла за лучшее

смирненно позабыть о своем звании и в колонии нашей (которой уже недолго суждено было оставаться колонией) стала зваться просто миссис Хэган. В Вестморлендском округе освободился приход, и милорд Дэнмор, весьма в то время ко мне благоволивший, отдал этот приход нашему родственнику, вовремя прибывшему в Виргинию, чтобы окрестить нашего новорожденного и прочесть несколько проповедей на тему о грозящих нам бедствиях. Госпожа Эсмонд нашла, что проповеди были превосходны, а леди Мария завоевала, как мне кажется, сердце нашей матушки тем, что решительно отказывалась проходить в дверь первой и всегда пропускала госпожу Эсмонд вперед.

— Я не спорю, мой отец, а ваш брат, был графом, — говорила Мария, — но вы, ваша милость, — дочь маркиза, и я никогда не позволю себе настолько забыть, чтобы пройти впереди вас!

Госпожа Эсмонд была так очарована своей племянницей, что даже разрешила Хэгану прочитать несколько монологов из пьес (и из моего скромного сочинения среди прочих) и вынуждена была признать, что трагедия "Покахонтас", прочитанная нашим священником с необычайной выразительностью и жаром, не лишена известных достоинств.

В те дни, когда священник с супругой гостили у нас в Каслвуде или Ричмонде, Хел и его жена лишь изредка навещали нас. Фанни была крайне невежлива и даже груба с леди Марией, то и дело как-то странно хихикала и неустанно напоминала ей о ее возрасте, чрезвычайно удивляя этим нашу матушку, которая не раз спрашивала у нас, не было ли какой размолвки между ее невесткой и племянницей и по какой причине?! Я в этих случаях отмалчивался, но часто бывал сильно растроган кротостью, с какой старшая из дам выдерживала наскоки младшей. Фанни особенно любила терзать леди Марию в присутствии ее супруга (ведь этот бедняга, так же как госпожа Эсмонд, пребывал в счастливом неведении относительно прошлого своей жены), а та стоически сносила эти муки. Я пытался иногда урезонивать Фанни и даже спрашивал ее, уж не из племени ли она краснокожих, если ей доставляет удовольствие так мучить свою жертву.

— А разве мало мучили меня? — в свою очередь, спросила эта молодая особа, всем своим видом давая понять, что она твердо намерена отплатить за все нанесенные ей обиды.

— Это неправда, — сказал я. — Вы выросли в нашем вигваме и, насколько я помню, не видели здесь ничего, кроме добра!

— Добра! — вскричала она. — Да ни с одним рабом не обращались хуже, чем со мной! Непреднамеренные удары часто бывают самые

болезненные. И ненавидят нас не те, кому мы нанесли обиды.

Мне вспомнилась малютка Фанни моих детских лет — тихая, кроткая, всегда с улыбкой на устах, всегда готовая броситься исполнять наши поручения, — и мне стало жаль моего бедного брата, отогревшего это коварное создание на своей груди.

Глава LXXXVIII

Янки Дудл Удалец

Во времена нашего владычества над американскими колониями мы наряду с прочим использовали их еще и как пристанище для наших грешников. Помимо приговоренных к наказанию преступников и ссыльных, мы высаживали на берега заокеанских колоний всякого рода бездельников и младших сыновей, вынужденных покинуть Англию вследствие разгульного образа жизни, безнадёжности положения и домогательств бейлифов. И подобно тому, как мистер Кук во время своих путешествий преподносил жителям открытых им островов подарки в виде привезенных из Англии животных (наряду с другими образчиками европейской цивилизации), мы усердно отправляли в наши колонии образчики наших "паршивых овец", предоставляя им существовать там по своему разумению на подножном корму и плодить драгоценное потомство. Я и сам в этом деле был не без греха, ибо постарался подыскать мистеру Хэгану, мужу моей родственницы, приход в Америке. Вина моя была в том, что, не сумев пристроить его к делу в Англии, мы только рады были сплавить его в Виргинию и предоставить в его распоряжение кафедру проповедника. Правда, он зарекомендовал себя там человеком мужественным и честным, он добросовестно исполнял свой долг, не посрамив себя ни перед своей паствой, ни перед своим королем, и в этом смысле полностью оправдал оказанное ему мною покровительство.

Тео напоминала мне об этом всякий раз, когда я признавался ей, что в этом вопросе совесть моя не вполне чиста, и, как обычно, старалась убедить меня, что и в этом случае, как и во всех прочих, мои поступки были продиктованы побуждениями самой высокой нравственности и чести. Однако поселил ли бы я Хэгана у себя в поместье, вверил бы я ему и его супруге заботы о нашем приходе? Боюсь, что нет. Я никогда не сомневался в том, что моя кузина искренне покаялась в своих заблуждениях, но втайне, кажется, был все же рад, когда она отправилась спасать душу в нашу колониальную глушь. И, говоря так, я признаюсь в своей гордыне и в своей неправоте. В те дни, когда я особенно нуждался в сочувствии, добрая Мария дважды протянула мне руку дружбы и помощи. И она мужественно несла бремя своих невзгод и с необычайной преданностью и самопожертвованием облегчала невзгоды других. И тем не менее я и кое-кто из близких мне (но не Тео) позволяли себе смотреть на нее сверху вниз.

О, стыд и позор, стыд и позор нам, гордецам!

Бедная леди Мария была не единственным членом нашей семьи, которого постарались убрать с глаз долой в глушь американских провинций. Досточтимый Уильям Эсмонд, эсквайр, мошенничал, крал и делал долги у себя на родине до тех пор, пока уже не мог больше ни мошенничать, ни красть, ни делать долги, и тогда его благородный брат вместе со своим августейшим покровителем преисполнился самым пылким желанием никогда его больше не видеть, и для него отыскалось местечко в Нью-Йорке. Когда же в Америке началась смута, слухи о его подвигах дошли и до нас. Куда бы ни занесла судьба этого господина, обман и всяческие жульнические проделки были его *avant couriers* {Герольдами (франц.)}. Милорд Дэнмор сообщил мне, что мистер Уилл публично заявил следующее: Каслвуд находится в нашем владении лишь до тех пор, пока на то есть воля его брата; его отец из уважения, дескать, к госпоже Эсмонд, сводной сестре его сиятельства, отдал ей это поместье в пожизненное владение, и он, Уильям, ведет переговоры со своим братом, нынешним лордом Каслвудом, о том, чтобы откупить у него поместье! Дарственная на имение хранилась под замком у нас в Каслвуде, в свое время она была по всей форме зарегистрирована в Уильямсберге, так что нам беспокоиться было не о чем. Однако для нас важны были намерения этого господина, и мы с Хелом решили при первой же встрече с мистером Уильямом потребовать у него объяснений. Едва ли нужно описывать чувства госпожи Эсмонд при этом известии и повторять все слова, в коих они излились.

— Как! Мой отец, маркиз Эсмонд, был, значит, обманщик, а я мошенница, так по-вашему? — вскричала она. — И после моей смерти он завладеет имуществом моего сына, так он грозит? — И наша матушка уже собралась было писать не только лорду Каслвуду в Англию, но и самому его величеству королю в Сент-Джеймский дворец, и мне с немалым трудом удалось этому помешать, заверив ее, что мистер Уилл, как всем известно, непревзойденный враль, и было бы странно ждать, что ради нас он вдруг изменит своим привычкам и начнет говорить правду. А затем до нас стали долетать слухи о том, что в Нью-Йорке мистер Уилл слывет одним из самых горластых верноподданных короля и из капитанов уже произведен в майоры добровольческого отряда, рассылающего воззвания ко всем благонамеренным лицам в других колониях и заявляющего о своей готовности сложить голову за старую родину.

Можно ли жить в доме, если в нем не осталось ни одного целого стекла в окнах? Госпожа Эсмонд распорядилась закрыть ставнями окна

этого злополучного жилища, арендованного нами в Уильямсберге, и наше семейство возвратилось в Ричмонд — в свою очередь, покинутый всеми членами ассамблеи (к тому времени распущенной). Капитан Хел и его супруга еще раньше поспешили вернуться на свою плантацию, а я, порядком недовольный оборотом событий, делил свое время между нашим домом и домом губернатора, который, по его словам, жаждал моего общества и моих советов. Политические разногласия становились все глубже, но до разрыва личных отношений еще не доходило. Даже после роспуска нашей ассамблеи (члены которой перенесли свои заседания в один из трактиров, где, как мне кажется, и состоялось то знаменитое собрание, на котором впервые зародилась идея созыва Конгресса всех колоний) все, кто находился в решительной оппозиции к существующему правительству, по-прежнему оставались добрыми друзьями губернатора, широко пользовались его гостеприимством и сопровождали его в увеселительных прогулках.

После закрытия сессии члены ассамблеи разъехались по домам и провели каждый у себя собрания, и так как ассамблеи почти во всех остальных провинциях также были внезапно распущены, повсеместно было решено созвать объединенный Конгресс. Местом Конгресса избрали Филадельфию, как самый крупный и значительный город нашего континента, и там начались знаменитые конференции, ставшие воинственной прелюдией войны. Мы все еще кричали: "Боже, храни короля!" — мы все еще посылали наши смиренные петиции монарху, но вот однажды я отправился навестить моего брата Гарри в его Фаннистаун (это его новое имение было расположено неподалеку от нашего, но на другом берегу Раппаханнока, ближе к реке Маттапони) и не застал его дома. Узнав от одного из конюхов, что хозяин еще утром уехал верхом по делам в сторону трактира Уиллиса, я, без всякой задней мысли, отправился в том же направлении и неподалеку от трактира, выехав из леса на опушку, увидел капитана Хела верхом на лошади и с ним еще три-четыре десятка его соотечественников, вооруженных самым разнообразным оружием: пиками, косами, охотничьими ружьями и мушкетами. Вместе с несколькими молодыми парнями, исполнявшими роль его помощников-офицеров, капитан проводил с ними военные учения. При виде меня Хел изменился в лице.

— На караул! — скомандовал он, и его воинство в меру своего умения выполнило приказ. — Капитан Кейд, разрешите представить вам моего брата сэра Джорджа Уорингтона.

— Мы рады приветствовать этого джентльмена, поскольку он ваш

родственник, полковник, — говорит эта личность, именуемая капитаном, и протягивает мне руку.

— И... истинный друг Виргинии, — говорит Хел, заливаясь краской.

— Это верно, джентльмены, да хранит вас бог, — говорю я, на что весь полк отвечает дружным "ура" в честь полковника и его брата. Закончив муштру, офицеры вместе с новобранцами предлагают отправиться в трактир Уиллиса, дабы немного подкрепиться, но полковник Хел говорит, что сегодня он не может разделить с ними компанию, и мы вдвоем поворачиваем наших коней в сторону дома.

— Что ж, Хел, шила в мешке не утаишь, — говорю я. Он устремляет на меня твердый взгляд.

— В мешке найдутся шила и пострашнее, — говорит он. — Все шло к этому, Джордж. Слушай, только ничего не говори матушке.

— Боже милостивый! — говорю я. — Неужто ты и твои друзья воображаете, что с этими парнями, которых я сейчас здесь видел, вы можете дать бой самой великой нации в мире и лучшей армии на земле?

— Да, конечно, нас разделают под орех, — говорит он, — это уж как пить дать. Но ты понимаешь, Джордж, — продолжает он и улыбается своей славной, открытой улыбкой, — мы молоды, и такая взбучка пойдет нам только на пользу. Как ты считаешь, Долли, старуха, верно я говорю? — И он шутливо стегнул хлыстом старую, выдавшую виды собаку, бежавшую рядом с его лошастью.

Я не стал урезонивать его, доказывая, что права наша, британская сторона, — слишком много безуспешных попыток было уже мною сделано. Он неизменно отводил все мои доводы, говоря:

"Все это прекрасно, братец, но ты ведь рассуждаешь как англичанин, ты связал свою судьбу с этой страной, а я — со своей", — и на эти его слова у меня не было ответа, и нам оставалось только разрешить наш спор в битве, где сила должна была доказать правоту. Чью правоту доказали нам битвы прошлого столетия? Короля или парламента? Правы были те, кто одержал верх и, победив, проявил гуманность, какой мы не могли бы ждать от роялистов, одержи они победу. А что было бы, если бы мы, тори, одержали победу в Америке? О, сколь ужасен, сколь кровав был бы наш триумф! Сколько виселиц, сколько эшафотов, какие благородные головы слетели бы с плеч! Не странно ли исповедовать подобные чувства? Да, это так, признаюсь: оставаясь на стороне приверженцев короля, я желал победы вигов. Но, с другой стороны, и мой брат Хел, доблестно отличившийся в сражениях вместе со своим полком, ни разу не обмолвился неуважительным словом о своем противнике.

— Офицеры английской армии, — говорил он всегда, — истинные джентльмены. По крайней мере, такими я их знал, и мне не доводилось слышать, чтобы они сильно изменились с тех пор. Могут, конечно, и в армии нашего противника попадаться отдельные негодяи и головорезы, но осмелюсь сказать, что и в рядах колонистов найдутся такие. Наше дело побеждать солдат его величества, а не осыпать их бранью — это любой прохвост сумеет.

Вот почему в континентальной армии за Гарри укрепилась кличка "Рыцарь Баярд", которую дал ему мистер Ли и которая мало кому из его молодцов-кавалеристов была понятна. Он ведь и в самом деле был рыцарем без страха и упрека.

А на вопрос:

— Да что эти парни, которых ты обучаешь, могут против британских солдат? — у Хела всегда был готов ответ:

— Они могут их побить, вот что они могут, мистер Джордж!

— Помилуй бог! — восклицал я. — Неужто ты с одной ротой вулфовских солдат побоялся бы атаковать пятьсот таких молодчиков, как эти твои?

— С моими ребятами из Шестьдесят седьмого полка я бы пошел на кого угодно. Конечно, не спорю, сейчас я немножко больше смыслю в военном деле, чем они, а все ж таки поставь меня на открытой лужайке, где ты нас нашел, и вооружи хоть до зубов, а с полдюжины моих ребят с ружьями расположи вокруг меня в лесу, и кто кого, спрашивается, одолеет, а? Уж тебе ли этого не понимать, адъютант мистера Брэдока!

Спорить с ним, когда он вобьет себе что-нибудь в голову, было бесполезно.

— Тебе известен мой образ мыслей, Хел, — сказал я, — и, раз уж я застал тебя врасплох за твоим занятием, то обязан доложить милорду обо всем, что видел.

— Правильно, ступай доложи. Ты видел, как обучается военному делу наше народное ополчение. И можешь увидеть это снова в любой колонии отсюда до реки Святого Лаврентия и до Джорджии. А мне, как старому солдату, они присвоили чин полковника. Что ж тут странного? Поехали, братец, пришпорь-ка свою лошадку, обед, верно, уже готов, а то миссис Фанни терпеть не может, когда опаздывают к столу.

И мы поскакали к его дому, который, как все дома наших виргинских джентльменов, готов был оказать гостеприимство не только друзьям и соседям, но и любому заезжему человеку.

— Послушайте, миссис Фанни, а ведь я открыл, чем развлекается на

досуге мой братец, — сказал я.

— Думаю, что у полковника теперь не будет недостатка в такого рода развлечениях, — отвечала она, надменно потрянув головой.

Моя жена подумала, что речь идет об охоте, и я не стал ее разубеждать, хотя и слова Гарри, и то, что я видел своими глазами, естественно, вселили в меня большую тревогу.

Глава LXXXIX

Полковник без полка

Покинув дом брата и отправив мою жену с малышом в Ричмонд к нашей матушке, я почел своим долгом поехать к губернатору, проживавшему тогда в своем загородном доме под Уильямсбергом, и потолковать с ним об этих открытых приготовлениях к войне, которые, насколько я понимал, происходили не только в нашей провинции, но и во всех колониях. На Конгресс в Филадельфии Виргиния послала своих делегатов, чьи имена впоследствии стали известны всему миру и сделались достоянием истории. В Массачусетсе народ и королевские солдаты уже с нескрываемой враждебностью поглядывали друг на друга. Мы пытались утешать себя тем, что в Мэриленде и Пенсильвании преобладали более мирные настроения, а в Каролине и Джорджии мать-метрополия могла рассчитывать на своих испытанных приверженцев и на большинство населения, и, уж конечно, никто не сомневался в том, что наша родная Виргиния никогда не изменит своей извечной преданности трону. Мы не держали большого войска в нашей провинции, но наше дворянство гордилось своими предками кавалерами, и вокруг губернатора роем вились шумные и самонадеянные роялисты, готовые в любую минуту обнажить шпагу и рассеять мятежный сброд. Понятно, что от них мне приходилось слышать немало резких слов про моего бедного Гарри. Все сходились на том (и, вероятно, не без оснований), что те крайние антибританские взгляды, которые он последнее время высказывал, внушены ему его супругой. Немало говорилось также и о том, что он ослеплен своей преданностью некоему господину из Маунт-Вернона и разделяет все его взгляды, а тот день ото дня все дальше и все безоглядней идет по дороге непокорства. "Вот вам ваш друг! — говорили приближенные к губернатору люди. И этот человек пользовался вашим особым доверием, вашим расположением и гостеприимством!" Спору нет, во многом они были правы, хотя то, что наши яростные роялисты называли изменой, в действительности доказывало совсем иное: мистер Вашингтон и многие его сторонники отнюдь не жаждали нарушить свою верность трону и упорно старались использовать любую возможность разрешить спор мирным путем, прежде чем решились пойти страшной дорогой открытого мятежа и отпадения от метрополии.

Пусть предатели вооружаются, пусть негодяи обнажают

отцеубийственный меч! Кто-кто, а уж мы-то останемся верны королю. Непобедимая Англия покажет свою мощь, и неблагодарные заблудшие провинции понесут заслуженную кару и будут приведены к повиновению! И под ликующие клики мы пили за здоровье его величества на наших банкетах! Мы готовы были сложить за него головы. Пусть кто-нибудь из царствующего дома прибудет к нам и правит своими старинными владениями! Неразумное поведение моего брата будет прощено — я и моя высокочтимая матушка "скупили его грехи своей преданностью. А может быть, еще не поздно склонить его на нашу сторону, предложив ему высокую командную должность? Не возьмусь ли я переговорить с ним, — ведь, как известно, я всегда имел на него большое влияние? И мы на наших уильямсбергских совещаниях то исполнялись надеждой, радовались и ликовали, то впадали в ярость против бунтовщиков, то нами овладевали сомнения и уныние и мы начинали с тревогой ждать помощи от метрополии.

Я согласился взять на себя переговоры с братом и написал ему письмо без особой, признаюсь, надежды на успех: я повторил все мои прежние доводы, но постарался вложить в них больше убедительности. Наша матушка тоже попыталась использовать свой авторитет, но от ее вмешательства я, откровенно говоря, не ждал проку. Она, по своему обычаю, принялась донимать Гарри текстами Священного писания, подтверждавшими, как она считала, ее собственные взгляды, и грозила ему карами небесными. Она напоминала Гарри, какое наказание уготовано тем, кто не повинуется властям предержащим. Ставила ему в пример его старшего брата и, боюсь, намекнула на то, что Гарри находится под башмаком у жены, а уж хуже этого ничего нельзя было придумать. Матушка не показала мне своего письма, — возможно, она догадывалась, что некоторые слишком энергичные выражения, которые ей угодно было употребить, придутся мне не по вкусу, — однако она дала мне прочесть ответное письмо Гарри, из чего я смог заключить, каков был смысл и тон ее послания. И если госпожа Эсмонд призвала на помощь себе Священное писание, то и мистер Хел, к моему изумлению, не поскупился в своем ответе на библейские тексты, и все его письмо было составлено в таком изящном, сдержанном и даже элегантном стиле, что, по моему разумению, это превосходило эпистолярные возможности не только его самого, но и его супруги. И в самом деле, как мне удалось выяснить, на сей раз Гарри прибег к услугам мистера Белмана, нового ричмондского священника, решительно ставшего ва сторону вигов и даже выступавшего и с проповедями, и в печати против мистера Хэгана, который, как я уже

говорил, примкнул к нашему лагерю, и боюсь, что в этом диспуте победу одержал мистер Белман.

Я преуспел в своих увещеваниях не больше, чем матушка. На мои письма Хел даже не ответил. А друзья губернатора продолжали на меня нажимать, и тогда я, не долго думая, написал ему, что в конце недели приеду проведать его в Фаннистаун. Однако, прибыв туда, я нашел там только мою невестку, которая оказала мне вполне радушный прием, но сообщила, что Хел уехал куда-то в сторону Синих гор поглядеть каких-то лошадей и будет в отсутствии... Она, право, не знает, как долго он будет в отсутствии!

Тогда я понял, что надеяться больше не на что.

— Моя дорогая, — сказал я, — насколько я могу судить, все указывает на то, что запальный шнур уже подведен, остается только поднести спичку, а этого не придется долго ждать. Гарри уходит от нас. Бог весть, к какому концу он придет.

— Правому делу споспешествует бог, сэръ Джордж, — отвечала она.

— Аминь! Говорю это от всей души. Вы с Гарри рассуждаете, как американцы, я — как англичанин. Передайте ему от меня: все мы под богом ходим, и если что-нибудь случится с нашей матушкой, я откажусь от своих прав на все наше поместье здесь, в Виргинии, в его пользу. Мне и моей семье вполне достаточно того, что мы имеем в Англии.

— Вы это серьезно, Джордж? — воскликнула госпожа Фанни, и глаза ее заблестели. — Ну что ж, в конце концов это вполне правильно и справедливо, поспешила она добавить. — Почему из-за того только, что вы старше его на какой-то час, все должно достаться одному вам? Все — и дворец, и земли в Англии... И именье здесь... и титул... и дети... а моему бедному Гарри ничего? Но все равно, это очень великодушно с вашей стороны... это благородный, красивый поступок, и я не ожидала такого от вас, — вы, я вижу, пошли не в вашу маменьку, сэръ Джордж, вот уж нет. Передайте мой привет сестрице Тео! — И на прощание она подставила мне для поцелуя щеку. Ну, мог ли я надеяться обратить брата в свою веру, если им верховодила такая женщина, как Фанни?

Потерпев неудачу в своем начинании, я вернулся к губернатору и согласился с ним, что настала пора ставить народ под ружье и готовиться встретить удар, которого нам теперь уже не придется долго ждать. И сам губернатор, и все приближенные к нему должностные лица находились в состоянии крайнего возбуждения и волнения; с излишней свирепостью, на мой взгляд, они изливали потоки брани на нечестивых вигов и, не жалея глотки, прославляли добрую старую Англию и ныне и присно; они с

нетерпением ждали того дня, когда получат наконец возможность сразиться с проклятыми вигами и стереть их в порошок. Его превосходительство изъявил мне свою благодарность на заседании совета, и я покинул его резиденцию, пообещав приложить все силы и старания к тому, чтобы поставить под ружье всех, кто способен встать на защиту трона. Так зародился отряд, который впоследствии стал известен под названием Вестморлендских Защитников и которым я, будучи произведен в чин полковника, был призван командовать на поле боя. Предполагалось, что отряд будет создан без промедления, лишь только страну оповестят о том, что командиром волонтеров назначается человек такого знатного происхождения, как я. Соответствующее объявление было помещено в правительственной "Газете", и с набором офицеров дело сразу пошло на лад, но вот солдаты, с сожалением должен признаться, прибывали к нам куда как медленно, а исчезали куда как быстро. Тем не менее наш друг Хэган поспешил предложить нам свои услуги в качестве капеллана, а госпожа Эсмонд сшила для нас знамя и совершила поездку по округе, вербуя добровольцев. Однако наиболее ревностным вербовщиком оказался мой добрый старый наставник мистер Демпстер, который в молодости сражался на стороне якобитов в Шотландии; теперь он предпринял поездку в Южную и Северную Каролину к детям своих бывших товарищей по оружию, носивших когда-то белые кокарды принца Чарльза, а затем высланных за океан; они-то, как никто другой, и доказали свою стойкую преданность трону в предстоящих схватках.

Отправившись добывать лошадей, Хел добрался не только до границ нашей колонии — Синих гор, — но совершил оттуда большое путешествие в Аннаполис и в Балтимор, а из Балтимора, само собой понятно, — я в Филадельфию, где тогда заседал второй генеральный Конгресс с участием наших виргинских депутатов, избранных в прошлом году. Тем временем произошли события, описанные во всех исторических альманахах: состоялось сражение при Лексингтоне, и прозвучали первые выстрелы тех битв, которым суждено было принести нашей родине независимость.

Не переставая заявлять о преданности королю, мы в то же время не скрывали своей решимости стать свободными или умереть, и не менее двадцати тысяч верноподданных повстанцев с ружьями и пушками, позаимствованными из правительственных складов, собрались в Бостоне и его окрестностях. Здесь мистер Арнольд начал свою столь блистательно затем закончившуюся карьеру смелым захватом и разграблением двух фортов, сопротивление которых ему удалось сломить. На выручку к мистеру Гейджу, положение которого в Бостоне было далеко не завидным,

были посланы три генерала с Бонд-стрит во главе крупных подкреплений. Армии противников вошли наконец в соприкосновение, и английские генералы начали свою миссию покорения и замирения колоний с прославленного военного промаха при Бридс-Хилл. Здесь они заняли оборону, не чувствуя себя пока что достаточно сильными для дальнейших ошеломительных побед над мятежниками. Итак, обе армии стояли, поглядывая друг на друга, в то время как Конгресс в Филадельфии не спеша решал вопрос, кто возглавит армию объединившихся колоний.

Всем известно, на кого пал счастливый выбор нации. Одним из виргинских полков, шедших на соединение с главнокомандующим, командовал Генри Эсмонд-Уорингтон, эсквайр, бывший капитан армии его величества, а бок о бок с ним скакала его супруга, впоследствии прославившаяся своей храбростью. Я был рад, что миссис Фанни покинула Виргинию: останься она здесь после отъезда мужа, и наша матушка наверняка отправилась бы к ней, чтобы дать бой по всем правилам, и я благодарил небо за то, что хотя бы эта страшная междоусобица не омрачила историю нашей семьи.

Большинство наших фермеров и поселян устремилось в ряды вновь созданной Северной армии, и населению очень пришлось по душе, что главное командование было отдано в руки виргинского джентльмена. С гневом и яростью внимали провинции сообщениям о кровопролитии при Лексингтоне. Все проклинали бесстыдство и жестокость британских захватчиков. И хотя захватчики лишь исполняли свой долг, а их встретили с оружием в руках, не позволяя взять то, что принадлежало им по праву, тем не менее люди, как оно всегда бывает, в запальчивости не давали себе труда задуматься над своими словами. Колонисты приняли сторону мятежников и со всей отвагой и пылом готовы были помериться силами с властолюбивой и наглой метрополией. Все жители Американского континента как бы воочию увидели развевающееся на вершине Бридс-Хилла знамя Победы, Славы и Свободы.

Значит, наши фермеры и землепашцы могут противостоят грозному войску завоевателей! Наши врачи, адвокаты и прочие мирные граждане могут командовать войсками не хуже прославленных британских офицеров! Общеизвестно, что британцы способны покорить весь мир, — но вот теперь перед нами их дети, и они готовы сразиться с британцами и победить! Право, не возьмусь судить, какая из сторон заслужила пальму первенства как по части храбрости, так и по части бахвальства. Мы взяли себе в обычай высмеивать легкомыслие и пустую похвальбу наших соседей-французов. Но кто может потягаться с британцами по части

самодовольства и несокрушимой веры в свое великодушие, отвагу и величие, если не отпрыски тех же британцев по ту сторону Атлантического океана?

Большинство местного населения принимало в этом столкновении сил сторону повстанцев, и, правду сказать, сэр Джордж Уорингтон видел, что ряды его Вестморлендских Защитников уже с самого начала пополнявшиеся весьма туго, начали плачевно быстро редеть, и не только вследствие того, что к ним долетела весть о сражении на Севере, но и вследствие поведения губернатора, которое до глубины души возмутило всех — и в первую очередь его сторонников и твердых приверженцев английского трона. Когда губернатор водрузил королевский штандарт и призвал всех верноподданных английской короны сплотиться вокруг ней, действия его получили одобрение на многочисленных собраниях и были встречены рукоплесканиями за тысячами бокалов вина. У меня отличная память, и я могу назвать многих из числа нынешних процветающих чиновников в правительстве Соединенных Штатов Америки, которые в те дни, с трудом подавляя икоту, молили, чтобы им дали возможность умереть под британским флагом, и выкрикивали проклятия изменникам, примкнувшим к войскам мятежников. Но не будем ворошить прошлое.

Однако история не забудет того, что его превосходительство губернатор, пэр Шотландии и наместник короля в Старом Доминионе, столь громогласно призывавший всех под королевские знамена, был первым, кто их покинул и сбежал со своего поста на корабль, подальше от опасности. После этого он появлялся на берегу лишь по ночам, как пират, дабы предавать селенья огню и мечу, в то время как мы, дворяне, сохранявшие верность королю, оставались там, исполняя свой долг, и подвергались еще большей опасности из-за слабости и бездушия того, кто призван был стать нашим вождем. Было начало июня; наши луга и сады пышно цвели и наливались соками под летним солнцем. Всего неделю назад я был в Уильямсберге, мы обменивались любезностями с его превосходительством и обсуждали план дальнейших действий, которые должны были привести к полному разгрому противника. *Vincere aut mori* {Победить или умереть (лат.)} — было нашим прощальным приветствием, когда мы сердечно пожимали друг другу руки. Наше маленькое семейство, собравшись в Ричмонде, обсуждало, как повелось, последние события на Севере и разногласия, возникшие между его превосходительством и вновь созванной им ассамблеей, когда в гостиную ворвался бледный как полотно Хэган и спросил:

— Слышали, что сообщают о губернаторе?

— Может быть, он снова распустил ассамблею и заковал этого мерзавца Патрика Генри в кандалы? — высказала предположение госпожа Эсмонд.

— Ничего похожего! Его превосходительство вместе с супругой и всем семейством тайно покинул ночью свой дворец. Он находится сейчас на борту военного корабля, стоящего на рейде у Йорка, и уже отправил оттуда ассамблее депешу, в которой предлагает продолжать заседания и сообщает, что покинул свою резиденцию, опасаясь народного гнева.

Какова же будет теперь участь овец, от которых сбежал пастух? Что может быть трогательнее и трагичней тех молений, кои члены Собрания возносили губернатору, гарантируя ему полную безопасность, если он, снизойдя к их мольбам, вернется на берег, хотя бы лишь для того, чтобы появиться в Собрании, провести необходимые законопроекты и завершить текущие дела. Нет и нет. Правительственная резиденция переносится теперь на военный корабль, и его превосходительство желает, чтобы члены Собрания посетили его там. Ну, тут уж губернатор хватил через край, явно превысив свои полномочия королевского наместника. Итак, поскольку наш губернатор покинул нас, Собрание волей-неволей стало править без него. И лишь кучка разного сброда поднялась следом за отступником вице-королем на борт его судна. Высаживаясь на берег под покровом темноты, он вместе со своими черными сподвижниками (к беглому правителю присоединились беглые негры, удравшие с плантаций) совершал то тут, то там внезапные набеги и так жег и грабил, что посрамил самых необузданных из наших противников. Он не только привлекал на свою сторону беглых негров, но даже послал гонца к индейцам, предлагая им встать под его знамена. Он высаживался на берег и предавал все огню и мечу, если же народ оказывал ему сопротивление, как было в Норфолке и Хемптоне, он отступал, чтобы снова укрыться на своем корабле.

После столь постыдного бегства нашего вождя даже госпожа Эсмонд потеряла былую уверенность и уже не надеялась на скорое подавление мятежа. Раздать неграм оружие — это, по ее мнению, было самым подлым ударом в спину. Поместья многих верноподданных дворян его величества были разграблены, их достояние расхищено. Несколько самых негодных из наших рабов бежали из Ричмонда и Каслвуда и завербовались во флот доблестного губернатора. Кое-кто из них был убит, а кое-кто повешен нашими противниками за мародерство и грабеж, в которых они отличались, состоя в рядах славной армии его превосходительства. А госпожа Эсмонд — изменила ли она делу Чести и Верности короне, когда ее имуществу был незаконно нанесен ущерб, а самый высокопоставленный слуга короля

оказался ничтожеством? Нет, моя дражайшая матушка никогда еще не держалась с таким горделивым достоинством и не заявляла так громко о своей неколебимой преданности королю, как после постыдного дезертирства губернатора. И хотя многие из окружавших госпожу Эсмонд людей не разделяли ее воззрений, они внимали ей не без сочувствия. Ее чудачества были широко известны в нашей провинции. И среди людей молодых находилось немало охотников ее подзадорить и забавы ради послушать рассказы о жизни ее отца-маркиза, и о былом блеске нашей семьи, и так далее, но наряду с этими чудачествами у всех на памяти были и добрые ее дела, и широкая благотворительность, и многие из тех, кого она называла бунтовщиками, испытывали невольное уважение к этой надменной маленькой роялистке.

Что же касается командира Вестморлендских Защитников, то, хотя отряд этот после позорного бегства губернатора полностью распался, однако мистеру Уорингтону и его семье удалось избежать большой опасности, возникшей в результате некой стычки между ним и лордом Дэнмором. После того как его превосходительство сжег склады в Хемптоне и разбросал прокламации, призывавшие негров встать под его знамена, я, поднявшись на борт корабля, позволил себе без стеснения выразить милорду свое возмущение подобными его действиями; я заклинал губернатора возвратиться в Уильямсберг, где сотни, а можно надеяться, и тысячи приверженцев короля готовы будут защищать его до последней капли крови, и в этих своих призывах так мало стеснялся в выражениях и, должно быть, так ясно дал понять, сколь презренным кажется мне поведение его превосходительства, что милорд пришел в страшную ярость, обозвал меня чертовым бунтовщиком под стать всем прочим и приказал подвергнуть меня аресту на борту корабля. Однако, будучи офицером милиции (ибо, как только у нас возникли беспорядки, я тут же облачился в красный мундир в знак своей принадлежности к королевской армии), я потребовал немедленного предания меня военно-полевому суду и, обратившись к двум офицерам, присутствовавшим при этой перепалке, просил их запомнить, что именно между нами произошло. Джентльмены эти, по-видимому, полностью разделяли мои взгляды на поведение своего начальника, и мой визит на корабль закончился тем, что я сошел с него без конвоя. Рассказ об этом происшествии, приукрашенный кое-какими подробностями, быстро распространился среди дворян-вигов. Говорили, что я мужественно выложил губернатору все напрямик ни один виг не мог бы высказаться в более либеральном духе. И когда в Ричмонде вспыхнули мятежи и многие из остававшихся там роялистов вынуждены были, спасая

свою жизнь, искать прибежища на борту кораблей, дом моей матушки ни разу не подвергся нападению и никого из членов ее семьи и пальцем не тронули. В те дни разлад еще не достиг апогея, еще можно было надеяться на примирение.

— Эх, если бы все тори были похожи на вас! — сказал мне один весьма достойный виг. — Мы тогда легко нашли бы общий язык.

Но все это, разумеется, говорилось до знаменитого 4 июля и Декларации, которая сделала всякое примирение невозможным. Впоследствии, когда вражда между партиями обострилась, моему поведению приписывались уже куда менее благородные мотивы: меня называли хитрой лисой и говорили, что я избрал позицию либерального тори с единственной целью — сохранить мое поместье, как бы ни обернулось дело. Должен признаться, что подобное мнение о моей скромной особе укрепилось и в весьма высоких сферах в Англии, и нередко те или иные мои действия во время этих злосчастных событий старались объяснить чрезмерной моей заботой о собственном благе.

Только два-три человека на всей земле (ибо я не открыл даже нашей матушке, что решил уступить брату все права на американское наследство) знают, как мало руководствовался я в своих действиях своекорыстными соображениями. Но разубедить кого бы то ни было на этот счет я не видел нужды. Чего стоит наша жизнь, если мы должны идти, так сказать, а la piste {По следу (франц.)} каждой возводимой на нас клеветы и стараться ее опровергнуть? К тому же я и по сей день не знаю, чем, в сущности, объяснить то, что нашу матушку, самую отъявленную роялистку, ни разу за все годы не потревожили в ее каслвудском поместье, если не считать того, что к ней иногда ставили на постой отряд или роту континентальных войск? Повторяю, я не могу ничего сказать с уверенностью, хотя кое-какие предположения, и довольно, мне кажется, близкие к истине, у меня на этот счет есть. После военных действий под Бостоном Фанни, оставив своего полковника, возвратилась в Фаннистаун. Мой скромный Хел не пожелал до окончания войны принять более высокий чин, считая, что принесет больше пользы, если будет командовать полком, а не дивизией. Миссис Фанни, как я уже сказал, возвратилась домой, и можно было только удивляться тому, как бесследно испарилась вся ее враждебность к госпоже Эсмонд и какую заботу стала она проявлять и к хозяйке, и к имению. Жена Хела состояла в большой дружбе с губернатором и с некоторыми весьма влиятельными членами нового Собрания, а госпожа Эсмонд была безвредна, и во имя заслуг сына, доблестно сражавшегося за родину, можно было взглянуть сквозь пальцы на ее заблуждения... Не знаю в точности, как все это

происходило, но только на протяжении нескольких лет наша матушка жила в полной безопасности, не испытывая никаких неудобств, если не считать крупных правительственных поставок, от которых, разумеется, невозможно было уклониться, и лишь с появлением у нас в усадьбе красных мундиров постучалась в ее ворота беда.

Глава ХС,

о которой мы и сражаемся, ... и спасаемся бегством

Какой прок от полковника без полка? Губернатор и военный совет, еще недавно рассыпавшиеся в благодарностях, возлагая на меня командование, были теперь далеко, отсиживались на кораблях, время от времени совершая грабежи и поджоги в прибрежных селениях. Чернокожие союзники лорда Дэнмора отпугнули от него его белых соплеменников, однако, как нам стало известно, милорд не довольствовался тем, что призвал под ружье негров, но отрядил еще посланца к индейцам Юга, кои должны были явиться к нам в несметном количестве и томагавками научить нас послушанию. "И это наши союзники!" — заметил я матушке, обмениваясь с ней мрачными взглядами и с устрашающей отчетливостью вспоминая того дикаря, чье лицо склонялось надо мной и чей нож уже был занесен над моим горлом, когда Флорак уложил его на поле, где погиб Брэддок. Мы, насколько это было в наших возможностях, подготовили Каслвуд к обороне; по правде сказать, мы опасались не столько мятежников, сколько краснокожих и черных. Мне лишь однажды довелось стать свидетелем того, как матушке изменило мужество, — это произошло, когда она рассказывала нам подробности гибели отца, павшего в схватке с индейцами сорок с лишним лет тому назад. И теперь, когда ей почудились за окном какие-то тени, она рухнула на колени с криком: "Господи, пощади! Индейцы! Индейцы!" — и мы долго не могли ее успокоить.

Чернокожие союзники милорда скрылись на его кораблях, а может, подались туда, где они могли рассчитывать на жалованье или поживу; что же до размалеванных молодцов с Юга, то они так и не появились, хотя, признаюсь, я не раз, поглядывая на седую голову матушки, на каштановые волосы жены и золотистые кудряшки нашего малыша, с ужасом спрашивал себя, не станут ли и они жертвами этой зверской войны? И ведь это мы пускали в ход такие средства, мы прибегали к помощи таких союзников! Не беру на себя смелости толковать волю провидения, указуя на кого-либо обличающим перстом (хотя на это есть много охотников), но все-таки скажу: наша готовность использовать в этой войне индейцев и немецких наемников повлекла за собой заслуженное возмездие. Стоило войскам провинций атаковать наемников на поле боя, как те немедля отступали, и

эти победы над ними сильно поднимали дух континентальной армии; а наряду с этим убийство одной женщины (мисс Мак-Кри) кучкой пьяных индейцев причинило делу короля больший вред, чем поражение в битве или истребление целых полков.

Как только госпожа Эсмонд оправилась от своего страха перед индейцами, ее обычное самообладание вернулось к ней, и она стала очень серьезно и не без оснований беспокоиться о том, какой опасности я подвергаю и себя и других, оставаясь в Виргинии.

— Что могут они сделать мне, бедной старухе? — говорила она. — Если один из моих сыновей — полковник без полка, то зато под командой другого в лагере мистера Вашингтона добрых две сотни солдат. Если придут роялисты, они не тронут меня из уважения к тебе, а заявятся мятежники, так меня выручит имя Гарри. Я не могу допустить, сэр, чтобы ваша хрупкая жена и это прелестное дитя оставались здесь и тем навлекали на всех нас еще большую опасность. Надо переправить их в Бостон или в Нью-Йорк! Не желаю ничего и слышать о какой-то моей защите! Кому взбредет в голову тронуть жалкую, безвредную старуху? Если придут мятежники, я спрячусь за юбку миссис Фанни, и вообще, когда вас не будет в этом доме, я почувствую себя в большей безопасности.

Вероятно, она говорила так отчасти потому, что это и в самом деле было разумно, но главным ее желанием было избавить меня и мою семью от грозившей нам опасности. Что ж до нее самой, то, невзирая ни на что, она была полна решимости остаться там, где был похоронен ее отец и где сама она появилась на свет. Ее жизнь теперь была, если можно так выразиться, уже обращена в прошлое. Она встретила новое поколение, благословила его и простила с ним. Она принадлежала минувшему, былым дням и воспоминаниям.

Пока мы судили и рядили по поводу осады Бостона, пришло известие, что англичане оставили этот злополучный город, так и не отважившись атаковать лагерь мистера Вашингтона под Кембриджем (хотя, лишенные пороха, его войска многие месяцы были полностью в нашей власти); они дождались того, что ему подвезли боеприпасы, и он захватил и укрепил Дорчестерские высоты, господствующие над городом, после чего всей британской армии и английскому населению не оставалось ничего иного, как покинуть город. Победа королевских войск при Банкерс-Хилл столь же не вызывает сомнений, как и то, что при Бленгейме они разбили французов; однако потом на протяжении всей войны британские военачальники, видимо, побаивались атаковать укрепленные позиции континентальной армии; иначе чем объяснить, что с июля по март они не решались нанести

удар почти беззащитному неприятелю? Чем объяснить колебания на Лонг-Айленде, где континентальная армия была у нас в руках? Или поразительную робость Хоу при Вэлли-Фордж, где остатков истощенного, изнуренного болезнями и вконец обносившегося войска явно не хватало, чтобы удержать позиции перед лицом многочисленной, победоносной и прекрасно оснащенной армии?

Любопытно было наблюдать, как менялся тон приверженцев той и другой стороны в зависимости от взлета или спада ее надежд и опасений. Когда до нас дошли вести о сдаче Бостона, чуть ли не все виги в округе сочли необходимым навеститься к матушке и, засвидетельствовав свое почтение, посоветовать ей поскорее смириться. Да и она уже не столь открыто, как раньше, высказывала преданность королю и не столь яростно размахивала у всех на глазах своим знаменем, хотя и оставалась ему верна. Каждое утро и каждый вечер бедняга Хэган молился в кругу наших домочадцев за здравие королевской семьи, а по воскресеньям любой из соседей мог побывать на богослужении, где матушка весьма ревностно отправляла обязанности причетника и где во всеуслышание читалась молитва за парламент под эгидой нашего благочестивого и всемилостивейшего монарха. Милейший Хэган был капелланом без прихода, точно так же, как я был полковником без полка. Еще долго после того, как наш губернатор дал тягу, Хэган продолжал неустрашимо молиться в Уильямсберге за короля Георга. Но как-то в воскресенье, прибыв к церкви для отправления своего пасторского долга, он обнаружил перед ее дверью капрала, который уведомил его, что Комитет безопасности назначил на его место другого священнослужителя, а ему посоветовал укротить свой язык. Хэган потребовал от капрала "препроводить его к своим вождям" (наш честный друг всегда обожал громкие слова и трагические позы) и в сопровождении целой толпы белых и цветных бездельников, увязавшихся за ним, прошествовал к Капитолию. Здесь у него состоялась встреча с мистером Генри и новыми чиновниками штата или как он выразился, "с разбойниками в их собственном логове". Разумеется, он намеревался произнести перед этими джентльменами героическую речь (ибо был из тех, кто не прочь стать мучеником, если его будут поджаривать согат рорילו {При всем народе (лат.).} и предавать пыткам на глазах у толпы). Однако мистер Генри твердо решил не давать ему такой возможности. Когда, протомившись в приемной три или четыре часа в обществе негров, почтенный священнослужитель с непреклонным видом вошел в кабинет нового верховного судьи и начал заранее заготовленную речь фразой:

— Сэр, по какому праву меня, священнослужителя... — тот прервал

его на полуслове:

— Мистер Хэган, я слишком занят, чтобы выслушивать речи. Что до короля Георга, то теперь в этой стране у него не больше власти, чем у царя Новуходоносора. Запомните это и потрудитесь обуздать свой язык. Держитесь-ка лучше короля Джона или короля Макбета, и ежели надумаете рассылать билеты на свой бенефис, все Законодательное собрание в полном составе явится вас послушать. Вам, генерал, не доводилось ли в бытность вашу в Лондоне лицезреть господина Хэгана на театральных подмостках? — С этими словами Генри повернулся к помощнику главнокомандующего Вашингтона генералу Ли, который прибыл в Виргинию по государственным делам, а Хэган, пунцовый и едва не плачущий от стыда, был выдворен из комнаты. После этого мы сочли, что Хэгану лучше ограничить свои богослужения только нашим поместьем, и увезли туда добрейшего священника от его стропливой городской паствы.

Выдвижение виргинцев на самые высокие гражданские и военные посты в новом правительстве подкупало многих из наших влиятельных сторонников и льстило их тщеславию. Не будь этого и не поведи себя наши правители столь возмутительно, многие остались бы верпы короне и сумели бы не без успеха противостоять надвигавшемуся мятежу. И хотя нам, верноподданным, заткнули рот и надели на нас намордник, хотя Капитолий находился в руках виггов, хотя мы набирали верных короне рекрутов чаще всего лишь в призрачные, поистине фальстафовские полки, — все, кто остался верен королю, по-прежнему сносились друг с другом и в колонии, и за ее пределами. И пусть мы не восставали, пусть мы даже убегали, пусть некоторые из наших напуганных единомышленников, представ для допроса перед судами и комитетами, выдавали себя за республиканцев и сулили гибель королю и знати, мы все же неплохо понимали друг друга и, в зависимости от того, как складывались обстоятельства и насколько суровым было поведение властей, то скрывали цвет нашего знамени, то открыто размахивали им, то показывали его исподтишка, а то и вовсе отрекались от своих убеждений и кричали: "Долой короля Георга!"

Наши негры доставляли из дома в дом всевозможные послания и условные знаки. Те, кто не мог позволить себе действовать в открытую, тайно плели бесконечные интриги и составляли заговоры. Когда сражение окончено, стоявшие в стороне присоединяются к победителям и кричат о победе не менее громко, чем патриоты. А сбежавшие в расчет не принимаются. Кто станет утверждать, что люди, подписавшие и пылко превозносившие Декларацию независимости, не составляли меньшинства

нации и что победило не это меньшинство? Нам было известно, что часть разбитой массачусетской армии готовилась предпринять важную экспедицию в южном направлении, на успех которой возлагались величайшие надежды, и, горя желанием как можно скорее перейти к действиям, я при первой же возможности связался с бывшим губернатором Северной Каролины Мартином, к которому намеревался присоединиться в обществе трех или четырех виргинских джентльменов, числившихся офицерами того благородного полка, которому недоставало только рядовых. Мы не делали особого секрета из нашего отъезда из Каслвуда: дела Конгресса шли тогда не настолько хорошо, чтобы новые власти могли позволить себе какие-то особые ограничения или произвол по отношению к людям сомнительного образа мыслей. Двери дворянских поместий были по-прежнему открыты для гостей, и, по южным традициям, мы могли целыми месяцами (Проживать в домах у друзей. Взяв ребенка и необходимое число слуг, мы с женой распрощались с госпожой Эсмонд и отправились с визитом на одну из соседних плантаций. Оттуда мы перекочевали к другим друзьям, от них — к третьим, и так до тех пор, пока не добрались до Уилмингтона в Северной Каролине, где должны были примкнуть к освободителям, спешившим нам навстречу.

Накануне нашего прибытия Каролинские роялисты довольно энергично выступили в открытую. Однако их стычки с вигами окончились неудачей. Незадачливым потомкам шотландских горцев столь же не везло в их нынешней борьбе на стороне короля Георга, как в ту пору, когда они обнажили оружие против него у себя на родине. Только в конце мая мы добрались до Уилмингтона, где к тому времени уже стояла эскадра адмирала Паркера, на борту которой находился генерал Клинтон с пятью английскими полками, ставившими себе целью захват Чарльстона.

Сразу же по прибытии я представился генералу, который, увидав, что весь мой полк состоит из леди Уорингтон, грудного младенца да трех чернокожих слуг, встретил меня поначалу довольно холодно. Однако капитан Хорнер, командир фрегата "Сфинкс", служивший ранее на Ямайке, где, подобно многим другим, он пользовался гостеприимством милейшего губернатора, прослышав, что моя жена — дочь генерала Ламберта, радушно взял ее к себе на борт и предоставил в наше пользование лучшую каюту, теперь и мы, подобно Лорду Дэнмору, стали беглецами: едва развернув свой флаг, мы тут же засунули его в карман и потихоньку улизнули через черный ход. Из Уилмингтона мы быстро добрались до Чарльстона; за время этого плавания и продолжительной стоянки на реке, предшествовавших нападению на город, я несколько ближе сошелся с

Клинтоном, а впоследствии наше знакомство переросло в более тесную дружбу. Эскадра прибыла на место в день рождения короля, который мы и сочли подходящей датой для начала нашего предприятия.

Однако мы пустились в путь лишь несколько дней спустя, и я умышленно обхожу здесь молчанием сцену расставания моей Андромахи со своим Гектором, отплывавшим с эскадрой. Прежде всего, Гектор находится в добром здравии (хотя и немного страдает от подагры), и негодный Пирр не сделал его вдову своей военной добычей, а к тому же разве подобные сцены горя, страха и расставания не повторяются ежечасно в дни войны и смуты? Помню, как мы перебирались с кораблей в лодки, вижу склоненное над поручнями милое лицо жены и улыбку ребенка у нее на руках. Но все это минуло и былшем поросло! Не испытывая тяги к поэзии, вы, капитан Майлз, вероятно, не помните те стихи из "Гомера" мистера Попа, где описывается сцена прощания с отцом-героем; но маменька частенько читывала их вам, когда вы были ребенком, и до сих пор хранит где-то в одной из своих платяных коробок латный нагрудник, который был на мне в тот день.

Мой второй опыт боевых действий оказался не удачнее первого. Мы были разбиты наголову, и в тот же вечер вернулись на корабли. Все тот же отчаянный вояка Ли, с которым Клинтону довелось иметь дело в Бостоне, противостоял ему теперь в Чарльстоне. Ли и отважный гарнизон форта оказали нам самое решительное и весьма успешное сопротивление. Форт на Салливан-Айленд был крепким орешком, и разгрызть его оказалось нам не по зубам. Огонь всех наших фрегатов был слишком слаб, чтобы расколоть его скорлупу. Когда же офицеры под командой сэра Генри, который, как всегда, был первым в деле, двинулись на приступ вброд, поток оказался непреодолимым. Прежде чем вернуться к жене, я подвергся риску утонуть, умереть от простуды и быть застреленным; к тому же наш фрегат сел на мель, и противник в полное свое удовольствие громил его из пушек до тех пор, пока, наконец, нам не удалось сняться с мели.

Небольшое происшествие, приключившееся в самый разгар этой неудачной экспедиции, послужило поводом для той дружбы, которая в дальнейшем возникла между мной и сэром Гарри Клинтонем и на протяжении всех кампаний, в которых я участвовал, связывала меня с этим замечательным офицером. Можно по-разному оценивать его способности военачальника, но я убежден, что человеческие достоинства этого генерала, которого я уважаю и всем сердцем люблю, совершенно бесспорны. Благородство его поведения и мужество не подлежат сомнению, и он не раз это доказывал — будь то при последней атаке на Бридс-Хилл, когда, идя во

главе своих солдат, он взял приступом позиции континентальных войск, или теперь, при форте Салливан, или же год спустя, при форте Вашингтон, где, командуя штурмующей колонной, он со знаменем в руках пробился на высоту и ворвался в форт. Клинтон всегда и везде был в гуще боя, и трудно было сыскать на королевской службе более достойного воина.

Мы уже высаживались из лодок в воду с намерением пробиться к форту через проход, проложенный для нас корабельными орудиями, когда соседнюю с нами лодку поразило столь метко пущенное ядро, что оно одним махом вывело из строя три четверти команды вместе с рулевым-офицером и сбilo флаг за его спиной. Видя, как несчастные солдаты посыпались в воду, словно кегли, сбитые одним ударом, я не мог удержаться от восклицания:

— Bravo! Отличный прицел!

Тут генерал, обернувшись ко мне, угрюмо заметил:

— Сдается мне, сударь, что поведение неприятеля радует вас.

— Меня радует, сэръ, — отозвался я, — что эти мои соотечественники дерутся, как приличествует нашей нации.

Мы продвигались к форту, награждаемые подобными же знаками внимания из мушкетов и пушек, продвигались до тех пор, пока не убедились, что вода доходит нам уже до груди и поднимается с каждым шагом все выше, после чего нам не оставалось ничего другого, как вернуться к лодкам и убраться подобру-поздорову. После этой вылазки сэръ Генри навестил леди Уорингтон на "Сфинксе", был с ней весьма любезен и крепко подшучивал над автором этих скромных записок, коего он именовал не иначе как бунтовщиком в душе. Молю бога, чтобы моим детям не довелось стать свидетелями или участниками великих революций вроде той, что бушует ныне в стране наших несчастных соседей-французов. За редкими, крайне редкими исключениями к актерам этих великих трагедий лучше не приглядываться слишком пристально, ибо вожди на поверку оказываются не чем иным, как горластыми шарлатанами, герои — жалкими марионетками, а героини никак не могут похвастаться целомудрием. Награда далеко не всегда достается достойному, однако наша революция, как это ни удивительно, принесла ее как раз тому, кто больше всех ее заслуживал. А имена его врагов — помнит ли кто-нибудь их сейчас? И самые великие, самые удивительные его победы — отнюдь не те, которые он одержал в редких схватках с неприятелем, где успехи его были незначительны, а его победы над Конгрессом, над голодом и болезнями, над робкими друзьями и коварными врагами в его собственном стане, коих укрощал его могучий дух. Когда борьба закончилась и наши беспомощные

предводители, возглавлявшие ее, принялись выгораживать каждый себя и поносить друг друга на виду у всей нации, — каких только взаимных обвинений не пришлось нам услышать каких только причин для проволочек не выдвигалось, каких только жалких оправданий не измышлялось в объяснение того, что такая-то эскадра с опозданием прибыла к месту назначения, что такой-то полк неверно понял приказ, а вон те ядра не подходили к вон тем пушкам, и так без конца! Но вот перед нами генерал, который бивал нас порой без единого выстрела, без пороха, без денег, и уж он-то никогда не помышлял об уловках, его-то никогда не покидало мужество. Во дни сомнений и тревог, опасностей и долгих бурь войны одна только неукротимая душа американского военачальника не дрогнула ни на миг.

Разумеется, неудача нашей чарльстонской экспедиции была раздута до небес, неприятель объявил ее своей грандиозной победой, научившись (скорее всего, от своих же предков) бить в барабаны по поводу захвата в плен какого-нибудь патруля, точно речь шла о победе в крупном сражении. Мистер Ли, этот победитель победителей, ринулся в Нью-Йорк, вовсю трубя о своей победе, и никто не принес ему более горячих поздравлений, чем главнокомандующий американской армии. В те дни они обращались друг к другу не иначе как "мой дорогой Ли" и "дорогой генерал", и меня всегда трогало то простодушное доверие и почитание, коим пользовались у главнокомандующего в начальный период революции те из его офицеров, что ранее служили в королевской армии. Так некогда мексиканцы взирали на дотолу не виданных ими вооруженных испанских всадников! И уж можете не сомневаться, что этот полоумный горластый хвостун Ли (как и еще один континентальный генерал, чье имя и дела приобрели в дальнейшем печальную известность) не преминул воспользоваться скромностью главнокомандующего: он не скупился на советы, хвастал и насмеялся, отказывался повиноваться приказам, изо дня в день чиня все новые препятствия (как будто недоставало старых) на пути мистера Вашингтона, который лишь благодаря своему поразительному упорству не дал сбить себя с толку.

Во время нашего похода в Южную Каролину настал знаменательный день Четвертого июля, и Англия навеки распрощалась со своими тринадцатью колониями. Отличился и мой родной штат Виргиния, объявив, что все люди равно свободны, что вся власть принадлежит народу и только он один наделен неотъемлемым правом по собственному разумению менять, пересматривать или отменять форму правления и что идея наследственной верховной власти противоестественна и абсурдна! Наш

генерал передал мне этот документ, только что полученный из Уильямсберга, в тот момент, когда, огибая берега Виргинии, мы плыли к северу, и под общий смех и шутливые возгласы указал мне, что с 4 июля и впредь я обязан исповедовать это кредо. А что поделаешь? Я виргинец, и мои крестные отцы провозгласили от моего имени и поклялись, что все люди свободны, включая, разумеется, и соплеменников бедняги Гамбо, что идея монархии абсурдна и я вправе по собственному разумению изменять форму правления. Я подумал об оставшейся дома госпоже Эсмонд, — как-то она отнесется к этим догматам, когда они будут представлены ей на подпись. А как встретит их Хэган? В своей проповеди, где вся логика была на его стороне, он не оставил от них камня на камне, однако правительство США это почему-то нисколько не поколебало. Когда же он дошел до того места, где говорилось, что все люди свободны, и сделал вывод, что посему, надо полагать, Гамбо, Сейди и Натан обладают несомненным правом попасть в Конгресс, матушка остановила его: "Полно, полно, дорогой мистер Хэган! К чему повторять подобный вздор! Оставим эти злобные басни на долю мятежников!"

В середине августа мы подошли к Нью-Йорку, куда Хоу привел свою армию, отступившую к Галифаксу после бесславного изгнания из Бостона. В Нью-Йорке находился американский главнокомандующий, крупное сражение было неминуемо, и я ожидал его с чувством сомнения и беспокойства, ибо знал, что полк моего дорогого брата входит в состав войска, которое нам предстояло атаковать и, само собой разумеется, разбить наголову. Для этого сражения на небольшой остров была стянута почти вся американская армия, и каждый офицер как на той, так и на другой стороне понимал, что она неминуемо будет разбита и не имеет ни малейших шансов на спасение. Два фрегата, выделенных из доброй сотни кораблей, были размещены с таким расчетом, чтобы держать под прицелом укрепленный лагерь противника и путь его возможного отхода к Нью-Йорку через Ист-Ривер; они разнесли бы в щепы любую лодку, попытайся главнокомандующий бежать на ней, и принудили бы его сложить оружие на берегу. Вашингтон принял сражение. Его наскоро набранные рекруты были наголову разбиты, несколько генералов, лучшие войска и артиллерия захвачены в плен, а те, что уцелели после разгрома, забились в лагерь, но туда за ними по пятам ворвались преследователи. Однако победители были отозваны, а противник зажат в углу острова, откуда у него не было возможности спастись. "Они у нас в руках, и завтра мы их возьмем", — заявил милейший генерал Хоу. Для наблюдения за американскими войсками не было выделено ни одного корабля, за передвижением в их

лагере не следил ни один караул. И за одну ночь целая армия переправилась у нас под носом на материк, не потеряв при этом ни одного солдата. И все же генерал Хоу остался после этого на посту и довершил в Филадельфии свои доблестные деяния, начатые им на Лонг-Айленде и у Бридс-Хилл! Правда, в ту ночь к нам перебежал один из наших единомышленников, чтобы сообщить о начавшейся переправе, но он наткнулся на пикет, состоявший из немецких солдат, те его не понимали, а их командир либо бражничал, либо завалился спать. Наутро же, когда лазутчика привели к офицеру, понимавшему американский диалект, континентальная армия в полном составе уже переправилась через Ист-Ривер, и господство над тринадцатью колониями выскользнуло у нас из рук.

Моя оценка поведения нашего командующего отнюдь не была, чем-то исключительным в армии, хотя офицеры, непосредственно подчиненные мистеру Хоу, предпочитали помалкивать. Мне, вероятно, просто не везет. Иначе почему же мои неосторожные слова становились достоянием гласности быстрее, чем слова моих товарищей! Я был крайне взбешен тем, к чему свелась наша блистательная победа, но ведь и многие в армии были так же взбешены, почему же именно обо мне было доложено Хоу как о наиболее опасном из недовольных? В личной беседе Хоу был крайне любезен, галантен и добродушен.

— Итак, сэр Джордж, — заметил он мне, — вы ставите мне в вину как командиру то обстоятельство, что после сражения на Лонг-Айленде лег туман и ваши континентальные друзья проскользнули у меня между пальцев? А ведь мы захватили и перебили их немало. Так нет! Право же, на вас, господа офицеры-любители, ничем не угодишь. — И он пожал плечами, повернулся и заговорил с кем-то другим. Что же, пусть я и в самом деле не более чем любитель в воинском деле, а он любезнейший из всех людей, но скажи ему король Георг: "Ты никогда впредь не будешь моим офицером", — этот любезный и обходительный Кассио получил бы по заслугам.

Вскоре я узнал, каким образом командующему стало известно о моих настроениях. Мой любезный кузен мистер Уильям Эсмонд, который, разумеется, не преминул удрать из Нью-Йорка и со своего поста, как только королевские власти оставили город и туда вошел Вашингтон, вернулся обратно с нашими войсками и флотом. Его принадлежность к знатному роду и обширные знакомства в городе помогли ему втереться в доверие к новичкам в армии — к молодым денди, повесам и фатам, которых он принялся приобщать к игорным столам, кабакам и заведениям еще более сомнительной репутации, куда сей достойный джентльмен продолжал

захаживать и в Новом Свете, как некогда делал в Старом. Coelum non animus {(Сменил) небо, но не душу (лат.)}. Да, Уилл сменил место, но, переместив свою брнную плоть, не сменил заключенную в ней подлую душонку.

Будучи немало наслышан о тех небылицах, которые он распространял про нашу семью, я был полон решимости, не избегая встреч с ним, но и не ища их намеренно, при случае все же притянуть его к ответу.

Однажды, когда я сидел с приятелем в кофейне, мой родственник заявился туда в компании двух молодых армейских франтов, которых он и для удовольствия, и не без выгоды для себя приобщал ко всякого рода распутству. В одном из его молодых собутыльников я узнал адъютанта генерала Клинтона, с которым мы находились рядом и при Чарльстоне, у острова Салливан, и в Бруклине, где наш генерал столь успешно возглавлял правое крыло английской армии. Они заняли столик за перегородкой, поначалу не заметив нас, однако я слышал, как мой шумливый родственник трижды или четырежды упоминал мое имя и закончил свою пьяную речь, стукнув кулаком по столу и выкрикнув:

— Клянусь, я еще расправлюсь с ним и с этим проклятым мятежником, его братцем!

— Ба, мистер Эсмонд! — окликнул я его, подходя, но не снимая шляпы (при виде меня он слегка побледнел). — Мне давно хотелось повидаться с вами и выяснить одну безделицу, насчет которой мы с вами не сошлись во мнениях.

— Что вы имеете в виду, сэр? — осведомился он, сопровождая свои слова градом ругательств.

— Вы позволили себе усомниться в моей храбрости, утверждая, что я будто бы уклонился от поединка с вами в те дни, когда мы оба были еще молоды. Теперь наше родство и возраст должны удерживать нас от смертоубийственных безумств (при этих словах мистер Уилл вскочил с места, бросил на меня свирепый взгляд и приободрился). Однако предупреждаю: на меня можете клеветать сколько угодно, но если я услышу от вас еще хоть одно слово хулы про моего брата полковника Уорингтона, офицера континентальной армии, вы мне за это ответите.

— Вы слышали, джентльмены? Вон оно, значит, как! Прошу вас запомнить, что сказал сэр Джордж Уорингтон! — вскричал Уилл.

— Вам угодно было утверждать, — продолжал я, чувствуя, что меня все больше охватывает гнев и я уже не в силах сдержаться, — что наши владения в этой стране якобы не наши, но по праву должны принадлежать вашей семье!

— Наши они и есть! Наши, черт побери! Я сколько раз слышал, как брат Каслвуд говорил об этом! — выкрикнул Уилл.

— В таком случае, сударь, — гневно продолжал я, — в словах лорда Каслвуда не больше правды, чем в ваших. В Виргинии у нас хранятся все необходимые документы, Они заверены в тамошних судах, и если я еще раз услышу от вас столь наглую ложь, вам придется держать передо мной ответ там, где никакое вмешательство констебля вам уже не поможет.

— Просто в толк не возьму, — прерывающимся голосом воскликнул Уилл, почему я не изрублю на двадцать тысяч кусков эту проклятую трусливую рожу, что торчит у меня перед глазами! Это ведь его обыграл братец Каслвуд. Нет, его брата... Да поди разбери, кто вы такой, черт побери: бунтовщик или его брат? Обе ваши мерзкие рожи одинаково мне противны! Если вы (ик!) за короля, так докажите, что вы за короля и выпейте за его здоровье! — И он опустил на стул, давясь икотой и бессмысленным смехом, перемежавшимися бесчисленными проклятиями и божбой, и громко требуя, чтобы я выпил за здоровье короля.

Пытаться вразумить человека, находящегося в таком состоянии, и (настаивать, чтобы он дал объяснения своим поступкам и извинился, было бы бессмысленно, Я предоставил мистеру Уиллу добираться до дому под присмотром его молодых приятелей, которых немало подивило, что хмель столь внезапно и столь беспощадно сразил бывалого кутилу, а сам поспешил домой, к жене, которую нашел в радостном волнении, — она получила коротенькое письмецо Хела, доставленное с оказией: Хел ни словом не обмолвился о состоянии дел в континентальных войсках, в рядах которых он сражался, но зато на добрых двух страницах на все лады превозносил поведение своего брата на поле боя, приводившее его в восторг, как все, что бы я ни говорил и ни делал.

На следующий день, памятуя о речах, которыми мы с дражайшим родственником обменялись накануне, — я ожидал от него вестей и был готов к тому, что Уилл потребует от меня сатисфакции, а посему, как тользд рано утром у нас появился мистер Лейси, присутствовавший при вчерашней стычке, я тут же попросил леди Уорингтон оставить нас одних, однако посетитель воскликнул, смеясь:

— Нет, нет, ради бога, останьтесь! — и продолжал так: — Я виделся с неким джентльменом, который приносит вам свои извинения, если он вчера хоть словом вас обидел.

— Какие извинения? Что произошло? — с беспокойством спросила жена.

Я рассказал, что вчера вечером в кофейне мне встретился не в меру

расшумевшийся Уилл Эсмонд, который не преминул тут же поссориться со мной, как он постоянно ссорится со всеми.

— Он, видимо, часто бывает несдержан на язык, а потом наутро всякий раз просит прощения, ссылаясь на опьянение. Если, конечно, накануне его не вразумят тростью, — заметил капитан Лейси.

Моя супруга пожурила нас: охота, мол, вам, джентльменам, шататься по кофейням, где всегда рискуешь столкнуться с каким-нибудь нахальным и буйным Уиллом Эсмондом.

В пору нашего пребывания в Нью-Йорке возник план поджога города, выдвинутый и отчасти приведенный в исполнение некими ретивыми патриотами. На протяжении войны появлялось немало таких планов, обрекавших огню каждый из крупных городов страны. Надеюсь, в интересах мира и согласия не будет забыто, что исходили эти планы не от правительства короля-тирана, — их авторами всякий раз оказывались джентльмены из числа колонистов, утверждавшие, что красивейшие города Америки лучше спалить, чем оставить под позорным игом брауншвейгского деспота. Надо думать, что умники, вознамерившиеся предать огню Бостон, не имели там никакой собственности, а нью-йоркские поджигатели скорее всего происходили из других мест — из Филадельфии, к примеру, или еще откуда-нибудь. Как бы там ни было, англичане пощадили вас, джентльмены, и я надеюсь, вы воздадите нам должное за это проявление умеренности.

Из-за раны, полученной на Лонг-Айленде, которая упорно не желала заживать и открывалась снова и снова, я не мог участвовать в сражении при Уайт-Плейнз. Пока тянулось это нудное недомогание, я был окружен заботами нежнейшей из сиделок, с нетерпением ожидавшей того дня, когда я сброшу с плеч военный мундир и вернусь в наше тихое английское поместье, где Этти и генерал пестовали наших детей.

Правду сказать, я, кажется, и поныне еще не простил себе тех тревог и мук, которые причинил жене, разлучив ее с детьми и удерживая вдали от дома, потому что мне, видите ли, припала охота еще немного повоевать. Предпринятое нами затем большое путешествие по Европе оказалось весьма интересным. В Риме мы осмотрели собор Святого Петра и видели его настоятеля, в Париже — супругу дофина Франции (увы! горько думать, что этой благородной голове суждено было склониться столь низко!) и во Флоренции — законного короля Англии. Я полоскал свою подагру в водах чуть ли не десятка всевозможных источников и играл в карты при доброй сотне княжеских дворов, о чем еще расскажу в своих "Путешествиях по Европе" (кои я намерен опубликовать по завершении "Истории

американской войны" {* Ни один из этих трудов сэра Джорджа Уорингтона не был, по-видимому, завершен.}). В ходе наших странствий ипохондрия, нещадно одолевавшая меня дома, заметно развеялась, и здоровье пошло на поправку. Видя, сколь полезны для меня перемена обстановки и новые впечатления, жена, должно быть, смирилась с тем, что я буду предаваться этим удовольствиям и впредь, и хотя втайне она страдала в разлуке с детской и со старшим сыном (к которому всегда питала непонятную привязанность), милая притворщица ни единым взглядом не выдала своего беспокойства; она ободряла меня улыбкой, заявляла о своей готовности всюду следовать за мной; недоумевала, какой может быть в том грех, если я равнодушен к почестям, короче, была готова ко всему: остаться, пуститься в путь, улыбаться, предаваться грусти, взбираться на горы или спускаться к морю и пересекать его на корабле; утверждать, что холод приятен, жару не трудно переносить, голод — славная закалка, грязная каморка очаровательна. И все это при том, что она очень плохо переносила качку, была разборчива в еде и сильно страдала от жары и холода. Но пока я хотел еще немного побыть на родном континенте, она не переставала утверждать, что ничего полезнее для меня и быть не может, когда же я надумал вернуться домой... о, как она вся засветилась от радости! Как целовала сынишку и рассказывала ему, что дома он увидит прекрасные сады, дедушку, тетю Этти, сестру и Майлза. "Майлз!" — вскричал этот попугайчик, передразнивая мать и заливаясь смехом, будто это уж невесть какая великая честь — увидеть мистера Майлза, который в ту пору находился на попечении доктора Самнера в школе Хэрроу-он-Хилл, где, надо отдать ему справедливость, доказал, что может съесть больше фруктовых пирожных, чем любой другой воспитанник, и получать призы за игру в футбол и в "зайцы и собаки".

Глава ХСІ

Satis Pugnae {Довольно битв (лат.).}

Мне всегда казалось (и если я заблуждаюсь, то пусть люди, сведущие в военном деле, поправят меня), что укрепления на Бридс-Хилл сослужили континентальной армии неплохую службу на все время американской кампании. Потери, нанесенные нам из-за этих укреплений, оказались столь тяжелыми, а поведение противника столь решительным, что с той поры британские военачальники научились уважать баррикады американцев, и доведись нашему противнику вести огонь из-за груды одеял, то и тогда некоторые из британских генералов поостереглись бы идти на приступ. Как впоследствии стало известно, при Уайт-Плейнз, где армия Вашингтона вторично оказалась в руках у победителя, наши доблестные войска отступили перед баррикадой из кукурузных стеблей и соломы. И еще одна возможность покончить с противником представлялась нам, когда в течение всей зимы истощенные, охваченные унынием войска Конгресса, голодные и безоружные, оказались полностью в нашей власти. Однако великодушный Хоу не тронул зимний лагерь в Вэлли-Фордж, и его многочисленная, отважная и превосходно оснащенная армия бездельничала, резалась в карты и кутила в Филадельфии. Соотечественники Бинга воздвигали триумфальные арки и устраивали средневековые рыцарские турниры, а прекрасные дамы украшали чело милосердного полководца венками и гирляндами с невообразимыми девизами, сулящими ему бессмертную славу. Как могло случиться, что неблагодарные соотечественники в Америке до сих пор не воздвигли памятника этому генералу? Ведь во всей армии не сыщется офицера, который лучше него воевал бы на их стороне, так ловко давал бы им возможность исправлять допущенные оплошности, так заботливо следил бы за тем, чтобы поражения приносили им как можно меньше вреда, а когда в ходе событий сильнейший, как тому и следовало быть, брал верх, кто, как не он, проявлял такую неизменную доброту, терпение и снисходительность, давая несчастному, ослабевшему противнику возможность вновь встать на ноги? О, как тут не вернуться на восемнадцать лет назад и не вспомнить молодого неустрашимого воина, отправленного Англией бороться с врагом на Американском континенте? Я вижу, как бродил он вокруг укреплений, за которыми укрылся противник; как, снедаемый неистовым гневом и тоской, ни днем, ни ночью не смыкал

глаз, наблюдая за врагом; как, ведомый жарким чутьем и жаждой крови и битвы, без усталости шел он по его следу; как крался в полуночный час или взбирался на отвесные кручи в предрассветной тиши; как подстерегал его, терзая ожиданием свое большое сердце, и как, наконец, когда враг появился, обрушился на него, схватился с ним, и, умирая, победил! Помните Вулфа при Квебеке и вслушайтесь в мелодию скрипок, под звуки которой Хоу в Филадельфии с улыбкой взирал на танцующих офицеров.

Суть излюбленного замысла наших министров на родине и некоторых генералов в Америке сводилась к тому, чтобы установить связь между Канадой и Нью-Йорком и тем самым обрезать Новую Англию от соседних колоний, разбить их по одиночке и принудить к покорности. Осуществление этого плана было доверено Бергойну, и тот выступил из Квебека, самонадеянно пообещав довести дело до успешного конца. Его поход был начат со всей возможной пышностью; ему предшествовали фанфары его воззваний: он призывал колонистов помнить о несокрушимой мощи Англии и убеждал введенных в заблуждение мятежников сложить оружие. Он вел за собой грозное войско англичан, не менее внушительную армию немецких наемников, кровожадную орду индейцев и прекрасную артиллерию. Ожидалось, что на пути его следования население будет переходить на сторону короля и вставать под его знамена. Поначалу противостоявшие Бергойну континентальные силы были немногочисленны, а армия Вашингтона ослаблена уходом войск, спешно отозванных для отражения этого нашествия со стороны Канады. Второй британский отряд должен был, рассеивая по дороге противника, пробиться от Нью-Йорка вверх по Гудзону и соединиться с Бергойном в Олбани. Тут-то и надлежало бы ударить по ослабленной армии Вашингтона, но провидению было угодно распорядиться иначе, и я не принадлежу к числу тех, кто сожалеет об исходе войны. Оглядываясь на нее теперь, как отчетливо видишь все просчеты проигравшей стороны! С самого начала и до самого конца мы всюду приходили с опозданием. Припасы и подкрепления с родины поступали слишком поздно. Наши войска попадали в трудное положение, а подмога приходила с опозданием. Наш флот появился перед Йорк-тауном чуть позже, чем надлежало, — уже после того, как Корнваллис сдался. У Бергойна была возможность уйти, но он слишком поздно решился на отступление. Не раз доводилось мне слышать, как офицеры разбитых частей задним числом и с непогрешимой логикой доказывали, что, перемены тогда ветер направление, и мы удержали бы в своих руках Америку, что не случилось тогда одного-двух штормов, и мы разбили бы

французский флот, и что не раз, и не два, и не три Вашингтона и его армию спасало от разгрома только наступление темноты. Кто из нас, читая исторические труды, не гадал о том, "что было бы, если бы..."? Я снимаю с полки свой потрепанный атлас и вглядываюсь в поле великой битвы; я размышляю над удивительными случайностями, стоившими нам поражения, и, оставляя в стороне никчемные рассуждения о сравнительном мужестве той и другой нации, не могу не видеть, что карты у нас были лучше и тем не менее мы проиграли игру.

Должен сознаться, что это занятие в немалой степени увлекало меня и заставляло быстрее бежать по жилам мою вялую кровь. Обосновавшись на своей плантации в Виргинии, мой брат Хел был в высшей степени доволен теми занятиями и развлечениями, к которым он там приобщился. Его полностью устраивало общество соседей из окрестных поместий; ему никогда не надоедало заниматься посевами и рабами, ловить рыбу, стрелять уток и получать удовольствие от карт и ужина. Счастливец Хел! Я вижу, как он сидит на просторной веранде своего дома, похожего на сарай, у ног его разлеглись его любимые собаки, и здесь же его друзья — этакие виргинские Уиллы Уимблы, они чувствуют себя тут, как дома; вот его толстые, ленивые и оборванные негры; вот его оборотистая женушка, ловко заправляющая и слугами, и своим мужем; он беспрекословно повиновался ей, пока она была жива, и быстро утешился после ее смерти. Но хотя я и говорю "счастливец", для меня его удел был бы невыносим. Нет, его жена, его друзья, плантация, весь провинциальный уклад Ричмонда (когда наша провинция стала штатом, на долю Ричмонда выпала честь сделаться его столицей) — все это не для меня. Да, счастлив тот, кому пришлось в пору башмаки, предназначенные ему фортуной! Мой доход был в пять раз больше, мой дом в Англии в пять раз просторнее и к тому же кирпичной кладки с отделкой из белого камня, моя жена... да разве променял бы я ее на кого-нибудь в целом мире? Мои дети... Что ж, я готов подписаться под мнением, которое сложилось о них у леди Уорингтон. И тем не менее, несмотря на все эти роскошные дары, что так и сыплются на меня, как из рога изобилия, я, каюсь, проявил неблагодарность и думаю, что мой привратник Худж, вынужденный делить свой хлеб и кусок сала с семьей, столь же многочисленной, как и у его хозяина, ничуть не меньше меня наслаждается своей трапезой, хотя миссис Молли и готовит для нас свои лучшие блюда и деликатесы, а Гамбо откупоривает бутылки первосортного вина из нашего погреба! Но, увы, какую бы радость ни доставляли сласти нашим малышам, сам я утратил к ним всякий вкус, и аромат кларета уже не щекочет мои старые ноздри. Наш священник не раз пытался меня

вразумить, и, может быть, поначалу я слушал его без должного внимания. Помнишь ли ты, мой честный друг (как же ему не помнить, когда он повторял эту историю за бутылкой, пожалуй, не менее часто, чем свои проповеди, хотя леди Уорингтон и делает вид, что никогда до этого ее не слышала), — словом, Джо Блейк, ты, конечно, отлично помнишь и притом с подробностями, тот октябрьский вечер, когда мы карабкались к амбразуре форта Клинтон и приклад мушкета уже готов был раскрыть этот благородный череп, но шпага Джо вовремя пронзила горло моего мятежного соотечественника. В ту пору на Джо был красный мундир (форма славного шестьдесят третьего полка, командир коего, неустрашимый Силл, пал у ног Джо, изрешеченный пулями). Джо отдал предпочтение черному цвету перед красным и занял кафедру в моем приходе. Его взгляды здравы, а проповеди кратки. За вином мы вместе просматриваем газеты. Месяца два назад мы прочли, как отличился 1 июня наш старый знакомый Хоу. Нам рассказывали, что благородный Родон, сражавшийся вместе с нами при форте Клинтон, присоединился к герцогу Йоркскому и сейчас его королевское высочество всю отступает под натиском Пишегрю, так что он и мой сын Майлз брали Валансьен совершенно зря. Ах, ваше преподобие! Разве вам не хотелось бы снова надеть выдавший виды мундир шестьдесят третьего полка (хотя, конечно, сомнительно, чтобы миссис Блейк удалось застегнуть его на вашем дородном теле)? На днях мальчишки разыгрывали какую-то пьесу, опоясавшись моей боевой шпагой. О, мистер Блейк, как бы я хотел снова стать молодым и не знать, что такое подагрические боли в большом пальце ноги! Я оседлал бы тогда своего Росинанта и возвратился бы в большой мир, чтобы снова почувствовать ток крови в жилах, чтобы хоть раз еще принять участие в ослепительной игре жизни.

В последнем сражении, разыгравшемся на моих глазах, победа осталась за нами, хотя всю кампанию в целом даже здесь выиграли американцы: нашим досталась только земля у них под ногами да захваченные и тотчас же уничтоженные пушки, склады и корабли; мы и тут пришли на подмогу слишком поздно и уже не могли помешать катастрофе, нависшей над несчастной армией Бергойна. В конце сентября 1777 года после очередной из проволочек, которые всегда почему-то мешали осуществлению наших планов, ослабляя силу ударов, замышляемых нашими полководцами, из Нью-Йорка готовилась выйти экспедиция, которая, пустись она в путь двумя неделями раньше, могла бы спасти обреченные войска Бергойна. *Sed Dis aliter visum* {Но боги судили иначе (лат.)}. На этот раз задержка произошла не по вине сэра Генри Клинтона,

который не мог оставить город без прикрытия, а из-за ветров и непогоды, задержавших прибытие долгожданных подкреплений из Англии. Корабли доставили нам пространные и нежные письма из дома с самыми свежими новостями о детях, оставленных под присмотром добрейшей тетушки Этти и деда. Сердце матери болело о них. Она ни в чем не упрекала меня, но в ее тревожном взгляде я читал постоянный страх за меня и тоску по детям. "К чему оставаться здесь? казалось, говорила она. — Тебе никогда не была по душе эта война, никогда не хотелось поднимать оружие против своих соотечественников. Так зачем же подвергать опасности свою жизнь и мое счастье?" Я внял ее мольбе. В ближайшее время нам не предстояло участвовать в сражениях, и я сказал ей, что сэр Генри будет сопровождать экспедицию всего лишь часть пути. По окончании рекогносцировки я вернусь вместе с ним, и на Рождество, если небу будет угодно, вся наша семья воссоединится в Англии.

В Нью-Йорке мы приняли на корабли отряд в три тысячи человек, включая два поредевших полка американских роялистов и нью-йоркского ополчения (где служил мой досточтимый родственник капитан Уилл Эсмонд), и наша флотилия двинулась вверх по Гудзону, который, на мой взгляд, живописнее Рейна. С нависших над водой утесов и отвесных базальтовых скал, мимо которых мы проплывали, нас не потревожили ни единым выстрелом: как ни удивительно, на этот раз противник ничего не знал о замышляемом нами маневре. Сначала мы высадились на восточном берегу, в месте под названием Верпланк-Пойнт, где войска Конгресса отступили после незначительного сопротивления, поскольку возглавлявший их суровый старик Путнем (получивший большую известность во время войны) решил, что мы направляемся к восточному плато, чтобы пробиться оттуда к Бергойну. Путнем отошел с целью занять проходы в горах; мы послали ему вдогонку небольшой отряд, делая вид, что решили его преследовать, и он сделал вывод, что за этим отрядом последуют основные силы. Тем временем мы еще затемно перебросили две тысячи человек без артиллерии на западный брег к Стоуни-Пойнт, как раз напротив Верпланкса, к подножию высокого, круто нависшего над рекой утеса, некогда прозванного хозяевами этих мест голландцами — Дандербергом. С севера небольшая речка отделяет его от соседнего холма, где стоит форт Клинтон, названный так вовсе не в честь нашего генерала, а по имени одного из двух джентльменов, носивших эту фамилию и принадлежавших к старейшему и высокоуважаемому провинциальному дворянству Нью-Йорка, — оба они, кстати сказать, в это время командовали войсками, действующими против сэра Генри. На соседней с

фортом Клинтон возвышенности расположен форт Монтгомери, а дальше высится холм под названием Медвежий; на противоположном берегу великолепной реки виден Нос Святого Антония — поистине величественный утес, которому голландцы дали это забавное название.

Нападение на оба форта произошло почти одновременно. Половина нашего отряда под командой Кэмпбелла, павшего в тот день смертью храбрых, была выделена для штурма форта Монтгомери. Сэр Генри, неизменно рвавшийся в самую гущу схватки, возглавил оставшуюся часть войск и, по его словам, рассчитывал, что на этот раз нам больше повезет, чем на острове Салливан. Тропа, по которой нам пришлось подниматься на Дандерберг, была настолько узка, что на ней едва умещалось по три человека в шеренгу; в полном молчании мы взбирались наверх, с каждым шагом все больше поражаясь отсутствию всякого сопротивления. Противник не выставил даже дозорных; мы были обнаружены лишь после того, как начали спускаться по противоположному склону, и у подножья без труда рассеяли небольшой отряд, спешно высланный нам навстречу из форта. Однако начавшаяся тут перестрелка свела внезапность атаки на нет. Форт был перед нами. Нашему отряду предстояло атаковать только с тем оружием, которое у него было, и вот, молча и быстро, под огнем артиллерии противника, мы стали взбираться по склону. Солдаты получили приказ ни в коем случае не открывать огонь. Со знаменем шестьдесят третьего полка, высоко поднятым над головой, сэр Генри шел в первых рядах штурмующих. Склон был крут: солдатам приходилось подсаживать друг друга, чтобы перемахнуть через стену или протиснуться в амбразуры. Вот тут-то поручик Джозеф Блейк, отец некоего Джозефа Клинтон Блейка, что с нежностью поглядывает на одну юную леди, и заслужил приход в поместье Уорингтонов, отвратив смерть от владельца этого поместья и вашего покорного слуги.

Как нам стало впоследствии известно, примерно четверть солдат из гарнизона форта сбежали, остальные были убиты, ранены или захвачены в плен. Такая же участь постигла взятый штурмом форт Монтгомери, и ночью, озирая окрестности с вершины, на которой только что был водружен королевский штандарт, мы стали свидетелями ослепительной иллюминации на реке. Неприятель ценой немалых усилий и затрат соорудил от форта Монтгомери и до величественного Носа Святого Антония плавучий бон, за которым стали на якорь несколько американских фрегатов. Когда форт был захвачен, суда попытались было в темноте подняться по реке, стремясь отойти на недостижимое расстояние от пушек, которые, как понимали на кораблях, утром откроют по ним огонь. Но ветер

был для них неблагоприятен, и спасти суда не удалось. Тогда команды подожгли корабли с поднятыми парусами, а сами погрузились в шлюпки и высадились на берег, и мы наблюдали, как полыхают эти грандиозные огненные пирамиды, и пламя, вздымаясь до небес, отражается в реке; а потом загремели чудовищные взрывы, и корабли погрузились в воду и скрылись из глаз.

А назавтра прибыл парламентар, офицер континентальной армии, чтобы справиться об участи своих раненых и пленных, и передал мне записку, содержание которой повергло меня в смятение; я понял из нее, что во вчерашнем сражении принимал участие мой брат. Записка, помеченная 7 октября, была отправлена из штаба дивизии генерал-майора Джорджа Клинтона и кратко уведомляла меня, что "полковник виргинской пехоты Г. Уорингтон надеется, что сэр Джордж Уорингтон не пострадал при вчерашнем штурме, из которого сам полковник, к счастью, вышел невредимым". Никогда еще не возносил я к богу столь пламенных молитв, как в тот вечер; я горячо возблагодарил небо за то, что оно пощадило моего любимого брата, и дал обет прекратить братоубийственный поединок, в коем я принял участие единственно потому, что этого, как мне казалось, требовали от меня долг и честь.

Не скрою, принятое мною решение оставить службу и удалиться под мирную сень моих виноградников и смоковниц, принесло мне несказанное облегчение. Однако, прежде чем возвратиться на родину, я хотел повидаться с братом, и мне без труда удалось получить от нашего командира поручение в лагерь генерала Клинтона. Штаб его дивизии располагался теперь в нескольких милях вверх по реке, и в лодке с белым флагом я быстро добрался до выставленных на берегу неприятельских пикетов. Прошло несколько минут, и я увидел брата. Он совсем недавно прибыл в дивизию генерала Клинтона с письмами из штаб-квартиры в Филадельфии и после штурма форта Клинтон случайно узнал, что я тоже участвовал в этом сражении. Мы провели вместе прекрасную, хотя и слишком короткую ночь; мистер Сейди, повсюду следовавший за Хелом на войне, устроил в честь обоих своих хозяев настоящий пир. В нашей хижине оказалась только одна соломенная постель, и мы с Хелом бок о бок проспали в ней, как бывало в детстве. Нам не терпелось поведать друг другу тысячу вещей, — мы вспоминали прошлое и мечтали о будущем. Доброе сердце Хела возликовало при известии о том, что я решил скинуть с плеч красный мундир и вернуться к своим землям. Он порывисто обнял меня:

— Слава богу! Ты только подумай, Джордж, что могло бы произойти,

доведись нам встретиться в бою две ночи назад! — Он даже побледнел при этой мысли. А по поводу нашей матушки он меня успокоил. Она, разумеется, все та же неукротимая тори, однако командующий дал специальное указание на ее счет, и ей ничто не угрожает. — К тому же Фанни заботится о ней, а она способна заменить целую роту! — воскликнул пылкий супруг. — Ну, ведь правда она умна? И добра? И красива? — вопрошал Хел, к счастью, не дожидаясь ответов на эти восторженные вопросы. — И подумать только, что я чуть было не женился на Марии! Боже милостивый, какой опасности я избежал! Хэган каждое утро и каждый вечер возносит в Каслвуде молитвы за короля, но теперь уже за закрытыми дверями, чтобы никто не слышал. Господи, спаси нас и помилуй! Его жене шестьдесят лет, не меньше, и ты бы видел, Джордж, как она пьет!..

Но не лучше ли промолчать о маленьких слабостях нашей доброй кузины? Я рад, что она прожила достаточно долго, чтобы пить за здоровье короля Георга еще много лет после того, как Старый Доминион навеки перестал быть подвластен его скипетру.

С наступлением утра мое краткое посещение лагеря подошло к концу, и самый верный из друзей и самый добрый из братьев проводил меня до оставленной на берегу лодки. Расставаясь, мы обнялись, его рука на мгновение сжала мою, а затем я сошел в лодку, и она быстро понесла меня по течению: "Свижусь ли я с тобой когда-нибудь снова, верный друг и спутник моей юности? — думал я. — Встречу ли я среди наших холодных англичан друга, равного тебе? Твоя чистая душа не знала других помыслов, кроме тех, что подсказаны добротой и великодушием. Каким только своим желанием или достоянием ты не поступился бы ради меня? Как ты храбр и как скромн, как крепок духом и как деликатен, как прост, бескорыстен и кроток! Как ты умел всегда ценить достоинства других и забывать о своих!" Он стоял на берегу, а я смотрел на него, пока слезы не затуманили мой взор.

Сэр Генри, несомненно, одержал блестящую победу, но, как обычно, одержал ее слишком поздно, и она послужила весьма слабым утешением: сразу за ней последовал разгром Бергойна, поскольку нашей экспедиции было явно недостаточно, чтобы его предотвратить. К Бергойну было отряжено немало тайных гонцов, но никто из них так и не добрался до него, и судьба их осталась нам неизвестна. Мы слышали о горестной участи только одного из этих несчастных, который добровольно вызвался передать Бергойну донесение и доставить ему личное письмо сэра Генри. Наткнувшись на один из отрядов генерала Джорджа Клинтонна в красных

мундирах (которые скорее всего были частью добычи с какого-нибудь британского корабля, захваченного американскими каперами), наш лазутчик решил, что добрался до английских частей и направился прямо к дозорным. Он понял свою ошибку слишком поздно. У него нашли письмо, и он поплатился за него жизнью. Десять дней, спустя после нашей победы, одержанной при фортах, разразилась катастрофа при Саратогге, ужасные подробности которой мы узнали на корабле, увозившем нас домой. Боюсь, что моя жена была не в состоянии сильно скорбеть по поводу этого поражения. Ее ждала встреча с детьми, с отцом, с сестрой, и она денно и ночью благодарила небо за то, что ее супруг, избежав всех опасностей, остался цел и невредим.

Глава ХСII

В моем вертограде, в тени моей смоковницы

Нет нужды, думается мне, описывать вам, молодые люди, как ликовали мы, собравшись снова под родным кровом, и как велика была радость матери, когда все ее птенцы слетелись к ней под любящее крыло? Эта радость была написана на ее лице, и она коленопреклоненно возносила за нее благодарение небу. В нашем доме места хватило бы для всех, но тетушка Этти остаться не пожелала. После того как она почти три года заменяла мать нашим детям, сложить с себя эти обязанности ей было мучительно больно, и, будучи отодвинута на второй план, она отказалась даже жить с детьми под одним кровом и переселилась вместе с отцом в дом на Бэри-Сент-Эдмондс, неподалеку от нас, где и продолжала втихомолку баловать своих старших племянника и племянницу. Примерно через год после нашего возвращения в Англию скончался мистер В., ямайский плантатор. Он завещал Этти половину своего состояния, и тогда мне впервые открылось, как велика была привязанность к ней этого достойного человека, который таким способом выразил ей свою вечную любовь, несмотря на то что она его отвергла. Одному богу известно, какую часть капиталов своей тетушки успел с тех пор растратить мосье Майлз! Сколько стоило его производство в чин и обмундирование; его роскошные парадные мундиры; его карточные долги и разного рода маленькие приключения! Или вы думаете, сэръ, что мне неведомы свойства человеческой природы? Разве я не знаю, во что обходится посещение трактиров на Пэл-Мэл, *petits soupers* {Интимные ужины (франц.)}, игра — хотя бы даже по маленькой — в "Кокосовой Пальме", и разве для меня секрет, что джентльмен не может позволить себе все эти удовольствия на пятьсот фунтов в год, которые я ему отпускаю?

Тетя Этти твердо заявила, что решила остаться старой девой.

— Я дала обет, сэра Джорджа, не выходить замуж, пока не встречу такого же хорошего человека, как мой дорогой папенька, — сказала она, — и так ни разу и не встретила. Да, бесценная моя Тео, ни разу, и даже вполтину такого хорошего, и сэра Джорджа пусть зарубит себе это на носу.

И все же, когда добрый генерал умер, — в весьма почтенных летах и спокойно приемля кончину, — больше всех, мне кажется, оплакивала его моя жена.

— Я плачу потому, что недостаточно его любила, — говорило это нежное создание.

Этти же держалась спокойнее, во всяком случае, с виду; она продолжала говорить об отце так, словно он все еще был жив, припоминала различные его шуточки, его доброту и неизменную любовь к детям (тут лицо ее светлело, и в такие минуты она казалась молоденькой девушкой), и подолгу сживала в церкви, подняв ясный взор к мраморной плите, на которой было высечено его имя, перечислены некоторые его добродетели и — редкий случай — не прибавлено ни крупички лжи.

Мне казалось порой, что мой брат Хел — предмет полудетского увлечения Этти, навсегда сохранил власть над ее сердцем, и когда он десять лет тому назад приехал повидаться с нами, я рассказал ему про эту давнюю влюбленность в него Этти, не без тайной надежды, признаться, что он попросит ее заменить ему миссис Фанни, которая к тому времени уже покинула земную юдоль. Моя жена (с ее вечной склонностью считать себя жалкой грешницей) не переставала с тех пор терзаться из-за того, что она, как ей справедливо казалось, недостаточно глубоко скорбит об этой утрате. Хел же, приехав к нам, был безутешен и клялся, что нет и не будет на свете другой такой женщины, как его Фанни. Наш добрый генерал, который тогда еще был жив, снова принял его под свой кров, как когда-то, в счастливые дни нашей юности, и дамы играли ему те же песенки, какие он слушал еще юношей в Окхерсте. С размягченным сердцем мы все предавались сладким воспоминаниям, а Гарри неустанно изливался перед Этти в своей безысходной печали, снова и снова перечисляя все достоинства своей покойной супруги, а заодно с нежностью вспоминал и дорогую тетюшку Ламберт, которую он любил всем сердцем, и эти столь горячо воздаваемые ей хвалы были, разумеется, как елей для ее верного супруга, из чьей памяти ни на секунду не изглаживался ее светлый образ.

Генерал Хел получил назначение в Париж как представитель американского генерального штаба и покинул нас, облачившись в желто-голубой мундир (с легкой руки мистера Фокса и других господ вошедший в моду и у нас); он был весьма обласкан при версальском дворе, невзирая на

то, что представить его христианнейшему из королей и его супруге взялся маркиз де Лафайет, который был не в большой чести у королевской четы. Насколько я понимаю, виргинский генерал пришелся очень по душе одной маркизе, и она, не долго думая, вышла бы за него замуж, не окажи он сопротивления и не укажи обратно в Англию, где все, а в особенности Эtti и ее отец, готовы были слушать его восхваления покойной супруги. Мы же, хорошо знавшие этот образец добродетели, хотя и старались вежливо внимать Хелу, не могли все же полностью разделять его восторги и были порой в затруднении, когда наши дети принимались расспрашивать нас "об этом ангелочке" — жене дядюшки Хела.

Генерал Ламберт и генерал Хел, я, капитан Майлз и преподобный Блейк (через год после моего отъезда из Америки он был тяжело ранен в битве при Монмауте и вернулся в Англию, где, сменив армию на церковь, получил от меня приход) любили за бутылкой вина разыгрывать заново старые баталии революционных лет, и священник частенько восклицал при этом:

— Клянусь Юпитером, генерал (сложив с себя офицерское звание, он перестал призывать в свидетели бога), вы — тори, а сэр Джордж — виг! Он всегда критикует наших военачальников, а вы всегда стоите за них горой, и прошлое воскресенье, когда я возносил молитвы за нашего короля, я слышал, как вы громко повторяли за мной эти священные слова.

— Истинная правда, Блейк. Я молился, и притом от всего сердца. Я никогда не забуду о том, что носил его мундир, — говорит Хел.

— Ах, если бы Вулф прожил еще двадцать лет! — говорит генерал Ламберт.

— Ах, — восклицает Хел, — послушали бы вы, как отзывался о нем генерал!

— Какой генерал? — спрашиваю я (чтобы его поддразнить).

— Мой генерал, — говорит Хел, встает и наполняет бокал. — Его превосходительство генерал Джордж Вашингтон! За его здоровье!

— От всей души! — говорю я, но по лицу священника вижу, что либо тост, либо кларет ему не по вкусу.

Хелу никогда не надоедало говорить о своем любимом генерале, и как-то вечером во время одной из таких дружеских бесед он поведал нам, как впал однажды в немилость у генерала, к которому был так душевно привязан.

Неладья между ними началась, как я понял, из-за господина маркиза де Лафайета (о коем уже упоминалось выше), сыгравшего немалую роль в истории последних лет и столь внезапно исчезнувшего с горизонта.

Военные заслуги полковника Уорингтона, его чин, его общепризнанная храбрость, казалось, должны были бы обеспечить ему продвижение по службе в континентальной армии, на деле же было так, что стоило появиться какому-нибудь молокососу вроде мосье де Лафайета, как Конгресс тут же награждал его чином генерал-майора. Хел с прямою старого вояки позволил себе несколько презрительно отозваться о некоторых назначениях, производимых Конгрессом, где жадные до чинов и не слишком разборчивые в средствах офицеры действовали с помощью всевозможных низких интриг и подкупа. Мистер Уорингтон, — быть может, в подражание своему ныне столь прославленному другу из Маунт-Вернона, — избрал для себя другой путь: он хотел и на войне оставаться джентльменом. Разумеется, он не отказывался от положенного ему жалованья, но тратил его на обмундирование своих солдат и на прочие их нужды, а что до чинов, то это, заявлял он, его меньше всего интересует, и ему все едино — служить ли родине в чине полковника или в другом более высоком звании. И можно не сомневаться, что при этом он позволил себе несколько весьма нелестных замечаний по адресу некоторых старших офицеров армии Конгресса, их родословной и причин продвижения по службе. Особенно же бурное негодование вызвало в нем внезапное повышение в чине вышеупомянутого молодого француза, офицера республиканской армии, — маркиза, как все привыкли его называть, и, кстати сказать, общепризнанного любимчика самого главнокомандующего. После того как злосчастный сумасброд Ли был взят в плен и опозорен, во всех континентальных войсках не осталось бы и трех офицеров, владеющих языком мосье маркиза, благодаря чему Хел имел возможность ближе познакомиться с молодым генерал-майором, нежели все другие его однополчане, включая и самого главнокомандующего. Мистер Вашингтон добродушно отчитал своего приятеля Хела за то, что тот, по его мнению, завидует безумному офицеру из Оверни. Глубочайшее уважение и почти сыновья привязанность, постоянно выказываемые ему восторженным молодым аристократом, пришлись мистеру Вашингтону по душе, а помимо того и некоторые весьма серьезные соображения политического характера понуждали его не отказывать маркизу в покровительстве и дружбе.

Как впоследствии выяснилось, одновременно с этим главнокомандующий настойчиво добивался в Конгрессе повышения в чин полковника Уорингтона. Эти суровые зимние месяцы Вашингтон с пятью-шестью тысячами голодных, раздетых солдат, почти без одеял и без топлива, провел в холодном лагере Вэлли-Фордж, имея перед собой отлично оснащенную всем необходимым армию противника — сэра

Уильяма Хоу, втрое превосходящую по численности его войско. И в это самое время, словно вышеперечисленных трудностей было еще недостаточно, мистеру Вашингтону пришлось столкнуться с трусливым недоверием со стороны Конгресса и неповиновением и интригами в рядах его собственного офицерства. В эту страшную зиму семьдесят седьмого года, когда лежебока, возглавлявший британские войска, мог одним ударом окончить войну, ибо в неприятельском лагере царили неуверенность и смятение, близкое к отчаянию (которому не поддавалось только одно неустранимое сердце), мой брат имел беседу с главнокомандующим, которую впоследствии он пересказал мне и о которой никогда не мог вспоминать без глубочайшего волнения. На долю мистера Вашингтона не выпало тех блистательных триумфов, какие отчаянная храбрость Арнольда и самодовольное тупоумие Бергойна принесли Гейтсу и его Северной армии. Если не считать нескольких мелких стычек, в которых проявилась неустранимая отвага и мудрая предусмотрительность генерала Вашингтона, он терпел от далеко превосходящего его силами противника одно поражение за другим. Конгресс проявлял к нему недоверие. Многие из его собственных офицеров ненавидели его. Те, что обманулись в своих честолюбивых надеждах, те, что были изобличены в казнокрадстве, те, чья бесталанность или самохвальство не укрылись от его зоркого и неподкупного глаза, — все они так или иначе были в сговоре против него. Гейтс оказался тем военачальником, на которого возложили свои упования недовольные. Гейтс был, по их мнению, единственным гениальным стратегом, способным вести эту войну, и со свойственным ему тщеславию, в чем он впоследствии имел мужество признаться, мистер Гейтс принимал воздаваемые ему почести.

Чтобы читатель мог себе представить, какие тревоги одолевали в ту пору генерала Вашингтона и с какими кознями приходилось ему сталкиваться, я должен упомянуть о том, что в свое время получило название "Заговора Конвея". Некий ирландец, офицер французской армии и кавалер ордена Святого Людовика, приехал весной семьдесят седьмого года в Америку в надежде занять какой-либо военный пост. В самом скором времени ему был присвоен чин бригадира, но он остался, видите ли, этим недоволен и желал, чтобы его безотлагательно произвели в генерал-майоры.

У мистера Конвея нашлись друзья в Конгрессе, которые, как стало известно главнокомандующему, посулили ему быстрое повышение в чине. Генерал Вашингтон указал, что несправедливо присваивать самый высокий чин офицеру, едва успевшему стать бригадиром. А пока этот вопрос еще

висел в воздухе, в руки ему попало письмо Конвея к генералу Гейтсу, в котором тот, расточая Гейтсу похвалы, утверждал, что "видно, небесам было угодно спасти Америку, иначе бездарный генерал и дурные советники уже довели бы ее до гибели". Генерал Вашингтон переслал это письмо мистеру Конвею, не приписав от себя ни строчки, и Конвей тут же подал в отставку, но Конгресс не принял его отставки и назначил его на должность генерального инспектора армии с присвоением ему чина генерал-майора.

— И вот в это-то время, — рассказывал Гарри, снова и снова ругая себя и восторгаясь своим любимым командиром, — да, в это самое время, когда наш доблестный главнокомандующий должен был расхлебывать столько неприятностей, что от них, видит бог, впору было свихнуться и десяти тысячам людей, — надо ж было тут встрять еще и мне с моей дурацкой завистью к французикам! Ничего особенного я, впрочем, не сказал — просто плел какую-то чушь Грину и Кэдуоладеру, что, дескать, надо бы наловить побольше лягушек, на случай если французик вздумает пожаловать к нам на обед, да еще о том, что будто из Парижа нам прислали целый мешок маркизов командовать нами, поскольку сами мы на это никак не способны. А ведь следовало бы мне знать, что у генерала и без меня хватает неприятностей, а голова у него варит не в пример моей, так что мне лучше бы помалкивать.

Поначалу генерал ничего не сказал, но держался со мной так холодно, что я понял: между нами пробежала черная кошка. В это время в лагерь приехала миссис Вашингтон, и ей тоже бросилось в глаза, что у нас с ним что-то неладно. Ну, а женщины всегда умеют подластиться к мужчинам и выведать у них секреты. Едва ли я сам стал бы когда-нибудь допытываться у генерала, чем вызвано его недовольство. Ведь я не менее горд, чем он, и к тому же, когда главнокомандующий не в духе, общаться с ним не так-то приятно, можете мне поверить.

Должен заметить, что брат был совершенно околдован своим старым другом и трепетал перед ним, прямо как школьник перед учителем.

— Наконец миссис Вашингтон удалось выведать, в чем дело, — продолжал Хел. "Мне нужно с вами потолковать, полковник Хел, — сказала она. Приходите на плац перед столовой, и я все вам объясню".

Я оставил офицеров и бригадиров выпивать за столом генерала и направился к миссис Вашингтон; она меня уже поджидала. Генерала оскорбили мои слова насчет мешка с маркизами, сказала она. "Я не придал бы значения, скажи это кто-то другой, — признался генерал, — но уж никак не ожидал, что Гарри Уорингтон может стать на сторону моих недругов".

В тот же вечер я пошел к нему узнать пароль и застал его одного в кабинете.

"Могу ли я просить ваше превосходительство уделить мне пять минут времени?" — с замиранием сердца спросил я.

"Ну, разумеется, сэр, — отвечал он, указывая на стул. — Прошу садиться".

"Было время, когда вы не называли меня "сэр" и "полковник Уорингтон", ваше превосходительство", — сказал я. Он холодно ответил:

"Времена меняются".

"Et nos mutamur in illis {И мы меняемся вместе с ними (лат.)}, сказал я. — Меняются не только времена, но и люди".

"У вас ко мне какое-нибудь дело?" — спросил он.

"К кому я обращаюсь, к главнокомандующему или к моему старому другу?" спросил я. Он поглядел на меня внимательно, без улыбки.

"Ну... и к тому и к другому, сэр, — сказал он. — Садитесь, Гарри, прошу вас".

"Если я говорю с генералом Вашингтоном, то позволю себе заметить его превосходительству, что и мне, и многим другим офицерам нашей армии не очень-то по душе, что двадцатилетнего мальчишку, только потому, что он маркиз и не умеет говорить по-английски, произвели в генерал-майоры, обойдя всех нас. Если же я говорю с моим старым другом, то должен прямо сказать, что последнее время он оказывает мне очень мало доверия и дружбы, и у меня нет ни малейшего желания сидеть за его столом и выслушивать дерзкие слова его приближенных о том, что его превосходительство перестал меня жаловать".

"На какое из этих двух обвинений я должен ответить раньше, Гарри?" спросил он, слегка отодвинувшись в кресле от стола, и заложил ногу за ногу, словно бы приготовившись к беседе. — Вы, как мне кажется, позавидовали этому маркизу?"

"Позавидовал, сэр? — вскричал я. — Адъютант мистера Вулфа не может завидовать какому-то пустоголовому франту, которого всего пять лет назад еще секли розгами в школе!"

"Вы же сами отказались принять более высокий чин, когда он был вам предложен", — уже разгорячась, сказал главнокомандующий, и щеки его слегка порозовели.

"Но я при этом не допускал возможности, что какой-то французик-маркиз будет мной командовать! — вскричал я. — Прежде всего я не намерен выполнять приказание этого молодого человека, и поскольку Конгрессу и вам, ваше превосходительство, угодно производить в генералы

младенцев, я буду нижайше просить принять мою отставку и позволить мне возвратиться на мою плантацию".

"Воля ваша, Гарри. Вот уж, поистине, проявление бескорыстной дружбы! сказал главнокомандующий с изумившей меня мягкостью. — Когда ваш старый друг попал в беду, это, не правда ли, самое подходящее время, чтобы его покинуть".

"Сэр!" — вскричал я.

"Что ж, многие так поступают, идите и вы по их стопам, мистер Уорингтон. И ты, Брут, как сказано в одной пьесе. Так, так, Гарри, я был иного мнения о вас, но вы, оказывается, не отстаёте от моды".

"Вы спросили меня, на какое из обвинений я бы прежде хотел получить ответ", — сказал я.

"О, насчет присвоения маркизу генеральского чина? Да, разумеется, я ходатайствовал об этом перед Конгрессом, хотя вы и другие господа не одобряете этого".

"Я говорил, — только от своего лица, сэр", — заметил я.

"Если вы намерены разговаривать со мной в таком тоне, полковник Уорингтон, я не стану вам отвечать! — сказал главнокомандующий, резко поднимаясь со стула. — Полагаю, что я еще полномочен представлять господ офицеров к повышению в чине, не испрашивая на то вашего дозволения".

"Поскольку я уже избрал этот тон, сэр, — сказал я, — то да будет мне позволено почтительнейше просить ваше превосходительство принять мою отставку, поводом для которой послужил тот факт, что Конгресс по представлению вашего превосходительства назначает на самые высокие командные должности двадцатилетних юнцов, не умеющих двух слов связать на нашем языке". И с этими словами я поднялся и отвесил генералу поклон.

"Милосердный боже, Гарри! — вскричал он (в вопросе о маркизе я, ясное дело, положил его на обе лопатки, и ему нечем было мне ответить), — неужели вы не понимаете, что в такое трудное время, как сейчас, могут существовать особые причины, в силу которых любому французу высокого происхождения, оказавшемуся в наших рядах, следует оказывать предпочтение?"

"Бесспорно, сэр. Если, вы, ваше превосходительство, сами признаете, что отнюдь не личные заслуги маркиза де Лафайета послужили причиной повышения его в чине".

"Я не намерен ничего признавать или отрицать, сэр! — воскликнул генерал, топнув ногой, и видно было, что он ужасно разгневан, но

сдерживает себя. — Да вы, никак, явились сюда, чтобы допрашивать меня и поучать? Стойте! Послушайте, Гарри, я сейчас разговариваю с вами как человек, умудренный жизнью... более того, как ваш старый друг. Вы говорите, что это назначение ставит в унижительное положение вас и других офицеров? Пусть так! Но не должны ли мы во имя нашей родины сносить даже унижения наряду с другими тяготами войны? То, что этот маркиз поставлен над вами, господа офицеры, так же, вероятно, несправедливо, как то, что крон-принц Фердинанд или ваш принц Уэльский в Англии командует старыми заслуженными ветеранами. Но если назначением этого молодого аристократа мы можем ублажить целую нацию и привлечь на нашу сторону двадцать миллионов союзников, правильно ли это, что вы и другие господа офицеры вламываетесь в амбицию из-за того, что мы оказали ему эту честь? Ничего нет проще, как насмеяться над ним (хотя, поверьте мне, у маркиза есть немало достоинств, вами не замеченных), но, на мой взгляд, Гарри Уорингтон проявил бы куда больше великодушия, не говоря уже о вежливости, если бы оказал этому чужеземцу радушный прием, хотя бы ради той неисчислимой пользы, какую наша страна может извлечь из его пребывания здесь... Нет, не смеяться над его промахами, а помочь ему, передать этому новичку весь опыт старого боевого солдата — вот что сделал бы я на вашем месте... Вот чего я ждал от тебя, ибо это был бы благородный поступок, достойный настоящего мужчины, Гарри. Однако вы предпочли стать на сторону моих врагов и в трудный для меня час заявили, что намерены меня покинуть. Теперь вы знаете, чем я был уязвлен и чем объясняется моя холодность. Я думал, что могу рассчитывать на вашу дружбу... Ну вот... Вы сами можете сказать теперь, был ли я прав или ошибался. Я надеялся на вас, как на брата, а вы явились сюда и выразили намерение выйти в отставку. Будь по-вашему! Богу было угодно сделать меня военачальником в этом неравном поединке, и я доведу его до конца. А вы не первый, мистер Уорингтон, кто покидает меня на полпути".

Он говорил очень мягко, и лицо его выражало такую печаль, что меня охватило глубочайшее сострадание к нему, и я горько раскаялся в своих словах. Я залепетал что-то бессвязное о нашей былой дружбе и призывал небо в свидетели, что скажи он хоть слово, я никогда, ни при каких обстоятельствах не покинул бы его.

— Ты никогда не любил его, Джордж, — сказал брат, обращаясь ко мне, — а я люблю его больше всех людей на свете, и пусть я не так умен, как ты, но я знаю, сердце подсказывало мне правильно. В этом человеке есть величие, до которого всем остальным людям далеко.

— Я не спорю с тобой, братец, — сказал я. — Теперь не спорю.

— Величие, скажете тоже! — воскликнул его преподобие, хмуро уставившись на свой бокал с вином,

— Мы под руку возвратились в гостиную, к миссис Вашингтон, — продолжал Хел. — Она ласково взглянула на нас и поняла, что мы помирились.

"Ну, все в порядке, полковник Гарри? — прошептала она. — Я знаю, что он не раз поднимал вопрос о присвоении вам более высокого чина..."

"Да я бы никогда его не принял", — сказал я.

— Вот так и получилось, что следующей зимой я согласился искупать свои грехи при этом Лафайете, — сказал Гарри, продолжая повествование. — "Ладно, я отправлюсь с ним, — сказал я. — Дорога на Квебек мне хорошо известна, и в те дни, когда нам не надо будет воевать с сэром Гаем, я буду проверять, как его превосходительство генерал-майор готовит уроки". Сражений, как ты знаешь, там не было, никто из канадцев не изъявил желания встать в наши ряды, и мы возвратились в штаб-квартиру. Так из-за чего, как ты думаешь, больше всего расстраивался этот француз? Боялся, что нас поднимут на смех, поскольку его командование не принесло никаких результатов. И над ним действительно смеялись, и, можно сказать, почти что прямо в глаза, а что поделаешь? Если у нашего главнокомандующего был свой слабый пункт — так это маркиз. После нашей небольшой размолвки мы с ним снова стали добрыми друзьями — если позволительно так выразиться по отношению к августейшему лицу, ибо в моих глазах генерал то же, что монарх, и как-то вечером, засидевшись вдвоем за столом, разговорились о старых временах и о веселых денечках до и после похода Брэддока, когда мы вместе охотились и рыбачили, и о том, как вы с ним в юности едва не подрались на дуэли. Он рассмеялся и сказал, что в жизни не видал более свирепой физиономии, чем у тебя, когда ты твердо вознамерился его убить. "О, отдавая справедливость постоянству сэра Джорджа, должен заметить, что он, по моему, и по сей день испытывает ко мне неприязнь, — сказал генерал. — Ах, с открытым врагом я охотно готов встретиться лицом к лицу, — продолжал он. — Тайный враг — вот кто может внушать опасения и тревогу! И не далее, как сегодня, немало их сидело здесь с нами за столом, и я вынужден был обходиться с ними любезно и пожимать им руку, хотя мне доподлинно известно, что они стараются очернить меня и лишить моего поста. Вот вы недавно говорили, как это, мол, унижительно, что командовать вами поставлен мальчишка. Так во сколько же раз сильнее унижен я, когда мне приходится разыгрывать комедию радушия по

отношению к этим предателям, сносить пренебрежение со стороны Конгресса и видеть, как моих обидчиков награждают высокими чинами в моей же армии! Имей я право руководствоваться чувством личной обиды, разве остался бы я на посту главнокомандующего? Вам известно, так ли уж я кроток и смирен по натуре и можно ли предположить, что я, как частное лицо, стал бы терпеть все эти ежедневные обиды и унижения. Но во имя священной цели, которой мы все служим нам надлежит сносить не только опасности и лишения, но и несправедливость и клевету. Итак, будем уповать на господа, чтобы он дал нам силы выполнить наш долг!" И вслед за этим генерал показал мне бумаги по делу этого самого Конвея, которому Конгресс покровительствовал, невзирая на его интриги, и чье черное сердце перестало биться от честной пули Джона Кэдуоландера справедливейшей пули, когда-либо выпущенной из его пистолета.

— И тут, — сказал Хел, заканчивая свой рассказ, — я поглядел на генерала, который вел со мной эту беседу в тиши уснувшего лагеря, и подумал о том, как он одинок и какую страшную несет ответственность, — ведь в любую минуту его может ожидать схватка с неприятелем, нередко превосходящим его по силе, а в это время шпионы и предатели обедают с ним за одним столом. И тогда я сказал себе: "Да, это поистине человек, равного которому нет на всей земле, и сколь же недостойно придавать значение своим мелким обидам, в то время как он величаво и невозмутимо несет бремя своих великих забот!"

— Вот мы только что говорили о Вулфе, — сказал я. — Но этот человек воистину еще более велик, чем Вулф. Выстоять труднее, чем ринуться в бой. Не склонить головы под ударами враждебной судьбы; не отступать ни перед какими трудностями; не терять мужества, когда все его утратили; оставаться незапятнанным среди коварства других и не ждать себе награды, когда цель достигнута. Это ли не подлинное величие? Покажите мне еще одного англичанина, равного ему?!

— Удивляюсь, право, сэр Джордж, как это вы не перешли на сторону Вашингтона и не надели синего мундира, — проворчал преподобный Блейк.

— Так ведь мы же с вами оба решили, что красный цвет больше гармонирует с нашим цветом лица, Джо Блейк! — сказал сэр Джордж. — И, кроме того, моя жена считает, что двум таким великим людям, как Вашингтон и я, было бы тесно в одном лагере.

— Ну, уж во всяком случае, ты был бы лучшим заместителем главнокомандующего, чем этот ужасный, бешеный генерал Ли! — вскричала леди Уорингтон. — И я уверена, что мистеру Вашингтону

никогда бы не написать таких стихов и трагедий, какие пишешь ты! Как отозвался генерал о трагедиях Джорджа, Гарри?

Тут Гарри расхохотался, и мистер Майлз, конечно, не преминул присоединиться к дядюшке.

— Признаться, — сказал Гарри, — Хэган действительно читал одну из твоих трагедий у нас дома мистеру и миссис Вашингтон и еще кое-кому, но все они уснули крепким сном!

— Он никогда не любил моего мужа, что верно, то верно! — сказала Тео, горделиво вскинув головку. — Тем более великодушно со стороны сэра Джорджа так хорошо отзываться о нем.

И тут Хел рассказал нам следующее:

Когда все битвы остались позади, великое дело освобождения было завершено, и наша страна получила независимость, генерал вложил свой победоносный меч в ножны, и собрал своих товарищей по оружию, чтобы сказать им последнее прощание. После того как последний британский солдат покинул берега нашей республики, главнокомандующий объявил о своем намерении отправиться из Нью-Йорка в Аннаполис, где в это время заседал Конгресс, и там сложить с себя свои полномочия. В полдень 4 декабря у Уайтхоллского причала его ждала лодка, чтобы переправить через Гудзон. Все военачальники собрались на пристани в таверне, и там главнокомандующий присоединился к ним. Вашингтон редко давал волю своим чувствам, но тут даже он не смог сдержать волнения. Подняв бокал с вином, генерал сказал: "В этот час прощания сердце мое исполнено любви и признательности к вам, и я хочу пожелать, чтобы ваше будущее было столь же благополучным и счастливым, сколь безупречно и доблестно было ваше прошлое. — И он осушил бокал в их честь... — Я не могу обойти всех вас, чтобы попрощаться с каждым в отдельности, сказал он, — но буду очень благодарен вам, если каждый подойдет ко мне, чтобы я мог пожать ему руку".

Генерал Нокс, стоявший ближе всех к главнокомандующему, подошел первым, и главнокомандующий обнял его и прослезился. Следом за ним один за другим стали подходить и другие офицеры и молча прощаться с генералом. От таверны до причала была выстроена пехота, и генерал в сопровождении офицеров в полном молчании проследовал к реке. Он стоял в лодке, сняв шляпу, и махал ею на прощанье. И все его соратники стояли, обнажив голову, на берегу, пока лодка с главнокомандующим не скрылась из глаз.

Сгущались сумерки, голос Гарри звучал негромко и минутами слегка дрожал, а мы все сидели растроганные и молчаливые. Потом Этти встала,

подошла к отцу и поцеловала его.

— Вы рассказали нам обо всех, генерал Гарри, — сказала она и смахнула платком слезу, — о Марионе и Самптере, о Грине и Уэйне, о Родоне и Корнваллисе, но ни словом не обмолвились о полковнике Уорингтоне!

— Моя дорогая, он расскажет тебе свою историю наедине! — прошептала моя супруга, обняв сестру. — А ты запишешь его рассказ.

Но судьба судила иначе. Милая Тео, а за нею, должен признаться, и ее супруг, заразившийся ее фантазиями, не оставляли Гарри в покое: они уговаривали его, улещали и даже требовали от него, наконец, чтобы он предложил Этти руку и сердце. Он повиновался, но она ответила ему отказом. Она всегда, еще с той далекой, дорогой ее сердцу поры, когда они впервые встретились почти детьми, была искренне и глубоко привязана к нему, сказала Этти. Но она никогда не оставит отца. А когда господу будет угодно прибрать его к себе, она, бог даст, будет уже слишком стара, чтобы думать о замужестве. Она всегда будет любить Гарри как своего самого дорогого брата. А поскольку у Тео и Джорджа детская полна ребятишек — добавила она — мы должны из любви к ним делать для них сбережения. Ответ свой Этти сообщила Гарри в письме, уезжая погостить к кому-то из друзей, проживавших довольно далеко, и тем как бы давая ему понять, что ее решение бесповоротно. Именно так и воспринял его Хел. Но это не разбило ему сердце. Стрелы Купидона, позвольте вам заметить, дорогие дамы, вонзаются не слишком глубоко в толстую кожу джентльменов нашего возраста, хотя, конечно, в те годы, о которых я повествую, мой брат был еще довольно молодым человеком, лет пятидесяти с небольшим. Тетушка Этти превратилась теперь в степенную маленькую леди; с годами ее мелодичный голосок стая менее звонок, а ее волосы беспощадное Время припорошило серебром. Впрочем, бывают дни, когда она выглядит необычайно молодой и цветущей. Ах, друзья мои, ведь, кажется, еще так недавно эти каштановые локоны отливали золотом, а щечки были свежее роз! Но пронесся жестокий ураган неразделенной любви, и розы увяли, а сердце навеки замкнулось в своем одиночестве. Почему мы с Тео так счастливы, а тебе суждено быть столь одинокой? Почему мои трапезы всегда обильны и каждое кушанье приправлено любовью, а ее, одинокую, обездоленную, обнесли чашей на жизненном пиру? Я смиренно склоняю голову перед подателем невзгод и благ, нищеты и богатства, недугов и здоровья, и мне кажется порой, что я не смею даже возблагодарить его за это счастье, незаслуженно доставшееся мне в удел. Но вот долетают до меня из сада голоса детей, и я, оторвавшись от книги или приподняв голову

с подушки, если лежу на одре болезни, гляжу на их мать, и сердце мое невольно преисполняется благодарности к господу за все ниспосланные мне от него щедроты.

После того как я унаследовал поместье и титул, мы лишь изредка встречались с добрейшим кузеном Каслвудом. Я привык считать его неизменным приверженцем правящей клики и был немало удивлен, услышав о его внезапном переходе на сторону оппозиции. Он был глубоко уязвлен, не получив якобы обещанной ему придворной должности, и это послужило одной из причин его разрыва с министерством. Поговаривали, что Первое в королевстве Лицо решительно не пожелало иметь в числе своих придворных вельможу, заслужившего столь худую славу, чей пример (так Высочайшее Лицо изволило выразиться) мог оказать пагубное влияние на любой почтенный дом. Во время наших путешествий по Европе до меня долетали слухи о Каслвудах, и мне стало известно, что милорд снова предался своей роковой страсти к карточной игре. После того как его расстроенное состояние было усилиями его благоразумной супруги и тестя восстановлено, он с новым усердием принялся проматывать его в ломбер и ландскнехт. Рассказывали, что, будучи уличен в шулерстве, он однажды был даже избит жертвами его бесчестного искусства. Молодость и красота его супруги быстро увяли. Нам суждено было встретиться еще раз — в Экс-ла-Шапель, — где моя жена навестила леди Каеявуд, уступив ее настойчивым просьбам, и выслушала глубоко тронувшие ее чувствительное сердце жалобы графини на пренебрежительное и жестокое обхождение с ней ее незадачливого супруга.

Мы готовы были усмотреть в этих жалобах объяснение и даже оправдание неблагоприятного поведения самой графини. Вокруг, этой супружеской четы увивался в то время один известный авантюрист, игрок и spadassin {Бретер (франц.)}, именовавший себя шевалье де Барри и приходившийся якобы родственником любовнице французского короля, на поверку же, как потом выяснилось, оказавшийся ирландцем весьма низкого происхождения. Он зарекомендовал себя отчаянным лжецом, был нечист на руку, не слишком щепетилен в своих галантных похождениях, а наряду с этим прославился свирепой отвагой, которая, однако, если верить слухам, порой изменяла ему в критические минуты. Вступив впоследствии в брак, он сделал глубоко несчастной одну богатую даму старинного английского рода. Но и небескорыстный союз маленькой американки с лордом Каслвудом тоже вряд ли можно было считать счастливым.

Наш юный мистер Майлз, помнится мне, проникся детской завистью ко второму сыну лорда Каслвуда, узнав, что тот, будучи несколькими

месяцами моложе его, уже получил чин прапорщика ирландских войск, причем любящие родители регулярно клали себе в карман его офицерское жалованье. Этой чести для своего младшего сына милорд, по-видимому, добился еще тогда, когда пользовался расположением министра. Тогда же был переправлен в Нью-Йорк и мистер Уильям Эсмонд. В бытность мою в Америке я прочел в одной из английских газет, что капитан Чарльз Эсмонд подал в отставку, не желая выступать с оружием в руках против соотечественников своей матери, графини Каслвуд.

— Это, без сомнения, дело рук старого лиса Ван ден Босха, — сказала моя матушка. — Он хочет сохранить свою виргинскую собственность, на чьей бы стороне ни оказат лась победа!

Отдавая должное этому почтенному старцу, надобно заметить, что после подписания Декларации независимости он еще некоторое время оставался в Англии, и хотя ни в коей мере не отрицал своего сочувствия американцам в их борьбе, высказывался на этот счет весьма умеренно и давал понять, что он стар и вышел из того возраста, когда можно воевать или строить козни. Правительство, казалось, разделяло эту точку зрения, так как никто старика не тревожил. А затем, совершенно внезапно, был выдан ордер на его арест, и тут оставалось только изумляться тому, с каким проворством он снялся с места и удрал во Францию, откуда вскоре отплыл в Виргинию.

В среде роялистов в нашей колонии старик Ван ден Босх пользовался прескверной репутацией и, к немалому своему возмущению, получил прозвище "Джек Маляр" — так прозвали одного преступника, отправленного в Англию на виселицу за то, что он поджег военно-морские склады в наших портах. Старик Ван ден Босх утверждал, что понес огромные убытки в результате преследований со стороны английского правительства. В Виргинии он стал широко известен своими громогласными патриотическими разглагольствованиями и яростным религиозным фанатизмом, но снискал себе столь же мало популярности среди вигов, как и среди тех, кто оставался верен короне. Его приводило в изумление, что такой заядлой роялистке, как госпожа Эсмонд из Каслвуда, дозволяется разгуливать на свободе, и он всячески старался восстановить против нее губернатора, членов новой ассамблеи и правительственных чиновников. Как-то раз в Ричмонде старик крепко побранился с миссис Фанни: она назвала его старым мошенником и изменником и заявила, что матери полковника Генри Уорингтона, закадычного друга его превосходительства главнокомандующего, не пристало подвергаться оскорблениям со стороны какого-то жулика и работягу. А в году, как

мне помнится, 1780-м случилось несчастье — в Уильямсберге сгорела старая ратуша, где хранилась нотариально заверенная дарственная на виргинское поместье, выданная лордом Фрэнсисом Каслвудом моему деду Генри Эсмонду, эсквайру.

— О! — сказала Фанни, — не иначе, как это работа Джека Маляра.

Мистер Ван ден Босх хотел было притянуть ее к суду за клевету, но тут миссис Фанни как раз слегла и вскорости отдала богу душу.

А Ван ден Босх заключал с новым правительством контракты на поставки и, как говорится, не оставался внакладе; он поставлял лошадей, мясо, фураж все самого скверного качества. Но когда в Виргинию прибыл с королевскими войсками Арнольд и принялся жечь все подряд — склады провианта и табака, принадлежавшие Ван ден Босху, он по какой-то причине пощадил; после этого кто-то из вигов, — кто именно, осталось неизвестным, — отомстил старому мошеннику. Его склады и два судна, стоявшие на якоре на реке Джеймс, были преданы огню, так же как и большое количество скота, сгоревшего живьем в загонах под собственное оглушительное мычание. Сам же старик, находившийся в это время в обществе Арнольда, получил послание, ставившее его в известность, что его друзья платят ему той же монетой, какой он платил другим, и подписанное: "Джеку Маляру с наилучшими пожеланиями от Тома Стекольщика". И хотя старик едва не рехнулся от нанесенного ему урона, это не пробудило ни в ком сочувствия.

В свите Арнольда прибыл и адъютант его превосходительства достопочтенный капитан Уильям Эсмонд, один из нью-йоркских роялистов. Когда Хоу занял Филадельфию, Уилл, как говорят, открыл на паях с одним драгуном игорный дом и как будто неплохо на этом заработал. Каким образом он потерял то, что приобрел, мне неизвестно. Едва ли он располагал большими деньгами, когда согласился принять должность адъютанта Арнольда.

Как только королевские офицеры снова появились в нашей провинции, госпожа Эсмонд почла уместным открыть свой дом в Каслвуде, разослать приглашения и устроить прием для мистера Арнольда и его свиты.

— Не подобает мне, — сказала она, — отказывать в гостеприимстве тому, кто удостоился милости короля. — И она широко распахнула перед Арнольдом двери своего дома, и все то время, пока он оставался в нашей провинции, оказывала ему большое уважение, хотя и в сдержанной форме. Но когда генерал отбыл вместе со своим драгоценным адъютантом, какие-то негодяи из его свиты задержались в доме, где они были столь радушно приняты, обидели почтенную хозяйку в ее собственной гостиной, а вместе

с нею и ее слуг, и спьяну так разбушевались, что потехи ради подожгли старую усадьбу. По счастью, наш дом в Ричмонде уцелел, хотя мистер Арнольд, уходя, сжег почти весь город. Туда вместе со своей челядью и проследовала неустрашимая старуха, ни на йоту не поколебавшись в своей преданности королю, невзирая на учиненное над ней поношение.

— Эсмондам не привыкать к королевской неблагодарности, — сказала она.

И тут мистер Ван ден Босх от имени своего внука и милорда Каслвуда, проживающих в Лондоне, предъявил права на наше виргинское поместье. Он сказал, что при жизни госпожи Эсмонд милорд не намерен был настаивать на своих правах, хотя никогда не подлежало сомнению, что поместье было передано его отцом своему родственнику лишь в пожизненное владение, а позднее, из чистого великодушия, права отца были распространены на дочь. Теперь же милорд желал, чтобы его второй сын обосновался в Виргинии, ибо эта страна всегда неудержимо влекла к себе сердце молодого человека. Всеобщее возмущение стариком Ван ден Босхом было столь велико, что, останься он в Виргинии, и его неминуемо вымазали бы дегтем и вываляли в перьях. Он обратился в Конгресс, изобразил себя мучеником, жертвой борьбы за свободу, и просил возмещения убытков для себя и справедливости для внука.

Моя матушка долгое время жила в состоянии смертельной тревоги, не желая ни с кем поделиться только ей известной тайной. Все бумаги, подтверждавшие ее право собственности на поместье, сгорели! Погибло все: подлинник дарственной, — он сгорел в ее собственном доме, — и копия дарственной, — ее уничтожил пожар в ратуше. Что это было — несчастный случай? Злой умысел? Кто мог ответить на этот вопрос? В письмах ко мне госпожа Эсмонд не решалась об этом говорить. Но после сдачи Йорктауна она открылась Хелу, и он известил меня о случившемся в письме, переданном мне английским пленным офицером, отпущенным на родину под обязательство не участвовать в военных действиях. И тут мне припомнились неосторожные слова, слетевшие с моих губ в нью-йоркской кофейне в присутствии Уилла Эсмонда, и подлый его замысел стал мне в какой-то мере ясен.

Что сказать о самом мистере Уилле? В часовне Каслвудов в их Хэмпширском поместье есть мраморная надгробная плита, и на ней начертано: "*Dulce et decorum est pro patria mori*"; {Смерть за отечество отрадна и почетна (лат.).} и далее, что "плита сия установлена безутешным братом в память о достопочтенном Уильяме Эсмонде, эсквайре, скончавшемся в Северной Америке на службе его величества короля". Как

же это произошло? В конце 1781 года в филаделфийских частях армии Конгресса вспыхнул мятеж, и сэр Генри Клинтон подослал к мятежникам своих лазутчиков. Какая постигла их участь? Шпионы были взяты в плен и преданы суду, и мой брат (которого многие там знали и любили и за которым не раз ходили в бой), будучи послан для переговоров, узнал одного из шпионов как раз в ту минуту, когда над тем должна была свершиться казнь, и жалкий этот человек с ужасающим воплем бросился на колени перед полковником Уорингтоном и, припадая к его ногам, взмолился о пощаде, обещая покаяться во всем. В чем же хотел он покаяться? С тягостным чувством Гарри отвернулся. Мать и сестра Уилла не узнали жестокой правды. До конца своих дней они считали, что Уилл погиб в бою.

Что же касается самого милорда Каслвуда, чей благородный отпрыск служил при некоем прославленном принце и крепко обогатился карточной игрой со своим августейшим патроном, то я, узнав о поразительных посягательствах графа на нашу собственность, нанес ему визит и выразил свое по этому поводу возмущение. Я дал ему понять, что лично в этом деле не заинтересован, поскольку уже заявил о своем решении уступить нрава на поместье брату. Граф принял меня крайне любезно, улыбнулся, когда я упомянул о своей незаинтересованности, сказал, что не сомневается в моей искренней привязанности к брату, но заметил, что нельзя, казалось бы, отказать и ему в родственных чувствах к собственному сыну, не так ли? Ему же не раз приходилось слышать от отца, — и он готов поклясться в этом на Библии, — что после смерти моей матери поместье должно перейти к главе нашего рода. Когда я заговорил о том, что полковник Эсмонд сам отказался от титула, он только пожал плечами и заявил, что это чистейшая выдумка.

— *On ne fait pas de ces folies la* {Таких безумств никто не совершает (франц.)}, — сказал он, предлагая мне понюшку табака. — Ваш дедушка был человек неглупый. Моя прелестная бабушка была влюблена в него без памяти, и мой отец, добрейшая душа, уступил им на время виргинское поместье, чтобы убрать их подальше с глаз! *C'etoit un scandale, mon cher, un joli petit scandale!* {Это же был скандал, друг мой, да, хорошенький был скандальчик! (франц.)}

Счастье, что моя матушка не могла его слышать! Я готов был наговорить ему резкостей, но тут он с величайшим добродушием воскликнул:

— Друг мой, уж не собираетесь ли вы скрестить со мной шпагу в защиту доброго имени нашей бабки? *Allons donc!* Впрочем, я не хочу вас

обижать. Если угодно, я готов пойти на сделку. — И милорд назвал сумму, во много раз превосходящую стоимость всего поместья.

Пораженный хладнокровием этого господина, я отправился в кофейню, где условился пообедать с одним своим старым другом, к которому был глубоко расположен. Я чувствовал свою вину перед ним из-за того, что не мог предоставить, ему приход в Уорингтон-Уэйвни, но это было решительно невозможно, — он и сам это понимал. Его рассеянный образ жизни мог бы послужить не слишком назидательным примером для нашей деревни. К тому же человек, привыкший к городской жизни, умер бы у нас со скуки. У него же, по его словам, была надежда вполне сносно устроиться в Лондоне {* Он стал вторым священником в часовне леди Уиттлси в Мэйфэре и вступил в брак с Элизабет, вдовой Германа Фолькера, эсквайра, известного пивовара.}. Надо ли говорить, что этот человек был не кто иной, как стариннейший наш друг Сэмпсон; во время моих наездов в Лондон он ни разу не упустил случая пообедать со мной, и теперь я рассказал ему о своем разговоре с его прежним покровителем.

Лучшего наперсника я не мог бы сыскать.

— Силы небесные! — воскликнул Сэмпсон. — Бесстыдство этого мошенника превосходит всякое вероятие! Могу поклясться, что в бытность мою секретарем и приближенным лицом в Каслвуде мне не раз доводилось видеть копию дарственной на имя вашего деда, подписанную покойным лордом: "В знак любви моей к родственнику моему Генри Эсмонду, эсквайру, супругу моей дорогой матери леди Рэйчел, вдовствующей виконтессы Каслвуд, я..." — ну, и так далее. Я знаю, где этот документ хранится. Завтра возьмем самых резвых лошадок и поскачем туда. Там есть один человек, — его имя, я думаю, не интересуется вас, сэр Джордж, — у которого ко мне давняя привязанность. Бумага может лежать там и по сей день, и, о бог мой, как же я буду счастлив, если смогу хоть чем-то выразить свою благодарность вам и вашему прославленному брату!

Глаза его наполнились слезами. Передо мной был преобразившийся человек. Я уже привык к тому, что после какого-то по счету стакана портвейна Сэмпсон неизменно начинал сокрушаться по поводу своей прежней жизни и намекать на перемену, которая произошла в нем после ужасной смерти его друга доктора Додда.

Как ни спешили мы в Каслвуд, но все же едва не опоздали. Я стоял в саду у фонтана, прислушиваясь к сладкой музыке его струй, о которой упоминает в своих мемуарах мой дед, и перед моими глазами оживали образы моих почтенных предков: я видел Беатрису в расцвете ее красоты; милорда Фрэнсиса в алом кафтане, верхом на сером жеребце, скликающего

своих собак, и юного пажа, завоевавшего когда-то сердце наследницы замка, а с ним и замок... И тут появился Сэмпсон: он бежал ко мне с большой папкой в руках; в папке лежали черновики писем, копии договоров и разного рода записки — одни были сделаны секретарем лорда Фрэнсиса, в других я узнавал изящный почерк его супруги, моей бабки, или подпись ныне здравствующего милорда. А вот и копия дарственной, посланной моему деду в Виргинию, — это она, никаких сомнений быть не могло.

— Victoria, Victoria! {Победа, победа! (лат.).} — кричал Сэмпсон, трясая мою руку и обнимая всех подряд. — Вот тебе гиней, Бетти. Мы отпразднуем эту находку сегодня за чашей пунша в "Трех Замках".

Тут послышался стук копыт, и во двор въехали две кареты — в одной сидел сам милорд с кем-то из своих друзей, в другой — сопровождавшие его слуги. При виде меня обычная бледность милорда стала только чуть-чуть более заметной.

— Чему я обязан честью вашего визита, сэр Джордж Уорингтон, и что, позвольте спросить, привело сюда вас, мистер Сэмпсон? — произнес милорд. Мне кажется, он забыл о существовании этой папки, а может быть, даже никогда ее и не видел, а выражая свою готовность поклясться на Библии в том, что он якобы слышал от своего отца, просто-напросто готов был стать клятвопреступником.

Я пожал руку его спутнику — дворянину, с которым имел честь служить в одном полку в Америке.

— Я приехал сюда, — сказал я, — чтобы получить подтверждение некоего факта, относительно которого вы, милорд, изволили вчера впасть в заблуждение, и подтверждение это мне удалось обнаружить в доме вашей милости. Вам угодно было клятвенно утверждать, что между вашим отцом и его матерью не существовало никакого соглашения в отношении той собственности, которой я ныне владею. Мистер же Сэмпсон очень хорошо помнит, что в бытность свою секретарем вашей милости он собственными глазами видел копию дарственной на эту собственность, и вот он — этот документ.

— Не хотите ли вы сказать, сэр Джордж Уорингтон, что позволили себе тайно от меня рыться в моих бумагах? — вскричал милорд.

— У меня были основания сомневаться в истинности ваших слов, хотя вы, милорд, и готовы были подтвердить их клятвой на Библии, — сказал я с поклоном.

— Но это же грабеж среди бела дня, сэр! Дайте сюда бумаги! — возопил милорд.

— Грабеж? Не слишком ли это сильно сказано, милорд? Может быть, мне следует посвятить лорда Родона во все подробности нашего дела?

— Что такое? Видимо, речь идет о вашем праве на титул маркиза? Соппи, соппи {Знаю, знаю (франц.)}, дорогой мой сэр Джордж! Мы все в Нью-Йорке называли вас маркизом. Не помню уж, кто из виргинцев привез нам в Виргинии эту новость.

Я впервые в жизни услышал это смехотворное прозвище и не нашел нужным обращать на него внимания.

— Милорд Каслвуд, — сказал я, — не только позволил себе усомниться в моих правах, но не далее, как вчера, заявил о своих притязаниях на мое поместье и готов был поклясться на Библии, что...

Нечто похожее на глубокий вздох прервало мою речь, и Каслвуд сказал:

— Боже милостивый! Вы хотите сказать, сэр Джордж, что такой документ в самом деле существует? Да. Я вижу теперь... это действительно почерк моего отца! В таком случае дело ясно. Клянусь... гм... Слово джентльмена, я никогда не подозревал о существовании такого документа и, видимо, превратно понял слова отца. Из этой бумаги явствует, что вам принадлежит бесспорное право на эту собственность... Что ж, раз оно не мое, рад тому, что оно ваше! — И он с любезнейшей улыбкой протянул мне руку.

— А мне-то вы ведь тоже должны быть благодарны, милорд, — это же я дал вам возможность установить истину, — с хитрой ухмылкой произнес Сэмпсон.

— Благодарен вам? Нет, отнюдь нет, будь вы прокляты! — сказал милорд. Я человек прямой и вовсе не скрываю от моего кузена, что предпочел бы владеть этой собственностью сам. Сэр Джордж, оставайтесь, отобедайте с нами. Сегодня большая компания приедет к нам поохотиться, и мы все хотим, чтобы вы присоединились к нам!

— Я сейчас прежде всего пойду сниму копию с этого документа, — сказал я, засовывая папку под кафтан и застегиваясь на все пуговицы. — А затем верну его вашей милости. Поскольку подлинник дарственной, хранившейся в Виргинии, сгорел, моя матушка будет избавлена от излишнего беспокойства, когда этот документ будет помещен на хранение в надежное место!

— Как! Дарственная сгорела? Когда же, черт побери? — спросил милорд.

— Честь имею кланяться, милорд. Идемте, Сэмпсон, приглашаю вас пообедать со мной в "Трех Замках". — С этими словами я повернулся на

каблуках, отвесил поклон лорду Родону, и с этого дня ноги моей больше не было в доме моих предков.

Доведется ли мне еще когда-нибудь свидеться с матушкой? Она осталась жить в Ричмонде, старый дом в поместье так и не был восстановлен после пожара. Когда Хел наведался в Англию, мы послали с ним госпоже Эсмонд портреты обоих ее сыновей, написанные нашим непревзойденным сэром Джошуа Рейнольдсом. Он писал нас, как мне помнится, в год перед кончиной доктора Джонсона. И как-то раз доктор заглянул в мастерскую, увидел портрет Хела в мундире континентальных войск (эта форма была у нас в диковинку в те дни) и спросил — кто это такой? Когда же ему объяснили, что это знаменитый американский генерал — генерал Уорингтон, брат сэра Джорджа Уорингтона, доктор воскликнул:

— Кто? Какой генерал? Вздор! Отроду не слыхивал о такой армии! — И, повернувшись к портрету спиной, он покинул мастерскую. Моя милость изображена на портрете в красном мундире, и копии обоих этих творений висят у нас дома. Однако и капитан Майлз, и наши девочки утверждают, что наибольшее сходство уловлено в карандашном наброске, сделанном моим талантливым соседом, мистером Банбери, который нарисовал меня и леди Уорингтон, шествующих в сопровождении мистера Гамбо, и сделал под этим рисунком надпись: "Сэр Джордж, миледи и их властелин".

А вот и он — мой властелин. Он уже разгреб угли во всех каминах в доме, проверил все запоры, разослал всю мужскую и женскую прислугу по местам и теперь одну за другой гасит у меня свечи, приговаривая:

— Спать, спать, сэр Джордж! Пора, уже полночь!

— А ведь и в самом деле! Подумать только! — И я закрываю тетрадь и отправляюсь на покой, посылая свое благословение всем, кто здесь, со мною рядом, уже отошел ко сну.

Комментарии

Распалась связь времен. Почто же я скрепить ее рожден! — Шекспир. Гамлет, 1, 5.

...поскольку я проявил неуважение к седьмой заповеди, мне ничего не стоит нарушить и шестую. — Седьмая заповедь — "не прелюбодействуй", шестая "не убий".

...происходят из страны, давшей жизнь Маллигану... — То есть из Ирландии, где распространена эта фамилия.

Ариадна — в древнегреческой мифологии возлюбленная Тезея, которая помогла ему выбраться из лабиринта. Тезей увез ее с собой, но во время плавания покинул на острове Наксос.

Дидона. — См. т. 10, коммент. к стр. 135.

Баярд Пьер (1473-1524) — полулегендарный французский воин, названный "рыцарем без страха и упрека". Имя его стало нарицательным для обозначения благородного и храброго воина.

Бэртон Роберт (1577-1640) — английский писатель-моралист, автор "Анатомии меланхолии" (1621), писавший под псевдонимом Демокрит Младший.

Старый Шевалье — прозвище жившего во Франции Джеймса Эдуарда Стюарта.

Король de facto — Георг II.

Он был председателем военного трибунала, судившего несчастного Бинга... — См. т. 10, коммент. к стр. 284.

Питт Уильям Старший, граф Чатем (1708-1778) — английский государственный деятель, лидер вигов, с 1756 г. руководил иностранным и военным ведомствами, представлял интересы крепнувшей английской буржуазии. Красноречивый оратор, не чуждый, однако, аффектации и актерства, Питт выступал как выразитель общественного мнения, подчеркивая свою независимость от короля и аристократии; получил от современников прозвище "Великий Коммонер" (коммонер — член английской палаты общин).

Коридон и Филлида — традиционные имена пастуха и пастушки в пасторальной поэзии.

...читальни и музея сэра Ганса Слоуна, недавно открытых в Монтегью-Хаус. — Ганс Слоун (1660-1753) — английский врач и естествоиспытатель; собранная им богатая коллекция образцов флоры и

фауны, а также книг и рукописей была завещана государству и легла в основу экспозиции Британского музея. Монтегью-Хаус. — См. т. 10, коммент. к стр. 365.

Джон Хоум (1722-1808) — шотландский священник и драматург. В 1757 г. на сцене театра "Ковент-Гарден" появилась его романтическая трагедия "Дуглас", написанная на сюжет шотландской баллады. Она была восторженно принята лондонской публикой, и автора действительно сравнивали с Шекспиром, хотя восторга эти объяснялись скорее бедностью английского репертуара и тем, что пьеса соответствовала тогдашним представлениям об идеальной трагедии. Последующие произведения Хоума успеха уже не имели, и он остался в истории главным образом как автор "Дугласа".

...шотландцем-вигом... взятым в плен при Фалкирке? — См. т. 10, коммент. к стр. 13.

Позорно бросив щит. — Строка из оды Горация (II, 7, 10), в которой он упоминает, как бежал с поля сражения под Филиппами в 42 г., когда сторонники Римской республики были разбиты армией Антония и Октавиана.

...если бы молодой Перкин не повернул вспять от Дерби... — Генерал имеет в виду Чарльза Эдуарда Стюарта, которого он называет именем другого претендента на английский престол — самозванца Перкина Уорбека (1474-1499), выдававшего себя за сына короля Эдуарда IV. Уорбек потерпел поражение, был схвачен и повешен.

...я ношу черную, а не белую кокарду! — Белую кокарду носили якобиты, приверженцы Стюартов, черную — сторонники правящей Ганноверской династии.

Барри Спренджер (1719-1777)-талантливый английский актер, игравший вместе с Гарриком в шекспировских пьесах.

Конгрив Уильям (1670-1729) — английский драматург, мастер комедийного жанра.

Отвей Томас (1652-1685) и Роу Николас (1674 -1718) — английские драматурги, авторы героических трагедий в духе классицизма.

Она все равно возвратится! — Окончание цитаты из Горация: "Вилой природу гони — она все равно возвратится" ("Послания", 1, 10).

Причард. — См. т. 10, коммент. к стр. 401.

Велвидера — героиня трагедии Отвея "Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор" (1681). Мониция — центральный персонаж другой его трагедии "Сирота, или Несчастное замужество" (1680). Джейн Шор — героиня одноименной трагедии Николаса Роу (1714).

...ту отраду, которую Генрих у Шекспира, обещал своим солдатам... Шекспир. Генрих V (IV, 3).

Хенли, Пратт, Меррей — видные английские юристы того времени.

...потерпев поражение от французов в сражении при Хастенбеке, подписал знаменитую капитуляцию... — Речь идет об одном из сражений Семилетней войны 1756-1763 гг., которую вели Англия и Пруссия против Франции и ее союзников. Сражение произошло близ прусской деревни Хастенбек в июне 1757 г. После капитуляции, надписанной герцогом Камберлендским, французы заняли Ганновер родовое владение царствовавшей тогда в Англии династии.

...щажу девственниц! — Намек на один из эпизодов аллегорической поэмы Эдмунда Спенсера (ок. 1552-1599) "Королева фей" (1,3).

Брань и героя (пою) — слова, которыми начинается "Энеида" Вергилия.

...описывать сражения, чем, как известно, уже занят другой сочинитель. — Английский философ и историк Томас Карлейль (1795-1881) в период написания романа работал над многотомным трудом "Жизнь Фридриха Великого", вышедшим в свет в 1858-1865 гг.

Пороховой заговор — неудавшееся покушение на короля Иакова I и членов парламента, подготовленное католиками в 1605 г.: заговорщики заложили большое количество пороха в подвалы парламента, рассчитывая взорвать его во время произнесения королем тронной речи.

...во время той чудовищной Лейтенской резни... — В декабре 1757 г. у польской деревни Лейтен Фридрих II нанес сокрушительное поражение австрийской армии.

...что случилось с ним, когда, окруженный женщинами, он вынужден был влачить праздную, бездеятельную жизнь? А как появился на свет Пирр? Согласно древнегреческой легенде, мать Ахилла, желая спасти сына от предсказанной ему гибели в Троянской войне, отправила его, переодев в женское платье, на остров Скирос, где он рос вместе с дочерьми царя Ликомеда; Пирр — сын Ахилла, родившийся у одной из этих дочерей.

...пращи и стрелы яростной судьбы? — Шекспир. Гамлет, III, 1.

Зачем и я не создана героем? — Тассо. Освобожденный Иерусалим, VI, 83.

...утратив... таланты, губы, зрение, память... влачить какое-то существование? — Парафраза цитаты из комедии Шекспира "Как вам это понравится" (II, 7).

Мельпомена — муза трагедии.

Меррей... мог бы стать Овидием, но предпочел стать лордом —

главным судьей... — Меррей Уильям, граф Мэнсфилд (1705-1793) — английский государственный деятель, с 1757 г. лорд — главный судья. Обучаясь в Вестминстерской школе и в Оксфорде, проявил большие способности к классическим языкам, переводил Цицерона; в 1727 г. был победителем конкурса на лучшее стихотворение на латинском языке, посвященное кончине Георга I.

Чосер Джеффри (1340?-1400) — английский поэт, родоначальник английской литературы, автор "Кентерберийских рассказов".

Хейл Мэтью (1609-1676) и Кок Эдуард (1552-1634) — английские юристы, труды которых способствовали упорядочению английского законодательства.

...Пантеон Тука... — Теккерей имеет в виду книгу Эндрю Тука "Пантеон", содержащую изложение греческих и римских мифов и служившую в Англии XVIII века учебником мифологии.

Стенли Артур Пенрин (1815-1881) — английский богослов и историк. Гладстон Уильям (1809-1898) — английский государственный деятель, автор работ по классической филологии. Литтон — Бульвер-Литтон, Эдуард Джордж (1803-1873) — писатель, автор романа "Последние дни Помпеи" (1832).

Геликон — гора в Средней Греции, в мифологии — обитель муз. Талия муза комедии.

Бобадило — персонаж сатирической комедии Бена Джонсона "У всякого своя причуда" (1598), старый вояка, тщеславный и трусливый.

Аристарх — нарицательное наименование критика — по имени Аристарха Самофракийского (III-II вв. до н. э.), древнегреческого филолога и комментатора Гомера.

Джонсон Сэмюел (1709-1784) — английский поэт, эссеист, драматург и критик, автор фундаментального толкового словаря, способствовавшего закреплению литературных норм английского языка. Авторитет Джонсона как литературного арбитра был настолько велик, что его суждения часто определяли общественное мнение; английские критики иногда называют ту эпоху "Англией Джонсона".

Фрундсберг Георг (1473-1528) — германский генерал, прославившийся в войнах Священной Римской империи и прозванный "Отцом немецкого ландскнехтства".

...Памятником но все времена... — Слова из первой строки оды Горация "К Мельпомене" (III, 30).

Шевалье де Сен-Жорж Жозеф Булонь (1745-1799) — один из кумиров французского высшего общества конца XVIII в., внебрачный сын

королевского советника и негритянки; получил светское воспитание и прославился разнообразными талантами: был одним из лучших фехтовальщиков Франции, великолепно играл на скрипке, сочинял музыку; отличился в войне с Пруссией.

...вспомнил бедного мистера Холуэлла и его товарищей в Калькуттской Черной Яме. — Так была названа военная тюрьма в форте Уильям, в которую бенгальский набоб, захвативший город, заключил в июне 1756 г. сто сорок шесть англичан. В первую же ночь сто двадцать три из них умерли в тесном помещении этой тюрьмы от удушья. Холуэлл Джон (1711-1798) — губернатор Вен-галии, один из тех, кому удалось выжить после пребывания в этой тюрьме. В 1758 г. издал книгу "Истинный рассказ о страдальческой кончине английских джентльменов и других заключенных, задохнувшихся в Черной Яме".

"Семь поборников". — Полное название — "Семь поборников христианства" жизнеописание святых, покровителей Англии, Шотландии, Уэльса, Ирландии, Франции, Испании и Италии, написанное Ричардом Джонсоном (опубл. в 1597 г.).

Темпл-Бар украсился бы хорошенькой головкой... — В Лондоне на старинных каменных воротах Темпл-Бар, воздвигнутых в 1672 г. на границе Вестминстера и Сити и увенчанных железными пиками, выставлялись головы казненных. Снесены в 1787 г.

Послание это было франкировано милордом Каслвудом... — В то время почтовые расходы, оплачивал не отправитель корреспонденции, а ее получатель, но члены парламента пользовались правом бесплатной пересылки писем, поэтому надпись члена парламента на конверте освобождала адресата от уплаты.

Лорреквер. — Так Теккерей называет своего друга, популярного английского писателя Чарльза Левра, автора написанного от первого лица романа "Гарри Лорреквер" (1837). Теккерей написал на него пародию под названием "Гарри Ролкер" (см. "Романы прославленных сочинителей", т. 2 наст. Собр. соч.).

Нарушит богини тайны святые. — Слегка измененная цитата из оды Горация (III, 2).

...своего великого предка... — Имеется в виду Джон Черчилль, герцог Мальборо (1650-1722), английский государственный деятель и полководец, одержавший ряд блестящих побед в войнах с Францией. Известен также своей полнейшей беспринципностью и корыстолюбием.

Бриарей — в древнегреческой мифологии сторукий великан.

Пришедший к власти премьер-министр... — Томас Ньюкасл,

находившийся на этом посту с 1757 по 1762 г.

Зеленый Джек — мальчик, увешанный зелеными ветками, в традиционном майском шествии маленьких трубочистов.

Покахонтас, капитан Смит. — См. т. 10, коммент. к стр. 39.

Вспомните о тех, кто был принят в одиннадцатый час... — В одной из евангельских притч о Царствии Небесном (Евангелие от Матфея, XX) рассказано, как работники, нанятые хозяином в конце дня, в одиннадцатом часу, получили за труды столько же, сколько и те, кто работал с утра.

...какая эмблема будет ему соответствовать: роза, или чертополох, или трилистник... — Роза — геральдическая эмблема Англии, чертополох Шотландии, прилистник — Ирландии.

Полифем — одноглазый великан из "Одиссеи" Гомера.

Сэр Кресуэлл-Кресуэлл (1794-1863) — английский юрист, учредивший специальный суд по делам разводов и завещаний.

"Долг человека" (1658) — трактат неизвестного автора о долге человека по отношению к богу и к людям, популярный в Англии в XVII-XIX вв.

...трое подручных сэра Джона Фильдинга... — Сводный брат писателя Генри Фильдинга сэр Джон Фильдинг (1722-1788) в течение двадцати шести лет был судьей Вестминстера и Миддл-секса (Лондонского графства) и одним из создателей уголовного розыска и регулярной лондонской полиции.

Бау-стрит — улица, на которой находился главный мировой суд Лондонского графства.

Питт Уильям Младший (1758-1806) — английский государственный деятель, сын Уильяма Питта Старшего, ставший премьер-министром в двадцать четыре года и занимавший этот пост в 1783-1801 и 1804-1806 гг.

Банбери Генри Уильям (1750-1811) — английский художник, автор юмористических рисунков и карикатур.

...известного животного из знаменитого произведения мистера Стерна... осла, с которым беседует герой романа Лоренса Стерна "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" (т. VII, гл. 32).

Ахерон — река в подземном царстве; здесь в смысле — ад, преисподняя.

К своей красоте оскорбленной презренье. — Вергилий. Энеида, I, 26.

...сестры Ганниг... — Мария (1733-1760) и Элизабет (1734-1780), в замужестве графиня Ковентри и герцогиня Гамильтон, и Чадли Элизабет, графиня Бристольская (1720-1788) — известные в то время великосветские красавицы.

...о блистательной победе... под Минденом... — победе над французами в одном из сражений Семилетней войны у прусского города Минден в 1759 г.

После великого сражения, в котором пал генерал... — 13 сентября 1759 г. англичане под командованием генерала Вулфа разгромили на Авраамовом плато под Квебеком армию французов и индейцев во главе с генералом Монкальмом; в бою погибли оба главнокомандующих. Эта победа укрепила позиции англичан и в 1763 г., по окончании Семилетней войны, Канада стала английским владением.

...фразу, вложенную кем-то в уста умирающего героя... — Узнав о победе своих войск, генерал Вулф якобы сказал: "Теперь я умираю счастливым".

Слэк и Броутон — известные в XVIII в. чемпионы кулачного боя, Броутон в 1742 г. открыл в Лондоне "театр бокса". Упоминаемое поражение от Слэка он потерпел в 1750 г.

Путь истинной любви. — Заголовок взят из комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь" (1,1);

...Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль,
Чтоб гладким был путь истинной любви.
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Карлтон-Хаус — С 1732 г. — резиденция принца Уэльского, наследника английского престола.

Ринальдо, благородный рыцарь, и волшебница Армида — персонажи поэмы Тассо "Освобожденный Иерусалим" (1581). Говоря о "садах Армиды", Теккерея обыгрывает английскую идиому: "сады Армиды" означают пышную, непомерную роскошь.

...как будут судить и вешать лорда Феррерса... — Совершивший убийство граф Феррерс был приговорен после долгого разбирательства к казни через повешение. Исполнение этого приговора, происходившее на Тайбержской площади 5 мая 1760 г., привлекло огромное количество лондонцев.

Стрефон и Хлоя — персонажи пасторального романа Филипа Сидни "Аркадия" (1581; опубл. в 1590 г.), олицетворение идиллической брачной пары.

...уносятся в почтовой карете в Гретна-Грин? — В этом пограничном шотландском селении можно было обвенчаться без выполнения формальностей, обязательных на территории Англии, то есть без тройного оглашения в церкви или получения специальной лицензии на брак.

Так я хочу, так велю. — Слова властной женщины, требующей от мужа казни провинившегося раба, из "Сатир" Ювенала (VI, 223).

...она умрет, как умерла дочь Иевфая. — В Ветхом Завете (Книга Судей, гл. XI) рассказывается, как Иевфай, один из израильских судей, поклялся перед богом в случае победы над аммонитянами принести в жертву то, что он увидит, вернувшись, у ворот своего дома; после победы Иевфая встретила его единственная дочь, и он был вынужден исполнить свою клятву.

...по шрусберийским башенным часам... — В исторической хронике Шекспира "Генрих IV" (часть I, V, 4) Фальстаф, уверяющий, что он сражался "добрый час", делает это уточнение о часах, чтобы его ложь выглядела более убедительной.

Павзаний (II в. до н. э.) — древнегреческий путешественник и географ, автор "Описания Эллады", содержащего ценные сведения о быте и искусстве Древней Греции, а также бытовавшие тогда легенды и мифы.

Пирам и Фисба — влюбленные из "Метаморфоз" Овидия (IV); родители запрещали им видеться, и они беседовали друг с другом через трещину в стене, разделявшую их дома.

...трагедии мистера Аддисона... — "Катон" (1713), считавшийся образцом английской классицистической трагедии.

...разницу между покойным монархом и ныне здравствующим... — То есть между Георгом II и Георгом III.

Атриды. — См. т. X коммент. к стр. 369.

...произносятся те сладчайшие слова Руфи, кои послужили утешением не одному нежному скорбящему сердцу. — Теккерей пересказывает далее слова героини библейской "Книги Руфь" (I, 16).

Шамон, Касталио, Полидор — персонажи трагедии Томаса Отвея "Сирота, или Несчастное замужество" (1680).

Мезон Уильям (1724-1797), Каупер Уильям (1731-1800), Грей Томас (1716-1771) — английские поэты.

"Прекрасная Дикарка", "Голова Сарацина" — названия лондонских таверн, у входа в которые висели соответствующие изображения.

...по словам одного остряка — персонажа забавного произведения мистера Шеридана "Критик"... — Приводится реплика драматурга Пуфа, которую тот произносит в сцене, изображающей репетицию пьесы (II, 2) в комедии Шеридана (1791).

Абель Драггер — персонаж комедии Бена Джонсона "Алхимик" (1610).

Ахат — в "Энеиде" Вергилия друг Энея, сопровождавший его в

странствиях.

Карактакус, или Карадок — король бриттов, возглавивший в 43 г. и. э. борьбу с римскими завоевателями; выведен в пьесах Бомона и Флетчера и Мезона. Согласно легенде, был захвачен в плен, но римляне, пораженные силой его духа и благородством, даровали ему свободу. Боадичея — королева бриттов, поднявшая в I в. восстание против римлян; по преданию, после подавления восстания лишила себя жизни. Героиня одноименной трагедии Бомона и Флетчера (1616).

Сам Регул не мог бы залезть в свою бочку... — Существует легенда, что римский консул Регул (III в. до н. э.), взятый в плен карфагенянами, был посажен в бочку, утыканную гвоздями.

Кембл Роджер (1721-1802) — актер, создатель и руководитель бродячей труппы; родоначальник прославившейся в Англии актерской династии.

Мистер Джордж Уорингтон из Верхнего Темпла... — Персонаж романа Теккерея "Пенденнис" (см. также т. 10, коммент. к стр. 7).

...в период короткого правления первого фаворита... — Речь идет о шотландце лорде Бьюте (1713-1792), ближайшем друге принца Георга, будущего короля Георга III. После его восшествия на престол Бют в течение пяти лет был самой влиятельной фигурой в новом правительстве, получившем название "Министерства королевских друзей".

"Комус" — драматическая поэма Джона Мильтона (1634).

...известен по книгам мистера Коллинза. — Артур Коллинз был автором справочников "Пэры Англии" (1709) и "Баронеты Англии" (1720).

Сантер Антуан-Жозеф (1752-1809) — участник Французской революции, по профессии пивовар; отличился при взятии Бастилии, впоследствии получил звание генерала и стал командующим Национальной гвардией. Руководил казнью Людовика XVI.

...семи мудрецов древности... — Так, по традиции, называют живших в VII и VI вв. до н. э. древнегреческих мыслителей, законодателей и военачальников, прославившихся кроме всего прочего своими изречениями. Это: Солон Афинский, Питтак из Митплены, Клеобул из Линда, Периандр Коринфский, Хилон из Спарты, Фалес Милетский и Биас из Приены.

Уильям и Сьюзен — моряк и его возлюбленная из популярной баллады Джона Гэя "Черноглазая Сьюзен".

Рандом — герой романа Смоллета "Приключения Родерика Рэидома" (1748). Томас Джонс и леди Белластон — персонажи романа Фильдинга "Приключения Тома Джонса, найденыша" (1749).

Но разве *Atra Cura* не сидит в седле за спиной у баронетов, так же как у *equites*? — Намек на строку из оды Горация (III, I, 87): "Черная забота сидит на коне позади всадника".

Патрик Генри (1736-1799) — один из руководителей освободительного движения в Америке. На Первом континентальном конгрессе американских колоний в 1774 г. был делегатом от Виргинии. После завоевания независимости в течение трех лет был губернатором этого штата.

Уилкс Джон (1727-1797) — член "Парламента и журналист, основатель оппозиционного еженедельника "Северный британец". В 1763 г. опубликовал в нем памфлет, высмеивающий тронную речь короля, за что был лишен депутатских полномочий и привлечен к суду. "Дело Уилкса", которого Маркс назвал "знаменитым демагогом", способствовало оформлению буржуазной оппозиции, выдвинувшей лозунг "Уилкс и свобода".

Бекфорд Уильям (1707-1770) -член лондонского городского самоуправления (олдермен), выступал в защиту Уилкса.

Медменхемское аббатство — остатки цистерланского монастыря на берегу Темзы, где после соответствующей перестройки обосновался созданный молодыми лондонскими аристократами клуб "Адский Огонь", члены которого собирались там для пирушек, веселья и проказ; девизом клуба было! "Делай, что хочешь" (девиз Телемского аббатства из романа Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль").

...римскому Претенденту... — Чарльзу Эдуарду Стюарту, который родился, провел большую часть жизни и умер в Риме.

...кто не слышал избитых шуточек по адресу "Фабия"... — Так в период Войны за независимость прозвали Джорджа Вашингтона; Фабий Кунктатор (Медлитель) был римским полководцем (III в. до н. в.), который в войне с Ганнибалом старался избегать решительных сражений, изматывая и истощая противника.

...как ее тезка, посещавшая в лунную ночь Эндимиона. — Древнеримская богиня Диана, согласно одному из мифов, в течение тридцати лет навещала спящего в пещере прекрасного юношу Эндимиона, которого Зевс за любовь к своей супруге Гере погрузил в вечный сон.

Янки Дудл Удалец — первая строка шуточной песенки, написанной, как предполагают, английским врачом Шанбером во время войны с французами и индейцами в Америке в 1755 г. Песня была очень популярна в континентальных войсках в период Войны за независимость.

...до знаменитого 4 июля и Декларации... — 4 июля 1776 г. Второй континентальный конгресс принял Декларацию независимости тринадцати

объединившихся штатов, которая провозгласила и оформила образование нового независимого государства — буржуазной республики США.

...революций вроде той, что бушует ныне в стране наших несчастных соседей-французов. — Речь идет о Великой французской революции 1789-1794 гг.

(Сменил) небо, но не душу. — Гораций. Послания, I, 11.

...супругу дофина Франции... — Марию-Антуанетту (1755-1793), жену Людовика XVI, в то время наследника французского престола; во время Французской революции была гильотинирована.

"Satls pugnae". — Название этой главы взято из "Скорбных элегий" Овидия (III, 5) и призвано было напомнить следующие строки:

Великодушному льву, достаточно тело повергнуть,
Как только враг распростерт, битве бывает конец.

(Перевод А. Фета)

Уилл Уимбл — простоватый и услужливый английский помещик из очерков Джозефа Аддисона в журнале "Зритель".

Но боги судили иначе. — Вергилий. Энеида, II, 428.

Путнем Израэль (1718-1790) — генерал континентальной армии, активный участник движения за независимость с самого его зарождения и ветеран войн с французами и индейцами.

...катастрофа при Саратогге. — 17 октября 1777 г. у города Саратогга, штат Нью-Йорк, американский генерал Гейтс добился полной капитуляции шеститысячного войска Бергойна; эта внушительная победа имела для Америки большое значение: в частности, она заставила Францию поторопиться с признанием США и заключить с ними торговый и политический союз.

...лежебока, возглавлявший британские войска... — Уильям Хоу, назначенный главнокомандующим английской армией в конце 1775 г. Действуя в описываемый период нерешительно и медлительно, он растянул армию на большое расстояние и в 1776-1777 гг. потерпел от Вашингтона два крупных поражения. Арнольд Бенедикт (1741-1801) — американский генерал, отличившийся при штурме Квебека и в бою при Саратогге; в 1779 г. стал платным агентом англичан и, будучи комендантом сильнейшей американской крепости Вест-Пойнт, согласился сдать ее противнику за двадцать тысяч фунтов, но был изобличен, бежал к англичанам и сражался на их стороне; в 1781 г. уехал в Англию, где кончил жизнь в позоре и нищете.

...Конвея... чье черное сердце перестало биться от честной пули Джона Кэдуолдера... — Бригадный генерал американской армии Джон

Кэдуоладер в июле 1778 г. вызвал на дуэль генерала Томаса Конвея за то, что тот всячески подрывал авторитет Вашингтона и с помощью интриг и прямого нажима добивался, чтобы Конгресс сместил Вашингтона с поста главнокомандующего. Дуэль не кончилась смертельным исходом, как утверждает Теккерей: Конвей был лишь тяжело ранен и после дуэли принес извинения Вашингтону.

Г. Шейнман